3 1761 06384281 9

Антологія современной поэзіи.

Америка, Англія, Франція, Бельгія, Германія, Италія, Скандинавія, Польша, Россія.

Чтец-декламаторъ.

Томъ IV-й.

Обложка и надписи работы М. П. Денисова.

LIBRARY
MAR 17 1939
UNIVERSITY OF TORONTO

Кіевъ.
Типографія „Петръ Барскій", Крещатикъ № 40.
1909.

* * *

Помѣщая въ предлагаемой Антологіи литературные портреты русскихъ и западно-европейскихъ писателей нашихъ дней и второй половины истекшаго столѣтія,— мы пытались отобразить въ мозаичной картинѣ ликъ современной поэзіи и выраженныя имъ черты красоты, какъ бы вселенской, общей всѣмъ созданіямъ искусства указаннаго періода.

Великое Обновленіе искусства, совершившееся наканунѣ XX вѣка, расковало и раскинуло много шире кольцо красоты, обручающее искусство съ жизнью. Искали пѣвучихъ, яркихъ словъ, учились сочетать ихъ, совершенствовали форму; мысль принимала пышныя и тончайшія облаченія.

Стремясь представить эволюцію русской художественной рѣчи и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможно полный сводъ эстетически воплощеннаго бытового и психологическаго матеріала, мы присоединили также авторовъ, быть можетъ, съ недостаточно ярко выраженной индивидуальностью, но тѣмъ не менѣе являющихся на нашъ взглядъ необходимой исчерпывающей деталью.

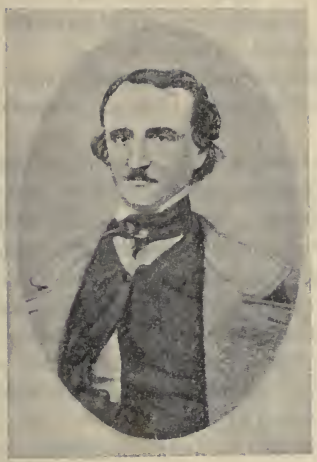
Кромѣ того, въ иностранномъ отдѣлѣ помѣщены поэты болѣе отдаленные хронологически, но, независимо отъ этого, близкіе, органически связанные съ современностью.

Редакція:

Ѳ. Самоненко.

В. Эльснеръ.

[illegible]



ЭДГАРЪ АЛЛАНЪ ПОЭ.

1809-1849.

Колизей.

О символъ древняго Рима!..

О пышное дарохранилище великихъ созерцаній, завѣщанныхъ Времени минувшими вѣками роскоши и силы!

Наконецъ, послѣ многодневнаго пути и томящей жажды — жажды приникнуть къ источнику Познанія, затаенному въ твоихъ нѣдрахъ,—я преклоняю колѣна среди твоихъ тѣней и пью даже изъ глубины моей души—твое величіе, твою печаль, твою славу!

Безпредѣльность и Годы и Невозвратное!

Молчаніе и Отчаяніе и ты, Глубокая Ночь!

Теперь я васъ понимаю, ощущаю во всей вашей мощи.

О Магія, болѣе могущественная, чѣмъ чары, которыми испытывалъ царь Іудейскій въ садахъ Геѳсиманіи!

Восторгъ болѣе побѣдный, чѣмъ тотъ, что знала проникновенная Халдея, слѣдившая теченіе звѣздъ!

Здѣсь, гдѣ палъ герой,—повержена колонна; гдѣ сіяли расшитые на веларіумѣ золотые орлы,—летучая мышь свершаетъ полунощный дозоръ; гдѣ трепетали по вѣтру сверкающіе золотой пудрой волосы римскихъ матронъ—нынѣ качаются репейникъ и тростники; гдѣ нѣкогда императоръ возсѣдалъ на пышномъ тронѣ,—молчаливая юркая ящерица въ блѣдномъ сіяніи восходящей луны скользитъ, словно призракъ, въ свое мраморное жилище.

Но неужели...—

Эти стѣны, одѣтыя плющемъ, эти поросшія мохомъ подножія, эти угрюмыя, почернѣвшія колонны, эти распадающіеся фризы, эти обломки, эти сѣрые камни...—

Это все,—что остается отъ славнаго и великаго?..

Только это пощадили Часы-разрушители?

Это все, что они оставили мнѣ и Вѣчности?..

„Нѣтъ,—отвѣтило эхо руинъ,—нѣтъ, не все!..

„Мудрымъ вовѣкъ будутъ звучать наши немолчные пророческіе голоса, какъ Солнцу гимны Мемнона.

„Наше обаяніе безгранично надъ великими душами.

„Наша власть царитъ нераздѣльно въ мощныхъ сердцахъ.

„Всѣ тайны, что мы сберегаемъ, все давнее, о чемъ мы свидѣтельствуемъ,—вѣнчаетъ насъ ореоломъ, большимъ, чѣмъ сама Слава!..“

ПЕРЕВ. В. Ю. ЭЛЬ—РЪ.

Молчаніе.

Горныя вершины дремлютъ, долины, скалы и пещеры молчатъ.
Алкменъ.

„Слушай м е н я,—сказалъ Дьяволъ, положивъ свою руку мнѣ на голову.—Страна, о которой я говорю, пустынная область въ Ливіи, на берегахъ рѣки Заиры. И тамъ нѣтъ покоя, нѣтъ молчанія.

„Воды рѣки зловѣщаго шафраннаго цвѣта и не текутъ въ море, но вѣчно трепещутъ подъ огненнымъ окомъ солнца въ безпокойномъ и судорожномъ движеніи. На много миль, по обѣимъ сторонамъ илистаго рѣчного ложа, раскинулась блѣдная пустыня гигантскихъ водяныхъ лилій. Онѣ вздыхаютъ въ этой пустынѣ, подобно призракамъ вытягиваютъ къ небу свои длинныя шеи и покачиваютъ неумирающими главами. Неясный шопотъ слышится среди нихъ, подобный ропоту подземныхъ водъ. И онѣ обмѣниваются вздохами.

Но есть и граница ихъ царству—дремучій, страшный, высокій лѣсъ. Тамъ, какъ волны вокругъ Гебридскихъ острововъ, вѣчно колышется низкій подлѣсокъ. Но тамъ нѣтъ вѣтра въ небесахъ. И все-таки громадныя первобытныя деревья вѣчно раскачиваются съ мощнымъ скрипомъ и шумомъ. Съ ихъ высокихъ вершинъ капля за каплей сочится вѣчная роса. И у корней ихъ переплетаются въ безпокойномъ снѣ странные ядовитые цвѣты. И въ высотѣ съ шумомъ и свистомъ несутся на западъ сѣрыя тучи, низвергаясь водопадомъ за огненную стѣну горизонта. Но тамъ нѣтъ вѣтра въ небесахъ. И на берегахъ рѣки Заиры нѣтъ покоя, нѣтъ молчанія.

„Была ночь и шелъ дождь и падая онъ оставался дождемъ, но, упавъ, становился кровью. И я стоялъ у трясины среди бѣлыхъ лилій, и дождь падалъ на мою голову—и лиліи обмѣнивались вздохами въ безотрадномъ величіи своего отчаянія.

„И вдругъ сквозь тонкій призрачный туманъ поднялась луна и цвѣтъ ея былъ багровый. И взоръ мой упалъ на высокій сѣрый утесъ, стоявшій на берегу рѣки и озаренный луннымъ свѣтомъ. И утесъ былъ сѣрый, и прозрачный, и огромный—и утесъ былъ сѣрый. На челѣ его были вырѣзаны буквы,—и я прошелъ по трясинѣ, достигъ берега рѣки, и остановился подъ скалою, чтобы прочесть надпись на камнѣ. Но я не могъ разобрать ее. И я хотѣлъ вернуться, но луна вспыхнула яркимъ багрянцемъ, и я обернулся, и снова взглянулъ на скалу и на надпись;—и надпись была о т ч а я н і е.

„И я взглянулъ вверхъ, и увидѣлъ человѣка на вершинѣ скалы, и спрятался среди водяныхъ лилій, чтобы слѣдить за нимъ. И человѣкъ былъ рослый и статный, и съ плечъ до пятъ закутанъ въ древнеримскую тогу. И линіи тѣла его были неясны, но черты лица его носили обликъ божества, потому что покровъ ночи, и тумана, и луны, и росы не могъ скрыть ихъ. Его высокое чело было освѣщено мыслью, глаза его полны тревоги; и въ немногихъ морщинахъ на его щекахъ прочелъ я повѣсть скорби, и усталости, и отвращенія къ человѣчеству, и жажды одиночества.

„И человѣкъ сидѣлъ на скалѣ, опустивъ голову на руку, и смотрѣлъ на картину Безотраднаго. Онъ взглянулъ внизъ на безпокойные кустарники, и вверхъ на громадныя первобытныя деревья, и еще выше на шумное небо и багровую луну. А я лежалъ подъ покровомъ лилій и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ дрожалъ въ одиночествѣ, но ночь убывала, а онъ все сидѣлъ на скалѣ.

„И человѣкъ отвратилъ свой взоръ отъ неба и взглянулъ на мрачную рѣку Заиру, и на ея желтыя зловѣщія воды, и на блѣдные легіоны водяныхъ лилій. И человѣкъ прислушивался ко вздохамъ водяныхъ лилій и къ ихъ тихому ропоту. А я лежалъ въ своемъ убѣжищѣ и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ дрожалъ въ одиночествѣ; и ночь убывала, а онъ все сидѣлъ на скалѣ.

„Тогда я ушелъ въ глубину болотъ, и прошелъ

среди чащи лилій, и созвалъ гиппопотамовъ, которые жили въ трясинахъ въ глубинѣ болотъ. И гиппопотамы услышали мой зовъ, и явились къ подножію скалы, и громко и страшно ревѣли при лунномъ свѣтѣ. А я лежалъ въ своемъ убѣжищѣ и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ дрожалъ въ одиночествѣ; и ночь убывала, а онъ все сидѣлъ на скалѣ.

„Тогда я проклялъ стихіи проклятіемъ смятенія; и страшная буря разразилась въ небесахъ, гдѣ раньше не было вѣтра. И небеса почернѣли отъ бѣшенства бури, и дождь хлесталъ человѣка, и воды рѣчныя вышли изъ береговъ, и рѣка запѣнилась, возмущенная бурей, и водяныя лиліи стонали на своемъ ложѣ, и лѣсъ трещалъ подъ напоромъ вѣтра, и гремѣлъ громъ, и сверкала молнія, и скала тряслась до самаго основанія. А я лежалъ въ своемъ убѣжищѣ и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ дрожалъ въ одиночествѣ; и ночь убывала, а онъ все сидѣлъ на скалѣ.

„Тогда я пришелъ въ бѣшенство и проклялъ рѣку, лиліи, и вѣтеръ, и лѣсъ, и небо, и громъ, и вздохи водяныхъ лилій,—проклялъ ихъ проклятіемъ м о л ч а н і я. И все погрузилось въ молчаніе. И луна перестала скользить по небу, и раскаты грома замерли, и молнія угасла, и облака повисли недвижимо, и воды, вернувшись въ свое ложе, остановились, и деревья не колыхались болѣе, и лиліи не вздыхали, не слышно было ихъ ропота, и ни тѣни звука не раздавалось въ широкой, безпредѣльной пустынѣ. И я прочелъ надпись на скалѣ, и она измѣнилась, и была эта надпись м о л ч а н і е.

„И взоры мои упали на лицо человѣка, и лицо его было блѣдно отъ ужаса. И онъ быстро поднялъ голову, и выпрямился на скалѣ, и прислушался. Но ни единаго звука не слышно было въ безпредѣльной пустынѣ, и надпись на скалѣ была м о л ч а н і е. И человѣкъ задрожалъ, и отвратилъ лицо свое, и убѣжалъ прочь такъ поспѣшно, что я никогда не видалъ его болѣе“.

Да, много прекрасныхъ сказокъ въ книгахъ, написанныхъ магами,—въ окованныхъ желѣзомъ печальныхъ книгахъ, написанныхъ магами. Въ нихъ, говорю я, есть чудныя исторіи о небѣ, и о землѣ, и о могучемъ морѣ, и о Геніяхъ, правящихъ моремъ, и землею и высокимъ небомъ. И много было мудрости въ изреченіяхъ сивиллъ; и святыя, святыя тайны слышала древность въ трепетѣ листьевъ вокругъ Додоны,—но, воистину, эту сказку, разсказанную мнѣ Дьяволомъ, когда онъ сидѣлъ со мною въ тѣни гробницы, я считаю чудеснѣйшей изъ всѣхъ. И кончивъ свою сказку, Дьяволъ откинулся въ углубленіе гробницы и засмѣялся. И я не могъ смѣяться вмѣстѣ съ Дьяволомъ, и онъ проклялъ меня за то, что я не могъ смѣяться. И рысь, которая всегда живетъ въ гробницѣ, вышла оттуда, и легла у ногъ Дьявола и смотрѣла ему въ очи.

ПЕРЕВ. М. А. Э-ТЪ.

Колокольчики и колокола.

I.

Слышишь, сани мчатся въ рядъ,
Мчатся въ рядъ!
Колокольчики звенятъ,
Серебристымъ легкимъ звономъ слухъ нашъ сладостно томятъ,
Этимъ пѣньемъ и гудѣньемъ о забвеньи говорятъ.
О, какъ звонко, звонко, звонко,
Точно звучный смѣхъ ребенка.
Въ ясномъ воздухѣ ночномъ
Говорятъ они о томъ,

Что за днями заблужденья
Наступаетъ возрожденье,
Что волшебно наслажденье—наслажденье нѣжнымъ
сномъ.
Сани мчатся, мчатся въ рядъ,
Колокольчики звенятъ,
Звѣзды слушаютъ, какъ сани, убѣгая, говорятъ,
И, внимая имъ, горятъ,
И мечтая и блистая, въ небѣ духами парятъ;
И измѣнчивымъ сіяньемъ,
Молчаливымъ обаяньемъ,
Вмѣстѣ съ звономъ, вмѣстѣ съ пѣньемъ, о забвеньи
говорятъ.

II.

Слышишь къ свадьбѣ зовъ святой,
Золотой!
Сколько нѣжнаго блаженства въ этой пѣснѣ молодой!
Сквозь спокойный воздухъ ночи
Словно смотрятъ чьи-то очи
И блестятъ,
Изъ волны пѣвучихъ звуковъ на луну они глядятъ,
Изъ призывныхъ дивныхъ келій,
Полны сказочныхъ веселій,
Наростая, упадая, брызги свѣтлыя летятъ,
Вновь потухнутъ, вновь блестятъ,
И роняютъ свѣтлый взглядъ
На грядущее, гдѣ дремлетъ безмятежность нѣжныхъ
сновъ,
Возвѣщаемыхъ согласьемъ золотыхъ колоколовъ!

III.

Слышишь воющій набатъ,
Точно стонетъ мѣдный адъ!
Эти звуки, въ дикой мукѣ, сказку ужасовъ твердятъ.
Точно молятъ имъ помочь,
Крикъ кидаютъ прямо въ ночь,
Прямо въ уши темной ночи.
Каждый звукъ,

То длиннѣе то короче,
Выкликаетъ свой испугъ,—
И испугъ ихъ такъ великъ,
Такъ безуменъ каждый крикъ,
Что разорванные звоны, неспособные звучать,
Могутъ только биться, виться, и кричать, кричать,
кричать!

Только плакать о пощадѣ,
И къ пылающей громадѣ
Вопли скорби обращать!
А межъ тѣмъ огонь безумный,
И глухой и многошумный,
Все горитъ,
То изъ оконъ, то по крышѣ,
Мчится выше, выше, выше,
И какъ будто говоритъ:
— Я хочу
Выше мчаться, разгораться, встрѣчу лунному лучу,
Иль умру, иль тотчасъ-тотчасъ вплоть до мѣсяца
взлечу!

О, набатъ, набатъ, набатъ,
Если бъ ты вернулъ назадъ
Этотъ ужасъ, это пламя, эту искру, этотъ взглядъ,
Этотъ первый взглядъ огня,
О которомъ ты вѣщаешь, съ плачемъ, съ воплемъ,
и звеня!

А теперь намъ нѣтъ спасенья,
Всюду пламя и кипѣнье,
Всюду страхъ и возмущенье!
Твой призывъ,
Дикихъ звуковъ несогласность
Возвѣщаетъ намъ опасность,—
То ростетъ бѣда глухая, то спадаетъ, какъ приливъ.
Слухъ нашъ чутко ловитъ волны въ перемѣнѣ звуковой,
Вновь спадаетъ, вновь рыдаетъ мѣдно-стонущій прибой!

IV.

Похоронный слышенъ звонъ,
Долгій звонъ!

Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни кончен сонъ.
Звукъ желѣзный возвѣщаетъ о печали похоронъ!
И невольно мы дрожимъ,
Отъ забавъ своихъ спѣшимъ,
И рыдаемъ, вспоминаемъ, что и мы глаза смежимъ.
Неизмѣнно-монотонный,
Этотъ возгласъ отдаленный.
Похоронный тяжкій звонъ,
Точно стонъ,
Скорбный, гнѣвный
И плачевный,
Выростаетъ въ долгій гулъ,
Возвѣщаетъ, что страдалецъ непробуднымъ сномъ уснулъ.
Въ колокольныхъ кельяхъ ржавыхъ,
Онъ для правыхъ и неправыхъ
Грозно вторитъ объ одномъ:
Что на сердцѣ будетъ камень, что глаза сомкнутся сномъ.
Факелъ траурный горитъ.
Съ колокольни кто-то крикнулъ, кто-то громко говоритъ,
Кто-то черный тамъ стоитъ,
И хохочетъ, и гремитъ,
И гудитъ, гудитъ, гудитъ,
Къ колокольнѣ припадаетъ,
Гулкій колоколъ качаетъ.
Гулкій колоколъ рыдаетъ,
Стонетъ въ воздухѣ нѣмомъ
И протяжно возвѣщаетъ о покоѣ гробовомъ.

ПЕРЕВ. К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Да! я очень, очень нервенъ, страшно нервенъ; но почему х о т и т е вы утверждать, что я сумасшедшій? Болѣзнь обострила мои чувства, отнюдь не ослабила ихъ, отнюдь не притупила. Прежде всего чувство слуха всегда отличалось у меня особенной остротой. Я слышалъ все, что дѣлалось на небѣ и на землѣ. Я слышалъ многое изъ того, что дѣлалось въ аду. Какой же я сумасшедшій? Слушайте! вы только слушайте и наблюдайте, какъ трезво и спокойно я могу все разсказать.

Невозможно опредѣлить, какимъ образомъ эта мысль первый разъ пришла мнѣ въ голову; но, разъ придя, она преслѣдовала меня и днемъ и ночью. Цѣли тутъ не было никакой. Страсти не было никакой. Я любилъ старика. Онъ никогда мнѣ не дѣлалъ зла. Онъ никогда меня не оскорблялъ. Денегъ его я не хотѣлъ. Я думаю, что во всемъ былъ виноватъ его глазъ! Да, именно такъ! Одинъ его глазъ былъ похожъ на глазъ ястреба—блѣдно-голубого цвѣта съ бѣльмомъ. Каждый разъ, когда онъ смотрѣлъ на меня этимъ глазомъ, кровь во мнѣ холодѣла, и вотъ мало-по-малу, постепенно, мной овладѣла мысль убить старика, и этимъ путемъ разъ навсегда освободиться отъ его глаза.

Такъ вотъ чемъ въ дѣло. Вы забрали себѣ въ голову, что я сумасшедшій. Сумасшедшіе не знаютъ ничего. Но вы бы только посмотрѣли н а м е н я. Вы бы только посмотрѣли, какъ умно я все устроилъ—съ какой осторожностью, съ какой предусмотрительностью, съ какимъ притворствомъ я принялся за дѣло! Никогда я не былъ болѣе предупредителенъ къ старику, нежели въ теченіе цѣлой недѣли передъ тѣмъ, какъ я его убилъ. И каждую ночь, около полночи, я повертывалъ защелку его двери и открывалъ ее—о, какъ тихо! И потомъ, когда отверстіе было достаточно широко, чтобы пропустить мою голову, я протягивалъ туда

потайной фонарь, совершенно закрытый, закрытый настолько, что ни луча оттуда не просвѣчивало, и тогда я просовывалъ въ дверь свою голову. Вотъ бы вы разсмѣялись, если бы увидѣли, съ какой ловкостью я ее просовывалъ! Я подвигалъ ее медленно, очень, очень медленно, чтобы не потревожить сонъ старика. Проходилъ цѣлый часъ, прежде чѣмъ я просовывалъ голову настолько, чтобы видѣть, какъ онъ лежитъ въ своей постели. А! Развѣ сумасшедшій могъ бы быть такъ благоразуменъ? И затѣмъ, когда голова моя была въ комнатѣ, я осторожно открывалъ фонарь—о, такъ осторожно—такъ осторожно (потому что пружина скрипѣла), я открывалъ его какъ разъ настолько, чтобы одинъ тонкій лучъ упалъ на ястребиный глазъ. И я дѣлалъ это цѣлыхъ семь долгихъ ночей, каждую ночь, ровно въ полночь, но глазъ всегда былъ закрытъ, и, такимъ образомъ, мнѣ было невозможно совершить дѣло, потому что не старикъ меня мучилъ, а его Дурной Глазъ. И каждое утро, когда наступалъ день, я спокойно входилъ въ его комнату и оживленно разговаривалъ съ нимъ, ласково называлъ его по имени, и спрашивалъ, какъ онъ провелъ ночь. Вы видите, старикъ долженъ былъ бы обладать очень большой проницательностью, чтобы подозрѣвать, что каждую ночь, ровно въ двѣнадцать часовъ, я смотрѣлъ на него, покуда онъ спалъ.

На восьмую ночь я опять пошелъ, и на этотъ разъ открывалъ дверь съ еще большей осторожностью, чѣмъ прежде. Минутная стрѣлка на часахъ двигается быстрѣе, чѣмъ двигалась тогда моя рука. Никогда до этой ночи не ч у в с т в о в а л ъ я размѣровъ моихъ силъ, моей предусмотрительности. Я едва могъ сдержать торжествующій восторгъ. Подумать только, я тутъ потихоньку открываю дверь, а ему даже и не снятся мои тайныя дѣла и мысли. Когда это пришло мнѣ въ голову, я засмѣялся чуть внятнымъ прерывистымъ смѣхомъ, и, быть можетъ, онъ услыхалъ меня, потому что онъ внезапно повернулся на постели, какъ бы вздрог-

нувъ. Вы, пожалуй, подумаете, что я удалился—нѣтъ. Въ его комнатѣ не видно было ни зги (ставни были плотно заперты, онъ боялся воровъ), и я зналъ, что онъ не могъ видѣть открытой двери, и я все ее открывалъ, такъ спокойно, такъ спокойно.

Я уже просунулъ голову въ комнату и готовился открыть фонарь, какъ вдругъ мой большой палецъ скользнулъ по жестяной задвижкѣ, и старикъ вскочилъ на постели, вскрикнувъ: „Кто тамъ?“

Я былъ неподвиженъ и не говорилъ ни слова. Въ продолженіе цѣлаго часа я не двинулся ни однимъ мускуломъ, и все время слышалъ, что онъ не ложился. Онъ все еще сидѣлъ на своей постели и слушалъ; совершенно такъ же, какъ ночь за ночью я слушалъ здѣсь тиканье стѣнного жука-точильщика.

Но вотъ я услыхалъ слабый стонъ, и я зналъ, что это былъ стонъ смертельнаго страха. То не былъ стонъ муки или печали—о, нѣтъ!—то былъ тихій, заглушенный звукъ, который исходитъ изъ глубины души, когда она подавлена ужасомъ. Я хорошо зналъ этотъ звукъ. Много ночей, ровно въ полночь, когда весь міръ спалъ, онъ вырывался изъ моей груди, усиливая своимъ чудовищнымъ откликомъ ужасы, терзавшіе меня. Я говорю, я зналъ его хорошо. Я зналъ, что́ чувствовалъ старикъ, и мнѣ было его жалко, хотя въ сердцѣ моемъ дрожалъ судорожный смѣхъ. Я зналъ, что онъ не спалъ съ того самаго мгновенія, когда легкій шумъ заставилъ его повернуться въ постели. Съ этого мгновенія страхъ все больше наползалъ на него. Онъ старался убѣдить себя, что опасенія напрасны, но не могъ. Онъ говорилъ себѣ: „Это ничего, это только вѣтеръ въ каминѣ, это только мышь пробѣжала по полу“, или: „Это только крикнулъ сверчокъ, онъ только разъ крикнулъ“. Да, онъ старался успокоить себя такими догадками; но видѣлъ, что все тщетно. Все тщетно, потому что Смерть, приближаясь къ нему, прошла передъ нимъ съ своею черной тѣнью, и окутала жертву. И это именно зловѣщее вліяніе незримой тѣни заставило его чув-

ствовать, хотя онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, чувствовать присутствіе моей головы въ комнатѣ.

Я выждалъ очень терпѣливо значительный промежутокъ времени, но слыша, что старикъ не ложится, я рѣшилъ открыть въ фонарѣ маленькую щелку—очень, очень маленькую. Я сталъ ее открывать —вы представить себѣ не можете, до какой степени безшумно, безшумно—и, наконецъ, отдѣльный блѣдный лучъ, похожій на вытянутую паутинку, выдѣлился изъ щеки и упалъ на ястребиный глазъ.

Онъ былъ открытъ, широко, широко открытъ, и я пришелъ въ ярость, увидѣвъ его. Я видѣлъ его совершенно явственно—это былъ тускло-голубой глазъ съ отвратительнымъ налетомъ, который заморозилъ кровь въ моихъ жилахъ, но я не видалъ ничего другого, ни чертъ его лица, ни его тѣла, потому что какъ бы по инстинкту я направилъ лучъ свѣта какъ разъ на проклятое пятно.

Ну, и что же, развѣ я вамъ не говорилъ, что то, что вы считаете сумасшествіемъ, есть лишь утонченность моихъ чувствъ? Я услышалъ тихій, глухой, быстрый звукъ, подобный тиканью карманныхъ часовъ, завернутыхъ въ вату. Этотъ звукъ я зналъ, отлично зналъ и его. Это билось сердце старика. Быстрый звукъ усилилъ мое бѣшенство, какъ звукъ барабаннаго боя усиливаетъ мужество солдата.

Но и тутъ я еще сдержался и продолжалъ стоять неподвижно. Я едва дышалъ. Фонарь застылъ въ моихъ рукахъ. Я пробовалъ, какъ упорно могу я устремлять лучъ свѣта на глазъ. А сердце все билось, эта дьявольская музыка все усиливалась. Съ каждымъ мигомъ звукъ дѣлался быстрѣе и быстрѣе, онъ дѣлался все громче и громче. Надо думать, что старикъ былъ испуганъ до послѣдней степени! Сердце билось все громче, говорю я, все громче съ каждымъ мигомъ!—Вы хорошо слѣдите за мной? Вѣдь я вамъ говорилъ, что я нервенъ, да, я нервенъ. И теперь, въ этотъ смертный часъ ночи, посреди мертвой тишины стариннаго дома, этотъ странный

шумъ исполнилъ меня непобѣдимымъ ужасомъ. Однако, еще нѣсколько минутъ я сдерживалъ себя и стоялъ спокойно. Но сердце билось все громче, все громче! Я думалъ, что оно разорвется. И тутъ новая забота охватила меня—этотъ звукъ могли услышать сосѣди! Часъ старика пришелъ! Съ громкимъ воплемъ я раскрылъ фонарь и бросился въ комнату... Онъ крикнулъ—крикнулъ только разъ. Въ одно мгновеніе я сошвырнулъ его на полъ и сдернулъ на него тяжелую постель. И тутъ я весело улыбнулся, видя, что дѣло идетъ такъ успѣшно. Но нѣсколько минутъ сердце продолжало биться, издавая заглушенный звукъ. Этотъ звукъ, однако, больше не мучилъ меня; его нельзя было услышать черезъ стѣны. Наконецъ онъ прекратился. Старикъ былъ мертвъ. Я сдвинулъ постель и осмотрѣлъ тѣло. Да, онъ былъ совершенно, совершенно мертвъ. Я приложилъ руку къ его сердцу и держалъ ее такимъ образомъ нѣсколько минутъ. Пульса не было. Онъ былъ совершенно мертвъ. Его глазъ не будетъ больше меня тревожить.

Если вы еще продолжаете думать, что я сумасшедшій, вы разубѣдитесь, когда я опишу вамъ всѣ мѣры предосторожности, которыя я предпринялъ, чтобы скрыть трупъ. Ночь уходила, и я работалъ быстро, но молчаливо.

Я вынулъ три доски изъ пола комнаты и положилъ трупъ между драницами. Потомъ я опять укрѣпилъ доски такъ хорошо, такъ аккуратно, что никакой человѣческій глазъ—даже и е г о—не могъ бы открыть здѣсь ничего подозрительнаго. Ничего не нужно было замывать—ни одного пятна—ни одной капли крови. Я былъ слишкомъ предусмотрителенъ для этого.

Когда я все кончилъ, было четыре часа—на дворѣ было еще темно, какъ въ полночь. Въ ту самую минуту, когда били часы, съ улицы раздался стукъ въ наружную дверь. Съ легкимъ сердцемъ я пошелъ отворить ее,—чего мнѣ было бояться т е п е р ь? Вошли три человѣка и съ большой учтивостью представились мнѣ, называя себя полицей-

скими чиновниками. Одинъ изъ сосѣдей слышалъ ночью крикъ; возникло подозрѣніе, не случилось ли какого злого дѣла; полиція была объ этомъ извѣщена, и вотъ они (полицейскіе чиновники) были отправлены произвести обыскъ.

Я улыбался—*чего* мнѣ бояться? Я попросилъ джентльмэновъ пожаловать въ комнаты. Закричалъ это я самъ, сказалъ я, закричалъ во снѣ. А старика, сообщилъ я, нѣтъ дома, онъ на время уѣхалъ изъ города. Я провелъ посѣтителей по всему дому. Я просилъ ихъ обыскать все—обыскать *хорошенько*. Я провелъ ихъ, наконецъ, въ *его* комнату. Я показалъ имъ всѣ его драгоцѣнности; они были цѣлы, и лежали въ своемъ обычномъ порядкѣ. Охваченный энтузіазмомъ своей увѣренности, я принесъ стулья въ эту комнату и пожелалъ, чтобы именно *здѣсь* они отдохнули отъ своихъ поисковъ, между тѣмъ какъ я самъ, въ дикой смѣлости полнаго торжества, поставилъ свой собственный стулъ какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, подъ которымъ покоилось тѣло жертвы.

Полицейскіе чиновники были удовлетворены. Мои *манеры* убѣдили ихъ. Я чувствовалъ себя необыкновенно хорошо. Они сидѣли, и между тѣмъ какъ я весело отвѣчалъ, болтали о томъ-о-семъ. Но прошло немного времени, и я почувствовалъ, что блѣднѣю, и искренно пожелалъ, чтобы они поскорѣе ушли. У меня заболѣла голова, и мнѣ показалось, что въ ушахъ моихъ раздался звонъ; но они все еще продолжали сидѣть, все продолжали болтать. Звонъ сталъ дѣлаться явственнѣе—онъ продолжался и дѣлался все болѣе явственнымъ: я началъ говорить съ усиленной развязностью, чтобы отдѣлаться отъ этого чувства, но звонъ продолжался съ неуклоннымъ упорствомъ—онъ возросталъ и, наконецъ, я понялъ, что шумъ былъ не въ моихъ ушахъ.

Не было сомнѣнія, что я *очень* поблѣднѣлъ; но я говорилъ все болѣе бѣгло, я все болѣе повышалъ голосъ. Звукъ возросталъ—что мнѣ было дѣлать? Это былъ *тихій, глухой, быстрый*

звукъ—очень похожій на тиканье карманныхъ часовъ, завернутыхъ въ вату. Я задыхался—но полицейскіе чиновники не слыхали его. Я продолжалъ говорить все быстрѣе —все болѣе порывисто; но шумъ упорно возросталъ. Я вскочилъ и сталъ разглагольствовать о разныхъ пустякахъ, громко и съ рѣзкими жестикуляціями; но шумъ упорно возросталъ. Почему они не хотѣли уходить? Тяжелыми, большими шагами я сталъ расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ бы возбужденный до бѣшенства наблюденіями этихъ людей—но шумъ упорно возросталъ. О, Боже! что́ мнѣ было дѣлать? Я кипятился—я приходилъ въ неистовство—я клялся! Я дергалъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, и царапалъ имъ по доскамъ, но шумъ поднимался надо всѣмъ и безпрерывно возросталъ. Онъ становился все громче—громче—громче! А они все сидѣли и болтали и улыбались. Неужели они не слыхали? Боже всемогущій! —нѣтъ, нѣтъ! Они слышали!—они подозрѣвали!—они знали!—они насмѣхались надъ моимъ ужасомъ!—я подумалъ это тогда, я такъ думаю и теперь. На что́ бы ни случилось, все лучше, чѣмъ эта агонія! Я все могъ вынести, только не эту насмѣшку! Я не могъ больше видѣть эти лицемѣрныя улыбки, чувствовалъ, что я долженъ закричать или умереть!—и вотъ—опять!—слышите!—громче! громче! громче! громче!

„Негодяи!“—закричалъ я:—„не притворяйтесь больше! Я сознаюсь въ убійствѣ!—сорвите эти доски!—вотъ здѣсь, здѣсь!—вы слышите, это бьется его проклятое сердце!“

ПЕРЕВ. К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Воронъ.

Какъ-то въ полночь, утомленный, я забылся, полусонный,
Надъ таинственнымъ значеньемъ фоліанта одного;
Я дремалъ, и все молчало... Что-то тихо прозвучало—
Что-то тихо застучало у порога моего.
Я подумалъ: „То стучится гость у входа моего—
Гость, и больше ничего“.

Помню все, какъ это было: мракъ—декабрь—ненастье выло—
Гасъ очагъ мой—такъ уныло падалъ отблескъ отъ него...
Не свѣтало... Что за муки! Не могла мнѣ глубь науки
Дать забвенье о разлукѣ съ дѣвой сердца моего,—
О Ленорѣ, взятой въ Небо прочь изъ дома моего,—
Не оставивъ ничего...

Шелестъ шелка, шумъ и шорохъ въ мягкихъ пурпуровыхъ шторахъ—
Чуткой, жуткой странной дрожью проникалъ меня всего;
И, смиряя страхъ минутный, я шепнулъ въ тревогѣ смутной:
„То стучится безпріютный гость у входа моего—
Поздній путникъ тамъ стучится у порога моего—
Гость, и больше ничего“.

Стихло сердце понемногу. Я направился къ порогу,
Восклицая: „Вы простите—я промедлилъ оттого,
Что дремалъ въ унылой скукѣ—и проснулся лишь при стукѣ,
При неясномъ, легкомъ звукѣ у порога моего". —
И широко распахнулъ я дверь жилища моего—
Мракъ и больше ничего.

Мракъ бездонный озирая, тамъ стоялъ я, замирая
Въ ощущеньяхъ, человѣку незнакомыхъ до того;
Но царила тьма сурово средь безмолвія ночного,
И единственное слово чуть прорѣзало его—
Зовъ: „Ленора..." — Только эхо повторило мнѣ его—
Эхо, больше ничего...

И, смущенный непонятно, я лишь шагъ ступилъ обратно—
Снова стукъ—уже слышнѣе, чѣмъ звучалъ онъ до того.
Я промолвилъ: „Что дрожу я? Вѣтеръ ставни рветъ, бушуя,—
Наконецъ-то разрѣшу я, въ чемъ здѣсь скрыто волшебство—
Это ставень, это буря: весь секретъ и волшебство—
Вихрь, и больше ничего".

Я толкнулъ окно, и рама подалась, и плавно, прямо
Вышелъ статный, древній Воронъ—старой сказки божество;
Безъ поклона, смѣло, гордо, онъ прошелъ легко и твердо,—
Воспарилъ, съ осанкой лорда, къ верху входа моего
И вверху, на бюстъ Паллады, у порога моего
Сѣлъ—и больше ничего.

Оглядѣвъ его пытливо, сквозь печаль мою тоскливо
Улыбнулся я,—такъ важенъ былъ и видъ его, и взоръ:
„Ты безъ рыцарскаго знака—смотришь рыцаремъ, однако,

Сынъ страны, гдѣ въ царствѣ Мрака Ночь раскинула шатеръ!
Какъ зовутъ тебя въ томъ царствѣ, гдѣ стоитъ Ея шатеръ?„
Каркнулъ Воронъ: „Nevermore“.

Изумился я сначала: слово ясно прозвучало,
Какъ ударъ,—но что за имя „Никогда“? И до сихъ поръ
Былъ ли смертный въ мірѣ цѣломъ, въ чьемъ жилищѣ опустѣломъ
Надъ дверьми, на бюстѣ бѣломъ, словно призракъ древнихъ поръ,
Сѣлъ бы важный, мрачный, хмурый, черный Воронъ древнихъ поръ
И назвался „Nevermore“?

Но, прокаркавъ это слово, вновь молчалъ ужъ онъ сурово,
Точно въ немъ излилъ всю душу, вновь замкнулъ ея затворъ.
Онъ сидѣлъ легко и статно—и шепнулъ я еле внятно:
„Завтра утромъ невозвратно улетитъ онъ на просторъ—
Какъ друзья,—какъ всѣ надежды, улетитъ онъ на просторъ..“
Каркнулъ Воронъ: „Nevermore“.

Содрогнулся я при этомъ, пораженъ такимъ отвѣтомъ,
И сказалъ ему: „Навѣрно господинъ твой съ давнихъ поръ
Безпощадно и жестоко былъ постигнутъ гнѣвомъ Рока
И отчаялся глубоко и, судьбѣ своей въ укоръ,
Затвердилъ, какъ пѣсню скорби, этотъ горестный укоръ—
Этотъ возгласъ „Nevermore“...

И, вперяя взоръ пытливый, я съ улыбкою тоскливой
Опустился тихо въ кресла, далъ мечтѣ своей просторъ

И на бархатныя складки я поникъ, ища разгадки,—
Что сказалъ онъ, мрачный, гадкій гордый Воронъ
древнихъ поръ,—
Что хотѣлъ сказать зловѣщій хмурый Воронъ
древнихъ поръ
Этимъ скорбнымъ „Nevermore...“

Я сидѣлъ, объятый думой, неподвижный и угрюмый,
И смотрѣлъ въ его горящій, пепелящій душу взоръ;
Мысль одна смѣнялась новой,—въ креслахъ замеръ я, суровый,
А на бархатъ ихъ лиловый лампа свѣтъ лила въ упоръ,—
Ахъ, на бархатъ ихъ лиловый, озаренный такъ въ упоръ,
Ей не сѣсть ужъ—nevermore!

Чу!... провѣяли незримо, словно крылья серафима—
Звонъ кадила—благовонья—шелестъ ногъ о мой коверъ:
„Это Небо за моленья шлетъ мнѣ чашу исцѣленья,
Благо мира и забвенья мнѣ даруя съ этихъ поръ!
Дай! я выпью, и Ленору позабуду съ этихъ поръ!“
Каркнулъ Воронъ: „Nevermore“.

„Адскій духъ иль тварь земная“, произнесъ я, замирая,—
„Ты—пророкъ. И разъ ужъ Дьяволъ или вихрей буйный споръ
Занесли тебя, крылатый, въ домъ мой, Ужасомъ объятый,
Въ этотъ домъ, куда проклятый Рокъ обрушилъ свой топоръ,—
Говори: пройдетъ ли рана, что нанесъ его топоръ?“.
Каркнулъ Воронъ: „Nevermore“.

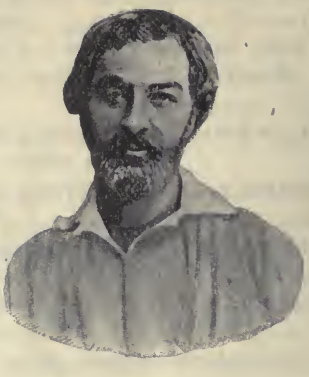
„Адскій духъ иль тварь земная“, повторилъ я, замирая,—
„Ты—пророкъ. Во имя Неба,—говори: превыше горъ,
Тамъ, гдѣ Рай нашъ легендарный—тамъ найду ль я, благодарный,

Душу дѣвы лучезарной, взятой Богомъ въ божій
хоръ,—
Душу той, кого Ленорой именуетъ божій хоръ?".
Каркнулъ Воронъ: „Nevermore",

„Если такъ, то вонъ, Нечистый! въ царство Ночи,
вновь умчись ты!"
Гнѣвно крикнулъ я, вставая: „Этотъ черный твой
уборъ
Для меня въ моей кручинѣ сталъ эмблемой лжи от-
нынѣ.—
Дай мнѣ снова быть въ пустынѣ! Прочь! верни ду-
шѣ просторъ!
Не терзай, не рви мнѣ сердца, прочь, умчися на
просторъ!".
Каркнулъ Воронъ: „Nevermore".

И сидитъ, сидитъ съ тѣхъ поръ онъ, неподвижный
черный Воронъ,
Надъ дверьми, на бѣломъ бюстѣ,—тамъ сидитъ онъ
до сихъ поръ,
Злыми взорами блистая;—вѣрно, т а к ъ глядитъ,
мечтая,
Демонъ;—тѣнь его густая грузно пала на коверъ—
И душѣ изъ этой тѣни, что ложится на коверъ,
Не подняться—nevermore!

ПЕРЕВ. ALTALENA.



УОТЪ УИТМАНЪ.

1819-1892.

Изъ пѣсни о самомъ себѣ.

Я Уитманъ, я космосъ, я сынъ Мангатана.
Я изъ мяса.
Похотливый, шумливый, я пью, насыщаюсь, рождаю.

О голоса глухіе, сквозь меня ваша буря несется!
Голоса рабовъ и колодниковъ!
Голоса изступленныхъ, и чумныхъ, и сводниковъ,
и воровъ, и уродцевъ,
Дураковъ, плоскодушныхъ, срединныхъ, калѣкъ,
И навозныхъ жуковъ,
И тумановъ, молчащихъ надъ далями рѣкъ.

Сквозь меня голоса запретные,
Голоса вожделѣній и похотей (съ нихъ я снимаю
покровъ)
И голоса разврата, мною свѣтлые, мною привѣтные.
Сочетаніе плотей

У меня въ такомъ же почетѣ,
Какъ смерть!
Вѣрую въ мясо, и его вожделѣнья:
Слушанье, зрѣнье, хотѣнье—вотъ чудеса, и чудо—
каждый отбросъ отъ меня!
Я божество и внутри, и снаружи,—все свято, къ
чему прикоснусь.
Ароматнѣй молитвы—запахъ ладони моей,
Моя голова превыше всѣхъ библій, и вѣръ, и церквей.

ПЕРЕВ. К. ЧУКОВСКІЙ.

Зачинатели.

Загорѣлою толпою
Подымайтесь, собирайтесь для потѣхи, для игры!
Въ барабаны застучите, наточите топоры!
Оставайся, кто захочетъ.
Мы должны нести пожары, насъ удары ждутъ въ
бою!
Все для насъ, отъ насъ и съ нами въ новомъ, ра-
достномъ краю!
Что за дѣло до дрожащихъ, до трусливо уходящихъ
И до всѣхъ старухъ шипящихъ, отзывающихъ назадъ!
Мы пируемъ, мы ликуемъ на развалинахъ горящихъ,
Милліоны изступленныхъ къ намъ на оргію спѣшатъ.
Все, что было, да не будетъ!
По невѣдомымъ тропинамъ,
По долинамъ, по равнинамъ, чрезъ пучины чуж-
дыхъ водъ,
Побѣждая и хватая, мы смѣясь идемъ впередъ.
Мы бросаемся по скаламъ,
Мы вздымаемъ новь степную, мы взрываемъ рудники,
Рѣки грудью побѣждаемъ, дровосѣки, моряки!

Миръ почившимъ и усталымъ!
Завтра милыя могилы мы цвѣтами уберемъ,
А сегодня по могиламъ съ ликованіемъ пойдемъ.

Дальше сжатыми рядами!
Къ бою, къ смерти, къ пораженью, только, только не назадъ,—
Если мертвыми падете—васъ живые замѣстятъ,
Оставайся, кто захочетъ...

ПЕРЕВ. К. ЧУКОВСКІЙ.

Орлы.

Иду надъ рѣкой по дорогѣ (это мой предобѣденный отдыхъ),
Вдругъ задавленный звукъ наверху.—
Любовная ласка орловъ,
Сліянье стремительныхъ тѣлъ въ высотѣ,
Сцѣпленные, сжатые когти,
Круженье, безумiе, бѣшенство, вихрь живого вверху колеса,
Бьющихъ четыре крыла, два клюва,
Вертящейся массы комокъ,
Кувырканье, бросанье, увертки, прямое паденiе внизъ,
Надъ рѣкою повисли, два—одно, въ оцѣпенѣньи истомы,
Въ воздухѣ томно недвижны,
И вотъ разстаются, и когти ослабли, и въ небо вздымаются вкось, на медленныхъ мощныхъ крылахъ,
Онъ своимъ, и она своимъ раздѣленнымъ путемъ.

ПЕРЕВ. К. ЧУКОВСКІЙ.

ПЕРСИ Б. ШЕЛЛИ.

1792-1822.

Озимандія.

СОНЕТЪ.

Я встрѣтилъ путника; онъ шелъ изъ странъ далеких
И мнѣ сказалъ:—вдали, гдѣ вѣчность сторожитъ
Пустыни тишину, среди песковъ глубокихъ
Обломокъ статуи распавшейся лежитъ.
Изъ полустертыхъ чертъ сквозитъ надменный пламень,
Желанье заставлять весь міръ себѣ служить;
Ваятель опытный вложилъ въ бездушный камень
Тѣ страсти, что могли столѣтья пережить.
И сохранилъ слова обломокъ изваянья:
„Я—Озимандія, я—мощный царь царей!

„Взгляните на мои великія дѣянья,
„Владыки всѣхъ временъ, всѣхъ странъ и всѣхъ морей!“
Кругомъ нѣтъ ничего... Глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса надъ ней...

ПЕРЕВ. К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Орфей.

А.

Отсюда близко. Вонъ съ того холма,
Что ввысь уходитъ острою вершиной,
Увѣнчанный какъ бы кольцомъ дубравы,
Увидите вы темную равнину,
Безплодную; по ней течетъ потокъ,
Лѣнивый, черный, узкій, но глубокій,
На немъ отъ вѣтра ряби не бываетъ,
И дальняя луна глядитъ напрасно:
На этой влагѣ зеркала ей нѣтъ.
Идите вдоль безтравнаго откоса,
Надъ этой необычною рѣкой.
И вы придете къ мрачному затону,
Откуда бьютъ незримые ключи
Той странной рѣчки; ихъ рожденье скрыла
Ночь безъ лучей, живущая подъ сводомъ
Скалы, чья тѣнь ложится на затонъ—
Источникъ тьмы, вовѣкъ неистощимый;
А на краю трепещетъ нѣжный свѣтъ;
Хотѣлъ бы онъ съ возлюбленной обняться,—
Но, какъ Сиринксъ отъ Пана убѣжала,
Такъ ночь бѣжитъ отъ дня, или съ враждой,
Угрюмо, тупо отвергаетъ ласку
Его объятій, порожденныхъ небомъ.
На сторонѣ одной того холма,

Среди его безформенныхъ зазубринъ,
Пещера; изъ нея, водоворотомъ,
Безплотный устремляется туманъ,
По блѣдности воздушнѣй паутины,
Дыханіемъ уничтожая жизнь;
На мигъ скала его налетомъ скрыта,
Потомъ, развѣянъ вѣтромъ, вдоль потока
Стремится онъ, иль, зацѣпившись, медлитъ
Въ расщелинахъ, дыханьемъ убивая
Червей заснувшихъ, если жизнь въ нихъ есть.
На той скалѣ, на выступѣ угрюмомъ,
Ростетъ, вздымаясь, группа кипарисовъ,—
Не тѣхъ, что восходящими стволами
И стройностью спиральною своей
Дробятъ лазурь родной долины вашей,
И вѣтеръ чуть играетъ въ ихъ вѣтвяхъ,
Торжественности ихъ не нарушая,—
Нѣтъ, здѣсь они одинъ къ другому льнутъ
Со страхомъ, поврежденные вѣтрами;
Въ тоскѣ ихъ вѣтви хилыя вздыхаютъ,
Дрожатъ, межъ тѣмъ, какъ вѣтеръ хлещетъ ихъ—
Толпа тѣней, избитыхъ непогодой!

Хоръ.

Что́ тамъ за дивный звукъ, скорбящій, слабый,
Но болѣе пѣвучій и воздушный,
Чѣмъ ропотъ вѣтра въ храмѣ сре́дь колоннъ?

А.

То голосъ лиры подъ рукой Орфея,
Влекомый прочь въ дыханьи вѣтерковъ,
Вздыхающихъ, что ихъ владыка грозный
Ихъ мчитъ отъ усладившихъ воздухъ нотъ;
Но, торопясь, они съ собой уносятъ
Смолкающій въ такомъ полетѣ звукъ,
И, какъ росу, они его роняютъ
На дрогнувшее чувство.

Хоръ.

Развѣ онъ
Еще поетъ? Казалось мнѣ какъ будто,
Что, вспышкѣ опрометчивой отдавшись,

Свою онъ арфу бросилъ прочь, когда
Утратилъ Эвридику?

А.

Нѣтъ, онъ только
Помедлилъ мигъ. Затравленный олень,
На мигъ остановившись надъ потокомъ,
На страшной крутизнѣ дрожитъ—но чу!
Жестокія собаки съ громкимъ лаемъ
Ужъ близко, стрѣлы ранятъ и блестятъ,—
И падаетъ онъ въ бѣшеныя волны...
Такъ, схваченъ ненасытною тоскою,
Въ ея когтяхъ терзаемый, Орфей,
Какъ пьяная Менада, поднялъ лиру,
Взмахнулъ ей въ свѣтломъ воздухѣ, и дико
Вскричалъ: „О, гдѣ жъ она? Кругомъ темно!“
И, по струнамъ ударивъ, онъ исторгнулъ
Протяжный ужасающій напѣвъ.
Увы! Давно, во времена былыя,
Когда съ нимъ рядомъ, полная вниманья,
Прекрасная сидѣла Эвридика,
При видѣ этихъ яркихъ глазъ, онъ пѣлъ
Воздушно-нѣжно о вещахъ небесныхъ;
Какъ въ родникѣ, средь малыхъ волнъ его,
Любая зыбь, въ весеннемъ дуновеньи,
Является по волѣ вѣтерка
Многостороннимъ зеркаломъ для солнца,
Межъ тѣмъ какъ средь зеленыхъ береговъ
Безъ устали течетъ онъ, и прозрачно
Журчитъ, журчитъ, теряя звукамъ счетъ.
Такъ пѣснь его текла, въ себѣ вмѣщая
Глубь радости и нѣжную любовь,
Рождавшую воздушность этихъ звуковъ,
Амврозію, ниспосланную съ неба.
Но это безвозвратно отошло.
Вернувшись изъ чудовищнаго Ада,
Онъ выбралъ одинокую скамью
Изъ каменной невыравненной глыбы,
Поросшей мхомъ, въ равнинѣ безъ травы,
И къ Небесамъ, изъ родниковъ глубокихъ,
Изъ тайника негаснущей его

Всегда возобновляющейся скорби,
Вознесся гнѣвно яростный напѣвъ.
Такъ раздѣляетъ двѣ скалы родныя
Своею силой мощный водопадъ,—
И падая стремитъ по сторонамъ
Воздушность пѣны, въ чьихъ обрывкахъ солнце...
Такъ я видалъ, свирѣпый южный вѣтеръ
Несется въ потемнѣвшихъ небесахъ
И мчитъ смятенье облаковъ крылатыхъ,
И, легкія, они не смѣютъ медлить,
Но все бѣгутъ, бѣгутъ, какъ повелѣлъ имъ
Капризный ихъ, безумный ихъ пастухъ,
Межъ тѣмъ какъ звѣзды, съ робостью мигая,
Глядятъ сквозь перья тѣхъ воздушныхъ крылъ.

. . . . . .

Теперь уже онъ больше не сидитъ
Въ пустынѣ, на утесистомъ престолѣ,
Что на равнинѣ высится безтравной.
Нѣтъ, зелень мощныхъ каменныхъ дубовъ,
И кипарисы, что почти недвижны,
И свѣтлыя, какъ цвѣтъ морской волны,
Оливы, чьи плоды намъ такъ пріятны,
И вязы, вдоль которыхъ извиваясь
Ростетъ переплетенный виноградъ,
Роняя гроздья закругленныхъ ягодъ,
И тернъ, въ своихъ кустахъ таящій племя
Младенческихъ, едва зардѣвшихъ, розъ,
И букъ, всегда желанный для влюбленныхъ,
И нѣжные стволы плакучихъ ивъ:
Всѣ крупныя и мелкія деревья,
То медленно, то быстро, какъ имъ можно,
Вокругъ него с т о л п я с ь, воздушно вѣютъ
Одеждами изъ ласковой листвы.
Сама Земля, отъ материнской груди,
Послала звѣздоликіе цвѣты
И ароматно дышащія травы,
Чтобъ ими разукрасить пышный храмъ,
Воздвигнутый его пѣвучей думой;
Свирѣпые къ нему сошлися львы,
Легли у ногъ его; сбѣжались серны,
И мнится, даже рой червей безглазыхъ

Внимаетъ пѣснѣ. Птицы замолчали,
И, сѣвши на деревьяхъ, съ нижнихъ вѣтокъ
Свои головки свѣсили къ нему;
И даже соловей ему внимаетъ
И, нѣжно зачарованный, молчитъ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Минувшіе дни.

Какъ тѣнь дорогая умершаго друга—
Минувшіе дни.
Цвѣты—невозвратно отцвѣтшаго луга,
Мечты—чьи навѣки угасли огни,
Любовь—съ беззавѣтною жаждой другъ друга—
Минувшіе дни.

Насъ нѣжно ласкали тогда сновидѣнья,
Въ минувшіе дни.
Была ли въ нихъ радость, иль было мученье,
Намъ были такъ сладко желанны они,
Мы ждали еще, о, еще упоенья,
Въ минувшіе дни.

Намъ грустно, намъ больно, когда вспоминаемъ
Минувшіе дни.
И какъ мы надъ трупомъ ребенка рыдаемъ,
И мукѣ сказать не умѣемъ: „Усни“,
Такъ въ скорбную мы красоту обращаемъ
Минувшіе дни.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Отрывокъ изъ „Мимозы."

Въ волшебномъ саду, чуждомъ горя и зла,
Богиня, какъ Ева въ Эдемѣ, была,
И такъ же цвѣты устремляли къ ней взоры,
Какъ смотрятъ на Бога всѣ звѣздные хоры.
Въ лицѣ ея дивномъ была разлита
Небесныхъ таинственныхъ думъ красота;
Сравниться не могъ съ ней изяществомъ стана
Цвѣтокъ, что раскрылся на днѣ океана.
Все утро, весь день и весь вечеръ она
Цвѣты оживляла, ясна и нѣжна;
А въ сумеркахъ падали къ ней метеоры,
Сплетая блестящія искры въ узоры.
Изъ смертныхъ не знала она никого,
Не знала, что значитъ грѣха торжество,
Но утромъ, подъ ласкою теплой разсвѣта,
Она трепетала, любовью согрѣта;
Какъ будто бы ласковый Духъ неземной
Слеталъ къ ней подъ кровомъ прохлады ночной,
И днемъ еще медлилъ, и къ ней наклонялся,
Хоть въ свѣтѣ дневномъ отъ нея онъ скрывался.
Она проходила,—къ ней льнула трава,
Къ которой она прикасалась едва;
И шла она тихо, и тихо дышала,
И страсть и восторгъ за собой оставляла.
Какъ шопотъ волны средь морскихъ тростниковъ,
Чуть слышенъ былъ звукъ ея легкихъ шаговъ,
И тѣнью волосъ она тотчасъ стирала
Тотъ слѣдъ, что, идя, за собой оставляла.
Въ волшебномъ саду преклонялись цвѣты
При видѣ такой неземной красоты,
И нѣжно слѣдили влюбленной толпою
За этой прелестной, воздушной стопою.
Она орошала ихъ свѣтлой водой,
Въ нихъ яркія искры блистали звѣздой,

И въ ихъ лепесткахъ—съ мимолетной красою
Прозрачныя капли сверкали росою.
Заботливо-нѣжной рукою своей
Она расправляла цвѣты межъ вѣтвей,
Ей не были бъ дѣти родныя милѣе,
Она не могла бы любить ихъ нѣжнѣе.
Всѣхъ вредныхъ, грызущихъ листки, червяковъ,
Всѣхъ хищныхъ, тревожащихъ зелень, жучковъ
Она своей быстрой рукою ловила
И въ лѣсъ далеко-далеко уносила;
Для нихъ она дикихъ цвѣтовъ нарвала,
Въ корзину насыпала, гдѣ ихъ несла:
Хоть вредъ они жизнью своей приносили,
Но жизнь они чисто, невинно любили.
А пчелъ, однодневокъ и всѣхъ мотыльковъ
Прильнувшихъ къ душистымъ устамъ лепестковъ,
Она оставляла, чтобъ нѣжно любили,
Чтобъ въ этомъ раю серафимами были.
И къ кедру душистому шла на зарѣ,
Тамъ куколки бабочекъ—въ темной корѣ,
Межъ трещинъ продольныхъ,—она оставляла:
Въ нихъ жизнь молодая тихонько дрожала.
Была ея матерью нѣжной—весна,
Все лѣто цвѣты оживляла она,
И прежде, чѣмъ хмурая осень пришла
Съ листовой золотою,—она умерла!

. . . . . .

Промчалось три дня,—всѣ цвѣты тосковали,
О чемъ, почему, они сами не знали;
Грустили, и блѣдность была въ нихъ видна,
Какъ въ звѣздахъ, когда загорится луна.
Подкралася осень, умчалося лѣто,
Туманы легли вмѣсто жгучаго свѣта,
Хоть солнце полудня сіяло порой,
Смѣясь надъ осенней погодой сырой.
И землю остывшую розы, въ печали,
Какъ хлопьями снѣга, цвѣтами устлали;
И мертвенныхъ лилій, и тусклыхъ бѣльцовъ
Виднѣлись толпы, точно рядъ мертвецовъ.

Индійскія травы съ живымъ ароматомъ
Блѣднѣли въ саду, разложеньемъ объятомъ,
И съ новымъ осеннимъ томительнымъ днемъ
Безмолвно роняли листокъ за листкомъ.
Багровые, темные, листья сухіе
Носились по вѣтру, какъ духи ночные;
И вѣтеръ ихъ свистъ межъ вѣтвей разносилъ,
И ужасъ на зябнущихъ птицъ наводилъ.

И плевеловъ зерна въ своей колыбели
Проснулись подъ вѣтромъ и вдаль полетѣли,
Смѣшались съ толпами осеннихъ листовъ,
И гнили въ объятіяхъ мертвыхъ цвѣтовъ.

Прибрежныя травы какъ будто рыдали,—
Какъ слезы, въ ручей лепестки упадали,
Обнявшись, смѣшавшись въ водѣ голубой,
Носились нестройной, унылой толпой.

Покрылися трупами листьевъ—аллеи,
И мертвыя свѣсились внизъ эпомеи,
И блескъ средь лазури, какъ призракъ, исчезъ,
И дождь пролился съ потемнѣвшихъ нѣбесъ.
Всю осень, пока не примчались мятели,
Уродливыхъ плевеловъ стебли жирѣли;
Усѣянъ былъ пятнами гнусный ихъ родъ,
Какъ жабы спина иль змѣиный животъ.

Крапива, ворсянка съ цикутой пахучей,
Волчцы, бѣлена и репейникъ колючій—
Тянулись, дышали, какъ будто сквозь сонъ,
Ихъ ядомъ былъ воздухъ кругомъ напоенъ,
И тутъ же вблизи разростались другія,
Какъ будто въ нарывахъ, какъ будто гнилыя,
Больныя растенья,—отъ имени ихъ
Бѣжитъ съ отвращеніемъ трепетный стихъ.

Стояли толпой мухоморы, поганки,
И ржавые грузди, опенки, листвянки;
Взростила ихъ плѣсень, въ туманные дни,
Какъ вѣстники смерти стояли они.
Ихъ тѣло кусокъ за кускомъ отпадало
И воздухъ дыханьемъ своимъ заражало,
И вскорѣ виднѣлись одни лишь стволы,
Сырые отъ влажной, удушливой мглы.

Отъ мертвыхъ цвѣтовъ, отъ осенней погоды
Въ ручьѣ, будто флеромъ, подернулись воды,
И шпажной травы разросталась семья,
Съ корнями узлистыми, точно змѣя.
Сильнѣй и сильнѣй поднимались туманы,
Бродили и ширились ихъ караваны,
Рождаясь съ зарей, возростали чумой,
И ночью весь міръ былъ окутанъ ихъ тьмой.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

* * *

Слишкомъ часто завѣтное слово людьми осквернялось,
Я его не хочу повторять,
Слишкомъ часто завѣтное чувство презрѣньемъ встрѣчалось,
Ты его не должна презирать.
И слова состраданья, что съ устъ твоихъ нѣжныхъ сорвались,
Никому я отдать не хочу,
И за счастье надеждъ, что съ отчаяньемъ горькимъ смѣшались,
Я всей жизнью своей заплачу.

Нѣтъ того въ моемъ сердцѣ, что̀ въ мірѣ любовью зовется,
Но молитвы отвергнешь ли ты?
Неудержно вкругъ солнца воздушное облачко вьется,
Упадаетъ роса на цвѣты,
Полночь ждетъ, чтобы снова зари загорѣлося око,
И отвергнешь ли ты, о, мой другъ,
Это чувство святое, что манитъ куда-то далеко,
Прочь отъ нашихъ томительныхъ мукъ?

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

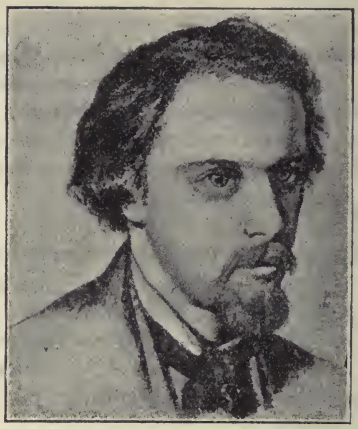
Смерть.

Смерть всюду, всегда, неизмѣнно. Неразлучна съ
ней жизнь золотая.
Смертью дышетъ небесная твердь,
И все, что живетъ, что трепещетъ, на зарѣ рас-
цвѣтая.
И въ насъ пріютился смерть.

Сперва умираютъ восторги, а потомъ опасенья, на-
дежды,—
И ужъ не на что больше смотрѣть;
И прахъ наклоняется къ праху, закрываются
вѣжды,—
И мы, мы должны умереть.

Все гибнетъ, надъ чѣмъ наше сердце беззавѣтной
любовью горѣло,
Разростается смертная тьма,—
И если бы то, что мы любимъ, умереть не хотѣло,
Любовь умерла бы сама.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.



ДАНТЕ-Г. РОССЕТИ.

1828-1882.

„При паденьи листовъ".

Знаешь ли ты, при паденьи листовъ,
Эту томительность долгой печали?
Скорби сплетаютъ, давно ужъ сплетали
Сердцу могильный покровъ.
Спятъ утѣшенія словъ
При паденьи осенніхъ листовъ.
Стынутъ главнѣйшія мысли напрасно,
Стынутъ главнѣйшія мысли ума.
Осень, и падаютъ листья, ненастно,—
Знаешь ты это? Все въ жизни напрасно,
На все налегла полутьма.
Знаешь ли ты ощущеніе жатвы,
При паденіи долгомъ осеннихъ листовъ?

Ощущенье скользящихъ серповъ?
Ты молчишь, какъ святыня забытая клятвы,
Ты молчишь, какъ скучающій снопъ межъ сноповъ,
При паденьи осеннихъ листовъ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Престолъ любви.

Есть много родственныхъ богинь, равно прекрасныхъ:—
Нѣмая истина, съ испугомъ на устахъ;
Надежда, что́ съ небесъ не сводитъ взоровъ ясныхъ
И слава, что́ съ вѣковъ забвенья гонитъ прахъ
И взмахомъ крылъ огонь подъ пепломъ раздуваетъ;
И юность, съ золотомъ кудрей, съ румянцемъ щекъ,
Чей нѣжный жаръ слѣды недавнихъ ласкъ скрываетъ;
И жизнь, что рветъ цвѣты, чтобъ смерти сплесть вѣнокъ.
Любовь не среди нихъ. Ея престолъ далеко
Отъ бурь измѣнчивыхъ земныхъ разлукъ и встрѣчъ.
Ея обители ничье не видитъ око.—
Хоть истина ее пытается предрѣчь,
Надежда видитъ въ снахъ, и слава охраняетъ,
Хоть юность ей сладка, и жизнь лишь ей плѣняетъ.

Н. М. МИНСКІЙ.

УОЛЬТЕРЪ ПАТЕРЪ.

1839-1894.

Дэнисъ Оксеррскій.

Изъ книги: „Imaginary Portraits".

(ОТРЫВОКЪ).

Около середины тринадцатаго вѣка соборъ Ст.-Этьеннъ былъ законченъ въ общихъ чертахъ; оставалось еще сооруженіе главной башни и вся та разнообразная работа по окончательной отдѣлкѣ храма, которая должна была бы завершиться въ трудѣ нѣсколькихъ поколѣній.

Въ то время, какъ искуснѣйшій изъ артели рѣзчиковъ работалъ тамъ однажды, напрасно стараясь исполнить то, что подсказывало ему внутреннее видѣніе, каменщики случайно отрыли прекрасно изваянный греческій, каменный саркофагъ, который вѣроятно послужилъ въ свое время для погребенія какого-то римлянина. Здѣсь, казалось, было достигнуто все и все завершено въ искусствѣ, въ созданіи законченной красоты и гармоніи, чего не могли какъ разъ добиться средневѣковые мастера, обладавшіе зато, въ свою очередь, такой глубиной художественнаго замысла, которой не знала древняя Грецiя. Внутри саркофага, среди смертнаго пепла, лежалъ блестяще-прозрачный предметъ—фляга изъ яснаго зеленаго стекла, похожая на большой изумрудъ. Это могло бы быть „чудеснымъ сосудомъ Грааля". Однако, этотъ предметъ принесъ съ собой не завѣтъ неисповѣдимый благочестія, но скорѣе мятежный земной жаръ стараго язычества. Запечатанный и

оттого, какъ думали нѣкоторые, еще сохранившій благовонный темноватый осадокъ такъ долго наполнявшаго его римскаго вина, онъ былъ спрятанъ пока, до ужина, которымъ предполагалось вскорѣ ознаменовать окончаніе каменныхъ работъ. Послѣ этого ужина, среди общихъ толковъ о великомъ Золотомъ вѣкѣ и высказанныхъ нѣкоторыми безразсудныхъ надеждъ, что онъ можетъ еще вернуться, прекрасное старое оксеррское вино было разлито изъ найденной драгоцѣнной фляги по маленькимъ стаканчикамъ. И съ тѣхъ поръ, имѣло или нѣтъ къ этому какое-либо отношеніе открытіе погребеннаго сосуда, но только своего рода Золотой вѣкъ какъ бы въ самомъ дѣлѣ воцарился тамъ, и торжественное освященіе соборнаго храма совпало съ цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ урожаевъ винограда. Сборъ тѣхъ годовъ остался надолго въ памяти. Изобильные запасы прекраснаго вина можно было найти даже въ хижинахъ самыхъ бѣдныхъ людей; и въ то же время открылась тогда новая красота и новая радость жизни, и всѣ соединенныя искусства пышно развѣтвились въ этомъ царствѣ покоя и сладостнаго труда, поощряемыя, какъ казалось, особеннымъ существомъ, которое появилось въ Оксеррѣ внезапно и—странно—чтобы стать средоточіемъ этого счастливаго времени.

Странный обычай издавна велся въ Оксеррѣ. Въ день Пасхи на самой серединѣ собора каноники торжественно играли въ мячъ. Послѣ вечерень, вмѣсто того чтобы провожать епископа въ его резиденцію, они стройными рядами слѣдовали въ средній нефъ, гдѣ народъ, въ ожиданіи зрѣлища, уже стоялъ двумя длинными шеренгами. Немного подобравъ полы своихъ одеждъ, они въ полномъ составѣ, молча, ждали своей очереди; между тѣмъ регентъ хора пѣвчихъ подбрасывалъ мячъ такъ высоко, какъ только могъ, подъ сводчатую кровлю главнаго корабля церкви, чтобы кто-нибудь, кто успѣвалъ изъ мальчиковъ, подхватилъ его на лету и въ свою очередь поддалъ его рукой или ногой,

и мячъ переходилъ въ руки взрослыхъ осанистыхъ пѣвчихъ, затѣмъ къ капелланамъ, отъ нихъ къ самимъ каноникамъ, которые, въ концѣ концовъ, и разыгрывали игру со всѣмъ декорумомъ религіозной церемоніи. И вотъ, какъ разъ, когда каноники такъ серьезно перебрасывались мячомъ, Дэнисъ—Дэнисъ Оксеррскій, какъ назвали его впослѣдствіи, выступилъ впервые. Ворвавшись въ ряды робкихъ дѣтей, онъ превратилъ церемонію въ настоящую игру. Мальчики стали играть какъ подобаетъ мальчикамъ, взрослые же точно потеряли разсудокъ, всѣхъ охватилъ припадокъ веселости, которая какъ зараза, распространилась сперва среди духовныхъ, а затѣмъ и среди зрителей. Престарѣлый настоятель храма, Протонотарій его Святѣйшества, подоткнувъ повыше пурпурныя полы своихъ одеждъ и выдѣлившись изъ рядовъ, съ удивительной легкостью, будто внезапно освобожденный отъ бремени своихъ восьми десятковъ лѣтъ, поддалъ мячъ ногой прямо въ достопочтеннаго соборнаго проповѣдника, который также не сплоховалъ. И тогда, будучи не въ состояніи больше стоять неподвижно, міряне затѣяли игру между собой, подстрекая другъ дружку криками. Забава продолжалась до тѣхъ поръ, пока стало невозможно слѣдить за полетомъ мяча сквозь сумрачный нефъ.

Ребенкомъ Дэнисъ жилъ весело и привольно. Въ своей хижинѣ на склонѣ холма, спрятанной среди виноградниковъ, онъ сдѣлался несравненнымъ садовникомъ, а когда выросъ, то сталъ приносить продукты на рынокъ, держалъ ларь на площади около собора и продавалъ тамъ дыни и гранаты, всѣ сорта сѣмянъ и цвѣтовъ (omnia speciosa camporum), также медъ, восковыя свѣчи, горячія сласти прямо съ шипящихъ сковородъ, грубые домодѣльные горшки и миски, сдѣланные въ маленькой лѣсной гончарнѣ, ковриги хлѣба, выпеченнаго той старушкой, въ чьей хижинѣ онъ жилъ. Въ ту Пасху онъ вошелъ въ церковь въ первый разъ въ своей жизни, чтобы посмотрѣть на игру въ мячъ.

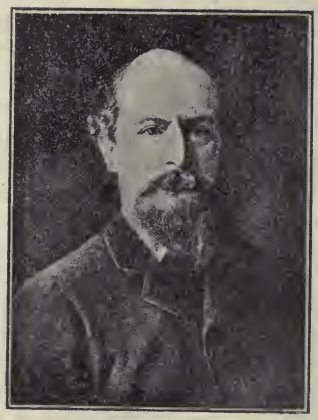
И съ самаго начала женщины, которые видѣли его на рынкѣ или за поливкой растеній въ вечерней прохладѣ, мечтали о немъ. Мужчины, которые замѣчали толпу женщинъ вокругъ его ларя, гдѣ вѣчно толклись даже юныя, чистыя деревенскія дѣвушки, увидѣвшія его въ первый разъ, подозрѣвали,—кто знаетъ какую тайную силу?—скрытую въ этомъ юношѣ, и, остановившись, чтобы размыслить, въ чемъ дѣло, они также подпадали подъ власть его чаръ. При взглядѣ на него къ старикамъ возвращалась молодость. И даже мудрый монахъ Эрмій, преданный наукѣ и наблюденію, не могъ изгнать изъ своихъ мыслей торгующаго плодами и тщетно стремился раскрыть тайну обольщенія, хотя бы для того, чтобы дружески объяснить самому юношѣ его, повидимому, сверхъестественный даръ и научить его имъ пользоваться.

То было время, какъ замѣчали старшіе, молодежи и ея господства. Въ его присутствіи, никто не понималъ почему, молодые люди точно вспыхивали и высказывали удивительно дерзкія желанія и требованія, поддерживаемыя, впрочемъ, и старшими, которые тоже иногда теряли равновѣсіе, притомъ нѣсколько комично. Переворотъ въ нравахъ и въ характерахъ совпалъ съ движеніемъ, бывшемъ тогда въ полномъ ходу въ Оксеррѣ и другихъ французскихъ городахъ, освобождавшимъ „коммуну“ отъ прежнихъ феодальныхъ властей. Дэниса называли тогда ,,Вольный“, кромѣ множества всякихъ иныхъ прозваній. Молодые сеньоры почитали долгомъ своимъ соглашаться, что трудящіеся имѣютъ право на отдыхъ, и были почти готовы обручиться со свободой, съ плебейской свободой,—конечно должнымъ образомъ пріукрашенной, хотя бы только одними полевыми цвѣтами. Ибо, поистинѣ, Дэнисъ изъ-за своего ларя превратилъ серьезныя и медленныя дѣйствія мудрыхъ политиковъ въ безумную общественную вольность, которая сдѣлала жизнь въ это время похожей на театральное зрѣлище. Онъ первый завелъ эти длинныя шествія, посредствомъ которыхъ всѣ недовольные, всѣ отчаявшіе-

ся, вся „голь“ стала выражать свои требованія. На рынкѣ одинъ убѣждалъ другого, новая сила возникала при соприкосновеніи людей, присоединялись еще и еще, со всѣхъ сторонъ; новый духъ распространился, наконецъ, повсюду. Въ жаркія ночи бывало шумно, вездѣ роились толпы растрепанныхъ женщинъ и юношей съ красными пятнами на лицахъ и рукахъ; они влекли горящіе факелы по холмамъ, покрытымъ виноградниками, или наводняли, къ ужасу робкой стражи, городскія улицы, спускаясь къ прохладнымъ мѣстамъ у рѣки. Повсюду пронзительная музыка, взрывы веселаго смѣха по всякому поводу. Новый духъ побудилъ даже церковь принять участіе въ новомъ служеніи Празднеству Безумныхъ. Этотъ экстазъ, кружившій головы,—утренній сонъ среди виноградныхъ лозъ, когда минуютъ усталости ночи,—одежды, омоченныя росой,—рабъ отдыхающій, наконецъ, вдоволь,—запечатлѣли тогда столь многочисленные въ городѣ художники; они сохранили хоть нѣчто, по крайней мѣрѣ, изъ роскоши и приволья открывшагося имъ зрѣлища жизни. Съ ними эта жизнь, по виду праздная, въ которую Дэнисъ вовлекъ юношество Оксерра, сдѣлалась лишь покореніемъ для надобностей человѣка прекрасныхъ даровъ и радостныхъ силъ природы. И природа тому помогала сама. Казалось, не будетъ больше зимы. Планета Марсъ подошла къ землѣ ближе, чѣмъ обыкновенно и висѣла въ низкомъ небѣ, точно огненная, красная лампа. Гигантская, но почти безжизненная лоза на монастырской стѣнѣ, которую оставили только какъ рѣдкость за ея безмѣрный возрастъ, покрылась ягодами въ тотъ „великій сборъ“, какъ долго спустя его называли. Воздѣлываніе винограда сильно расширилось. Солнечный свѣтъ впервые упалъ на вновь расчищенныя подъ виноградники поляны въ лѣсной глуши, хотя Дэнисъ, вообще, любилъ деревья и заботливо сохранилъ, то здѣсь, то тамъ, стройные образцы лѣсныхъ произрастаній.

Но эта безподобная красота его и юная свѣжесть... Какъ могъ онъ одинъ сохранить ее нетронутой вѣтромъ и зноемъ? Въ дѣйствительности вовсе не колдовствомъ, какъ утверждали нѣкоторые, но естественной простотой образа жизни. Когда наступили черные дни горя, тогда лишь услышали, какъ, стучась зимней ночью въ убогую дверь своей старой хижины на склонѣ холма, онъ жалобно просилъ: „дайте мнѣ мяса и вина, темнаго вина и черной дичины!“ До тѣхъ же поръ великій хозяинъ винограда, самъ, пилъ только воду; ключевой водой жилъ онъ и плодами. Влюбленный въ плодородіе во всѣхъ его проявленіяхъ и даже въ то, что лишь предвѣщало его, онъ проницалъ всѣ ходы дождей и владѣлъ тайной божественнаго жезла. Задолго, прежде чѣмъ собирался дождь, онъ издалека чувствовалъ его запахъ и весело взбирался на высокія подмости строящейся башни, чтобы видѣть пришествіе его въ жаждующую землю винограда, пока наконецъ не начинали стучать первыя капли по церковной крышѣ внизу; и тогда, отбросивъ свой плащъ, онъ открывалъ дождю плечи и руки, крѣпко держась противъ порыва вѣтра за изображенія, изсѣченныя въ темномъ камнѣ.

ПЕРЕВ. П. МУРАТОВЪ.



АЛЬЖЕРОНЪ СУИНБЕРНЪ.

Р. 1837.

Садъ Прозерпины.

Здѣсь, гдѣ только тишина, гдѣ всякій шумъ кажется игрою мертвыхъ волнъ и обезсиленныхъ вѣтровъ, гдѣ сами сны отдаются страннымъ сновидѣніямъ—я созерцаю далекое поле, зеленѣющее для тѣхъ, что стали бы сѣять и жать,—и цѣлый міръ подземныхъ, неслышныхъ потоковъ.

Я устала отъ слезъ и смѣха, отъ людей, умѣющихъ смѣяться и плакать, отъ всего, что можетъ нести грядущее... людямъ, которые сѣютъ и надѣются и ждутъ жатвы.

Я—усталая, словно больная почка безплоднаго цвѣтка.

Я утомилась желаніями, грезами, властью, всѣмъ... кромѣ сна.

Здѣсь жизнь въ глубокихъ объятіяхъ смерти..

Гдѣ-то жалкіе кормщики и хрупкіе корабли противятся тусклымъ волнамъ и вялымъ влажнымъ вѣтрамъ и гибнутъ безцѣльно по ихъ прихоти...

Но всего этого здѣсь нѣтъ.

Здѣсь нѣтъ ни цвѣтовъ, ни деревьевъ, ни гибкихъ лозъ—ростутъ лишь маки безъ лепестковъ, изумрудный виноградъ Прозерпины, изъ котораго я готовлю смертнымъ вино забвенія.

И по склонамъ бѣлѣетъ во мглѣ, словно брошенные покровы ложа, поникшая осока.

Тѣни несчетныя, безкровныя, позабывшія свои имена, согбенными дремлютъ по пустымъ полямъ всю долгую ночь, пока въ предутренней мглѣ, словно запоздалая душа, отторгнутая небомъ и адомъ, не забрезжитъ разсвѣтъ, повитый туманомъ, тѣснимый тучами.

И будь кто сильнымъ, какъ семеро, отъ тоже покорится смерти и никогда не воспаритъ къ свѣтлому небу и уже не испытаетъ ни печалей ни муки.

Гдѣ цвѣты презрѣнны, гдѣ пѣсни не нужны—Прозерпина, блѣдная, стоитъ у входа, увѣнчанная скорбнымъ вѣнкомъ, та, что касается бренаго холодными безсмертными руками, встрѣчаетъ пришельцевъ всѣхъ странъ и исполнившихся вѣковъ. Ласка ея утоленныхъ губъ нѣжнѣе ласкъ любви ея земной соперницы.

И проходятъ души любившихъ, слишкомъ отягченныя, утомленныя любовью, опустивъ усталыя крылья.

Ползутъ когда-то цѣпкія бѣды... и влекутся мертвыя грезы забытыхъ дней, словно бездомные, сорванные вѣтромъ листья—красные знаки изжитыхъ весенъ.

Освобожденные отъ страсти жить, отъ надежды и страха, мы благодаримъ всѣхъ боговъ сущихъ, что наша жизнь не длится вѣчно, что умершіе не воскресаютъ—и даже самую медленную рѣку море приметъ въ свое лоно.

И тогда насъ не разбудитъ ни шумъ бѣгущихъ волнъ, ни солнце, ни мерцаніе звѣздъ и лунный свѣтъ... И тамъ не будетъ ни холода, ни зноя, ни зеленыхъ листьевъ, ни мертвыхъ листьевъ, ни всего преходящаго,—а только вѣчный сонъ вѣчной ночи.

ПЕРЕВ. В. Ю. ЭЛЬ—РЪ.

Призраки царицъ.

(ИЗЪ „THE MASQUE OF QUEENS").

КЛЕОПАТРА.

Я царица Эѳіопіи. Только любовь могла приподнять мои тяжелыя рѣсницы, чтобы люди, взирая на меня, восхвалили ее. Кольцами вились мои пышные волосы. Мои губы держали въ плѣну уста Міра, чтобы развѣять ихъ силу, мѣнять ихъ велѣнія. И послѣднимъ торжествомъ моимъ было увидѣть Смерть, опустившую чело, смущенную, что она не въ силахъ быть ко мнѣ гнѣвной.

САФО.

Я царица Лесбоса. Моя любовь, не знавшая мужчинъ, была нѣжнѣйшей изъ всего, чѣмъ Любовь дарила міръ. Лицо мое было блѣднымъ отъ неутолимаго желанія, блѣднымъ, какъ угасающее пламя надъ тускнѣющими углями. Моя кровь была зажженнымъ виномъ любви, и пѣсни мои были эхомъ восторговъ, которые я впивала.

АЗУБА́.

Я царица Аморитянъ. Мое лицо было какъ свѣтлый лугъ, гдѣ—сонмы ликующихъ. Величіе замысловъ моихъ было подобно славѣ Божьяго дома

съ многоцвѣтными стѣнами. И лучезарно было чело мое, словно хрусталь, озаренный золотыми свѣтильниками.

МИРРА.

Я царица Аравіи. Благовонны были мои рѣсницы, благоуханны—слезы. Гулкой бронзѣ подобна была моя мудрость. Палимые страстью, высыхая, становились жесткими мои пьянящія губы. Какъ огонь пожираетъ дерево, какъ очи источаютъ слезы, я напоила грѣхъ своею кровью, своимъ дыханіемъ. Лишь онъ заставлялъ подниматься и опускаться мою грудь.

ТОМИРИСЪ.

Я царица Скиѳовъ. Никто не могъ въ силѣ сравниться со мною. Лицо мое было какъ ясный день, грудь—какъ весна. Я властвовала надъ необъятной страной, по одну сторону которой—солнце, въ то время какъ съ другой—еще звѣдная ночь.

Да... и вѣтеръ, перебѣгая ее, задыхался! И жизнь тамъ непривѣтна. И смерть тамъ почти радостна.

МЕССАЛИНА.

Я царица Италіи. И вотъ, чѣмъ боги меня отмѣтили: безплодіемъ и красотою, нѣжною и манящею. Мои кудри—густыя и тяжелыя. Ланиты поблѣднѣли отъ лживыхъ и пылкихъ поцѣлуевъ мужчинъ. Медленно кровь набѣгала къ вискамъ моимъ. Мой ротъ всегда жаждалъ, ненасытный, какъ отверстая могила, вѣчно алчная и нѣмая.

ХАРХАСЪ.

Я царица надъ Анакимомъ. Въ глубяхъ минувшаго, чья рѣчь невнятна, чьи покровы—прахъ и забвеніе, мое тѣло величавое, безъ единаго пятна, сіяло, какъ сверкающія полосы развѣянныхъ вѣтромъ волосъ дождя. Нынѣ Богъ обратилъ губы мои во вздохи, сорвалъ рѣсницы, молчаніемъ сомкнулъ уста...

ПАЗИФАЯ.

Я царица Пазифая... Зелья, коренья, холодные листья водяныхъ лилій, напоенныхъ зеленой влагой, роса, дождь, все море своими свѣтлыми волнами не могло бы очистить меня, виновную, освѣжить мои пылающія вены. Принявъ позоръ,—изъ него, словно изъ стиснутаго плода, выжала я сладость, но роковымъ было вкусить его, ибо сѣмя его—смерть.

СЕМИРАМИДА.

Я царица Семирамида. Земли, моря, похожія на свѣтлые хризопрасы, труды рабовъ, достиженія и власть свободныхъ, пѣснопѣнія жрецовъ, уставшихъ восхвалять меня, безмолвный трепетъ сердецъ, замиравшихъ отъ восторга, изступленные клики пылающей крови... все это было сложено у ногъ моихъ и малымъ было предо мною...

ЭРИГОНА.

Я царица Эригона. Молодымъ виномъ обагрила я свое тѣло. Ликъ мой былъ свѣтлѣе и горделивѣе лица новобрачной. Мои полныя губы были жадны, какъ сама земля, наша древняя праматерь. Мои руки были исполнены мощи, какъ поясь Великаго Моря, сжимающій чресла земли. Слухъ мой услаждался громомъ и гуломъ прибоя. Безтрепетно созерцала я скорбь и безуміе.

ПЕРЕВ. В. Ю. ЭЛЬ—РЪ.

ОСКАРЪ УАЙЛЬДЪ.

1856-1900.

Ваятель.

Однажды вечеромъ въ душу его снизошло желаніе создать изображеніе „Наслажденія, которое длится одно мгновеніе“. И онъ пошелъ въ міръ за бронзой. Онъ могъ думать только о бронзѣ. Но вся бронза исчезла и нигдѣ во всемъ свѣтѣ не находилось бронзы, кромѣ той, что изображала „Печаль, длящуюся вѣчно“. Это изображеніе онъ самъ, собственными руками, создалъ и поставилъ на могилѣ единственнаго существа, которое онъ любилъ въ своей жизни. На могилѣ умершей, быв-

шей ему дороже всего, поставилъ онъ это произведеніе своихъ рукъ, чтобы оно служило знакомъ человѣческой любви, которая не умираетъ, и символомъ человѣческаго горя, которое длится вѣчно. И въ цѣломъ мірѣ не было другой бронзы, кромѣ бронзы этого изваянія.

И взявъ воплощенное имъ, онъ бросилъ его въ большую печь и предалъ пламени.

И изъ бронзы „Печали, длящейся вѣчно“, онъ создалъ изображеніе „Наслажденія, которое длится одно мгновеніе“.

Утро.

Ноктюрнъ уснувшей Темзы сине-золотой
Аккорды пепельно-жемчужные смѣнили.
Тяжелый ботъ проплылъ надъ сонною водой
И тѣни дрогнули,—безвольно отступили.
Клубами мутными сползалъ въ рѣку туманъ,
Домовъ неясныя вставали очертанья.
Разсвѣтъ задулъ огни... но чудился обманъ,—
И медлилъ блѣдный день вернуться изъ изгнанья.
Хрипя завылъ гудокъ, медлительно-протяжный,
По камнямъ застучали ободы телѣгъ.
Блеснулъ соборный куполъ матовый и влажный.
Разросся, въ улицахъ, толпы нестройный бѣгъ.
Ночная женщина стояла у панели.
На блѣдныхъ волосахъ дрожалъ лучей потокъ,
Какъ угли жаркіе—уста ея алѣли,
Но сердцу камнемъ быть велѣлъ безстрастный рокъ.

В. ЭЛЬСНЕРЪ.

Молодой Король.

Была ночь передъ коронаціей Молодого Короля, и онъ сидѣлъ одинъ въ своемъ прекрасномъ чертогѣ. Его придворные всѣ уже простились съ нимъ, по церемоніалу того времени, глубокимъ поклономъ до земли и удалились въ Большую Залу дворца, чтобы выслушать послѣднія наставленія церемоніймейстера; у нѣкоторыхъ изъ нихъ еще сохранились естественныя манеры, что въ придворномъ—врядъ ли нужно на это указывать—является крупнымъ недостаткомъ.

Мальчикъ—онъ былъ только мальчикъ, такъ какъ ему только минуло шестнадцать лѣтъ—не сожалѣлъ объ ихъ уходѣ; со вздохомъ облегченія бросился онъ на мягкія подушки своего вышитаго ложа и покоился на нихъ съ дикимъ взглядомъ, съ полуоткрытыми устами, словно коричневый лѣсной фавнъ или молодое дикое животное, только что пойманное охотниками.

Его и въ самомъ дѣлѣ нашли охотники. Они наткнулись на него почти случайно въ то время, когда босой, со свирѣлью въ рукахъ, онъ слѣдовалъ за стадомъ воспитавшаго его бѣднаго пастуха, сыномъ котораго онъ всегда себя считалъ. Въ дѣйствительности же онъ былъ сыномъ единственной дочери стараго короля, отъ тайнаго брака ея съ человѣкомъ, стоявшимъ значительно ниже ея по происхожденію; по словамъ однихъ, это былъ иностранецъ, плѣнившій принцессу чарующимъ волшебствомъ своей игры на лютнѣ; по словамъ другихъ,—художникъ изъ Римини, къ которому принцесса была благосклонна, и который внезапно исчезъ изъ города, не окончивъ своей работы въ Соборѣ. Ребенокъ всего черезъ недѣлю послѣ появленія на свѣтъ былъ похищенъ у матери во время ея сна и отданъ на воспитаніе простымъ бездѣтнымъ крестьянамъ, жившимъ въ отдаленной части лѣса, въ разстояніи болѣе дня пути отъ го-

рода. Горе или, какъ утверждалъ придворной врачъ, чума, а можетъ быть, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и быстро дѣйствующій итальянскій ядъ убилъ давшую ребенку жизнь блѣдную принцессу меньше чѣмъ черезъ часъ послѣ ея пробужденія; и въ ту минуту, когда вѣрный гонецъ, везшій мальчика на лукѣ своего сѣдла, нагнулся съ усталаго скакуна и постучалъ въ дверь незатѣйливой хижины пастуха, тѣло принцессы уже опускали въ открытую могилу, вырытую на заброшенномъ кладбищѣ, далеко за воротами города, въ могилу, гдѣ, какъ говорили, уже лежалъ трупъ молодого человѣка поразительной красоты иноземнаго типа; руки его были крѣпко скручены за спиной веревкой, а грудь покрыта многочисленными кровавыми ранами.

Такъ, по крайней мѣрѣ, люди разсказывали на ухо другъ другу. Достовѣрно было лишь то, что старый король на смертномъ одрѣ, движимый ли раскаяніемъ въ своемъ великомъ грѣхѣ, или, можетъ быть, просто желая сохранить престолъ для своего рода, послалъ за мальчикомъ и въ присутствіи Совѣта объявилъ его своимъ наслѣдникомъ.

Онъ съ перваго же момента своего признанія королемъ началъ проявлять то необыкновенное влеченіе къ красотѣ, которому суждено было оказать столь сильное вліяніе на его жизнь. Придворные, сопровождавшіе Молодого Короля въ отведенные ему покои, часто разсказывали о крикѣ восторга, сорвавшемся съ губъ мальчика при видѣ приготовленныхъ для него изящныхъ одеждъ и богатыхъ драгоцѣнностей, и о почти дикой радости, съ которой онъ сбросилъ съ себя свою грубую кожаную тунику и жесткій плащъ изъ овечьей шкуры. Конечно, по временамъ мальчикъ тосковалъ по прекрасной свободѣ своей жизни въ лѣсу, и онъ иногда подшучивалъ надъ скучнымъ придворнымъ этикетомъ, отнимавшимъ столько часовъ у дня, но принадлежавшій ему теперь дивный дворецъ его называли „Joyeuse“—казался ему новымъ міромъ, вновь созданнымъ для его удовольствія; и лишь только ему удавалось вырваться изъ засѣданій Со-

вѣта или изъ Залы Пріема, онъ сбѣгалъ по большой лѣстницѣ со львами изъ золоченой бронзы и ступенями изъ блестящаго порфира и принимался бродить изъ комнаты въ комнату и изъ галлереи въ галлерею, какъ бы ища въ созерцаніи красоты исцѣленія отъ страданій, возстановленія силъ послѣ болѣзни.

Во время этихъ поисковъ новыхъ міровъ, какъ онъ называлъ свои странствованія,—да они и дѣйствительно были для него путешествіями въ странѣ чудесъ, — его иногда сопровождали стройные, златокудрые пажи въ широкихъ плащахъ, съ весело развѣвающимися лентами; но чаще всего онъ предпочиталъ быть одинъ, проникновеннымъ инстинктомъ, какъ бы въ ясновидѣніи, угадывая, что тайны искусства лучше познаются въ безмолвіи и что Красота, такъ же какъ и Мудрость, любитъ уединеннаго поклонника.

Много странныхъ исторій разсказывалось о Молодомъ Королѣ въ то время. Говорили, что толстый бургомистръ, явившійся съ подношеніемъ торжественно-витіеватаго адреса отъ имени своихъ согражданъ, засталъ Короля колѣнопреклоненнымъ въ совершенномъ благоговѣніи передъ большой картиной, только что привезенной изъ Венеціи и, повидимому, возвѣщавшей культъ какихъ-то новыхъ боговъ. Въ другой разъ Король исчезъ на нѣсколько часовъ и послѣ долгихъ поисковъ былъ найденъ въ маленькой комнаткѣ сѣверной башни замка какъ бы въ экстазѣ созерцавшимъ греческую гемму съ вырѣзаннымъ на ней изображеніемъ Адониса. Разсказывали, будто видѣли, какъ онъ горячими губами приникъ къ мраморному лбу античной статуи, найденной при постройкѣ каменнаго моста въ руслѣ рѣки и носившей имя виѳинскаго раба Адріана. Однажды Король провелъ ночь любуясь игрой лунныхъ лучей на серебряномъ изображеніи Эндиміона.

Всѣ рѣдкія и цѣнныя вещи имѣли для него притягательную силу, и въ своемъ страстномъ желаніи обладать ими онъ разослалъ купцовъ въ

далекія страны: однихъ къ грубымъ рыбакамъ сѣверныхъ морей за янтаремъ, другихъ—въ Египетъ за зеленой бирюзой, которую можно найти исключительно въ могилахъ царей и которой приписываютъ волшебныя свойства; въ Персію за шелковыми коврами и узорчатымъ фаянсомъ и, наконецъ, въ Индію за газами, рѣзной слоновой костью, лунными камнями, браслетами изъ нефрита, сандаловымъ деревомъ, голубой эмалью и шалями изъ тончайшей шерсти.

Но больше всего его занимала одежда, которую онъ долженъ былъ надѣть въ день коронаціи: мантія изъ золотой парчи, корона, украшенная рубинами, и скипетръ, обвитый рядами и кольцами жемчуговъ. Объ этихъ уборахъ думалъ онъ теперь, покоясь на своемъ пышномъ ложѣ и глядя на большой сосновый стволъ, пылавшій въ очагѣ. Рисунки самыхъ знаменитыхъ современныхъ художниковъ были представлены ему уже много мѣсяцевъ тому назадъ, и онъ издалъ приказъ работать день и ночь надъ ихъ выполненіемъ; по всему свѣту разыскивались драгоцѣнные камни, достойные украсить это произведеніе. Онъ уже воображалъ себя стоящимъ передъ главнымъ алтаремъ Собора въ великолѣпномъ одѣяніи короля, и улыбка играла и медлила на его юныхъ устахъ и яркимъ блескомъ отражалась въ его темныхъ, какъ дремучій лѣсъ, глазахъ.

Нѣсколько минутъ спустя онъ всталъ и, опершись на рѣзной навѣсъ камина, оглядѣлъ слабо освѣщенную комнату. Стѣны ея были затянуты богатыми вышивками, изображавшими Тріумфъ Красоты. Большой шкапъ, инкрустированный агатами и ляписъ-лазурью, занималъ одинъ изъ угловъ, а противъ окна стоялъ удивительной работы поставецъ съ лакированными, выложенными золотомъ панно; на немъ стояло нѣсколько кубковъ тонкаго венеціанскаго стекла и чаша изъ оникса съ темными жилками. На шелковомъ покрывалѣ кровати были вышиты блѣдные маки, будто выпавшіе изъ усталыхъ рукъ Сна; высокіе рѣзные шесты изъ слоновой кости поддерживали бархатный балда-

хинъ, надъ которымъ, какъ бѣлая пѣна, пышные туфы страусовыхъ перьевъ поднимались къ блѣдному серебру лѣпного потолка. Улыбавшійся Нарциссъ изъ зеленой бронзы держалъ надъ изголовьемъ блестящее зеркало. На столѣ стояла плоская чаша изъ аметиста.

Въ окно онъ могъ видѣть огромный куполъ Собора, круглой шапкой вздымавшійся, словно мыльный пузырь, надъ темными силуэтами домовъ, и усталыхъ часовыхъ, шагавшихъ взадъ и впередъ по окутанной туманомъ террасѣ надъ рѣкой. Гдѣ-то вдали въ саду пѣлъ соловей. Тонкій ароматъ жасмина струился въ открытое окно. Молодой Король откинулъ со лба свои темные кудри и, взявъ лютню, сталъ пальцами перебирать струны. Его тяжелыя рѣсницы опустились, и странное томленіе овладѣло имъ. Никогда еще онъ не ощущалъ такъ ясно и съ такой проникновенной радостью очарованіе и тайну прекраснаго.

Когда пробило полночь на башенныхъ часахъ, онъ позвонилъ, и въ комнату вошли пажи. Они съ длиннымъ церемоніаломъ разоблачили Короля, поливая ему на руки розовую воду и усѣивая его изголовье цвѣтами. Едва успѣли они выйти, какъ Король уже погрузился въ сонъ.

Заснувъ, Король увидѣлъ сонъ; и вотъ что ему снилось.

Ему казалось, что онъ находится въ длинной низкой мансардѣ, среди визга и стука безчисленныхъ ткацкихъ станковъ. Слабый дневной свѣтъ проникалъ въ рѣшетчатыя окна и освѣщалъ истомленныя лица склонившихся надъ работой ткачей. Блѣдныя, болѣзненныя дѣти, скорчившись, сидѣли на поперечныхъ балкахъ. Когда челноки проскакивали черезъ основу, дѣти поднимали тяжелые баттаны, а когда челноки останавливались, дѣти спускали баттаны и сжимали ими нити. Ихъ лица были изнурены голодомъ, а худыя руки дрожали и плохо ихъ слушались. Нѣсколько изможденныхъ женщинъ сидѣли за шитьемъ у стола. Отвратительный запахъ стоялъ въ комнатѣ. Воздухъ былъ душный

и тяжелый, а по стѣнамъ скатывались капли сырости.

Молодой Король подошелъ къ одному изъ ткачей и сталъ слѣдить за его работой.

Ткачъ сердито взглянулъ на него и сказалъ:

— Зачѣмъ ты на меня смотришь? Ужъ не шпіонъ ли ты, приставленный нашимъ хозяиномъ?

— Кто же твой хозяинъ?—спросилъ Молодой Король.

— Нашъ хозяинъ!—горько воскликнулъ ткачъ.— Онъ такой же человѣкъ, какъ и я. И вся разница между нами только въ томъ, что онъ носитъ роскошныя одежды, тогда какъ я хожу въ лохмотьяхъ, и что я слабъ отъ голода, а онъ не мало страдаетъ отъ пресыщенія.

— Страна свободна,—замѣтилъ Король,—и ты вѣдь не рабъ этого человѣка.

— На войнѣ, — возразилъ ткачъ,—сильные покоряютъ слабыхъ, а въ мирное время богатые порабощаютъ бѣдныхъ. Чтобы жить, мы должны работать, но получаемъ такую скудную плату, что умираемъ. Мы по цѣлымъ днямъ трудимся для нихъ; они накопляютъ груды золота въ своихъ сундукахъ, тогда какъ наши дѣти увядаютъ раньше времени, и лица дорогихъ намъ людей становятся черствыми и злыми. Мы давимъ виноградъ, а вино пьютъ другіе, мы сѣемъ зерно, но столъ нашъ пустъ. Мы закованы въ цѣпи, хоть ихъ и не видно. Да, мы рабы, хоть люди и зовутъ насъ свободными.

— И для всѣхъ это такъ?—спросилъ Король.

— И для всѣхъ такъ,—отвѣтилъ ткачъ,—какъ для молодыхъ, такъ и для старыхъ, какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ, какъ для маленькихъ дѣтей, такъ и для согбенныхъ годами. Купцы насъ притѣсняютъ, а мы вынуждены подчиняться имъ. Священникъ, перебирая свои четки, проходитъ мимо, и никто о насъ не заботится. По нашимъ безсолнечнымъ переулкамъ крадется Бѣдность со своими голодными глазами, а слѣдомъ за ней съ озвѣрѣлымъ лицомъ идетъ Преступленіе. Нищета пробуждаетъ насъ утромъ, и Униженіе стережетъ насъ

ночью. Но какое тебѣ до всего этого дѣло? Ты не нашъ, у тебя слишкомъ счастливое лицо.

И, нахмурясь, ткачъ отвернулся и пустилъ челнокъ на станокъ, и Молодой Король увидѣлъ, что челнокъ намотанъ золотыми нитями.

И ужасъ охватилъ его, и онъ спросилъ ткача:

— Что это за мантію ты ткешь?

— Это коронаціонное одѣяніе Молодого Короля,— отвѣтилъ тотъ.—Что тебѣ до этого?

Молодой Король громко вскрикнулъ и... проснулся въ своей собственной спальнѣ. А въ окно онъ увидѣлъ большой медово-желтый мѣсяцъ, висѣвшій на мглистомъ небѣ.

И снова онъ заснулъ и вновь увидѣлъ сонъ, и вотъ что ему снилось.

Ему казалось, что онъ лежалъ на палубѣ громадной галеры: на ней гребли человѣкъ сто рабовъ. На коврѣ, рядомъ съ Королемъ, сидѣлъ хозяинъ галеры. Онъ былъ черенъ, какъ черное дерево, а чалма его была изъ краснаго шелка. Большія серебряныя кольца оттягивали толстыя мочки его ушей, и въ рукахъ онъ держалъ вѣсы изъ слоновой кости.

На рабахъ были только рваные передники, и каждый рабъ былъ прикованъ цѣпью къ своему сосѣду. Лучи горячаго солнца обжигали ихъ, а негры бѣгали внизъ и вверхъ по проходамъ и хлестали гребцовъ ременными бичами. Рабы вытягивали свои исхудалыя руки и ударяли по водѣ тяжелыми веслами. Соленые брызги летѣли съ лопастей.

Наконецъ, они достигли маленькой бухты и принялись лотомъ измѣрять глубину. Подувшій съ берега легкій вѣтерокъ покрылъ палубу и большой треугольный парусъ мелкой красной пылью. Три араба верхомъ на дикихъ ослахъ подъѣхали къ берегу и стали метать въ галеру дротики. Хозяинъ галеры взялъ въ руки раскрашенный лукъ и пустилъ одному изъ нихъ стрѣлу въ горло. Тотъ тяжело упалъ въ бурунъ, а товарищи его ускакали. Женщина, закутанная въ желтое покрывало, ме-

дленно слѣдовала за ними на верблюдѣ, оглядываясь по временамъ на убитаго.

Лишь только они бросили якорь и убрали паруса, негры спустились въ трюмъ и вынесли оттуда длинную веревочную лѣстницу съ тяжелыми свинцовыми гирями. Хозяинъ галеры перекинулъ ее черезъ бортъ, прикрѣпивъ концы къ двумъ желѣзнымъ крюкамъ. Тогда негры схватили младшаго изъ рабовъ, сбили съ него оковы и, залѣпивъ ему ноздри и уши воскомъ, привязали ему къ поясу тяжелый камень. Рабъ устало спустился по лѣстницѣ и исчезъ въ морѣ. Нѣсколько пузырьковъ поднялось изъ воды на мѣстѣ его исчезновенія. Нѣкоторые изъ рабовъ съ любопытствомъ заглядывали за бортъ. На носу галеры сидѣлъ укротитель акулъ, монотонно ударяя въ барабанъ.

Немного времени спустя, водолазъ вынырнулъ изъ воды и, тяжело дыша, ухватился за лѣстницу; въ правой рукѣ онъ держалъ жемчужину. Негры выхватили ее и столкнули его обратно. Рабы уснули надъ веслами.

Снова и снова показывался водолазъ и каждый разъ онъ приносилъ съ собой по прекрасной жемчужинѣ. Хозяинъ галеры взвѣшивалъ ихъ и складывалъ въ мѣшочекъ изъ зеленой кожи.

Молодой Король пробовалъ заговорить, но языкъ его точно прилипъ къ нёбу и губы отказывались повиноваться. Негры болтали другъ съ другомъ и, наконецъ, затѣяли ссору изъ-за нитки блестящихъ бусъ. Два журавля летали вокругъ судна.

Наконецъ, водолазъ показался въ послѣдній разъ, и жемчужина, принесенная имъ съ собой, была прекраснѣе всѣхъ жемчужинъ Ормуза, ибо она имѣла форму полной луны и была свѣтлѣе утренней звѣзды. Но лицо раба странно поблѣднѣло; онъ упалъ на палубу, и изъ ушей и ноздрей его хлынула кровь. Онъ вздрогнулъ нѣсколько разъ и затихъ. Негры пожали плечами и выбросили тѣло за бортъ.

Хозяинъ галеры захохоталъ и, протянувъ руку,

взялъ жемчужину; увидавъ ее, онъ приложилъ ее ко лбу и, склонившись, проговорилъ:

— Она украситъ скипетръ молодого короля!—и далъ неграмъ знакъ поднимать якорь.

И когда Молодой Король услышалъ это, онъ громко вскрикнулъ и проснулся. И въ окно онъ увидѣлъ, какъ длинные, блѣдные персты разсвѣта судорожно схватывали въ небѣ догоравшія звѣзды.

И снова онъ заснулъ, и вновь увидѣлъ сонъ. И вотъ что ему снилось.

Ему казалось, что онъ идетъ по дремучему лѣсу, увѣшанному необыкновенными плодами и пышными ядовитыми цвѣтами. Ехидны шипѣли ему вслѣдъ и яркіе попугаи съ громкими криками перепархивали съ вѣтки на вѣтку. Громадныя черепахи дремали въ горячей тинѣ. Деревья были усѣяны обезьянами и павлинами. Все дальше и дальше онъ шелъ, пока не достигъ опушки лѣса. И тутъ онъ увидѣлъ несмѣтное множество людей, работавшихъ въ руслѣ отведенной рѣки. Они карабкались по утесамъ, словно муравьи. Они рыли глубокіе колодцы въ грунтѣ и спускались въ нихъ. Нѣкоторые большими кирками рубили скалы, другіе рылись въ пескѣ. Они вырывали съ корнями кактусы и топтали алые цвѣты. Они лихорадочно спѣшили, перекликались другъ съ другомъ, и никто не оставался безъ дѣла.

Изъ мрака пещеры за ними наблюдали Смерть и Алчность.

Смерть сказала:—Мнѣ скучно; отдай мнѣ треть изъ нихъ и отпусти меня.

Но Алчность покачала головой.—Они мои слуги, — отвѣтила она.

И Смерть спросила ее:

— Что у тебя въ рукѣ?

— Три хлѣбныхъ зерна,—отвѣтила она.—Но что тебѣ до того?

— Дай мнѣ одно изъ нихъ,—закричала Смерть,—я посажу его въ моемъ саду; только одно, и я уйду отсюда.

— Я ничего не дамъ тебѣ,—отвѣтила Алчность, пряча руку въ складкахъ своей одежды.

И тогда Смерть засмѣялась и, взявъ чашу, зачерпнула ею воды изъ болота; и изъ чаши поднялась Болотная Лихорадка. Она прошла черезъ толпу людей, и треть изъ нихъ уже лежала мертвой. Холодный туманъ налетѣлъ вслѣдъ за нею, а около нея пресмыкались водяныя змѣи.

И когда Алчность увидѣла, что треть ея людей умерла, она принялась съ плачемъ бить себя въ грудь. Она ударяла себя въ безплодную грудь и кричала: — Ты убила треть моихъ людей! Уходи! Въ горахъ Татаріи идетъ война, и короли враждующихъ сторонъ тебя призываютъ. Афганцы закололи чернаго быка и идутъ на бой. Они ударили по щитамъ копьями и надѣли желѣзные шлемы. Что же заставляетъ тебя сидѣть въ моей долинѣ? Уходи и не возвращайся сюда больше.

— Нѣтъ,—отвѣтила Смерть,—пока ты не дашь мнѣ одно хлѣбное зерно, я не уйду.

Но Алчность крѣпче зажала руку и заскрежетала зубами.—Я ничего не дамъ тебѣ,—пробормотала она.

И Смерть засмѣялась и, поднявъ черный камень, бросила его въ лѣсъ; и изъ чащи дикой цикуты вышла Горячка въ огненномъ уборѣ. Она прошла черезъ толпу людей и коснулась ея, и каждый, кого она касалась,—умиралъ. Трава увядала на ея пути.

И Алчность содрогнулась и посыпала голову пепломъ.—Ты жестока!—закричала она.—Ты жестока! Голодъ царитъ въ обнесенныхъ стѣнами городахъ Индіи, и цистерны высохли въ Самаркандѣ. Голодъ царитъ въ обнесенныхъ стѣнами городахъ Египта, и саранча налетѣла туда изъ пустыни. Нилъ не выступалъ изъ береговъ, и жрецы прокляли Изиду и Озириса. Иди къ тѣмъ, кому ты нужна, и оставь мнѣ моихъ слугъ.

—Нѣтъ,—отвѣтила Смерть,—пока ты не дашь мнѣ одно хлѣбное зерно, я не уйду.

— Я не дамъ тебѣ ничего,—сказала Алчность.

И Смерть снова засмѣялась и свистнула въ свои пальцы, и въ воздухѣ появилась летящая женщина. „Чума",—была надпись на ея лбу, и цѣлая стая голодныхъ ястребовъ вилась надъ ея головою. Она покрыла долину своими крыльями, и въ живыхъ не осталось ни одного человѣка.

И Алчность съ громкими воплями полетѣла черезъ лѣсъ, а Смерть вскочила на своего краснаго коня и умчалась быстрѣе вихря.

А изъ устья долины, изъ тины вылѣзли драконы и отвратительныя чешуйчатыя существа; и шакалы въ припрыжку прибѣжали по песку, втягивая ноздрями воздухъ.

И Молодой Король заплакалъ и спросилъ:— Кто были эти люди и чего они искали?

— Они искали рубиновъ для короны короля,— отвѣчалъ кто-то позади него.

И Молодой Король громко вскрикнулъ и проснулся. Потоки яркаго солнечнаго свѣта лились въ комнату, а на деревьяхъ сада и въ рощахъ пѣли птицы.

Церемоніймейстеръ и высшіе сановники государства съ поклономъ вошли къ Королю, а пажи внесли сотканную изъ золота мантію и положили передъ королемъ корону и скипетръ.

Молодой Король взглянулъ на свои уборы— они были прекрасны. Они были прекраснѣе всего, что онъ до сихъ поръ видѣлъ. Но онъ вспомнилъ о своихъ снахъ и сказалъ приближеннымъ:

— Унесите всѣ эти вещи, я не надѣну ихъ.

И придворные удивились, а нѣкоторые, думая, что онъ шутитъ, засмѣялись.

Но Король снова обратился къ нимъ и строго сказалъ:

— Унесите эти вещи и спрячьте ихъ отъ меня. Хотя сегодня и день моего коронованія, но я не надѣну ихъ, ибо на станкѣ Скорби блѣдными руками Страданія выткано для меня это платье. Кровь горитъ въ сердцѣ рубина, и Смерть таится въ сердцѣ жемчуга.—И онъ разсказалъ имъ свои три сна.

И когда придворные ихъ выслушали, они переглянулись и прошептали:

— Безъ сомнѣнія, онъ помѣшался, потому что вѣдь сонъ есть только сонъ, и видѣніе—лишь видѣніе. Они не дѣйствительность, чтобы считаться съ ними. Да и какое намъ дѣло до жизней тѣхъ, кто работаетъ для насъ? Неужели человѣкъ не долженъ ѣсть хлѣбъ, не повидавъ сѣятеля, или пить вино, не поговоривъ съ виноградаремъ?

Но Король приказалъ всѣмъ удалиться, за исключеніемъ одного пажа, котораго оставилъ при себѣ, какъ своего товарища, юношу, только на годъ моложе его самого. Король оставилъ его прислуживать себѣ. Выкупавшись въ прозрачной водѣ, онъ открылъ большой разрисованный ларецъ и вынулъ изъ него кожаную тунику и грубый плащъ изъ овечьей шкуры, въ которыхъ ходилъ, когда на склонѣ холмовъ присматривалъ за стадами мохнатыхъ козъ пастуха. Эти одежды надѣлъ онъ на себя и взялъ въ руку свой простой пастушескій посохъ.

А маленькій пажъ въ удивленіи широко раскрылъ свои голубые глаза и, улыбаясь, сказалъ ему:

— Государь, я вижу у тебя мантію и скипетръ, но гдѣ же твоя корона?

И Молодой Король сорвалъ вѣтку свѣшивавшагося надъ балкономъ дикаго шиповника и, согнувъ ее въ видѣ вѣнка, надѣлъ себѣ на голову.

— Это будетъ моей короной,—отвѣтилъ онъ.

И въ такомъ нарядѣ Король вышелъ изъ своей комнаты въ Большую Залу, гдѣ ожидали его придворные.

Они стали смѣяться, и нѣкоторые изъ нихъ закричали:—Государь, народъ ожидаетъ своего короля, а ты имъ показываешь нищаго!—Другіе же съ негованіемъ говорили:—Онъ позоритъ государство и недостоинъ быть нашимъ повелителемъ.—Но Король не отвѣтилъ имъ ни слова; минуя ихъ, онъ спустился съ блестящей порфировой лѣстницы и, выйдя въ бронзовыя ворота, сѣлъ на своего

коня и поѣхалъ къ Собору; а маленькій пажъ бѣжалъ рядомъ съ нимъ.

Народъ же осыпалъ его насмѣшками и кричалъ:

— Вотъ ѣдетъ шутъ короля!

Король остановилъ коня и сказалъ:

— Нѣтъ, я самъ Король.

И онъ разсказалъ имъ свои три сна.

Тогда изъ толпы вышелъ человѣкъ и съ горечью проговорилъ:

— Государь, развѣ ты не знаешь, что роскошь богатаго даетъ жизнь бѣдняку? Ваша пышность насъ вскармливаетъ, и ваши пороки питаютъ насъ. Тяжело работать на жестокаго хозяина, но вовсе не имѣть на кого работать еще тяжелѣе. Ужъ не думаешь ли ты, что вороны будутъ кормить насъ? И развѣ ты можешь измѣнить это? Развѣ ты можешь сказать покупателю:—„Купи за столько-то“, и продавцу:—„Продавай за такую-то цѣну“? Не думаю. А потому вернись во дворецъ и облекись въ пурпуръ и въ тонкое полотно. Какое дѣло тебѣ до насъ и до нашихъ страданій?

— Развѣ богатый и бѣдный не братья?—спросилъ Молодой Король.

— Конечно,—отвѣтилъ человѣкъ,— только имя богатаго—Каинъ.

И глаза Молодого Короля наполнились слезами, но онъ продолжалъ свой путь подъ ропотъ толпы, а маленькій пажъ испугался и убѣжалъ.

И когда Король подъѣхалъ къ большому порталу Собора, солдаты скрестили свои алебарды и сказали:

— Что тебѣ здѣсь надо? Черезъ эту дверь можетъ войти только король.

И лицо его запылало отъ гнѣва и онъ сказалъ имъ:

— Я—Король.—И, отстранивъ алебарды, вошелъ въ Соборъ.

И когда старый епископъ увидѣлъ Короля въ пастушеской одеждѣ, онъ въ удивленіи поднялся съ трона и, выйдя ему навстрѣчу, сказалъ:

— Сынъ мой, развѣ это нарядъ короля? И какой же короной буду я вѣнчать тебя, какой скипетръ вложу въ твою руку? Вѣдь сегодняшній день долженъ бы быть для тебя днемъ радости, а не униженія.

— Развѣ Радость должна облекаться въ то, что изготовило Страданіе?—спросилъ Молодой Король и разсказалъ ему свои сны.

И когда епископъ выслушалъ ихъ, онъ гнѣвно сдвинулъ брови и сказалъ:

— Сынъ мой, я уже старъ и уже достигъ зимы своихъ дней. Я знаю, что много зла творится на бѣломъ свѣтѣ. Но бремя этого міра слишкомъ тяжело для плечъ одного человѣка, и скорби міра непосильны для одного сердца.

— И ты говоришь это здѣсь, въ этомъ храмѣ!—сказалъ Молодой Король и, пройдя мимо епископа, онъ взошелъ по ступенямъ алтаря и остановился передъ изображеніемъ Христа.

Онъ стоялъ передъ изображеніетъ Спасителя, и по правую и по лѣвую его руку стояли великолѣпные золотые сосуды—чаша съ янтарнымъ виномъ и сосудъ съ освѣщеннымъ мурромъ. Онъ склонилъ колѣна передъ изображеніемъ Христа, большія свѣчи бросали яркій отблескъ на украшенный алмазами ковчегъ, а голубыя кольца ладана тонкими струйками возносились къ куполу. Онъ склонилъ голову въ молитвѣ, а священники въ своихъ пышныхъ мантіяхъ одинъ за другимъ отошли отъ алтаря.

Вдругъ громкій шумъ донесся съ улицы, и въ храмъ вошли придворные съ обнаженными мечами, съ развѣвающимися перьями, со щитами изъ полированной стали.

— Гдѣ этотъ сновидецъ?—кричали они.—Гдѣ этотъ король, одѣтый какъ нищій, этотъ ребенокъ, позорящій наше государство? Мы убьемъ его сейчасъ—ибо онъ не достоинъ править нами.

И Молодой Король снова склонилъ голову и погрузился въ молитву. Окончивъ ее, онъ поднял-

ся съ колѣнъ и, обернувшись, печально посмотрѣлъ на придворныхъ.

И вдругъ сквозь цвѣтныя стекла полились на него потоки солнечнаго свѣта, и лучи соткали вокругъ него парчевую мантію прекраснѣе мантіи, приготовленной для его торжества. Сухой посохъ зацвѣлъ лиліями бѣлѣе жемчуга. Увядшая же вѣтка шиповника на его головѣ покрылась розами алѣе рубиновъ. Бѣлѣе прекраснѣйшихъ жемчужинъ были лиліи, а стебли ихъ сіяли чистымъ серебромъ. Алѣе красныхъ рубиновъ были розы, а листья ихъ горѣли червоннымъ золотомъ.

Такъ стоялъ онъ въ облаченіи короля, и створки алмазнаго ковчега раскрылись, и изъ хрусталя многогранной дарохранительницы полился дивный, таинственный свѣтъ. Неподвижно стоялъ онъ въ облаченіи короля и Слава Творца наполняла храмъ, а святые, казалось, ожили въ своихъ рѣзныхъ нишахъ. Въ прекрасномъ облаченіи короля стоялъ онъ передъ народомъ, а звуки органа неслись подъ своды, трубачи трубили, и хоръ мальчиковъ пѣлъ.

И объятый трепетомъ народъ палъ на колѣни, и вельможи вложили мечи въ ножны и поклонились Королю, и лицо епископа поблѣднѣло, и руки его задрожали.—Болѣе могущественный, чѣмъ я, увѣнчалъ тебя!—воскликнулъ онъ и упалъ передъ нимъ на колѣни.

И Молодой Король спустился съ высокихъ ступеней алтаря и черезъ толпу прошелъ во дворецъ. Но никто не смѣлъ взглянуть ему въ лицо, ибо оно сіяло, какъ лицо ангела.

Флорентинская трагедія.

ОТРЫВОКЪ.

Гвидо Барди, флорентинскій принцъ.
Симóне, купецъ.
Біанка, жена его.

Дѣйствіе происходитъ во Флоренціи.

Сцена представляетъ комнату въ старинномъ домѣ во Флоренціи, увѣшанную коврами, съ дверью, выходящею на балконъ. Столъ, накрытый для скромнаго ужина. Ткацкій станокъ, прялка, сундуки, кресла, скамьи.

Симоне. Ужъ столъ накрытъ и вамъ приборъ
поставленъ.
Біанка, дай мнѣ стулъ! Закрой окно,
Задвинь болты у ставень: не хочу я,
Чтобъ праздный людъ, нескромный въ любопытствѣ,
Веселье наше подсмотрѣлъ.
Теперь,
Синьоръ, скажите здравицу, поднявши
Стаканъ, виномъ наполненный до края.

Онъ наливаетъ два стакана, при чемъ бутылка замѣтно дрожитъ въ его рукѣ, и, когда Гвидо поднимаетъ свой стаканъ, на скатерти остается пятно отъ мокраго дна. Увидавъ это, Симоне вздрагиваетъ и ставитъ обратно на столъ свой стаканъ, не притронувшись къ нему.

Что за пятно на скатерти? Какъ рана
Въ бедрѣ Христа,—пурпурное пятно!
Иль попросту вино? А есть примѣта:
Гдѣ пролито вино—прольется кровь.
Конечно, бабья сказка!
Я надѣюсь,
Мой виноградъ по вкусу вамъ, синьоръ?
Вино Неаполя пылаетъ словно
Ему родныя горы, а въ Тосканѣ
Нашъ виноградъ даетъ для чаши сокъ
Куда и здоровѣй и крѣпче.

Гвидо. Вѣрно.
Мнѣ нравится вино твое, Симоне,
И съ твоего любезнаго согласья
Я выпью за здоровье милой Бьянки,
Но я хотѣлъ бы прежде, чтобъ губами,

Подобными пурпурно-краснымъ розамъ,
Она коснулась чаши и вино
Въ ней слаще сдѣлала. Отпей, Біанка!

Біанка пьетъ.

Что пчелъ Гиблейскихъ медъ въ сравненьи съ этимъ
Напиткомъ?—только горечь!
Мой Симоне,
Что жъ ты участія не примешь въ пирѣ?

Симоне. Мнѣ странно самому, синьоръ,—сегодня
Ни ѣсть, ни пить я съ вами не могу,
Не по себѣ мнѣ, словно лихорадка
Въ моей крови, всегда вполнѣ спокойной,
Иль въ головѣ навязчивая мысль
Скользитъ, какъ змѣй, въ мозгу отъ точки къ точкѣ,
Какъ сумасшедшій бродитъ по каморкамъ,
Желудокъ отравляетъ, отвращенье
Внушая мнѣ на мѣсто аппетита.

Отходитъ въ сторону.

Гвидо. Біанка милая, торгашъ твой скучный
Несносенъ мнѣ, я думаю уйти.
Наутро я приду, назначь мнѣ время.

Біанка. Едва взойдетъ заря. Пока не встрѣчу
Тебя опять, вся жизнь моя—пуста.

Гвидо. О, распусти волосъ твоихъ змѣистыхъ
Спадающую полночь; словно въ звѣздахъ,
Въ твоихъ глазахъ дай видѣть мнѣ мой образъ,
Какъ въ зеркалѣ. Тамъ сохрани его,
Хотя бъ какъ тѣнь. И не гляди вокругъ
На скучные предметы, что не могутъ
Меня тебѣ напомнить. Я ревную
Ко всѣмъ вещамъ, къ которымъ прикоснуться
Твой можетъ взоръ.

Біанка. Увѣренъ будь, твой образъ
Отнынѣ навсегда со мною будетъ.
Любовь дастъ смыслъ напоминаній нѣжныхъ
Ничтожной самой вещи. Но не позже,
Чѣмъ жаворонокъ звонкимъ пѣньемъ въ небѣ

Разбудитъ міръ уснувшихъ, ты приди;
Здѣсь на балконѣ буду ждать я друга.

Гвидо. Затѣмъ ко мнѣ по лѣстницѣ изъ шелка
И жемчугомъ по алому расшитой,
Ты спустишься, ступая бѣлой ножкой,
Какъ легкій снѣгъ на кустъ осеннихъ розъ.

Біанка. Какъ хочешь. Знай, отнынѣ я твоя
И на любовь и на смерть!

Гвидо. Мнѣ, Симоне,
Пора итти...

Симоне. Такъ скоро? Почему?
Еще соборный колоколъ не пробилъ
Часъ полночи, и стражники, чьи трубы
По улицамъ пустыннымъ дразнятъ мѣсяцъ,
Еще въ своихъ покойно дремлютъ башняхъ.
Немного подождите. Я боюсь,
Что мы васъ здѣсь ужъ больше не увидимъ.
И сердце мнѣ печалитъ этотъ страхъ.

Гвидо. Напрасный страхъ, Симоне, я всегда
Останусь вѣрнымъ нашей дружбѣ. Только
Сегодня мнѣ пора уже, пора!
До завтра же, Біанка!

Симоне. Что жъ, пусть такъ!
Хоть съ вами радъ бесѣдовать я дольше,
Вновь обрѣтенный другъ, высокій гость,
Но, знать, не быть тому. При томъ, я знаю,
Васъ ждетъ отецъ, скучаетъ онъ по васъ,
По голосѣ, по звукамъ вашихъ шпоръ.
Вы у него одинъ, одна опора,
Единственный цвѣтокъ средь сорныхъ травъ,
Племянники...—но тѣ его не любятъ.
Такъ говорятъ,—по слухамъ я сужу.
Наслѣдство ваше зависть возбуждаетъ
Въ сердцахъ у нихъ, на виноградникъ вашъ
Они глядятъ такими же глазами,
Какъ царь Ахавъ на поле Навуѳея.
Конечно, сплетни все, болтаютъ мало ль
По городу.

Покойной ночи, принцъ!
Біанка, факелъ! Лѣстница стара,
Прогнила кое-гдѣ, а блѣдный мѣсяцъ,
Какъ скряга, сталъ жалѣть свои лучи
И прячетъ ликъ за тюлевою маской,
Какъ проститутки, выходя на ловъ,
Чтобъ въ грѣхъ вовлечь неопытную душу.
Сейчасъ я вамъ достану плащъ и шпагу.
Позвольте, нѣтъ, я долженъ услужить вамъ,
Кто мой почтилъ мѣщанскій, бѣдный домъ,
Со мной отпилъ вина, отвѣдалъ хлѣба
И былъ такъ добръ и простъ. Жена и я,
Не разъ мы вспомнимъ радость этой ночи
И всѣ ея послѣдствія...

Ну, шпага!
Закалъ Феррары, гибкостью—змѣя!
И какъ змѣя, конечно, смертоносна.
Что говорить! На жизненныхъ дорогахъ
Съ такою сталью нечего бояться.
Я не встрѣчалъ столь дивнаго клинка.
И у меня есть шпага, да немного
Заржавлена теперь! Мы—люди мира.
Смиренью учатъ насъ, насъ учатъ шею
Сгибать подъ тяжкой ношей, не роптать
На кривду свѣта, молча выносить
Неправыя обиды, и, подобно
Жиду, что терпитъ вѣчно, мы находимъ
Въ страданьяхъ нашихъ пользу для себя.
Но, помню, разъ, близъ Падуи, въ пути
Отнять хотѣлъ разбойникъ у меня
Коня съ товарами. Такъ все же горло
Ему я перерѣзалъ. Да, могу
Я вынести безчестье, оскорбленье
И всякія позорныя слова,
И явное къ себѣ пренебреженье,
Но тотъ, кому бъ явилась мысль украсть
Хоть что-нибудь такое, что м о е,
Пусть будетъ то лишь глиняный сосудъ,
Изъ коего я утоляю жажду—
Рискуетъ онъ душой своей и тѣломъ

Въ томъ воровствѣ. Изъ странной глины люди,
Мы, слѣплены.

Гвидо. Къ чему твои слова?

Симоне. Хочу я знать, синьоръ, не лучше ль въ
шпагѣ
Моей закалъ, чѣмъ въ этомъ вотъ клинкѣ.
Желаете, устроимъ испытанье?
Иль, можетъ быть, для васъ зазорно будетъ
Скрестить клинокъ съ моимъ, будь то шутя
Иль не шутя?

Гвидо. Нѣтъ ничего пріятнѣй,
Чѣмъ стать лицомъ къ лицу съ тобой и шпаги
Скрестить, будь то шутя иль не шутя.
Дай мнѣ мою, достань свою скорѣе.
Пусть эта ночь рѣшитъ вопросъ великій,
Чья закаленнѣй сталь—купца иль принца.
Не такъ ли ты сказалъ? Зачѣмъ же медлишь?

Симоне. Изъ милостей, которыми мой домъ
Осыпать вамъ, синьоръ, угодно было,—
То милость величайшая.
Біанка!
Дай шпагу мнѣ! Отлично! Отодвинь
Столы и стулья. Нуженъ кругъ свободный
Для поединка нашего. Свѣти
Намъ факеломъ, чтобъ это состязанье
Не перешло изъ шутки вдругъ въ серьезъ.

Біанка. Къ Гвидо.
Убей его! Убей!

Симоне. Біанка, факелъ!

Начинаютъ биться,

Разъ! А! Ага! А что? Вотъ такъ! Ну что жъ?

Его ранитъ Гвидо.

Царапина, не больше; слишкомъ факелъ
Мнѣ билъ въ глаза. Но не смотри такъ грустно,
Жена моя, все это пустяки.
Я раненъ, но легко, подай-ка тряпку,

Перевяжи мнѣ руку,—слишкомъ крѣпко,
Нѣжнѣе, милая! Зачѣмъ грустить?
О, не грусти!.. Нѣтъ, прочь ее, не надо!
Бѣда ль, что льется кровь!

Срываетъ повязку.

Еще, еще!
Симоне выбиваетъ шпагу у Гвидо.

Вотъ видите, синьоръ, сказалъ я правду,
И мой клинокъ былъ лучше закаленъ,
И сталь его покрѣпче. Но кинжалы
Попробуемъ.

Біанка. Къ Гвидо.

Убей его! убей!

Симоне. Гаси твой факелъ, Біянка!

Біанка гаситъ факелъ.

И теперь,
Теперь на смерть, синьоръ, пока не ляжетъ
Одинъ изъ насъ, иль оба, или всѣ,
Всѣ три, быть можетъ.

Дерутся.

Такъ, и такъ, и такъ!
А, дьяволъ! Да, теперь въ моей рукѣ ты.

Симоне беретъ верхъ надъ Гвидо и бросаетъ его на полъ.

Гвидо. Дуракъ, сними клещи свои мнѣ съ горла.
Я у отца единственный вѣдь сынъ;
У государства лишь одинъ наслѣдникъ.
Коварный врагъ нашъ, Франція, ужъ ждетъ
Конца отцовской линіи, готовый
Врасплохъ напасть на городъ нашъ.

Симоне. Молчи!
Бездѣтнымъ ставъ, повѣрь, счастливѣй будетъ
Отецъ твой; а Флоренціи не нужно
Прелюбодѣя—кормчимъ у руля.
Своею жизнью ты лишь загрязняешь
Святыню нашихъ лилій.

Гвидо. Руки прочь!
Проклятыя прочь руки, говорю я!
Пусти меня!

Симоне. Ну нѣтъ! Ты ловко такъ
Попался мнѣ, что тщетны всѣ надежды.
Теперь свелась въ одинъ моментъ позора
Вся жизнь твоя, и кончится позоромъ.

Гвидо. Священника прошу я передъ смертью...

Симоне. Къ чему? Грѣхи свои повѣдай Богу,
Котораго ты въ эту ночь увидишь,
Чтобъ больше не увидѣть никогда,—
Тому, Кто справедливъ, но безпощаденъ,
И милосердъ, хоть справедливъ... А я...

Гвидо. О, помоги мнѣ, милая Біанка,
Вѣдь знаешь ты, я зла не сотворилъ.

Симоне. Какъ! Смерть еще губъ лживыхъ не сковала?
Умри, какъ песъ, съ повисшимъ языкомъ!
Умри! Рѣка твой трупъ безмолвно приметъ
И въ море неопознаннымъ снесетъ.

Гвидо. Прими, Господь, несчастный духъ мой съ миромъ!

Симоне. Аминь! Теперь чередъ другой!

Гвидо умираетъ. Симоне поднимается и глядитъ на Біанку. Она подходитъ къ нему, словно ослѣпленная изумленіемъ, съ широко раскрытыми руками.

Біанка. Зачѣмъ ты
Мнѣ не сказалъ, какъ ты могучъ?

Симоне. Зачѣмъ
Ты не сказала мнѣ, какъ ты прекрасна?

Цѣлуетъ ее въ губы.

М. ЛИКІАРДОПУЛО и А. КУРСИНСКІЙ.

Баллада Рэдингской тюрьмы.

Онъ не былъ больше въ ярко-красномъ,
Вино и кровь онъ слилъ,
Рука въ крови была, когда онъ
Съ умершей найденъ былъ,
Кого любилъ и, ослѣпленный,
Въ постели онъ убилъ.

И вотъ онъ шелъ межъ Подсудимыхъ,
Весь въ сѣрое одѣтъ.
Была легка его походка,
Онъ не былъ грустенъ, нѣтъ,
Но не видалъ я, чтобъ глядѣли
Такъ пристально на свѣтъ.

Я никогда не зналъ, что можетъ
Такъ пристальнымъ быть взоръ,
Впиваясь въ узкую полоску,
Въ тотъ голубой узоръ,
Что, узники, зовемъ мы небомъ,
И въ чемъ нашъ весь просторъ.

Съ другими душами чистилищъ,
Въ другомъ кольцѣ, впередъ,
Я шелъ и думалъ, что́ онъ сдѣлалъ,
Что́ совершилъ вонъ тотъ,
Вдругъ кто-то прошепталъ за мною:
„Его веревка ждетъ“.

О, Боже мой! глухія стѣны
Шатнулись предо мной,
И небо стало разскаленнымъ,
Какъ печь, надъ головой,
И пусть я шелъ въ жестокой пыткѣ,
Забылъ я ужасъ свой.

Я только зналъ, какою мыслью—
Ему судьба—горѣть,
И почему на свѣтъ дневной онъ
Не можетъ не смотрѣть,
Убилъ онъ ту, кого любилъ онъ,
И долженъ умереть.

Но убиваютъ всѣ любимыхъ,
Пусть знаютъ всѣ о томъ,
Одинъ убьетъ жестокимъ взглядомъ,
Другой обманнымъ сномъ,
Трусливый—лживымъ поцѣлуемъ,
И тотъ кто смѣлъ—мечомъ!

Одинъ убьетъ любовь въ расцвѣтѣ,
Другой—на склонѣ лѣтъ,
Одинъ удушитъ въ сладострастьи,
Другой—подъ звонъ монетъ,
Добрѣйшій—ножъ беретъ: кто умеръ,
Въ томъ муки больше нѣтъ.

Мы проходили, образуя
Нашъ—Шутовской—Парадъ,
Что́ въ томъ! Вѣдь были мы одною
Изъ Дьявольскихъ Бригадъ:
Въ ногахъ свинецъ, затылки бриты,
Роскошный маскарадъ.

Канаты рвали мы, и ногти,
Въ крови, ломали мы,
Полъ мыли щеткой, терли двери
Рѣшетчатой тюрьмы,
Шелъ гулъ отъ топота, отъ ведеръ,
Отъ адской кутерьмы.

Мѣшки мы шили, били камни,
Шелъ звонъ со всѣхъ сторонъ,

Мы били жесть, и пѣли гимны,
Нашъ умъ былъ оглушенъ,
Но въ сердцѣ каждаго былъ ужасъ,
Таился въ сердцѣ онъ.

Таился такъ, что дни, какъ волны,
Межъ травъ густыхъ ползли,
Забыли мы, чего обманщикъ
И глупый ждать могли,
Но разъ, съ работы возвращаясь,
Могилу мы прошли.

Зіяла яма жадной пастью,
Возжаждавшей убить,
Кричала грязь, что хочетъ крови,
Асфальту нужно пить,
Мы знали: завтра между нами
Одинъ окончитъ быть.

И мы вошли, душой взирая
На Смерть, на Судъ, на Страхъ;
Прошелъ палачъ, съ своей сумою,
Онъ спрятался впотьмахъ;
И мы дрожа замкнулись, каждый
Подъ номеромъ, въ гробахъ.

Въ ту ночь Тѣнями, въ коридорахъ,
Тюрьма была полна,
Вошли шаги въ Желѣзный Городъ,
Шепталась тишина,
И лица блѣдныя глядѣли
Сквозь полосы окна.

И Стражи, въ обуви безшумной,
Смотря въ дверной кружокъ,
Пугались, на полу увидя
Тѣхъ, духъ чей изнемогъ,
Дивились, что молиться могутъ,
Кто никогда не могъ.

Сѣдой пѣтухъ пропѣлъ, и красный,
Но дня не привели,
И тѣни Ужаса предъ нами
По всѣмъ угламъ ползли,

И каждый духъ, что бродитъ ночью,
Кривясь, густѣлъ въ пыли.

Они съ ужимками мигали
Вблизи и вдалекѣ,
Они плясали сарабанду,
И шла рука къ рукѣ,
Они чертили арабески,
Какъ вѣтеръ на пескѣ!

Кругомъ, кругомъ, въ зловѣщемъ вальсѣ,
Крутились духи тьмы,
Они жеманно улыбались
По всѣмъ угламъ тюрьмы,
Мигали, тонко усмѣхались,
Пока молились мы.

Ночь длилась, но ужь вѣтеръ утра
Леталъ, легко стеня,
Всѣ нити мрака Ночь продлила,
Сквозь свой станокъ гоня,
И мы въ молитвахъ ужаснулись
На Правосудье Дня.

И наконецъ во мглѣ неясной,
На извести стѣнной,
Увидѣлъ призракъ я рѣшетки,
Узоръ ея рѣзной,
И я узналъ, что гдѣ-то въ мірѣ
Былъ красенъ свѣтъ дневной.

И въ шесть часовъ мели мы кельи,
Въ семь тишь вездѣ была,
Но внятенъ шорохъ былъ, качанье
Могучаго крыла;
Чтобы убить, съ дыханьемъ льдистымъ,
Въ тюрьму къ намъ Смерть вошла.

Не на конѣ какъ мѣсяцъ бѣломъ,
Не въ краскахъ огневыхъ.
Сажень веревки только нужно,
Чтобъ человѣкъ затихъ,
И вотъ она вошла въ веревкой
Для тайныхъ дѣлъ своихъ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

ТРАНЦІЯ

ШАРЛЬ БОДЛЕРЪ.

1821-1867.

Соотвѣтствія.

Природа—дивный храмъ, гдѣ рядъ живыхъ колоннъ
О чемъ-то шепчетъ намъ невнятными словами,
Лѣсъ темный символовъ знакомыми очами
На проходящаго глядитъ со всѣхъ сторонъ.
Какъ людныхъ городовъ стозвучные раскаты
Сливаются вдали въ одинъ неясный громъ,
Такъ въ единеніи находятся живомъ
Всѣ тоны на землѣ, цвѣты и ароматы.
Есть много запаховъ здоровыхъ, молодыхъ,
Какъ тѣло дѣтское, — какъ флейты нѣжныхъ,
Зеленыхъ, какъ луга... И много есть иныхъ,
Нахально блещущихъ, развратныхъ и мятежныхъ.
Тамъ мускусъ, ѳиміамъ, пачули и бензой
Поютъ экстазы чувствъ и добрыхъ силъ прибой.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

* * *

На мягкомъ ложѣ зла рукой неутомимой
Нашъ духъ баюкаетъ, какъ нянька, Сатана,
И мудрымъ химикомъ въ насъ испаренъ до дна
Душевной твердости металлъ неоцѣнимый.

За нити тайныя насъ дергаетъ самъ адъ—
Мы въ омерзительномъ прекрасное находимъ;
Что день, на шагъ одинъ въ глубь преисподней
сходимъ
И съ чувствомъ ужаса не поглядимъ назадъ!
. . . . . .

Немолчно копошась, какъ милліонъ червей,
Толпа въ насъ демоновъ безстыдныхъ веселится,
И съ каждымъ вздохомъ Смерть намъ въ легкія
струится
Съ глухою жалобой, незримо для очей.

И если ядъ, пожаръ и остріе кинжала
Еще не вышили узоровъ роковыхъ
На нашихъ скучныхъ дняхъ, и пошлыхъ и пустыхъ,—
Увы! лишь потому, что въ насъ отваги мало...

Но средь лисицъ, пантеръ, шакаловъ, ястребовъ,
Средь гадовъ всѣхъ породъ, ползущихъ и летящихъ,
Чудовищъ воющихъ, ревущихъ и визжащихъ,
Въ звѣринцѣ нашихъ душъ, подъ грудою грѣховъ,

Одно есть чудище, исчадье адской злобы:
Въ своей недвижности загадочно-нѣмой
Охотно бъ шаръ оно разрушило земной
И поглотить весь міръ однимъ зѣвкомъ могло бы!

То—Скука... Грезится ей плахъ кровавыхъ рядъ,
И противъ воли взоръ подернутъ слезъ туманомъ...
Читатель, ты знакомъ съ изнѣженнымъ тираномъ,—
Читатель-лицемѣръ,—подобный мнѣ,—мой братъ!

П. Я.

Въ толпѣ.

Не каждому дано умѣнье, все въ мірѣ позабывъ, погружаться въ шумныя, темныя волны народа, наслаждаться толпою—это трудное искусство; и только тотъ можетъ наблюденіями надъ чужой жизнью удвоить ея силу и трепетъ въ своей собственной груди, въ кого отъ самой колыбели благодатная фея вдохнула ненависть къ лѣнивому покою, стремленію вдаль, жажду новизны и приключеній.

Толпа, уединеніе: не одинаковъ ли смыслъ этихъ словъ для творческой души поэта? Кто не умѣетъ населять мечтой уединеніе, тотъ не сумѣетъ быть одинокимъ въ толпѣ. Поэту принадлежитъ неоцѣнимый даръ быть по произволу въ одно и то же время и самимъ собою, и вовсе чуждымъ ему лицомъ. Какъ тѣ блуждающія души, что ищутъ и выбираютъ себѣ тѣло, онъ воплощается, въ кого пожелаетъ. Все открыто передъ нимъ, и если онъ куда-нибудь рѣдко заглядываетъ, то значитъ въ его глазахъ это и не стоило труда.

Одинокій мечтатель въ своихъ долгихъ прогулкахъ опьяняется этимъ полнымъ сліяніемъ съ толпою. Оно даетъ ему такую глубину напряженнаго, почти болѣзненнаго счастья, о которой и не помышлялъ лѣнивый себялюбецъ, замкнутый въ своемъ тѣсномъ кругѣ, какъ улитка въ раковинѣ. Желанія, страсти, печали, радости,—что́ бы не попалось ему на дорогѣ, все беретъ онъ на себя.

То, что́ люди привыкли называть любовью—какъ это ничтожно, бѣдно, слабо предъ этимъ неукротимымъ разгуломъ и святымъ и великимъ прелюбодѣяніемъ души, готовой отдаться нераздѣльно, со всей красотой и мощью первому незнакомцу-прохожему, первому встрѣчному явленію жизни.

Тѣмъ, кто пресыщенъ благами міра, слѣдуетъ напомнить, хотя бы для того, чтобы на мигъ нарушить ихъ тупое самодовольство, что есть утончен-

ное глубокое наслажденіе помимо ихъ грубаго, пошлаго счастья.

Вождямъ переселенцевъ, пастырямъ народовъ, миссіонерамъ, заброшеннымъ на край свѣта, вѣроятно, не разъ приходилось испытывать чувство, подобное этимъ таинственнымъ, опьяняющимъ восторгамъ; тамъ на лонѣ великихъ семей племенъ, которыя сплотилъ ихъ геній, они, быть можетъ, смѣются надъ тѣми, кто жалѣетъ ихъ за тяжелыя лишенія, за бурныя тревоги и цѣломудренную строгость ихъ жизни.

ПЕР. Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

Альбатросъ.

Когда въ морскомъ пути тоска беретъ матросовъ,
Они, досужій часъ желая скоротать,
Безпечныхъ ловятъ птицъ, огромныхъ альбатросовъ,
Что́ встрѣчные суда такъ любятъ провожать.

И вотъ, когда царя любимаго лазури
На палубѣ кладутъ, онъ снѣжныхъ два крыла,
Умѣвшихъ такъ легко парить навстрѣчу бурѣ,
Застѣнчиво влачитъ, какъ два большихъ весла.

Быстрѣйшій изъ гонцовъ, какъ грузно онъ ступаетъ!
Краса воздушныхъ странъ,—о, какъ онъ сталъ смѣшонъ!
Дразня, тотъ въ клювъ ему табачный дымъ пускаетъ,
Тотъ веселитъ толпу, хромая, какъ и онъ.

Поэтъ, вотъ образъ твой! Ты также безъ усилья
Летаешь въ облакахъ средь молній и громовъ,
Но исполинскія тебѣ мѣшаютъ крылья
Внизу ходитъ, въ толпѣ, средь шиканья глупцовъ.

П. Я.

Harmonie du soir.

Маргаритѣ.

Въ этотъ часъ всѣ мгновенья такъ нѣжно дрожатъ;
Дышитъ каждый цвѣтокъ на упругомъ стеблѣ;
Пряныхъ звуковъ гирлянды кружатъ въ полумглѣ...
О, задумчивый вальсъ, упоеній каскадъ!

Дышитъ каждый цвѣтокъ на упругомъ стеблѣ;
Томнымъ стономъ души чьи-то струны звенятъ...
О, задумчивый вальсъ, упоеній каскадъ!
А лазурь съ грустной лаской склонилась къ землѣ.

Томнымъ стономъ души чьи-то струны звенятъ;
Сердце хочетъ святынь средь пустынь, что во мглѣ;
А лазурь съ грустной лаской склонилась къ землѣ;
Кровью солнца облитъ, остываетъ закатъ.

Сердце хочетъ святынь, средь пустынь, что во мглѣ,
Ловитъ каждый намекъ отблиставшихъ отрадъ,—
Кровью солнца облитъ, остываетъ закатъ...
Ты,—о ты! для мечты—яркій крестъ на скалѣ!

А. КУРСИНСКІЙ.

* * *

Тебѣ мои стихи! когда поэта имя,
Какъ легкая ладья, что гонитъ Аквилонъ,
Причалитъ къ берегамъ невѣдомыхъ временъ
И мозгъ людей зажжетъ видѣньями своими—

Пусть память о тебѣ назойливо гремитъ,
Пусть мучитъ, какъ тимпанъ, чаруетъ, какъ преданье,
Сплетется съ риѳмами въ мистическомъ сліяньѣ,
Какъ только съ петлей трупъ бываетъ братски слитъ!

Ты, бездной адскою, ты, небомъ проклятая,
Въ одной моей душѣ нашла себѣ отвѣтъ!
Ты, тѣнь мгновенная, чей контуръ гаснетъ, тая.

Глумясь надъ смертными, ты попираешь свѣтъ
И взоромъ яшмовымъ и легкою стопою,
Гигантскимъ ангеломъ воздвигшись надъ толпою!

ЭЛЛИСЪ.

Химеры.

Подъ сѣрымъ небомъ, на широкой пыльной равнинѣ безъ дорогъ и безъ малѣйшей жизни, гдѣ не росли даже ни чертополохъ ни крапива, встрѣтилъ я нѣсколькихъ человѣкъ, которые шли согнувшись.

Каждый изъ нихъ несъ на спинѣ громадную химеру, тяжелую, какъ куль съ каменнымъ углемъ или мукой, грузную, какъ вооруженье римскаго пѣхотинца.

Но отвратительное животное не было недвижнымъ грузомъ: напротивъ, оно охватывало и давило человѣка своими упругими и крѣпкими мышцами, оно вцѣпилось обѣими широкими лапами въ грудь своего носильщика, и ея страшная голова возвышалась надъ головой человѣка, подобная тѣмъ страшнымъ шлемамъ, которыми древніе воины разсчитывали приводить въ ужасъ враговъ.

Я обратился къ одному изъ этихъ людей и спросилъ его, куда идутъ они съ такой ношей. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что ни онъ ни другіе ничего не знаютъ объ этомъ, но что, очевидно, они идутъ къ чему-то, потому что ихъ гонитъ какая-то неодолимая потребность итти.

И—странная вещь—ни одинъ изъ этихъ путниковъ не казался раздраженнымъ на дикое животное, которое повисло у него на шеѣ и прильнуло къ его спинѣ; можно было подумать, что оно представлялось имъ какъ бы частью ихъ тѣла. Всѣ эти истомленныя и строгія лица не выражали отчаянья. Подъ тоскливымъ небомъ, утопая ногами въ пыли, по землѣ такъ же безжизненной, какъ и небо, шли они съ покорнымъ видомъ людей, обреченнымъ на вѣчную надежду.

Вотъ вереница ихъ прошла передо мной и исчезла на горизонтѣ,—тамъ, гдѣ земля закругляется, убѣгая отъ любопытнаго взора.

Нѣсколько мгновеній мнѣ упорно хотѣлось разгадать эту тайну; но скоро неодолимая апатія завладѣла мной; она душила меня тяжелѣе, чѣмъ тѣхъ людей душили ихъ химеры.

ПЕРЕВ. А. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Веселый мертвецъ.

Я вырою себѣ глубокій, черный ровъ,
Чтобъ въ нѣдра тучныя и полныя улитокъ
Упасть, на днѣ стихій найти послѣдній кровъ
И кости простереть, изнывшія отъ пытокъ.

Я ни одной слезы у міра не просилъ,
Я проклялъ кладбища, отвергнулъ завѣщанья;
И самъ я вороновъ на тризну пригласилъ,
Чтобъ остовъ смрадный имъ предать на растерзанье.

О вы, безглазые, безухіе друзья,
О черви! къ вамъ пришелъ мертвецъ веселый, я:
О вы, философы, сыны земного тлѣнья!

Ползите жъ сквозь меня безъ муки сожалѣнья;
Иль пытки новыя возможны для того,
Кто—трупъ межъ трупами, въ комъ все давно
мертво?

ЭЛЛИСЪ.

Флаконъ.

Бываютъ запахи, которымъ нѣтъ преградъ:
Сквозь прочное стекло ихъ проникаетъ ядъ.
Вскрывая сундучекъ, полученный съ востока,
Съ визгливой крышкою, проржавѣвшей жестоко,

Иль почернѣлый шкафъ невѣдомыхъ временъ,
Случается найти надтреснутый флаконъ,
Стоявшій много лѣтъ, слой пыли накопляя,
Откуда брызнетъ вдругъ душа еще живая...

И рой прекрасныхъ грёзъ, таившихся въ тиши
Подобно куколкамъ средь сумерекъ души,—
Раскрывши крылышки лазурно-золотыя,
Вспорхнетъ восторженно подъ небеса родныя!

Но вотъ тяжелый сонъ, зловѣщій, какъ гроза,
Встаетъ изъ мрака дней... Смыкаются глаза,
Кружится голова... Невѣдомая сила
Руками страшными и мозгъ, и грудь сдавила

И тянетъ къ пропасти безъ берега и дна,
Гдѣ призрачный мертвецъ, срывая путы сна,
Какъ Лазарь, движется, обвитый пеленами,
Пропахшій старою любовью и грѣхами...

Такъ, на пиру людей ненужнымъ хламомъ ставъ,
Заброшенъ нѣкогда въ такой же мрачный шкафъ,
Флаконъ осушенный, отвергнутый, надбитый,
И грязью липкою и плѣсенью покрытый,—

Твоей гробницею я буду, милый ядъ,
Источникъ горестей и неземныхъ отрадъ,
Издѣлье ангеловъ изъ лучшихъ гроздій рая,
О, жизнь моя и смерть, моя цикута злая!...

П. Я.

Падаль.

Было ясное утро. Подъ музыку нѣжныхъ рѣчей
Шли тропинкою мы; полной грудью дышалось.
Вдругъ, вы вскрикнули громко: на ложѣ изъ жестких
кихъ камней
Безобразная падаль валялась...

Какъ безстыдная женщина, нагло впередъ
Обнаженныя ноги она выставляла,
Открывая цинично зеленый животъ,—
И отравой дышать заставляла...

Но, какъ-будто на розу, на остовъ гнилой
Небо ясно глядѣло, привѣтно синѣя!
Только мы были хмуры, и вы, ангелъ мой,
Чуть стояли, дрожа и блѣднѣя.

Рои мошекъ носились вблизи и вдали,
Непріятнымъ жужжаньемъ нашъ слухъ поражая;
Вдоль лоскутьевъ гнилыхъ, извиваясь, ползли
И текли, какъ похлебка густая,

Батальоны червей... Точно въ морѣ волна,
Эта черная падаль то внизъ опадала,
То вздымалась тихонько: какъ будто она
Еще жизнію смутной дышала.

И неслась надъ ней музыка странная... Такъ
Зерна хлѣба шумятъ, когда вѣтра стремленьемъ
Ихъ несетъ по гумну; такъ сбѣгаетъ въ оврагъ
Говорливый ручей по каменьямъ.

Формы тѣла давно уже были мечтой,
Походя на эскизъ, торопливо и блѣдно
На бумагу набросанный чьей-то рукой
И закинутый въ уголъ безслѣдно.

Изъ-за груды каменьевъ на смрадный скелетъ
Собачонка глядѣла, сверкая глазами
И, какъ будто, смакуя роскошный обѣдъ,
Такъ не во-время прерванный нами...

Но, однако, и вамъ этотъ жребій грозитъ—
Быть такимъ же гнилымъ, отвратительнымъ соромъ,
Вамъ, мой ангелъ, съ горячимъ румянцемъ ланитъ,
Съ вашимъ кротко мерцающимъ взоромъ!

Да, любовь моя, да, мое солнце! Увы,
Тѣмъ же будете вы... Въ видѣ столь же позорномъ,
Послѣ таинствъ послѣднихъ, уляжетесь вы
Средь костей, подъ цвѣтами и дёрномъ.

Такъ скажите жъ червямъ, когда станутъ они
Ваши ѣсть поцѣлуи на тризнѣ ужасной,
Что я душу сберегъ моей мертвой любви,
Образъ пери нетлѣнно-прекрасный!

П. Я.

Признаніе.

Разъ, одинъ только разъ, дорогая волшебница,
Ваша нѣжная ручка довѣрилась мнѣ.
Этотъ день еще ярко горитъ въ моей памяти,
Въ сокровенной ея глубинѣ!

Было поздно... Сверкнувъ, какъ монета огромная,
Изъ-за кровель домовъ показалась луна,
И дремотная полночь струилась торжественно
Надъ Парижемъ, тепла и душна.

Осторожныя кошки скользили таинственно
Вдоль домовъ, въ подворотняхъ скрываясь отъ глазъ,
Словно тѣни родныя, походкой безшумною
Провожая сочувственно насъ.

Вдругъ среди разговора, интимно расцвѣтшаго,
Задушевнаго, чуждаго мрачныхъ заботъ,
Изъ груди вашей звучной, изъ этого чуднаго
Инструмента, гдѣ радость живетъ,

Изъ груди лучезарной, какъ въ утро весеннее
Предразсвѣтной трубы ободряющій звукъ,
Нота вырвалась странная—жалкая, грустная,
Все собой пошатнувшая вдругъ!

Какъ больной, безобразный ребенокъ, котораго
Сторонились чужіе, краснѣли свои,
И который, въ чуланѣ скрываясь, заброшенный,
Долго жилъ безъ друзей и семьи,

Бѣдный ангелъ! она, ваша нота крикливая,
Горько пѣла: „Все—ложь на землѣ и обманъ,
Все—минутный миражъ! Эгоизмъ человѣческій
Всюду виденъ подъ маской румянъ.

„Что за пошлая роль—быть красивою женщиной!
Что за тягостный трудъ—танцовщицею быть;
То безумьемъ объятой, то кстати умѣющей
Въ машинальной улыбкѣ застыть!

„Какъ нелѣпо на сердце людское разсчитывать,
Какъ измѣнчиво все—красота и любовь...
Все смѣшается въ общей корзинѣ забвенія.
Возвратится въ ничтожество вновь“!

Я не разъ вызывалъ эту полночь волшебную,
Эту даль, озаренную мягкой луной,
И довѣрчивый шопотъ признанья ужаснаго,
Какъ святыня, хранимаго мной!..

П. Я.

Окна.

Кто смотритъ снаружи въ растворенное окно, никогда не увидитъ того, что видитъ тотъ, кто смотритъ въ закрытое. Нѣтъ ничего глубже, таинственнѣе и плодотворнѣе, сумрачнѣе и ослѣпительнѣе окна, освѣщеннаго свѣчой. То, что увидишь при солнцѣ, не бываетъ никогда такъ интересно, какъ то, что дѣлается за стекломъ. Въ этомъ черномъ отверстіи бьется жизнь въ ея мечтахъ и страданіяхъ.

Тамъ, подъ крышей, замѣтилъ я женщину— зрѣлую, даже съ морщинами на лицѣ, постоянно склоненную надъ чѣмъ-то, не отступая никогда ни на шагъ. По лицу, по одеждѣ, по движеньямъ, по неуловимымъ мелочамъ я создалъ себѣ исторію этой женщины или, лучше, ея легенду. Временами я разсказываю себѣ эту легенду и плачу.

Когда бываетъ за окномъ бѣдный старикъ, я безъ труда создаю себѣ и его исторію.

И я ложусь въ постель, гордый тѣмъ, что я жилъ и страдалъ не въ самомъ себѣ, а въ другомъ.

Быть можетъ, вы скажете: „а увѣренъ ли ты, что правдива твоя легенда?“—Но какое дѣло мнѣ до того, что такое дѣйствительность, которая внѣ меня, если она помогла мнѣ жить, чувствовать, что я живу, и сознавать самого себя!

ПЕРЕВ. А. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Сплинъ.

„Ouand le ciel bas et lourd..."

Когда свинцовый сводъ давящимъ гнетомъ склепа
На землю нагнететъ, и намъ тянуть не въ мочь
Тягу постылую,—а день сочится слѣпо
Сквозь тьму сплошныхъ завѣсъ, мрачнѣй, чѣмъ
злая ночь;

И мы не на землѣ, а въ мокромъ подземельѣ,
Гдѣ—мышь летучая, осѣтенная мглой,—
Надежда мечется въ затворѣ душной кельи
И ударяется о потолокъ гнилой;

Какъ прутья частые одной темничной клѣтки,
Дождь плотный сторожитъ невольниковъ тоски,
И въ помутившемся мозгу сплетаютъ сѣтки
По сумрачнымъ угламъ сѣдые пауки;

И вдругъ срывается вопль мѣди колокольной
Подобный жалобно взрыдавшимъ голосамъ,
Какъ будто сонмъ тѣней, бездомный и бездольный,
О мирѣ возропталъ упрямо къ небесамъ;

И дрогъ безъ [illegible] влачится вереница
Въ душ[illegible].—вотще тогда Надежда слезы льетъ,
Какъ знамя черное свое Тоска-царица
[illegible]никнущимъ челомъ побѣдно разовьетъ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Бочка Ненависти.

О, злая Ненависть, ты—бочка Данаидъ,
Куда могучими и красными руками
Безъ счета ведрами всечасно Месть спѣшитъ
Влить кровь и рѣки слезъ, пролитыхъ мертвецами;

Но тайно Демономъ продѣлана дыра,
Откуда льется кровь и потъ тысячелѣтій,
И вновь живутъ тѣла, истлѣвшія вчера
И расточаютъ вновь ихъ кровь твои же плети.

Ты—горькій пьяница подъ кровлей кабака,
Чья жажда лишь растетъ отъ каждаго глотка
И множитъ головы свои, какъ гидра Лерны.

— Но счастливъ пьяница, его сразитъ вино,
Тебѣ же, Ненависть, о горе, не дано
Забыться подъ столомъ въ углу глухой таверны.

ЭЛЛИСЪ.

Маяки.

О, Рубенсъ,—лѣни садъ, водоворотъ ·
Для дикой оргіи разубранный альковъ,
Гдѣ мѣста нѣтъ любви, но все полно движенья,
Какъ бурныя стада весеннихъ облаковъ!

Да-Винчи... Зеркало съ смѣющейся толпою
Прелестныхъ ангеловъ въ бездонной глубинѣ
На фонѣ глетчеровъ, окрашенныхъ зарею,
И сосенъ, дремлющихъ въ пустынной вышинѣ

Рембрандтъ... Огромная, печальная больница
Со вздохами молитвъ надъ смрадомъ нечистотъ,
Гдѣ на убогій крестъ, символъ любви, денница
Холодные лучи изъ хмурныхъ оконъ льетъ.

Анжело... Смутный міръ, гдѣ съ Геркулесомъ рядомъ
Мадонны и Христы; гдѣ прививѣній рой,
Въ обрывкахъ савановъ, съ оцѣпенѣлымъ взглядомъ,
Изъ бездны тянется съ угрюзою нѣмой;

Гнѣвъ гладіатора, безстыдный хохотъ фавна...
Могучій, гордый духъ, рядящій и неряхъ
Въ сіянье красоты, царящій полноправно
Надъ сонмами рабовъ въ позорѣ и цѣпяхъ!

Ваттó... Кипучій вальсъ, въ которомъ безъ раздумья
Кружатся сотни паръ, нарядней мотыльковъ,
Межъ тѣмъ какъ люстры льютъ тревогу и безумье
На этотъ садъ живыхъ порхающихъ цвѣтовъ.

Ты, Гойя,—злой кошмаръ съ чудовищными снами,
Съ орудіями мукъ и смѣхомъ палачей,
Ужасный шабашъ вѣдьмъ съ кипящими котлами,
Готовящими въ снѣдь зародыши дѣтей....

Делакруа... Заливъ крававой пѣны полный,
Нечистыхъ ангеловъ излюбленный притонъ,
Гдѣ лѣсъ зеленыхъ пихтъ угрюмо смотритъ въ волны.
И странный трубный звукъ разносится, какъ стонъ...

Всѣ эти жалобы, мольбы, богохуленья,
Проклятья, возгласы и слезы безъ конца—
Священный опіумъ, дарящій намъ забвенье,
Врачующій тоской разбитыя сердца!

Призывъ охотниковъ, попавшихъ въ глубь ущелій,
Крикъ заблудившихся средь дебрей вѣковыхъ,
Маякъ, на тысячѣ зажженный цитаделей,
Пароль, назначенный для тысячъ часовыхъ!

И это лучшее, Создатель, указанье
На то, что человѣкъ рожденъ не для оковъ,—
Крикъ этотъ пламенный, похожій на рыданье,
Катящійся къ Тебѣ сквозь лабиринтъ вѣковъ!

П. Я.

Красота.

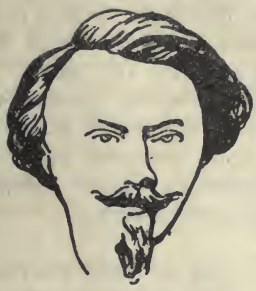
Я—камень и мечта; и я прекрасна, люди!
Нѣмой, какъ вещество, и вѣчной, какъ оно,
Ко мнѣ горитъ Поэтъ любовью. Но дано
Всѣмъ ушибиться вамъ въ свой часъ объ эти груди.

Какъ лебедь, бѣлая,—и съ сердцемъ изо льда,—
Я—Сфинксъ непонятый, царящій въ тверди синей.
Претитъ движенье мнѣ перестроеньемъ линій.
И не смѣяться мнѣ, не плакать—никогда!

Что́ величавая напечатлѣла древность
На памятникахъ славъ,—мой ликъ соединилъ.
И будетъ изучать меня Поэтовъ ревность.

Мой талисманъ двойной рабовъ моихъ плѣнилъ;
Преображенный міръ въ двухъ зеркалахъ глубокихъ,—
Въ двухъ вѣчныхъ свѣтлостяхъ моихъ очей широкихъ!

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.



ВИЛЬЕ-ДЕ-ЛИЛЬ АДАНЪ.

1840-1889.

Вѣра.

„Форма тѣла существеннѣе,
чѣмъ его субстанція".

Новѣйшая физіологія.

„Любовь сильнѣе Смерти",—сказалъ Соломонъ.—Ея таинственная власть безгранична.

Спускались осеннія сумерки. Все случившееся происходило недавно, въ наше вр ея. Къ мрачному Сенъ-Жерменскому предмѣстью подъѣзжали запоздавшія кареты съ зажженными фонарями, возвращавшіяся изъ Булонскаго лѣса. Одна изъ нихъ остановилась у подъѣзда огромнаго аристократическаго отеля, окруженнаго столѣтнимъ паркомъ и украшеннаго каменнымъ гербомъ графовъ д'Атоль: лазурный фонъ съ звѣздой въ серебряномъ сіяніи и девизомъ „Pallida Victrix", начертанныхъ подъ короной. Тяжелыя ворота растворились. Человѣкъ лѣтъ тридцати—тридцати пяти, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, вышелъ изъ кареты. На

крыльцѣ молчаливые слуги держали факелы. Не замѣчая ихъ, онъ взошелъ по ступенькамъ и скрылся въ дверяхъ. Это былъ графъ д'Атоль.

Пошатываясь, онъ поднялся по бѣлымъ лѣстницамъ въ ту комнату, гдѣ этимъ утромъ положилъ въ бархатный гробъ, наполненный фіалками, подругу своего сладострастія, завернувъ ее въ волну батиста,—свою блѣдную возлюбленную Вѣру, любовь къ которой смѣнилась теперь отчаяніемъ.

Дверь неслышно отворилась; онъ приподнялъ портьеру.

Всѣ вещи были на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ положила ихъ наканунѣ графиня. Ея смерть была подобна внезапному громовову удару. Въ послѣднюю ночь объятія ихъ таили въ себѣ столько наслажденія, ихъ ласки были такъ безумны, что ея сердце замерло навѣки, утомленное радостью. Ея губы окрасились пурпуромъ смерти. Она едва успѣла поцѣловать своего мужа, улыбаясь, не говоря ни слова; потомъ длинныя ея рѣсницы спустились, какъ траурное покрывало, надъ дивными звѣздами глазъ.

Наступилъ день, которому не было имени.

Около полудня графъ д'Атоль, послѣ тягостнаго обряда похоронъ, отпустилъ черную свиту, сопровождавшую катафалкъ. Оставшись одинъ въ мраморномъ склепѣ наединѣ съ мертвой, онъ затворилъ желѣзную дверь. Передъ гробомъ на треножникѣ дымился ладанъ; у изголовья горѣли лампады.

Онъ простоялъ тамъ цѣлый день, охваченный безнадежной нѣжностью. Въ шесть часовъ, когда надъ землей потянулись сумерки, онъ ушелъ изъ священнаго мѣста. Заперевъ дверь и стоя на послѣдней ступенькѣ у порога, онъ медленно бросилъ серебряный ключъ во внутренность склепа. Онъ бросилъ его на плиты склепа сквозь рѣшетку надъ дверью.—Зачѣмъ?.. Безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ таинственнаго рѣшенія никогда не возвращаться.

Теперь онъ снова увидѣлъ опустѣвшую комнату.

Окно, завѣшенное широкой драпировкой изъ расшитаго золотомъ кашемира, было открыто; послѣдній отблескъ дня освѣщалъ портретъ покойницы въ рамѣ стариннаго дерева. Графъ посмотрѣлъ вокругъ себя. Платье, брошенное наканунѣ на кресло; на каминѣ—драгоцѣнности, жемчужное ожерелье, полураскрытый вѣеръ, тяжелые флаконы духовъ, ароматомъ которыхъ о н а не будетъ больше наслаждаться. На неубранной кровати изъ чернаго дерева, съ изогнутыми колонками, возлѣ изголовья, на кружевахъ котораго сохранился отпечатокъ ея прелестной, божественной головы, онъ увидѣлъ окровавленный платокъ, къ которому прикоснулись на одно мгновеніе крылья ея молодой души. Раскрытое піанино хранило въ своихъ струнахъ мелодію, оборвавшуюся навсегда. Индусскіе цвѣты, сорванные ею въ зимнемъ саду, умирали въ саксонскихъ вазахъ; и возлѣ кровати, въ черномъ мѣху—бархатныя восточныя туфельки, на которыхъ вышитъ жемчугомъ лукавый и веселый девизъ Вѣры: „К т о В ѣ р у у в и д и т ъ, т о т ъ е е п о л ю б и т ъ“... Еще вчера голыя ножки его возлюбленной охватывалъ лебяжій пухъ этихъ туфелекъ! И въ углу—часы, механизмъ которыхъ онъ испортилъ, чтобы больше н е б ы л о в р е м е н и.

Итакъ, она ушла!.. Куда же?.. Жить?.. Зачѣмъ?..

Какая безмыслица!

Графъ погрузился въ глубокія размышленія.

Онъ думалъ о своей жизни.—Прошло шесть мѣсяцевъ со дня ихъ брака. Кажется, за границей, на балу въ какомъ-то посольствѣ они встрѣтились въ первый разъ?.. Да. Эта минута отчетливо ожила въ его воспоминаніи. Онъ увидѣлъ ее, сіяющую. Взгляды ихъ встрѣтились. Внутренній голосъ подсказалъ имъ, что души ихъ близки и что они должны полюбить другъ друга навсегда.

Подстерегающія улыбки, намеки, всѣ затрудненія, которыми общество пользуется, чтобы отсрочить неизбѣжное счастье о б р е ч е н н ы х ъ любить другъ друга, были безсильны передъ ихъ спокойной увѣренностью въ своей любви.

Вѣра, уставшая отъ приторной чопорности окружающей среды, послѣ перваго же непріятнаго столкновенія, пришла къ нему, величаво пренебрегая пошлыми „правилами приличія“, которыми убиваются драгоцѣнные дни жизни.

При первыхъ же словахъ, произнесенныхъ ими, „приговоры“ свѣта показались имъ подобными стаѣ ночныхъ птицъ, улетающихъ во мракѣ. Какимъ взглядомъ они обмѣнялись! А счастье объятій!..

Но они оба были, дѣйствительно, странными!— Это были существа, обладавшія удивительными способностями исключительно земного характера. Всѣ ощущенія разрастались въ нихъ съ необъяснимой напряженностью. Отдаваясь имъ, они забывали обо всемъ на свѣтѣ. Представленія о душѣ, о Безконечности, даже о Богѣ, оставались для нихъ чуждыми. Вѣра большинства людей въ сверхъестественное вызывала у нихъ только легкое недоумѣніе,—книга за семью печатями, о которой они не думали, не умѣя ни осудить, ни оцѣнить. Такимъ образомъ, не чувствуя себя связанными съ міромъ, они, съ первыхъ же дней брака, уединились въ этомъ старинномъ и мрачномъ домѣ, окруженномъ паркомъ, отдѣлявшимъ ихъ отъ шума улицы.

Тамъ двое возлюбленныхъ погребли себя въ безднѣ томительныхъ и опасныхъ наслажденій, во время которыхъ духъ соединяется съ таинственной плотью. Они упивались трагизмомъ желаній, жуткой нѣжности, содроганій, потрясающихъ тѣло. Они сдѣлались дыханіемъ жизни другъ друга. Духъ такъ глубоко проникалъ въ сущность ихъ физическихъ тѣлъ, что ихъ тѣла вскорѣ стали казаться имъ только воображаемыми, и ихъ объятья и жгучіе поцѣлуи образовали между ними невидимую духовную связь. Длительныя чары! И вдругъ все это кончилось: ужасная случайность разлучила ихъ, разъединила ихъ объятья. Какая тьма поглотила его возлюбленную? Но развѣ она умерла? Нѣтъ. Развѣ умираетъ душа віолончели въ крикѣ оборванныхъ струнъ?

Проходилъ часъ за часомъ.

Стоя возлѣ окна, онъ вглядывался въ надвигавшуюся ночь; и вотъ Ночь предстала предъ нимъ воплотившейся, принявшей образъ королевы, томящейся въ изгнаніи. Надъ деревьями, рождаясь въ глубокой синевѣ неба, Венера сверкала, какъ алмазная застежка ея траурной сдежды.

—Это Вѣра,—сказалъ онъ.

При звукѣ этого имени, произнесеннаго очень тихо, онъ вздрогнулъ, словно пробудившись отъ сна; потомъ, выпрямившись, оглянулся.

Комната была слабо озарена свѣтомъ лампадки, пламя которой, благодаря спустившейся темнотѣ, казалось звѣздой. Эта пахнувшая ладаномъ лампадка блистала возлѣ иконостаса изъ старинаго драгоцѣннаго дерева, бывшаго фамильной реликвіей Вѣры. Онъ находился между зеркаломъ и картиной. Дрожащій отблескъ золота падалъ на ожерелье, лежавшее на каминѣ среди другихъ бездѣлушекъ.

Вѣнчикъ Мадонны въ небесныхъ одеждахъ блестѣлъ, украшенный византійскимъ крестомъ, тонкія, красныя линіи котораго, расплываясь въ трепетномъ свѣтѣ, набрасывали кровавый оттѣнокъ на нѣжность жемчужинъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ Вѣра своими большими глазами молилась материнскому, чистому лику Мадонны, въ силу своей натуры относясь къ ней только съ суевѣрной любовью, охватывавшей ее, когда она въ наивной задумчивости останавливалась передъ лампадкой.

Графъ, потрясенный скорбными воспоминаніями до глубины души, выпрямился и быстро загасилъ святой огонекъ; потомъ ощупью, въ темнотѣ, протянулъ руку къ шнурку и позвонилъ.

Появился слуга: это былъ старикъ, одѣтый въ трауръ; онъ принесъ лампу и поставилъ ее передъ портретомъ графини. Когда онъ обернулся, то вздрогнулъ отъ необъяснимаго ужаса: онъ увидѣлъ своего господина, стоявшаго съ улыбкой, словно ничего не случилось.

—Раймондъ,—сказалъ спокойно графъ,—сего-

дня вечеромъ мы ужасно устали, я и графиня; приготовь ужинъ къ десяти часамъ.— Кстати, мы рѣшили съ завтрашняго для совершенно уединиться. Всѣ слуги, исключая тебя, должны сегодня же покинуть домъ. Выдай имъ жалованье за три года, и пусть они уходятъ. Потомъ запри подъѣздъ; зажги свѣчи внизу, въ столовой. Мы обойдемся при помощи только твоихъ услугъ. Мы никого не будемъ принимать.

Старикъ дрожалъ и пристально смотрѣлъ на него.

Графъ закурилъ сигару и ушелъ въ паркъ.

Слуга подумалъ, что слишкомъ тяжелое горе, слишкомъ сильное отчаянье помутили разсудокъ его господина. Онъ зналъ его съ дѣтства; онъ сейчасъ же понялъ, что неосторожное поведеніе можетъ имѣть роковыя послѣдствія, и, кромѣ того, онъ считалъ своимъ долгомъ съ уваженіемъ отнестись къ этой тайнѣ.

Онъ опустилъ голову. Играть свою роль въ этой таинственной драмѣ? Повиноваться?.. Продолжать служить имъ, забывъ о вторженіи Смерти?—Какая странная причуда!.. Можетъ быть, она пройдетъ къ завтрашнему утру?.. Завтра, завтра, увы!.. Кто знаетъ?.. Можетъ быть!..—Но развѣ эта фантазія не результатъ благоговѣйной любви?.. По какому праву онъ будетъ вмѣшиваться?..

Онъ вышелъ изъ комнаты, исполнилъ данное ему приказаніе; и съ того же вечера началась жизнь, похожая на кошмаръ.

Нужно было создать ужасный миражъ.

Тягостное настроеніе первыхъ дней быстро исчезло. Раймондъ, сначала растерявшійся, сталъ исполнять свои обязанности съ такой естественностью, такъ почтительно и заботливо, что черезъ три недѣли онъ, по временамъ, чувствовалъ себя обманутымъ самимъ собой. Прежнія размышленія стали тускнѣть. Иногда, пораженный своимъ страннымъ состояніемъ, онъ долженъ былъ убѣждать себя, что графиня дѣйствительно умерла. Увлеченный этой трагической игрой, онъ ежеминутно забывалъ

о дѣйствительности. Вскорѣ ему пришлось серьезно бороться съ собой, чтобы возвращать себя къ понимаю реальнаго. Онъ видѣлъ, что еще немного, и онъ совершенно сольется съ ужасающей атмосферой, окружавшей графа. Его охватывалъ страхъ, смутный и кроткій.

Д'Атоль дѣйствительно, жилъ, забывъ о смерти своей возлюбленной! Онъ всегда находился въ ея присутствіи, потому что тѣло ея было неотдѣлимо отъ его тѣла. Иногда, въ солнечные дни, сидя на садовой скамьѣ, онъ читалъ вслухъ ея любимые стихи; иногда по вечерамъ, возлѣ горящаго камина, передъ столикомъ, на которомъ стояли двѣ чашки чая, онъ разговаривалъ съ улыбающимся П р и з р а к о м ъ, который, казалось ему, находился возлѣ него.

Проходили дни, ночи, недѣли. И графъ, и слуга потеряли способность разбираться въ значеніи своихъ поступковъ. Кромѣ того, стали происходить странныя явленія, совершенно стиравшія различіе между воображаемымъ и реальнымъ. Чувствовалось чье-то присутствіе: формы чьего-то тѣла, казалось, готовы были опредѣлиться.

Д'Атоль жилъ двойной жизнью. Нѣжное и кроткое лицо мелькало передъ нимъ, исчезая въ ту же минуту; кто-то касался клавишъ піанино. Случалось, что, когда онъ хотѣлъ говорить, поцѣлуй смыкалъ его губы; въ отвѣтъ на сказанныя имъ слова у него возникали фразы, поражающія утонченностью ж е н с к о й мысли, онъ ощущалъ возлѣ себя своего двойника, словно въ струящемся туманѣ; онъ чувствовалъ окутывавшій его, томительно кружившій голову запахъ духовъ своей возлюбленной; по ночамъ, въ промежутки между бодрствованіемъ и сномъ, онъ слышалъ тихія слова. Все это было предвѣщаніемъ, отрицаніемъ Смерти.

Однажды онъ почувствовалъ и увидѣлъ ее такъ близко, что могъ обнять: отъ этого движенія она исчезла.

—Дитя!—сказалъ онъ съ улыбкой.

И онъ заснулъ, какъ любовникъ, встревоженный своей смѣющейся, сонной подругой.

Въ день ея именинъ онъ насмѣшливо вложилъ пучокъ иммортелей въ букетъ, который бросилъ на изголовье Вѣры.

—Вѣдь, ей хочется считать себя мертвой—сказалъ онъ.

Благодаря всесильному вліянію воли д'Атоля, который своей любовью создавалъ жизнь своей жены, ея присутствіе въ уединенномъ домѣ стало несомнѣннымъ и исполненнымъ мрачной прелести,—даже Раймондъ совершенно пересталъ бояться и привыкъ къ ея появленіямъ.

Однажды Раймондъ замѣтилъ на поворотѣ одной аллеи ея черное бархатное платье; въ салонѣ его окликнулъ ея весело прозвучавшій голосъ; какъ-то утромъ она позвонила. Можно было подумать, что покойница играла въ прятки какъ ребенокъ. Она знала, что ее обожаютъ. Это было совсѣмъ е с т е с т в е н н о.

Прошелъ годъ.

Вечеромъ, въ день годовщины, графъ, сидя у камина въ комнатѣ Вѣры, прочелъ е й старинную флорентійскую сказку: К а л л и м а к ъ. Онъ закрылъ книгу и сказалъ, наливая чай:

—М и л а я, помнишь о Долинѣ Розъ, о берегахъ Лаана, о замкѣ Четырехъ Башенъ?... Правда, эта исторія напомнила тебѣ о нихъ?

Онъ всталъ и въ голубоватомъ зеркалѣ увидѣлъ свое лицо, показавшееся ему блѣднѣе обыкновеннаго. Онъ вынулъ изъ бокала жемчужный браслетъ и внимательно сталъ его разсматривать. Вѣдь Вѣра только что сняла его, когда раздѣвалась. Жемчужины были теплыми, и ихъ блескъ смягчался, словно подъ вліяніемъ теплоты ея руки. А опалъ сибирскаго ожерелья, который такъ любилъ прекрасную грудь Вѣры, что становился болѣзненно-блѣднымъ, если она на нѣкоторое время забывала о немъ! Графиня очень любила это преданное ожерелье!.. Въ этотъ вечеръ опалъ блѣстѣлъ, словно она только что сняла ожерелье, и

онъ еще хранилъ въ себѣ чудесный магнетизмъ мертвой красавицы. Положивъ на мѣсто браслетъ и ожерелье, графъ случайно прикоснулся къ батистовому платку, покрытому влажными, красными пятнами крови, подобными упавшей на снѣгъ гвоздикѣ!.. Кто перевернулъ на пюпитрѣ піанино послѣднюю страницу нотъ? Но что это? Передъ иконостасомъ горитъ святая лампадка. Ея золотистое пламя таинственно освѣщаетъ лицо Мадонны съ полузакрытыми глазами. Кто украсилъ комнату только что сорванными цвѣтами, благоухающими въ саксонскихъ вазахъ? Комната казалась радостной и полной жизни. Въ оживленіи ея чувствовалась какая-то особенная значительность. Впрочемъ, не существовало ничего, что могло бы удивить графа! Все казалось ему настолько естественнымъ, что онъ не обратилъ вниманія, когда пробили часы, остановленные годъ тому назадъ.

Однако, можно было подумать, что въ этотъ вечеръ графиня Вѣра употребляла всѣ усилія, чтобъ изъ глубинъ мрака притти въ эту комнату, гдѣ дышало ею одной. Она здѣсь оставила огромную часть себя! Все, что составляло ея жизнь, привлекало ее сюда. Ея очарованіе было во всемъ: долгія усилія, употребляемыя страстной волей ея мужа, должны были разомкнуть узы Невидимаго возлѣ нея!

Ея присутствіе было неизбѣжнымъ. Здѣсь было все, что она любила.

Она должна была притти, чтобы еще разъ улыбнуться въ этомъ таинственномъ зеркалѣ, возлѣ котораго она такъ часто любовалась своимъ лилейнымъ лицомъ! Нѣжная покойница, безъ сомнѣнія, вздрогнула подъ фіалками и погасшими лампадами; божественная покойница почувствовала себя потрясенной, одна, въ склепѣ, глядя на серебряный ключъ, брошенный на полъ. Она тоже захотѣла увидѣть его! Ея воля терялась въ волнахъ ладана и въ молчаніи. Смерть непобѣдима только для тѣхъ, кто вѣритъ въ безсмертіе; но, вѣдь, для нея Смерть, Небо и Жизнь—ихъ поцѣлуй. Поцѣлуй ея

мужа привлекалъ ея губы. И затихшіе звуки мелодій, волнующія слова, ткани, покрывавшія ея тѣло и хранившія ея запахъ, магическія драгоцѣнности, призывавшія ее со всей силой своей темной любви, безграничное и несомнѣвающееся убѣжденіе въ ея присутствіи, все притягивало ее, привлекало ее, такъ что—исцѣленной отъ сна смерти—ей оставалось только одно: возвратиться къ жизни.

Развѣ Мысли—не живыя существа?... Графъ очертилъ въ воздухѣ формы своей возлюбленной, и эти пустыя формы должны были наполниться ея присутствіемъ, единственнымъ, что было въ сродствѣ съ ними, иначе міръ долженъ пошатнуться. Въ эту минуту исчезло всякое сомнѣніе въ томъ, что она въ комнатѣ. Это для него было такъ же естественно, какъ мысль, что самъ онъ въ эту минуту живъ; всѣ вещи въ комнатѣ раздѣляли его убѣжденіе. И такъ какъ не доставало только самой Вѣры, осязаемой, видимой, —было необходимо, чтобы она появилась и чтобы великій Сонъ Жизни и Смерти полуоткрылъ на мгновеніе свои вѣчныя двери. Къ ней былъ проложенъ путь воскресенія. Брачная постель оживилась свѣжими взрывами ея музыкальнаго смѣха, полнаго радости. Графъ обернулся. Передъ его глазами, созданная его волей и воспоминаніемъ, сидѣла графиня Вѣра, вся прозрачная, облокотившись на кружевную подушку, поддерживая рукой свои тяжелые черные волосы, съ чудесной улыбкой, полной сладострастія, прекрасная, какъ сонъ, и смотрѣла на него, еще не совсѣмъ очнувшись.

— Рожеръ, - сказала она, и ея голосъ словно донесся издали.

Онъ подошелъ. Губы ихъ соединились въ поцѣлуѣ божественной радости,—все забывающей,—безсмертной!

И тогда они замѣтили, что, дѣйствительно, составляли одно существо.

Время трепетало въ странномъ полетѣ экстаза, въ первый разъ соединившемъ землю и небо.

Вдругъ графъ д'Атоль вздрогнулъ, словно пораженный роковымъ воспоминаніемъ.

— Я теперь вспоминаю!...—сказалъ онъ.—Ты умерла.

Въ эту самую минуту передъ иконостасомъ погасла таинственная лампадка. Блѣдный разсвѣтъ —банальный, сѣроватый, дождливый—проникъ въ комнату сквозь неплотно сдвинутыя занавѣси. Свѣчи поблѣднѣли и потухли, распространяя ѣдкій чадъ своихъ красныхъ фитилей; огонь исчезъ подъ грудами теплаго пепла; цвѣты увяли и высохли; маятникъ остановился. У в ѣ р е н н о с т ь покинула всѣ предметы. Помертвѣвшій опалъ не блестѣлъ; пятна крови на батистѣ засохли, и, вырвавшись изъ обезумѣвшихъ объятій, пытавшихся удержать его, сладострастный, блѣдный призракъ слился съ воздухомъ и исчезъ въ немъ. Издали донесся слабый прощальный вздохъ. Графъ всталъ; онъ замѣтилъ, что остался одинъ. Осуществившіяся грезы уничтожились; онъ оборвалъ магическую нить сверкающаго творчества, сказавъ это слово. Въ воздухѣ чувствовалась смерть.

Все исчезло, подобно стекляннымъ слезамъ на могильныхъ вѣнкахъ, утолщенныя части которыхъ выдерживаютъ ударъ метелкой, но когда прикасаются къ другимъ, тонкимъ частямъ ихъ, подобнымъ острію иголки, онѣ разсыпаются тончайшей пылью.

—О!—прошепталъ онъ,—кончено. Потеряна!... Какой путь избрать теперь, чтобы итти къ тебѣ? Укажи мнѣ путь, который приведетъ меня къ тебѣ!..

Въ эту минуту какой-то блестящій предметъ съ металлическимъ стукомъ упалъ съ брачной постели на черный мѣхъ: по немъ скользнулъ свѣтъ безотраднаго земного дня... Графъ наклонился, поднялъ его, и улыбка высшаго счастья озарила его лицо: это былъ ключъ отъ склепа.

ПЕР. А. МИРЭ.

ПОЛЬ ВЕРЛЕНЪ.

1844-1896.

Мечта.

Мечта неясная, но сердцу дорогая
Рисуетъ женщину невѣдомую мнѣ;
Мы любимъ; но она не каждый разъ вполнѣ
Такая, какъ была, и не совсѣмъ другая.

Она одна, тоски моей не отвергая,
Понявъ меня, груститъ со мной наединѣ;
И ей дано: мой бредъ горячій—въ тишинѣ
Слезами освѣжить, любовь оберегая.

Мнѣ цвѣтъ ея кудрей невѣдомъ, какъ она;
А имя у нея звучитъ, какъ имена
Любимыхъ мной подругъ, которыхъ жизнь изгнала.

Похожъ на взглядъ статуй ея недвижный взглядъ,
И въ голосѣ глухомъ и дальнемъ—длинный рядъ
Я слышу голосовъ, чья нѣжность отзвучала.

СЕРГѢЙ РАФАЛОВИЧЪ.

Сентиментальная прогулка.

Послѣднею лаской закатъ трепеталъ,
Дрожащія лиліи вѣтеръ ласкалъ,
И бѣлыя лиліи съ тихой тоской
Блѣднѣя мерцали надъ сонной водой.

Съ отчаяньемъ въ сердцѣ, одинъ, молчаливъ,
Печально бродилъ я у зарослей ивъ,
Гдѣ призракъ какой-то, молочно-туманный,
Колеблясь вставалъ, безнадежный и странный.

Я плакалъ... со мною стонали чирки,
Неслися ихъ вопли по лону рѣки,
Туда, гдѣ бродилъ я, забытый, печальный.
А мракъ, словно саванъ, густой, погребальный,

Окутывалъ даль и туманный закатъ,
И лилій поникшихъ мерцающій взглядъ...
Рядъ лилій, склонившихся съ тихой тоской,
Блѣднѣющихъ лилій надъ сонной водой.

В. МАЗУРКЕВИЧЪ.

* * *

Луна вдоль улицъ чертила грани,
Дѣлясь со мракомъ.
А клубы дыма прихотливымъ знакомъ,
Надъ крышей вставъ, терялись въ туманѣ.

Унылый вѣтеръ выл ъ однообразно,
Какъ стонъ фагота,
Озябшій котъ мяуча звалъ кого-то
И этотъ голосъ гнался неотвязно.

Я шелъ, мечта свободная шептала
О Маратонѣ,
О Фидіи, Периклѣ, о Платонѣ...
А пламя газовыхъ рожковъ дрожало.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

* * *

Бѣлая луна
Сѣетъ свѣтъ надъ лѣсомъ.
Звонкая слышна
Подъ его навѣсомъ
Пѣсня соловья...
Милая моя!

Вѣтеръ тихо плачетъ
Въ вѣткахъ надъ рѣкой,
А внизу маячитъ,
Отраженъ водой,
Темный стволъ березы...
Вспомнимъ наши грезы.

Сходитъ къ намъ покой,
Нѣжный, безконечный
Съ тверди голубой,
Гдѣ сіяетъ вѣчный,
Тихій звѣздный строй...
Въ этотъ часъ ночной.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

* * *

Ясное небо надъ кровлей
Нѣжно блеститъ, улыбается;
Тополь надъ низенькой кровлей
Дремлетъ, качается...

Въ нѣжной лазури такъ грустно
Звонъ колокольный колышется;
Съ тополя—горлинки грустной
Тихая жалоба слышится.

Боже мой! Сколько покоя
Въ жизни простой, засыпающей!
Шепчетъ мнѣ, полный покоя,
Города шумъ замирающій:

„Что же ты сдѣлалъ, безумецъ,
Плачущій горько, украдкою,—
Что же ты сдѣлалъ, безумецъ,
Съ юностью краткою!“

И. И. ТХОРЖЕВСКІЙ.

Сентиментальный разговоръ.

Въ паркѣ осеннемъ, гдѣ листья легли,
Рядомъ двѣ тѣни безшумно прошли.

Уста ихъ безстрастны и взоръ недвижимъ,
Ихъ шопотъ неясный едва уловимъ.

Въ мертвой аллеѣ, гдѣ листья опали,
Тѣни блѣднѣя быль вспоминали.

„Ты помнишь, какъ мы любили когда-то?“
—Давно позабыта мною утрата,—

„Любимое имя услышавъ, въ отвѣтъ
Трепещетъ ли сердце попрежнему?“
—Нѣтъ.—

„Скажи, мою душу видишь во снѣ“.
—Не знаю, не помню—снилось ли мнѣ.—

„Солнце надежды счастьемъ дарило...“
—Счастье безкрылымъ тьма схоронила...—

Въ паркѣ заглохшемъ, полномъ печали,
Тѣни о прошломъ молча вздыхали.

Глухъ, безотвѣтенъ паркъ былъ осенній,
Полночь лишь слушала скорбныя тѣни.

В. ЭЛЬСНЕРЪ.

Осенняя пѣсня.

Осенній стонъ—
Протяжный звонъ,
Звонъ похоронный—
Въ душѣ больной
Звучитъ струной
Неугомонной.

Томлюсь въ бреду,
Блѣднѣя, жду
Ударовъ ночи.
Твержу привѣтъ
Снамъ прежнихъ лѣтъ,
И плачутъ очи.

Подъ бурей злой
Мчусь въ міръ былой
Невозвратимый,
Въ путь безъ слѣда
Туда, сюда,
Какъ листъ гонимый.

Н. МИНСКІЙ.

* * *

Скукою въ долинѣ
Безграничной вѣетъ;
Снѣгъ во мглѣ бѣлѣетъ,
Какъ песокъ пустыни.

Не блеснетъ украдкой
Лучъ на тверди мѣдной.
Послѣ жизни краткой
Умеръ мѣсяцъ блѣдный.

Надъ землей вставая
Низкой, сѣрой тучей,
Дремлетъ лѣсъ могучій,
Головой кивая.

Не блеснетъ украдкой
Лучъ на тверди мѣдной.
Послѣ жизни краткой.
Умеръ мѣсяцъ блѣдный.

Хриплыя вороны,
Волкъ съ семьей голодной,
Отъ зимы холодной
Нѣтъ вамъ обороны!

Скукою въ долинѣ
Безграничной вѣетъ;
Снѣгъ во мглѣ бѣлѣетъ,
Какъ песокъ пустыни.

Н. НОВИЧЪ.

L' Art poétique.

Музыки, музыки прежде всего!
Ритмъ полюби въ ней,—но свой, непослушный,
Странно-живой и неясно-воздушный,
Все отряхнувшій, что грубо, мертво!

Въ выборѣ словъ будь разборчивымъ строго!
Даже изысканнымъ будь иногда:
Лучшая пѣсня—въ оттѣнкахъ всегда!
Въ ней, сквозь туманность, и тонкости много.

Словно блеститъ чей-то взоръ сквозь вуаль,
Солнце въ полуденной дымкѣ трепещетъ.
Звѣздочка искрой голубенькой блещетъ
Въ небѣ осеннемъ, гдѣ стынетъ печаль...

Намъ вѣдь оттѣнки нужны! краски грубы,
Красокъ не нужно, оттѣнки лови!

Въ нихъ лишь сплетаются, въ чуткой любви,
Грезы и призраки, флейты и трубы...

Дальше бѣги отъ иронiи злой;
Прочь и разсудокъ, сухой и бравурный,—
Все, что печалитъ взоръ Неба лазурный,
Всѣ эти пряности кухни дрянной!

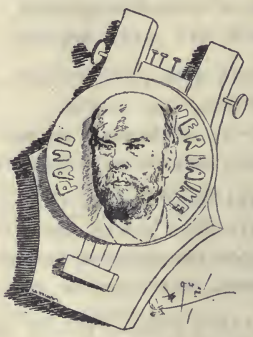
И краснорѣчье: сверни ему шею!
Все, что фальшиво и вяло, гони!
Риѳму—себѣ и уму подчини;
Да не зѣвай, не запутайся съ нею!

О, эта риѳма! съ ней тысяча мукъ!
Кто насъ плѣнилъ побрякушкой грошовой?
Мальчикъ безухiй? дикарь безтолковый?
Вѣчно „подпилка“ въ ней слышится звукъ!

Музыки, музыки вѣчно и вновь!
Пусть будетъ стихъ твой—мечтой окрыленной,
Пусть онъ изъ сердца стремится, влюбленный,
Къ новому небу, гдѣ снова—Любовь!

Пусть, какъ удача, какъ смѣлая греза,
Вьется онъ вольно, шаля съ вѣтеркомъ,
Съ мятой душистой въ вѣнкѣ полевомъ...
Все остальное—чернила и проза!

И. И. ТХОРЖЕВСКIЙ.



АРТУРЪ РЕМБО.

1854-1891.

Пьяный корабль.

Я медленно плылъ по рѣкѣ величавой—
И вдругъ сталъ свободенъ отъ всякихъ оковъ...
Тянувшихъ бичевы индѣйцы въ забаву
Распяли у пестрыхъ высокихъ столбовъ.

Хранилъ я подъ палубой грузу не мало:
Англійскую пряжу, фламандскій помолъ.
Когда моихъ спутниковъ больше не стало,
Умчалъ меня дальше рѣки произволъ.

Глухой, словно мозгъ еще тусклый ребенка,
Зимы безучастнѣй, я плылъ десять дней.
По сушѣ циклоны бѣжали въ догонку;
Бывала ли буря той бури сильнѣй!

Проснулись во мнѣ моряка дерзновенья:
Я пробкою прыгалъ по гребнямъ валовъ;
Гдѣ столько отважныхъ почило въ забвеньи,
Мнѣ были не нужны огни маяковъ.

Нѣжнѣе, чѣмъ въ тѣло сокъ яблокъ созрѣлыхъ,
Въ мой кузовъ проникла морская волна.
Корму отдѣлила отъ скрѣпъ заржавѣлыхъ,
Блевотину смыла и пятна вина.

И моря поэмѣ отдавшись влюбленно,
Слѣдилъ я мерцавшихъ свѣтилъ хороводъ...
Порой опускался глядя изумленно
Утопленникъ въ лоно лазурное водъ.

Сливаясь съ пучиною все неразлучнѣй,
То встрѣтилъ, что вашъ не извѣдаетъ глазъ—
Пьянѣе вина, вашихъ лиръ полнозвучнѣй
Чудовищъ любовный, безмолвный экстазъ.

Я видѣлъ, какъ молніи рѣжуще-алый
Зигзагъ небеса на мгновенье раскрылъ;
Зари пробужденье еще небывалой,
Похожей на взлеты серебряныхъ крылъ;

И солнца тяжелаго сгустокъ пунцовый;
Фалангу смерчей, бичевавшихъ просторъ;
Воды колыханіе мутно-свинцовой,
Подобное трепету спущенныхъ шторъ.

Я, знаете ль, плылъ мимо новой Флориды,
Глазами пантеръ тамъ сверкали цвѣты.
Мнѣ, зоркому, чудилось—зыбь Атлантиды
Рисуетъ героевъ трагедій черты.

Слѣдилъ, какъ дрожа въ истерической пляскѣ
Бросались буруны къ прибрежьямъ нагимъ,
Подводнаго фосфора смутныя краски,
То желтымъ сочившіе, то голубымъ.

Я грезилъ о ночи слѣпительно-снѣжной,
Пустынной, свободной отъ сновъ и тѣней,
О странныхъ лобзаньяхъ медлительно-нѣжныхъ,
Беззвучно ласкающихъ очи морей.

Потомъ миновалъ берега и затоны,
Гдѣ въ топкихъ низинахъ таится туманъ,
Какъ въ вершѣ, здѣсь гнилъ камышемъ окруженный,
Трясиной затянутый левіафанъ.

И пѣны неся опахала, все шире
Змѣилась кочующихъ волнъ череда.
Въ нетронутомъ птицами синемъ эѳирѣ
Летающихъ рыбъ проносились стада.

Встрѣчалъ я далекихъ просторовъ свѣтила—
Ихъ только поэты могли бъ увидать.
Грядущаго фениксовъ тамъ ли ты скрыла,
Природа—безсмертная мощная мать!

. . . . . .

Но слишкомъ усталъ я чудеснымъ томиться,
Нирваною холода, пыткой огня...
Такъ пусть же мой киль на куски раздробится
И море безслѣдно поглотитъ меня!

Я, вѣчный искатель манящихъ утопій,
Дерзавшій стихій сладострастье впивать,
Какъ будто печалюсь о старой Европѣ
И берегъ перильчатый радъ отыскать.....

О волны, отравленный вашей истомой,
Соленою горечью моря пронзенъ,
Могу ли я плыть, гдѣ мосты и паромы
Плѣнятся багрянцемъ шумящихъ знаменъ?

В. ЭЛЬСНЕРЪ.

СТЕФАНЪ МАЛЛАРМЭ.

1842-1898.

Сонетъ.

Могучій, дѣвственный, въ красѣ извивныхъ линій
Безумiемъ крыла ужель не разорветъ
Онъ озеро мечты, гдѣ скрылъ узорный иней
Порывовъ скованныхъ прозрачно синій ледъ.

И лебедь прежнихъ дней, въ величьи гордой муки,
Онъ знаетъ, что ему не взвиться, не запѣть,
Не создалъ въ пѣснѣ онъ страны, чтобъ улетѣть,
Когда придетъ зима въ сіяньи бѣлой скуки.

Онъ шеей отряхнетъ смертельное безсилье,
Которымъ вольнаго теперь неволитъ даль,
Но не кошмаръ земли, что приморозилъ крылья.

Онъ скованъ бѣлизной и блескомъ одѣянья
И стынетъ въ льдистыхъ снахъ ненужнаго изгнанья,
Окутанный въ надменную печаль.

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.

Кому принадлежали эти саксонскіе часы, всегда отстающіе и выбивающіе по тринадцати ударовъ среди своихъ цвѣтовъ и божествъ? Представь себѣ, какъ везли ихъ изъ Саксоніи въ давнишнихъ медлительныхъ дилижансахъ.

(Странныя тѣни нависли у старыхъ оконницъ.)

И кто смотрѣлся въ твое венеціанское зеркало, глубокое, какъ холодный источникъ, заключенное въ змѣистые берега съ полинявшею позолотой? Я увѣренъ, что не одна женщина погружала въ струи этого источника грѣхъ своей красоты; и, долго всматриваясь, я, быть можетъ, увидѣлъ бы обнаженный призракъ.

—Гадкій, ты часто говоришь такъ язвительно...

(Я вижу паутину надъ большими окнами).

Нашъ баулъ также очень старъ: вглядись, какъ багровѣетъ при этомъ огнѣ его хмурое дерево; время наложило свой отпечатокъ на блеклыя занавѣси, на вышивки креселъ со стершимся румянымъ лакомъ, на пожелтѣлыя гравюры, висящія по стѣнамъ, на всѣ наши вещи. Не кажется ли тебѣ, что даже бенгальскіе зяблики и голубая птица также словно выцвѣли отъ времени?

(Не думай о паутинѣ, вздрагивающей надъ большими окнами).

Ты любишь все это,—вотъ почему я могу жить возлѣ тебя. Не пожелала ли ты,—о сестра моя, со взоромъ, устремленнымъ въ прошлое,—чтобы въ одной изъ моихъ поэмъ прозвучали слова: „прелесть всего блекнущаго“? Тебѣ не нравятся новыя вещи; и тебя пугаютъ онѣ своею крикливою рѣзкостью, и ты почувствовала бы потребность стереть ихъ очертанія и краски, что такъ трудно тѣмъ, кого утомляетъ каждое движеніе.

Приди, закрой старый нѣмецкій альманахъ который ты читала такъ внимательно, хотя онъ изданъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ и перечисля-

емые имъ властители всѣ уже умерли. Лежа на старинномъ коврѣ, прислонившись головой къ блеклой ткани, облегающей твои колѣни, о тихое дитя, я долго буду говорить съ тобою! Вокругъ нѣтъ полей, улицы опустѣли; я буду расказывать о томъ, что здѣсь вокругъ насъ... Ты разсѣяна?

(Эта паутина трепещетъ въ ознобѣ надъ большими окнами).

ПЕРЕВ. Л. К.

МОРИСЪ БАРРЕСЪ.

Выступ. въ печ. въ 1881 г.

Донъ-Жуанъ.

Какъ-то бродя въ Севильѣ по знойнымъ улицамъ, полнымъ веселья, жгучей красоты, захватывающей, словно ритмъ кастаньетъ, напоенныхъ запахомъ гвоздикъ, вколотыхъ въ волосы женщинъ— я зашелъ въ „Убѣжищѣ Милосердія“. Черезъ дворъ съ мраморнымъ бассейномъ, затѣненнымъ нѣсколькими деревьями, я прошелъ въ часовню. Было такъ темно, что еле можно было разглядѣть женщину, всю въ черномъ, шептавшую патеру свои грѣхи— пламенные грѣхи... Сестра-монахиня указала мнѣ картину: „Два трупа, пожираемыхъ червями“, столь извѣстное отталкивающее произведеніе Вальдеса Леаль. Изъ-за ловко приподнятой занавѣски свѣтъ упалъ на полотно и я увидѣлъ расцвѣченные тонами разложенія трупы короля и епископа. На нихъ были саваны, а вмѣсто лицъ копошились тысячи червей. Эту картину знаютъ по репродукціи въ исторіи Карла Бланкъ, но знаютъ ли, кто

ее заказалъ Вальдесу Леаль? Совпаденіе, надъ которымъ невольно задумаешься! Любитель, давшій ея замыселъ и купившій ее... Донъ-Жуанъ, знаменитый Донъ-Жуанъ Мольера, Байрона, Моцарта и 1003 женщинъ.

Въ XVII столѣтіи въ Севильѣ жилъ отчаянный сорвиголова Мигуель де-Манара Винченто де-Лекка, который, удовлетворяя безумія своего сладострастія, — убивалъ людей и заставлялъ лить слезы всѣхъ обольщенныхъ имъ женщинъ. Послѣ мрачнаго видѣнія—гдѣ онъ присутствовалъ на собственныхъ похоронахъ и видѣлъ свой трупъ—Донъ-Мигуэль покаялся и поступилъ въ орденъ Каритадъ. Можно даже сказать, что орденъ былъ имъ основанъ. Члены этой конгрегаціи проводятъ съ приговоренными къ смерти послѣдніе дни, провожаютъ несчастныхъ на пытку и затѣмъ подбираютъ ихъ тѣла. Люди всѣхъ положеній:—вельможи и куртизанки,—на своихъ плечахъ уносятъ трупы повѣшенныхъ и обезглавленныхъ. Таковъ уставъ, придуманный Донъ-Мигуэлемъ,—истинный шедевръ состраданія. Сладострастіе и Смерть, любовница и скелетъ, единственныя дѣйствительныя средства встряхнуть нашу жалкую машину, отъ всего приходящую въ негодность,—и все-таки и рядомъ съ ними засыпаешь.

Въ легендахъ вѣковъ онъ былъ не единственнымъ изъ пресыщенныхъ, упивавшихся ужасами. Почти въ то же время французъ Рансэ, такая же страстная и трагическая натура, придумалъ сосѣдство еще болѣе ужасное. Проходя въ комнаты герцогини де-Монбазонъ, куда онъ имѣлъ доступъ во всякое время,—первое, что онъ встрѣчалъ по пути, былъ раскрытый гробъ и на немъ—окровавленная голова его любовницы, отдѣленная отъ туловища. Послѣднее заполняло весь гробъ.

Донъ-Мигуэль основалъ религіозное братство. Рансэ—орденъ траппистовъ. Оба совершили подвиги аскетизма.

Мнѣ удалось видѣть его портретъ и маску, снятую на смертномъ одрѣ. Эта изящная реликвія

произвела на меня болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ мощи, какія мнѣ попадались въ испанскихъ соборахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Донъ-Мигуелѣ не жила душа утонченника, но это была сильная душа, съ внутренней жизнью, слишкомъ мощной, чтобы отступать передъ какимъ-либо препятствіемъ. Донъ-Мигуэлю не стоило большого труда удивить міръ своимъ превращеніемъ, какъ раньше до того—пугать робкихъ, дурачить мудрецовъ и приводить въ отчаянье своихъ любовницъ, слишкомъ скоро ихъ покидая.

Агонія одухотворила его черты, ничѣмъ не отмѣченныя при жизни, печатью чрезвычайнаго благородства.

Умирая, онъ сталъ достоинъ легенды. Донъ-Мигуэль сталъ Донъ-Жуаномъ. На его посмертной маскѣ выступили страданіе и скорбь, никогда его не покидавшіе, такъ какъ и въ минуты разгула онъ не былъ всего лишь развратнымъ повѣсой, но человѣкомъ, который гонится за счастьемъ и присоединяетъ къ ярости безплодныхъ исканій горькое сознаніе быть сѣятелемъ зла на землѣ.

Какими легкими ему должны были казаться заботы о бѣдныхъ—ему, столько лѣтъ искавшему счастья! И какъ безбольно переносилъ онъ теперь грубые отказы богатыхъ... и что они значили въ сравненіи съ укорами и слезами тѣхъ, что ему ни въ чемъ не отказывали и все же не могли дать хотя бы оболъ счастья.

Сжимавшій въ своихъ объятьяхъ столько юныхъ тѣлъ, въ чьихъ жилахъ текла голубая кровь, —удовлетворяется прикосновеніями труповъ висѣльниковъ!

Житейскимъ обстоятельствамъ обыкновенно приписываютъ слишкомъ большое значеніе. Хотя бы мы проводили нашу жизнь въ томъ или другомъ занятіи, это еще не вполнѣ опредѣляетъ личность. Каждый слѣдуетъ предопредѣленнымъ путемъ.

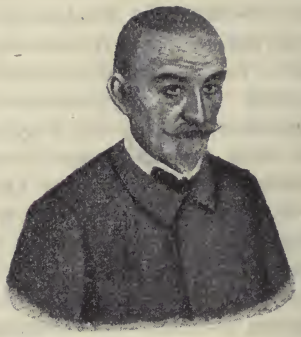
Этотъ посѣщаетъ монастыри, другой сроднился съ казармой, третій станетъ книжнымъ педантомъ, четвертый будетъ бѣгать по публичнымъ домамъ...

Но этими внѣшними признаками не опредѣляйте людей. Попробуйте наблюдать за ними въ минуты, когда они чѣмъ-нибудь растроганы; к а к ъ они рѣшаются на что-либо. Св. Павелъ по дорогѣ въ Дамаскъ, въ другую эпоху Лойола,—у нихъ можно наблюдать тотъ же феноменъ воли, что и у Жуана Тенорiо. И этотъ трагическiй слѣпокъ, когда я смотрѣлъ на него въ Каритадѣ—вдругъ вызвалъ въ моей памяти черты Паскаля. Та же мука и томленiе властвовали надъ ихъ переживанiями, и нѣтъ ничего удивительнаго, что схожiя линiи выступили на ихъ лицахъ, уже не омраченныхъ внѣшнимъ вліянiемъ.

Досадно, что нельзя сдѣлать слѣпокъ съ маски Донъ-Жуана и отлить ее изъ бронзы.

Конгрегацiя благочестивыхъ сестеръ, основавшихся въ Каритадѣ, ревниво оберегаетъ ее. Смѣшная месть! Тотъ, кого самыя страстныя влюбленныя женщины не могли удержать, нынѣ—плѣнникъ холодныхъ дѣвственницъ. Ими воспрещены копiи съ маски Донъ Жуана.

ПЕРЕВ. В. Ю. ЭЛЬ-РЪ.



Карлъ Шарль-Ж. ГЮИСМАНСЪ.

1848-1907.

Изъ р. „Наоборотъ".

Домъ дез'Эссента находился въ двадцати минутахъ разстоянія отъ станціи Фонтенэй, но возвышенность, на которой онъ былъ расположенъ, его изолированность ограждали его отъ шума грязной толпы, которую неизмѣнно, привлекаетъ по воскресеньямъ сосѣдство станціи.

Что касается самой деревни, онъ ея почти не зналъ. Ночью, въ окно, онъ видѣлъ молчаливый пейзажъ, который открывается оттуда, спускаясь до подножія косогора, надъ которымъ возвышаются батареи Верьерскаго лѣса.

Въ темнотѣ, налѣво и направо, громоздились другъ надъ другомъ неясныя массы, надъ которыми, вдали, поднимались другія батареи и дру-

гія чащи, высокіе откосы которыхъ казались при лунномъ свѣтѣ покрытыми серебромъ на темномъ небѣ.

Сдавленная тѣнями, падающими отъ холмовъ, долина казалась въ своей серединѣ напудренной крахмаломъ и намазанной бѣлымъ кольдъ-кремомъ; въ тепломъ воздухѣ, колышащемъ полинявшія травы и разливающемъ скверный, пряный запахъ, деревья, казавшіяся отъ свѣта луны какъ бы натертыми мѣломъ, распускали свою листву и раздваивали св и стволы, а тѣни ихъ проводили черныя полосы на гипсовой землѣ, на которой бѣлые жерновые камни блестѣли, какъ осколки тарелокъ.

Своимъ искусственнымъ видомъ и гримомъ этотъ пейзажъ нравился дез'Эссенту; но съ того дня, когда онъ отыскивалъ домъ въ деревушкѣ Фонтенэй, онъ никогда днемъ не ходилъ по улицамъ; зелень этой мѣстности не представляла для него никакого интереса, такъ какъ въ ней не было даже той нѣжной и грустной прелести, которая есть въ трогательной и болѣзненной растительности, съ большимъ трудомъ распускающейся на щебнѣ пригородовъ, близъ оградъ. Потомъ онъ увидѣлъ въ тотъ день въ деревнѣ толстыхъ буржуа съ бакенбардами, и разряженныхъ людей съ усами, носящихъ, какъ святые дары, свои головы судей и военныхъ, и послѣ этихъ встрѣчъ возросъ его страхъ передъ человѣческими лицами.

Въ послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ Парижѣ, всѣмъ пресыщенный, изнуренный ипохондріей, подавленный сплиномъ, онъ дошелъ до такой чувствительности нервовъ, что видъ непріятнаго предмета или человѣка глубоко врѣзывался въ его мозгъ и нужно было нѣсколько дней, чтобы хоть немного изгладить впечатлѣніе; слегка коснуться на улицѣ человѣка—было для него острымъ мученіемъ.

Онъ положитсльно страдалъ при видѣ разныхъ физіономій, считалъ почти оскорбленіемъ покровительственное или суровое выраженіе нѣкоторыхъ

лицъ, испытывалъ желаніе дать пощечину вотъ этому господину, фланировавшему съ ученымъ видомъ, опустивъ свои рѣсницы, другому, который покачивался улыбаясь передъ зеркальными стеклами, наконецъ третьему, который казался поглощеннымъ міромъ мыслей и, сдвинувъ брови, пожиралъ въ газетѣ длинную пошлую статью и „разныя событія".

Дез'Эссентъ чуялъ въ нихъ такую закоснѣлую глупость, такое отвращеніе даже къ своимъ собственнымъ мыслямъ, такое презрѣніе къ литературѣ, къ искусству, ко всѣму, что онъ любилъ—вросшее, вбитое въ эти узкія головы купцовъ, исключительно занятыя мошенничествомъ и деньгами и доступныя только этому низкому развлеченію органиченныхъ умовъ—политикѣ, что онъ въ бѣшенствѣ возвращался съ себѣ и запирался со своими книгами.

Наконецъ, онъ всѣми силами ненавидѣлъ новыя поколѣнія, эти наслоенія странныхъ, грубыхъ мужиковъ, которые въ кафэ и ресторанахъ чувствуютъ потребность громко говорить и смѣяться, которые толкаютъ васъ на тротуарахъ, не думая извиниться, которые подкатываютъ вамъ подъ ноги колеса дѣтской коляски, даже не прося прощенія, даже не кланяясь.

Въ это время, когда особенно обострилось желаніе дез'Эссента забыть эту ненавистную эпоху мерзкихъ рожъ, болѣе властно заговорила и потребность не видѣть больше картинъ, которыя изображаютъ человѣческія лица, копошащіяся въ Парижѣ въ четырехъ стѣнахъ, или бродящія по улицамъ въ поискахъ за деньгами.

Потерявъ интересъ къ современной жизни, онъ рѣшился не впускать въ свой келью масокъ отвращенія и жалости; онъ хотѣлъ тонкой и изящной картины, окунутой въ древней мечтѣ, въ античной извращенности, далекой отъ нашихъ нравовъ, далекой отъ нашихъ дней.

Онъ хотѣлъ для услажденія своего ума и для

утѣхи глазъ нѣсколько возбуждающихъ произведеній, которыя переносили бы его въ невѣдомый міръ, наводили бы его на слѣдъ новыхъ догадокъ, расшатывали бы его нервную систему многообразными истериками и кошмарами, безпечными и ужасными видѣніями.

Былъ одинъ художникъ, талантъ котораго приводилъ дез'Эссента въ восхищеніе, Гюставъ Моро. Дез'Эссентъ пріобрѣлъ его два шедевра, и передъ однимъ изъ нихъ по ночамъ онъ отдавался грезамъ. Это было изображеніе Саломеи, слѣдующаго содержанія.

Во дворцѣ, похожемъ на базилику мусульманско-византійской архитектуры, возвышался тронъ, подобный главному престолу собора, подъ безчисленными сводами, изъ которыхъ коренастыя колонны струились, какъ романскіе столбы, украшенные разноцвѣтными камнями, выложенные мозаикой, инкрустированные ляписъ-лазули и сардониксомъ.

Въ центрѣ скиніи, возвышаясь на престолѣ, къ которому вели ступени въ видѣ полубассейновъ, сидѣлъ Тетрархъ Иродъ, опершись руками на колѣни.

Лицо желтое, пергаментное, испещренное морщинами, истощенное годами; его длинная борода развѣвалась, какъ бѣлое облако надъ звѣздами изъ драгоцѣнныхъ камней, которыми сіяла надѣтая на немъ златотканная одежда.

Вокругъ этого изваянія неподвижнаго, застывшаго въ священной позѣ индусскаго бога курились благовонія, разливающія облака дыма, сквозь которыя, какъ фосфорическіе глаза животныхъ, просвѣчивали огни камней, вставленныхъ въ стѣнки трона; потомъ дымъ поднялся и застылъ подъ сводами, гдѣ голубой дымокъ смѣшался съ голубой пылью яркихъ дневныхъ лучей, падающихъ изъ купола.

Въ развращающемъ запахѣ благовоній, въ разгоряченной атмосферѣ этой церкви Саломея съ вытянутой лѣвой рукой—жестомъ повелѣнія, съ согнутой правой рукой, держащей противъ лица боль-

шой лотосъ, медленно на носкахъ подвигается подъ звуки гитары, струны которой перебираетъ женщина, сидящая на корточкахъ.

Съ сосредоточеннымъ, торжественнымъ, почти священнымъ лицомъ начинаетъ она похотливый танецъ, который долженъ пробудить притупленныя чувства стараго Ирода; ея груди волнуются, и отъ тренія крутящихся ожерелій концы ихъ приподнимаются. На ея влажной кожѣ сверкаютъ прицѣпленные алмазы; ея запястья, пояса, кольца сыплютъ искры; верхъ ея праздничной одежды, обшитой жемчугомъ, затканной серебряными разводами, украшенной золотой битью—панцырь изъ драгоцѣнностей, на которомъ каждое звено изъ камня горитъ, скрещиваетъ огненные змѣи, шевелится на матовомъ тѣлѣ, на кожѣ, цвѣта чайной розы, какъ великолѣпное насѣкомое, съ ослѣпительными крылышками, отдѣланными карминомъ, съ златоцвѣтными точками, голубовато-стальнымъ и зеленымъ, цвѣтомъ павлина.

Съ устремленными въ одну точку глазами, подобно сомнамбулѣ, она не видитъ ни трепещущаго Тетрарха, ни слѣдящей за ней матери, жестокой Иродіады, ни стоящей съ саблей въ рукѣ у подножія трона страшной фигуры, закутавшей до самыхъ глазъ свою грудь скопца, которая виситъ, какъ желвакъ, подъ туникой съ оранжевыми полосами.

Въ произведеніи Гюстава Моро, написанномъ са основаніи всѣхъ данныхъ новаго завѣта, дез'Эснентъ видѣлъ, наконецъ, воплотившуюся Саломею, сверхчеловѣческую и чудесную, о которой онъ мечталъ. Она не была уже только гаершей, вырывающей у старика развращенными движеніями своихъ боковъ крикъ желанія и похоти, разбивающей несокрушимую волю царя волненіями груди, сотрясеніями живота и содроганіемъ бедеръ; она стала въ нѣкоторомъ родѣ символическимъ божествомъ нетлѣннаго Сладострастія, богиней безсмертной Истеріи, проклятой Красотой, одержимой каталепсіей, напрягающей ея тѣло и дѣлающей твердыми мус-

кулы—чудовищнымъ животнымъ, равнодушнымъ, безотвѣтнымъ, безчувственнымъ, отравляющимъ, какъ античная Елена, всѣхъ, кто къ ней приближается, кто ее видитъ, до кого она дотрогивается.

Понятая такимъ образомъ она принадлежала къ теогоніи крайняго востока; она не воскрешала больше библейскихъ преданій, даже не могла уже быть уподобленной живому изображенію Вавилона, царственной Апокалипсической Блудницѣ, наряженной, какъ она, въ пурпуръ и драгоцѣнности, и какъ она, нарумяненной и набѣленной, потому что та не была брошена вѣщимъ могуществомъ, высшей силой въ притягательную бездну разврата.

Казалось, впрочемъ, что живописецъ хотѣлъ закрѣпить свою волю—остаться внѣ вѣковъ, не обозначать точно происхожденія, страны и эпохи; онъ поставилъ Саломею среди этого необыкновеннаго дворца, смѣшаннаго, но величественнаго стиля, одѣвъ ее въ роскошныя и химерическія одежды, увѣнчавъ ея голову неизвѣстной діадемой, въ видѣ финикійской башни, какую носила Саламбо, давъ, наконецъ, ей въ руки скипетръ Изиды, священный цвѣтокъ Египта и Индіи—большой лотосъ.

ПЕРЕВ. М. А. ГОЛОВКИНА.

АНРИ ДЕ-РЕНЬЕ.

Р. 1864.

У МОРЯ.

Ложись на берегу и въ руки набери
Чудеснаго песку—какъ солнце золотого!
Дай вытекать ему изъ пальцевъ, и смотри
Въ просторъ шумящихъ волнъ и неба голубого.
Потомъ закрой глаза. Отдавшись тишинѣ,
Почуешь скоро ты, какъ будто въ полуснѣ,
Что тяжесть вся ушла изъ пальцевъ освѣженныхъ...
И думай, медленно, подъ звучный хоръ валовъ:
„Вся наша жизнь—лишь горсть песчинокъ золоченыхъ,
На время взятая у вѣчныхъ береговъ!“

И. И. ТХОРЖЕВСКІЙ.

Пока не пробилъ часъ—спускаться въ сумракъ вѣчный,
Ты, бывшій мальчикомъ и брошенный безпечной
Крылатой юностью, усталый какъ и мы,
Присядь—и вслушайся, до рѣзкихъ трубъ Зимы
Какъ лѣтняя свирѣль поетъ въ тиши осенней.

Былая нѣжность спитъ, въ объятьяхъ сладкой лѣни.
А смолкнетъ пѣсенка—и слышно, въ тонкомъ снѣ,
Что Августъ говоритъ Сентябрьской тишинѣ,
И радость бывшая—навѣянной печали.
Созрѣвшій плодъ повисъ на вѣткѣ; прозвучали
Напѣвы вѣтерка—угрозой зимнихъ бурь...
Но вѣтеръ спитъ еще, ласкаясь. Спитъ лазурь.
Безмолвны сумерки, и ясны небеса,
И рѣютъ голуби, и въ золотѣ лѣса...
Еще съ губъ Осени слетаютъ пѣсни Лѣта.

Твой день былъ солнечнымъ; былъ ясный день разсвѣта,
А вечеръ сладостенъ, душа твоя чиста,
Еще улыбкою цвѣтутъ твои уста...

Пусть расплелась коса: волна кудрей прекрасна!
Пусть ужъ не бьетъ фонтанъ: вода осталась ясной.

Люби. И сотни звѣздъ зажгутся надъ тобой,
Когда пробьетъ твой часъ—спускаться въ мракъ ночной!

И. И. ТХОРЖЕВСКІЙ.

ФЕРНАНДЪ ГРЕГЪ.

Р. 1873.

Умолкшій ключъ.

Та струя, что межъ каменныхъ плитъ
Подъ разрушеннымъ сводомъ, бывало,
День и ночь безутѣшно рыдала,—
Въ эту ночь умерла и молчитъ.
Гнѣвно билъ ее вѣтеръ безумный,
Грустно билась и пѣла струя,—
Смолкло все; и, печаль затая,
Только листъ облетаетъ безшумный...
Но вчерашняя скорбь—вся жива!
Раньше капля за каплей будила
Въ гулкомъ сводѣ печали слова;
А теперь эта скорбь—вдругъ застыла
Полнымъ озеромъ слезъ... Но на днѣ
Тотъ же плачъ затаенъ въ тишинѣ.

Южная осень.

Безумiемъ тайнымъ, тоской прихотливой
Дни осени поздней полны.
Въ нихъ арфы незримой дрожатъ переливы
Дыханiемъ слабой струны.
И медленно тянется этотъ печальный,
Воздушный и сладостный звонъ;
Дни осени, въ дымкѣ тумана вѣнчальной,
Скользятъ передъ нами, какъ сонъ.
И какъ-то не вѣришь имъ: дни—точно грезы!
Блѣдна и легка ихъ печаль,
Но голы деревья, осыпались розы,
Заплакана робкая даль.
Все тонетъ, сливается. Смерти дыханье
Ложится надъ грустной землей.
И кажется музыкой солнца сiянье,
И вѣетъ на насъ тишиной!

И. И. ТХОРЖЕВСКІЙ.

ЖАНЪ МОРЕАСЪ.

Р. 1856.

Дѣва Марія на турнирѣ.

(ИЗЪ „РАЗСКАЗОВЪ СТАРОЙ ФРАНЦІИ").

Господи Іисусе! какъ славно бьется, во брани и на ристалищѣ, тотъ, кто отъ добраго сердца посѣщаетъ храмы Божіе и чтитъ чудеса пресвятой Дѣвы Маріи!

Нѣкій рыцарь, образецъ доблести и вѣжества, удалый и храбрый, преисполненъ былъ любви къ Дѣвѣ Маріи.

И вотъ случилось, что однажды, поспѣшая верхомъ на турниръ, куда желалъ прибыть въ числѣ первыхъ, услышалъ онъ благовѣстъ въ церкви. Не задумываясь, Рыцарь устремился прямо ко храму на божественную службу. Отслужили одну обѣдню Дѣвѣ Маріи, потомъ начали другую. Рыцарь отъ всего сердца молился Пречистой, но когда кончилась вторая обѣдня, началась третья. И Рыцарь все оставался тамъ, какъ на говѣніи.

—Господинъ!—сказалъ ему оруженосецъ,—клянусь тѣломъ Господнимъ! часъ турнира проходитъ. Что вы медлите здѣсь? Уйдемте, прошу васъ. Ужъ не хотите ли вы стать отшельникомъ? Поѣдемте на свое дѣло!.

— Другъ! — отвѣчалъ ему Рыцарь, — кто слушаетъ божественную службу, тѣмъ самымъ честно бьется на ристалищѣ. Когда обѣдни кончатся, мы отправимся. Если Богу угодно, раньше я не поѣду. Но послѣ, поистинѣ, буду биться какъ слѣдуетъ!..

И, повернувшись къ алтарю, онъ слушаетъ всѣ святыя пѣснопѣнія до конца.

Затѣмъ садится на коня и ѣдетъ, въ сопровожденіи отрока, къ тому мѣсту, гдѣ должно было происходить состязаніе.

По пути они встрѣтили рыцарей, которые возвращались съ ристалища, ибо турниръ былъ совершенно разыгранъ.

Они всѣ привѣтствовали Рыцаря, который ѣхалъ съ обѣдни, славили его и говорили, что никто еще до того времени не проявлялъ отваги, подобной его, и что онъ заслужилъ себѣ вѣчную славу.

— Мы ваши плѣнники,—говорили они,—мы не можемъ отвергать, что вы покорили насъ силой оружія.

Нашъ Рыцарь былъ очень пораженъ этими словами, но онъ тотчасъ понялъ, что Та, Которой онъ столько молился во храмѣ, заняла на турнирѣ его мѣсто.

— Слушайте меня всѣ, — сказалъ онъ,—и вы узнаете про великое чудо.

Тутъ онъ разсказываетъ имъ, какъ онъ слушалъ обѣдни, и что онъ вовсе не былъ на ристалищѣ и не переломилъ тамъ ни единаго копья. Но это, безъ сомнѣнія, Непорочная Дѣва Марія, которую ублажалъ онъ въ церкви, подняла копье вмѣсто него.

— Бой, въ который Она вступила за меня,— сказалъ онъ,—былъ славенъ. Но я бы дурно воспользовался имъ, если бы теперь возвратился къ мірской суетѣ.

Онъ даетъ обѣтъ Богу состязаться отнынѣ лишь предъ истиннымъ Судіей, Который отличитъ, кто рыцарь добрый и каждому воздастъ по дѣламъ его. Потомъ, съ сердечнымъ сокрушеніемъ, прощается онъ съ своими друзьями, плачущими горько.

Рыцарь съ того дня служилъ Дѣвѣ Маріи въ одной обители. Воистину онъ избралъ путь, что ведетъ къ благому концу.

ПЕРЕВ. АВРЕЛІЙ.

РЕНЭ ЖИЛЬ.
Р. 1862.

Жалоба пастушкѣ.

Нѣтъ ни одной тропы на свѣтѣ, дорогая,
Гдѣ бъ не прошли хоть разъ влюбленные...
Въ пыли
Расцвѣтшихъ лѣтнихъ дней шаги ихъ, замирая,
Подъ шопотъ страстныхъ клятвъ растаяли вдали.
(Такъ блеянье твоихъ овечекъ, такъ вдали
Замолкшій ровный шумъ нагорныхъ рѣчекъ, тая...)
Но, утро каждое, (смотри!) опять въ пыли
Расцвѣтшихъ лѣтнихъ дней—посѣвъ шаговъ! Сверкая,
Вся радость, вся мечта, встаетъ заря другая!
О дорогая!

Когда слетаетъ листъ, и воетъ ловчихъ рогъ,
И полонъ небосклонъ его истомнымъ стономъ,
И вѣетъ вѣтръ въ овсѣ, блуждая безъ дорогъ,
Въ дни августа—жнецы (по дѣдовскимъ законамъ),
Какъ рой кузнечиковъ по пашнямъ и по склонамъ,
Серпами верещатъ, о дорогая!..
—Но,

Когда уже полно высокое гумно,
Вновь въ полдень запахи надъ полемъ страстно
дышатъ,
Вновь вѣтръ надъ жнитвами забытый стебль колы-
шетъ,
А гдѣ колосья ржи стройны и высоки,
Тамъ, гдѣ колосья ржи,—синѣютъ васильки!
Нѣтъ мѣста на землѣ, о дорогая, гдѣ бы
Кровь не лилась овецъ.
Они съ тобой по по́лю
Тѣснились и паслись, и вдоль большихъ дорогъ
Багряныхъ лѣтнихъ дней (глядя на ощупь въ небо
Очами кроткими) все шли, какъ бы въ неволю.
Въ пыли багряныхъ дней слѣды ихъ робкихъ ногъ
Дождемъ, что́ по тропамъ толпился и по по́лю,
Размыты до конца...
И все же на путяхъ
Багряныхъ лѣтнихъ дней, тамъ, по большой дорогѣ,
Гдѣ лужи отъ дождя еще блестятъ во рвахъ,
Опять вздымаютъ пыль ихъ маленькія ноги!
И сколько бъ небосклонъ не угрожалъ грозой,
Ихъ, робкихъ, блеющихъ, все столько жъ за тобой!

Нѣтъ ни одной тропы на свѣтѣ, дорогая,
Гдѣ бъ не прошли хоть разъ влюбленные...
И пусть
Серпомъ идущимъ лѣтъ ты срѣзана(любовь
Моей души и словъ!), и пусть струилась кровь
Мучительныхъ разлукъ, когда всевластна грусть,
Въ истоптанной пыли воспоминаній пусть
Посѣвъ твоихъ шаговъ размытъ...
Заря, сверкая,
Подъ голубымъ шатромъ одеждой бѣлизны,
Опять встаетъ. И вновь живетъ любовь былая!
Тобой полны—мечты и сны—какъ въ дни весны,
О дорогая!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ФР. ВІЕЛЕ-ГРИФФЕНЪ.

Р. 1864.

Золото.

Золото сдѣлалъ я, золото—
Изъ солнца и горсти песку.
Тайна не стоила дорого,
Какъ игра смѣшна старику.
Падалъ песокъ изъ руки у меня,
Тихо звеня,
Въ волны ручья.
Ручей ускользалъ какъ змѣя,
Дрожа отъ вѣтра и холода...
Золото сдѣлалъ я, золото!
Изъ пшеницы бѣлѣющей сдѣлалъ я снѣгъ,
Снѣгъ и декабрьскую вьюгу,
Саней заметаемый бѣгъ,
Дѣвушки радостный смѣхъ
И близость къ желанному другу.
Я сдѣлалъ снѣгъ,
Какъ сдѣлалъ золото;
Я сдѣлалъ вьюгу, счастье холода;
Во мглѣ властительныхъ снѣговъ—
Воспоминанія цвѣтовъ.
Я сдѣлалъ снѣгъ
Изъ лепестковъ.
Изъ жизни медленной и вялой
Я сдѣлалъ трепетъ безъ конца.
Міръ созданъ волей мудреца:
И первый свѣтъ зелено-алый,
И волнъ встающіе кристаллы,
И тѣни страстнаго лица!
Какъ всѣ слова необычайны,
Такъ каждый мигъ исполненъ тайны.
Изъ жизни блѣдной и случайной
Я сдѣлалъ трепетъ безъ конца!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

АЛЬБЕРЪ САМЕНЪ.

1858-1900.

Инфанта.

Моя душа, инфанта въ дорогомъ нарядѣ,
Томится плѣнницей чертоговъ Эскуріала.
Улыбка скорбная уста ея сковала,
Мерцаетъ грусть всегда въ ея спокойномъ взглядѣ.

Въ пустынныхъ зеркалахъ таится отраженье
Инфанты съ лиліей въ рукахъ прозрачно-бѣлой,
И кажется она забытой каравеллой—
У мертвой пристани, гдѣ воды безъ движенья.

Въ оковахъ рамъ глядятъ изъ глубины неясной
Ванъ-Дейка образы усталыми очами,
И солнце нѣжными недолгими лучами
Едва цѣлуетъ край одежды ихъ атласной.

У ногъ инфанты спятъ двѣ черныя пантеры—
Рабыни вѣрныя причудливыхъ желаній;
Когда угодно ей, въ лѣсу Очарованій,
Онѣ охотятся, какъ жадныя химеры.

И такъ уходятъ дни—нѣмые безъ волненій.
И очи смеживши, обнявъ чело руками,

Она живетъ мечтой съ ушедшими вѣками:
Бесѣду съ ней ведетъ ихъ величавый геній.

Инфанты блѣдный пажъ, по имени „Когда-то“,
Читаетъ тихо ей волшебныя сказанья.
И взоръ ея слѣдитъ Колхиды очертанья,
Куда невѣдомъ путь и чье Руно не взято.

Порою лишь въ часы, когда закатъ далекій
На плитахъ мраморныхъ струитъ багрецъ и злато
И боевымъ огнемъ сверкаютъ въ нишахъ латы,—
Румянцемъ гордости ея алѣютъ щеки.

Но длинныхъ пышныхъ залъ темнѣетъ анфилада...
Въ глазахъ инфанты вновь мерцаетъ сожалѣнье;
И призракомъ плыветъ изъ пропасти забвенья—
Надеждъ несбыточныхъ погибшая Армада.

Тѣнистый тихій садъ открытъ ея прогулкамъ:
Маслины тамъ цвѣтутъ и въ олеандровъ чащѣ
Поетъ фонтановъ хоръ задумчиво журчащій,
А эхо прячется въ зеленымъ гротѣ гулкомъ.

И если стѣнъ массивъ перелетитъ случайно
Тревожной жизни гулъ назойливый и грубый,
Невольно вздрогнувъ вся, сомкнетъ инфанта губы,
Ревнивѣе храня уединенья тайну.

В. ЭЛЬСНЕРЪ.

ПЬЕРЪ ЛУИСЪ.

Р. 1870.

Прикованный Прометей.

Солнце высоко поднялось уже въ то утро, когда мы пристали къ Халкису; на берегу копошилась громадная толпа, и я съ удовольствіемъ въ ней затерялся. Кто-то сообщилъ мнѣ, что за городскими воротами устроенъ необычайный рынокъ. Филиппъ, овладѣвъ Олинтомъ, срылъ самый городъ и увелъ въ неволю все населеніе его—около восьмидесяти тысячъ душъ. Уже два дня шла продажа невольниковъ, а должна была она, какъ разсчитывали, продлиться мѣсяца три. Въ городѣ набралась поэтому масса пріѣзжихъ, покупателей и просто любопытныхъ.

Я съ трудомъ пробивалъ себѣ дорогу, самъ не зная, въ какую сторону направиться, какъ вдругъ увидѣлъ оригинальный и величественный кортежъ, предъ которымъ толпа разступалась.

Впереди шли попарно шесть рабовъ-сарматовъ, неся мѣшки съ золотомъ; у всѣхъ было за поясомъ

по большому ножу. За ними шелъ негритенокъ, несшій горизонтально длинную кедровую палку, отдѣланную золотомъ,—то была трость его господина и повелителя. За этимъ слѣдовалъ уже и самъ господинъ, рослый, тяжеловѣсный мужчина, голова коего была убрана цвѣтами, а борода сильно надушена; поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ двумя молодыми дѣвушками, онъ былъ облаченъ въ широчайшую пурпуровую тогу и тяжело шагалъ, топча траву своими широкими ступнями. Я сразу узналъ Парразіоса, похожаго на индійскаго Вакха; его глаза въ свою очередь остановились на мнѣ.

— Если ты не Бріаксисъ,—сказалъ онъ, нахмуривъ брови,—то какъ ты смѣешь принимать его образъ?

— А кто далъ тебѣ, если ты не сынъ Семеле, такіе большіе локоны, такую величественную осанку и эту пурпуровую тогу, сотканную граціями Наксоса?

— Онъ улыбнулся. Не освобождая руки своей отъ прелестной поддержки, онъ подалъ мнѣ ее, какъ золотое блюдо, и пожалъ мою руку на обнаженной груди куртизанки.

— Харикло,—сказалъ онъ дѣвушкѣ справа,—обними ты понѣжнѣе друга моего, и пойдемъ мы всѣ вмѣстѣ.

Мы пошли указаннымъ имъ способомъ. Парразіосъ придавалъ походкѣ скандированное покачиваніе, торжественное какъ гекзаметръ, въ которомъ шажки женщинъ какъ бы отбивали дактиль. Тремя словами онъ справился о моихъ работахъ и о жизни моей. При каждомъ отвѣтѣ моемъ онъ быстро произносилъ: „Великолѣпно!“, чтобъ избѣжать, очевидно, лишнихъ объясненій. Затѣмъ онъ заговорилъ о себѣ.

— Когда Филиппъ узналъ, что я оказываю ему честь и намѣренъ посѣтить новый городъ его, населенный одними лишь прохвостами, онъ выслалъ мнѣ навстрѣчу одного изъ своихъ офицеровъ, который ждалъ меня въ десяти стадіяхъ отъ Эврипскаго моста. Человѣкъ этотъ привезъ мнѣ подарки царя, въ числѣ коихъ имѣлись эти шесть сѣвер-

ныхъ колоссовъ и двѣ красавицы, которыя теперь съ нами: силу—чтобъ расчищать мнѣ путь, и грацію—чтобъ украшать мою особу.

Мы приближались къ большому рынку. Онъ остановился и посмотрѣлъ на меня.

— А ты даже и не спросилъ меня, зачѣмъ я, собственно, сюда явился.

— Я не смѣлъ.

— А догадываешься ты?

— Нѣтъ. Не думаю, чтобъ ты искалъ здѣсь невольника, такъ какъ Филиппъ даритъ тебѣ своихъ. Не нужно тебѣ и женщинъ, такъ какъ съ нами...

— Я прибылъ, голубчикъ, изъ Аѳинъ въ Халкисъ, чтобъ найти здѣсь модель-мужчину. Ты удивленъ? Я такъ и думалъ...

— Модель? Неужели не осталось уже больше ни одного между академіей и Пиреемъ?

— Для меня ихъ имѣется тамъ около четырехсотъ сорока тысячъ,—кичливо произнесъ Парразіосъ,—все населеніе Аттики. А я все-таки ищу, однако, модель на здѣшнемъ рынкѣ, гдѣ продаютъ олинтійцевъ. И вотъ почему. Ты легко поймешь...— Онъ выпрямился во весь ростъ.—Я пишу Прометея.—Произнося это имя, онъ такъ и остался съ открытымъ ртомъ, и въ складкахъ его бровей выражался весь ужасъ избраннаго имъ сюжета.—Какъ тебѣ извѣстно, Прометеи имѣются уже подъ всѣми портиками. Одного уже продалъ Тимагоръ, Аполлодоръ тоже попробовалъ написать одного, Зевксисъ вообразилъ, что тоже можетъ. Но стоитъ ли говорить о всей этой жалкой живописи? До сихъ поръ никто еще не написалъ настоящаго Прометея.

— И я такъ думаю,—отвѣтилъ я.

— Они давали образы голыхъ мужчинъ, привязанныхъ къ деревяннымъ скаламъ, съ лицами, исковерканными гримасой, вызываемой зубной болью, но Прометея, кузнеца огня, Прометея, создателя человѣка, и борьбу его съ богомъ-орломъ о, нѣтъ, Бріаксисъ, этого не далъ еще никто. Этого величественнаго Прометея я вижу передъ глазами

своими, какъ вижу теперь тебя, и хочу оставить образъ его на стѣнѣ Парѳенона.

Говоря это, онъ покинулъ плечи обѣихъ женщинъ, взялъ трость у негритенка и провелъ ею большія линіи въ воздухѣ.

— Я работалъ уже надъ этимъ сюжетомъ два мѣсяца. Я нашелъ чудныя скалы въ предгоріи Астипалеи во владѣніяхъ Кратеса... Всѣ мои этюды были окончены... фонъ моего пейзажа готовъ... линія фигуры на мѣстѣ... Но вдругъ остановка—не могу найти головы. О, требуйся мнѣ Меркурій, Аполлонъ или Панъ, всѣ граждане Аѳинъ съ гордостью позировали бы у меня; но выбрать моделью человѣка, на лицѣ коего можно бы найти выраженіе геніальности, и связать такого человѣка по рукамъ и по ногамъ на деревянныхъ подмосткахъ... ты поймешь, что это невозможно. Такъ можно распорядиться только съ рабомъ. А у этихъ людей найдешь только скотское выраженіе. Съ нихъ можно писать Энселадовъ, Тифоновъ, но то не Прометеи. А почему? Потому что у насъ нѣтъ рабовъ, бывшихъ раньше свободными эллинами. Филиппъ изъ раздобылъ, и я явился за ними туда, гдѣ онъ ихъ продаетъ.

Я вздрогнулъ.

— Олинтійцы?.. Побѣжденнаго союзника? А гдѣ разсчитываешь ты писать свою картину?

— Въ Аѳинахъ.

— На Аѳинской землѣ рабъ твой будетъ свободенъ.

— Если я этого пожелаю.

— Если ты будешь обращаться съ нимъ, какъ съ плѣнникомъ, то вѣдь законы наши...

— Законы?—усмѣхнулся Парразіосъ.—Законы въ рукахъ моихъ, также какъ складки этой мантіи, которую я перебрасываю черезъ плечо мое.

И великолѣпнымъ жестомъ онъ задрапировался пурпуромъ.

Парразіосъ направился по главной улицѣ, гдѣ справа и слѣва были выставлены нагіе, какъ мраморныя изваянія, молодые люди и молоденькія дѣ-

вушки, стоявшіе, повидимому, въ самой дорогой цѣнѣ. Къ моему удивленію, я не видѣлъ выраженія грусти въ ихъ взглядахъ, полныхъ скорѣе любопытства. Человѣческія страданія имѣютъ границу, которую молодость переходитъ очень скоро. Со дня разоренія ихъ жилищъ прекрасныя созданія эти столько пережили уже въ отчаяніи дней и ночей, что притупились, и на лицахъ ихъ оно не оставило ужъ и слѣда. Юноши нашли, несомнѣнно, утѣшеніе въ надеждѣ на бѣгство изъ неволи, а дѣвушки мечтали, можетъ быть, о чарахъ любви, которой еще не знали и на силу которой могли разсчитывать для облегченія своей участи. По той ли, по другой причинѣ, а можетъ быть, просто бравируя, всѣ они прикидывались веселыми.

Мы прошли уже больше половины главной улицы, когда Парразіосъ остановился.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ мнѣ,—здѣсь я не найду того, что мнѣ нужно. Юность тѣла и красота лба несовмѣстимы. Прометей не былъ поэтому уже юношей. Повернемъ направо наудачу; нужный мнѣ экземпляръ скорѣе удастся найти между невольниками второго разбора.

Не успѣли мы сдѣлать и трехъ шаговъ по второй справа аллеѣ, какъ онъ вытянулъ руки и закричалъ:

— Вотъ онъ!

Я съ любопытствомъ подошелъ ближе. Человѣку, на котораго онъ мнѣ указалъ, было лѣтъ подъ пятьдесятъ. Очень высокаго роста, отлично сложенный, онъ обладалъ широкимъ лбомъ, могучей и мускулистой дугой бровей, крупнымъ и геометрическимъ носомъ, широкими ноздрями и глубокими ушами. Волосы были уже сѣды, но борода еще темная, короткая и вся въ локонахъ, столь же выразительныхъ, какъ и черты его. Крѣпкія мышцы шеи придавали ей видъ пьедестала, придававшаго, по своеобразному соотношенію, особую силу умному выраженію его глазъ.

Парразіосъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Утисъ.

— Я не спрашиваю тебя о твоихъ занятіяхъ литературой, мой милый, а хочу знать, какое имя далъ тебѣ отецъ, и ты, надѣюсь, отвѣтишь мнѣ на вопросъ мой.

— Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я называюсь Утисомъ. Если прежде у меня было другое имя, то мнѣ неугодно сказать тебѣ его.

— Почему?

— И этого я тебѣ тожене скажу, собачій сынъ.

Вышедшій изъ себя Парразіосъ сталъ краснѣе своего плаща.

Встревоженный продавецъ съ мольбою поднялъ руки.

— Не слушай ты его, господинъ! Онъ говоритъ, какъ полоумный... Но это только хитрость съ его стороны, потому что онъ куда умнѣй меня: онъ врачъ. По знаніямъ и по ловкости у него не было равнаго въ Олинтѣ. Всѣ это знаютъ, такъ какъ слава его дошла и до Македоніи. Меня увѣряли, что за тридцать лѣтъ онъ вылечилъ больше олинтійцевъ, чѣмъ намъ удалось убить ихъ въ день взятія города. Онъ будетъ очень цѣннымъ невольникомъ, какъ только ты его посадишь на цѣпь и дашь ему понюхать палки; онъ теперь грубитъ еще, но перемѣнитъ тонъ, какъ и прочіе. Если ты сумѣешь держать его въ рукахъ, то не узнаешь смерти больше ста лѣтъ. Дай ты мнѣ тридцать драхмъ, и Никостратъ поступитъ въ полную твою собственность.

— Никостратъ?—обратился Парразіосъ ко мнѣ. —А вѣдь имя это въ самомъ дѣлѣ мнѣ знакомо. На медицинскія познанія его мнѣ плевать. Всѣ мои лекарства лежатъ у меня въ погребѣ и одно излечиваетъ причиненное другимъ разстройство. Онъ— приказалъ продавцу:

— Сними съ него одежду.

Никостратъ, сознавая свое безсиліе, съ пренебреженіемъ далъ себя раздѣть.

Парразіосъ продолжалъ отдавать приказы.

— Поставь ты его лицомъ сюда и съ опущен-

ными руками. Хорошо... Поверни его бокомъ... теперь спиной... направо... опять лицомъ.. Я его покупаю.—Она слегка хлопнулъ меня по плечу и вполголоса сказалъ:—Чудный экземпляръ, дружище!

Я ничего не отвѣтилъ, но въ глубинѣ души сознавалъ, что завидую ему. Съ тѣхъ поръ прошло уже пятьдесятъ лѣтъ—продолжительность человѣческой жизни. Я видѣлъ тысячи моделей, но никогда ни одного, какъ Никостратъ. То была статуя человѣка во всемъ его величіи, въ томъ возрастѣ, когда сила становится могуществомъ. Парразіосъ назвалъ его Прометеемъ, но и всякое другое безсмертное имя было бы на своемъ мѣстѣ, примѣненное къ новому рабу его. Пробудь этотъ человѣкъ одинъ только годъ въ моей мастерской и я произвелъ бы достаточно слѣпковъ, чтобы заполнить всю мою карьеру Зевсами, Плутонами, Посейдонами и пятнадцатью сѣдобрадыми богами, называемыми Властелинами.

Онъ олицетворялъ весь Олимпъ. Когда онъ протягивалъ руку, въ ней видѣлся трезубецъ, когда онъ поднималъ ее, вамъ представлялась молнія. Линіи его грудныхъ мускуловъ сливались съ плечами такъ величественно, что всякій жестъ его становился божественнымъ.

Вернулся я въ Аѳины одинъ. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ и Парразіосъ. Я отправился къ нему на слѣдующій день.

Парразіосъ жилъ во дворцѣ, построенномъ рядомъ съ домикомъ Платона и стоявшемъ на полупути между Керамикой и академіей. Сады его тянулись далеко внизъ, до голубыхъ береговъ Циклодора, съ другой стороны, выходившей на большую дорогу, бѣлое зданіе его тоже было окружено большими развѣсистыми деревьями.

По необычной у такого великаго человѣка слабости Парразіосъ любилъ рисоваться своимъ богатствомъ. Состояніе у него было громадное и онъ распоряжался имъ такъ, чтобы никто въ этомъ не сомнѣвался, и домъ его походилъ поэтому на дворецъ Артаксеркса.

Онъ встрѣтилъ меня на порогѣ большого внутренняго двора, служившаго ему мастерской. Задрапированный по обыкновенію въ красную шелковую одежду и съ повязкой на лбу, какъ богъ Олимпа, онъ широко раскрылъ мнѣ свои объятія. Затѣмъ мы вмѣстѣ вошли въ знаменитый залъ, изъ котораго вышло столько шедёвровъ.

— Мой „Прометей"? — отвѣтилъ онъ на мой вопросъ.—Нѣтъ, онъ недостаточно созрѣлъ у меня. Надъ Никостратомъ, надо подумать немножко, и я предчувствую, что моя первоначальная планировка разсыплется прахомъ, какъ только я помѣщу въ нее его особу. Черезъ нѣсколько дней, впрочемъ, увидимъ.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца я такъ былъ занятъ собственными дѣлами, что мнѣ не удалось ни разу побывать у Парразіоса. Паденіе Олинты повергло Аѳины въ положительный трауръ. Рынокъ въ Халкисѣ, продажа въ рабство союзнаго народа—такой скандалъ и афронтъ почти что у самыхъ воротъ Аттики—служили предметомъ всѣмъ разговоровъ.

Съ Филиппомъ ничего нельзя было сдѣлать. Кратесъ не хотѣлъ войны и даже самъ Демосѳенъ не требовалъ ея больше. Но Эсхинъ, возвращаясь изъ Пелопонеса, встрѣтилъ по дорогѣ массу олинтійцевъ, которыхъ гнали, какъ стада скота, и одного разсказа его объ этой встрѣчѣ было достаточно, чтобъ вызвать взрывъ народнаго негодованія. Вскорѣ послѣ этого узнали, что въ самыхъ Аѳинахъ какой-то гражданинъ обращался съ несчастной женщиной изъ Олинта, какъ съ рыбыней. Его арестовали, судили и приговорили къ смертной казни.

Опасаясь, чтобы такая же участь не постигла и Парразіоса, я бросилъ всякія дѣла и поспѣшилъ къ нему, чтобъ предупредить его, если еще не поздно. Я нашелъ всѣ двери и окна запертыми. Рабъ привратникъ ни за что не хотѣлъ меня впустить. Мнѣ пришлось настаивать, говорить ему о своихъ опасеніяхъ, увѣрять, что дѣло идетъ о жи-

зни его господина, чтобъ пройти наконецъ. Спѣшно пробѣжавъ большую галлерею, я поднялъ занавѣсь. Никогда я не забуду серьезнаго взгляда, какимъ встрѣтилъ Парразіосъ приходъ мой. Онъ рисовалъ стоя передъ большимъ панно изъ чернаго дерева, величиною почти что съ его ростъ. Свѣтъ грозового неба придавалъ его высокой фигурѣ какой-то сверхчеловѣческій обликъ. Лицо его было настолько серьезно, что на немъ незамѣтно было ни одного штриха, даже морщины совершенно сгладились, какъ это случается на трупахъ очень старыхъ людей. Онъ не сказалъ мнѣ ни слова, онъ даже больше ни разу и не взглянулъ на меня.

Тутъ только я, слѣдя за его взглядомъ, перебѣгавшимъ съ картины на извѣстную точку обширнаго зала, увидѣлъ Никострата, совершенно нагого, привязаннаго руками и ногами къ настоящей скалѣ; несчастный напрягалъ всѣ свои мускулы, стараясь разорвать четыре натянутыя веревки.

Долго простоялъ я неподвижно, удерживая дыханіе, забывъ, зачѣмъ я сюда пришелъ. Всѣ мои мысли всецѣло остановились на увидѣнныхъ мною чудесахъ: зрѣніе побѣдило всѣ остальныя чувства...

Вдругъ Парразіосъ произнесъ одно слово... Мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ показалось... Мнѣ послышалось: „кричи!“. Голосъ его былъ такъ же спокоенъ, какъ движенія его и выраженіе лица.

— Кричи!—повторилъ Парразіосъ.

Никостратъ заставилъ себя расхохотаться, и этотъ насильственный смѣхъ потрясъ весь залъ.

Онъ заявилъ, что кричать не будетъ, что чертъ лица не привязать веревками къ скалѣ, какъ это сдѣлали съ членами тѣла его, что онъ помѣшаетъ исполненію этой картины...

На лицѣ Парразіоса не шевельнулся ни одинъ мускулъ. Онъ положилъ проволоку, которую держалъ въ рукѣ, и медленно взялъ другую, раскалившуюся до-бѣла въ стоявшей рядомъ печи, и, тщательно вымѣривъ мѣсто, гдѣ на картинѣ его хищникъ клевалъ печень Прометея, приказалъ рабу-сармату:

— Возьми. Направь подъ послѣднее ребро. Прикасайся слегка, не очень углубляй.

Никостратъ смотрѣлъ на подходившаго къ нему раба. Онъ сохранялъ блѣдную улыбку и не произнесъ ни одного звука, когда раскаленное желѣзо прикоснулось уже къ тѣлу, но скоро глаза его стали выходить изъ орбитъ, странный потъ заструился съ висковъ его. Онъ заревѣлъ сначала, но потомъ ревъ этотъ перешелъ въ дрожащій стонъ, напоминавшій рыданія ребенка.

Парразіосъ невозмутимо изучалъ его лицо... Сколько это длилось времени? Не знаю... Кажется, до вечера. Не помню я тоже, въ которомъ часу я былъ въ состояніи выбраться изъ этого зала, потому что я почти что потерялъ сознаніе. Когда я выходилъ изъ дверей, то послѣ продолжительнаго молчанія раздался крикъ Парразіоса:

—Дуракъ! Оно умеръ на минуту раньше, чѣмъ слѣдовало.

Когда на другое утро въ Аѳинахъ узнали, какъ Парразіосъ закончилъ свою картину: „Прикованный Прометей“, предназначавшуюся для Пантеона, то крикъ ужаса охватилъ весь городъ. Народъ массой направился къ жилищу художника, всѣ двери котораго были заперты, и хотѣлъ взять его приступомъ.

—Олинтійца!.. Свободнаго гражданина!.. Жертву македонца! Ядъ убійцѣ его!

Я вмѣшался въ эту разъяренную толпу, но не для того, чтобъ спасти своего друга, ибо я самъ считалъ его въ этотъ моментъ достойнымъ всякой казни, и въ ушахъ моихъ стоялъ еще ревъ Никострата. Я пошелъ съ толпой просто изъ любопытства и скоро очутился у осаждаемаго ею дома.

Толпа долго кричала. Домъ казался какъ бы вымершимъ: ни одного раба на порогѣ, ни одного звука не слышно было за неподвижно висѣвшими между колоннами занавѣсями. Наконецъ, показался самъ Парразіосъ, скрестивъ руки на груди и все съ той же повязкой на лбу.

Буря криковъ встрѣтила его появленіе:

— Убійца! Варваръ! Союзникъ Филиппа!—кричала толпа.—Гдѣ онъ, этотъ несчастный олинтіецъ? Мы устроимъ ему похороны, какихъ удостоиваются побѣдители-вожди! А тебѣ ядъ! Ядъ тебѣ!..

Парразіосъ выждалъ, пока крики нѣсколько смолкли, затѣмъ, взявъ у ногъ своихъ нарисованнаго имъ „Прометея“, онъ медленно поднималъ картину—сначала надъ баллюстрадой, а потомъ надъ собой, такъ что она его закрыла, и человѣка замѣстило его твореніе.

Дрожь пробѣжала по всей этой толпѣ, подошедшей еще ближе. Ей показали что-то необычайное: надъ головами ея стояла картина человѣческихъ страданій и ожидающаго человѣчество во вѣки вѣковъ преклоненія передъ страданіями и смертью. Передъ этими многочисленными глазами впервые показалась вершина трагическаго величія. Толпа затрепетала, кое-кто плакалъ. Гробовое молчаніе замѣнило неистовые крики, и когда опять явились попытки вызвать крики негодованія, ихъ заглушилъ громовой взрывъ восторга, сопровождающій славу.

ПЕРЕВ. И. ЯРОНЪ.

Пѣсни Билитисъ.

МОРЕ КИПРИДЫ.

Я улеглась на уступѣ самой высокой прибрежной скалы. Море чернѣло внизу какъ поле, заросшее фіалками. Млечный путь струился изъ великой божественной груди.

Тысяча менадъ спитъ вкругъ меня среди растерзанныхъ цвѣтовъ. Длинныя травы перемѣшались съ ихъ волосами... А вотъ и солнце родилось въ восточной части воды!

Это тѣ же самыя волны, и тотъ самый берегъ, которыя видѣли нѣкогда появленіе бѣлаго тѣла Аѳродиты... Разомъ закрыла я очи свои руками.

Ибо я увидѣла, какъ дрожитъ на водѣ тысяча маленькихъ свѣтлыхъ устъ: невинность или улыбка Киприды Филоммеиды.

ПЕРЕВ. АЛ. КОНДРАТЬЕВЪ.

ПРІАПЪ.

О, досточтимый Пріапъ, богъ рощъ, котораго я приказала изваять изъ мрамора на краю купальни моей, не безъ причины: Хранитель Садовъ, ты бодрствуешь здѣсь надъ куртизанками.

Не для того мы купили тебя, о безсмертный, чтобы посвятить тебѣ нашу дѣвственность. Никто не можетъ давать того, чего уже не имѣетъ, и почитательницы Паллады не бѣгаютъ по улицамъ Амаѳонта.

Нѣтъ, ты охранялъ когда-то вѣтви кудрявыхъ деревьевъ, покрытые росою цвѣты и тяжелые вкусные плоды. Вотъ почему мы избрали тебя.

Охраняй нынѣ наши свѣтлокудрыя головы, открытые маки нашихъ устъ и фіалки очей. Оберегай твердые плоды нашихъ грудей и дай намъ подобныхъ тебѣ любовниковъ!

ПЕРЕВ. АЛ. КОНДРАТЬЕВЪ.

МАРСЕЛЬ ШВОБЪ.

-1905.

Крестовый походъ дѣтей.

РАЗСКАЗЪ ТРЕХЪ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ.

Мы трое, Николай, который не умѣетъ говорить, Аленъ и Денисъ, тронулись въ путь, чтобы итти въ Іерусалимъ. Мы идемъ уже много времени. Бѣлые голоса звали насъ ночью. Они звали всѣхъ маленькихъ дѣтей. Они были какъ голоса птицъ, умирающихъ зимой. И сначала мы видѣли много бѣдныхъ птицъ, распростертыхъ на замерзшей землѣ, много бѣдныхъ птицъ съ красными шейками. Затѣмъ мы видѣли первые цвѣты и первыя листья и сплетали изъ нихъ кресты. Мы пѣли передъ деревнями, какъ дѣлали обыкновенно передъ Новымъ годомъ. И всѣ дѣти бѣжали къ намъ. И мы подвигались передъ толпой. Были люди, которые насъ проклинали, не зная совершенно Господа. Были женщины, которыя брали насъ за руки и задавали вопросы и покрывали поцѣлуями наши лица. И затѣмъ были добрые, которые приносили намъ деревянныя миски, теплое молоко и фрукты. И всѣмъ было жаль насъ. Ибо они совсѣмъ не знаютъ, куда мы идемъ, и они не слышали голосовъ.

На землѣ есть густые лѣса, и рѣки, и горы, и тропинки, полныя терній. А на концѣ земли находится море, которое мы скоро переплывемъ. А на концѣ моря находится Іерусалимъ. У насъ нѣтъ ни начальниковъ, ни проводниковъ. Но всѣ дороги хороши для насъ. Хотя Николай не умѣетъ говорить, онъ идетъ какъ мы,—Аленъ и Денисъ,—и всѣ земли одинаковы и одинаково опасны для дѣтей. Вездѣ густые лѣса и рѣки, и горы, и терновники. Но повсюду голоса будутъ съ нами. Здѣсь есть ребенокъ, его зовутъ Евстафій и онъ родился слѣпымъ. Онъ простираетъ впередъ руки и улыбается. Мы видимъ не болѣе, чемъ онъ. Маленькая дѣвочка ведетъ его и несетъ его крестъ. Ее зовутъ Алисой. Она никогда не говоритъ и никогда не плачетъ; глаза ея все время слѣдятъ за ногами Евстафія, чтобы поддержать его, когда онъ споткнется.Мы любимъ ихъ обоихъ. Евстафій не сможетъ увидѣть святыхъ лампадъ гроба. Но Алиса возьметъ его руки, чтобы дать ему дотронуться до плитъ гробницы.

О, какъ прекрасенъ міръ! Мы не вспоминаемъ ни о чемъ, такъ какъ мы никогда ничего не знали, Однако, мы видѣли старыя деревья и красные утесы. Иногда мы подолгу движемся впотьмахъ. Иногда мы идемъ до вечера по свѣтлымъ лугамъ. Мы кричали имя Іисуса на ухо Николаю, и онъ хорошо его знаетъ. Но онъ не умѣетъ его произнести. Онъ радуется вмѣстѣ съ нами на то, что мы видимъ. Ибо губы его могутъ открываться для радости, и онъ ласкаетъ намъ плечи. И, такимъ образомъ, они совсѣмъ не несчастны: ибо Алиса заботится объ Евстафіи, а мы, Аленъ и Денисъ, ухаживаемъ за Николаемъ.

Намъ говорили, что мы встрѣтимъ въ лѣсахъ людоѣдовъ и оборотней. Это ложь. Никто насъ не напугалъ; никто не сдѣлалъ намъ зла. Отшельники и больные приходятъ смотрѣть на насъ, и старыя женщины зажигаютъ намъ свѣтъ въ своихъ хижинахъ. Для насъ звонятъ въ церковные колокола. Крестьяне отрываются отъ полевыхъ работъ, чтобы поглядѣть на насъ. Животныя также смот-

рятъ и не убѣгаютъ. И съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли, солнце стало горячѣе, и мы срываемъ иные цвѣты. Но всѣ стебли могутъ сплетаться одинаковымъ образомъ, и наши кресты постоянно свѣжи. Итакъ, мы полны надежды и скоро увидимъ голубое море. А на краю голубого моря—Іерусалимъ, И Господь позволитъ приблизиться къ Своей гробницѣ маленькимъ дѣтямъ. И бѣлые голоса будутъ радостны въ ночи.

ПЕРЕВ. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ.

Паоло Учелло.

ХУДОЖНИКЪ.

Въ сущности его звали Паоло ди-Доно, но флорентинцы прозвали его „Учелло“ или „Птица“ по причинѣ множества птичьихъ чучелъ и рисунковъ звѣрей, наполнявшихъ его домъ, ибо былъ онъ слишкомъ бѣденъ, чтобы держать животныхъ или доставать тѣхъ, которыхъ не зналъ. Однажды, какъ о немъ разсказываютъ, онъ работалъ въ Падуѣ надъ фреской, изображавшей четыре стихіи, и въ качествѣ символа воздуха помѣстилъ тамъ хамелеона. Но никогда его не видавъ, вмѣсто него онъ изобразилъ верблюда съ раздутымъ брюхомъ и съ разинутой пастью. (Хамелеонъ—объясняетъ Вазари—похожъ на небольшую сухую ящерицу, между тѣмъ какъ верблюдъ есть крупное, качающееся на ходу животное).

Учелло не заботился о реальности предметовъ, но лишь объ ихъ многочисленности и безконечномъ разнообразіи линій. Онъ дѣлалъ голубыя поля, красные города, всадниковъ въ черныхъ до-

спѣхахъ, на дышущихъ пламенемъ эбеновыхъ коняхъ, съ копьями, устремленными, какъ свѣтовые лучи, во всѣ стороны неба.

Была у него привычка постоянно помѣщать на картинахъ „Mazocchi“, представляющіе собой родъ деревяннаго обруча, крытаго сукномъ и надѣваемаго на голову такъ, что складки откинутой ткани обрамляютъ лицо. Учелло изображалъ ихъ то остроугольными, то квадратными, то въ видѣ пирамиды или конуса, глядя по даннымъ перспективы, и находилъ цѣлый міръ сочетаній въ складкахъ mazocchio. Скульпторъ Донателло говаривалъ ему: „Ахъ, Паоло, ты упускаешь сущность ради тѣни!“

Но „Птица“ продолжалъ свою кропотливую работу. Онъ соединялъ круги, дѣлалъ углы, изучалъ всякое твореніе во всѣхъ его видахъ и обращался за разъясненіемъ Эвклидовыхъ задачъ къ своему другу, математику Джіованни Манетти. Потомъ онъ запирался и покрывалъ свои пергаменты и деревянныя дощечки точками и кривыми!

Онъ непрестанно работалъ надъ изученіемъ архитектуры, въ чемъ помогалъ ему Филиппо Брунеллески. Но у него не было намѣренія быть строителемъ. Онъ довольствовался тѣмъ, что замѣчалъ направленіе линій отъ фундамента къ карнизамъ, и сцѣпленіе прямыхъ въ ихъ точкахъ прикосновенія, и законы сведенія сводовъ къ ихъ верхнему соединительному камню, и вѣерообразное схожденіе потолочныхъ балокъ, которыя какъ будто сливаются въ концѣ длинной залы. Онъ также изображалъ всѣхъ животныхъ, и ихъ движенія, и жесты людей, стараясь свести ихъ къ простымъ линіямъ. И какъ алхимикъ, склонясь надъ смѣсями металловъ и посредствующихъ веществъ, наблюдаетъ ихъ плавку на своемъ горнѣ въ надеждѣ найти золото, такъ Учелло сливалъ всѣ формы въ одинъ тигель. Онъ ихъ соединялъ, комбинировалъ и плавилъ, чтобы добиться ихъ превращенія въ одну первоначальную, изъ которой исходятъ остальныя. Вотъ почему Паоло Учелло жилъ, затворившись, какъ алхимикъ, въ своемъ маленькомъ домѣ.

Онъ вѣрилъ, что ему удастся замѣнить всѣ линіи однимъ идеальнымъ аспектомъ. Ему хотѣлось уловить весь сотворенный міръ, какимъ онъ отражается во взорѣ Бога, который видитъ всѣ фигуры исходящими отъ одного сложнаго центра.

Въ одномъ съ нимъ городѣ жили Гильберти, Делла-Робіа, Брунеллески и Донателло: всѣ они, гордые своимъ мастерствомъ, смѣялись надъ бѣднымъ Учелло, надъ его безумными мыслями о перспективѣ, и съ жалостью глядѣли на его домъ, богатый науками и бѣдный запасами. Но Учелло былъ еще болѣе гордъ. Во всякой новой комбинаціи линій онъ надѣялся найти способъ творенія. Его цѣль была не подражаніе, а власть раскрывать совершенный обликъ каждый вещи, и странная коллекція шапочекъ со складками казалась ему въ большей мѣрѣ откровеніемъ, чѣмъ прекрасныя мраморныя лица Донателло.

Такъ жилъ „Птица“, вѣчно въ плащѣ съ капюшономъ на задумчивой головѣ. Онъ не замѣчалъ, что ѣлъ и что пилъ, и былъ вполнѣ подобенъ отшельнику.

Однажды, на лугу, у груды старыхъ камней, потонувшихъ въ травѣ, онъ увидѣлъ смѣющуюся дѣвушку съ гирляндой на головѣ.

На ней была длинная изящная одежда, въ бокахъ поддерживаемая блѣдной лентой, и движенія ея были гибки, какъ вѣтви, которыя она сплетала. Ея имя было Сельваджія. Она улыбнулась Учелло. Онъ отмѣтилъ складъ ея улыбки и, пока она на него смотрѣла, разглядѣлъ тончайшія линіи рѣсницъ, и кругъ зрачковъ, и изгибъ вѣкъ, и легко подхваченные волосы. Мысленно онъ располагалъ на тысячу ладовъ гирлянду, окаймлявшую ея лобъ.

Но Сельваджія не могла понять этого,—ей было всего тринадцать лѣтъ. Она взяла Учелло за руку и полюбила его. Она была дочерью одного флорентинскаго красильщика, а матери уже не было въ живыхъ. Другая женщина, занявшая ея

мѣсто въ домѣ, била Сельваджію. Учелло привелъ ее къ себѣ.

Цѣлыми днями Сельваджія не отрывалась отъ стѣны, на которой Учелло набрасывалъ свои универсальныя формы. Она никогда не могла понять, почему онъ предпочитаетъ всматриваться въ прямыя и ломаныя линіи, а не глядѣть на нѣжное лицо, тянувшееся къ нему.

По вечерамъ, когда Брунеллески или Маннетти приходили работать съ Учелло, она засыпала послѣ полуночи на полу у стѣны, въ тѣневомъ кругѣ подъ лампой. Утромъ она просыпалась раньше Учелло и радовалась окружавшимъ ее птицамъ и звѣрямъ, разрисованнымъ въ разные цвѣта. Учелло рисовалъ ея губы, ея глаза, ея волосы, ея руки; онъ постоянно закрѣплялъ отдѣльныя положенія ея тѣла, но онъ не писалъ ея портрета, какъ дѣлали другіе художники, когда любили женщину. Ибо „Птицѣ“ была незнакома радость оставаться въ предѣлахъ одной личности: онъ не могъ быть въ одномъ краю, стремясь въ своемъ полетѣ парить надъ всѣми краями.

И формы, и положенія тѣла Сельваджіи были брошены въ общій тигель формъ, вмѣстѣ съ движеніями животныхъ, съ линіями камней и растеній, съ лучами свѣта, съ зыбью земныхъ испареній и морской волны. Забывъ о Сельваджіи, Учелло казался вѣчно склоненнымъ надъ тигелемъ формъ.

А въ это время въ домѣ Учелло было нечего ѣсть, и Сельваджія не рѣшалась говорить объ этомъ ни Донателло, ни кому другому. Она умерла, не сказавъ ни слова. Учелло запечатлѣлъ ея окоченѣвшее тѣло, ея маленькія худыя сложенныя руки и очеркъ жалкихъ закрытыхъ глазъ. Онъ не замѣтилъ, что она умерла, какъ прежде не замѣчалъ, что жива. Онъ только присоединилъ новыя формы къ тѣмъ, что собралъ.

„Птица“ состарился, и уже никто не понималъ его картинъ. Это была какая-то путаница кривыхъ. Больше нельзя было различить ни земли, ни растеній, ни животныхъ, ни людей.

Много лѣтъ онъ работалъ надъ своимъ главнымъ произведеніемъ, скрывая его отъ всѣхъ. Оно должно было обнимать всѣ его изысканія и быть ихъ отраженіемъ по своему общему замыслу. То былъ „Ѳома Невѣрный, испытующій язвы Христа". Восьмидесяти лѣтъ Учелло закончилъ картину.

Онъ призвалъ Донателло и благоговѣйно открылъ ее. И Донателло воскликнулъ: „Паоло, закрой свою картину!" „Птица" сталъ распрашивать великаго скульптора, но тотъ не захотѣлъ болѣе сказать ничего. Отсюда Учелло вывелъ, что онъ совершилъ чудо. Но Донателло не видѣлъ ничего, кромѣ хаоса линій.

Нѣсколько лѣтъ спустя Паоло Учелло былъ найденъ умершимъ отъ истощенія на своемъ жесткомъ ложѣ. Его лицо было излучено морщинами. Глаза вперились въ открывшуюся ему тайну.

Въ крѣпко сжатыхъ пальцахъ онъ держалъ маленькій свитокъ пергамента, весь покрытый нересѣкающимися линіями отъ центра къ окружности и возвращающимися отъ окружности къ центру.

БЕЛЬГІЯ

ЖОРЖЪ РОДЕНБАХЪ.

1855-1898.

Мертвый Брюгге.

ОТРЫВОКЪ.

Ежедневно по вечерамъ Гюгъ прогуливался. Онъ проходилъ по набережнымъ каналовъ невѣрными шагами, немножко сгорбившись, хотя ему было не больше сорока лѣтъ. Вдовство состарило его преждевременно. Виски порѣдѣли. Въ волосахъ пробивалась сѣдина. Тусклые глаза глядѣли вдаль, въ „потусторонній" міръ.

И какъ Брюгге былъ печаленъ въ эти сумеречные часы! Такимъ онъ любилъ его. Мертвенность этого города имѣла рѣшающее значеніе въ его намѣреніи поселиться въ немъ послѣ случившагося съ нимъ великаго несчастья.

Въ дни радости, когда онъ путешествовалъ съ своей женой, ведя скитальческую жизнь, поселяясь то въ Парижѣ, то за границей, то на берегу моря, онъ проѣздомъ заѣзжалъ въ Брюгге,—тогда печаль этого города не могла омрачить его счастья. Но позже, оставшись одинъ, онъ вспомнилъ

о Брюгге, и его внезапно осѣнила мысль, что онъ долженъ жить тамъ. Устанавливалась таинственная гармонія: съ воспоминаніемъ о мертвой женѣ согласовалась жизнь въ мертвомъ городѣ. Его безграничная скорбь требовала печали во всемъ окружающемъ.

Жизнь была возможна только при такихъ условіяхъ. Онъ пріѣхалъ сюда, подчиняясь инстинктивному чувству. Пусть жизнь волнуется, шумитъ, зажигаетъ свои праздничные огни, сливаетъ свои тысячеголосые крики,—онъ нуждался въ глубокомъ безмолвіи, въ монотонномъ существованіи, почти переходившемъ въ небытіе.

Почему нужно молчать и ходить неслышными шагами въ комнатѣ больного? Почему кажется, что шумъ и крики бередятъ рану?

Люди, пораженные великимъ горемъ, тоже страдаютъ отъ громкихъ криковъ.

Въ виду именно этого поселился онъ въ Брюгге: его тоже покинуло море, какъ уплывшее счастье.

Ихъ соединило сходство, и потому его мысль было въ гармоніи съ величайшимъ изъ Омертвѣвшихъ Городовъ.

Грусть сѣрыхъ улицъ Брюгге, всегда осеннихъ! Казалось, что сѣрый цвѣтъ ихъ получался отъ соединенія поминутно мелькающихъ бѣлыхъ чепцовъ монахинь и черныхъ сутанъ священниковъ. Таинственный сѣрый цвѣтъ, вѣчный полутрауръ!

Фасады домовъ были разныхъ оттѣнковъ: блѣдно-зеленые или изъ тусклыхъ кирпичей, соединенныхъ между собой бѣлой краской. Другіе—черные суровые офорты, сгущающіе свѣтлые тона, соприкасающіеся съ ними. Но общій тонъ вытянувшихся фасадовъ былъ все же сѣрый. Этотъ цвѣтъ господствовалъ, заволакивалъ собой все.

Колокольный звонъ тоже казался темнымъ; заглушенный, растилающійся въ воздухѣ, онъ доносился до слуха сѣрымъ гуломъ, волочащимся, переливающимся, волнующимся надъ водою каналовъ.

И сама вода, несмотря на множество оттѣн-

ковъ отражающихся въ ней уголковъ неба, черепичныхъ крышъ, проплывающихъ бѣлоснѣжныхъ лебедей, зеленой листвы тополей, казалась безцвѣтной нѣмой пеленой.

Благодаря особенностямъ климата, здѣсь наблюдается взаимное поглощеніе, странный химическій процессъ, совершающійся въ воздушныхъ слояхъ, смягчающій рѣзкія краски; образуется призрачный фонъ, дремлющая сѣроватая расплывчатость.

Казалось, что отуманенный блескъ сѣвернаго неба, гранитъ набережныхъ, безконечные дожди, колокольный звонъ соединились въ гармоническую гамму, придавая сѣрый цвѣтъ воздуху. Въ этомъ старинномъ городѣ мертвый пепелъ годовъ, тончайшія пылинки песочныхъ часовъ времени разстилались повсюду, завершая свое смертоносное дѣло.

Гюгъ не такъ остро мучился, окруженный нѣмыми каналами и безжизненными улицами; онъ со смягченной печалью думалъ о мертвой. Онъ слышалъ ея голосъ въ тихомъ, слабо доносившемся до него колокольномъ звонѣ.

Городъ, нѣкогда прекрасный, сіявшій своей славой, воплощалъ въ себѣ горечь его сожалѣній. Брюгге сливался съ образомъ его мертвой жены. Его мертвая жена сливалась съ образомъ Брюгге. Ихъ соединяла одинаковая судьба. Мертвый Брюгге возлежалъ въ гробницѣ своихъ каменныхъ набережныхъ; каналы, въ которыхъ переставъ биться колоссальный пульсъ моря, были его похолодѣвшими артеріями.

Въ этотъ вечеръ Гюга болѣе, чѣмъ когда-либо, угнетали мрачныя воспоминанія: они выплывали изъ-подъ арокъ мостовъ, гдѣ обливались слезами лики невидимыхъ источниковъ. Мертвенностью вѣяло отъ запертыхъ домовъ, отъ оконъ, подобныхъ глазамъ, затемненнымъ предсмертнымъ страданіемъ, отъ стѣнъ, отражавшихся въ водѣ траурными ступенями. Онъ прошелъ по Зеленой набережной, по набережной Зеркала и приблизился — въ тихой грусти предмѣстья, вдоль канала, окаймленнаго

тополями—къ Мельничному мосту. И все время его обвѣвалъ грустный колокольный звонъ, разливавшійся въ воздухѣ, подобно холоднымъ капелькамъ, падающимъ изъ кропильницы въ минуту великаго отпущенія грѣховъ.

Среди безмолвія осенняго вечера, прислушиваясь къ шелесту послѣднихъ листьевъ, сметаемыхъ вѣтромъ, онъ сильнѣй, чѣмъ когда-либо, испытавалъ жажду покончить съ жизнью, умереть. Ему казалось, что спускавшіяся съ башенъ тѣни омрачали его душу, что тихій шопотъ доносился до него изъ глубины воды, что вода приближалась къ нему, подобно тому, какъ она приближалась къ Офеліи, по словамъ могильщиковъ Шекспира.

Онъ уже не разъ испытывалъ подобное состояніе. Онъ слышалъ медлительныя увѣщанія камней. Онъ ощущалъ приказаніе всего окружающаго слиться своей смертью со смертью города.

Онъ ужъ давно и серьезно думалъ о самоубійствѣ. О, эта женщина! какъ онъ ее любилъ! Какой силой обладала эта женщина, всецѣло покорившая его себѣ, вырвавшая его изъ жизни послѣ своей смерти! Значитъ, существуетъ любовь, подобная плодамъ Мертваго моря, оставляющимъ во рту вкусъ пепла.

И если до сихъ поръ онъ сопротивлялся мысли о самоубійствѣ, то это только ради нея. Его дѣтская набожность возвратилась къ нему въ дни горя. Охваченный мистическимъ настроеніемъ, онъ надѣялся, что жизнь не кончается небытіемъ и что они еще встрѣтятся. Религія запрещаетъ самоубійство. Это значило бы лишить себя жизни въ лонѣ Бога и утратить блѣдную надежду на свиданіе.

Въ этотъ вечеръ, проходя мимо церкви Богоматери, онъ вошелъ въ нее: эта церковь всегда привлекала его своей кладбищенской мрачностью. Повсюду, въ стѣнахъ и на полу, надгробныя плиты, съ изображеніями череповъ, съ полустертыми, зазубренными надписями, истерзанными, подобно

каменнымъ ранамъ... Смерть уничтожала здѣсь смерть.

Но въ одномъ уголкѣ этой церкви ничтожество жизни рѣзко подчеркивалось неумирающимъ призракомъ любви, не исчезающей послѣ смерти: ради этого Гюгъ такъ часто посѣщалъ эту церковь. Въ глубинѣ одной изъ боковыхъ часовенъ находились гробницы Карла Смѣлаго и Маріи Бургонской. Какъ они были трогательны! Особенно она, нѣжная принцесса, со скрещенными пальцами, съ головой, покоящейся на подушкѣ, въ мѣдной одеждѣ, съ ногами, опирающимися на собаку, символъ вѣрности, вытянувшаяся, оцѣпенѣвшая на саркофагѣ. Подобно ей, его покойница возлежала въ его мрачной душѣ. И придетъ день, когда онъ въ свою очередь, какъ герцогъ Карлъ, займетъ свое мѣсто рядомъ съ ней.

Гюгъ вышелъ изъ церкви Богоматери совсѣмъ подавленный. Онъ старался возобновить въ своей памяти образъ покойницы, желая представить ее лежащей въ только что видѣнной гробницѣ. Но лица мертвыхъ, нѣкоторое время сохраняющіяся въ нашей памяти, стираются въ ней и уничтожаются, подобно незащищенной стекломъ пастели. Наши покойники вторично умираютъ въ нашей памяти.

ПЕРЕВ. МИРЭ.

* * *

Лишь Грезы любимъ мы любовью неизмѣнной,—
Ихъ разлюбить нельзя, какъ мертвыхъ, никогда.
Мечты, онѣ дарятъ насъ дружбой несомнѣнной,
Онѣ—небесный даръ, то—жемчугъ драгоцѣнный,
Игру цвѣтныхъ лучей таящій, какъ вода...
И этотъ кладъ при насъ останется всегда!

О Боже! посѣти меня своей щедротой
И Грезы мнѣ умножь, сокровище земли,
Что я въ душѣ храню съ любовью и заботой!
Мечту насущную мнѣ, Господи, пошли!

С. ГОЛОВАЧЕВСКІЙ.

Жизнь комнатъ.

Пусть каждый думаетъ: у комнатъ нѣтъ души,—
Въ нихъ все безмолвствуетъ среди недвижныхъ тканей,—
О нѣтъ! онѣ живутъ въ таинственной глуши,
Заводятъ съ нами рѣчь, чуть зыблютъ кругъ мечтаній,
И голоса звучатъ порою въ ихъ тиши!

Есть комнаты, гдѣ все плѣняетъ суетой;
Въ другихъ, съ улыбкою покорной и печальной,
Все дышитъ бѣлизной, глядитъ исповѣдальней,
Пріемной ордена, монашеской, святой;
А въ тѣхъ измѣны слѣдъ, тамъ всюду трауръ мрачный,
Тамъ пеленою слезъ покрыто все прозрачной!

Какъ сестры, комнаты порой ласкаютъ насъ,
Порой встрѣчаютъ насъ недобрыми глазами,
За то, что сонъ зеркалъ мы будимъ всякій разъ,
Мечту Офеліи подъ спящими водами!

Пустыя комнаты завѣтныхъ сновъ полны,
И чуждыхъ суеты земной, святыхъ мечтаній,
И символическихъ тѣней и очертаній!..
На окнахъ тюль—уборъ воздушной бѣлизны,
Уборъ причастницы, вкусившей свѣтъ луны;
Плѣняетъ люстра насъ, какъ блескъ души кристальной,
Вотъ лепестки свои она сжимаетъ вдругъ,
Мгновенно отраженъ мимозою хрустальной
Ей сердце ранившій случайный, легкій звукъ;

Витаютъ въ комнатахъ загадочные сны;
А тамъ, гдѣ царствуетъ въ вещахъ порядокъ чинный,
Лишь кресла зябкія глядятъ средь тишины,
Толпою стариковъ, собравшейся въ гостиной!

ЭЛЛИСЪ.

* * *

Піанино въ сумеркахъ задумчиво мечтаетъ
Въ своемъ углу и ждетъ невѣсты блѣдныхъ рукъ,
Ихъ перстень золотой коснуться не дерзаетъ,
Ихъ нѣжные персты легко пробудятъ вдругъ
Печальнаго вдовца отъ долгаго молчанья,
И зазвучатъ опять въ его груди рыданья,
На счастье новое надежду онъ таитъ,
Года безмолвія и тайнаго страданья
Его эбеновый покровъ въ себѣ хранитъ!..
О, если бъ радостной, весеннею порою
Невѣста, полюбивъ безмолвіе тоски,
Въ немъ пробудила вновь искусною игрою
Напѣвы скрытые,—дрожаніемъ руки,—
Вновь распустились бы гирлянды смятыхъ лилій
Надъ блѣдной влагою, и лебедей стада
За Лоэнгриномъ вновь послушно бы проплыли,
Вновь отразила бы... прозрачная вода
Доспѣхи въ лунный свѣтъ
Увы, повито мглою,
Оно безмолвствуетъ, объятое тоскою;
Спустилась ночь, свѣжо... никто не подойдетъ,
Ужъ розы лепестокъ послѣдній умираетъ,
Піанино въ сумеркахъ свои мечты смиряетъ,
Но все надѣется и все чего-то ждетъ!

ЭЛЛИСЪ.

* * *

Октябрь вернулся. Въ комнатѣ моей
Два гостя мрачные: Октябрь и Вечеръ темный.
Вошли, наполнили мой уголокъ укромный,
И только въ зеркалѣ—враждебный слѣдъ лучей.

Два брата грустные! Какъ всѣмъ они немилы,
Какъ всѣ неправы къ нимъ! Они мнѣ принесли
Увядшіе цвѣты и, кажется, вплели
Въ обои черные рисунокъ ихъ унылый...

Вновь Вечеръ, вновь Октябрь! И колоколъ имъ вслѣдъ
Звучитъ томительно, несчастье предвѣщая,
И грустью, полной слезъ, намъ душу наполняя...
Все тонетъ въ сумракѣ: замѣтныхъ линій нѣтъ.

Октябрь вернулся къ намъ; онъ сталъ еще печальнѣй!
Скитался долго онъ, тамъ, на чужбинѣ дальней;
Онъ тайно насъ искалъ, искалъ души больной,
И вотъ нашелъ ее.
И съ нѣжностью былой
Все упрекаетъ насъ, зачѣмъ душой тревожной
Ввѣрялись безъ него мы ласкѣ невозможной,
Чуждались Вечера, боялись, слыша звонъ...

Поодаль, съ Вечеромъ, въ углу садится онъ,—
И надрывается душа, изнемогаетъ
Въ нѣмыхъ рыданіяхъ, и съ ужасомъ внимаетъ
Бесѣдѣ странниковъ... А тѣ о ней грустятъ
И мѣрнымъ шопотомъ о смерти говорятъ.

И. И. ТХОРЖЕВСКІЙ.

Цвѣты.

Бездѣтныя женщины въ особенности любятъ цвѣты. Благодаря этому онѣ безсознательно становятся немного матерями, интересуюся чѣмъ-то хрупкимъ, съ трудомъ вступающимъ въ жизнь.

Монахини тоже подвержены таинственному закону, этому перемѣщенію инстинкта. Вотъ почему бегинажи такъ цвѣтущи. Лужайка въ центрѣ усыпана бѣлыми растеніями,—небольшими вѣнчиками, точно изъ выглаженной ткани,—придающими ей видъ лужайки изъ картины Жана Ванъ-Эйка Поклоненіе Агнцу.

На всѣхъ окнахъ горшки съ гераніумомъ, фуксіей примѣшиваютъ свои живые букетики къ бѣлоснѣжнымъ занавѣскамъ, не поражая этимъ глазъ, благодаря сліянію съ обстановкой. Развѣ краска на устахъ у первыхъ причастницъ не соотвѣтствуетъ тюлю ихъ покрывала?

Но любимыми цвѣтами общины являются менѣе свѣтскіе цвѣты, скорѣе принадлежащіе религіи и алтарю,—напримѣръ, лилія, изъ которой св. Іосифъ дѣлаетъ себѣ скипетръ, которую предлагаетъ св. Дѣва Марія, какъ облатку изъ цвѣтовъ, точно держитъ въ рукахъ свою собственную душу. Лилія—совсѣмъ готическая. Она похожа на бегинокъ!

Она тоже имѣетъ видъ цвѣтка, посвятившаго себя Богу: это не столько вѣнчикъ, сколько головной уборъ, совсѣмъ бѣлый, совсѣмъ литургическій. Можно подумать, что его поливаютъ только

священной водой. Цвѣтокъ безъ пола, ангельскій цвѣтокъ, на который всегда нисходитъ благодать.

Такимъ образомъ, сами растенія въ Бегинажахъ поддаются мистическимъ аллегоріямъ. Въ маленькихъ садикахъ, передъ каждою кельею послушная зелень растетъ въ видѣ иниціаловъ св. покровительницъ, Іисусова Сердца, пронзеннаго какимъ-нибудь мечомъ изъ зелени.

Во время процессіи въ праздникъ Тѣла Господня любовь бегинокъ къ цвѣтамъ усиливается и достигаетъ экстаза. Онѣ обильно запасаются ими; онѣ покупаютъ ихъ букетами, цѣлыми снопами и съ самой зари онѣ начинаютъ, чтобы увеличить ихъ, раздѣлять, раздергивать лепестокъ за лепестокомъ, точно корпію изъ цвѣтовъ. Наполненныя корзины такимъ образомъ сейчасъ же пустѣютъ на пути приближающейся процессіи, въ кривыхъ поворотахъ ихъ обители; цвѣточный снѣгъ, пестрая лавина, разноцвѣтная манна; сестры съ опьянѣніемъ чувствуютъ, какъ она кружится, несется, бьетъ ключомъ на землѣ, разрисовываетъ воздухъ, прикасается къ ихъ лицу и рукамъ, окрашиваетъ ихъ головные уборы...

Даже зимою онѣ находятъ средство утѣшить себя искусственными цвѣтами: небо помогаетъ имъ въ этомъ, поддерживая въ теченіе суроваго декабря и января на сѣверѣ почти постоянно на ихъ окнахъ цвѣты изъ инея, серебряныя пальмы, папоротники, маргаритки, профили бѣлыхъ розъ,— съ которыхъ, можетъ быть, бегинки позаимствовали узоры для кружевъ, такъ какъ онѣ любятъ цвѣты до такой степени, что проводятъ свою жизнь, стараясь возсоздать ихъ при помощи нитокъ.

ПЕРЕВ. М. ВЕСЕЛОВСКАЯ.

* * *

Твердятъ элегіи фонтаны безпрерывно;
Подъ формою такой Вода всего грустнѣй,
Она несетъ свой плачъ въ высоты заунывно,
Летитъ и падаетъ подъ тяжестью своей...
Напрасно шлютъ мольбы о помощи фонтаны;—
Никто не исцѣлитъ ихъ сокровенной раны,
По дальнимъ небесамъ терзаетъ ихъ тоска!
Увы! лазурь, маня, приводитъ ихъ въ движенье.
То—Символъ мукъ души въ мечтательномъ стремленьи
Съ неумолкаемымъ рыданьемъ въ облака.
Такъ и порывъ Воды становится слезами;
Какъ у изгнанника, томится сердце въ ней
И плачетъ, и груститъ, таясь подъ кружевами.
Въ бассейнахъ гладь Воды мутится вся волнами,
И гибнутъ безъ слѣда всѣ отблески вещей.

Въ стремленьи къ небесамъ теряютъ ихъ фонтаны!

Когда жъ ночная тьма смѣшаетъ всѣ цвѣта
И явится луна, блѣднѣя сквозь туманы,
Въ надеждѣ на нее воскреснетъ ихъ мечта;
И напрягаютъ вновь фонтаны всѣ усилья
И выпускаютъ вверхъ на волю голубей,
Которые летятъ, расправивъ робко крылья,
Къ далекимъ небесамъ съ безбрежностью морей...
О горе! ихъ опять обманетъ ожиданье!
Ихъ голуби клевать не будутъ блескъ лучей
И не прильнутъ къ лунѣ въ божественномъ лобзаньѣ!

С. ГОЛОВАЧЕВСКІЙ.

* * *

Печаленъ говоръ водъ, бѣгущихъ торопливо,
Въ немъ каждой жалобѣ—сочувственный отвѣтъ,
Пусть, какъ разлуки плачъ, онъ льется боязливо,
Онъ не изгладится, ему—забвенья нѣтъ!..
Въ немъ озаренныя луною вѣтви ивы,
Что перепутаны безумною тоской,
Въ немъ колоколенъ сонъ столѣтній, молчаливый,
И черный профиль ихъ, удвоенный рѣкой...
На днѣ колоколовъ забыты отраженья,
Но ихъ хранитъ въ себѣ печальный говоръ водъ,
Органа близкое и жалобное пѣнье
Съ нимъ сочетается, и таетъ, словно ледъ!
Такъ лебедь раненый надъ озеромъ поетъ!..

Овѣянъ говоръ водъ воздушною печалью,
Слѣдя, какъ легкій дымъ развѣялъ вѣтеръ злой,
Какъ, бросивъ паруса, навѣкъ простившись съ далью,
Онъ ластится къ водѣ, безсильный и нагой...
Какъ много отблесковъ, живущихъ лишь мгновенье,
Сливаетъ голосъ водъ, лелѣетъ и хранитъ,
Въ немъ голосъ тѣхъ, на комъ могильное забвенье
И кто давно замолкъ и кто давно забытъ,

Въ немъ тихій голосъ тѣхъ, кто говоритъ въ молчаньѣ,
Какъ взоромъ пристальнымъ нѣмое изваянье!

ЭЛЛИСЪ.

ШАРЛЬ ВАНЪ-ЛЕРБЕРГЪ.

1866-1907.

* * *

Эти руки, прялкой утомленныя,
Спятъ, прозрачной влагой усыпленныя;
Міръ тревогъ—далеко, позади!..
Какъ царевны нѣжныя, стыдливыя,
Эти руки спятъ и видятъ сонъ,
Ихъ ласкаютъ грезы горделивыя,
Передъ нами блещетъ пышный тронъ...
Эти косы блѣдны помертвѣлыя,
Эти очи гаснутъ, не блестя,
На груди легли лилеи бѣлыя...
Я—міровъ царица и дитя!..

ЭЛЛИСЪ.

Смерть.

Позабылась она тихимъ сномъ,
Это Смерть къ ней коснулась крыломъ.

Какъ прозрачна, воздушна она;
Нынче доля ея свершена!

Нынче счастье доступно рабѣ...
Призови ее, Боже, къ себѣ!

На лицѣ ея отблескъ луны,
Сонмы тучекъ во взорахъ видны,

Очеркъ губъ неподвижно раскрытъ,
Словно съ чашей незримою слитъ,

И безжизненны ленты кругомъ,
Какъ колосья подъ острымъ серпомъ...

А надъ нею ужъ ночь разлита,
И беззвучно раскрыты врата.

ЭЛЛИСЪ.

АЛЬБЕРТЪ ЖИРО.

Р. 1860.

A une Vierge gothique.

Гдѣ словъ молитвенныхъ, святыхъ созвучій взять,
Гдѣ вѣчные цвѣта готическихъ узоровъ?!.
Чѣмъ тихую печаль Ея склоненныхъ взоровъ
И б е з к о н е ч н о е страданье начертать?!.
Въ лазури милыхъ глазъ святая благодать;
Какъ траурныхъ крестовъ, душа полна укоровъ,
Желаній пламенныхъ себя во мглѣ соборовъ
Уничтожающимъ экстазамъ передать!..
Пою одну тебя, святая Дѣва дѣвъ,
Алтарь, мерцаніемъ свѣчей озолоченный,
Гдѣ брезжитъ день, твоей стопою засвѣченный!..
Священной миррою и нардомъ мой напѣвъ
Пускай кадитъ Тебѣ, Страдалица Святая,
Стихи пѣвучіе какъ длани сочетая!

ЭЛЛИСЪ.

* * *

На темной лѣстницѣ, гдѣ вьются вихремъ черным
Отрепья вороновъ незримыхъ, не живыхъ,
И тѣни длинныя движеніемъ проворнымъ
Ласкаютъ золото свѣтильниковъ ночныхъ,
Скользитъ по временамъ копье луча косое
И меркнетъ на полу, надеждой не маня;
Часы звенятъ въ душѣ; и эхо—какъ косою
Невидимо коситъ молчанье вкругъ меня.
И вотъ, стройна, строга, неслышными шагами
Святая месть идетъ съ голодными волками:
То ненависть моя причастье приняла.
Жестокая идетъ... Проходитъ... и прошла...
Смеживъ свои глаза огни заснули... Боже!
Прости меня: погибъ, кто всѣхъ мнѣ былъ дороже.

СЕРГѢЙ РАФАЛОВИЧЪ.

МОРИСЪ МЕТЕРЛИНКЪ.

Р. 1862.

Намѣренія.

Сжальтесь надъ цвѣтами упованій,
Чуть раскрытыми въ моихъ глазахъ!
Сжальтесь надъ часами ожиданій
На вечернихъ, смутныхъ берегахъ.

Смущены таинственныя воды,
Лиліи дрожатъ въ ихъ глубинѣ,
И бѣгутъ по влагѣ вдаль разводы...
Я закрылъ глаза, и міръ во мнѣ.

Боже! Боже! на стебляхъ отъ лилій
Выростаютъ странные цвѣты.
Тихо взмахи серафимскихъ крылій
Движутъ волны въ озерѣ мечты.

И за стеблемъ стебель расцвѣтаетъ
На водѣ, по знаку, въ этотъ часъ.
И душа, какъ лебедь, раскрываетъ
Крылья бѣлыя усталыхъ глазъ.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Изъ кн. „Double jardin".

Когда мы любимъ—воспоминаніе о всѣхъ цвѣтахъ, которые мы видѣли и вдыхали, сбѣгаются, населяютъ своимъ очарованіемъ сознаніе этого чувства, и счастье его было бы безъ нихъ лишено образа, какъ горизонтъ моря или небесъ. Они собрали въ насъ, со времени нашего дѣтства, даже раньше его—въ душахъ нашихъ отцовъ, огромное сокровище, самое близкое къ радостямъ, изъ которыхъ мы черпаемъ каждый разъ, когда хотимъ глубже прочувствовать милостивыя мгновенья, мгновенья жизни. Они создали и розлили въ мірѣ нашихъ чувствъ благоухающую атмосферу, въ которой наслаждается любовь.

Вотъ почему я люблю среди нихъ самые простые, будничные, самые старинные и вышедшіе изъ моды. Тѣ, которые считаютъ за собой долгое, человѣческое прошлое, цѣлый рядъ добрыхъ, утѣшающихъ поступковъ, тѣ, которые сопровождаютъ насъ сотни лѣтъ и становятся какъ бы частью насъ самихъ, такъ какъ вложили частицу своего очарованія, своей радости въ души нашихъ предковъ. Но гдѣ же они прячутся? Они становятся болѣе рѣдкими, чѣмъ то, что теперь называется цвѣтами. Ихъ жизнь таинственна и непрочна. Мы готовы, кажется, утратить ихъ, и можетъ быть нѣкоторые уже скрылись навсегда, отчаявшись наконецъ въ

жизни. Сѣмена ихъ умерли подъ развалинами, и никогда уже не увидятъ росы садовъ. Они изгнаны изъ клумбъ и гордыхъ корзинъ надменными незнакомцами, пришедшими изъ Перу, изъ Капской земли, изъ Китая и Японіи. У нихъ есть два безжалостныхъ врага. Во-первыхъ—это громоздкая, плодовитая Begonia-tuberosa, кишащая въ цвѣтникахъ, какъ стая враждующихъ пѣтуховъ съ безчисленными гребешками. Она красива, но навязчива и немного искусственна. Какая бы ни царила тишина и спокойствіе подъ лучами солнца или луны, среди полуденнаго опьяненья или торжественнаго мира ночи, она трубитъ въ рогъ и празднуетъ однообразную, кричащую побѣду, лишенную благоуханій. Во-вторыхъ—это геранъ, немного менѣе назойливая, но тоже неутомимая, необычайно мужественная. Она была бы даже мила, если бы не ея плодовитость! Эти двѣ,—при помощи нѣсколькихъ хитрыхъ иностранокъ и растеній съ цвѣтной листвой, образующихъ напыщенную мозаику, обезобразившую чистыя, прекрасныя линіи нашихъ лужаекъ,—лишили владѣній своихъ сестеръ, первобытныхъ жительницъ тѣхъ мѣстъ, которыя онѣ такъ долго радовали своими ласковыми улыбками. Онѣ уже не имѣютъ права встрѣчать гостя наивными криками радости, привѣтствуя его у золоченой рѣшетки замка. Имъ запрещено болтать у порога, щебетать въ мраморныхъ вазахъ, напѣвать на берегу пруда, разговаривать на своемъ родномъ нарѣчіи вдоль клумбъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ сослали вглубь огорода, въ заброшенный, но прелестный уголокъ лѣкарственныхъ или просто ароматическихъ травъ, и напримѣръ—шалфей, эстрагонъ, укропъ, тминъ—старые сосланные слуги, которыхъ кормятъ только изъ жалости или въ силу какой-то машинальной традиціи. Другіе укрылись около сараевъ и конюшенъ, около низенькой двери кухни или погреба. Они смиренно толпятся какъ надоѣвшіе нищіе, скрывая въ сорной травѣ свои свѣтлыя платья, удерживая изо всѣхъ силъ свое оробѣвшее благоуханіе, боясь обратить на себя вниманіе.

Но красный отъ негодованія Pelargonium и малиновая оть злости Begonia явились, чтобы грубо растолкать эту маленькую, безобидную толпу. Тогда они бѣжали на фермы и кладбища, въ садики сельскихъ священниковъ, старыхъ дѣвъ, провинціальныхъ монастырей, и теперь ихъ милыя улыбки можно найти только въ глуши старыхъ деревень, вокругъ шаткихъ жилищъ, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и пышныхъ оранжерей. Тамъ ихъ не гонятъ, не тѣснятъ,—они не задыхаются. Тамъ они отдохнувшіе, спокойные, обильные, беззаботные, тамъ—они у себя дома. И такъ же, какъ въ старину, во времена дилижансовъ, они смотрятъ съ вершины каменной стѣны, окружающей домъ, сквозь перекладины бѣлой ограды или съ подоконника, оживленнаго плѣнной птичкой, на неподвижную дорогу, по которой никто не проходитъ, кромѣ вѣчныхъ силъ жизни, и слѣдятъ за приближеніемъ весны и осени, дождя и солнца, за полетомъ бабочекъ и пчелъ, за тишиной и ночью, которую провожаетъ свѣтъ луны.

Замѣтили ли вы бѣдность и однообразность, правда, очень искренно замаскированныя, цвѣточныхъ орнаментовъ лучшихъ миніатюръ нашихъ старинныхъ манускриптовъ? Картины нашихъ музеевъ до конца ренессанса украшаютъ и оживляютъ роскошнѣйшіе дворцы и великолѣпнѣйшіе эдемы только пятью или шестью сортами цвѣтовъ, которые они безпрестанно повторяютъ. До XVI вѣка сады почти пустынны, а позже даже Версаль, пышный Версаль, могъ показать намъ лишь то, что мы найдемъ теперь въ самой глухой деревушкѣ. Одни только фіалки, ромашки, ландыши, ноготки, маки да еще нѣсколько крокусовъ, нѣсколько безвременниковъ, а также дигиталисъ, валерьяна, дикій левкой, мальва, кавалерскія шпоры, василекъ, дикая гвоздика, незабудка, роза, похожая скорѣе на шиповникъ, и высокая серебристая лилія—добровольныя украшенія лѣсовъ съ оробѣвшимъ подъ порывами сѣвернаго снѣга и вѣтра воображеньемъ, улыбались нашимъ предкамъ. Къ тому же этимъ

послѣднимъ была невѣдома ихъ бѣдность. Человѣкъ не научился смотрѣть вокругъ себя, наслаждаться жизнью природы. Потомъ настало Возрожденіе, эпоха великихъ путешествій, открытіе и завоеваніе солнца. Всѣ цвѣты вселенной, радостные порывы, глубокая, задушевная красота, ликующія мысли и стремленья земли—поднялись къ намъ по лучамъ свѣта, котораго мы ожидали съ небесъ и который вышелъ изъ нѣдръ нашей собственной жизни.

Человѣкъ осмѣливается выйти изъ заточенья, изъ склепа, рѣшается покинуть городъ изъ камней и кирпича, покинуть мрачный укрѣпленный замокъ, гдѣ онъ спалъ. Онъ спускается въ садъ, населенный пчелами, пурпуромъ и ароматами.

Теперь, можетъ быть, уже не существуетъ неизвѣстныхъ цвѣтовъ. Мы нашли приблизительно всѣ формы, которыя природа даритъ великой любви и жаждѣ красоты, бьющейся въ ея груди. Мы живемъ какъ бы среди ея самыхъ нѣжныхъ тайныхъ, самыхъ трогательныхъ стремленій. Мы принимаемъ неожиданное участіе въ самыхъ таинственныхъ празднествахъ невидимой силы, оживляющей также и насъ. Безъ сомнѣнія, съ внѣшней стороны это пустяки—прибавить нѣсколько лишнихъ цвѣтовъ въ наши корзины. Они сѣютъ нѣсколько безпомощныхъ улыбокъ по дорогѣ, ведущей къ смерти. Но тѣмъ не менѣе вѣрно, что это новыя улыбки, незнакомыя нашимъ предшественникамъ.

Достигнуть измѣненія въ наружности цвѣтка—это само по себѣ ничтожно, если хотите, но поразмыслите немного—и это станетъ огромнымъ. Не значитъ ли это измѣнить глубокіе, можетъ-быть, важнѣйшіе и во всякомъ случаѣ вѣковые законы природы? Не значитъ ли это перешагнуть черезъ легкомысленно принятыя границы, не значитъ ли это непосредственно присоединить нашу бренную волю къ волѣ вѣчныхъ силъ? Не значитъ ли это—дать понятіе объ удивительномъ, почти сверхъестественномъ могуществѣ? И, несмотря на то, что

осторожность требуетъ остерегаться честолюбивыхъ грезъ, не позволяетъ ли это надѣяться, что мы научимся мало-по-малу обходить и нарушать другіе законы, такіе же вѣковые, но болѣе близкіе къ нашей жизни, болѣе важные? Такъ какъ, въ концѣ концовъ, все цѣпляется другъ за друга, все послушно одинаковымъ, невидимымъ принципамъ, одинаковымъ требованіямъ, все составляетъ одну душу, одну сущность этой ужасной и удивительной загадки. И самая побѣда, одержанная надъ цвѣткомъ, можетъ открыть намъ когда-нибудь безконечныя тайны...

ПЕРЕВ. А. КОЙРАНСКАГО И В. ОРѢХОВОЙ.

Изъ „Пятнадцати пѣсенъ".

II.

— А если онъ вернется,
Что я сказать должна?
„Скажи: его ждала я,
Пока не умерла"!..
— А если бъ, какъ чужую,
Разспрашивать онъ сталъ?
„Отвѣть ему, какъ брату,
Быть можетъ, онъ страдалъ".
— А если спроситъ: гдѣ ты?
Какой я дамъ отвѣтъ?
„Кольцо мое безмолвно
Отдай ему въ отвѣтъ".
— А если онъ увидитъ,
Что комната пуста?
„Скажи: угасла лампа
И дверь не заперта".

— А если о послѣднихъ
Минутахъ спроситъ онъ?
„Скажи: я улыбалась,
Чтобъ не заплакалъ онъ“.

О. ЧЮМИНА.

XV.

ПѢСНЯ МАДОННЫ.

Всѣмъ—кто грѣшенъ, кто въ слезахъ,
Всѣмъ—кто принялъ муки,
Открываю въ небесахъ
Благостныя руки.

Гдѣ звучалъ любви привѣтъ,
Тамъ грѣха не стало;
Душамъ скорбнымъ смерти нѣтъ,
Гдѣ любовь рыдала.

Для нея дорогъ во тьмѣ
Безконечно много.
Но слезамъ любви—ко мнѣ
Лишь одна дорога.

СЕРГѢЙ РАФАЛОВИЧЪ.

Jnterieur.

(За стѣнами дома).

Дѣйствующія лица.

Въ саду:

Старикъ,	Марта и Марія	внучки старика,
Чужой,		
Крестьянинъ,	Толпа.	

За стѣнами дома:

Отецъ,	Двѣ дочери,
Мать,	Ребенокъ.

Старый садъ, усаженный ивами. Въ глубинѣ домъ. Три окна перваго этажа освѣщены. Довольно явственно видно семью, собравшуюся при свѣтѣ лампы. Отецъ сидитъ у камелька. Мать облокотилась на столъ и смотритъ въ пустоту. Двѣ молодыя дѣвушки, въ сѣломъ, вышиваютъ, мечтаютъ и улыбаются спокойствію комнаты. Ребенокъ дремлетъ, склонясь головою на лѣвую руку матери. Когда кто-нибудь изъ нихъ встаетъ, ходитъ или шевелится, кажется, что эти движенія важны, медлительны и рѣдки, какъ бы одухотворены разстояніемъ, свѣтомъ и неясной дымкой оконныхъ стеколъ.

Старикъ и чужой осторожно входятъ въ садъ.

Старикъ. Теперь мы въ той части сада, которая расположена позади дома. Сюда они никогда не приходятъ. Двери съ другой стороны. Онѣ закрыты и внутренніе ставни заперты. Съ этой стороны ставней нѣтъ и я видѣлъ свѣтъ... Да, они все еще сидятъ при свѣтѣ лампы. Хорошо, что они не слышали нашего приближенія. Мать или молодыя дѣвушки вышли бы, можетъ быть, и тогда что бы мы сдѣлали?..

Чужой. Что мы станемъ дѣлать теперь?

Старикъ. Мнѣ хотѣлось бы прежде видѣть, всѣ ли они тутъ въ залѣ? Да, я различаю отца, сидящаго у камелька. Онъ ждетъ, положивъ руки на колѣни... мать облокачивается на столъ...

Чужой. Она смотритъ на насъ...

Старикъ. Нѣтъ; она не знаетъ, на что смотритъ; глаза ея не моргаютъ. Она не можетъ насъ видѣть; мы находимся въ тѣни большихъ деревьевъ. Но не приближайтесь больше... Обѣ сестры умершей также въ комнатѣ. Онѣ медленно вышиваютъ, а ребенокъ уснулъ. Девять часовъ на часахъ, которые висятъ въ углу... Они ничего не подозрѣваютъ и не разговариваютъ.

Чужой. Нельзя ли привлечь вниманіе отца, сдѣлать ему знакъ? Онъ повернулъ голову въ нашу сторону. Хотите, я постучу въ окно? Надо же, чтобы одинъ изъ нихъ узналъ объ этомъ прежде остальныхъ.

Старикъ. Не знаю, кого изъ нихъ выбрать. Надо дѣйствовать съ большой осторожностью.. Отецъ старъ и хилъ... Мать также; а сестры слишкомъ молоды... И всѣ любили ее, какъ уже никогда больше любить не будутъ... никогда не видѣлъ я дома счастливѣе этого... нѣтъ, нѣтъ, не приближайтесь къ окну; такъ будетъ хуже всего... Лучше объявить объ этомъ какъ можно проще, какъ объ обыкновенномъ случаѣ. И не казаться слишкомъ печальнымъ; не то ихъ печаль превзойдетъ нашу и мы не будемъ знать, что дѣлать... Пойдемте съ другой стороны сада. Мы постучимся въ дверь и войдемъ, какъ будто ничего не случилось. Я войду первый; они не удивятся, увидя меня; я прихожу иногда по вечерамъ, приношу цвѣты и фрукты и провожу съ ними нѣсколько часовъ.

Чужой. Зачѣмъ мнѣ идти съ вами? Ступайте одинъ; я подожду, пока меня позовутъ... Они меня никогда не видали... Я только прохожій, я чужой...

Старикъ. Лучше не быть одному: несчастье, которое возвѣщается не однимъ, не такъ ясно и не такъ тяжело... Я думалъ объ этомъ, идя сюда... Если я войду одинъ, мнѣ придется заговорить въ первую же минуту; они узнаютъ все въ нѣсколькихъ словахъ и мнѣ ничего не останется прибавить, а я боюсь молчанія, которое слѣдуетъ за послѣдними словами, возвѣщающими о несчастіи.

Тогда-то сердце и разрывается... Если же мы войдемъ вмѣстѣ, я скажу имъ, напримѣръ, послѣ долгихъ отступленій: „ее нашли въ такомъ положеніи... Она держалась на поверхности рѣки и руки ея были сложены...“

Чужой. Руки ея не были сложены; ея руки были протянуты вдоль тѣла.

Старикъ.. Видите, говоришь, не замѣчая... И несчастье теряется среди подробностей... если же я войду одинъ, то съ ними, насколько я ихъ знаю, съ первыхъ же словъ произойдетъ нѣчто ужасное, и Богъ знаетъ, чѣмъ это кончится... Когда же мы станемъ говорить поочередно, они будутъ слушать насъ и не станутъ глядѣть ужасному извѣстію прямо въ лицо... Не забудьте, что тамъ будетъ и мать, и что жизнь ея держится на волоскѣ... Хорошо бы, если бы первая волна разбилась о нѣсколько ненужныхъ словъ... Надо, чтобы вокругъ несчастныхъ разговаривали и чтобы они были окружены. Даже самые равнодушные несутъ на себѣ, сами того не зная, нѣкоторую долю несчастья... Такимъ образомъ, безъ шума, безъ усилій онѣ распадается, подобно воздуху или свѣту...

Чужой. Ваше платье мокрое, капли стекаютъ на землю.

Старикъ. Только нижняя часть моего плаща попала въ воду. Вамъ, кажется, холодно. Грудь ваша покрыта землей... Я не замѣтилъ этого на дорогѣ изъ-за темноты.

Чужой. Я вошелъ въ воду по поясъ.

Старикъ. Когда я прибѣжалъ, прошло уже много времени съ тѣхъ поръ, какъ вы ее нашли?

Чужой. Всего нѣсколько минутъ. Я шелъ въ деревню; было уже поздно и дорога по крутому оврагу становилась темной. Мой взоръ былъ устремленъ на рѣку, потому что она была свѣтлѣе дороги, какъ вдругъ я увидѣлъ что-то странное въ двухъ шагахъ отъ зарослей камыша... Я приближаюсь и замѣчаю ея волосы, которыя поднялись надъ ея головой кругомъ и вращались вмѣстѣ съ теченіемъ воды...

(Въ комнатѣ обѣ молодыя дѣвушки поворачиваютъ голову по направленію къ окну).

Старикъ. Видѣли вы, какъ заволновались на плечахъ обѣихъ сестеръ волосы?

Чужой. Онѣ повернули голову въ нашу сторону... Онѣ просто повернули голову. Я, можетъ быть, слишкомъ громко говорилъ. (Молодыя дѣвушки снова принимаютъ прежнее положеніе). Но онѣ уже не смотрятъ... Я вошелъ въ воду по поясъ и могъ, взявъ ее за руку, безъ труда извлечь на берегъ... Она была столь же прекрасна, какъ и ея сестры.

Старикъ. Она была, быть можетъ, самая красивая... Не знаю, почему я вдругъ потерялъ присутствіе духа...

Чужой. О какомъ присутствіи духа говорите вы? Мы сдѣлали все, что было въ человѣческихъ силахъ... Она была уже мертва болѣе часу...

Старикъ. Сегодня утромъ она еще жила!.. Я встрѣтилъ ее при выходѣ изъ церкви... Она сказала мнѣ, что уѣзжаетъ; она пошла навѣстить бабушку по другую сторону рѣки, въ которой вы ее нашли... Она не знала, когда я ее снова увижу... Она, должно быть, хотѣла у меня что-то попросить; потомъ она не посмѣла и поспѣшно ушла отъ меня... Но теперь я объ этомъ думаю... А я ничего не видѣлъ... Она улыбнулась такъ, какъ улыбаются тѣ, которыя хотятъ молчать или боятся, чтобы ихъ не разгадали... Она какъ будто слабо на что-то надѣялась... Ея глаза не были свѣтлы и почти не глядѣли на меня...

Чужой. Крестьяне сказали мнѣ, что видѣли, какъ она до вечера бродила по берегу... Они думали, что она ищетъ цвѣтовъ... Возможно, что ея смерть...

Старикъ. Неизвѣстно... Развѣ можетъ кто-нибудь знать?... Она, быть можетъ, была изъ тѣхъ, кто ничего не хочетъ сказать. У каждаго есть не мало поводовъ, чтобы перестать жить... Въ душу не заглянешь, какъ въ эту комнату. Онѣ всѣ такъ... Онѣ говорятъ самыя обыкновенныя слова; и никто ничего не подозрѣваетъ... Мѣсяцами живешь рядомъ

съ тѣмъ, кто не принадлежитъ больше этому міру и чья душа не въ силахъ болѣе гнуться; ему отвѣчаютъ не думая и видите, что случается... У нихъ, видъ безсмысленныхъ куколъ, а сколько событій совершается въ ихъ душахъ... Онѣ сами не знаютъ, что онѣ такое... Она жила бы какъ и другія... Она говорила бы до смерти: „сегодня будетъ дождь“; или: „мы сядемъ завтракать, насъ будетъ за столомъ тринадцать“, или же: „плоды еще не созрѣли“. Онѣ съ улыбкой говорятъ объ увядшихъ цвѣтахъ и плачутъ въ темнотѣ... Ангелъ и тотъ бы не увидѣлъ, что надо видѣть; а человѣкъ понимаетъ только послѣ того, какъ все совершилось. Вчера вечеромъ она сидѣла тамъ при свѣтѣ лампы, какъ ея сестры, и не случись это несчастье, вы бы и теперь не видѣли ихъ такими, какими ихъ надо видѣть. Мнѣ кажется, что я вижу ихъ въ первый разъ... Надо что-то прибавить къ обыкновенной жизни, раньше чѣмъ понять ее... Онѣ денно и нощно около васъ, а вы замѣчаете ихъ только въ ту минуту, когда онѣ навсегда уходятъ... А между тѣмъ какая у нея, должно быть, была странная маленькая душа, какая бѣдная, наивная и неистощимая, маленькая душа была у этого ребенка, если она говорила то, что должна была говорить и поступала такъ, какъ должна была поступать!..

Чужой. Въ эту минуту они молча улыбаются въ комнатѣ...

Старикъ. Они спокойны... Они не ожидали этого сегодня вечеромъ...

Чужой. Они улыбаются, не двигаясь... но вотъ отецъ прикладываетъ палецъ ко рту...

Старикъ. Онъ указываетъ на ребенка, уснувшаго на груди матери...

Чужой. Она не смѣетъ поднять глаза изъ боязни нарушить его сонъ...

Старикъ. Онѣ уже не работаютъ... Воцарилась великая тишина...

Чужой. Онѣ уронили мотокъ бѣлаго шелка...

Старикъ. Они смотрятъ на ребенка...

Чужой. Они не знаютъ, что другіе смотрятъ на нихъ...

Старикъ. На насъ также смотрятъ...

Чужой. Они подняли глаза...

Старикъ. И тѣмъ не менѣе они ничего не могутъ видѣть...

Чужой. Они какъ будто счастливы, а между тѣмъ неизвѣстно, что...

Старикъ. Имъ кажется, что они въ безопасности.. Они заперли двери; а на окна повѣсили желѣзныя перекладины... Они укрѣпили стѣны этого стараго дома; они наложили засовы на три дубовыя двери... Они предвидѣли все, что можно предвидѣть...

Чужой. Надо однако сказать имъ... Кто-нибудь можетъ придти и объявить неожиданно... На лугу, гдѣ лежитъ мертвая, собралась цѣлая толпа крестьянъ... Вдругъ кто-нибудь изъ нихъ постучится въ дверь...

Старикъ. Марта и Марія около умершей. Крестьяне готовятъ носилки изъ вѣтвей, и я просилъ старшую немедленно предупредить, какъ только толпа тронется въ путь. Подождемъ, пока она придетъ; она войдетъ со мной... Мы не должны были такъ долго смотрѣть на нихъ... Мнѣ казалось, что стоитъ только постучаться въ дверь; просто войти, найти нѣсколько словъ... и все разсказать. Но я слишкомъ долго смотрѣлъ, какъ они живутъ при свѣтѣ лампы...

(Входитъ Марія).

Марія. Идутъ, дѣдушка.

Старикъ. Это ты?—Гдѣ они?

Марія. Они у подножія послѣднихъ холмовъ.

Старикъ. Они придутъ безъ шума?

Марія. Я просила ихъ молиться тихо, вполголоса. Марта сопровождаетъ ихъ...

Старикъ. Много ихъ?

Марія. Вокругъ носильщиковъ вся деревня. Они принесли съ собою свѣчи. Я велѣла потушить...

Старикъ. Какой дорогой придутъ они?

Марія. Они идутъ тропинками. Они подвигаются медленно.

Старикъ. Пора...

Марія. Вы сказали, дѣдушка?

Старикъ. Ты сама отлично видишь, что мы ничего не сказали. Они все ждутъ при свѣтѣ лампы... Взгляни, дитя, взгляни. Ты увидишь нѣчто изъ жизни...

Марія. О! какими они кажутся спокойными!.. Какъ будто я вижу ихъ во снѣ...

Чужой. Осторожнѣе! Я видѣлъ, какъ вздрогнули обѣ сестры...

Старикъ. Онѣ встаютъ...

Чужой. Мнѣ кажется, онѣ подходятъ къ окну... (Одна изъ двухъ сестеръ приближается въ эту минуту къ первому окну, другая къ третьему; опираясь въ одно и то же время на раму, онѣ долго всматриваются въ темноту).

Старикъ. Никто не подходитъ къ среднему окну...

Марія. Онѣ смотрятъ... Онѣ прислушиваются..

Старикъ. Старшая улыбается тому, чего не видитъ.

Чужой. А у другой глаза полны страха...

Старикъ. Будьте осторожны; неизвѣстно, до какихъ предѣловъ душа простирается вокругъ человѣка. (Долгое молчаніе. Марія прижимается къ груди старика и цѣлуетъ его).

Марія. Дѣдушка!..

Старикъ. Не плачь, дитя мое... придетъ и наша очередь...

(Молчаніе).

Чужой. Онѣ смотрятъ долго...

Старикъ. Гляди они сто тысячъ лѣтъ, онѣ ничего не замѣтятъ, бѣдныя сестры... ночь слишкомъ темна... Онѣ смотрятъ сюда, а между тѣмъ несчастье приближается съ той стороны...

Чужой. Хорошо, что онѣ смотрятъ сюда... Кто-то приближается со стороны луговъ.

Марія. Мнѣ кажется, это толпа... Они такъ далеко, что ихъ еле различаешь...

Чужой. Они идутъ по извилинамъ тропинки,

Вотъ они снова показались у откоса, освѣщеннаго луной..

Марія. О! кажется, ихъ страшно много... Успѣли собраться съ предмѣстья, пока я шла сюда. Они дѣлаютъ большой обходъ...

Старикъ. Они придутъ, несмотря ни на что; я ихъ тоже вижу. Они переходятъ черезъ луга. Они кажутся такими маленькими, что ихъ еле различаешь среди травы. Похоже на то, какъ будто дѣти играютъ при свѣтѣ луны: если бы сестры ихъ видѣли, онѣ ничего бы не поняли... Хоть онѣ повернулись къ нимъ спиной, они приближаются съ каждымъ шагомъ и вотъ уже болѣе двухъ часовъ, какъ бѣдствіе все растетъ; онѣ не въ силахъ помѣшать ему расти, а тѣ, которые приносятъ бѣдствіе, также не могутъ остановиться. Оно господствуетъ и надъ ними, и они должны ему служить... У него есть цѣль и оно идетъ своей дорогой... Оно неутомимо и одержимо лишь одною мыслью... Они должны отдать ему всѣ силы; они печальны, но идутъ. Они полны жалости, но должны идти впередъ...

Марія. Старшая уже не улыбается, дѣдушка...

Чужой. Онѣ отходятъ отъ оконъ...

Марія. Онѣ цѣлуютъ мать...

Чужой. Старшая ласкаетъ кудри ребенка, который не просыпается...

Марія. О! вотъ и отецъ хочетъ, чтобы его поцѣловали...

Чужой. Теперь воцарилось молчаніе...

Марія. Онѣ возвращаются въ сторону матери.

Чужой. А отецъ слѣдитъ глазами за часовой стрѣлкой...

Марія Онѣ какъ будто молятся, не сознавая сами, что дѣлаютъ...

Чужой. Онѣ какъ будто прислушиваются къ своей душѣ...

(Молчаніе).

Марія. Дѣдушка, не говорите имъ сегодня!..

Старикъ. Ну вотъ и ты теряешь присутствіе духа... Я отлично зналъ, что не надо было глядѣть.

Мнѣ около восьмидесяти трехъ лѣтъ и только сегодня въ первый разъ видъ жизни поразилъ меня. Не понимаю, почему все, что они дѣлаютъ, кажется мнѣ столь страннымъ и значительнымъ. Они просто ждутъ при свѣтѣ лампы наступленія ночи, какъ это дѣлали бы и мы; а между тѣмъ мнѣ кажется, что я вижу ихъ съ высоты иного міра, потому что мнѣ извѣстна маленькая правда, ими еще не познанная... Неправда ли, дѣти мои? Скажите мнѣ, почему и вы блѣдны? Быть можетъ, есть нѣчто другое, чего нельзя высказать? Я не зналъ, что въ жизни столько печальнаго, пугающаго тѣхъ, кто на это смотритъ... И если бы даже ничего не произошло, я бы все-таки испытывалъ ужасъ, видя ихъ столь спокойными. Слишкомъ велико ихъ довѣріе къ этому міру. Вотъ они сидятъ тамъ, отдѣленные отъ недруга жалкими окнами... Они думаютъ, что ничего не можетъ случиться, потому что они заперли двери; они не знаютъ, что въ душахъ всегда нѣчто происходитъ и что свѣтъ не кончается у дверей домовъ... Они увѣрены въ своей маленькой жизни и не подозрѣваютъ, что другимъ извѣстно о ней гораздо больше, и что я, жалкій старикъ, въ двухъ шагахъ отъ ихъ двери держу, какъ больную птичку, все ихъ маленькое счастье въ своихъ старыхъ рукахъ, которыя не смѣю разжать...

Марія. Сжалься, дѣдушка...

Старикъ. Мы-то жалѣемъ ихъ, дитя мое,— насъ не жалѣютъ.

Марія. Скажи имъ все завтра, дѣдушка, скажи, когда будетъ свѣтло... они не будутъ такъ печальны...

Старикъ. Ты, можетъ быть, права дитя мое... Лучше бы не говорить объ этомъ ночью. Свѣтъ такъ отраденъ печальнымъ... Но что бы они сказали намъ завтра? Несчастье дѣлаетъ ревнивымъ; и тѣ, кого оно постигло, хотятъ знать о немъ раньше чужихъ. Они не терпятъ, чтобы ихъ несчастье оставалось въ невѣдомыхъ рукахъ. Тогда имъ кажется, будто мы что-то отняли у нихъ.

Чужой. Поздно; я слышу уже шопотъ молитвы...

Марія. Они здѣсь... Они проходятъ за оградой...

(Входитъ Марта).

Марта. Вотъ и я! Я довела ихъ до этого мѣста. Я велѣла имъ подождать на дорогѣ. (Слышенъ дѣтскій плачъ).—А! дѣти все еще плачутъ... Я запретила имъ идти сюда... Но они тоже хотятъ видѣть и ихъ матери не послушались... Я имъ скажу... Нѣтъ, они молчатъ.—Все ли готово?—Я принесла маленькое кольцо, что было на ней... И еще плоды для ребенка... Я сама положила ее на носилки. Она кажется спящей... Не легко мнѣ это было; волосы ея не хотѣли слушаться. Я велѣла нарвать маргаритокъ... Жалко, что не было другихъ цвѣтовъ... Что вы тутъ дѣлаете? Почему вы не около нихъ?... (Смотритъ въ окно). Они не плачутъ?... Они... вы имъ не сказали?

Старикъ. Марта, Марта, въ твоей душѣ слишкомъ много жизни—ты не можешь понять...

Марта. Почему я не могу понять?.. (Послѣ молчанія тономъ серьезнаго упрека).—Вы не должны были этого сдѣлать, дѣдушка...

Старикъ. Марта, ты не знаешь...

Марта. Тогда я сама пойду скажу.

Старикъ. Побудь, дитя мое, здѣсь минуту и погляди.

Марта. О! Какъ они несчастны!.. Они не должны больше ждать...

Старикъ. Почему?

Марта. Не знаю... но дольше невозможно...

Старикъ. Поди сюда, дитя мое...

Марта. Какое у нихъ терпѣніе!..

Старикъ. Поди сюда, дитя мое...

Марта. (Оборачивзясь). Гдѣ вы, дѣдушка? Я такъ несчастна, что васъ не вижу... Сама теперь не знаю, что дѣлать...

Старикъ. Не смотри на нихъ больше, до тѣхъ поръ пока они не узнаютъ всего...

Марта. Я пойду туда съ вами...

Старикъ. Нѣтъ, Марта, оставайся здѣсь... Сядь рядомъ съ сестрой на эту старую каменную скамью у стѣны дома и не смотри... Ты слишкомъ молода и не сможешь забыть... Ты не можешь вообразить, что представляетъ человѣческое лицо, когда смерть проходитъ передъ его глазами. Можетъ быть, раздадутся крики. Не оборачивайся. Можетъ быть, ничего не будетъ. Въ особенности не оборачивайся, если ничего не услышишь... впередъ неизвѣстно, какъ выразится отчаяніе... нѣсколько тихихъ рыданій, исходящихъ изъ глубины души,—обыкновенно этимъ все ограничивается. Самъ не знаю, что я сдѣлаю, когда я услышу ихъ... Это уже внѣ жизни... поцѣлуй меня, дитя мое, прежде чѣмъ я пойду...

(Шопотъ молитвы постепенно приближается. Часть толпы наполняетъ садъ, слышны тяжелые шаги и тихій говоръ).

Чужой (толпѣ). Подождите здѣсь... не приближайтесь къ окнамъ... Гдѣ они?

Крестьянинъ. Кто?

Чужой. Тѣ, носильщики?

Крестьянинъ. Они идутъ по аллеѣ, которая ведетъ къ дверямъ. (Старикъ удаляется. Марта и Марія сидятъ на скамейкѣ, повернувшись къ окнамъ спиной. Тихій ропотъ въ толпѣ).

Чужой. Т-сс!.. не разговаривайте. (Старшая изъ сестеръ встаетъ, и, приближаясь къ дверямъ, берется за засовъ).

Марта. Она открываетъ?

Чужой. Напротивъ, запираетъ. (Молчаніе).

Марта. Дѣдушка не вошелъ?

Чужой. Нѣтъ... Она снова садится рядомъ съ матерью. Другіе не двигаются, а ребенокъ все спитъ... (Молчаніе).

Марта. Сестрица, дай мнѣ руку...

Марія. Марта! (Обнимаются и обмѣниваются поцѣлуемъ).

Чужой. Должно быть, онъ постучалъ... Они всѣ разомъ подняли головы... они смотрятъ другъ на друга...

Марта. О! О! сестрица... Я тоже заплачу!..

(Она сдерживаетъ рыданія, склонившись на плечо сестры).

Чужой. Должно быть, онъ еще разъ постучался... Отецъ смотритъ на часы. Вотъ онъ встаетъ.

Марта. Сестра, сестра, и я хочу войти... Они не могутъ больше оставаться одни...

Марія. Марта, Марта!.. (Удерживаетъ ее).

Чужой. Отецъ у дверей... Онъ снимаетъ засовы. Онъ осторожно открываетъ...

Марта. О!.. Вы не видите...

Чужой. Кого?

Марта. Тѣхъ, которые несутъ...

Чужой. Онъ пріоткрылъ двери... Я вижу только уголъ лужайки и фонтанъ... Онъ не выпускаетъ двери... онъ отступаетъ... У него такой видъ, какъ будто онъ говоритъ: „а, это вы!..“ Онъ подымаетъ руки... Онъ старательно закрываетъ дверь... Вашъ дѣдушка вошелъ въ комнату... (Толпа приблизилась къ окнамъ. Марта и Марія подымаются и подходятъ, тѣсно обнявшись. Видно, какъ старикъ входитъ въ комнату. Двѣ сестры умершей встаютъ; встаетъ и мать, осторожно положивъ ребенка въ кресло, съ котораго только что поднялась; такимъ образомъ, извнѣ виденъ ребенокъ, который, склонивъ слегка голову, спитъ посреди комнаты. Мать идетъ навстрѣчу старику и протягиваетъ руку, но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ее взять, отдергиваетъ. Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ хочетъ снять со старика плащъ, другая придвигаетъ ему кресло. Но старикъ дѣлаетъ отрицательное движеніе. Отецъ улыбается съ видомъ удивленія. Старикъ смотритъ въ сторону оконъ).

Чужой. Онъ не смѣетъ сказать... Онъ посмотрѣлъ на насъ... (Шумъ въ толпѣ).

Чужой. Т-сс!.. (Старикъ, увидя въ окнахъ лица, быстро отворачивается. Такъ какъ одна изъ дѣвушекъ продолжаетъ предлагать кресло, онъ въ концѣ-концовъ садится и проводитъ нѣсколько разъ правой рукой по лбу).

Чужой. Онъ сѣлъ... (Остальные въ комнатѣ также садятся, въ то время какъ отецъ что-то говоритъ; наконецъ, старикъ открываетъ ротъ и видно, что звукъ его голоса возбуждаетъ всеобщее вниманіе. Но отецъ прерываетъ его. Старикъ снова начинаетъ говорить; мало-по-малу остальные застываютъ, какъ вдругъ мать вздрагиваетъ и поднимается).

Марта. О! мать сейчасъ догадается!.. (Она отворачивается и закрываетъ лицо руками. Снова ропотъ

въ толпѣ. Толкаются. Дѣти кричатъ, прося поднять ихъ, чтобы лучше видѣть. Многія матери исполняютъ эту просьбу).

Чужой. Т-с!.. Онъ еще не сказалъ... (Видно, что мать тревожно распрашиваетъ старика. Онъ произноситъ еще нѣсколько словъ; затѣмъ всѣ вмѣстѣ встаютъ и какъ будто требуютъ отвѣта. Онъ отвѣчаетъ глубокимъ утвердительнымъ кивкомъ головы).

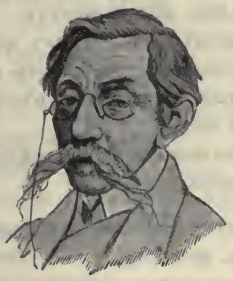
Чужой. Онъ сказалъ все сразу!..

Голоса въ толпѣ. Онъ сказалъ!.. Онъ сказалъ!..

Чужой. Ничего не слышно... (Старикъ тоже подымается и, не поворачивая головы, показываетъ пальцемъ на дверь, находящуюся за нимъ. Мать, отецъ и обѣ молодыя дѣвушки бросаются къ этой двери, но отцу не удается сразу открыть ее. Старикъ хочетъ помѣшать матери выйти).

Голоса въ толпѣ. Они выходятъ! Они выходятъ!.. (Давка въ саду. Всѣ бросаются къ другой сторонѣ дома и исчезаютъ, за исключеніемъ Чужого, который остается передъ окнами. Двери дома, наконецъ, настежь раскрываются и всѣ выходятъ сразу. Видно звѣздное небо, лужайка и прудъ, освѣщенные луной. А посреди комнаты, въ креслѣ, покинутый ребенокъ продолжаетъ мирно спать.— Молчаніе).

Чужой. Ребенокъ не проснулся!.. (Уходитъ).



ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ.

Р. 1855.

Возстаніе.

Улица, быстрымъ потокомъ шаговъ,
Плечъ, и рукъ, и головъ,
Катится, въ яростномъ шумѣ,
Къ мигу безумій,
Но вмѣстѣ—
Къ свершеньямъ, къ надеждамъ и къ мести!
Улица грозная, улица красная,
Властная,
Въ золотѣ пышномъ заката,
Въ заревѣ яркомъ, окрасившемъ твердь.

Вся смерть
Встала въ призывахъ набата.
Вся смерть,
Какъ ожившія дико мечты,
Встала въ огняхъ и неистовыхъ крикахъ!
Головы чьи-то на пикахъ—
Словно на стебляхъ цвѣты.

Гулы глухіе орудій
(Кашель чугунный безжалостныхъ грудей)
Мѣрятъ печальные вздохи минутъ.
Циферблаты разбиты на башняхъ высокихъ,
Не льется на площади ровный ихъ свѣтъ
(Словно очи столицы смежили рѣсницы);
Времени болѣе нѣтъ
Для сердецъ опьяненныхъ, жестокихъ,
Для толпы, свершающей судъ!

Ярость великая, съ пламеннымъ ликомъ,
Съ радостнымъ крикомъ,
Съ кровью бушующей къ жилахъ,
Встала на грудѣ камней.
Все она можетъ! все она въ силахъ!
Одно лишь мгновенье
Дастъ болѣе ей,
Чѣмъ цѣлыхъ вѣковъ тяготѣнье.

Все, что мечталось когда-то,
Что геніи, въ пѣснѣ крылатой,
Провидѣли въ темной дали,
Что въ души, какъ сѣвъ, западало,
Чѣмъ души, какъ травы, цвѣли,
Все встало,
Въ мигѣ, смѣшавшемъ какъ сплавъ:
Ненависть, силу, сознаніе правъ!

Люди празднуютъ праздникъ кровавый,
Люди проходятъ и красны, и пьяны,
Люди проходятъ по мертвымъ тѣламъ.
Солдаты не знаютъ, кто правый, неправый,
Стучатъ какъ всегда барабаны,
Но пальцы устали касаться къ куркамъ.
Тóлпы народа проходятъ за тóлпами слѣдомъ
Сквозь ужасъ, подъ сѣнью веселыхъ знаменъ,
Къ началу новыхъ временъ,
Къ побѣдамъ.

Убивая,—творить, обновлять!
Съ ненасытной природой вонзать
Зубы въ святую мишень!
Въ великій безумiемъ день

Пряжу для жизни ликующей прясть
Иль жертвой строительной пасть!
Умирая,—творить; обновлять!
Горятъ мосты и строенья,
(Фасады изъ крови на фонѣ ночномъ),
И въ глуби каналовъ дрожатъ отраженья—
На самое дно уходящимъ столбомъ!
Громадныя тѣни большихъ колоколенъ
Лежатъ, какъ преграды, по свѣтлой землѣ.
Огонь надъ домами, и веселъ и воленъ,
Кидаетъ пригоршнями искры во мглѣ.
И черные дымы извивомъ могучимъ
Летятъ, внѣ себя, къ окрававленнымъ тучамъ.

Чу! залпъ!

Смерть, машинально беря на прицѣлъ,
Трескомъ сухимъ разряжаемыхъ ружей
Валитъ въ кровавыя лужи
Груды причудливо скорченныхъ тѣлъ.
Свинецъ разрѣшаетъ упорные споры;
Въ небо, предъ смертью, вонзаются взоры;
Отблескъ пожара на лица ихъ всѣхъ
Бросаетъ чудовищный смѣхъ.

Торопясь, задыхаясь, взываетъ набатъ
(Такъ сердца перебоемъ стучатъ),
Но часто настойчивый звукъ,
Какъ голосъ пресѣкшійся вдругъ,
Безсильно смолкаетъ,
И десятокъ пылающихъ рукъ
Кресты колокольни ласкаетъ.

Чу залпъ!

Толпа—передъ входами сумрачныхъ мэрій,
Державшихъ весь городъ подъ тяжкой пятой,
Давившихъ порывы къ мечтѣ золотой,
Качаетъ, ломаетъ тяжелыя двери;
Засовы трещатъ, и взлетаютъ замки;
Отдаютъ изъ утробъ сундуки
Расчетныя книги, счета и бумаги;
Ихъ факелы лижутъ своимъ языкомъ,—

И помнятъ о черномъ быломъ
Лишь чернаго дыма зигзаги!
Взвились надъ балконами красные флаги,
И, падая, кто-то руками раскинулъ въ пространствѣ пустомъ!

Своеволье и буйство вездѣ.
Христосъ, въ полумракѣ церквей,
Сорванный кѣмъ-то съ распятья,
Повисъ на послѣднемъ гвоздѣ,
Простирая безсильно объятья.
Лужами разлитъ елей;
Кѣмъ-то разбиты спокойныя стекла иконъ;
Полъ убѣленъ
Снѣгомъ причастья,
И по нимъ проложили не мало дорогъ
Слѣды святотатственныхъ ногъ.

Самоцвѣтные камни убійствъ и возмездій
Горятъ, словно взоры далекихъ созвѣздій.
Городъ сверкаетъ,
Какъ исполинъ золотой, облеченный въ багрецъ!
Городъ во мглу простираетъ
Свой, опоясанный пламенемъ яркимъ, вѣнецъ!
Поля и селенья, безмолвно простерты,
Слѣдятъ, не рѣшаясь дышать,
Какъ нѣкто во глуби громадной реторты
Жизнь и безуміе хочетъ смѣшать,
Какъ дымъ, подымаясь изъ бури народной,
Метстъ небосводъ безотвѣтно-холодный.

Убивая, твори, обновляй,
Иль пади и умри!
Открой или руки о двери сломай,—
Ты искра въ сіяньи встающей зари!
И что́ бы судьба ни судила,—
Сквозь сонмы вѣковъ насъ влечетъ,
Спѣша, задыхаясь, безвѣстная Сила
Впередъ!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Ноябрь.

Большія дороги лучатся крестами
Въ безконечность между лѣсами.
Большія дороги лучатся крестами длинными
Въ безконечность между равнинами.
Большія дороги скрестились въ излучины
Въ дали холодной,
Гдѣ вѣтеръ измученный,
Сыростью вѣя,
Ходитъ и плачетъ по голымъ аллеямъ.
Деревья шатаясь идутъ по равнинамъ,
Въ вѣтвяхъ облетѣвшихъ нависъ ураганъ.
Пѣвучая вьюга гудитъ какъ органъ,
Деревья сплетаются въ шествіяхъ длинныхъ.
На сѣверъ уходятъ процессіи ихъ...
О эти дни „Всѣхъ Святыхъ“,
„Всѣхъ мертвыхъ“...
Вотъ онъ—ноябрь сидитъ у огня,
Грѣя худые и синіе пальцы.
О, эти души, такъ ждавшія дня!
О, эти вѣтры скитальцы!
Бьются объ стѣны, кружатъ у огня.
Съ вѣтокъ срываютъ убранство
И улетаютъ, звеня и стеня,
Въ мглу, въ безконечность, въ пространство.
Деревья... мертвые...
Всѣ въ памяти сплелись.
Какъ звенья въ пѣньи,
Въ вѣчномъ повтореньи
Ряды именъ жужжатъ въ богослуженьи.
Деревья въ цѣпи длинныя сплелись.
Кружатся, кружатся,
Вѣрны проклятью,
Руки съ мольбою
Во тьмѣ поднялись:
О, эти вѣтви, простертыя въ высь
Богъ вѣсть къ какому Распятью.
Вотъ онъ ноябрь въ дождливой одеждѣ

Въ страхѣ забился въ углу у огня.
Робко глядитъ онъ, а въ полѣ какъ прежде—
Вѣтры... деревья... звеня и стеня
Въ сумракѣ тускломъ, сыромъ и дождливомъ
Кружатся, вьются, несутся по нивамъ.
Вѣтры и деревья... мертвые... святые...
Кружатся и кружатся цѣпью безнадежною.
Въ вечерахъ, подернутыхъ сѣрой мглою снѣжною.
Вѣтры и деревья... мертвые... святые...
И ноябрь дрожащими руками
Зажигаетъ лампу зимнихъ вечеровъ
И смягчить пытается слезами
Ровный ходъ безжалостныхъ часовъ.
А въ поляхъ все то же:
Мракъ все тяжелѣе...
Мертвые... деревья...
Вѣтеръ... и туманъ...
И идутъ на сѣверъ длинныя аллеи.
И въ вѣтвяхъ безумныхъ виснетъ ураганъ.
Сѣрыя дороги вдаль ушли крестами,
Въ безконечность тусклыхъ
Дремлющихъ полей...
Сѣрыя дороги и лучи аллей
По полямъ, по скатамъ... вдаль... между лѣсами...

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.

Лондонъ.

То—Лондонъ, о мечта! чугунный и желѣзный,
Гдѣ стонетъ яростно подъ молотомъ руда,
Откуда корабли идутъ въ свой путь беззвѣздный—
Къ случайностямъ морей, кто вѣдаетъ куда!

Вокзаловъ ѣдкій дымъ, гдѣ свѣтится мерцаньемъ,
Серебрянымъ огнемъ, скорбь газовыхъ рожковъ,
Гдѣ чудища тоски ревутъ по расписаньямъ
Подъ безпощадный бой Вестминстерскихъ часовъ.

И набережныхъ міръ; рядъ фонарей безсонныхъ,
Паркъ острыхъ веретенъ, идущихъ вдоль рѣки,
И въ лужахъ дождевыхъ, огнями озаренныхъ,
Какъ утонувшіе матросовъ двойники.

И голоса гулякъ, и жесты дѣвки пьяной,
И надпись кабака, подобная Судьбѣ,—
И вотъ внезапно Смерть въ толпѣ, какъ гость незванный...
То—Лондонъ, о мечта, влачащійся въ тебѣ!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Голова.

На черный эшафотъ ты голову взнесешь
Подъ звонъ колоколовъ, и глянешь съ пьедестала.
И крикнутъ мускулы, и просверкаетъ ножъ,—
И это будетъ пиръ и крови и металла!

И солнце рдяное и вечера пожаръ,
Гася карбункулы въ холодной влагѣ ночи,
Узнаютъ, увидавъ опущенный ударъ,
Сумѣли ль умереть твое чело и очи!

Злодѣйство громкое вползетъ въ народъ змѣей.
Свой океанъ смиривъ вокругъ помоста славы,
Толпа потомъ, какъ мать, принявъ твой гробъ простой,
Баюкать будетъ трупъ, кровавый и безглавый.

И ядовитое, какъ сумрачный цвѣтокъ
(Гдѣ зрѣетъ красный ядъ, какъ молніи сверканье),
Недвижное, какъ въ грудь вонзившійся клинокъ,
Пребудетъ о тебѣ въ толпѣ воспоминанье!

Подъ звонъ колоколовъ ты голову взнесешь
На черный эшафотъ, и глянешь съ пьедестала,
И крикнутъ мускулы и просверкаетъ ножъ,—
И это будетъ пиръ и крови и металла!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Декабрь.

—Откройте, люди, откройте дверь мнѣ!
Стучусь въ окно я, стучусь въ косякъ.
Откройте, люди! я—зимній вѣтеръ,
Изъ мертвыхъ листьевъ на мнѣ нарядъ.

—Входи свободно, холодный вѣтеръ,
Живи всю зиму въ печной трубѣ;
Тебя мы знаемъ, тебѣ мы вѣримъ,
Холодный вѣтеръ, привѣтъ тебѣ!

—Откройте, люди! я—неустанный,
Въ невѣрно-сѣрой одеждѣ, дождь.
Я чуть замѣтенъ въ дали туманной,
На фонѣ неба и голыхъ рощъ.

—Входи свободно, дождь неустанный,
Входи, холодный, входи глухой!
Входите вольно, дождь и туманы:
Есть много трещинъ въ стѣнѣ сырой.

—Откройте, люди, дверные болты,
Откройте люди, я—бѣлый снѣгъ.
Всѣ листья, вѣтеръ, въ поляхъ размелъ ты,
Плащомъ я скрою ихъ всѣ, ихъ всѣхъ.

—Входи свободно, подъ крики вьюги!
И лилій бѣлыхъ живой посѣвъ
Разбрось щедрѣе по всей лачугѣ,
До самой печи, о бѣлый снѣгъ!

Входите смѣло, снѣгъ, дождь и вѣтеръ,
Входите, дѣти сѣдой зимы!
Мы, люди, любимъ и васъ и сѣверъ
За скорбь, что́ съ вами познали мы!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

* * *

Поздняя осень! въ тебѣ—мое наболѣвшее горе.
Хрипъ этихъ сосенъ и вѣтеръ: отчаянье въ грустномъ ихъ хорѣ;
Ржавчина, кровь на листахъ, позолота на листьяхъ березы;
Мутныя лужи въ лѣсу; и, отвѣтомъ на злыя угрозы,
Слезы деревьевъ,—мои! мои, кровавыя слезы!
Поздняя осень! въ тебѣ—мое наболѣвшее горе.
Въ бѣшенствѣ гнѣвно-тревожномъ, въ мучительно-буйномъ раздорѣ,
Гнутся кусты у дороги, мелькаютъ въ нихъ странные звуки,
Бьются они, обезумѣвъ, въ порывѣ неслыханной муки,
Руки ломаютъ,—мои! мои, простертыя руки!
Поздняя осень! въ тебѣ—мое наболѣвшее горе.
Тамъ, далеко, кто-то стонетъ; и въ жалобно-страстномъ укорѣ
Жизни раздавленной скрежетъ, отчаянья крикъ изступленный,
Полузадушенный вопль... замирая, звучатъ монотонно
Дальніе стоны,—мои! мои, безплодные стоны!

И. И. ТХОРЖЕВСКІЙ.

Рыбаки.

Въ густомъ туманѣ тонутъ села.
Клубясь всклокоченная мгла
Пороги, ставни облегла...
Дымится сѣрый гребень мола,
Рѣки стальная ширина
Влачитъ заразу влагой сонной.
На небосклонѣ погребенной
Въ туманѣ кажется луна.
На старыхъ лодкахъ огоньки—среди рѣки...
Согнуты спины рыбаковъ—стариковъ.
Съ вечера они уже давно,
Чтобы поймать невѣдомое что-то,

Мрачныя закинули тенета
На зловѣщее, таинственное дно.
Не мало злыхъ судебъ незримо
Таится тамъ, на днѣ рѣки.
Какъ кладъ желанный, рыбаки
Ихъ стерегутъ неутомимо.
Вотъ полночь бьетъ—унылый звонъ
Отъ башни къ башнѣ, какъ сквозь сонъ,
Гудитъ—осенней ночи стонъ...
На старикахъ лохмотья—лишь обманъ,
Съ убогихъ шляпъ стекаетъ каплями туманъ.
Дымъ неподвиженъ надъ трубами хижинъ,
Въ оцѣпенѣньи безмолвны селенья,
Жизнью забытыя.
Спятъ, сиротливы, орѣшники, ивы, бурей разбитыя.
А изъ лѣсовъ ни лая псовъ, ни голосовъ
Не слышно.—Тучи мокрой пыли
Въ пустынномъ сумракѣ застыли.
Товарищей не окликая, товарищамъ не помогая,
Безъ привѣтныхъ братскихъ словъ
Каждый тянетъ свой уловъ.
А туманъ ползетъ сѣдой и хмурый
Къ хижинамъ съ взъерошенною шкурой.
Все на челнокахъ въ безмолвьи глохнетъ.
За густою, чуть прозрачной тканью
Въ фонаряхъ кровавыхъ не шелохнетъ
Тусклое сіянье огоньковъ,
Словно смерть кладетъ печать молчанья
На безумныхъ старыхъ рыбаковъ.
И каждый одинокъ въ своемъ угрюмомъ рвеньи...
Но ихъ работа—ихъ крушенье.
И какъ гробы молчатъ рабы.
Согнуты спины, тяжки лбы.
И гибнутъ черныхъ мукъ ловцы
Среди пространствъ глухихъ—бездонныхъ,
Подъ гнетомъ звоновъ похоронныхъ—
Обречены, какъ мертвецы...
Ночь осени дождемъ жестокимъ
По душамъ хлещетъ одинокимъ...

БОРИСЪ ФОРШЪ.

ΓΕΡΜΑΝΙΑ

ФРИДРИХЪ НИЦШЕ.

1844-1900.

Пѣснь ночи.

Мракъ ночи насталъ: слышнѣй стали рѣчи бѣгущихъ ручьевъ. Душа моя, вѣдь она тоже живой ручей.

Мракъ ночи насталъ: проснулися пѣсни всѣхъ любящихъ. Душа моя, вѣдь она тоже пѣснь любящаго.

Неукротимое, необузданное ношу я въ себѣ: громко хочетъ оно высказаться. Желанье любви ношу я въ себѣ,—желанье, оно говоритъ языкомъ любви.

Мой удѣлъ—свѣтомъ быть: ахъ, быть бы мнѣ ночью! Но свѣтомъ я опоясанъ и въ томъ моя горесть.

Ахъ, былъ бы я мракомъ и ночью! Какъ жадно сталъ бы сосать я грудь свѣта!

Васъ, искорки-звѣзды, свѣтящіяся тамъ наверху огоньки, я бы благословлялъ васъ!—дарами вашего свѣта былъ бы я счастливъ!

Но свѣтомъ своимъ окруженный, живу я, и самъ свой огонь поглощаю.

Я не знаю счастья берущаго; и часто мнѣ грезилось, что украсть еще блаженнѣе, чѣмъ взять.

Нищета моя въ томъ, что рука не отдохнетъ отъ раздачи даровъ; зависть во мнѣ, когда я вижу глаза ожидающаго, мракъ страстной тоски—проясняющимся.

О жалкій удѣлъ всѣхъ дарящихъ! О моего солнца затменіе! О желанье желать! О неутолимый голодъ среди пресыщенья!

Отъ меня вы берете; но касаюсь ли я вашей души? Глубокая пропасть лежитъ между брать и давать; не перекинуть моста и черезъ самую меньшую пропасть.

Голодъ растетъ изъ моей красоты: обидѣть хотѣлъ бы я тѣхъ, для которыхъ свѣчу я, ограбить хотѣлъ бы я мною одаренныхъ:—и такъ зла я алчу.

Руку отнять бы, когда къ ней на встрѣчу рука уже протянулась; замедлить, водопаду подобно, который даже въ паденіи своемъ все еще медлитъ:—и такъ зла я алчу.

Местью дышитъ мое изобиліе: коварство ключомъ бьетъ изъ моей одинокости!

Мое счастье дарить умерло въ раздаваніи даровъ, избыткомъ своимъ утомилось желанье добра.

Тотъ, кто даритъ всегда, пусть боится, что онъ стыдъ потеряетъ; тотъ, кто всегда раздаетъ, того сердце и руки грубѣютъ въ мозоляхъ отъ одного раздаванія.

Мой глазъ уже не наполненъ слезою предъ стыдомъ просящаго; моя рука слишкомъ жестка для рукъ, исполненныхъ дрожи.

И откуда придетъ, кто дастъ моему глазу слезу, нѣжный пухъ бѣдному сердцу? О одиноче-

ство всѣхъ даряшихъ! О безмолвіе всѣхъ свѣтъ носящихъ!

Много солнцъ кружится въ пустынномъ пространствѣ: ко всему, что темно, шлютъ они рѣчи своими лучами,—со мной онѣ нѣмы.

О, несправедливость свѣта ко всему свѣтоносному: безжалостно идетъ оно мимо своей дорогой.

Къ свѣтлому въ глубинѣ сердца вражду затая, холодное ко всѣмъ другимъ солнцамъ,—такъ движется каждое солнце.

Бури полету подобны, свѣтила свой путь совершаютъ: въ томъ жизнь ихъ. Своей несокрушимой волѣ послушны онѣ—въ томъ вѣчный ихъ холодъ.

О вы, темные, мракомъ покрытые, изъ свѣтоноснаго вы одни лишь тепло вызываете! О, только вы пьете отраду изъ груди свѣта!

Ахъ, холодъ вокругъ меня, рука моя обжигается объ обледенѣлое! Ахъ жажда во мнѣ, она томится вашею жаждой!

Мракъ ночи насталъ: о! то, что я долженъ быть свѣтомъ! И жажда тьмы! И одиночество!

Мракъ ночи насталъ: какъ кипучій родникъ изъ груди моей рвется желанье,—рѣчи хочу я!

Мракъ ночи насталъ: слышнѣй стали рѣчи бѣгущихъ ручьевъ. Душа моя, она вѣдь тоже живой ручей.

Мракъ ночи насталъ: проснулися пѣсни всѣхъ любящихъ. Душа моя, вѣдь она тоже пѣснь любящаго.—

Такъ пѣлъ Заратустра.

ПЕРЕВ. ЮЖИНЪ.

Изъ всего написаннаго я люблю лишь то, что пишется собственной кровью. Пиши кровью, и ты узнаешь, что кровь—это духъ.

Не легко понять чужую кровь: я ненавижу читающихъ отъ нечего дѣлать.

Кто знаетъ читателя, тотъ ничего уже болѣе не дѣлаетъ для него. Еще столѣтіе читателей, и самъ духъ станетъ зловоннымъ.

То, что каждый имѣетъ право учиться читать, портитъ надолго не только письмо, но и мысль.

Когда-то духъ былъ божествомъ, потомъ онъ обратился въ человѣка, а теперь онъ дѣлается чернью.

Кто пишетъ кровью и образами, тотъ хочетъ, чтобъ его не только читали, но выучивали наизусть.

Въ горахъ кратчайшій путь—отъ вершины до вершины; но для этого надо имѣть длинныя ноги. Образныя притчи должны быть вершинами, а тѣ, кому говорятся онѣ, должны быть великанами.

Прозрачный, чистый воздухъ, близкая опасность, духъ, исполненный радостной злобы, вотъ что хорошо соотвѣтствуетъ одно другому.

Я хочу имѣть вокругъ себя горныхъ духовъ, такъ какъ я смѣлъ. Отвага, разсѣивающая призраки, сама создаетъ для себя горныхъ духовъ,—она хочетъ смѣяться.

Я не чувствую себя болѣе съ вами: эти тучи, которыя я вижу подъ собой, мракъ и тяжесть, надъ которыми я смѣюсь,—это и есть ваши грозовыя тучи.

Вы смотрите вверхъ, желая подняться на высоту. А я смотрю внизъ, потому что я уже наверху.

Кто изъ васъ можетъ одновременно смѣяться и быть на высотѣ?

Кто поднимается на высочайшія горы, тотъ смѣется надъ всевозможными трагедіями и печальной серьезностью.

Беззаботными, насмѣшливыми, сильными—такими желаетъ насъ мудрость: она—женщина и любитъ всегда только воина.

Вы говорите мнѣ: „Жизнь тяжело прожить". Но къ чему вамъ была тогда ваша гордость поутру и ваше смиреніе вечеромъ?

Жизнь тяжело прожить: къ чему притворяться такими нѣжными! Мы всѣ, вмѣстѣ взятые, хорошіе вьючные ослы и ослицы.

Что у насъ общаго съ розовой почкой, которая дрожитъ, когда на тѣло ея упадетъ капля росы?

Правда: мы любимъ жизнь не потому, что мы привыкли къ жизни, а пототу, что мы привыкли къ любви.

Въ любви всегда есть доля безумія. Но и въ безуміи всегда есть частица разума.

И даже мнѣ, который относится хорошо къ жизни, кажется, что мотыльки и мыльные пузыри и тѣ изъ людей, которые принадлежатъ къ этой породѣ,—болѣе всего знаютъ о счастьѣ.

Видѣть, какъ порхаютъ эти легкія, глупыя, красивыя и подвижныя душонки—это доводитъ Заратустру до слезъ и до пѣсенъ.

Я повѣрилъ бы только въ такое божество, которое умѣло бы танцовать.

Когда я увидѣлъ своего дьявола, то я нашелъ его серьезнымъ, положительнымъ, глубокимъ и торжественнымъ: это былъ духъ тяжести,—благодаря ему падаютъ всѣ вещи.

Не гнѣвомъ убиваютъ, а смѣхомъ. Впередъ же, дайте намъ убить духа тяжести!

Я научился ходить: съ тѣхъ поръ я позволяю себѣ бѣгать. Я научился летать: съ тѣхъ поръ я не хочу, чтобы меня толкали и заставляли сдвинуться съ мѣста.

Теперь я легокъ, теперь я летаю, теперь я вижу себя подъ собой, теперь божество танцуетъ во мнѣ.

Такъ говорилъ Заратустра.

ПЕРЕВ. А. В. П.

Если нѣкогда нисходило на меня дыханіе отъ дыханія творческаго и отъ той небесной необходимости, которая заставляетъ даже случай водить звѣздные хороводы;

если я нѣкогда смѣялся смѣхомъ творческой молніи, смѣхомъ, за которымъ съ грохотомъ, но съ покорностью, слѣдовалъ долгій громъ подвиговъ;

если нѣкогда на землѣ, бывшей столомъ для боговъ, игралъ я въ кости съ богами,

—такъ какъ земля—это столъ для боговъ, колеблющійся отъ новыхъ творческихъ словъ и отъ игры боговъ въ кости:—

О, какъ же не стремиться мнѣ страстно къ вѣчности, къ брачному кольцу колецъ,—кольцу возрожденія?

Если нѣкогда я выпилъ залпомъ пѣнящійся кубокъ, полный смѣси и разныхъ приправъ, гдѣ всѣ вещи хорошо смѣшаны;

если нѣкогда рука моя сливала въ одно и близкое и далекое, огонь и духъ, радость и горе, добро и зло;

если самъ я—песчинка той освобождающей соли, отъ которой всѣ вещи въ кубкѣ хорошо смѣшиваются:—

—потому что существуетъ такая соль, которая соединяетъ добро со зломъ, и даже величайшее зло годно еще стать приправой и пѣной, переливающейся черезъ край:—

О, какъ же не стремиться мнѣ къ вѣчности, къ брачному кольцу колецъ,—кольцу возрожденія?

Если я люблю море и все однородное съ нимъ, и больше всего тогда, когда оно гнѣвно противорѣчитъ мнѣ;

если во мнѣ есть радость исканія, которая направляетъ парусъ мой ко всему еще не открытому, если въ моемъ наслажденіи заключается радость мореплавателя;

если нѣкогда я, ликуя, восклицалъ: „Берегъ исчезъ,—теперь послѣднія цѣпи упали съ меня,—

—безграничное море шумитъ вокругъ меня, далеко впереди меня сверкаетъ пространство и время! Да здравствуетъ старое сердце!“

О, какъ же не стремиться мнѣ страстно къ вѣчности, къ брачному кольцу колецъ,—кольцу возрожденія?

Никогда еще не встрѣчалъ я женщины, отъ которой хотѣлъ бы имѣть дѣтей; пусть же будетъ она тою женщиной, которую я люблю, потому что я люблю тебя, о, вѣчность!

Потому что я люблю тебя, о, вѣчность!

ПЕРЕВ. А. В. П.

Линія и молнія.

Я выше животныхъ, я выше людей,
Скажу—и никто не услышитъ рѣчей.

Стремясь къ облакамъ, я росла одиноко.
Поэтому выросла такъ я высоко.

Я жажду... небеснаго жажду огня,
Чтобъ онъ поразилъ, уничтожилъ меня.

А. Е.

ФЕЛИКСЪ ДЭРМАНЪ.

Р. 1870.

* * *

Люблю я чахоточный, томный
Нарциссъ съ окровавленнымъ ртомъ,
Складъ мыслей унылый и темный,
Сердца, истомленныя зломъ.

Мнѣ нравятся скользкія змѣи,
Съ холодной, какъ сталь, чешуей;
Изъ пѣсней всего мнѣ милѣе
Тоскливый надъ мертвыми вой.

Смарагдъ безсердечный, зеленый
Изъ камней любимѣйшій мой;
Люблю я—луной озаренный
Подъ дюнами берегъ морской.

Люблю вообще все такое,
Чего бы никто не любилъ,
Все странное, злое, больное,
Что въ сердцѣ глубоко я скрылъ.

П. КРАСНОВЪ.

ГЕРМАНЪ МАНЪ.

Выступ. печ. 1895.

Мнаисъ.

ОТРЫВ.

Сойти ли мнѣ? Ты бы очень испугался, если бы я сдѣлала это? Да, слушай, это я, кому ты молишься тайно, когда мѣсяцъ, вотъ какъ сейчасъ, просвѣчиваетъ сюда сквозь кусты. Ты думаешь, я не знаю о тебѣ, бѣдный мальчикъ, и ты называешь меня своею мертвою нимфой. Я не богиня, и я не мертва. Мнаисъ я, сикуліянка, съ давнихъ, страшно давнихъ поръ закованная въ мраморъ, но когда-то радовавшаяся своимъ сладостнымъ членамъ, и солнцу, огибавшему ихъ золотыми кольцами, и ручью, придававшему имъ свѣжесть и крѣпость, и тѣни, пестрившей ихъ отпечатками маленькихъ листьевъ, когда протягивались они на землѣ. Пастушкой была я и въ глубинѣ долины среди папоротниковъ сидѣла я, сдавливая вымя послушной овцы надъ глинянымъ кувшиномъ.

— Дай ему выпить это,—сказала колдунья Рхусъ.—Тимандръ умретъ, но передъ тѣмъ онъ будетъ тебя любить... Не дрожи! Ибо то, что прольешь ты—любовь, которой ты никогда не вкусишь... Его смерть внушаетъ тебѣ страхъ? Ты бы охотнѣе сама умерла? Такъ умри! И въ награду за это Тимандръ будетъ тебя любить, всю жизнь одну лишь тебя, хотя бы уже давно окаменѣли жилы Мнаисъ и въ милыхъ глазахъ ея не было свѣта.

— Что должно совершиться?—спросила я, и дрожь меня охватила.—Неужели, дѣйствительно, должна испытать я смерть?

Голосъ Рхусъ отвѣчалъ:

— Молчи и повинуйся. Если же нѣтъ, то разлей, пожалуй, напитокъ. Земля выпьетъ его, и любовь Тимандра будетъ погребена.

Обѣ руки мои обхватывали чашу и глаза были прикованы къ ней, чтобы не пролилось ни капли!

„Мнаисъ,—сказала ночная птица, задѣвъ мою щеку, и вѣтка, дотрогиваясь до моего плеча,—Мнаисъ, вылей напитокъ и сохрани сладостную жизнь“!

Но я закрыла уши и, покидая пурпурное небо и теплую землю, спустилась съ порога въ домъ, ступеньку за ступенькой, въ свою могилу; на концахъ своихъ поднятыхъ рукъ осторожно, чтобы не поскользнуться, и заботливо, чтобы ни одна капля не упала на землю, несла я передъ собою свою смерть. И выпила... выпила и умерла...

И я проснулась и у ногъ своихъ увидала Тимандра. Мѣсяцъ струился по поднятому ко мнѣ его лицу. Онъ также струился по кустарникамъ и лужайкамъ и отъ порога его дома—беззвучно и блѣдно. Тимандръ думалъ беззвучно:

„Только тебя я люблю въ этомъ мірѣ“!

И своими мыслями я отвѣтила ему:

„Я люблю тебя, Тимандръ“!

Онъ опять сталъ думать, и я его понимала:

„Мнаисъ исчезла. Никто не видѣлъ ее. Говорятъ, какой-нибудь богъ ее похитилъ. Я знаю этого бога: онъ направляетъ мой рѣзецъ. Ея сладостная душа теперь въ моемъ созданіи: поэтому не можетъ она болѣе быть между людьми“.

Тутъ я замѣтила, что его руки обнимаютъ мои колѣни и что я совсѣмъ не чувствую этого; видѣла его ротъ приближающимся ко мнѣ, и не ощутила его давленія; и узнала, что я—изъ камня. Во мнѣ возникъ потокъ слезъ, изъ которыхъ ни одна не могла выйти наружу, и среди слезъ ему отвѣтили мои мысли:

„Это было хорошо, что я умерла за тебя“.

Сойти ли мнѣ? Къ тебѣ, мальчикъ, который каждую ночь, не взирая на сторожей, не взирая на

желѣзныя иглы, перебирается черезъ загородку сада, чтобы молиться мнѣ втайнѣ, когда мѣсяцъ, вотъ какъ сейчасъ, просвѣчиваетъ сюда сквозь кусты? Ты любишь меня, и меня любилъ Тимандръ. Правда, напрасно вздыхала Мнаисъ, пока еще могла она радоваться своимъ сладостнымъ членамъ,—о сердцѣ Тимандра; но съ тѣхъ поръ, какъ заключена она въ выв'ѣтривающійся камень,—досталось ей это сердце, и другихъ мужчинъ, и твое. Хочешь ты услышать объ этомъ? Ты, чье истомленное въ лунномъ свѣтѣ лицо походитъ немного на лицо Тимандра? Быть можетъ, родственны ваши души. Я разскажу тебѣ и, если помучу тебя немного, мнѣ будетъ казаться, какъ будто я мучу Тимандра.

Не было любовника вѣрнѣе у смертной. Онъ бодрствовалъ у моихъ ногъ и, укладывая меня въ траву, спалъ на моей груди. Не утомляла его холодность моихъ жесткихъ членовъ; нѣтъ, въ глубинѣ ихъ неподвижности угадывалъ и чувствовалъ онъ трепетъ окрыленной души Мнаисъ; и все же к о г д а-т о она была для него ничѣмъ инымъ, какъ лишь съ робкимъ любопытствомъ выступившей передъ нимъ незнакомкой, цѣнной только тою глиной, въ которую она вложила свою руку. Понимаешь ли ты это? Я—нѣтъ. Близкой къ жалости была радость, вызванная во мнѣ паденіемъ гордаго: но съ тѣмъ большимъ счастьемъ любила я его, имѣя возможность немного надъ нимъ смѣяться, немного его презирать.

— Ты умерла за меня?—спрашивалъ онъ, вглядываясь въ мои потухшіе глаза. Скажи мнѣ это, моя мертвая нимфа!

Но я заглушала свое сердце, чтобы не думало оно:

„Это хорошо, Тимандръ, что я умерла за тебя“.

И потомъ я стояла на вершинѣ бѣлыхъ лѣстницъ, съ той стороны, гдѣ омываетъ ихъ неумолчное море, стояла, обвитая колеблющимися гирляндами розъ, окруженная клубами ѳиміама и охваченная запахомъ вина, пряностей и умащенныхъ тѣлъ мальчиковъ.

Страннымъ образомъ умеръ Тимандръ и прекраснѣе, чѣмъ другіе. Когда напали на насъ варвары и въ безнадежной жадности съ остатками послѣдняго пира въ горлѣ падали отъ мечей, какъ бывало отъ кубковъ—другіе, и вмѣсто сладострастія дымилась вокругъ меня кровь, тогда съ распростертыми руками прислонился Тимандръ къ Мнаисъ, которой угрожалъ варваръ, и далъ пронзить себя, и обагрилъ своею кровью Мнаисъ.

Нерадостны были дни мои съ тѣхъ поръ, какъ не стало тебя. Меня повезли черезъ море, и съ тѣхъ поръ я грустила въ какой-то долинѣ между остатками богатствъ своего господина, пядь за пядью погружаясь въ песокъ и траву, наблюдая, какъ обвѣтривается мой животъ, и жесткими и зелеными становятся бедра. Какой-то человѣкъ въ коричневой тогѣ, подпоясанный веревкой, извлекъ меня оттуда; онъ созвалъ много себѣ подобныхъ, и всѣ они съ жадной ненавистью разсматривали меня, поносили меня и побивали камнями. Затѣмъ, посовѣтовавшись между собою, они поволокли меня въ какой-то городъ, въ толпу народа, повѣсили меня тамъ на цѣпяхъ и по пергаментамъ прочли мнѣ мой приговоръ. Волшебницей Діаной называли они меня. Изможденный юноша, извлекшій меня, былъ самымъ бѣшенымъ, самымъ безобразнымъ въ своей ярости. Онъ сломалъ мнѣ руку. Ночью же, въ одинокой ямѣ, куда они меня бросили, онъ принесъ мнѣ назадъ мою руку, цѣловалъ меня и легъ, стуча зубами, ко мнѣ.

Но тотъ народъ утверждалъ, что я его несчастіе, и отнесъ меня поэтому въ предѣлы своихъ сосѣдей, зарывъ меня тамъ.

Долго ли оставались зарытыми мои сладостные глаза? Когда опять съ нихъ спала земля, я увидѣла очень пестрыхъ и шумныхъ людей, господинъ которыхъ въ золотомъ панцырѣ съ кричащей Медузой на груди—обнималъ меня и шумно кричалъ, что онъ повѣнчается со мною. Тамъ, гдѣ мы проходили, были выстроены алтари, народъ стоялъ на колѣняхъ, и мѣдные звуки неслись въ воздухѣ. Въ залѣ, во время пира, гдѣ пахло цѣлыми свиными

тушами, стоявшими тамъ позолоченными, вспомнила я бѣлыя колонны Фавста, между которыми подымались ко мнѣ когда-то кольца ѳиміама Тимандра,—и презрѣніе оттолкнуло меня отъ этихъ, которые хотѣли меня любить.

Они умерли, и другіе повезли нимфу, Діану, лѣсную дѣву, или Афродиту, въ свои галлереи въ свои сады, измѣряли ее черезъ стекла, срисовывали ее, продавали ее и восхищались ею; и все же это была только Мнаисъ, пастушка, робко и скромно склонившаяся надъ рукою Тимандра, юноши, котораго она будетъ любить.

Сойти ли мнѣ? Ты бы очень испугался, если бы я сдѣлала это? Ахъ, уплываетъ мѣсяцъ; онъ уже омываетъ теперь только край круглой скамейки изъ камня, только край моей ниши и кустарника, начинающаго шелестѣть отъ утренняго воздуха. Зѣвая, подошелъ бы сторожъ, застигъ бы насъ и поймалъ тебя, мальчикъ. Бѣги поэтому, пока еще не насталъ день, чтобы къ ночи ты могъ снова вернуться. Мнаисъ ожидаетъ тебя. О, она не боится, что ты не придешь. Ты изъ тѣхъ же, какимъ былъ и Тимандръ, и дѣвушка, еще радующаяся теплотѣ своихъ членовъ, не отниметъ тебя у меня. Мертвой нимфѣ своей принадлежишь ты. Но пусть коснется любящее дыханіе твое моихъ холодныхъ членовъ. Или ты уже не слышишь меня? Уже умираетъ, едва пробуждаются птицы, мой голосъ? Ты теперь уже, быть можетъ, сомнѣваешься, что это была я, которая такъ долго съ тобой говорила? Но это была я, Мнаисъ, сицилійская пастушка, любившая Тимандра, любимая имъ, и которая была многими любима.

ПЕРЕВ. ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ.

МАКСЪ МЕЛЛЬ.

Выступ. печ. 1904 г.

Разсказъ монастырскаго пастуха.

Мать игуменья! Ты—владычица надъ монастыремъ и его землями; ты—госпожа надъ всѣми инокинями, служанками и работниками, пасущими твои стада. Я—же простой, грязный пастухъ и на меня никто не обращаетъ вниманія, когда я по вечерамъ направляюсь къ часовнѣ молиться, или когда я во время молитвы встаю съ колѣнъ, чтобы образумить какого-нибудь упрямаго быка изъ моего стада. Ночной ангелъ несетъ твою молитву къ престолу Божьему въ серебрянной чашѣ, и Всевышній благосклонно принимаетъ твое моленье изъ его руки. Для моей же молитвы Ангелъ имѣетъ только простую глиняную миску, и я не долженъ гнѣваться, если онъ иногда во время полета проливаетъ мою молитву на землю. Тебѣ во снѣ является Пресвятая Дѣва съ улыбающимся Младенцемъ; я же сплю слишкомъ крѣпко, чтобы видѣть сны; если же мнѣ иногда и приснится что-нибудь, то мое сновидѣніе безсвязно и безсмысленно, какъ сновидѣнья всѣхъ тѣхъ, кто днемъ изъ-за обилія работы не успѣваетъ ни разу кинуть благочестиваго взгляда на небо.

Столь же безсвязнымъ и безсмысленнымъ тебѣ покажется, вѣроятно, и мой разсказъ: ты, вѣдь, видишь и постигаешь все происходящее быстрымъ окомъ сокола, парящаго надъ озеромъ; мы же подобны дикимъ уткамъ, живущимъ въ тростникахъ и не знающимъ, какъ велико озеро и какъ ясно оно отражаетъ всѣ предметы. И все еще мнѣ пришлось пережить нѣчто чудесное (если ты позво-

лишь мнѣ назвать это чудомъ), огибающее обычный прямой путь судьбы и ломающее ея законы, какъ будто бы они были тонкими былинками. Прости мнѣ, мать игуменья. Если ты даже найдешь, что то, что я тебѣ разскажу, просто и естественно, то я все же не перестану смотрѣть на это, какъ на чудо; вѣдь я же, а не кто-нибудь другой, пережилъ все это и поэтому оно полно особаго значенія, для м е н я, а не для кого-нибудь иного: не правда ли?

Итакъ, вчера въ обѣдъ,—если ты хочешь милостиво выслушать многія и черезъ-чуръ обильныя подробности моего разсказа,—вчера въ обѣдъ я шелъ въ ожиданіи церковнаго звона по пастбищу, покрытому высокой травой и изобилующему пестрыми цвѣтами. И вдругъ я замѣтилъ у плетня, отдѣляющаго монастырскія владѣнія отъ сосѣднихъ полей, дѣвушку, которую я сперва принялъ за одну изъ монастырскихъ работницъ. Но когда я разглядѣлъ ее пристальнѣе и когда моя собака начала на нее лаять, я рѣшилъ, что она чужая и что она пришла издалека: ея бѣдная одежда была изорвана цѣпкими травами, приставшими къ ней, вѣроятно, во время странствій по лугамъ.—Она стояла неподвижно и смотрѣла, какъ я успокаивалъ лаявшую собаку. Ея ротъ имѣлъ столь трогательную форму, какъ если бы на немъ застыла скромная просьба; пряди ея рыжеватыхъ волосъ колебались на вѣтру, который, вѣдь, на лугахъ никогда не спитъ, и сверкали на солнцѣ. Я спросилъ ее, наконецъ, кто она такая и чего она желаетъ, и, когда она мнѣ отвѣтила: „Я голодна“,—я велѣлъ ей перескочить черезъ плетень, что она и исполнила однимъ ловкимъ и изящнымъ прыжкомъ. При этомъ я, никогда не удостоивающій взглядомъ ни одной изъ монастырскихъ женщинъ, постоянно надо мной издѣвающихся, не могъ оторвать взгляда отъ красивыхъ линій ея молодого, гибкаго тѣла. Я протянулъ ей свою собственную опорожненную миску и сказалъ: „Возьми себѣ столько, сколько тебѣ нужно“. Она подоила корову и принялась съ большой жадностью за молоко,—но какъ только раздался

монастырскій звонъ, она поставила миску на землю и погрузилась, подобно мнѣ, въ молитву; этотъ поступокъ мнѣ чрезвычайно понравился.

Когда она насытилась, я сказалъ ей: „Ты можешь быть рада, что не попала на другихъ парней; они не оставили бы тебя въ покоѣ".—„Я и такъ не знаю покоя!—отвѣтила она,—и всякій разъ, когда я вижу развѣсистое дерево съ прохладной тѣнью внизу у ствола, я начинаю плакать".—Говоря это, она устремила на меня сверкающій взглядъ своихъ сѣрыхъ глазъ. „Куда же ты держишь путь?" —спросилъ я ее.—„У меня нѣтъ цѣли. Я не знаю, откуда я пришла и гдѣ мой путь завершится. Я боюсь только одного: какъ бы не набрести на море, которое отрѣжетъ мнѣ дальнѣйшій путь. Я должна была бы тамъ остановиться и ждать, наблюдая вѣчный хороводъ свѣтилъ, своей смерти".—Она встала и отправилась въ путь. Вѣтеръ, пробѣгавшій по склону холма, бережно укладывалъ травы и цвѣты въ стройные ряды, разсматривалъ сѣрую изнанку листьевъ и разрывалъ всѣ тѣни въ клочья, такъ что солнечныя пятна не могли найти себѣ покоя. Она же шла по вѣтру, отсвѣчивая сѣрыми и рыжеватыми пятнами, и казалось, что въ ней есть нѣчто, родственное вѣтру: онъ ее, вѣроятно, очень любилъ, потому что сыпалъ солнечныя блестки ей въ волосы и осторожно переносилъ ее черезъ густыя заросли. Нѣкоторое время меня преслѣдовали еще мысли о ней и о томъ, что она никогда не находитъ покоя, но потомъ я принялся опять за свою работу. Когда же я вечеромъ гналъ свое стадо домой, я былъ опять спокоенъ, беззаботенъ и усталъ, какъ всегда.

Между тѣмъ, монастырская челядь освѣтила большую горницу и разставила дымящіяся блюда съ бараниной, кувшины пива и большія миски каши на широкихъ столахъ. И затѣмъ всѣ они принялись ѣсть и пить и всѣ были очень веселы. Послѣ ѣды выступилъ на середину горницы дворецкій; онъ игралъ на арфѣ и пѣлъ пѣсню о королѣ, погибшемъ въ кровавой битвѣ. Его смѣнилъ ключникъ, кото-

рый тоже игралъ на арфѣ и пѣлъ о дѣвушкѣ, которая была обезчещена въ темномъ лѣсу и потомъ утопилась въ пруду подъ ветлами. Потомъ игралъ садовникъ, и онъ пѣлъ про даму, которая подкупила слугу, убившаго потомъ во время охоты своего господина и его вѣрнаго пса. Потомъ игралъ поваръ, а двѣ дѣвушки спѣли въ два голоса пѣсню о состязаніи лѣта и зимы. Послѣ этого они всѣ захотѣли, чтобы и я усѣлся за арфу и спѣлъ имъ что-нибудь: они, вѣдь, пристаютъ ко мнѣ съ такими просьбами каждый вечеръ, хотя и знаютъ, что мои пальцы неуклюжи и что мой языкъ слишкомъ тяжелъ для звуковъ пѣсни. Но вчера мнѣ показалось, что на этотъ разъ мнѣ удастся сложить и спѣть пѣсню: мнѣ опять припомнилось дѣвушка, которую я накормилъ и которая все идетъ и идетъ впередъ и боится встрѣтить море, черезъ которое она не сможетъ итти дальше. Итакъ, я взялся за арфу; но мои пальцы были утомлены дневной работой и мой языкъ не хотѣлъ мнѣ повиноваться. А они всѣ стали надо мной потѣшаться, и дѣвушки старались хохотать еще оглушительнѣе, чѣмъ парни. Одна же изъ дѣвушекъ, которая мнѣ, впрочемъ, и раньше была противна, спѣла очень обидную пѣсенку про глупаго пастуха, который не умѣетъ пѣть, а все же поетъ. Тогда я незамѣтно ушелъ изъ горницы; мнѣ было жутко и неуютно, и мои щеки горѣли.

Я усѣлся передъ хлѣвомъ и съ грустью глядѣлъ въ темноту, наблюдая мигавшія звѣзды и медленное движеніе луны. Я слышалъ, какъ челядь продолжала шумѣть, какъ кто-то изъ пастуховъ заладилъ плясовую пѣсню и какъ серебряный звонъ струнъ съ трудомъ пробивалъ себѣ дорогу сквозь глухой топотъ танцующихъ паръ. И вдругъ я подумалъ, что, вѣдь, еще никто, никогда не обратился ко мнѣ съ ласковой рѣчью и что ни одна женщина еще ни разу не обратила на меня вниманія. Мѣсяцъ, между тѣмъ, значительно передвинулся, такъ что я очутился въ тѣни хлѣва и могъ незамѣченнымъ наблюдать, какъ челядь стала расходиться изъ горницы: они сворачивали въ узкіе проходы

между сараями, нѣкоторые—въ одиночку, нѣкоторые—громко смѣясь и разговаривая; иногда же мелькала парочка, которая безмолвно и поспѣшно исчезала. Потомъ все замолкло; лишь изрѣдка раздавались глухіе звуки изъ хлѣва, или шуршалъ вѣтеръ. Мнѣ же было очень грустно на душѣ, такъ какъ я повѣрилъ людямъ, утверждавшимъ, что я не умѣю пѣть.

Я улегся на голой землѣ и заснулъ. Но меня разбудилъ собачій лай. Тогда я привсталъ и услыхалъ легкіе шаги. Чья-то фигура вошла въ тѣнь и остановилась вблизи моего изголовья; я узналъ въ ней чужую дѣвушку. Я успокоилъ собаку и сказалъ: „Что ты тутъ бродишь? кто ты?". Она отвѣтила:—„Мнѣ сегодня какъ-то не удалось уйти отсюда; у меня такое чувство, какъ будто бы меня кто-то здѣсь удерживаетъ".—Я говорю: „Берегись! Вѣдь теперь ночь!" А она въ отвѣтъ:—„Я не знаю страха. Здѣсь всѣ спятъ. Я очень рада, что ты не спишь: я съ обѣда еще ничего не ѣла. Дай мнѣ чего-нибудь! Я, вѣдь, больше не вернусь сюда!"—Мнѣ очень хотѣлось спать, и я сказалъ: „Ступай въ хлѣвъ и возьми себѣ, сколько хочешь". Она вошла въ хлѣвъ, а я тотчасъ же заснулъ. Скоро я почувствовалъ во снѣ что-то теплое у своего лица и подумалъ, что это собака меня лижетъ. Но это была чужая дѣвушка, тѣло которой сверкало возлѣ меня и прижималось къ моему тѣлу. Когда же я простиралъ свои руки, то я каждый разъ встрѣчалъ нѣчто теплое и мягкое, окутывавшее меня, какъ облакомъ. Это мягкое облако походило на убаюкивающую пѣсню, и я тонулъ въ немъ, прислушиваясь къ равномѣрному біенію ея сердца, напоминавшему мнѣ о жизни. Я спѣшилъ утолить свою жажду и долго пилъ...

Потомъ я лежалъ, утомленный, и видѣлъ, какъ все тотъ же потокъ несъ мимо меня свои серебристыя струи. Тогда я началъ невольно шептать: „Отчего же я не умѣю пѣть? отчего мнѣ это не дано?" И я видѣлъ склонившееся надо мною лицо и испугался, такъ какъ оно казалось голубымъ въ

лунномъ сіяніи, а пряди ея волосъ дрожали вокругъ лица и на щекахъ и глаза сіяли такимъ страннымъ мистическимъ свѣтомъ, что, казалось, что весь свѣтъ въ природѣ только изъ нихъ исходитъ, и я боялся воспринять этотъ свѣтъ своими глазами.—„Пой же! Ты вѣдь умѣешь пѣть!“—сказалъ мнѣ знакомый голосъ, но я отвѣтилъ съ отчаяніемъ: „У меня нѣтъ словъ, я не знаю, о чемъ тебѣ пѣть?“—Сіяющіе глаза нѣсколько удалились, а ея опущенное лицо было невыразимо-сладостно, и оно дрожало въ улыбкѣ.—„Пой пѣсню о мірозданіи!“—Тогда я всталъ и почувствовалъ, что вся моя жизнь, лежащая позади, опять проносится предъ моими глазами, какъ въ зеркалѣ! Я выпрямился, и мое чело почти коснулось луны, а у ногъ моихъ стояла на колѣняхъ бѣлая дѣвушка. Всѣ ясные часы, проносившіеся когда-либо надо мной на пастбищѣ, всѣ напѣвы и проповѣди изъ часовни и вся прелесть послѣдняго волшебнаго часа,—все это явилось вновь предъ моимъ взоромъ и съ легкостью давалось въ мои руки, подобно ручной птицѣ. Число звѣздъ было въ тысячу разъ больше, чѣмъ въ другія ночи, и гдѣ-то виталъ Господь. Съ Бога я и началъ свою пѣсню, и она свободно полилась изъ устъ.

Я пѣлъ о томъ, какъ Онъ всегда и всюду былъ и все заполнялъ Собой; какъ Онъ разъ почувствовалъ, что что-то растетъ и расцвѣтаетъ въ Его сердцѣ, и какъ Онъ понялъ, что это есть Любовь; какъ эта Любовь росла и расвѣтлялась и начала даже бросать свою тѣнь на Него, хотя Онъ и все заполнялъ и ни для чего иного не было больше мѣста. И какъ раздался шумъ, какъ бы отъ тысячи лѣсовъ, когда Онъ сказалъ: „Да будетъ свѣтъ!“ Какъ этотъ свѣтъ явился, освѣщая Ему все то, что Онъ творилъ; какъ Онъ простеръ Свою десницу—и явилась земля; какъ небо явилось подъ Его дыханіемъ, подобно полному вѣтромъ парусу; и какъ Онъ началъ плакать, Самъ не зная о чемъ, и какъ изъ Его слезъ явилось море. Какъ земля разступилась, давая дорогу тонкимъ, слабымъ былинкамъ, звѣздоподобнымъ цвѣткамъ и легкимъ стволамъ молодыхъ

деревьевъ. И Онъ сотворилъ свѣтила и укрѣпилъ ихъ на небѣ, дабы они показывали время; и надъ травами стали проноситься въ длинныхъ одѣяніяхъ, которыя тянулись за ними, годы, дни и часы, и они не знали, что имъ дѣлать. А изъ морскихъ волнъ выступили огромныя, черныя животныя и малыя рыбки плескались между ними. На деревьяхъ же порхали птицы съ длинными разноцвѣтными хвостами: онѣ щебетали и пѣли, такъ что годы остановились въ своимъ теченіи и стали прислушиваться къ ихъ пѣнію. На лугахъ появились стройныя животныя, и они скакали на своихъ тонкихъ ногахъ и лакомились листьями; они быстро размножались, и между ними были и совсѣмъ большія, и совсѣмъ маленькія, исчезавшія сейчасъ же, послѣ своего появленія, въ высокой травѣ. И такъ заполнилась земля, и Господь съ радостью оглядывалъ Свое созданіе. Его взглядъ упалъ на гладь моря, и Онъ увидѣлъ на ней отраженіе Своего лика. Тогда въ Немъ еще разъ проснулась творческая мысль, и Онъ создалъ существо, которому отдалъ во владѣніе всю землю и все, что на ней было. И тогда Онъ опочилъ и глядѣлъ внизъ на землю, взоромъ, который притягивалъ къ себѣ и деревья, и горы, и травы, морскія волны, глаза первой человѣческой четы и руки ея.

И я выросъ до неба и замѣтилъ, что чужая дѣвушка выросла, подобно мнѣ, и что она стоитъ возлѣ меня, восхваляя вмѣстѣ со мной Бога и Его твореніе. Но ростъ мой казался слишкомъ исполинскимъ и я, желая опять стать малымъ, скользнулъ внизъ вдоль тѣла дѣвушки, опустился предъ ней на колѣни и заплакалъ, цѣлуя ея ноги. Она же гладила мои волосы, и я чувствовалъ, что ея нѣжный взоръ съ улыбкою покоится на мнѣ. Луна мнѣ тоже улыбалась, и вся природа явилась мнѣ въ новомъ свѣтѣ, потому что я чувствовалъ, что я о ней только что пѣлъ.

Мать игуменья, я болѣе—не пастухъ! Я пришелъ къ этому заключенію сегодня утромъ, когда я проснулся и замѣтилъ, что все вчерашнее еще су-

ществуетъ и что всѣ слова и звуки все еще такъ расположены предо мной, какъ будто бы я разложилъ ихъ вчера во время своей пѣсни въ томъ порядкѣ, въ которомъ я ими пользовался. И, проснувшись, я почувствовалъ, что на моихъ устахъ покоится утренняя заря, готовая перейти въ солнечное сіяніе: что на моей ладони лежитъ капля росы, которую я долженъ превратить въ море. Въ море... Дѣвушки я больше не видѣлъ, такъ какъ она удалилась въ то время, когда я спалъ. Но я не боюсь за нее: мнѣ кажется, что она никогда не встрѣтитъ моря, черезъ которое она не могла бы перейти.

ПЕРЕВ. А. ЭЛІАСБЕРГЪ.

ЛЮДВИГЪ ШАРФЪ.

Р. 1864.

ГЕФЕСТЪ.

Нѣкогда стихіи пламеннымъ потокомъ
Вились и метались дико и высоко:
Ихъ смирилъ холодный океанъ побѣдный,
Нынче стали твердью, и мертвы и блѣдны.

Но зато родились новыя стихіи
И поднялись гордо и челомъ сіяютъ—
Это мысли, планы и мечты людскія,
Въ темныхъ безднахъ мозга люди ихъ рождаютъ,

А. АНЮТИНЪ.

Плѣнникъ.

Въ вѣчности тебя я разъ увидѣлъ:
Неужели не вернешься ты?
Иль, быть можетъ, я тебя обидѣлъ,
Не пойдя на призывъ красоты?

Сладкой юной маленькой кокеткой
Въ искрахъ яркихъ ты предстала мнѣ,
Мостъ къ тебѣ висѣлъ златою сѣткой...
Я смотрѣлъ въ какомъ-то полуснѣ...

Взорами играли мы; бросала
Ты мнѣ много яблокъ золотыхъ,—
Я ловилъ, толпа рукоплескала:
Міръ лежалъ, смѣясь, у ногъ твоихъ.

И внезапно предо мной предстало
Зеркало грядущаго, и въ немъ
Поколѣнье новое блистало
Въ божескомъ спокойствіи нагомъ.

Родъ, который мы бы породили—
Населенье чудныхъ острововъ—
Въ мысляхъ я схватилъ тебя, другъ милый,
И унесъ изъ странъ твоихъ отцовъ.

Лязгъ оковъ раздался! Восхищенный,
Я на мигъ про плѣнъ свой позабылъ!
И прощальный шаръ твой золоченый
Я въ тоскѣ на землю уронилъ.

А. АНЮТИНЪ.

РИХАРДЪ ДЕМЕЛЬ.

Р. 1863.

Незабудки.

Незабудки здѣсь, въ кузницѣ дымной и темной,
Гдѣ молотъ оружье куетъ!
Развѣ миръ незабудкою скромной
У ручья, за домомъ цвѣтетъ?
Молоты тяжко въ желѣзо бьютъ,
Куютъ, куютъ,
Спѣшатъ,—работу кончаютъ.
Пылаетъ желѣзо, вода шипитъ...
И когда надъ огнемъ лезвіе заблеститъ,—
Черныя руки сверкаютъ...
Но порою склоняется темнымъ лицомъ
Надъ цвѣтами кузнецъ, отойдя отъ огня,—
И чудится—кто-то поетъ надъ ручьемъ:
Не забудь меня!..

Л. АНДРУСОНЪ.

Послѣ дождя.

Взгляни—небо снова сине,
Надъ вершинами влажныхъ березъ
Вьются ласточки, словно рыбки.
И ты хочешь плакать...
Въ душѣ твоей будутъ скоро
Стаи ласточекъ, золото солица,
Шелестъ бѣлыхъ березъ.
И ты плачешь... —
Моими глазами
Въ твои гляжу я,
Два маленькихъ солнца,
И ты смѣешься...

Л. АНДРУСОНЪ.

ПЕТЕРЪ АЛЬТЕНБЕРГЪ.

Р. 1859.

За что онѣ любятъ его.

„Слушай, дитя! Кончится тѣмъ, что намъ придется убить твою душу... Понимаешь ли ты, что она совсѣмъ непригодна для этого міра! А другая жизнь намъ недоступна... Не плачь".

Такъ говорили люди, которые любили ее и принялись терзать и убивать эту душу, хотя имъ было жаль ее,—это была чудная, нѣжная душа, непригодная для нашей земной юдоли.

„Я не должна имѣть душу?! Но почему же я могу имѣть желудокъ, печень и другіе органы!?"

— Философія здѣсь ни къ чему, дитя, и не имѣетъ отношенія къ дѣлу... Ее могутъ имѣть королевы или нищія, а не средніе люди... Всякому это ясно! Или ты, можетъ быть, считаешь себя королевой Елизаветой или Дузе?

Тогда молодая дѣвушка добровольно отдала свою душу. Она знала, что она не королева Елизавета и не Дузе, и никогда не будетъ ими. Въ своемъ самоуничиженіи отдала она свою душу...

И такъ стояла она, бѣдная, бѣдная, зябнущая, голодная, дрожащая, погибающая...

„Я была ничѣмъ и осталась ничѣмъ"—думала она.

Но все же она почувствовала, что ей еще тяжелѣе стало жить безъ своей души и пошла искать ее.

Она пришла къ лѣсу и сказала:

„Лѣсъ! не у тебя ли моя душа?"

—„Нѣтъ,—прошумѣлъ лѣсъ,—у меня только моя собственная, лѣсная душа!"

Ко многимъ вещамъ и людямъ приходила она и спрашивала ихъ, но у всѣхъ была ихъ собственная душа...

Наконецъ она пришла къ поэту, который жилъ вдали отъ всѣхъ.

„Не у тебя ли моя душа, поэтъ, та душа, которую я отдала въ жизни?!"

Поэтъ мягко отвѣтилъ ей: „Я храню въ себѣ всѣ души, которыя гибнутъ въ тяжкой будничной жизни, не могутъ расцвѣсти, преждевременно умираютъ... Ибо я ничто иное, какъ божье хранилище для всѣхъ вянущихъ и разбитыхъ женскихъ душъ. Во мнѣ продолжаютъ онѣ всѣ свою жизнь—и грустная душа падшей женщины, и чувствительной мѣщаночки, и покинутой, и продажной, старѣющей и горбатой, обманутой и больной, самой прекрасной и самой некрасивой... Ни одинъ атомъ женской души не пропадаетъ въ міровомъ пространствѣ! Ибо то, что начинаетъ вянуть въ жизни—Богъ тотчасъ же вкладываетъ въ душу поэта, чтобъ оно могло развернутся въ пышномъ расцвѣтѣ, достигнуть своей конечной, послѣдней красоты!..

Ничто не пропадаетъ. Вотъ твоя душа, дитя! Узнай ее! Здѣсь, во мнѣ, покоится она, растетъ и расцвѣтаетъ!.. Она уже почти такъ же прекрасна, какъ душа королевы Елизаветы и Дузе..."

Молодая дѣвушка едва узнала свою душу—такъ богата и прекрасна она была.

„Возьми ее себѣ,—ласково сказалъ поэтъ,— я дарю тебѣ твою душу...“

„Нѣтъ,—возразила молодая дѣвушка,—я оставляю ее у тебя. Здѣсь ей лучше. Пусть она покоится въ твоей міровой душѣ! Ты грезешь, страдаешь и плачешь вмѣсто меня и за меня... А я могу теперь покорно продолжать служить буднямъ и суровому долгу. Въ воскресные дни я буду приходить къ твоей, нѣтъ—къ м о е й душѣ и буду опять тѣмъ, чѣмъ я была—самой собой!“

— „Приходи же въ воскресные дни...“—мягко сказалъ поэтъ.

И она стала приходить къ нему въ беззаботные праздничные часы своей жизни. Она возвращалась къ собственной душѣ, къ своимъ мечтамъ и страданьямъ, къ своимъ слезамъ, къ самой себѣ...

И она думала: „Глупые, недальновидные люди, родные и друзья!.. Изъ любви къ вамъ разсталась я съ своей душой и отдала ее—маленькую, слабую... И вотъ вырастаетъ она въ поэтѣ большой и сильной и угрожаетъ вамъ оттуда!.. И все то, что вы убили и отняли у меня,—сохраняетъ онъ въ пышномъ расцвѣтѣ... Глупые, лживые, недобрые люди... Какъ на мѣсто одной отрубленной головы гидры вырастало сто новыхъ, такъ расцвѣтаютъ пышнымъ, махровымъ цвѣтомъ наши разбитыя сердца въ душѣ поэта! Въ немъ сберегаетъ Богъ міровые атомы души.

Такъ мститъ поэтъ за родственныя ему души убійцамъ и предателямъ...

Мститель! Хранитель нашъ! Мы любимъ тебя...

ПЕРЕВ. А. И Е. ГЕРЦЫКЪ.

Шумятъ по-своему старыя яблони и совсѣмъ по-иному скрипятъ верхушками ели. По-своему шепчутъ колосья полей. По-своему гудитъ чаша ивняка. По-своему шелестятъ заливные луга. По-своему шуршатъ опадающіе съ кустовъ лепестки розъ въ саду. По-своему звонко колышатся березы. По-своему кричитъ подстрѣленный заяцъ. По-своему стонетъ молодая сова надъ лѣсной опушкой. По-своему кряхтитъ воронъ. По-своему заливается канарейка въ плѣну. По-своему лаетъ заблудившаяся собака. По-своему неслышно дышитъ крошка въ колыбелькѣ. Все различно, своеобразно, Только очень немногіе умѣютъ различать звуки.

Бетховенъ, ты прислушивался къ самой, самой потаенной глубинѣ души своей и слышалъ тамъ, глухой, звуки и шумы всей вселенной: концертъ бури и концертъ тишины, концертъ рыданій и концертъ пошлаго смѣха. И отражалъ все это такъ же просто и естественно, какъ стѣны горъ отражаютъ эхо... Такъ создалась міровая музыка!

* * *

Воскреснымъ вечеромъ я повезъ прелестную молоденькую бонну покататься на лодкѣ по заливу. Весла пѣли въ водѣ. Дѣвушка сказала:

— Дѣти такія милыя, хозяйка такая милая, я гуляю, катаюсь...

Весла пѣли, пѣли въ водѣ и умолкли близъ ивоваго берега и не слышно было больше ихъ пѣсни цѣлые часы... Затѣмъ они снова запѣли и не смолкали до самаго сада того дома, въ которомъ она служила. И она сказала:

— Я постою еще, послушаю, пока удары вашихъ веселъ затихнуть въ ночной тишинѣ...

* * *

Я провалился на выпускномъ экзаменѣ—на

аттестатъ зрѣлости—и пріѣхалъ къ родителямъ въ деревню. Они ушли въ свою комнату и плакали. Съ лѣсной лужайки, съ экстрады для музыки доносились звуки увертюры изъ „Вильгельма Теля“, прерываемыя шумомъ въ верхушкахъ елей. Гдѣ-то няня говорила ребенку: „Погоди-ка, гадкая дѣвчонка, я садовнику скажу“... Послышалось жужжанье —большая синяя муха влетѣла въ комнату, ударилась о бѣлый потолокъ. Родители плакали,—папа неслышно, а мама всхлипывала и сморкалась.

* * *

Утромъ въ деревнѣ совсѣмъ не даютъ покоя: пѣтухи, утки, гуси, лошади, коровы, свиньи. То и дѣло громовымъ голосомъ отдаются приказанія. Точатъ косы. Никакого уваженія къ утреннему покою спящихъ!

* * *

Я слышалъ выстрѣлъ въ лѣсу на горѣ—умерла козуля. Я слышалъ выстрѣлъ въ саду—умерла орѣховка. Я слышалъ выстрѣлъ въ гостинницѣ—умерла молодая дѣвушка. Я думаю: „Услышишь ли ты свой собственный выстрѣлъ, направленный на себя?..“

* * *

Милая дѣвушка чистила зубы, мелодично полоскала ихъ „салоломъ“ и выплевывала, словно маленькій фонтанъ, струю изъ розоваго ротика въ бѣлоснѣжный глубокій умывальникъ. Я сказалъ ей:

— Когда обманешь меня, пусть онъ будетъ человѣкъ не музыкальный! Тогда онъ будетъ лишенъ, по крайней мѣрѣ, счастья наслаждаться мелодіей твоего полосканья при чисткѣ зубовъ.

ПЕР. Р. МАРКОВИЧЪ.

Въ 3 часа утра послышалось тихое шебетаніе птицъ, предвѣстіе солнца. Заботы мои все росли и росли. Въ мозгу какъ будто ворочался катящійся камешекъ, пробивая и унося за собой всякую радость надежды, всякую легкость жизни и, выросши въ разрушительную лавину, сокрушилъ способность жить интересами дня, служить неумолимому властному мгновенью.

Теплый вѣтеръ шелестѣлъ въ верхушкахъ деревьевъ подъ моимъ окномъ. За что, зачѣмъ я испортилъ жизнь прелестной I.! Потеряна также ежемѣсячная поддержка одного изъ моихъ покровителей. Съ будущаго мѣсяца я перестану получать ее. Онъ что-то узналъ обо мнѣ и моихъ убѣжденіяхъ, и нашелъ ихъ слишкомъ радикальными и несимпатичными.

Мой эстетическій идеалъ, г-жа В. съ давнихъ поръ принадлежитъ тѣмъ, кто ей можетъ платить. Я, исповѣдующій „мистическій культъ красоты“, казался ей всегда слишкомъ неизящно одѣтымъ, непонятнымъ и вообще сумасшедшимъ. Когда я опускался передъ ней на колѣни, глубоко, глубоко взволнованный благороднымъ физическимъ совершенствомъ ея, она говорила, что я страдаю извращенностью, что я оскорбляю ее.

Въ моемъ номерѣ становится свѣтлѣе, въ душѣ моей темнѣе. Совсѣмъ разсвѣло.

Явственнѣе раздается пѣніе птицъ въ верхушкахъ деревьевъ, вырисовается мелодія. Теплый вѣтеръ приноситъ ароматы луговъ. Самый подходящій моментъ повѣситься на оконной перекладинѣ...

ПЕРЕВ. Р. МАРКОВИЧЪ.

Она была хороша, хороша, какъ Киферея, изъ моря вышедшая и своими бѣлыми пальцами нѣжно выжимающая морскія брызги изъ бѣлокурыхъ волосъ. Ее звали Анитой.

Въ 14 лѣтъ она уже производила чудеса, и, подобно чарующей и сверкающей магнитной скалѣ притягивала къ себѣ жизненные кораблики съ ихъ капитанами, и они разбивались.

О! При взглядѣ на нее всѣ гимназисты превращались во взрослыхъ, и всѣ взрослые въ гимназистовъ! А одинъ изъ школьниковъ сунулъ ей записку, въ которой было написано: „я хотѣлъ бы умереть за васъ Анита—".

Она же подумала: „такими словами можно жить, жить!"

Такъ явилось у нея чудное, сладкое сознаніе, что въ ней живетъ огромная божественная сила, испускающая свои золотые лучи на темныхъ, холодныхъ людей, согрѣвающая и освѣщающая страждущую землю мистеріями своего солнца. И она поняла, что сила эта, подобно электрическимъ волнамъ, исходитъ изъ ея бѣлокурыхъ волосъ и сѣроголубыхъ глазъ, ея ослѣпительной груди и бѣлыхъ рукъ, ея шумящаго шелковаго платья! Она поняла это!

Такъ жила она, какъ она и начала жить, какъ великія богини—жила тѣмъ, что была любима! Мелодіей мольбы, укоризненнымъ взглядомъ влажныхъ глазъ, псалмами опьяненныхъ сердецъ, атмосферой поклоненія и обожанія жила она, зажигаемымъ ею огнемъ и разбиваніемъ сердецъ. Что приносили ей она принимала съ благодарностью и дарила улыбкой. Такъ росла она, даря тепло и свѣтъ, расточая изъ мистерій собственной солнечной системы и мягкіе весенніе лучи, и жгучія лѣтнія жары,—и снова возвращаясь къ зимнему солнцу!

Какъ-то она сказала, смѣясь, о своихъ поклонникахъ: „это—мои земли"!

Въ другой разъ она сказала: „я знаю одного единственнаго счастливаго человѣка, мою старую банщицу. Она можетъ видѣть меня во всемъ великолѣпіи!

Какъ-то разъ,—это было въ школѣ для плаванія—она крикнула, смѣясь, изъ своей каморки: „Mesdames, кто хочетъ посмотрѣть на меня, платитъ всего одну крону. Деньги пойдутъ бѣдной Маріи".

И многія дѣвушки приходили и платили крону. Только одна не пришла.

И Киферея сказала ей: „Стефани, почему ты не придешь взглянуть на меня?"

„Другія приходятъ,—сказала Стефани,—не затѣмъ, чтобы созерцать твою красоту, Анита, но чтобы найти въ тебѣ какой-нибудь недостатокъ. Я же знаю, что ты—совершенство. Такъ какъ лишь тотъ, кто безъ недостатковъ, теряетъ чувство стыда, испытываетъ радостное чувство греческой наготы, Анита!

Однажды появился богъ—лирическій поэтъ, ударилъ по струнамъ арфы и запѣлъ: „Киферея, изъ моря вышедшая"... И дальше не пошелъ.

Она спросила: „Кто вы, кто вы такой?!

„Я?! Сынъ боговъ, я, поэтъ".

Она сочла его себѣ подобнымъ и подарила ему лучшую изъ своихъ улыбокъ. Но ему хотѣлось больше, больше. Тогда она коснулась его плеча и сказала: „Вы обманули меня. Вы—не сынъ боговъ!"

„Откуда вы знаете это?!"

„Вы не можете жить нектаромъ и амброзіей. Вамъ нужно наѣдаться, какъ быку на лугу. Уйдите прочь!"

Онъ же подумалъ: „Ну, однимъ вдохновеніемъ у меня больше".

Спустя нѣкоторое время явился настоящій сынъ боговъ.

„А, ты тоже изъ такихъ", подумала она и бросила ему самую бѣглую улыбку.

Онъ же жилъ этой улыбкой! Тогда она почувствовала, что онъ истинный сынъ боговъ, мо-

гущій жить некторомъ и амброзіей, и равный ей.

Затѣмъ явилось новое поколѣніе, поколѣніе просвѣтителей.

И одинъ изъ нихъ, который уже не былъ язычникомъ, для котораго уже не существовало никакой Кифереи съ обрызганными моремъ волосами и никихъ греческихъ храмовъ, сказалъ: „Я хочу имѣть васъ своей женой, Анита. Я буду уважать васъ и буду вамъ вѣренъ. Но эту языческую улыбку вы должны оставить, дорогая моя. Предоставьте это Кольмаръ, Диркенсъ, Отеро и другимъ чествуемымъ богинямъ“.

И она стала считать его съ тѣхъ поръ за самаго настоящаго, такъ какъ онъ не былъ язычникомъ и не цѣнилъ ея улыбки. Она бросила эту улыбку. И когда она бросила языческую улыбку, дѣлавшую ее прежде царицей міра,—она перестала быть язычницей, Кипереей, изъ моря выходящей, какъ пѣлъ мнимый поэтъ и какъ чувствовалъ поэтъ настоящій,—и стала госпожей Анитой Т., дамой такой-то и такой-то, имѣющей по четвергамъ пріемы съ ужиномъ, за исключеніемъ театральныхъ вечеровъ.

А ея супругъ сказалъ: „Я не хочу больше философствовать на эту тему,—но я знаю, что я далъ тебѣ миръ и спокойствіе, Анна. И пора было. Сама по себѣ ты погибла бы. Неправда ли?!“

„Да“,—сказала серьезно, безъ улыбки сверженная богиня—„благодарю тебя!“

ГУГО ФОНЪ-ГОФМАНСТАЛЬ.

Р. 1874.

Изъ „Смерти Тиціана".

...Казалось мнѣ, какъ будто странный зовъ
Проснесся среди синей темной ночи.
И сна въ природѣ не было; она
Дышала тихо влажными устами,—
Раскинувшись лежала въ тьмѣ глубокой,
Прислушиваясь къ таинству молчанья.
Мерцанье звѣздъ струилось непрерывно
На мягкую неспящую траву,
И сокомъ наливалися какъ кровью
Плоды тяжелые при свѣтѣ яркомъ
Луны, и серебрились всѣ фонтаны
Ея лучамъ сверкающимъ навстрѣчу.
Проснулись чудныхъ звуковъ сочетанія,
И тамъ, гдѣ тѣнь скользила облаковъ,
Я слышалъ,—будто мягко выступали
Нагія ноги... Тихо я поднялся.
Тогда во тьмѣ пронесся сладкій звукъ,

Какъ будто флейта тихо застонала,
Которую въ раздумьи держитъ фавнъ
Въ рукѣ своей изъ мрамора—вотъ тамъ,
У группы темныхъ лавровъ, близъ цвѣтовъ.
Я видѣлъ, какъ стоялъ онъ неподвижно,
Блистая бѣлымъ мраморомъ; вокругъ
Въ мерцаньи серебристо-голубомъ
Летали пчелы, жадно опускались
На красные раскрытые плоды
Гранатовъ, сокомъ спѣлымъ опьяняясь
И ароматомъ ночи. И когда
Съ дыханьемъ тихимъ тьмы мое лицо
Благоуханья сада обвѣвали—
Мнѣ чудилось, что вѣяли вблизи
Колеблемыя складки мягкихъ тканей,
Что теплая рука меня касалась.
При свѣтѣ лунномъ, шелковисто-бѣломъ,
Кружились мошки роемъ изступленнымъ,
А на пруду лежалъ смягченный блескъ—
Дрожалъ, переливался, серебрился...
Не знаю,—лебеди бѣлѣли тамъ
Или наядъ купающихся плечи...
И несся запахъ алоэ, какъ будто
Смѣшавшись съ нѣжнымъ запахомъ волосъ
Любимой женщины... И все сливалось
Въ могучее, роскошное видѣнье...

СЕРГѢЙ ОРЛОВСКІЙ.

Лаидіонъ—извѣстная танцовщица.
Химнисъ—менѣе извѣстная.

Химнисъ. Сегодня ночью я видѣла, какъ Демонасса танцовала со своей сестрой Бакхисъ.

Бакхисъ великолѣпно исполняетъ все, гдѣ первое мѣсто занимаютъ движенія рукъ; напримѣръ—превращеніе Нимфы въ молодое деревцо или въ виноградную лозу. Это ей дѣйствительно очень удается. Желала бы я имѣть ея гибкія руки!

Животныхъ она также очень хорошо изображаетъ; напримѣръ,—какъ молодая лань боится бури или какъ она играетъ съ вѣтеркомъ, или какъ птичка попадаетъ въ силки.

У Демонассы красивѣе всего движенія головы и шеи. Она танцуетъ... ужъ не помню, какого поэта эта выдумка,—однимъ словомъ, Бакхисъ — неподвижно, какъ статуя, стоитъ посрединѣ, въ маскѣ, изображающей голову Медузы, а Демонасса танцуетъ вокругъ нея, какъ будто ничего не подозрѣвая. Вдругъ она видитъ Медузу—и должна обратиться въ камень. Она быстро опрокидываетъ назадъ голову, вздрагиваетъ—и цѣпенѣетъ: сперва до бедръ, потомъ до колѣнъ... Глядя на это, просто леденѣешь отъ ужаса.

Лаидіонъ. Боги! Какъ все это пошло и ничтожно! Мы танцуемъ для нѣсколькихъ мужчинъ, между которыми два-три — богатые старики, а остальные — жалкіе блюдолизы. Я хотѣла бы улетѣть далеко-далеко, какъ только можетъ улетѣть птица!

Я всегда чувствовала, что гдѣ-то есть такой островъ, о какомъ разсказывалъ сегодня одинъ морякъ.

Химнисъ. Что это за островъ.

Лаидіонъ. Ахъ, я не знаю! оставь меня!

Химнисъ. Послушай, вѣдь—моряки часто лгутъ.

Лаидіонъ. Но то, что онъ разсказывалъ мнѣ,—правда; я это знаю навѣрное. Я хотѣла бы,

чтобы онъ оставался у меня двадцать ночей и разсказывалъ не переставая.

Химнисъ. Да что тебѣ въ чужихъ странахъ? Вѣдь не собираешься же ты туда? Тамъ живутъ темнокожіе варвары.

Лаидіонъ. Глупая! А что даютъ тебѣ твои танцы? Неужели ты хоть одно мгновенье чувствуешь себя счастливой?

Химнисъ. Ахъ поди! У тебя опять твоя меланхолія! Конечно мнѣ весело, когда я танцую, а мужчины срываютъ съ себя вѣнки и кидаютъ ихъ мнѣ. Тогда я чувствую, что овладѣла ими.

Лаидіонъ. Но въ душѣ счастлива ли ты? Можешь ли ты совершенно забыться? Можешь ли отбросить всякій страхъ? Малѣйшую смущающую тебя тѣнь?

Химнисъ. Страхъ? Когда я танцую, я не чувствую никакого страха.

Лаидіонъ. Ну, такъ у тебя есть желанія, а желанія—тотъ же страхъ. Всѣ твои планы—одно вожделѣніе.

Ты бросаешься направо и налѣво,—убѣжишь ли ты отъ себя самой? Спасешься ли отъ вѣчныхъ немолчныхъ желаній, живущихъ въ тебѣ? Ты подражаешь животнымъ и растеніямъ,—но сливаешься ли ты съ ними?

Ты сбрасываешь свои одежды, но съ ними вмѣстѣ—отбрасываешь ли ты страхъ? Страхъ—это одѣяніе, пропитанное ядомъ, который отравляетъ тебя, впивается въ твое тѣло, хотя бы ты обильно умащала его и мылась по десяти разъ на день. Можешь ли ты хоть на два часа вполнѣ освободиться отъ страха? А онѣ могутъ!

Химнисъ. Да о комъ ты говоришь? что это за люди? Они, можетъ быть, скачутъ на одной ногѣ, а уши у нихъ болтаются, какъ тряпки, такъ что они могутъ покрываться ими? Какіе они? пятнистые, какъ пантера, или полосатые, какъ зебра?

Лаидіонъ. Кожа у нихъ золотистая; ротъ напоминаетъ челюсти хищнаго звѣря; ихъ бедра сильны и стройны.

Химнисъ. Ты, пожалуй, сама хотѣла бы походить на нихъ? Уфъ! ихъ кожа, навѣрное, отвратительно пахнетъ!

Лаидіонъ. Деревья въ той странѣ гораздо выше нашихъ; ихъ густыя, синеватыя тѣни—точно живыя: ихъ можно осязать, какъ плодъ, къ которому прикасаешься рукою.....

...Но жить здѣсь, въ этомъ мірѣ, подобно стоглазому Аргусу, съ вѣчно бодрствующимъ глазомъ на сторожѣ; лежать въ объятіяхъ того, кто любитъ тебя и кого ты воображаешь что любишь, и въ то же время всей душой прислушиваться къ безстрастному плеску безостановочно бѣгущихъ волнъ; плеску, котораго ты не можешь не слушать, не въ силахъ не слушать, точно вмѣстѣ съ этимъ плескомъ вся кровь, капля за каплей, вытекаетъ изъ твоихъ жилъ?!..

А жестокая безостановочность времени? При одной мысли объ этомъ, чувствуешь себя словно въ желѣзныхъ рукахъ азіатскаго раба, который держитъ тебя на высокомъ мосту, внизъ головой, а далеко внизу струится что-то безцвѣтное, нѣмое,—беззвучное и болѣе быстрое, чѣмъ вода...

А когда я пью воду, въ которой передъ тѣмъ видѣла свое отраженіе,—я перестаю сознавать, кто поглощаетъ эту отражающую воду, и мнѣ кажется, что кто-то вынимаетъ изъ меня душу, что меня нѣтъ уже,—и я кричу отъ ужаса...

Ахъ, да есть ли хоть что-либо не страшное? И что же, какъ не страхъ, заставляетъ насъ плясать? Страхъ держитъ нити, закрѣпленыя гдѣ-то внутри насъ, дергаетъ ихъ то туда, то сюда и приводитъ въ движеніе наши члены. И когда, изображая вакханку, я ношусь въ бѣшеномъ танцѣ, такъ что мои руки и волосы летятъ къ далекимъ звѣздамъ,—неужели ты думаешь, что мною движетъ моя добрая воля, мое личное желаніе? Неужели ты не видишь, что это—только страхъ, одинъ страхъ?

Химнисъ. Неужели страхъ такъ дѣйствуетъ на тебя?

Лаидіонъ. Но онъ коваренъ: онъ сразу не

показываетъ своихъ когтей. Онъ скрываетъ подъ маской свое страшное лицо и смягчаетъ свой голосъ,—и тогда его зовутъ надеждой. Я часто думаю, что надѣяться еще ужаснѣе, чѣмъ бояться. Послѣ ночи надеждъ,—какая пустота въ душѣ! Ничто такъ не истощаетъ нашей души, какъ надежда. Есть такая пытна: плѣнниковъ поднимаютъ вверхъ на веревкахъ и потомъ, съ страшной быстротой спускаютъ внизъ... Такова надежда. Счастливый не знаетъ ея...

Тѣ, на островѣ, несказанно счастливы, когда пляшутъ передъ мужчинами, передъ лицомъ своихъ боговъ...

Молчаніе.

Лаидіонъ. Если я закрываю глаза,—не совсѣмъ, а такъ, чтобы верхнія вѣки дрожали надъ нижними,—я могу представить себѣ, какъ все это совершается: тамъ, гдѣ ты стоишь, сидятъ мужчины; сквозь рѣсницы они кажутся мнѣ такими далекими и совсѣмъ маленькими... А изъ чащи деревъ страшные боги смотрятъ широко раскрытыми глазами...

И вотъ онѣ танцуютъ...

(Она начинаетъ покачиваться въ бедрахъ. Кажется, что она уже не одна, что она окружена другими дѣвушками, пляшущими передъ лицомъ своихъ боговъ; онѣ быстро кружатся.

Спускаются сумерки. Отъ деревьевъ отдѣляются тѣни и смѣшиваются съ танцующей толпой, а съ вершинъ слетаютъ огромныя птицы, въ которыхъ живутъ демоны и духи умершихъ, и кружатся вмѣстѣ съ танцующими.

Берега острова сливаются съ морскими волнами.

Дѣвушки пляшутъ тяжело дыша; бѣлки глазъ сверкаютъ на ихъ лицахъ; зубы блестятъ изъ-за полуоткрытыхъ губъ. А юноши со всего острова безмолвно сидятъ на землѣ, крѣпко держась за густую траву; ихъ руки впиваются въ землю, и она дрожитъ, и весь островъ колеблется, какъ лодка, наполненная опьянѣвшими людьми. И все подпадаетъ власти танцующихъ, которыя теперь сильны и мо-

гущественны, какъ боги. Руки, бедра, плечи—боговъ—слились съ движеніями танцующихъ, и ни голубая сѣть Смерти, ни кровавый мечъ боговъ, не можетъ поразить ихъ: онѣ—рожденныя и рождающія; онѣ—носительницы жизни и смерти.

Въ эти минуты Лаидіонъ совершенно преображается: ея напряженныя черты выражаютъ что-то страшное, грозное, вѣчное,—это лицо варварскаго божества. Она кажется необыкновенно сильной. Ея руки ритмическими движеніями поднимаются кверху и снова опускаются, съ угрожающимъ жестомъ, какъ смертоносныя палицы. Глаза ея горятъ огнемъ напряженнаго, едва выносимаго внутренняго блаженства. Наконецъ она падаетъ на постель, тяжело и порывисто дыша.

Вокругъ нея—маленькая комната, сѣрая дѣйствительность—и никого, кромѣ Химнисъ, которая укрываетъ подругу краснымъ покрываломъ).

Черезъ минуту Лаидіонъ открываетъ глаза и садится на постели; она страшно блѣдна.

Л а и д і о н ъ. О Химнисъ! Химнисъ! Я снова здѣсь—и сознаю это! все исчезло! Я готова кричать, кусать свою подушку; до крови кусать свои руки, съ отчаянія, что такое счастье существуевъ на свѣтѣ, а я лишена его! Словно раскаленные угли горятъ въ моемъ сердцѣ! И надо же было тому моряку разсказать мнѣ, что гдѣ-то есть такой островъ, на которомъ живутъ счастливые потому, что въ ихъ сердцахъ нѣтъ жала надежды, а это—главное, Химнисъ! это—все, Химнисъ! быть счастливой—безъ надежды!

ПЕРЕВ. Е. А. Д.

Осень.

МИНІАТЮРА.

Уже ватаги осъ янтарно-изумрудныхъ
Покинули цвѣтовъ изсякшіе фіалы...
Темнѣе, глубже прудъ у береговъ безлюдныхъ;
Легли на листьяхъ мѣдь и тусклые опалы.

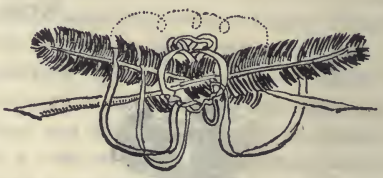
Нагими замерли стыдливыя березы
И дымно-сѣрый плащъ къ подножьямъ буксовъ легъ.
Взгляни, еще цвѣтутъ больнымъ румянцемъ розы—
Возьми ихъ, поцѣлуй, сплети изъ нихъ вѣнокъ.

Я астры соберу и дикихъ лозъ побѣги,
Прощальнымъ пурпуромъ ихъ пышно облекло...
Вы не узнавшіе безбольной смерти нѣги,
Украсьте осени холодное чело!

Въ просвѣты облаковъ, внезапно голубѣя,
Сверкаютъ небеса, прозрачные какъ ледъ.
Какая тишина... лишь изрѣдка въ аллеѣ
О землю стукнется упавшій зрѣлый плодъ.

На шпиляхъ согнутыхъ рѣшетки заржавѣлой
Щебечутъ ласточки, забывъ пути невзгоду...
И пьютъ по капелькамъ изъ вазы опустѣлой
Дождями влитую желтѣющую воду.

В. ЭЛЬСНЕРЪ.



ГАБРІЭЛЬ Д'АННУНЦІО.

Р. 1864.

Сонъ осенняго вечера.

Дѣйствующія лица:

Догаресса, вдова Градэнига. Славянская колдунья.
Пентэлла, камеристка. Служанки.

Патриціанское имѣніе на берегу Бренты, оставленное однимъ изъ послѣднихъ дожей Венеціи свѣтлѣйшей вдовѣ, которая живетъ здѣсь какъ бы въ изгнаніи. Осенній день близится къ концу. Справа крыло виллы, мраморное зданіе въ видѣ башни, заключающей въ себѣ лѣстницу вродѣ венеціанскаго „Бóволо", во дворѣ Контарини, гдѣ колонны и перила поднимаются спиралью. Эту чудную лѣстницу вѣнчаетъ loggia, откуда видъ на садъ, рѣку и равнину вдали. Внизу передъ входомъ свободное пространство, въ видѣ открытаго атріума, убраннаго статуями, подставками для факеловъ, скамьями, коврами, и отдѣленнаго отъ сада рѣшетками, ко-

торыя поддерживаютъ пилястры; на нихъ поставлены большіе золоченые фонари, находившіеся прежде на носахъ галеръ. Рѣшетки, похожія на ограду гробницъ Скалигеровъ въ Веронѣ, тонко выкованныя, какъ кольчуга, изящныя, какъ кружева, не прочно соединены, такъ что по временамъ вѣтеръ ихъ колеблетъ съ легкимъ скрипомъ. Чрезъ нихъ виденъ обширный роскошный садъ: тяжелыя массы пожелтѣвшихъ листьевъ, отцвѣтшихъ цвѣтовъ, перезрѣлыхъ фруктовъ склоняются къ рѣкѣ, словно сладострастная и утомленная красавица смотрится въ зеркало, гдѣ видитъ послѣднее очарованіе своей увядающей красоты. Подъ косыми лучами солнца, пурпуръ и шафранъ осени принимаютъ необычайный блескъ; тѣни кажутся почти красными, словно въ святилищахъ, наполненныхъ золотомъ. Широкія облака, неподвижныя и сіяющія, подобныя массамъ янтаря, остановились въ воздухѣ надъ портиками грабовыхъ деревъ, надъ куполами пиній, стрѣлами кипарисовъ. Во всемъ, среди тишины, чувствуется тоска и ожиданіе. Догаресса Градэнига стоитъ лицомъ къ рѣшеткѣ, взявшись за ихъ черныя звенья блѣдными руками, покрытыми драгоцѣнными кольцами; она въ страшномъ нетерпѣніи; подъ тяжестью ея тѣла по временамъ сгибается и колеблется желѣзная рѣшетка. Когда Догаресса криками зоветъ къ себѣ изъ сада, ея поза напоминаетъ звѣря, пойманнаго въ западню.

Градэнига (охрипшимъ и раздраженнымъ голосомъ). Лукреціа! Орделла! Барбара! Катарина! Нерисса!!... Ни одна не возвращается! Ни одна..... (Въ порывѣ гнѣва потрясаетъ рѣшетку, которая колеблется и скрипитъ. Тяжело дыша, оборачивается и смотритъ вокругъ блуждающимъ взглядомъ; совсѣмъ блѣдная, выпрямляется, точно передъ бѣшенымъ припадкомъ отчаянія и ярости. Она дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ пьедесталу бронзовой статуи Венеры, почти черной, и беретъ съ него серебряное зеркало, смотрится въ него нѣсколько минутъ, потомъ роняетъ его на коверъ, словно въ ужасѣ; направляется къ спиральной лѣстницѣ и зоветъ). Пентэлла! Пентэлла! Гдѣ ты? Что ты видишь? Отвѣчай же!

Пентэлла (съ вершины лѣстницы, невидимая). На Брентѣ барка, вся убранная флагами, на ней музыканты... Барка приближается. Но это не та.

Градэнига. Сойди, Пентэлла! Сойди! Ко мнѣ на помощь! Я умираю... Сердце, сердце!.... разбивается, мое сердце! (Облокотясь о косякъ двери, она сжимаетъ грудь обѣими руками. Пентэлла бросается на помощь къ Догарессѣ, поддерживаетъ ее).

Пентэлла. О, Господи! Спаси отъ бѣды!

Градэнига. Я умру! Умру! Умру!.. Но увидѣть его еще разъ, взглянуть на него еще разъ, лишь одинъ разъ! Когда мои руки держали его, я никогда не смотрѣла на него пристально... Онъ ушелъ изъ моего существа, онъ унесъ съ собой все, даже память о своихъ чертахъ. Когда я хочу увидѣть въ душѣ эти черты, мой взглядъ туманится. Все въ моей душѣ обращается въ хаосъ и сгораетъ, словно въ огненномъ озерѣ. И все передо мной принимаетъ одинъ и тотъ же цвѣтъ, какъ вещи, горящія въ горнахъ, какъ грѣхи, пылающіе въ аду... Ахъ, Пентэлла, Пентэлла!.. Прежде, чѣмъ Адъ меня поглотитъ, хочу еще разъ его видѣть, прикоснуться къ нему, спросить его,—любидъ ли онъ меня когда-нибудь, касался ли онъ своей щекой моей груди?..

Гдѣ онъ теперь? Съ куртизанкой? Ты ее видѣла, эту Пантэю?

Пентэлла. Да, я ее видѣла.

Градэнига. Она такъ хороша?

Пентэлла (въ колебаніи). Нѣтъ, она не хороша.

Градэнига. О, не лги! Какъ могла бы она привлекать къ себѣ всѣхъ мужчинъ и дѣлать ихъ рабами, если бъ она не была прекрасна? Нѣтъ, не лги мнѣ. (Камеристка умолкаетъ. Догаресса нѣсколько минутъ прислушивается къ музыкѣ, которая доносится съ Бренты). Ты слышишь? Это ея торжество. Вечеръ ея торжества. Она увлекла съ собою на рѣку всѣхъ своихъ рабовъ. И онъ, онъ съ нею!....

А славянка? Приведутъ ли ее мнѣ до наступленія вечера? До наступленія вечера она должна совершить свое колдовство. А я умираю! Для меня насталъ послѣдній часъ свѣта. Я не увижу, какъ родятся звѣзды... (Камеристка всходитъ на мраморную спираль). Ахъ!.. Я знаю хорошо, знаю то, чего никто не хочетъ мнѣ сказать. Она держитъ его, какъ плѣнника, въ своей галерѣ, скрываетъ его въ своихъ подушкахъ... О, можетъ ли эта женщина найти себѣ добычу нѣжнѣе? Онъ полонъ юности, горячая кровь любви бродитъ въ немъ, какъ

въ дикомъ звѣрѣ. Иногда онъ мнѣ казался леопардомъ, гибкимъ и сильнымъ. Когда его пальцы ласково меня касались, я думала, что всѣ мои вены распадаются подобно волосамъ... (Она отдается своему томленью и склоняется какъ бы къ видѣнью, созданному ея бредомъ). Ахъ! Кто бы ни была женщина, которую ласкаютъ твои руки, нѣжныя, какъ цвѣты, я навсегда та, кто первая владѣла тобой. Другія губы будутъ прикасаться къ тебѣ послѣ моихъ, послѣ моихъ! Первой мнѣ принадлежала твоя любовь, кто бы ни была вторая, кто бы ни была послѣдняя. Первая—это я, и навсегда! Что изъ того, что она прекраснѣе меня? Первая—это я! И, можетъ быть, ты найдешь другія губы ярче моихъ, объятья сильнѣе моихъ, другую кровь, болѣе горячую, о, это ничего не значитъ! Ни одной женщинѣ ты не будешь такъ принадлежать, какъ мнѣ принадлежалъ, ни одна не слышала твой первый трепетъ. Ты былъ еще совсѣмъ ребенокъ, робкій и застѣнчивый. Когда я смотрѣла на тебя, блѣдность и краска смѣнялись на твоемъ лицѣ, какъ смерть и жизнь. Ты боялся моихъ желаній; ты приходилъ ко мнѣ нетвердымъ шагомъ. Разъ, ночью, я нашла тебя лежащимъ поперекъ моей двери. И тогда... Всей моей кровью, какъ я жаждала тебя! Въ грезахъ я пила твою жизнь, какъ вино. Я раскрывала, въ моихъ грезахъ, твое сердце, и капли крови въ немъ казались мнѣ зернами гранаты. Сладость твоей крови я чувствовала на моихъ губахъ, цѣлуя тебя... Ты помнишь ли? Ты помнишь ли? На твоемъ лицѣ я видѣла сладость твоей крови и еще нѣчто ужасное... Это ужасное ты чувствовалъ и во мнѣ, и въ себѣ. Когда Дожъ дремалъ подъ тяжестью своей парчи и вѣнца, ты смотрѣлъ на него женскимъ, стальнымъ взглядомъ... Ты, ты среди нашихъ радостей призывалъ смерть! Я обращала мольбы къ морю, чтобы оно насъ скрыло, приняло въ свои тайны, унесло бы на своихъ могучихъ водахъ. Когда изъ окна я видѣла, какъ красивый корабль отплывалъ въ страну ароматовъ, я бросала ему мои пояса, еще теплые отъ прикосновенія къ тѣлу... А ты ушелъ одинъ,

ты переплылъ море, чтобы призвать смерть. И ты привелъ ко мнѣ колдунью изъ Эсклавоніи, ту, что умерщвляетъ издали... (произнеся медленно послѣднія слова, она задумывается какъ бы видя предъ собой роковое видѣніе; въ ея полузакрытыхъ губахъ жестокое выраженіе). Она знала свое дѣло, эта славянка! Изъ двухъ фунтовъ воску она сдѣлала изображеніе. Она спросила у меня зубъ того старика. Я дала ей и она положила въ воскъ... Ахъ, для тебя я это сдѣлала, для тебя, для того, чтобы видѣть твою голову на моей подушкѣ!.. Воскъ имѣлъ запахъ Ада. Своими руками я отрѣзала кусокъ мантіи Дожа, чтобы одѣть ею изображеніе. Когда и подносила изображеніе къ огню, воскъ, распускаясь, имѣлъ запахъ Ада.. И, съ каждымъ днемъ, старикъ худѣлъ, слабѣлъ, терялъ силы... Даже большой рубецъ отъ раны на его лбу побѣлѣлъ, сталъ незамѣтенъ... Во время церемоній онъ не имѣлъ силы нести на себѣ тяжесть бархатовъ. Онъ словно сгорѣлъ весь: его кровь ушла изъ его венъ невѣдомо куда. Когда онъ умеръ,—то на своемъ тронѣ онъ былъ похожъ на мощи въ золотомъ ковчегѣ. Онъ сказалъ: A m e n, и взглянулъ на меня. Въ его изсохшемъ рту я увидѣла впадину въ деснѣ, гдѣ былъ тотъ зубъ. Изъ глубокихъ глазницъ черепа на меня смотрѣлъ его взглядъ, изъ ужасной бездны... Ахъ, я все сдѣлала ради тебя. Съ этимъ мертвецомъ и съ этимъ грѣхомъ, я сошла съ трона къ тебѣ, чтобы отдать мои дни и мои ночи, чтобы соединиться съ твоей жизнью, какъ душа съ тѣломъ, чтобы быть въ тебѣ, подобно дыханію въ груди. Вотъ, что сдѣлала я для тебя... Молчаніе. Потомъ она касается рукой своихъ волосъ, щекъ, подбородка). Или красота моего лица умерла для тебя, какъ умираетъ лепестокъ цвѣтка въ одинъ день? А, на моей груди я еще чувствую твое горячее дыханіе... (Въ волненіи проводитъ рукой по своей шеѣ, какъ бы ища на ней морщинъ). Или ты нашелъ на моей шеѣ слѣды годовъ? (Поднимаетъ съ ковра зеркало, смотрится въ него. Ея лицо проникнуто тоской и блѣдностью. Она опускаетъ зеркало и нѣсколько минутъ остается неподвижная, окаменѣвшая въ отчаяньи).

П е н т э л л а (на верху спиральной лѣстницы). Я

вижу двухъ всадниковъ. Вмѣстѣ съ ними на мулѣ женщина... Она связана...

Градэнига (въ порывѣ радости). Это колдунья! Наконецъ! Наконецъ! (Она глубоко вздыхаетъ, обративъ глаза къ свѣтлымъ облакамъ, которыя нависли надъ садомъ. Издали доносятся звуки музыки съ лодокъ на рѣкѣ. Страстное желаніе жизни и наслажденія волнуетъ Догарессу). Ахъ, Пантэа, Пантэа! Все мое богатство за одинъ локонъ твоихъ волосъ, за клочекъ твоей одежды, за частицу твоего существа, даже твоихъ вещей, за одну нить. Все мое золото, мои земли, дворцы тому, кто принесетъ мнѣ твой платокъ! (Приближаетъ лицо къ рѣшеткѣ, смотритъ черезъ листву деревъ, зоветъ къ себѣ). Нерисса! Катарина! Орсэола! Якобелла! О, кто изъ васъ принесетъ мнѣ смерть? Кто изъ васъ возвратитъ мнѣ жизнь? (Она вдыхаетъ въ себя запахъ сада). Жизнь, жизнь!... Какъ тяжелъ и глубокъ ароматъ перезрѣлыхъ плодовъ. Деревья утомлены ихъ тяжестью, никто не срываетъ ихъ теперь для меня. Земля покрыта перезрѣлыми плодами, она ими питается и тучнѣетъ. Земля поглотитъ ихъ своимъ молчаливымъ ртомъ, всѣхъ. Жить, жить еще! Чтобы обнять его всей моей жизнью, какъ огнемъ, наполнить его дни новыми, невѣдомыми страстями, еще неслыханными измышленіями страсти. Я хочу создать себѣ новую красоту слезъ, моихъ страданій и моей отравы.

Входятъ Орсэола, Катарина, тяжело дыша.

Градэнига. А, ты, Катарина? Ты, Орсэола? Идите же! Идите сюда! Говорите!... Я прикажу васъ всѣхъ стащить въ рѣку съ веревкою на шеѣ, если вы не скажете, гдѣ онъ?... Онъ съ Пантэей? Говори, Орсэола! Гдѣ онъ?

Орсэола. Свѣтлѣйшая! Я его видѣла на галерѣ куртизанки, на ея Буцентаврѣ.

Градэнига. Говори, скажи мнѣ, что ты видѣла? Вотъ, возьми!... (Даетъ ей кольцо). И ты еще получишь,—сто золотыхъ дукатовъ!

Орсэола (становится словоохотливой). Да, свѣтлѣйшая! Я его видѣла на Буцентаврѣ куртизанки... Онъ сидѣлъ подъ балдахиномъ предъ накрытымъ сто-

ломъ. Пантэа плясала на столѣ среди хрустальныхъ кубковъ и не разбила ни одного. Всѣ чаши были полны до краевъ; и ея ноги были обнажены, и къ нимъ были привязаны крылышки изъ жемчуговъ и гранатъ, и она плясала танецъ подъ названіемъ „Алисъ", придуманный ею. А онъ сидѣлъ. И онъ смотрѣлъ, смотрѣлъ такъ горячо, склонясь лицомъ къ столу; и Пантэа своими обнаженными ногами и крылышками касалась полныхъ кубковъ и волосъ молодого человѣка. И напослѣдокъ она поставила пятку ему на високъ и оставалась такъ; и тогда онъ закрылъ глаза и поблѣднѣлъ, какъ полотняная скатерть.

Тогда она нагнулась къ нему и поцѣловала его въ губы; и ея поясъ разорвался съ такимъ звукомъ, какъ струна лютни; и она осталась безъ пояса.

Словно въ ярости, онъ преслѣдовалъ ее; она ускользала отъ него, и такъ легко и ловко, точно продолжала танцовать. И такъ они бѣгали по всей галерѣ отъ кормы до носа; она смѣялась, а онъ скрежеталъ зубами, словно хотѣлъ разорвать ее на части. Ему удалось схватить край ея платья...

Градэнига (сдавленнымъ голосомъ). И тогда?...

Орсэола. Кусокъ матеріи остался у него въ рукахъ. Платье разорвалось отъ шеи до колѣнъ. А она смѣялась, смѣялась. И, пробѣгая мимо стола, она схватила кубокъ и плеснула на него виномъ, крича: „Пей! Твое горло разгорячено!" Вокругъ тѣснились на рѣкѣ лодки Нобилей, которые всегда сопровождаютъ Буцентавръ куртизанки въ большомъ числѣ; другіе усердно гребли веслами, чтобы догнать; и вся рѣка была покрыта лодками. И всѣ люди бросались впередъ, чтобы разсмотрѣть; лодки склонялись на одинъ бокъ; уключины касались воды. У всѣхъ лица блѣднѣли, глаза загорались и у гребцовъ и у патриціевъ. Всѣ протягивали руки, словно чтобы схватить куртизанку и, какъ въ бреду, кричали: „Пантэа! Пантэа!" И такое волне-

ніе было въ лодкахъ на рѣкѣ, что Пантэа изумилась и испугалась. И она остановилась...

Градэнига. Тогда?...

Орсэола. Тогда онъ однимъ прыжкомъ бросился къ ней, словно чтобъ пожрать ее. Еще разъ она ускользнула отъ него, но оставила въ его рукахъ свою разорванную одежду; и такъ, безъ стыда, бросилась на позолоченный носъ галеры, отдавая себя горячимъ взглядамъ всѣхъ. И на тѣлѣ у нея были только два жемчужныхъ крылышка. А всѣ въ жадномъ бреду кричали: „Пантэа! Пантэа!“ Точно то была какая-нибудь богиня.

Градэнига. А онъ, онъ?...

Орсэола. Нѣсколько мгновеній онъ былъ неподвиженъ съ ея одеждой въ рукахъ. О! Можно было подумать, что онъ упадетъ на мѣстѣ мертвый. Страшно было на него смотрѣть... Но внезапно онъ встрепенулся, подстерегъ Пантэю на носу галеры, метнулся къ ней, какъ стрѣла изъ арбалета, настигъ ее, словно сила всѣхъ была въ его рукахъ. Съ золотого носа галеры онъ схватилъ куртизанку, какъ хватаютъ знамя... (Исчезаетъ въ саду).

Появляется, въ сопровожденіи Пентэллы, колдуньи. Она идетъ съ недовѣрчивымъ видомъ, озираясь блестящими и жестокими глазами; ихъ бѣлки сверкаютъ на лицѣ оливковаго оттѣнка.

Градэнига (снимаетъ съ себя золотую цѣпь и бросаетъ колдуньѣ). Возьми! Это тебѣ за веревки, что изранили тебя.. Ты привезла книгу Майоркскаго короля?

Колдунья. Да, я привезла. (Вынимаетъ изъ-подъ одежды, съ груди книгу, покрытую потертой кожей).

Градэнига. Слыхала ли ты про куртизанку, которая зовется Пантэа и которая плаваетъ по Брентѣ съ великимъ торжествомъ, на своемъ Буцентаврѣ, словно супруга свѣтлѣйшаго Дожа?

Колдунья. Пантэа? У нея одинъ глазъ голубой, другой черный, какъ у того Александра Великаго, что умеръ, не послушавшись Экбатанской колдуньи... Да, я знаю...

Градэнига. Я требую отъ тебя ея изображенія изъ воска. Ты понимаешъ? Пантэа должна

умереть!.. Ты понимаешь? Я дамъ тебѣ все, что спросишь. Отошлю тебя въ твою страну за море на кораблѣ, полномъ богатствъ. Ты будешь жить въ твоемъ домѣ богато и счастливо до конца дней...

Колдунья. Я сдѣлаю изображеніе въ эту ночь, свѣтлѣйшая!

Градэнига. Нѣтъ, нѣтъ, не въ эту ночь, а тотчасъ, здѣсь, на моихъ глазахъ. Ты понимаешь? Воскъ приготовленъ, жаровня зажжена. Видишь: Лукреція ее несетъ для тебя. Иди, Пентэлла, скорѣе принеси воскъ изъ той комнаты, что обтянута золоченой кожей. Тамъ два фунта. Принеси также шкатулку съ драгоцѣнностями и кошелекъ съ дукатами изъ сундука. (Лукреція спускается со спиральной лѣстницы, держа въ рукахъ жаровню. Пентэлла идетъ наверхъ).

Колдунья (сгорая отъ жадности). Да, я тотчасъ сдѣлаю изображеніе. Но, свѣтлѣйшая! что мнѣ положить въ воскъ? (Догаресса вздрагиваетъ, словно видитъ предъ собою призракъ стараго Дожа, медленно умирающаго въ своихъ тяжелыхъ золотыхъ одеждахъ).

Градэнига. У меня нѣтъ ничего, еще нѣтъ ничего!.. Ни одной нитки, ни волоска!.. Но подожди, подожди нѣсколько минутъ, вернутся мои женщины.. Посмотри, Орсэола, посмотри, не идутъ ли онѣ черезъ садъ. О, я ихъ убью, убью!...

Орсэола (бѣжитъ изъ сада). Вотъ Якобелла!.. Ея лицо въ крови.

Якобелла входитъ, тяжело дыша.

Якобелла (сдавленнымъ голосомъ). Я принесла вашей свѣтлости волосы куртизанки: локонъ, длинный локонъ...

Градэнига (пораженная нежданной радостью). Какъ? Ты говоришь?!..

Якобелла. Локонъ... Я отрѣзала его сама. своими руками. Вотъ онъ, вотъ! (Конвульсивнымъ движеніемъ она ищетъ его на своей груди. А! Вотъ онъ! (Достаетъ съ груди матерію, въ которой спрятанъ похищенный локонъ). Вотъ! (Онѣ вдвоемъ развязываютъ узлы. Градэнига нѣсколько разъ протягиваетъ въ нетерпѣніи руки чтобы взять волосы).

Орсэола. Какой длинный локонъ!

Катарина. Какой красивый!

Лукреція. Какъ блеститъ!

(Градэнига молча протягиваетъ сложенныя ладони рукъ, чтобы принять то, что похищено у женщины, обреченной смерти. Якобелла кладетъ локонъ на ея ладони. Догаресса закрываетъ глаза и выпрямляется съ внезапнымъ, непобѣдимымъ отвращеніемъ, словно отъ прикосновенія змѣи. Она остается такъ нѣсколько секундъ, блѣдная и нѣмая; потомъ открываетъ глаза и въ томъ же положеніи направляется медленно къ колдуньѣ, которая у ногъ статуи, предъ раскрытой книгой, стоя, лѣпитъ фигуру изъ воска. Колдунья наклоняется къ ладонямъ Догарессы, чтобы взглянуть на волосы куртизанки).

Пентэлла (на вершинѣ лѣстницы, во время нѣмой сцены). Большой шумъ въ той сторонѣ. Тысячи голосовъ... Какъ будто кричатъ: „Пантэа! Пантэа!..“ Вся рѣка въ темнотѣ. Но еще видна красноватая полоса, —гирлянды цвѣтовъ, все гирлянды цвѣтовъ. Сколько ихъ! Безъ счета! Одна лодка плыветъ по теченію, безъ гребцовъ, покинутая, отдѣльно отъ всѣхъ...

Градэнига (колдуньѣ). Возьми, славянка! Ея жизнь теперь принадлежитъ тебѣ. Произнеси заклинанія, какія нужно! (Колдунья беретъ волосы и вкладываетъ ихъ въ восковую фигуру вокругъ головы).

Колдунья. Теперь—двѣ бусы для глазъ: одну черную, другую голубую.

Катарина. Вотъ черная!

Лукреція. Вотъ голубая!

Онѣ подаютъ стеклянныя бусы колдуньѣ, которая беретъ ихъ и вставляетъ въ восковую голову фигуры въ видѣ глазъ.

Колдунья (выступаетъ впередъ). Изображеніе готово. (Протягиваетъ Догарессѣ желтоватую фигуру съ волосами и стеклянными глазами, обнаженную, похожую на идола. Женщины смотрятъ на нее съ нѣмымъ ужасомъ). Вотъ изображеніе куртизанки Пантэи, которая должна умереть. Ангелъ этого дня Анхоэль.

(Руки Догарессы дрожатъ, когда она беретъ изображеніе. Она садится на красную скамью и кладетъ его къ себѣ на колѣни, устремивъ на него пристальный взглядъ, въ которомъ силится сосредоточить всю разрушительную силу ненависти. Потомъ рѣзкимъ движеніемъ вынимаетъ изъ своихъ косъ длинную золотую булавку, точно кинжалъ изъ ноженъ и втыкаетъ ее въ восковую фигуру. Колдунья приблизилась къ пьедесталу статуи, читаетъ по книгѣ тихимъ голосомъ заклинанія и по временамъ сыплетъ на жаровню

порошокъ изъ ароматовъ. Облака стали фіолетовыми надъ садомъ, который покрываетъ темнота).

Пентэлла (на вершинѣ лѣстницы, во время нѣмой сцены). На рѣкѣ виденъ огонь, въ сторонѣ Портэ... Огонь становится все сильнѣе... словно пожаръ. Огонь какъ будто приближается сюда, точно горящій корабль... Но это огни веселья... Странные цвѣта! Среди огней движутся черныя тѣни, будто пляшущія... Огонь все сильнѣе...

Градэнига (въ бѣшенствѣ вырываетъ изъ косъ другую булавку и вонзаетъ ее въ изображеніе). Пусть огонь Ада пожретъ тебя!.. (Обращается къ колдуньѣ). Славянка, славянка, призывай всѣхъ ангеловъ и всѣхъ демоновъ! Сдѣлай такъ, чтобы она погибла, сраженная молніей среди своего веселья! Все, что обѣщала, дамъ тебѣ. Дамъ больше, гораздо больше. Ты слышала? Она должна умереть! Твори заклинанія, твори заклинанія! (Она вырываетъ изъ волосъ еще одну булавку, и еще, и еще одну и втыкаетъ ихъ въ восковую фигуру. Потомъ ищетъ еще булавокъ въ волосахъ, въ бѣшенствѣ. Не находя болѣе, она рѣзкимъ движеніемъ опускаетъ руку на голову Якобэллы, которая возлѣ нея сидитъ на коврѣ. Якобелла испускаетъ крикъ боли). А! Якобелла! Твоя рана! Кровь еще идетъ. Повязка въ крови... Но ты мнѣ не разсказала, кто тебя ранилъ. Конечно, она, куртизанка, въ то время, когда ты отрѣзала ея локонъ? Разскажи мнѣ, говори! Гдѣ ты отрѣзала волосы?.. возлѣ уха? На шеѣ? Тамъ, гдѣ бьется большая вена?

Якобелла. На затылкѣ. Она не замѣтила; она не слышала звука ножницъ. Ея волосы такъ густы, что когда она распуститъ ихъ, то ничего не слышитъ и не видитъ. Точно на ней десять мантій, и она порой стонетъ, будто на ней тяжесть цѣлой горы, или воркуетъ, какъ птица въ кустахъ. Пантэа назначила награду тому, кто придумаетъ для нея новую прическу. Ей надоѣли прежнія. Въ нихъ подражала она самому изысканному и прекрасному въ природѣ,—и келіямъ пчелъ, и рогамъ барашка и морскимъ волнамъ. Я обо всемъ провѣдала, пошла къ одной изъ ея служанокъ и стала хвалиться своимъ искусствомъ. Меня допустили на корабль...

Я дрожала, распуская тяжелыя косы. „Что жъ ты дѣлаешь? Что ты дѣлаешь?“ спрашивала меня Пантэа изъ-подъ своихъ распущенныхъ волосъ; и въ ея голосѣ кипѣлъ гнѣвъ. Тогда внезапно во мнѣ явилась смѣлость. Въ одно мгновеніе я ловко отрѣзала прядь, спрятала ее... А потомъ я думала только о побѣгѣ. Руки стали совсѣмъ безжизненны. А ея гнѣвъ обрушился на меня, ужасный! Меня гнали, преслѣдовали, били; служанка съ Кипра хотѣла меня убить ударомъ башмаковъ. Одинъ славянинъ травилъ меня собаками.

Пентэлла (съ вершины лѣстницы). Огонь все ближе. Огонь подвигается по рѣкѣ... Лодки окружаютъ его, тѣснятся вокругъ, безъ числа... Сильные крики!..

Орсэола. Буцентавръ куртизанки долженъ проплыть мимо сада вмѣстѣ со всѣми лодками.

Катарина. Всю ночь она будетъ плавать по Брентѣ, а на зарѣ войдетъ въ Венецію, со стороны Джудекки.

Лукреція. А потомъ, на зарѣ, она будетъ купаться въ росѣ, какъ дѣлала Догаресса Теодора Сэльво, гречанка, дочь императора Константина.

Орсэола. Говорятъ, каждое утро она беретъ ванну изъ росы, которую для нея собираютъ въ поляхъ и садахъ, какъ для догарессы Теодоры.

Якобелла. У нея больше тысячи флаконовъ и сосудовъ со всевозможными благовоніями. На ея Буцентаврѣ—цѣлый бассейнъ благовоній. У нея есть женщина, по имени Моргантина, которая лучше всѣхъ на свѣтѣ знаетъ тайны красоты и способы, какъ составлять мази и порошки для ея сохраненія. (Въ то время, какъ женщины болтаютъ, окружая Догарессу, она прокалываетъ всковую фигуру булавками, которыя вынимаетъ изъ ихъ волосъ; онѣ пдаютъ ихъ во время своихъ разсказовъ и булавки по временамъ блестятъ въ послѣднихъ лучахъ вечерняго свѣта. Колдунья, стоя между пьедесталомъ Венеры и жаровней, продолжаетъ читать книгу Майоркскаго короля. Порою съ рѣки дэносится какъ бы шумъ отдаленнаго сраженія. Облака почти угасаютъ).

Орсэола. Вы слышите шумъ?

Лукреція. Какіе страшные крики! Страшные крики!

Орсэола. Когда Пантэа показалась на носу корабля, всѣ обезумѣли отъ любви.

Якобелла. У нея двойной взглядъ. Разный взглядъ ея глазъ смущаетъ сердца тѣхъ, кто на нее смотритъ.

Лукреція. Слушайте! Слушайте! Это скорѣй похоже на шумъ битвы, чѣмъ торжества.

Якобелла. Тысячи гирляндъ изъ миртъ, лавровъ и кипарисовъ бросили въ рѣку для того, чтобы теченіе донесло ихъ до Джудекки и до Святого Марка. Точно посланцы въ Венецію...

Орсэола. О, Господи! Пусть погребальные кипарисы придутъ раньше всѣхъ!

Градэнига. Зажгите факелы! Настала ночь.

(Женщины бѣгутъ къ свѣтильникамъ. Внезапно въ саду слышатся крики. Барбара и Орделла съ криками вбѣгаютъ въ садъ).

Барбара. Пантэа въ пламени!

Орделла. Пантэа въ пламени!

(Догареса порывисто вскакиваетъ, отбрасывая отъ себя восковую фигуру, которая падаетъ на землю).

Барбара (вбѣгаетъ задыхаясь). Пантэа горитъ! Буцентавръ въ огнѣ! У всѣхъ мечи обнажены.

Орделла (порывисто дыша). Буцентавръ пылаетъ вмѣстѣ съ куртизанкой, со всѣми ея людьми! Галера плыветъ по рѣкѣ, она близко! Уже виденъ свѣтъ!

Барбара. Тамъ битва, свѣтлѣйшая! Битва!... Всѣ въ безумной ярости! Въ лодкахъ всѣ сражаются. Кровь течетъ ручьями... Рѣзня!..

Градэнига (въ отчаяніи). И онъ тамъ!

Орделла. Къ торжеству все было приготовлено: сотни лодокъ, украшенныхъ флагами, рѣка въ зелени и цвѣтахъ, пѣсни, музыка. И тогда начались раздоры. Приплыли съ Мирано по каналу Піамъ Гритти, Маринъ Бальду и Пьетро Сагредо, съ ними лодки, полныя вооруженныхъ людей. И они хотѣли взойти на Буцентавръ и взять куртизанку силой и стать хозяевами празднества. И они гро-

зили все предать огню и оружію, чтобы поставить на своемъ.

Градэнига. Убили они его? Убили его? А? Скажи мнѣ правду! Ты видѣла, онъ упалъ?

Орделла. Со своими людьми онъ защищалъ Буцентавръ. Я видѣла его всего лишь на мгновеніе. Онъ сражался съ Пріамомъ Гритти, который вскочилъ на палубу. Нельзя ничего разсмотрѣть въ жестокой схваткѣ. Всѣ кричали: „Пантэа! Пантэа!“ И съ этими криками ихъ ярость усиливалась. А прибывшіе съ Мирано бросали греческій огонь. И вдругъ огонь охватилъ корабль куртизанки. Онъ вспыхнулъ съ невѣроятной быстротой, какъ вязанка дровъ. Сильный ароматъ разлился вокругъ; и пламя окрасилось необычайнымъ цвѣтомъ.

Барбара. Всѣ ея благовонія, ароматы, эссенціи загорѣлись въ сосудахъ... и благовонное дерево и пряности... Въ одинъ мигъ галера вспыхнула, воздухъ наполнился благоуханіемъ, а ярость людей еще усилилась. Они дерутся на смерть. Лодки въ безпорядкѣ, плывутъ по рѣкѣ, все перемѣшалось. А они сражаются при свѣтѣ пожара... Близко, они совсѣмъ близко!.. Слушайте, слушайте!..

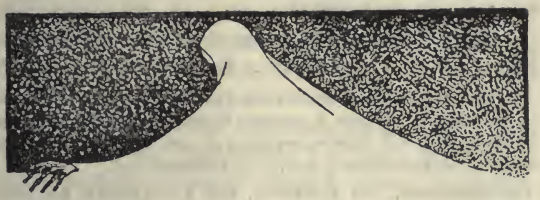
Крики и шумъ все явственнѣе. Глубина сада озаряется заревовъ пожара. Въ безумной скорби и ужасѣ Догаресса бросается къ лѣстницѣ. На первыхъ ступеняхъ она качается. Женщины бѣгутъ къ ней и поддерживаютъ ее. Колдунья поднимаетъ восковую фигуру и кладетъ ее у ногъ статуи Венеры; иглы ярко свѣтятся на темномъ фонѣ бронзы.

Пентэлла (на вершинѣ лѣстницы). Буцентавръ куртизанки весь пылаетъ! На немъ горящіе трупы... Битва!.. Сверкаютъ мечи, тысяча мечей... Огонь, кровь!..

(Догаресса, на срединѣ спиральной лѣстницы, наклоняется надъ перилами между двухъ колоннъ. За садомъ появляется на рѣкѣ пламя. Слышны крики. На лицѣ Догарессы, полномъ отчаянія и озаренномъ кровавымъ свѣтомъ, отражается все ужасное величіе трагическаго зрѣлища. Крики сражающихся:

„Пантэа!.. Пантэа! Пантэа!..

ПЕРЕВ. А. ВОРОТНИКОВЪ.



Мертвый городъ.

ОТРЫВОКЪ.

Пустынное и дикое мѣсто въ ущельѣ, пролегающемъ между меньшимъ отрогомъ Эвбейскихъ горъ и неприступной стороной цитадели. Дикія скалы и гигантскія развалины оживлены миртами. Вода Персейскаго источника, вырываясь изъза скалъ, собирается въ углубленіи, имѣющемъ видъ раковины, откуда она течетъ дальше и теряется въ каменистой лощинѣ. Въ древней пустынѣ, уже окруженной тайнами ночи, слышно клокотаніе вѣчныхъ источниковъ.

У края источника, подъ миртовымъ кустомъ, лежитъ на спинѣ окоченѣлый трупъ Біанки-Маріи. Мокрое платье прилипаетъ къ тѣлу; мокрые волосы широкими кольцами обвиваютъ ея лицо; ея руки вытянуты по бокамъ; ноги у нея сложены, какъ ноги надгробныхъ статуй, лежащихъ подъ арками. Александръ сидитъ на камнѣ, опираясь локтями о колѣни, онъ сжалъ виски ладонями и пристально всматривается въ мертвую, молча, въ изумительной неподвижности. Съ противоположной стороны стоитъ Леонардъ, прислонившись къ громадной скалѣ; онъ то и дѣло схватываетъ за эту скалу своими пальцами, судорожно и съ отчаяніемъ, какъ потерпѣвшій кораблекрушеніе хватается за выступившій изъ пучины утесъ. Въ смертельной тишинѣ слышно журчаніе воды, заглушаемое шумомъ вѣтра въ вѣтвяхъ раскачивающихся миртъ. Леонардъ вдругъ отходитъ отъ скалы, становится на колѣни возлѣ трупа сестры и нагибается, чтобы коснуться его.

Александръ (останавливая его порывистымъ движеніемъ, повелительнымъ крикомъ). Не прикасайся къ ней! Не прикасайся!

Леонардъ (отклоняется назадъ, не вставая). Нѣтъ, нѣтъ, я не трогаю... Она—твоя, она—твоя...

(Молчаніе. Онъ смотритъ на трупъ съ нечеловѣческимъ напряженіемъ скорби и любви. Кажется, что безуміе овладѣваетъ имъ. Его голосъ становится все болѣе и болѣе дикимъ и раздирающимъ, почти неузнаваемымъ).

Ты думаешь... ты думаешь, что я оскверню ее, если коснусь?... Нѣтъ, нѣтъ... теперь я чистъ: я чистъ совершенно... Если бы она возстала теперь, она могла бы ступать по моей душѣ, какъ по чистому снѣгу... Если бы она ожила, всѣ мои мысли о ней были бы, какъ лиліи, какъ лиліи... Ахъ, кто на землѣ могъ бы сказать, что любитъ человѣческое существо такъ, какъ я люблю ее? Даже ты, даже ты не любишь ее такъ, какъ я люблю .. Нѣтъ на землѣ любви, которая сравняется съ моей... Вся моя душа—небо для умершей...

(Его голосъ то становится громче, становится порывистымъ и пылкимъ, какъ возрастающее изступленіе; то понижается до трепета крайней нѣжности).

Кто, кто сдѣлалъ бы для нея то, что я сдѣлалъ? Развѣ у тебя хватило бы мужества совершить эту жестокость, чтобы спасти ее отъ ужаса, который готовъ былъ овладѣть ею? Ахъ, ты любилъ ее, ты любилъ ее всѣми силами твоей жизни, потому что только такъ и можно было ее любить; но ты не знаешь, что за душа была у нея... Всей добротой земли и всѣми красотами, красотами, о которыхъ не мечталъ даже ты, обладала ея душа... Каждое утро, при ея пробужденіи, всѣ дуновенія весны, казалось, проносились надъ ея душой и дѣлали ее такой нѣжной и такъ заставляли ее расцвѣтать... Казалось, что каждый вечеръ въ ея душѣ, какъ въ сосудѣ, сохранялись всѣ наиболѣе нѣжныя движенія нашего пережитого дня и она мѣсила ихъ для меня, чтобы отдать ихъ мнѣ, какъ отдаютъ хлѣбъ... Ахъ, именно такъ, именно такъ и столько времени она питала меня; такимъ-то хлѣбомъ она кормила меня, въ концѣ каждаго моего дня.. Она умѣла

превращать въ великое счастіе самыя мимолетныя улыбки... Самая маленькая изъ моихъ радостей расширялась въ ея душѣ до безконечности, до безконечности, какъ круговая волна на тихой поверхности воды, и создавала для меня иллюзіи великаго счастья. Ахъ, ты не знаешь, ты не знаешь, что за душа у нея была... На землѣ нѣтъ созданія, которое могло бы сравниться съ нею... Во всей ея крови не было ни одной горькой капли... Недавно...

(Онъ смолкаетъ, дрожа, какъ больной, все тѣло котораго охвачено невыносимыми судорогами).

...недавно... вся ея нѣжная жизнь дрожала въ ея волосахъ, подъ моею рукой...

(Онъ дрожитъ, прижимаясь къ землѣ, и такъ мучительно, что Александръ встаетъ, хочетъ подойти къ нему, но, повидимому, не въ силахъ двигаться и опять опускается на камень).

Ахъ, когда она нагнулась къ водѣ, чтобы напиться... Я слышалъ, какъ первый глотокъ журчалъ у нея въ горлѣ... мнѣ казалось, что она пьетъ изъ моего сердца, что съ этимъ глоткомъ исчезло все мое постыдное существованіе, все сознаніе, всякое воспоминаніе и все мое существо... Опустѣлымъ, опустѣлымъ и слѣпымъ былъ я, когда я набросился на нее... Смерть стояла у меня за плечами и толкала меня своими желѣзными колѣнями... Міръ рушился... Тысячи столѣтій... одно мгновенье... и я очутился здѣсь на камняхъ... а въ водѣ, еще колебавшейся отъ ея судорогъ, ея волосы... ея волосы вокругъ ея выпрямленной головы... Ахъ, кто, кто могъ бы сдѣлать для нея то, что я сдѣлалъ? Я ее поднялъ, взглянулъ ей въ лицо... „Все ея закутанное въ волосы лицо билось, какъ лихорадочный пульсъ". Это мнѣ вчера сказала Анна: она тогда держала ее въ своихъ рукахъ, она чувствовала, какъ трепетала сестра въ ея рукахъ... Я снова увидѣлъ ея лицо, оно уже не трепетало болѣе, это ея холодное лицо, съ котораго струилась вода... Я закрылъ ея глаза вѣками... Я закрылъ ихъ нѣжнѣе, чѣмъ лепестокъ закрываетъ лепестокъ... И вся грязь исчезла изъ моей души; я сталъ чистымъ совершенно чистымъ... Вся святость моей первой

любви вернулась въ мою душу снова, потокомъ свѣта... Еще одно благодѣяніе, еще одно благодѣяніе, пришедшее отъ нея изъ-за рубежа смерти! Чтобы опять полюбить ее такъ, я убилъ ее; чтобы и ты могъ такъ любить ее на моихъ глазахъ, чтобы уже ничто не раздѣляло насъ, чтобы безъ новой жестокости, безъ новыхъ угрызеній ты могъ любить ее, вотъ—зачѣмъ я убилъ ее... Ахъ, Александръ, Александръ, ты въ жизни и смерти снова слитый со мной, навсегда соединенный со мной, благодаря этой жертвѣ, которую я тебѣ принесъ... Взгляни на нее! Взгляни! Она—совершенство, теперь она—совершенство... Теперь ее можно обожать, какъ божественное созданіе... Я положу ее въ самую глубокую изъ моихъ могилъ, засыплю ее всѣми сокровищами Атридовъ... моими сокровищами...

(Онъ наклоняется къ мертвой).

Божественная, божественная! Если бъ всей нашей кровью мы могли зажечь на мгновеніе твое блѣдное лицо, чтобы ты раскрыла на одинъ мигъ глаза, чтобы ты могла взглянуть на насъ, услышать крикъ нашей любви и нашей скорби... Сестра моя, сестра моя!

(Онъ припадаетъ къ сестрѣ и зоветъ ее неоднократно и мучительно, протягивая свои дрожащія руки къ ея блѣдному, неподвижному подъ прядями влажныхъ волосъ лицу. Не въ силахъ болѣе выносить этотъ крикъ, Александръ встаетъ, подходитъ къ ногамъ умершей, идетъ къ другу, нагибается къ нему, кладетъ ему руку на лобъ, чтобы почувствовать эту лихорадку, чтобы успокоить это изступленіе, готовое перейти въ безуміе. Отъ этого прикосновенія Леонардъ чувствуетъ нѣкоторое облегченіе. Острое напряженіе его нѣсколько ослабѣваетъ, его голосъ падаетъ).

(Молчаніе, Александръ безпокойно оборачивается къ скаламъ на заднемъ планѣ, всматривается въ то мѣсто, гдѣ начинается тропинка).

Александръ (вдругъ вскакивая на ноги). Шаги! Мнѣ послышались шаги, тамъ, на тропинкѣ... Слушай!

(Леонардъ въ ужасѣ также вскакиваетъ. Они прислушиваются, притаивъ дыханіе).

Нѣтъ... Должно быть, я ошибся... Можетъ быть, это вѣтеръ въ миртахъ... Можетъ быть, камень скатился гдѣ-нибудь въ долину...

Леонардъ. Не знаю... Сердце слишкомъ сильно бьется у меня, заглушаетъ мой слухъ... Я не слышу ничего другого...

(Александръ уходитъ въ глубину, къ скаламъ, и осматривается. Слышно только глухое журчаніе источника).

Александръ (поворачиваясь къ другу, который пристально смотритъ на трупъ; стараясь заставить его опомниться). Что же мы будемъ дѣлать теперь? Нужно ее унести отсюда... Куда мы ее унесемъ? Мы теперь понесемъ ее въ домъ? А Анна... Анна... Что мы ей скажемъ?

Леонардъ (разстерянно озираясь кругомъ). Анна... Анна... она меня ждетъ теперь... она обѣщала... она обѣщала... вчера вечеромъ...

Александръ. Что она тебѣ обѣщала?

Леонардъ. Ожидать меня, ожидать меня...

Александръ. Ожидать? Гдѣ? Зачѣмъ?

Леонардъ. Она думала... она хотѣла...

Александръ. Хотѣла?

Леонардъ. Хотѣла удалиться, исчезнутъ...

Александръ. Ахъ!

(Молчаніе. Оба инстинктивно взглядываютъ по направленію къ тропинкѣ, въ глубину. Слышно журчаніе источника). Что мы ей скажемъ? Что мы теперь будемъ дѣлать? Хочешь остаться здѣсь? Я пойду... Я схожу... за прсстыней...

Леонардъ (охваченный непреодолимымъ ужасомъ). Нѣтъ, нѣтъ, не уходи, не оставляй меня. Останемся здѣсь, останемся еще здѣсь...

Александръ. А Анна... Анна...

(Онъ вздрагиваетъ и прислушивается). Кто-то идетъ, кто-то приближается... Шаги! Я слышалъ шаги... Ахъ! если это... Нужно спрятать ее... Унесемъ ее туда, въ чащу миртъ—ты не слышишь меня Леонардъ?

(Онъ толкаетъ Леонарда, который кажется оцѣпенѣлымъ). Унесемъ ее туда, въ чащу миртъ... Я возьму ее за плечи... Нѣжно! Осторожно!

(Онъ нагибается, чтобы поднять мертвую со стороны головы, тогда какъ Леонардъ нагибается, чтобы взять ее за ноги. Въ это мгновеніе раздается на тропинкѣ голосъ слѣпой),

Анна (въ глубинѣ, изъ-за скалъ). Біанка-Марія! Біанка-Марія!

(Они опускаютъ тѣло и выпрямляются, смертельно блѣдные, остолбенѣвъ отъ ужаса, не въ силахъ двинуться).

Біанка-Марія!

(Слѣпая появляется изъ-за скалъ, одна, пробираясь въ темнотѣ ощупью... Такъ какъ никто не отвѣчаетъ, то она дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, въ безпокойствѣ и отчаяніи).

Александръ! Леонардъ!

(Она приближается къ трупу и готова задѣть его ногой. Александръ и Леонардъ не въ силахъ двинуться).

Александръ (въ то мгновеніе, какъ нога Анны готова коснуться мертвой). Остановись! Остановись, Анна!

(Анна почувствовала лежащее у ея ногъ неподвижное тѣло. Она нагибается къ мертвой, порывисто ощупываетъ ее до самаго лица, до волосъ, еще мокрыхъ отъ могильной воды. Она дрожитъ всѣми своими фибрами, тѣмъ холодомъ, который не похожъ ни на какой другой. Она издаетъ пронзительный крикъ, въ которомъ, казалось, вылилась вся душа ея).

Анна. Ахъ!... Я вижу! Вижу!

ПЕРЕВ. Ю. БАЛТРУШАЙТИСЪ.

СКАНДИНАВІЯ

ГЕНРИКЪ ИБСЕНЪ.

1828-1907.

Изъ „Борьбы за Престолъ".

Король Скуле. Скажи мнѣ, Ятгейръ, какъ ты сталъ скальдомъ? Кто научилъ тебя искусству слагать пѣсни?

Ятгейръ. Этому искусству не учатся, государь.

Король Скуле. Не учатся? Какъ же тогда ты овладѣлъ имъ?

Ятгейръ. Я воспринялъ даръ скорби и вотъ сталъ скальдомъ.

Король Скуле. Такъ скальду нуженъ даръ скорби?

Ятгейръ. Мнѣ нужна была скорбь, какъ другимъ бываетъ нужна вѣра или радость или сомнѣніе...

Корель Скуле. И сомнѣніе также?

Ятгейръ. Да, но тогда сомнѣвающійся долженъ быть сильнымъ и здоровымъ.

Король Скуле. А кого ты назовешь нездоровымъ?

Ятгейръ. Того, кто сомнѣвается въ собственномъ сомнѣніи.

Король Скуле (медленно). Мнѣ думается, что это—смерть.

Ятгейръ. Хуже,—это сумерки.

Король Скуле. Въ тебѣ еще много несложенныхъ пѣсенъ, Ятгейръ?

Ятгейръ. Нѣтъ, но много неродившихся; онѣ зачинаются одна за другой, обрѣтаютъ жизнь и рождаются.

Король Скуле. А если бы я, король, имѣющій власть, повелѣлъ убить тебя, умерла бы съ тобой и каждая неродившаяся мысль скальда, которую ты носилъ въ себѣ?

Ятгейръ. Государь, великій грѣхъ убить свѣтлую мысль.

Король Скуле. Я спрашиваю тебя не о томъ —грѣхъ ли это; я спрашиваю—такъ ли это?

Ятгейръ. Не знаю.

Король Скуле. Не было ли у тебя друга, тоже скальда, и не случалось ли ему дѣлиться съ тобой замысломъ великой и прекрасной пѣсни?

Ятгейръ. Бывало, государь.

Король Скуле. А тебѣ не хотѣлось тогда убить его, чтобы завладѣть его мыслью и самому сложить эту пѣснь?

Ятгейръ. Государь, я не безплоденъ; у меня свои дѣти, мнѣ незачѣмъ любить чужихъ.

(Уходитъ).

Король Скуле (помолчавъ). Исландецъ воистину скальдъ. Изрекаетъ глубочайшія божествен-

ныя истины, самъ того не зная.—Я подобенъ безплодной женщинѣ. Потому и люблю дитя Гокона—его королевскую мысль, люблю горячо, со всѣмъ пыломъ моей души. О, если бъ мнѣ усыновить ее! Она умерла бы въ моихъ объятіяхъ. Что лучше—умереть ей въ моихъ рукахъ или вырости, достичь величія—въ его? Обрѣту ли я миръ душевный, если это сбудется? Могу ли я смириться? Могу ли спокойно взирать, какъ Гоконъ воздвигаетъ себѣ такой памятникъ?—Какъ мертво, какъ пусто во мнѣ... и вокругъ меня. Ни единаго друга... Исландецъ! (Идетъ къ двери и кричитъ). Скальдъ ушелъ?

Одинъ изъ людей короля (за дверью). Нѣтъ, государь, онъ стоитъ въ сѣняхъ и разговариваетъ со стражей.

Король Скуле. Скажи ему, чтобы пришелъ ко мнѣ! (Идетъ къ столу. Немного погодя входитъ Ятгейръ). Мнѣ не спится, Ятгейръ. Не даютъ уснуть великія королевскія мысли.

Ятгейръ. Понимаю,—королевскія мысли, что мысли скальда. Выше всего взлетаютъ онѣ и быстрѣе всего растутъ въ тишинѣ ночной.

Король Скуле. И мысли скальда тоже?

Ятгейръ. Да, государь, ни одна пѣсня не родится при дневномъ свѣтѣ; ее можно записать при свѣтѣ солнца, но складывается она въ тихій ночной часъ.

Король Скуле. Кто подарилъ тебя скорбью, Ятгейръ?

Ятгейръ. Та, которую я любилъ.

Король Скуле. Такъ она умерла?

Ятгейръ. Нѣтъ, измѣнила.

Король Скуле. И ты сталъ скальдомъ?

Ятгеръ. Да, и я сталъ скальдомъ.

Король Скуле (хватая его за руку). Какого дара мнѣ недостаетъ, чтобы стать королемъ?

Ятгейръ. Не дара сомнѣнія, а то вы не задали бы мнѣ такого вопроса.

Король Скуле. Какого же дара мнѣ недостаетъ?

Ятгейръ. Государь, вы и такъ король.

Король Скуле. Во всякій ли часъ чувствуешь ты себя призваннымъ скальдомъ?

Ятгейръ (молча смотритъ на него съ минуту). Вы никогда не знавали любви?

Король Скуле. Знавалъ однажды... пылкую, прекрасную и грѣховную.

Ятгейръ. У васъ есть супруга.

Король Скуле. Ее взялъ я, чтобы имѣть сыновей.

Ятгейръ. Но у васъ дочь, государь, кроткая, прекрасная дочь.

Король Скуле. Будь моя дочь сыномъ, я не спрашивалъ бы у тебя, какого дара мнѣ недостаетъ. (Съ внезапнымъ порывомъ). Мнѣ надо имѣть подлѣ себя кого-нибудь, кто не зналъ бы иной воли, кромѣ моей, повиновался бы мнѣ слѣпо... вѣрилъ бы въ меня непоколебимо, прилѣпился бы ко мнѣ всей душой—на добро и на зло, жилъ бы лишь для того, чтобы освѣщать и согрѣвать мою жизнь, и умеръ бы, если я паду. Дай мнѣ совѣтъ, скальдъ!

Ятгейръ. Купите себѣ собаку, государь.

Король Скуле. А человѣка на это не хватитъ?

Ятгейръ. Такого долго пришлось бы вамъ искать.

Король Скуле (внезапно). Хочешь ты быть имъ, Ятгейръ? Хочешь быть мнѣ сыномъ? Ты унаслѣдуешь корону Норвегіи... Ты обрѣтешь страну и государство, если согласишься быть мнѣ сыномъ, жить для моего дѣла и вѣрить въ меня!

Ятгейръ. А какой поруки потребовали бы вы отъ меня въ томъ, что я не кривлю душой?

Король Скуле. Откажись отъ своего призванія; не слагай больше пѣсенъ, и я повѣрю тебѣ!

Ятгейръ. Нѣтъ государь, слишкомъ дорого обошлась бы мнѣ корона.

Король Скуле. Поразмысли хорошенько! Король выше скальда!

Ятгейръ. Не всегда.

Король Скуле. Ты пожертвуешь лишь несложенными пѣснями.

Ятгейръ. Несложенныя пѣсни всегда самыя прекрасныя.

Король Скуле. Но мнѣ надо... найти человѣка, который бы вѣрилъ въ меня! Лишь одного единаго! Я чувствую, будь онъ у меня—я спасснъ.

Ятгейръ. Вѣрьте въ себя сами, и вы спасены!

Поль Флида (вбѣгаетъ). Король Скуле, защищайтесь! Гоконъ Гоконсёнъ со всѣмъ своимъ флотомъ стоитъ у мыса Эльгъяра!

Король Скуле. У мыса Эльгъяра... Значитъ, недалеко.

Ятгейръ. Облекитесь въ доспѣхи! И если суждено кому пасть сегодня ночью, я съ радостью первый сложу за васъ голову!

Король Скуле. Ты? Когда ты не захотѣлъ жить для меня!

Ятгейръ. Можно сложить свою голову за дѣло другого, но жить можно лишь для своего!

ПЕРЕВ. ГАНЗЕНЪ.

Брандъ.

Сочельникъ въ пасторскомъ домѣ. Въ комнатѣ темно. Въ средней стѣнѣ входная дверь. Въ одной изъ боковыхъ окно; въ другой дверь. Агнесъ, въ траурѣ, стоитъ у окна, вперивъ взоръ въ ночную тьму.

Агнесъ.

Нѣтъ все, и нѣтъ! О, какъ ждать тяжело,
Въ мракъ посылать безотвѣтный
Окликъ тоскливый одинъ за другимъ!
Хлопьями падаетъ мягко
Снѣгъ и, какъ саваномъ, церковь одѣлъ.
(Прислушивается).
Чу... заскрипѣла калитка...
Твердые слышу мужскіе шаги!
(Бѣжитъ и отворяетъ дверь).

Брандъ, это ты? О, входи же!

(Брандъ входитъ весь запорошенный снѣгомъ, въ верхней одеждѣ, которую снимаетъ съ себя.)

Агнесъ (обнимая его).

Какъ тебя не было долго со мной!
Я заждалась, истомилась...
Не покидай меня Брандъ! Я стряхнуть
Черныя мысли не въ силахъ,
Если одна остаюсь. Эта ночь,
Эти два дня—о, мой Боже!
Что это были за дни и за ночь!

Брандъ. Полно; опять я съ тобою.

(Зажигаетъ свѣчу, которая слабо озаряетъ комнату.)

Какъ ты блѣдна!

Агнесъ. Истомилась я, Брандъ!
Долго смотрѣла въ тьму ночи,
Слышала, звуки ловила. Потомъ
Вить ему стала вѣночекъ.
Вышелъ онъ малъ, но мнѣ негдѣ достать
Зелени больше; я съ лѣта
Кустикъ лелѣяла къ елкѣ ему;
Кустикомъ Альфа онъ звался...
Вотъ и достался ему, но—вѣнкомъ!

(Заливаясь слезами.)

Видишь, успѣло ужъ снѣгомъ
Наполовину его занести
Тамъ... тамъ...

Брандъ. ...на кла́дбищѣ, Агнесъ.

Агнесъ. Ахъ, это слово!

Брандъ. Довольно, не плачь.

Агнесъ. Да... но имѣй же терпѣнье!
Все еще кровью исходитъ душа;
Рана свѣжа еще слишкомъ;
Я ослабѣла. Но скоро опять
Справлюсь, окрѣпну. Мнѣ только
Первые дни пережить бы... и ты
Жалобъ моихъ не услышишь!

Брандъ. Праздникъ великій встрѣчаютъ ли такъ?

Агнесъ. Знаю... но будь терпѣливѣй!

Вспомни, въ сочельникъ прошедшій игралъ
Онъ у меня на колѣняхъ—
Рѣзвый, здоровый, теперь же лежитъ...
Тамъ... тамъ...

(Содрогается, не въ силахъ произнести слова).

Брандъ (съ удареніемъ) ...на кла́дбищѣ, Агнесъ.

Агнесъ (вскрикиваетъ) Не называй же! Не надо, молю!

Брандъ. Надо, и громче, сильнѣе!
Если тебя это слово страшитъ—
Съ силой прибоя морского
Пусть раздается!

Агнесъ. Страдаешь ты самъ
Больше отъ этого слова,
Чѣмъ показать мнѣ желаешь. На лбу
Вижу я крупныя капли
Пота, которыхъ то стоитъ тебѣ.

Брандъ. Пѣною съ фьорда мнѣ брызнулъ
Вѣтеръ въ лицо.

Агнесъ. А въ глаза тебѣ съ горъ
Снѣгу нанесъ, что, растаявъ,
Влагой наполнилъ ихъ? Нѣтъ, горяча
Слишкомъ та влага; я знаю—
Въ сердцѣ источникъ ея.

(Агнесъ отворяетъ дверь и входитъ, держа въ рукахъ зажженныя свѣчи; по комнатѣ разливается яркій свѣтъ).

Агнесъ. Огни рождественскіе, Брандъ.

Брандъ (тихо) Рождественскіе...

Агнесъ (тихо про себя, убирая комнату).
Вотъ тутъ передъ окномъ поставлю свѣчи.
Ловилъ ручонками своими онъ
Въ сочельникъ прошлый эти огоньки...
Здоровый былъ, веселый... Все тянулся
Онъ къ нимъ, малютка; спрашивалъ меня—
Не солнышко ли это. (Поправляя свѣчи). Пусть же льется
Въ окошко свѣтъ и озаряетъ... мѣсто,
Гдѣ онъ теперь. И пусть онъ самъ оттуда

Глядитъ на огоньки родного дома,
Любуется рождественскимъ убранствомъ.—
Но стекла запотѣли... Погоди...

(Протираетъ стекла въ окнѣ).

Брандъ (слѣдящій за ней глазами, про себя).
Когда жъ утихнетъ это море скорби,
Когда кипѣть и биться перестанетъ?
Пора.

Агнесъ (про себя).
Ну вотъ, теперь прозрачны стекла.
Какъ будто я сняла перегородку,
И комната какъ будто стала больше.
А жесткая, холодная земля
Уютною постелькой сразу стала,
Гдѣ можетъ спать онъ крѣпкимъ, сладкимъ сномъ!

Брандъ. Что дѣлаешь ты, Агнесъ?

Агнесъ. Тише, тише!

Брандъ (подходя къ ней).
Зачѣмъ отдернула ты занавѣски?

Агнесъ. Ахъ, то былъ сонъ; уже проснулась я!

Брандъ. Во снѣ намъ часто сѣти разставляетъ
Соблазнъ грѣха. Задерни занавѣски.

Агнесъ (умоляюще). О, Брандъ!

Брандъ. Прикрой плотнѣй и ставни.

Агнесъ. Брандъ..! Не будь же такъ жестокъ, несправедливъ!

Брандъ. Закрой.

Агнесъ (закрывая ставни).
Теперь все наглухо закрыто.
Но вѣрю—не прогнѣвался Господь
За то, что мигъ одинъ пила въ мечтахъ я
Изъ чаши утѣшенія...

Брандъ. Конечно.
Онъ—мягкій и податливый судья,
И отъ тебя на вѣкъ не отвернется
За маленькое идолопоклонство!

Агнесъ (заливаясь слезами.)
О, гдѣ же требованьямъ, Брандъ, конецъ?
Душа устала... опустила крылья.

Брандъ. Я говорилъ тебѣ—не можешь всѣмъ
Пожертвовать, такъ остальныя жертвы
Не стоятъ ничего.
Агнесъ. Но принесла
Я въ жертву все, что лишь имѣла только.
Брандъ (качая головой).
За жертвой той должны итти другія.
Агнесъ (горько улыбаясь).
Такъ требуй, если есть что взять съ меня.
Брандъ. Давай!
Агнесъ. Бери! Но что возьмешь ты съ нищей?
Брандъ. Твою тоску, твои воспоминанья
И наслажденье горькое печалью.
Агнесъ (въ отчаяніи.)
Отъ сердца изболѣвшаго остался
Лишь корень—вырви же его!
Брандъ. О, если
Не можешь не оплакивать утраты—
Какъ въ пропасть бросила ты жертву, даромъ.
Агнесъ (содрогаясь).
Какъ крутъ, тернистъ путь Бога твоего!
Брандъ. Для воли нашей путь одинъ. Другого
Не можетъ быть.
Агнесъ. А милосердья путь..?
Брандъ (рѣзко).
Онъ жертвенными камнями усѣянъ.
Агнесъ (устремивъ взглядъ въ пространство, говоритъ потрясенная).
Какъ будто бездна вдругъ передо мною
Открыла глубь свою—мнѣ сокровенный
Глубокій смыслъ Писанья словъ открылся,
Которыхъ до сихъ поръ не понимала!
Брандъ. Какихъ?
Агнесъ. Умретъ Іегову узрѣвшій...
Брандъ (отшатнувшись).
Горе! Какой зажигаешь
Свѣтъ предо мною убійственный! Нѣтъ,
Нѣтъ, ни за что! Не могу я!
Силу ты знаешь мою, но тебя
Мнѣ потерять не подъ силу.

Пусть все другое, всего пусть лишусь,
Всякой побѣды, награды,
Лишь не тебя, не тебя, не тебя!

Агнесъ. Выбери. Ты на распутьѣ.
Свѣточъ во мнѣ погаси и запри
Радости свѣтлой источникъ;
Къ днямъ слѣпоты меня прежней верни,
Вновь погрузи меня въ тину,
Гдѣ прозябала я прежде, грѣша!
Все это властенъ ты сдѣлать,
Въ выборѣ воленъ; въ сравненьѣ съ тобой,
Съ волей твоей я—песчинка.
Крылья подрѣжь мнѣ и душу свяжи,
Гири свинцовыя будней
На ноги мнѣ привяжи и столкни
Внизъ меня снова, откуда
Самъ же ты поднялъ меня; предоставь
Жить—умереть мнѣ во мракѣ!
Если такъ хочешь и можешь ты, Брандъ—
Я, какъ жена, повинуюсь.
Выбери. Ты на распутьѣ стоишь!

Брандъ. Горе мнѣ, горе мнѣ, если бъ
Этого я захотѣлъ!— Но вдали,
Въ мѣстѣ иномъ ты могла бы,
Свѣтъ не гася въ себѣ, снова ожить.

Агнесъ. Развѣ не здѣсь твое мѣсто?
Или призваньемъ и жертвой къ нему
Ты не прикованъ? Забылъ ты
Сотни овецъ, для которыхъ ты быть
Пастыремъ добрымъ обязанъ?
Ихъ поручилъ тебѣ Богъ, и взялся
Ты ихъ пасти неусыпно,
Путь ихъ направить, къ Отцу привести.—
Выбери. Ты на распутьѣ!

Брандъ. Выбора нѣтъ у меня.

Агнесъ (бросаясь къ нему на грудь.). Какъ за все,
Такъ и за это спасибо!
Слабую ты до конца поддержалъ.
Меркнетъ въ глазахъ... но вѣдь будешь
Бодрствовать ты у одра моего!

Брандъ. Съ миромъ усни! День твой конченъ!

Агнесъ. Конченъ; ночные огни зажжены.
Силы ушли на побѣду.
Какъ я устала!.. Но все же легко
Господа славить душою!
Брандъ... доброй ночи!

Брандъ. Спокойно усни!

Агнесъ. Да, я усну.—Доброй ночи,
Другъ мой... спасибо, спасибо за все!

(Уходитъ).

Брандъ (прижимаетъ руки къ груди).
Вѣрь до конца себѣ, сердце мое:
Все проигравъ—побѣждаешь,
Все потерявъ—обрѣтаешь;
То лишь, что умерло, вѣчно твое!

ПЕРЕВ. ГАНЗЕНЪ.

Строитель Сольнесъ.

Строитель Сольнесъ (поднимается по лѣстницѣ изъ сада). Тутъ кто-то меня спрашивалъ, слыхалъ я.

Гильда. Да, я спрашивала васъ, строитель.

Сольнесъ. Ахъ, вы, Гильда. А я уже боялся, не Алина ли съ докторомъ.

Гильда. Вы, кажется, вообще очень боязливы!

Сольнесъ. Вы думаете?

Гильда. Вотъ, говорятъ, что вы боитесь, напримѣръ, лазить по лѣсамъ.

Сольнесъ. Ну, тутъ совсѣмъ особенныя обстоятельства.

Гильда. Но все-таки вы боитесь? такъ вѣдь?

Сольнесъ. Такъ.

Гильда. Боитесь, что упадете и убьетесь до смерти?

Сольнесъ. Нѣтъ, не этого.

Гильда. Чего же?

Сольнесъ. Я боюсь возмездія, Гильда.

Гильда. Возмездія! (Качаетъ головою). Этого я не понимаю.

Сольнесъ. Садитесь. Я вамъ разскажу кое-что.

Гильда. Ахъ да, разскажите! Сейчасъ же! (Садится на табуретъ около перилъ и смотритъ на него съ ожиданіемъ).

Сольнесъ (бросаетъ свою шляпу на столъ). Вы уже знаете, что строить я началъ съ церквей?

Гильда (киваетъ головой). Знаю.

Сольнесъ. Я, видите ли, выросъ въ набожной крестьянской семьѣ. И мнѣ казалось, что нѣтъ ничего болѣе возвышеннаго, какъ именно строить церкви.

Гильда. Почему же нѣтъ?

Сольнесъ. И могу сказать—я строилъ эти маленькія, бѣдныя церкви съ такою чистою, горячею, душевною вѣрою, что... что...

Гильда. Что?.. Ну?

Сольнесъ. Что онъ долженъ былъ остаться мною доволенъ.

Гильда. Онъ? Кто онъ?

Сольнесъ. Онъ, для котораго эти церкви предназначались, конечно. Онъ, во чью славу и честь строились.

Гильда. Ахъ такъ! А вы, навѣрное, знаете что онъ не былъ доволенъ вами?

Сольнесъ (насмѣшливо). Онъ—доволенъ мною! Какъ вы можете такъ говорить, Гильда? Онъ, который позволилъ чудовищу распоряжаться мною по собственному усмотрѣнію. Онъ, который имъ велѣлъ быть день и ночь около меня и мнѣ прислуживать... всѣмъ этимъ... этимъ...

Гильда. Бѣсамъ...

Сольнесъ. Да, всевозможнымъ бѣсамъ. О нѣтъ, мнѣ уже приходилось испытывать недовольство собою. (Таинственно). Это, видите ли, было причиною, почему онъ далъ старому дому сгорѣть.

Гильда. Это?

Сольнесъ. Да, развѣ вы не понимаете? Онъ хотѣлъ дать мнѣ возможность стать мастеромъ по моей части—и строить для него самые величественные храмы. Сначала я не понялъ, чего именно онъ хотѣлъ отъ меня, но потомъ меня сразу осѣнило.

Гильда. Когда это было?

Сольнесъ. Когда я строилъ церковную башню у васъ въ Люзангерѣ.

Гильда. Такъ я и думала.

Сольнесъ. Тамъ, видите ли, Гильда, въ чужомъ городѣ, мнѣ никто не мѣшалъ отдаться своимъ мыслямъ. И тутъ я ясно понялъ, почему онъ отнялъ у меня моихъ малютокъ. Для того, чтобы на свѣтѣ я не былъ ничѣмъ связанъ—ни любовью, ни счастьемъ. Я долженъ былъ быть только строителемъ. И ничѣмъ больше. Вся моя жизнь должна была быть посвящена тому, чтобы строить только для него. (Смѣется). Но, конечно, изъ этого ничего не вышло.

Гильда. Что же вы дѣлали?

Сольнесъ. Сначала я все пробовалъ, испытывалъ себя...

Гильда. А потомъ?

Сольнесъ. Потомъ я сдѣлалъ невозможное. Я—какъ онъ!

Гильда. Невозможное?

Сольнесъ. Я раньше никогда не рѣшался свободно подняться на высоту. Но въ тотъ день—я рѣшился на это.

Гильда (вскакиваетъ). Да, да вы взошли!

Сольнесъ. И когда я стоялъ на самомъ верху и вѣшалъ вѣнокъ на флюгеръ, я сказалъ ему: теперь слушай меня, всемогущій! Отнынѣ я хочу быть свободнымъ строителемъ—въ своей области,

какъ ты въ своей. Я не хочу больше строить церквей для тебя, а лишь семейные очаги для людей.

Гильда (съ большими, сіяющами глазами). Это было то пѣніе, которое я слышала въ воздухѣ.

Сольнесъ. Но правымъ впослѣдствіи оказался онъ.

Гильда. Какъ такъ?

Сольнесъ (смотритъ на нее уныло). Строить семейные очаги для людей—не стоитъ ломанаго гроша, Гильда.

Гильда. Такъ вы думаете теперь?

Сольнесъ. Да, теперь я это вижу. Людямъ совсѣмъ не нужны семейные очаги, во всякомъ случаѣ для того, чтобы быть счастливыми, и мнѣ самому не нуженъ былъ такой очагъ—т. е. если бы даже онъ у меня былъ. (Съ тихимъ, горькимъ смѣхомъ). Вотъ итогъ всей жизни, какъ оглянешься назадъ. Ничего не выстроено, въ сущности говоря. И не было никакихъ жертвъ ради возможности строить. Ничего, ровно ничего. Не на чемъ остановиться.

Гильда. И вы не хотите строить больше ничего новаго.

Сольнесъ (оживленно). Нѣтъ, именно теперьто я и хочу начать строить!

Гильда. Что? Что же? Скажите сейчасъ!

Сольнесъ. Единственное, гдѣ, по-моему, можетъ жить человѣческое счастье—вотъ, что я хочу теперь строить?

Гильда (пристально смотритъ на него). Строитель, вы теперь думаете о воздушныхъ замкахъ?

Сольнесъ. Да, именно о воздушныхъ замкахъ

Гильда. Я боюсь, что прежде чѣмъ мы пройдемъ и полъ-дороги, у васъ закружится голова.

Сольнесъ. Нѣтъ, если я пойду съ вами рука объ руку, Гильда.

Гильда (съ оттѣнкомъ подавляемаго гнѣва). Только со мною? Другихъ развѣ вамъ не нужно?

Сольнесъ (рѣзко). На это я вамъ не отвѣчу. Вы должны вѣрить въ меня безусловно и всецѣло.

Гильда. Я цѣлыхъ десять лѣтъ вѣрила въ васъ непоколебимо.

Сольнесъ. Продолжайте это дѣлать и впредь.

Гильда. Да, если я снова увижу васъ на высотѣ, свободнымъ и гордымъ!

Сольнесъ (уныло). Ахъ, Гильда—не такой я въ будничные-то дни.

Гильда (страстно). Я хочу этого! Я хочу. (Умоляюще). Еще только одинъ разъ, строитель! Сдѣлайте еще разъ это невозможное!

Сольнесъ (смотритъ на нее глубокимъ взглядомъ). Если я пойду на это, Гильда, я опять тамъ наверху буду говорить съ нимъ, какъ тотъ разъ.

Гильда (съ возрастающимъ напряженіемъ). Что же вы ему скажете?

Сольнесъ. Я скажу ему: слушай меня, всемогущій—ты можешь судить меня, какъ хочешь. Но отнынѣ я буду строить лишь чудеснѣйшее въ мірѣ.

Гильда (въ экстазѣ). Да... да!

Сольнесъ. Я буду строить вмѣстѣ съ принцессой, которую я люблю...

Гильда. Да, скажите ему это! Скажите ему это!

Сольнесъ. И потомъ я скажу ему: теперь я сойду внизъ и обниму и поцѣлую ее.

Гильда. Много разъ скажите ему!

Сольнесъ. Много, много разъ, скажу я.

Гильда. А потомъ?

Сольнесъ. А потомъ я взмахну шляпой, сойду внизъ—и сдѣлаю, какъ говорилъ.

Гильда (съ протянутыми руками). Теперь я снова вижу васъ такимъ, какъ тотъ разъ, когда ко мнѣ доносилось пѣніе сверху!

Сольнесъ (смотритъ на нее съ поникшей головой). Какъ вы сдѣлались такою, Гильда?

Гильда. Какъ вы меня сдѣлали такою?

Сольнесъ (коротко, твердо). Принцесса должна получить свой замокъ.

Гильда (торжествующе хлопаетъ въ ладоши). Ахъ, строитель! Мой чудный, чудно-прекрасный замокъ! Нашъ воздушный замокъ!

ПЕРЕВ. А. З.

АВГУСТЪ СТРИНБЕРГЪ.

Р. 1849.

Уединеніе.

Таково, въ концѣ концовъ, уединеніе; закутаться въ пелену собственной души, окуклиться и ждать метаморфозы, такъ какъ она не замедлитъ явиться. Жить собственной жизнью и телепатически—жизнью другихъ. Смерть и воскресеніе, подготовленіе къ неизвѣстному новому. Словомъ, полное господство надъ своей личностью: ничьи мысли, ничьи наклонности не контролируютъ моихъ, ничьи настроенія не угнетаютъ меня. Теперь только душа растетъ свободно, испытываешь чувство неизвѣданнаго внутренняго мира и тихой радости, чувство безопасности и отвѣтственности передъ самимъ собой. Вспоминая общежитіе, которое должно было служить мнѣ воспитаніемъ, я нахожу, что это была только общая школа порока. Ежеминутно видѣть безобразное,—мученіе для человѣка съ чувствомъ красоты, мученіе, которое, къ тому

же, соблазняетъ, чтобы считать себя мученикомъ. Изъ снисхожденія закрывать глаза на несправедливость—это воспитываетъ человѣка въ лицемѣра. Все изъ того же снисхожденія пріучаться подавлять свои взгляды—это дѣлаетъ человѣка трусомъ. Наконецъ, изъ любви къ миру брать на себя вину за проступки, которыхъ не совершалъ, это незамѣтно унижаетъ, такъ что въ одинъ прекрасный день начинаешь считать себя несчастнымъ. Никогда не слыша слова ободренія, теряешь мужество и чувство собственнаго достоинства, а послѣдствія чужой вины, взятой на себя, вызываютъ ненависть къ людямъ и міровому порядку.

Въ одиночествѣ я выигралъ еще и то, что самъ могу выбирать свою духовную пищу. Мнѣ нѣтъ надобности видѣть въ моемъ домѣ враговъ за моимъ столомъ и молча выслушивать, какъ они поносятъ то, что я глубоко уважаю. Я не обязанъ выслушивать въ своей квартирѣ музыку, которую ненавижу. Я освобожденъ отъ чтенія книгъ, которыя презираю, посѣщенія выставокъ и удивленія передъ картинами, которыхъ не признаю. Однимъ словомъ, я повелѣваю своей душѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы въ правѣ повелѣвать, и могу самъ выбирать свои симпатіи и антипатіи. Я никогда не былъ тираномъ, но я всегда старался избѣжать тираніи, а этого деспотическіе люди не терпятъ. Кромѣ того, я всегда ненавидѣлъ тиранію, а тираны этого не прощаютъ.

Я всегда стремился все выше и впередъ и потому обладалъ преимуществами поредъ тѣми, которые желали видѣть меня униженнымъ. Оттого я сталъ одинокъ.

Первое, къ чему приходишь въ одиночествѣ, это къ окончательному разсчету съ самимъ собой и съ прошлымъ. Это долгая работа и въ этой борьбѣ съ собой цѣлая система воспитанія. Но вѣдь познаніе самого себя, если оно возможно, наиболѣе благодарный трудъ... Правда, здѣсь приходится иногда довѣряться зеркалу, иначе вѣдь не узнаешь, какъ выглядишь, особенно сзади...

Я приступилъ къ окончательному разсчету десять лѣтъ тому назадъ, когда я познакомился съ Бальзакомъ. Во время чтенія его пятидесяти томовъ, я не замѣчалъ, что происходило во мнѣ, пока я не кончилъ. Тогда я нашелъ самого себя и могъ придти къ синтезу всѣхъ неразрѣшенныхъ антитезъ моей жизни. Благодаря тому, что я посмотрѣлъ на людей въ его бинокль, я научился видѣть жизнь обоими глазами, между тѣмъ какъ раньше я смотрѣлъ на нее въ монокль и видѣлъ только однимъ глазомъ. А онъ, великій волшебникъ, даже не далъ мнѣ ни извѣстнаго смиренія, ни вѣры въ судьбу или провидѣніе, которое раньше пощадило меня отъ наиболѣе мучительныхъ ударовъ. Онъ только вселилъ въ меня контрабандой особую религію, которую и назвалъ бы невѣрующимъ христіанствомъ. Пока я слѣдовалъ за Бальзакомъ въ его человѣческой комедіи, въ которой я познакомился съ четырьмя тысячами людей (одинъ нѣмецъ сосчиталъ ихъ), мнѣ казалось, что я живу другой жизнью, болѣе широкой и богатой, чѣмъ моя собственная, такъ что въ концѣ получилось впечатлѣніе, какъ будто я прожилъ двѣ человѣческія жизни. Но его міръ заставилъ меня посмотрѣть на мой собственный съ новой точки зрѣнія. Послѣ борьбы и повторныхъ кризисовъ, я почувствовалъ въ концѣ концовъ нѣчто вродѣ примиренія со страданіемъ, такъ какъ я открылъ въ то же время, что горе и страданія сжигаютъ, если можно такъ выразиться, соръ нашей души, облагораживаютъ наши инстинкты и чувства и сообщаютъ душѣ, освободившейся отъ изможденнаго тѣла, новыя способности. Съ тѣхъ поръ я выпивалъ горькую чашу жизни, какъ лѣкарство, и считалъ своей обязанностью переносить все—кромѣ униженія и неволи!

Но уединеніе дѣлаетъ также человѣка впечатлительнымъ и, если я прежде вооружался противъ страданія—суровостью, то теперь я сталъ чувствительнѣе къ чужому горю, сталъ добычей внѣшнихъ вліяній, хотя и не дурныхъ. Послѣднія

только пугали меня и заставляли еще больше уходить въ себя. Я искалъ тогда отдаленныя мѣста для прогулки, гдѣ я могъ встрѣтить только маленькихъ людей, не знавшихъ меня. У меня есть одна особенная дорога, которую я называю via dolorosa и которой пользуюсь въ часы, мрачные болѣе обыкновеннаго. Это крайняя граница города къ сѣверу, которую образуетъ аллея изъ ряда домовъ съ одной стороны, и лѣса—съ другой. Пройдя аллею, большіе новые дома начинаютъ постепенно исчезать, каменистые холмы становятся выше, тянется табачное поле. Вотъ стоитъ табачный амбаръ, который я помню съ 1859 г.—я въ немъ игралъ ребенкомъ. Въ хижинѣ, которой уже нѣтъ теперь, жила тогда поденщица, служившая раньше у моихъ родителей няней... Здѣсь были деревья и цвѣтущія травы, паслись коровы и расхаживали куры—это была деревня!—И вотъ я погрузился въ далекое прошлое, въ ужасное дѣтство, когда неизвѣстная жизнь лежала предо мной и пугала меня, когда все давило, стѣсняло!.. Мнѣ стоитъ только повернуться на каблукахъ и все это опять будетъ позади. И я такъ и дѣлаю, но я все еще вижу вдали верхушки липъ на длинной улицѣ, напоминающей мое дѣтство, и подобные облакамъ контуры сосенъ у городского кладбища.

Я отвернулся... И когда я смотрю теперь внизъ, на аллею, на утреннее солнце вдали надъ синѣющими холмами на берегу, я въ одну секунду забываю все это, вмѣстѣ съ моимъ дѣтствомъ, которое до такой степени сплетается съ дѣтствомъ другихъ, что оно даже не мое. Моя же собственная жизнь начинается только тамъ, у моря. Уголъ близъ табачнаго амбара внушаетъ мнѣ отвращеніе, но онъ иногда удивительно влечетъ меня, какъ и все вообще мучительное. Нѣчто подобное испытываютъ, вѣроятно, дикіе звѣри на привязи, которые не могутъ ни на кого броситься.

Наслажденіе минутой, когда я поворачиваюсь на каблукахъ ко всему спиной, до такой степени интенсивно, что я иногда доставляю его себѣ. Въ

одинъ моментъ я отбрасываю отъ себя 33 года и я радъ, что стою тамъ, гдѣ стою. Въ дѣтствѣ у меня всегда было страстное желаніе „сдѣлаться старымъ".

А теперь мнѣ кажется, что у меня было тогда предчувствіе того, что мнѣ предстояло, что мнѣ и теперь кажется неизбѣжнымъ и предназначеннымъ. Моя жизнь не могла быть другой. Когда Минерва и Венера встрѣтились мнѣ на перепутьи моей юности, безполезно было бъ выбирать, и я пошелъ за обѣими, рука съ рукой, какъ это дѣлали, вѣроятно, всѣ, какъ мы и должны, быть можетъ, дѣлать.

Но вотъ я иду дальше, солнце свѣтитъ мнѣ въ лицо и я вскорѣ прихожу къ сосновому лѣсу по лѣвой сторонѣ. Здѣсь, я помню, шелъ двадцать лѣтъ тому назадъ и видѣлъ подъ собою городъ. Сюда я былъ изгнанъ за то, что профанировалъ, подобно Алкивіаду, мистеріи и разбилъ идолы. Я помню, какимъ заброшеннымъ я чувствовалъ себя, такъ какъ зналъ, что не имѣю ни одного друга! Весь городъ тамъ внизу лежалъ предо мной—одинокимъ, точно армія, и я видѣлъ лагерные огни, слышалъ бившіе въ набатъ колокола и зналъ, что меня возьмутъ голодомъ. Теперь я знаю, что я былъ правъ, ошибка же была въ томъ, что я злорадно наслаждался поднятымъ мной пожаромъ.

Уже три недѣли я ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. Голосъ мой сдѣлался какъ бы беззвучнымъ, глухимъ, неслышнымъ. По крайней мѣрѣ, когда я заговорилъ съ дѣвушкой, она не поняла меня и я долженъ былъ нѣсколько разъ повторить сказанное. Это обезпокоило меня. Уединеніе стало мнѣ казаться изгнаніемъ. У меня явилась мысль, что люди не желаютъ имѣть сношеній со мной, потому что я презираю ихъ. Въ такомъ состояніи вышелъ я вечеромъ на улицу. Я сѣлъ въ трамвай только затѣмъ, чтобы чувствовать, что я нахожусь въ одномъ помѣщеніи съ другими. Я старался прочесть по ихъ глазамъ, ненавидятъ ли они меня, но встрѣчалъ одно только равнодушіе. Я прислушивался къ ихъ разговорамъ, какъ будто я нахожусь въ обществѣ и

имѣю право принимать участіе въ бесѣдѣ по крайней мѣрѣ въ качествѣ слушателя. Когда въ вагонѣ стало тѣсно, мнѣ пріятно было, соприкасаясь локтями съ сосѣдями, испытывать прикосновеніе къ человѣческому существу.

У меня никогда не было ненависти къ людямъ, скорѣе даже противное, но я боялся ихъ съ самаго рожденія. Моя общительность всегда была настолько велика, что я могъ поддерживать отношенія со всякимъ, кто бы онъ ни былъ, а одиночество я прежде всего считалъ наказаніемъ, чѣмъ оно и можетъ быть въ дѣйствительности. Когда я, напр., спрашивалъ своихъ друзей, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ, въ чемъ здѣсь собственно заключается наказаніе, они отвѣчали: „въ одиночествѣ". На этотъ разъ я вѣдь сдѣлалъ только опытъ, могу ли я быть одинокимъ, при молчаливомъ предположеніи, что я могу разыскать своихъ знакомыхъ, если бы захотѣлъ. Но такъ какъ мысли мои расходятся съ мыслями другихъ людей, то почти все, что говорятъ другіе, оскорбляетъ меня и невинное слово я часто воспринимаю, какъ насмѣшку. Мнѣ кажется, моя судьба—быть одинокимъ, и это къ лучшему для меня. Мнѣ хочется такъ думать, иначе со всѣмъ этимъ слишкомъ трудно было бы примириться.

Въ одиночествѣ голова иной разъ черезчуръ переполнена и грозитъ взрывомъ; нужно поэтому слѣдить за собой. И я стараюсь сохранить равновѣсіе между приходомъ и расходомъ. Ежедневное писаніе мнѣ должно служить оттокомъ, а чтеніе—притокомъ. Если я цѣлый день пишу, во мнѣ къ вечеру наступаетъ пустота отчаянія. У меня такое впечатлѣніе, какъ будто мнѣ нечего больше сказать и мнѣ наступилъ конецъ. Если же я весь день читаю, я бываю такъ переполненъ, что готовъ лопнуть. Утромъ же, когда я встаю послѣ трезваго вечера и спокойнаго ночного сна, жизнь мнѣ кажется положительнызъ наслажденіемъ. Кажется, будто я возсталъ изъ мертвыхъ. Всѣ способности души возрождаются и отдохнувшія силы удесятеряются. Въ такую минуту я бы отважился измѣнить поря-

докъ, руководить судьбами народовъ, объявить войну, смѣщать династіи. Когда я читаю затѣмъ газеты и вижу по заграничнымъ телеграммамъ, что измѣнилось въ текущей міровой исторіи, я чувствую себя всецѣло въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершаются въ настоящій моментъ историческія событія. Я „современникъ“ и у меня такое ощущеніе, какъ будто я по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ принималъ участіе въ общей работѣ, чтобы превратить настоящее въ прошедшее.

Я сгораю отъ желанія взяться за работу, но я долженъ раньше погулять. Спустившись внизъ до выходныхъ дверей, я сейчасъ же рѣшаю, по какой дорогѣ мнѣ идти. Не только солнце, облака и мое настроеніе говорятъ мнѣ объ этомъ, но въ моихъ чувствахъ какъ бы заключаются барометръ и термометръ, указывающіе на мое отношеніе къ міру. Три пути я имѣю на выборъ: веселую дорогу къ зоологическому саду, оживленный путь вдоль берега и улицу, а также пустынную via qolorosa, описанную выше. Если я въ ладу съ самимъ собой, атмосфера кругомъ меня мягкая и я ищу людей. Тогда я иду къ улицамъ, въ шумную толпу и у меня такое чувство, какъ будто у меня со всѣми дружескія отношенія. Но если что-нибудь неладно, я вижу вокругъ себя только презрительные взгляды враговъ и ненависть ихъ иногда бываетъ до того велика. что я долженъ вернуться. Если я отправлюсь затѣмъ къ мѣсту у бухты съ покрытыми дубами высотами, то можетъ случиться, что природа вторитъ мнѣ и тогда я чувствую себя на своемъ мѣстѣ. Этотъ ландшафтъ я сохранилъ для себя, съ этимъ ландшафтомъ я сросся и сдѣлалъ его фономъ для моей личности. Но и природа имѣетъ свои настроенія и бываютъ дни, когда между нами нѣтъ единенія. Тогда все мѣняется: вѣтви березъ превращаются въ розги; волшебная листва орѣшника не скрываетъ больше его палокъ; дубъ съ угрозой простираетъ надо мной свои узловатыя вѣтви и у меня такое чувство, точно у меня на шеѣ ярмо, или хомутные клещи. И если я тогда обер-

нусь и увижу предъ собой южную сторону и прекрасныя очертанія города, я чувствую себя въ чужой, враждебной странѣ, а я самъ будто туристъ, видящій все это въ первый разъ, одинокій чужестранецъ, не имѣющій въ стѣнахъ города не одного знакомаго.

Тѣмъ не менѣе, когда я прихожу домой и сажусь за письменный столъ, я снова живу и силы, почерпнутыя мной извнѣ—изъ перемѣнныхъ ли токовъ дисгармоніи, или замыкающей цѣпи гармоніи—служатъ мнѣ теперь для моихъ различныхъ цѣлей. Я живу и переживаю разнообразную жизнь людей, которыхъ описываю: я веселъ съ веселыми, золъ со злыми, добръ съ добрыми. Я перестаю быть самимъ собой и говорю устами дѣтей, женщинъ, старцевъ. Я король и нищій. Я обладаю всѣми взглядами и признаю всѣ региліи. Я живу во всѣ вѣка, хотя самъ и пересталъ существовать. Это состояніе, которое даетъ невыразимое счастье.

Къ полудню оно, однако, прекращается и если я больше не пишу въ тотъ день, то мое собственное существованіе становится настолько мучительнымъ, что чѣмъ дальше подвигается вечеръ, тѣмъ я, кажется, все больше приближаюсь къ смерти. А вечеръ тянется ужасно долго. Другія люди развлекаются послѣ дневной работы разговорами, у меня же нѣтъ развлеченія. Меня окружаетъ молчаніе. Я хожу взадъ и впередъ по комнатѣ и смотрю на часы, скоро ли будетъ десять. Наконецъ, они бьютъ десять.

Когда я освобождаюсь отъ платья со всѣми гэо пуговицами, пряжками и подтяжками, душа моя точно переводитъ духъ и чувствуетъ себя свободнѣе. А когда я, совершивъ свои восточныя омовенія, ложусь въ постель, все существующее расплывается. Желаніе жить, борьба, споры прекращаются и стремленіе ко сну подобно стремленію къ смерти.

ПЕРЕВ. ГИБЕРМАНЪ.

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЕФЪ.

Р. 1858.

Смерть избавительница.

ИЗЪ „ІЁСТЫ БЕРЛИНГА".

Мой блѣдный другъ, смерть избавительница, пришла въ августѣ, когда ночи озарены блѣднымъ луннымъ сіяніемъ. Но она не посмѣла сразу войти въ гостепріимный домъ, ибо не многіе любятъ ее.

Мой блѣдный другъ, смерть избавительница, имѣетъ мужественное сердце. Нестись по воздуху на раскаленныхъ пушечныхъ ядрахъ—для нея истинное наслажденіе. Она хохочетъ, когда шипящая граната разрывается на куски... Она кружится въ дикой пляскѣ на кладбищахъ и не боится чумныхъ отдѣленій въ больницахъ, но она дрожитъ на порогѣ благочестивыхъ людей, у дверей добрыхъ. Ибо она любитъ, чтобы ее встрѣчали не со слезами, а съ тихой радостью, какъ и подобаетъ той, которая

освобождаетъ душу отъ тѣлесныхъ оковъ и страданій и даетъ ей возможность насладиться великолѣпной жизнью въ пространствѣ.

Въ старой рощѣ за домомъ, гдѣ и сегодня еще узкія, бѣлоствольныя березы вытягиваютъ къ нѣбу свои жидкія вѣтви, стараясь уловить побольше свѣта, тамъ притаилась смерть. Въ этой рощѣ, которая тогда была молода и полна тѣнистой зелени, скрывался мой блѣдный другъ въ продолженіе дня, а ночью онъ стоялъ на опушкѣ, бѣлый и блѣдный, со сверкающей въ лунномъ свѣтѣ косой.

О, Эротъ! Какъ часто ты царилъ въ этой рощѣ! Старики многое могли бы поразсказать о томъ, какъ любящія пары искали уединенія въ ея прохладной тѣни. И теперь еще, когда мнѣ приходится проѣзжать мимо Берга и я ворчу на крутыя горы и удушливую пыль, я не могу безъ чувства радости смотрѣть на эту рощу съ блестящими бѣлыми стволами, которые точно сіяютъ воспоминаніями молодой, прекрасной человѣческой любви.

Но тогда тамъ скрывалась смерть, и ночныя животныя видѣли ее. Много вечеровъ подъ рядъ люди, живущія въ Берга, слышали, какъ выла лисица, предвѣщая ея приближеніе. Сѣрый ужъ пробирался по песчаной дорогѣ къ самому дому, и хотя онъ молчалъ, но всѣ понимали хорошо, что онъ приходитъ возвѣстить о приближеніи блѣдной гостьи.

Наконецъ-то, промедливъ около мѣсяца, мой блѣдный другъ, смерть избавительница, собралась съ духомъ и подошла однажды ночью къ дому. Она думала о томъ, какъ въ этомъ домѣ съ улыбкой встрѣчали голодъ и нужду... Почему же не встрѣтили бы и ее съ радостью?

Она тихо скользнула по песчаной дорожкѣ, бросая темную тѣнь на зеленую мураву, на которой сверкала роса въ лучахъ луннаго свѣта. Она пришла не какъ веселый жнецъ съ цвѣтами на шляпѣ, обнявъ молодую дѣвушку, она пришла съ согнутой спиной, какъ изнуренный больной, пряча косу въ складкахъ плаща, а совы и летучія мыши летали и кружились надъ нею.

Въ эту ночь капитанша, которая не спала и лежала съ открытыми глазами, услыхала стукъ о подоконникъ. Она поднялась въ кровати и спросила:

— Кто это стучитъ?

Старые люди разсказываютъ, что смерть отвѣтила ей: „Это смерть стучитъ".

Тогда капитанша встала, открыла окно и увидала въ лунномъ сіяніи летучихъ мышей и совъ, которыя кружились въ воздухѣ, но смерти она не видала.

— Иди,—сказала она полушопотомъ,—другъ и избавительница! Почему медлила ты? Я ждала, звала тебя. Иди и освободи моего сына!

И смерть проскользнула въ домъ, счастливая, какъ свергнутая съ трона царственная особа, которой подъ старость вновь возвращаютъ корону, счастливая, какъ дитя, которое зовутъ играть.

На слѣдующій день капитанша сѣла у изголовья своего сына и заговорила съ нимъ о блаженствѣ освобожденныхъ душъ и ихъ счастливой жизни.

— Онѣ работаютъ,—сказала она,—онѣ творятъ. Это художники, настоящіе художники, мой сынъ! Когда ты очутишься среди нихъ, то скажи, чѣмъ будешь ты? Не будешь ли ты однимъ изъ художниковъ вечерней зари? Когда я увижу великолѣпный солнечный закатъ, я подумаю: это сдѣлалъ Фердинандъ. Мой милый мальчикъ, подумай только, сколько ты увидишь, сколько у тебя будетъ работы! Подумай о всѣхъ сѣменахъ, которыя надо воскресить къ жизни весною, о буряхъ, которыми надо управлять, о снахъ, которые надо посылать на землю! Но что все это въ сравненіи съ далекими полетами черезъ безконечное пространство отъ одного міра къ другому!

— Вспомни обо мнѣ, мой мальчикъ, когда ты увидишь такъ много прекраснаго! Вѣдь твоя бѣдная мать никогда ничего другого не видала, кромѣ Вермланда.

— И вотъ однажды ты предстанешь передъ Господомъ и попросишь Его, чтобы Онъ подарилъ тебѣ одинъ изъ тѣхъ маленькихъ міровъ, которые дви-

гаются въ пространствѣ, и Онъ исполнитъ твою просьбу. Вначалѣ въ твоемъ мірѣ будутъ царить холодъ и тьма, онъ будетъ полонъ пропастей и скалъ и тамъ не будетъ ни цвѣтовъ, ни животныхъ. Но ты будешь работать на этой звѣздѣ, которую тебѣ подаритъ Богъ. Ты сотворишь тамъ свѣтъ, тепло и воздухъ и сдѣлаешь такъ, чтобы тамъ произрастали злаки, чтобы пѣли соловьи и водились газели съ ясными глазами; тамъ будутъ шумѣть водопады, ты воздвигнешь горы, а долины тѣ усѣешь алыми розами. А когда я умру, Фердинандъ, и душа моя будетъ содрогаться передъ невѣдомымъ путемъ и передъ разлукой съ родными мѣстами, то ты пріѣдешь за мной къ окну въ колесницѣ, запряженной райскими птицами, въ сверкающей золотой колесницѣ, мой Фердинандъ!

— И ты примешь мою бѣдную трепещущую душу въ свою колесницу, и она будетъ возсѣдать рядомъ съ тобой, какъ королева. И мы понесемся въ безпредѣльномъ пространствѣ мимо мерцающихъ міровъ и, приближаясь къ этимъ небеснымъ жилищамъ, которыя будутъ становиться все прекраснѣе и великолѣпнѣе, я спрошу тебя въ своемъ невѣдѣніи: „Не остановиться ли намъ здѣсь или вотъ здѣсь?“.

— Но ты только тихо улыбнешься, и мы понесемся еще быстрѣе. Наконецъ мы пріѣдемъ къ самому маленькому изъ міровъ и самому прекрасному, и тамъ мы остановимся передъ золотымъ дворцомъ, и ты введешь меня въ жилище вѣчнаго счастья.

— Тамъ житницы всегда полны. Еловый лѣсъ не заслоняетъ тамъ, какъ здѣсь въ Берга, прекрасный свѣтъ, и я буду видѣть широкое море и залитыя солнцемъ равнины, и тысяча лѣтъ тамъ будутъ, какъ одинъ день...

Мой блѣдный другъ, смерть избавительница, никогда еще ты не была принята такъ ласково...

ПЕРЕВ. М. П. БЛАГОВѢЩЕНСКАЯ.

Засуха.

Если неодушевленные предметы могутъ любить, если земля и вода могутъ различать друзей отъ недруговъ, то я очень хотѣла бы обладать ихъ любовью. Я хотѣла бы, чтобы мои шаги не казались зеленѣющей землѣ тяжелыми. Я хотѣла бы, чтобы она простила, что ее ради меня тревожатъ плугомъ и бороной, чтобы она охотно раскрыла свои объятія для моего мертваго тѣла. Я хотѣла бы также, чтобы вода, зеркальную поверхность которой я разбиваю моимъ весломъ, была со мной такъ же терпѣлива, какъ мать съ рѣзвымъ ребенкомъ, который влѣзаетъ къ ней на колѣни, не обращая вниманія на гладкій шелкъ ея праздничнаго платья. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы прозрачный воздухъ надъ голубыми горами и ослѣпительное солнце, и прекрасныя звѣзды были моими друзьями. Часто мнѣ кажется, что и неодушевленные предметы въ природѣ чувствуютъ и страдаютъ вмѣстѣ съ живыми существами. Грань между неодушевленными предметами и нами не такъ ощутительна, какъ думаютъ это люди. Едва ли на землѣ существуетъ хоть одинъ атомъ, который не принималъ когда-нибудь участія въ жизненномъ круговоротѣ. Кто знаетъ, не былъ ли когда-нибудь этотъ прахъ, разлетающійся по дорогѣ, шелковистыми волосами, которые ласкали? Не текла ли когда-нибудь вода, стоящая въ колеяхъ, какъ кровь по горячимъ жиламъ?

Духъ жизни сохранился еще въ неодушевленныхъ предметахъ. Чувствуетъ ли что-нибудь этотъ духъ, спящій сномъ безъ сновидѣній? Слышитъ ли онъ голосъ Божій? Можетъ быть, онъ слышитъ даже и голосъ человѣка?

О, люди нашего вѣка развѣ вы не замѣчали этого? Когда ненависть и распря поселяются на землѣ, то и природа страдаетъ отъ этого. Тогда волны становятся дикими и алчными, какъ разбойники, поля становятся скупыми, какъ скряга.

Если бы можно было описать все то, что происходило среди людей на берегу узкаго Левена, то весь свѣтъ удивился бы этому. Въ тѣ времена просыпалась старая любовь и розгоралась новая; вспыхивала старая ненависть и затаенная месть хватала свою жертву. Всѣхъ охватило желаніе пользоваться радостями жизни: веселье и танцы, карточная игра и пьянство царили повсюду. Тогда вышло на свѣтъ Божій все то, что обыкновенно скрывается въ самой глубинѣ души.

Гдѣ скрывался порокъ, тамъ онъ выходилъ наружу, гдѣ между мужемъ и женой была маленькая преграда, тамъ она превращалась въ пропасть. Гдѣ скрывались великая добродѣтель или сильная воля, тамъ и онѣ показывались наружу. Не всегда поязлялось одно лишь зло, но время было таково, что часто добро причиняло такой же вредъ, какъ и зло. Случалось то же самое, что бываетъ въ сильную бурю въ густомъ лѣсу, когда дерево падаетъ на дерево, падающая сосна валитъ другую сосну и даже мелкій лѣсъ ломается отъ падающихъ великановъ.

Но не одни люди проявляли безпокойство и злобу. Это распространилось на все живущее. Никогда волкъ и медвѣдь не наводили такого страха, никогда лисица и филинъ не выли такъ страшно и никогда не разбойничали они съ такой дерзостью, никогда не терялось въ лѣсу столько овецъ, никогода не свирѣпствовала такъ болѣзнь среди дорогого скота.

Тотъ, кто хочетъ видѣть истинную связь во всемъ, долженъ уйти изъ города и жить въ одинокой избушкѣ на опушкѣ лѣса. Пусть онъ сторожитъ по ночамъ костры углей или же живетъ на длинномъ озерѣ день и ночь въ продолженіе свѣтлаго лѣтняго мѣсяца, пока лѣсъ медленно сплавляется въ Венернъ: тогда онъ выучится обращать вниманіе на все, что происходитъ въ природѣ, и выучится понимать, что неодушевленные предметы зависятъ отъ одушевленныхъ. Онъ убѣдится, что когда люди волнуются, то и покой неодушевленныхъ

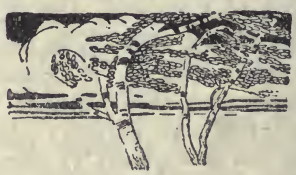
предметовъ въ природѣ также нарушается. Народъ это знаетъ. Вотъ въ такія-то времена лѣшій гаситъ костры угля, русалка разбиваетъ лодки, водяной посылаетъ болѣзни, домовой изводитъ коровъ.

Длинные дни тянулись одинъ за другимъ, а дождя все не было.

Дождь отказывался падать, земля не хотѣла кормить, вѣтри не дули. Лишь одно солнце щедро обливало землю своими горячими лучами. О, прекрасное, живительное солнечное сіяніе, какъ разсказать мнѣ объ его дурныхъ дѣяніяхъ! Солнечный свѣтъ— это то же, что и любовь: всякій знаетъ всѣ злодѣянія любви, а развѣ можетъ кто-нибудь не простить ее? Потому и молчатъ о томъ злѣ, которое она причиняетъ.

Кругомъ, куда глазъ хваталъ, видны были сожженные лѣса и выгорѣвшія поля. На жнивьѣ рожь была сложена въ стоги, но они были очень рѣдки и съ тощими снопами. Тѣ, кому надо было выжигать поля, легко справились съ работой въ этомъ году, хотя и случалось иногда, что отъ полей загорались лѣса. А что пощадилъ огонь, истребили насѣкомыя: сосновые лѣса потеряли хвою и стояли голые, какъ лиственные лѣса осенью; листья на березахъ висѣли безжизненно, съ оголившимися жилками.

ПЕРЕВ. М. БЛАГОВѢЩЕНСКАЯ.



КНУТЪ ГАМСУНЪ.

Р. 1860.

Изъ „Пана".

Около моей хижины стоялъ камень, высокій сѣрый камень. У него было выраженіе дружескаго расположенія ко мнѣ; казалось, онъ смотрѣлъ на меня, когда я проходилъ мимо него, и узнавалъ меня. Я охотно направлялъ свой путь мимо этого камня, когда я утромъ выходилъ изъ дому, точно я оставлялъ тамъ добраго друга, который будетъ дожидаться моего возвращенія.

За островами лежало море въ тяжеломъ покоѣ.

Я много разъ стоялъ и смотрѣлъ на него съ горныхъ хребтовъ, когда я взбирался высоко, высоко; въ тихіе дни корабли почти не двигались впередъ; случалось, я видѣлъ въ теченіе трехъ дней одинъ и тотъ же парусъ, маленькій и бѣлый, какъ

чайка на водѣ. Но временами, когда налеталъ вѣтеръ, дальнія горы почти исчезали, поднималась непогода, буря съ юго-запада,—зрѣлище, при которомъ я присутствовалъ, какъ зритель. Все стояло въ туманѣ, земля и небо сливались въ одно, море вздымалось въ безпорядочной воздушной пляскѣ, образовывая людей, лошадей и развѣвающіяся знамена. Я стоялъ подъ защитой скалы и думалъ о всевозможныхъ вещахъ; моя душа была напряжена. Богъ знаетъ, думалъ я, что мнѣ нынче придется увидать, и въ какомъ видѣ откроется море теперь передъ моими глазами? Быть можетъ, увижу я сейчасъ нѣдра мозга земли; увижу, какъ тамъ идетъ работа, какъ все тамъ находится въ кипѣніи! Эзопъ былъ неспокоенъ, временами онъ поднималъ морду и нюхалъ воздухъ, страдая отъ непогоды, и чуткія его ноги дрожали: такъ какъ я съ нимъ не разговаривалъ, онъ улегся между моихъ ногъ и уставился, какъ и я, на море. И ни одного возгласа, ни одного человѣческаго слова нигдѣ не было слышно, ничего, только глухой шумъ вокругъ моей головы. Далеко въ морѣ стояла скала, она стояла одна; когда море набрасывалось на нее, она выдвигалась какимъ-то сумасшедшимъ винтомъ, нѣтъ, представала какъ морской богъ, который приподнимался весь мокрый изъ воды и смотрѣлъ на міръ и фыркалъ такъ, что волосы и борода становились колесомъ вокругъ его головы. И встъ онъ опять нырялъ въ кипящій прибой.

А дождь и вѣтеръ дѣлали свое дѣло и согнали весь снѣгъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней надъ землею вѣяло враждебнымъ и холоднымъ настроеніемъ, ломились сгнившія вѣтки, и вороны собирались въ стаи и кричали. Это продолжалось недолго, солнце было близко, какъ-то разъ утромъ оно взошло изъ-за лѣса. Нѣжная полоса пронизываетъ меня сверху донизу, когда восходитъ солнце; я вскидываю ружье на плечи въ безмолвной радости.

Прошло нѣсколько дней какъ нельзя лучше; моимъ единственнымъ другомъ былъ лѣсъ и великое

уединеніе. Боже мой, я не никогда не испытывалъ большаго одиночества, чѣмъ въ первый изъ этихъ дней. Весна была во всемъ разгарѣ, я нашелъ звѣздчатку и тысячелистникъ въ полѣ, прилетѣли зяблики и синицы; я зналъ всѣхъ птицъ. Иногда я вынималъ изъ кармана двѣ монеты по двадцать четыре шиллинга и бренчалъ ими, чтобы нарушить уединеніе. Я думалъ: А что если бы пришли Дидерикъ и Изелина!

Ночей больше не бывало, солнце окунало только въ море свой дискъ и вотъ опять всходило, красное, обновленное, какъ будто оно выпило вина во время пребыванія тамъ, внизу. Какъ все странно представлялось мнѣ по ночамъ; никто не повѣритъ. Что это Панъ сидѣлъ въ деревѣ и слѣдилъ, какъ я буду вести себя? И это его животъ былъ открытъ, и это онъ такъ скорчился, что казалось, сидя, пилъ изъ своего собственнаго живота? Но все это онъ дѣлалъ только для того, чтобы потихоньку смотрѣть на меня и не выпускать меня изъ виду, и все дерево дрожало отъ его затаеннаго смѣха, когда онъ замѣчалъ, что всѣ мои мысли бѣжали вмѣстѣ со мной. Вездѣ въ лѣсу было движеніе, животныя нюхали, птицы звали другъ друга, ихъ сигналы наполняли воздухъ. Появились майскіе жуки, ихъ жужжаніе перемѣшивалось съ жужжаніемъ ночныхъ бабочекъ; словно шопотъ возникалъ то тамъ, то здѣсь по всему лѣсу. Было что послушать! Я не спалъ три ночи, я думалъ о Дидерикѣ и Изелинѣ.

Вотъ посмотри, думалъ я, они придутъ. И Изелина подманитъ Дидерика къ дереву и скажетъ:

Постой-ка здѣсь, Дидерикъ, да поглядывай, стереги Изелину; я попрошу этого охотника завязать мнѣ ремень у обуви.

И этотъ охотникъ—я, и она движеніемъ глазъ даетъ мнѣ понять это. И когда она подходитъ, мое сердце понимаетъ все, и оно перестаетъ биться оно бурно трепещетъ. А она—нагая съ головы до ногъ подъ своимъ покровомъ, и я касаюсь ее рукой. —Завяжи мнѣ ремень!—говоритъ она, и щеки у ней горятъ. И немного спустя она шепчетъ у са-

маго моего лица, у самыхъ губъ:—О, ты не завяжешь мнѣ ремня, мой милый, нѣтъ ты не завяжешь... не завяжешь мнѣ...

Но солнце окунаетъ свой дискъ въ море и вотъ снова восходитъ, красное, обновленное, какъ будто оно побывало тамъ внизу и выпило вина. А воздухъ наполненъ шопотомъ.

Часъ спустя говоритъ она у самаго моего рта:

— Теперь я должна покинуть тебя.

И она киваетъ мнѣ, уходя, и ея лицо еще горитъ, ея лицо нѣжно и восторженно. И она снова оборачивается ко мнѣ и киваетъ.

Но Дидерикъ отходитъ отъ дерева и говоритъ.

— Изелина, что ты дѣлала? Я видѣлъ.

Она отвѣчаетъ:

— Дидерикъ, что ты видѣлъ? Я ничего не дѣлала...

— Изелина, я видѣлъ, что ты дѣлала,—говоритъ онъ опять.—Я видѣлъ, Изелина.

Тутъ раздается по лѣсу ея громкій, веселый смѣхъ, и она идетъ съ Дидерикомъ дальше, ликующая и грѣшная съ головы до ногъ. А куда она идетъ? Къ ближайшему новому другу, въ лѣсъ, къ какому-нибудь охотнику.

А листва все желтѣетъ и желтѣетъ, дѣло идетъ къ осени, еще больше звѣздъ появилось на небѣ, и мѣсяцъ теперь уже похожъ на серебряную тѣнь, погруженную въ золото. Вовсе не было холодно, ничуть, только въ лѣсу была прохладная тишина, и кипѣла жизнь. Каждое дерево стояло и думало. Ягоды поспѣли.

И вотъ наступило двадцать второе августа и съ нимъ три желѣзныхъ ночи.

Первая желѣзная ночь.

Въ десять часовъ заходитъ солнце. Полупрозрачный мракъ ложится на землю, показываются двѣ-три звѣзды, два часа спустя показывается серпъ луны. Я брожу по лѣсу со своимъ ружьемъ и собакой, развожу огонекъ, и свѣтъ отъ моего костра

проникаетъ въ глубь лѣса между стволами сосенъ. Мороза нѣтъ.

Первая желѣзная ночь, говорю я. И безумная жгучая радость какъ-то странно потрясаетъ меня всего, при мысли о времени и мѣстѣ...

Вы, люди, звѣри и птицы, я пью съ вами за уединенную ночь въ лѣсу! Пью за мракъ и шопотъ бога среди деревьевъ; за нѣжное, простое благозвучіе, слышимое мной въ молчаніи; за зеленую листву и за желтую листву!.. Пью за звукъ жизни, который я слышу; за собаку, которая съ фыркающей мордой въ травѣ нюхаетъ землю!

Съ бурной радостью пью за дикую кошку, которая вытянулась всѣмъ тѣломъ, высматриваетъ и готовится прыгнуть на воробья во мракѣ, во мракѣ! Пью за кроткую тишину въ земномъ царствѣ, за звѣзды и за полумѣсяцъ, да и за нихъ, и за него!..

Я встаю и прислушиваюсь. Никто ни слышитъ меня.

Я снова сажусь.

Благодареніе за уединенную ночь, за горы, за мракъ и за шумъ моря, что шумитъ у меня въ сердцѣ! Благодареніе за жизнь, за дыханіе, за счастье жить ночью,—я благодарю за это отъ всего сердца! Послушай на востокъ и послушай на западъ, нѣтъ, послушай только! Это вѣчный Богъ. Это тишина, что шепчетъ мнѣ на ухо,—кипучая кровь великой природы, Богъ, пронизывающій міръ и меня. Я вижу блестящую нить паутины при свѣтѣ моего костра, я слышу плывущую по морю лодку, сѣверное сіяніе ползетъ вверхъ по небу на сѣверѣ. Клянусь своей безсмертной душой, о, какъ благодаренъ я и за то, что я здѣсь сижу!...

Тишина. Сосновая шишка глухо падаетъ наземъ. Упала шишка! думаю я. Мѣсяцъ—высоко, огонь мигаетъ на полусгорѣвшихъ полѣньяхъ и вотъ-вотъ погаснетъ. И поздней ночью я бреду домой.

ПЕРЕВ. С. А. ПОЛЯКОВЪ.

Изъ „Викторіи".

Да, что такое была любовь? Вѣтеръ, шумящій въ розахъ, нѣтъ, желтый блуждающій огонекъ въ крови. Любовь была адски-горячая музыка, заставляющая плясать даже сердца стариковъ. Она была какъ маргаритка, широко раскрывающаяся съ приходомъ ночи, и она была какъ анемона, что замыкается отъ малѣйшаго дыханія и умираетъ отъ прикосновенія.

Такова была любовь.

Она могла погубить человѣка, снова поднять его и снова заклеймить; она могла любить сегодня меня, завтра тебя и завтра ночью его, до того она была непостоянна. Но въ то же время она могла быть незыблема, какъ нерушимая печать, и столь же неугасимо пылать до смертнаго часа, потому что она была вѣчная. Что же тогда была любовь?

Ахъ, любовь—лѣтняя ночь со звѣздами въ небесахъ и благоуханіемъ на землѣ. Но почему же она заставляетъ юношу ходить тайными путями, и почему она заставляетъ старца стоять на цыпочкахъ въ своей одинокой комнатѣ?

Развѣ она не заставляетъ монаха прокрадываться въ закрытые сады и заглядывать ночью въ окна спящихъ? И развѣ она не поражаетъ монахиню безуміемъ и не помрачаетъ разсудокъ принцессы? Она склоняетъ голову короля до земли, такъ что его волосы подметаютъ всю дорожную пыль, и при этомъ онъ шепчетъ про себя безстыдное слово и смѣется и высовываетъ языкъ.

Такова была любовь.

Нѣтъ, нѣтъ, она была еще совсѣмъ другая, и она была какъ ни одна вещь во всемъ мірѣ. Она пришла въ весеннюю ночь на землю, когда юноша увидѣлъ пару глазъ, пару глазъ. Онъ смотрѣлъ и смотрѣлъ. Онъ цѣловалъ уста, и точно два свѣтила встрѣтились въ его сердцѣ, солнце, которое сверкало навстрѣчу звѣздѣ. Онъ упалъ въ объятія, и

тогда на всемъ свѣтѣ онъ не слышалъ и не видѣлъ больше ничего.

Любовь—первое слово Творца, первая мысль, осѣнившая Его мозгъ. Когда Онъ сказалъ: Да будетъ свѣтъ! была любовь. И все, что Онъ создалъ, было высшее благо, и поэтому Онъ ни въ чемъ не пожалѣлъ о сотворенномъ. И любовь стала источникомъ міра и царицей міра; но всѣ ея пути полны цвѣтовъ и крови, цвѣтовъ и крови.

Если кто спроситъ, что такое любовь, то она не что иное, какъ вѣтеръ, который шумитъ въ розахъ и потомъ затихаетъ. Но часто она и какъ несокрушимая печать, что хранится всю жизнь, хранится до смерти. Богъ создалъ много видовъ ея и видѣлъ, какъ она то длится, то погибаетъ.

Двѣ матери идутъ одной дорогой и бесѣдуютъ. Одна одѣта въ радостное, голубое платье, потому что ея возлюбленный вернулся домой изъ путешествія. Другая одѣта въ трауръ. У нея были три дочери, двѣ—темныхъ, третья—бѣлокурая, и бѣлокурая умерла. Это было десять лѣтъ тому назадъ, цѣлыхъ десять лѣтъ, и все же мать носитъ трауръ по ней.

— Такъ славно сегодня!—ликуетъ мать, одѣтая въ голубое, и хлопаетъ руками.—Тепло опьяняетъ меня, любовь опьяняетъ меня, я полна счастья. Я могла бы раздѣться донага здѣсь же на дорогѣ и воздѣть мои руки къ солнцу и цѣловать его.

Но одѣтая въ черное тиха, и она не улыбается и не отвѣчаетъ.

Ты все еще скорбишь о твоей маленькой дѣвочкѣ?—спрашиваетъ голубая, въ невинности своего сердца.—Развѣ уже не десять лѣтъ, какъ она умерла?

Черная отвѣчаетъ:

— Да. Теперь ей было бы пятнадцать лѣтъ.

Тогда голубая говоритъ, чтобы утѣшить ее:

— Но у тебя другія дочери въ живыхъ, у тебя двѣ остались.

Черная рыдаетъ:

— Да. Но средь нихъ нѣтъ бѣлокурой. Та, что умерла, была такая бѣлокурая.

И обѣ матери разстаются и каждая идетъ своей дорогой, каждая со своей любовью...

Но у каждой изъ двухъ темнокудрыхъ дочерей своя любовь, и онѣ любятъ одного и того же человѣка.

Онъ пришелъ къ старшей и сказалъ:

Я хочу просить у васъ добраго совѣта, потому что я люблю вашу сестру. Вчера я измѣнилъ ей, она застала меня, когда я цѣловалъ ея служанку въ корридорѣ; она слегка вскрикнула, это былъ стонъ, и прошла мимо. Что мнѣ теперь дѣлать? Я люблю вашу сестру, ради Бога переговорите съ нею и помогите мнѣ!

И старшая поблѣднѣла и схватилась за сердце; но она улыбалась, точно хотѣла благословить его, и отвѣтила:

— Я вамъ помогу.

На слѣдующій день онъ пошелъ къ младшей и бросился передъ нею на колѣни и открылъ ей свою любовь.

Она осмотрѣла его съ головы до ногъ и отвѣтила:

— Къ сожалѣнію, у меня только десять кронъ лишнихъ, если вы это имѣете въ виду. Но подите къ моей сестрѣ, у нея больше.

Съ этими словами, гордо поднявъ голову, она покинула его.

Но, придя въ свою комнату, она бросилась на полъ и ломала руки отъ любви.

ПЕРЕВ. Ю. БАЛТРУШАЙТИСЪ.

ОЛА ГАНСОНЪ.

Р. 1860.

Новелла.

Былъ уже ноябрь, деревья обнажились, и листья, мокрые и грязные, гнили на землѣ. Паркъ былъ безлюденъ въ это время года; мой другъ и я, одинокіе, молча бродили мы по извилистымъ дорожкамъ. Влажный туманъ поздней осени тяжело повисъ въ вѣтвяхъ, точно самъ сѣрый воздухъ осѣдалъ и грузно ложился на тонкую сѣть изъ вѣтокъ и сырость сгущалась въ капли; что росли и росли, отрывались и падали. Было къ вечеру, въ тотъ поздній часъ, когда близятся сумерки. Иногда мы останавливались; вокругъ насъ было сыро и тихо; гдѣ-то вдали рѣзкій свистокъ локомотива пронзилъ тишину, и вскорѣ послѣ него крикъ ребенка, пронзительный, одинокій, какъ огненная струя ракеты, которая взвивается въ воздухъ, замедляетъ свой полетъ, останавливается и гаснетъ; и безмолвіе и сѣрое пространство снова сомкнулись надъ раной, и само это безмолвіе какъ-бы сгущалось въ эти

капли, что падали и падали, одна за другою, то здѣсь то тамъ, крупныя и тяжелыя.

Мы вышли на тянувшійся вдоль опушки парка валъ, съ далекимъ и пустыннымъ видомъ на равнину и море. На одномъ изъ поворотовъ онъ расширился въ круглую открытую площадку, и мы вдругъ увидѣли женскую фигуру, въ мягкихъ очертаніяхъ, четко выступавшую на сѣромъ фонѣ, высокую и стройную, неподвижную и одинокую, въ этой онѣмѣлой и сумрачной ноябрьской обстановкѣ. Когда мы проходили мимо, она обернулась, и на этомъ лицѣ, въ складкахъ вокругъ рта и во взглядѣ темносинихъ глазъ лежалъ отпечатокъ той же сумрачной, мучительной скорби, что сквозила и въ поздней осени вокругъ насъ. На поворотѣ аллеи я оглянулся назадъ: женщина продолжала стоять все въ томъ же положеніи, неподвижная, одинокая, выдѣляясь въ сѣромъ воздухѣ,—какъ тоскливый призракъ поздней осени, какъ само воплощеніе сумерекъ.

Мой спутникъ началъ разсказывать эпизодъ изъ своей жизни; онъ смотрѣлъ прямо передъ собой, съ разсѣянной улыбкой, и говорилъ тихимъ голосомъ, точно обращался не ко мнѣ, но точно зрѣлище поздней осени и лѣтнія воспоминанія наполнили его такимъ избыткомъ волненія, что оно не вмѣщалось въ его душѣ и переливалось въ слова, безрадостно тяжелыя, какъ одинокое въ безмолвіи паденіе капель вокругъ насъ.

„Въ это мгновеніе я вижу одинъ женскій ликъ такъ отчетливо, какъ никогда не видѣлъ его послѣ того часа, когда онъ былъ предо мною въ дѣйствительности. Я не знаю, кто она была, я не знаю, какъ ее звали, и мы никогда не обмѣнялись ни единымъ словомъ; и все же это существо цѣлое лѣто занимало всѣ мои мысли и всѣ мои чувства, —то единственное, что было жизнью для меня. Когда въ мои одинокіе часы—а я только ихъ и переживаю теперь—когда я перебираю мою ушедшую жизнь и мои промелькнувшія переживанія, складываю и расчленяю—ты понимаешь, что́ я хочу

сказать, вѣдь это почти то же, что приводить въ порядокъ старыя письма и вещи на память,— когда я дѣлаю это, то далекіе два мѣсяца образуютъ одно цѣлое, и, открывая конвертъ съ этимъ числомъ, я ничего не нахожу въ немъ, кромѣ единственнаго портрета неизвѣстной и безымянной женщины, которая все же была такъ безконечно близка моей душѣ, какъ ни одна изъ всѣхъ тѣхъ, въ чьей близости я жилъ изо дня въ день въ теченіе долгихъ лѣтъ. И если бы я не встрѣтился съ нею, можетъ быть, эти два мѣсяца были бы какъ-бы вычеркнуты изъ моей жизни, точно ихъ никогда и не было; а теперь вотъ я возвращаюсь къ этому воспоминанію, какъ бы къ завѣтнѣйшему благу въ этой жизни, что мелькнуло и ушло.

Я впервые увидѣлъ ее два года тому назадъ, когда я скрылся въ Г., чтобы купаться, отдохнуть и помолодѣть на лѣтнемъ солнцѣ и морскомъ воздухѣ. Былъ сырой день съ влажнымъ темносинимъ небомъ въ черныхъ тяжелыхъ облакахъ, низко носившихся съ вѣтромъ надъ проливомъ и городомъ,—и солнечный свѣтъ чередовался съ ливнемъ. Къ вечеру стало совершенно тихо, былъ лучезарный закатъ и, когда я вышелъ на молъ, стояла холодная тишина, полная душистыхъ испареній, которыя вызвалъ дождь изъ зелени и цвѣтовъ; и воздухѣ и въ водѣ сверкали яркія краски, ставшія еще рѣзче отъ сырости,—дремотное ликованіе запаха и красокъ, какое, какъ тебѣ извѣстно, бываетъ въ подобные іюньскіе вечера. Какъ ты еще помнишь, недалеко на набережной имѣется расширеніе, и отъ него, вдоль каменной стѣны, спускается лѣстница на открытую мощеную площадь съ грудами камней, которой городскіе жители дали сентиментальное названія „Мыса Вздоховъ“, и гдѣ склонная къ тихому мечтанію и дремотѣ молодежь обыкновенно сидитъ въ лѣтніе вечера, убаюкивая свои чувства плескомъ волнъ и охлаждая ихъ соленымъ вѣтеркомъ. Тамъ оказалось много народа. Я присѣлъ на одномъ изъ камней; всѣ молчали; и только, то здѣсь, то тамъ,

слышались отдѣльныя тихія слова, которыя какъ-бы возникали изъ общаго настроенія, не ожидая и не получая никакого отвѣта; и, казалось, каждый сидѣлъ, чтобы думать .свое, и никто не рѣшался развлекать другого какимъ-нибудь пошлымъ, будничнымъ разговоромъ. Я сидѣлъ тамъ уже давно, какъ, повернувъ голову, увидѣлъ вдругъ пару глазъ, устремленныхъ на меня. Вначалѣ я ничего не видѣлъ, кромѣ этихъ двухъ глазъ, и не только мой взглядъ, но и все мое существо было захвачено и сковано вдругъ, и меня какъ-бы тянуло и влекло, что-то какъ-бы склоняло меня впередъ, и я со всѣми моими чувствами и мыслями жилъ въ глубинѣ этихъ глазъ. Когда же это прошло, и я снова пришелъ въ себя, и вернулась мысль и разсуждающій взглядъ, то я думалъ только о глазахъ на этомъ женскомъ лицѣ передо мною. Они были темносѣрые, съ почти неестественно расширенными зрачками, точно отъ безпомощно вопрошающаго страха, а въ выраженіи взгляда было нѣчто неопредѣленное, чему я не зналъ имени и чего я никогда не могъ выразить словомъ, но что я теперь снова узнаю, когда вижу эти обнаженныя деревья, и этотъ туманный воздухъ и эту одинокую женщину, и слышу, какъ, одна за другой, падаютъ эти крупныя, тяжелыя, одинокія капли... И по мѣрѣ того, какъ мой собственный взглядъ освобождался, я сталъ различать, что у нея маленькая голова и хрупкое тѣло, черное платье и блѣдное лицо, которому линіи вокругъ короткой верхней губы придавали оттѣнокъ унынія. Она была какъ тонкій бѣлый цвѣтокъ, раскрывающій свою болѣзненную красоту на осеннемъ солнцѣ среди умирающей природы. Я еще не знаю, какъ долго мы сидѣли тамъ, другъ передъ другомъ, устремивъ глаза въ глаза, потому что въ подобныя мгновенія мы теряемъ связь со всѣмъ окружающимъ, и время, какъ слабый гулъ, проносится гдѣ-то далеко, въ сторонѣ отъ насъ. Упали сумерки, всѣ краски погасли, была уже ночь, и она ушла; всталъ и я, и былъ, какъ человѣкъ,

проснувшійся отъ долгаго сна и все еще сохраняющій успокоительную легкость въ душѣ. Я направился домой, и снова, мало-по-малу, возникалъ вмѣстѣ съ дѣйствительностью, и она снова сомкнулась вокругъ меня; но во всемъ, что я встрѣчалъ, слышалъ и видѣлъ, эта внѣшняя дѣйствительность какъ-бы распадалась, растворялась и исчезала, какъ утренній туманъ, и безсознательнымъ чувствомъ я зналъ, что внѣ ея у меня есть на что положиться, чему радоваться, и чего никто не могъ видѣть и никто не понималъ, кромѣ меня, одного меня, и что, стало быть, было мое и только мое.

Это стало любовной связью, продолжавшейся цѣлыхъ три мѣсяца, любовной связью безъ дѣйствія, безъ плотскаго соприкосновенія, безъ единаго слова. Повѣришь ли ты мнѣ и можешь ли ты вполнѣ искренно понять, если я тебѣ скажу, что ни съ одной женщиной я никогда не жилъ въ такомъ тѣсномъ сліяніи, какъ съ этой,—даже ни съ одной изо всѣхъ тѣхъ, чьимъ тѣломъ я обладалъ и съ кѣмъ я шептался въ такія мгновенія, когда души взаимно проникаются?—У меня было много чувственныхъ связей, въ большинствѣ случаевъ дешеваго свойства, въ двухъ—изъ чистой любви, но у всѣхъ ихъ была одна и та же цѣль, одно и то же заключеніе,—когда я получалъ, что хотѣлъ, исторія кончалась,—похоть, грубый актъ, исчерпанность, обычное отвращеніе, въ лучшемъ случаѣ слабая тоска при воспоминаніи, voilá tout. Когда я пріѣхалъ на воды, мои чувства были пресыщены, и я не могъ видѣть ни одной женщины безъ того, чтобы мысленно не раздѣть ее и не думать съ отвращеніемъ о пошломъ половомъ актѣ, объ этой жалкой звѣрской мѣрѣ всякаго любовнаго блаженства; и я видѣлъ этотъ образъ передъ собою, онъ возникалъ съ четкостью галлюцинаціи; и я не могъ освободиться отъ него и испытывалъ отвращеніе къ женщинѣ и отвращеніе къ самому себѣ; и въ то же время алчнѣе и нетерпѣливѣе, чѣмъ когда-либо, томился по этому свѣтлому, безмолв-

ному трепету, который только одна женщина и можетъ вызвать въ душѣ мужчины.

Каждый вечеръ, около захода солнца и наступленія сумерекъ, я шелъ на молъ и былъ почти увѣренъ, что увижу ее сидящей на томъ же мѣстѣ, гдѣ увидѣлъ ее впервые; и чувствовалъ себя совершенно сбитымъ съ толку, если, что бывало рѣдко, ея тамъ не оказывалось. Я усаживался на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея; отблескъ потонувшаго солнца, какъ умиротворяющее сіяніе, сверкалъ высоко въ воздухѣ, когда внизу была уже полутьма; поверхность пролива, бывало, уже протянула свою рѣзкую линію по вечернему небу на сѣверѣ, она же смотрѣла передъ собою, одинокая и неподвижная, выдѣляясь на водѣ и въ воздухѣ; она могла медленно поворачиваться ко мнѣ, и я вдругъ, чисто инстинктивно, еще видя, чувствовалъ на себѣ ея пристальный взглядъ; и въ то время, какъ никто изъ сидѣвшихъ тамъ ничего не зналъ объ этомъ, мы принадлежали другъ другу такъ безостаточно, какъ только два человѣка и могутъ принадлежать другъ другу. Неужели же въ самомъ дѣлѣ физическое единеніе мужчины и женщины интимнѣе, чѣмъ это сліяніе двухъ человѣческихъ существъ, когда чувства сплетаются и оплодотворяютъ другъ друга, и мысли взаимно проникаются и даютъ плодъ?

Проходила ночь, сидѣвшіе, одинъ за другимъ, поднимались и исчезали, все становилось безлюднѣе вокругъ насъ, и камни пустѣли. Когда же уходила и она, поднимался и я и шелъ домой; и уносилъ съ собою чувство того, что въ душѣ у меня тайна, которой никто не знаетъ, кромѣ меня, и одного меня; и точно нѣчто ждало меня и должно было унести меня за безконечныя времена и далеко, далеко впередъ. Это росло во мнѣ и наполняло меня, точно я пріобрѣлъ новыя чувства и новое зрѣніе, и все кругомъ получило для меня значеніе и мѣняло свой видъ, и то, что раньше какъ-бы не существовало для меня, оказывалось теперь костью отъ моей кости и плотью

отъ моей плоти. Вода, въ который я купался, солнце, что грѣло и ослѣпляло, голубое лѣтнее небо, цвѣты и зелень, улицы и дома, малое и великое,—все было какъ совершенно новая тайна, которой, казалось, я не видѣлъ раньше никогда, и которая теперь вдругъ обнажалась передо мной. Человѣческое слово пріобрѣло новый звукъ и новое значеніе, и сами люди были какъ новыя существа, которыхъ я раньше не знавалъ. И это новое чудо, въ которое я входилъ и которое я носилъ въ себѣ,—не зная ни вполнѣ, ни приблизительно, что оно было,—могло возникать и волноваться вдругъ; въ моей крови былъ трепетъ мучительной радости; она кипѣла и вызывала влагу подъ вѣками; мое зрѣніе обострилось, моя встрепенувшаяся мысль проникала, какъ лучъ, въ жизненную тайну существованія, и эта тайна превращалась въ видѣнія, и я дрожалъ и корчился отъ насильственной потребности пасть ницъ на землю и плакать обо всемъ, или ни о чемъ, или о томъ чего я не зналъ. И когда я спрашивалъ себя, почему я это чувствую такъ и откуда оно пришло,—это состраданіе ко всему и ко всѣмъ, гдѣ раньше было одно лишь равнодушіе,—то въ видѣ единственнаго отвѣта передо мною вставала эта скорбная женщина съ унылыми складками рта и вопрошающимъ страданіемъ въ глазахъ. И эта странная любовь, болѣзненно утонченная, какъ цвѣтъ лица у выздоравливающаго,—достигнувъ наибольшей силы и полноты своей мучительной сладости, превратилась въ сумрачную тоску по тому, чтобы намъ обоимъ, ей и мнѣ, тѣсно прижаться другъ къ другу, какъ двумъ запуганнымъ, захваченнымъ грозою звѣрямъ, и предоставить жизни бурлить вдали отъ насъ,—этой печальной, безжалостной, чудовищной жизни".

Стало совсѣмъ темно, надъ городомъ вскинулось туманное зарево, и капли падали часто и грузно въ тишинѣ.

„И дни проходили, и лѣто кончилось, и настала осень. Какъ-то вечеромъ, въ сентябрѣ. въ

такой же вотъ вечеръ, когда сырой тяжелый туманъ лежалъ надъ проливомъ, и душа была сумрачна, какъ воздухъ, мы сидѣли почти одни на нашихъ обычныхъ камняхъ, и, наконецъ, улыбнулись другъ другу,—скорбные и безпомощные, точно въ это мгновеніе мы оба чувствовали, что пережили вмѣстѣ лучшее въ жизни и любви, и что каждому изъ насъ больше нечего дать другому, и что это теперь уже прошло, и что одно единственное сказанное слово было бы святотатствомъ, и что намъ только остается лелѣять воспоминанія каждому про себя.

На слѣдующее утро я уѣхалъ.

Но тамъ была также и благодарность, во взглядѣ".

ПЕРЕВ. Ю. БАЛТРУШАЙТИСЪ.

ПОЛЬША

СТАНИСЛАВЪ ПШИБЫШЕВСКІЙ.

Въ долинѣ слезъ.

Глухая пѣснь печали и страданія,—вѣдь это тоска, которую я слышалъ въ твоемъ голосѣ.

Передо мной блѣдно-синяя, пышащая зноемъ даль.

Солнце жжетъ лучами землю, сушитъ зелень и листву, милліардомъ рѣзкихъ, прыгающихъ огоньковъ отражается въ озерѣ, а тополь своей остроконечною вершиной взвивается въ небесную лазурь..

Глаза мои блуждаютъ въ синеватой дали, въ дрожащихъ, знойныхъ лучахъ до-бѣла раскаленнаго солнца.

Это дрожаніе и зной безумнаго солнца я видѣлъ когда-то вокругъ твоихъ глазъ, когда ты льнула ко мнѣ въ горячемъ единеніи нашихъ тѣлъ.

Тамъ, передо мною картина, которую ты такъ любила: широкая степь, покрытая бурьяномъ, пожелтѣвшая трава, изсохшая зелень... Поросшее тростникомъ небольшое болотце въ вечернемъ сумракѣ... Сухія вѣтви вербъ повисли надъ грязною водой, а тамъ гдѣ-то въ туманной дали полуразвалившаяся хата.

И грусть степей, мрачная осень, полная тоски и скорби, необъятная дума пожелтѣвшаго степного бурьяна—это Ты!

И вижу я небо, какъ оно горитъ во всемъ своемъ блескѣ. Толпятся радужныя тучи, потоки расплавленнаго золота сливаются на горизонтѣ; зашедшее солнце разостлало кровавое зарево, а отъ запада къ востоку вздымается бѣшеный водопадъ огня и пурпура. Понемногу гаснутъ и огонь и пурпуръ, и только лишь одна широкая кровавая рана зіяетъ на огромномъ челѣ неба.

Смотрю на небо, на угасаніе знойнаго дня.

И рана растетъ, уходитъ въ темную лазурь, становится бездной запекшейся крови, все глубже и глубже вростаетъ въ небо черная тѣнь земли, разодранная дрожащимъ отблескомъ послѣднихъ лучей, пока, наконецъ, все не исчезаетъ и не гаснетъ подъ тяжелой, черной пеленою ночи.

И отблескъ заката, кровавое зарево на темной лазури, блескъ и угасаніе—это Ты.

И слышу пѣснь: мрачная, глубокая нота, а за нею льются синеватыя полосы свѣта. Она плыветъ тихо и величественно, какъ горный потокъ: съ обѣихъ сторонъ поднебесныя стѣны голыхъ скалъ.

И вотъ, какъ молнія, проскользнула змѣя страстныхъ желаній, похотливаго смѣха и запылала въ крикѣ наслажденія.

О, ужъ не разъ эти змѣи скользили изъ твоихъ очей въ спокойныя глубины моего сердца, запутывали ихъ въ сѣтяхъ чарующихъ ласкъ, льнули къ нимъ въ сладостной истомѣ и засыпали въ огнѣ сердечныхъ страстей. Тебя, только тебя возсоздавала моя душа во всѣхъ формахъ, во всѣхъ мы-

сляхъ и всѣхъ чувствахъ. Ты настроила подъ этотъ тонъ все, что только существуетъ, и я сталъ тобою.

Но ты была образомъ моей пѣсни, ты была линіей моей тоски и моихъ желаній, ты была цвѣтомъ, звукомъ и запахомъ моей души, — и я долженъ былъ любить тебя. Еще прежде, чѣмъ увидѣлъ тебя я впервые, ты уже была во мнѣ. Еще прежде, чѣмъ я впервые прижалъ тебя къ сердцу, ты дрожала въ моихъ пѣсняхъ, горѣла въ блескѣ моихъ красокъ, и, какъ вечерняя заря, ты умиротворяла скорбь моей души, ослѣпляла меня блескомъ своихъ глазъ и изъ нитей моей жизни своими бѣлыми руками сплетала ты необъятныя думы родимыхъ полей.

И я люблю тебя! Люблю, какъ свое искусство, какъ все свое предвѣчное прошлое, какъ дыханіе моей родной земли, какъ упоеніе и восторгъ раздумья въ костелѣ... Ты была моей весной и пышнымъ цвѣтомъ моего могущества, была тихимъ предчувствіемъ утреннихъ разсвѣтовъ и трепетнымъ безпокойствомъ рвущагося дня.

Я люблю тебя еще за то, что ты дала мнѣ страданіе и тоску,—тоску, которая создаетъ творческую мысль, протягиваетъ руки къ Богу, заставляетъ мозгъ изнывать отъ жажды знанія,—дала мнѣ щемящую тоску бытія, вѣчную тревогу и вѣчное наслажденіе.

Я забылъ о тебѣ. Потухъ въ моихъ глазахъ пышный блескъ твоего тѣла, утихли страсти. Осталось только то, чѣмъ я тебя вѣчно жаждалъ, чѣмъ я тебя ласкалъ и отчего изнывала моя душа,— тоска.

Тоска!

Вокругъ твоей головы вѣнокъ изъ поблекшихъ цвѣтовъ, словно корона изъ черныхъ солнцъ, а въ лицѣ твоемъ грусть застывшихъ звѣздъ.

И отчего же ты стала гробницей моей, отчего же твои пламенныя пѣсни, которыми ты увлекаешь другихъ въ непостижимый міръ прекраснаго, зву-

чатъ въ моемъ сердцѣ карканьемъ вороновъ, злыми предчувствіями?.. Отчего красные факелы, которыми ты другимъ освѣщаешь путь къ счастью,—обступили мое ложе, какъ погребальныя свѣчи?..

Ты была для моихъ братьевъ словомъ Бога, который изъ ничего создалъ міры, ты была для нихъ ребромъ Адама, которое скрываетъ въ себѣ святыя чудеса, и ты была для нихъ вѣчностью, безграничнымъ могуществомъ—и только въ мою голову вонзила ты сухіе шипы терноваго вѣнца.

Ты—скорбная, высшая красота!

Ты—тоска!

Я вижу тебя!

Вокругъ твоей головы вѣнецъ изъ тысячи обнаженныхъ молній, буря тысячелѣтій разметала твои волосы, и цѣлая вѣчность отчаянья и счастья страшнымъ ураганомъ бушуетъ въ твоемъ сердцѣ.

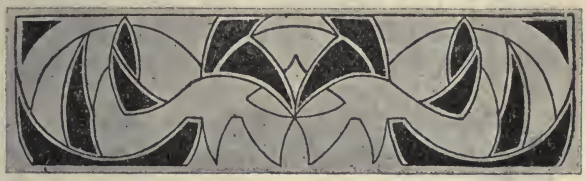
Ты плывешь въ радугахъ безумныхъ силъ, а воля твоя, какъ ихъ клокочущая бездна.

О, дай мнѣ тотъ аккордъ, который бы обнялъ всю твою мощь. Дай мнѣ то всесильное слово, то „да будетъ“ перваго дня созданія, въ которомъ бы я могъ всю тебя высказать.

Въ холодномъ блескѣ мертвыхъ солнцъ угасаетъ твое лицо... На твоей головѣ вѣнокъ поблекшихъ цвѣтовъ... Въ хрупкой, перламутровой раковинѣ моей немощи плывешь ты въ темную даль вѣчныхъ тѣней и безсилія.

Ты—страшная, высшая красота!

Ты—тоска.



Снѣгъ.

ОТРЫВОКЪ.

Е в а подходитъ къ камину и грѣется у него. У, какъ мнѣ холодно, холодно! А я думала, что согрѣюсь около васъ...

Т а д е у ш ъ. Ты нигдѣ не согрѣешься.

Е в а. Какъ? Да вѣдь я же для того и пріѣхала сюда, чтобы подлѣ вашего счастья согрѣть свое сердце.

Т а д е у ш ъ съ ироніей. Чтобы согрѣть сердце, надо прежде всего имѣть его...

Е в а. Вели зажечь огонь. Эти сумерки, меланхолическій огонь въ каминѣ... искрящійся блескъ снѣга за окнами и эти мягкіе ковры, портьеры... Это опасно... Это будитъ тревогу, поднимаетъ какую-то тоску... Задумчиво, озираясь кругомъ. Ты самъ обставлялъ квартиру?

Т а д е у ш ъ. Самъ.

Е в а. И вполнѣ сознавалъ, что ты дѣлаешь?

Т а д е у ш ь. Вполнѣ.

Е в а. А ты знаешь, что твоя квартира—точная копія съ моей?

Т а д е у ш ъ. Знаю.

Е в а. Зачѣмъ же ты это сдѣлалъ?

Тадеушъ. Хотѣлъ испытать свои силы, хотѣлъ убѣдиться, что я уже отвыкъ, забылъ, подавилъ въ себѣ воспоминаніе объ этомъ кошмарѣ.

Ева, усмѣхаясь. И для этого-то повѣсилъ у себя въ кабинетѣ мой портретъ, который я подарила тебѣ?

Тадеушъ. Ты была въ моемъ кабинетѣ?

Ева. Да, почти цѣлую ночь наканунѣ твоего пріѣзда.

Тадеушъ. Что же ты тамъ дѣлала?

Ева. Что дѣлала?.. Наслаждалась счастьемъ, видя, что ты любишь меня и тоскуешь по мнѣ.

Тадеушъ. Ну, на этотъ разъ ты очень ошиблась.

Ева. Нѣтъ, нѣтъ, не ошиблась. Твой кабинетъ, онъ похожъ скорѣе на храмъ, въ который ты уходилъ на цѣлые часы отъ своего счастья, отъ своего теплаго гнѣздышка, отъ коралловыхъ губокъ Бронки, чтобы терзать тамъ свое сердце, чтобы тосковать о томъ, что даетъ тебѣ чувство страннаго наслажденія, и всѣми силами рваться къ тому, что зажигаетъ твою кровь огнемъ безумія. О, да, рваться и тосковать, тосковать...

Тадеушъ. О чемъ?..

Ева. О томъ, что даетъ тебѣ страданіе или тревогу стремленій. Ты созданъ для борьбы, ты мечталъ когда-то быть вождемъ, ты мечталъ о созданіи новыхъ міровъ. Ты останавливался въ борьбѣ только для того, чтобы среди труповъ и развалинъ снять съ головы шлемъ и отереть потъ съ чела. Не для тебя эти тихіе уголки, мягкіе ковры, камины съ весело играющими огоньками! Все это годится для твоего брата съ его истлѣвшей душой...

Тадеушъ строго смотритъ на нее. Лучше скажи мнѣ, зачѣмъ ты пріѣхала? Не могло же у тебя быть преступнаго стремленія разрушить счастье двухъ существъ, да къ тому же еще счастье человѣка, который благодаря тебѣ чуть не погибъ?

Ева смѣется. Почти что такъ... Какъ мнѣ жаль, что я такъ скоро выпустила тебя изъ своихъ рукъ!

Тадеушъ. Не ты выпустила, я самъ вырвался изъ нихъ!

Ева задумчиво, глядя пристально въ огонь. Да, правда. Меня поразила твоя сила, и только тогда я полюбила тебя...

Тадеушъ. Я же совершенно забылъ тебя.

Ева грустно. Нѣтъ, ты не забылъ. Все въ твоемъ домѣ полно мною. Едва я переступила порогъ твоего дома, я почувствовала, что это—мой домъ, что здѣсь царю полновластно я,— я одна.

Тадеушъ. Ха, ха... ты говоришь объ обстановкѣ... Что жъ, я тебѣ самъ это скажу,—я умышленно старался подражать обстановкѣ твоихъ комнатъ, потому что... Видишь ли,—напримѣръ, когда пьяница отучитъ себя отъ водки и хочетъ убѣдиться, дѣйствительно ли онъ отвыкъ, онъ, несмотря на отвращеніе, время отъ времени выпиваетъ рюмку— другую. И вотъ если ему не захочется еще, всей бутылки, тогда значитъ—онъ освободился отъ власти своего порока. Понимаешь теперь? Я нарочно такъ устроилъ здѣсь, чтобы все, все напоминало мнѣ тебя.

Ева зло. И все-таки...

Тадеушъ. Да, и все-таки я никогда не думалъ о тебѣ, ты мнѣ даже не грезилась во снѣ.

Ева бросаетъ полѣно въ огонь, точно не слыхавъ словъ Тадеуша. Но ты много выстрадалъ, бѣдняга. Въ твоей душѣ вѣрно была ужасная борьба, ужасный разладъ. Имѣть полную возможность быть счастливымъ, имѣть богатство, имѣть все къ своимъ услугамъ, наконецъ—имѣть любящую и любимую жену... А ты ее въ самомъ дѣлѣ любишь?.. Можетъ быть, ты только усталъ отъ борьбы, отъ мукъ, и вотъ теперь среди труповъ и развалинъ снялъ боевой шлемъ и отираешь потъ съ пылающаго лба?.

Тадеушъ. Когда-то мнѣ нравились твои аллегоріи, но теперь онѣ ничего мнѣ не говорятъ!

Ева, не обращая вниманія на его слова. Ты счастливъ, что можешь отдохнуть въ зеленѣющей долинѣ, но вѣдь ты только потому счастливъ, что отсюда можешь пойти приступомъ на горы. Опять

задумчиво оборачивается къ камину. О, какъ бы я тогда любила тебя!

Тадеушъ. Слушай, Ева, ты должна оставить мой домъ. Перестанемъ играть недомолвками, недоговоренными словами. Ты знаешь, я тебя любилъ... Снѣгъ, бѣлый, мягкій снѣгъ, легъ на всѣ воспоминанія, на всю боль, на всю борьбу и всѣ страданія... А если бы снѣгъ стаялъ...

Ева. Что же тогда?

Тадеушъ. Тогда было бы очень скверно...

Ева. Для кого?

Тадеушъ. Для тебя, для меня, а прежде всего—для Бронки.

Ева третъ себѣ лобъ. Да, для Бронки, для Бронки. О, я очень люблю ее... Послѣ короткой паузы. Да, Бронка была бы очень несчастна...

Тадеушъ. Я скажу тебѣ прямо,—я очень встревоженъ, очень безпокоюсь. Я скажу даже больше—я часто думалъ о тебѣ, я даже тосковалъ по тѣмъ испытаніямъ, которымъ ты меня подвергала, можетъ быть, тосковалъ даже по тѣмъ мукамъ, которыя я пережилъ подлѣ тебя,—но теперь оставь меня! Я люблю Бронку и никогда не разстанусь съ нею!

Ева. Не разстанешься,—такъ замучаешь ее. Опять обновились раны въ твоемъ сердцѣ, ты летишь опять на огонь... Съ той самой минуты, какъ ты услышалъ мой голосъ вонъ изъ-за той портьеры,—сразу рухнулъ весь тотъ карточный домикъ, который ты строилъ съ такимъ трудомъ, съ такимъ усердіемъ и который ты называешь своимъ счастьемъ. Съ ироніей. Да, да, меня не обманешь... Тѣсно тебѣ въ этомъ тихомъ, тепломъ уголкѣ. Все рвется въ тебѣ,—идти напроломъ, завоевывать міры. Ты—послѣдній изъ той великой, прекрасной породы конквистадоровъ, для которыхъ былъ слишкомъ малъ этотъ глупый уголокъ, называемый Европой.

Тадеушъ съ раздраженіемъ. Покорно благодарю за эти новые міры, которые можно завоевать, вырѣзавъ стадо глупыхъ, ни въ чемъ неповинныхъ барановъ.

Е в а. Не то. Нужно прежде всего успокоить море, прорыть горы, нужно пережить всѣ страданія и всѣ восторги, чтобы открылся глазамъ этотъ новый міръ. А если такой конквистадоръ случайно наступитъ желѣзною ногою на какой-нибудь цвѣтокъ,—развѣ это важно?.. Протяжно, немного сонно. Что изъ того, что придется вырубить лѣсъ, хотя бы и самый чудный лѣсъ, чтобы дать своимъ глазамъ упиться новымъ, невѣдомымъ чудомъ?..

Т а д е у ш ъ. Что же дальше?.. дальше?!..

Е в а. Постой... Вдругъ смѣется. Ха—ха... Какъ кипитъ въ тебѣ пылкая кровь конквистадора. Смотритъ на него и снова упавшимъ тономъ. Нужно раньше успокоить море, прорыть горы, раздавить желѣзною ногою цвѣтокъ...

Т а д е у ш ъ гнѣвно. Ты думаешь о Бронкѣ?

Е в а молчитъ, мѣшаетъ лопаткой огонь и подбрасываетъ новыя полѣнья.

Т а д е у ш ъ таинственно. О Бронкѣ?

Е в а равнодушно. Да, ты угадалъ.

Молчаніе, во время котораго Т а д е у ш ъ нервно шагаетъ по комнатѣ.

Т а д е у ш ъ подходитъ къ ней. Ева, прошу тебя, молю, оставь насъ въ покоѣ!

Е в а. Но для тебя все равно не можетъ быть покоя.

Т а д е у ш ъ. Знаю, знаю, но пусть онъ будетъ хоть для Бронки.

Е в а. Видишь, Тадеушъ, какъ ты слѣпъ. Да неужели же ты не видишь, какими тревожными глазами глядитъ она?... Неужели ты не замѣчаешь какъ ея глаза, точно у испуганной ласточки, останавливаются то на мнѣ, то на тебѣ?..

Молчаніе. Т а д е у ш ъ продолжаетъ ходить по комнатѣ.

Т а д е у ш ъ. Такъ ты вѣришь, что я созданъ для того, чтобы завоевывать новые міры?!.. Но къ чему это?

Е в а. Чтобы твоя жизнь была полна красоты, и чтобы самъ ты былъ прекраснъ.

Т а д е у ш ъ. А если я не сумѣю ничего завоевать?

Е в а. Тогда ты погибнешь,—въ этомъ будетъ тоже красота!

Т а д е у ш ъ. Ну, а если все это—только несбыточныя мечты, если я только буду безсмысленно губить и себя и все вокругъ?

Е в а. И въ этомъ—красота! Тотъ, кто чего-нибудь добивается, кто мучается, но стремится къ чему-то,—тотъ, хотя бы онъ и не достигъ никакой цѣли,—прокрасенъ!

Т а д е у ш ъ. А если онъ стремится только къ міру, къ покою и уютному уголку у теплаго камина?

Е в а пристально смотритъ на него и улыбается. Для тебя?.. Я—только я—одна я!

Т а д е у ш ъ останавливается передъ нею, сдавленнымъ голосомъ. Почему же, почему тогда, когда я все несъ къ твоимъ ногамъ, когда я дѣйствительно могъ бы съ тобою и черезъ тебя завоевать тѣ новые міры, о которыхъ ты говоришь мнѣ,—почему же тогда ты оттолкнула меня?..

Е в а. Потому что тогда ты не сумѣлъ быть моимъ господиномъ.

Т а д е у ш ъ. А теперь?

Е в а. А теперь я люблю тебя, люблю за то, что ты хотѣлъ забыть меня, за то, что хотѣлъ побѣдить себя, потому что только сильные умѣютъ побѣждать себя. Я люблю тебя со всей тоскою и страхомъ, что ты не захочешь быть моимъ...

Въ часъ чуда.

Поздно вернулся домой.

Сѣлъ за столъ и тупо, безъ мысли, смотрѣлъ на огромный букетъ цвѣтовъ, перевязанный широкой красной лентой.

На одномъ концѣ ленты—какое-то мистическое женское имя... Ничего больше.

Быть можетъ, она цѣловала эти цвѣты передъ тѣмъ, какъ ихъ ему подали; быть можетъ, въ сладкой истомѣ погружала лицо свое въ мягкое ложе изъ цвѣтовъ, прежде чѣмъ связать ихъ въ букетъ; быть можетъ, прижимала эту роскошную связку цвѣтовъ къ своему сердцу; быть можетъ, погружала обнаженныя плечи въ это цѣлое посланіе изъ цвѣтовъ...

И цвѣты впитали въ себя ея дыханіе, быть можетъ, трепещутъ еще тихимъ, страстнымъ шопотомъ ея жгучихъ желаній...

Она вѣдь любила его, знала его давно, трепетала цѣлые дни, прежде чѣмъ рѣшилась дать ему эти цвѣты... онъ зналъ это, зналъ съ полной увѣренностью...

Зналъ, что она любила его, потому что такіе цвѣты дарятъ только дѣвушки, которыя любятъ.

Закрылъ глаза и слушалъ.

Видѣлъ огромныя розы, черныя, пунцовыя, бѣлыя, колышащіяся на высокихъ стебляхъ; онѣ качались и наклонялись, опьяненныя своимъ собственнымъ великолѣпіемъ.

Видѣлъ туберозы, словно бѣлыя виѳлеемскія звѣзды на гибкихъ стебляхъ; видѣлъ огромныя деревья бѣлыхъ и красныхъ азалій, обсыпанныя мягкимъ пухомъ цвѣтовъ, пышныя и прекрасныя, словно бальный нарядъ дѣвушки; видѣлъ орхидеи съ открытыми устами, отъ которыхъ вѣяло обезсиливающими чарами, и лиліи съ распустившимися бокалами лепестковъ, пьющія алмазную росу, и нарциссы и піоны и бегоніи—цѣлое море пестрыхъ и яркихъ цвѣтовъ, упоительныхъ ароматовъ, наполнило волной его душу.

Тонкій ароматъ майской сирени разлился тихою нѣгой отдаленной пастушьей свирѣли въ весеннюю ночь—тихими руками обнимали лиліи его сердце; сладострастнымъ упоеніемъ вдыхались въ него розы; свѣтлымъ сіяніемъ окружилъ его ароматъ туберозъ—сладостной отравой впитывался въ него опьяняющій запахъ бѣлыхъ цвѣтовъ акаціи, упив-

шихся дождемъ и молніей лѣтнихъ грозъ; и всѣ эти ароматы, тонкіе и холодные, какъ глаза дѣвушекъ, не сознающихъ еще своего пола—жгучіе и страстные, какъ объятія разнузданной гетеры—ядовитые и кричащіе, какъ глаза растоптанной змѣи: все это втекало въ него, проникало, насыщало его; онъ былъ опьяненъ, обезсиленъ; чувствовалъ, что не можетъ пошевельнуться, пересталъ различать впечатлѣнія, не видѣлъ красокъ, не чувствовалъ запаха, все слилось въ одно...

Въ душѣ его расцвѣлъ далекій просторъ паровыхъ полей, пустынныхъ, убѣгающихъ вширь и вдаль, какъ стонъ раскачанныхъ кѣмъ-то колоколовъ въ сумеркахъ Великаго Четверга; гдѣ-то вдали блестѣла стекломъ бѣлая полоска озера, которое зной полудня окуталъ пеленою дремотнаго безмолвія; лишь тамъ и здѣсь торчалъ высокій стебель царскаго скиперта, какъ-будто онъ вдругъ разорвалъ знойную землю и, словно угрожая побѣдоноснымъ перстомъ, брызнулъ струей цвѣтовъ въ небо—лишь тамъ и здѣсь нѣсколько низкорослыхъ кустовъ можжевельника, причудливо искривленныхъ, какъ будто ихъ отравилъ ядъ сгнившихъ труповъ, полегшихъ тутъ когда-то кровавою жатвой—лишь тамъ и здѣсь въ песчаныхъ ямахъ лучистыя голубыя корзинки цикорія, ждущія не дождущіяся минуты заката, когда онѣ закроютъ свои лепестки и станутъ грезить о таинственныхъ чарахъ пустынныхъ, какъ кладбище, паровыхъ полей...

То видѣлъ онъ, какъ расходятся на распутьѣ дороги посреди болотъ и торфяниковъ. Насталъ часъ видѣній, полный таинственнаго страха и ужасовъ. Порой быстрымъ, какъ мысль, полетомъ пробѣжитъ блуждающій огонекъ; порой тихій, таинственный свѣтъ разольется по болотистымъ озерамъ; порой завоетъ песъ въ сосѣдней деревнѣ, а другой вторитъ ему такимъ же протяжнымъ воемъ; а то вдругъ раздастся хриплый гулъ сторожевого рожка—и опять тишина, тишина, проникающая, углубляющаяся въ зіяющую бездну и все поглощающая, и мое сегодня и мое завтра, приковы-

вающая къ землѣ, отрѣзывающая отъ всего міра и оставляющая такимъ безконечно одинокимъ.

И безпрестанно смѣняющимися картинами проносилась передъ его глазами вся родная земля: огромная скатерть, изодранная и изрѣзанная на зеленыя полосы ячменя, на осыпанныя цвѣтомъ бѣлыя поля гречихи, золотистыя нивы ржи, кровавыя пашни тяжелыхъ, какъ бичи, колосьевъ пшеницы—вся земля, расцвѣтшая, обвитая благоуханными гроздьями бѣлыхъ цвѣтовъ, вся охваченная безумнымъ экстазомъ оплодотворенія и зачатія, въ праздничной роскоши торжественной тишины—вся земля, уходящая туда, къ горкамъ, къ самой оградѣ бѣлаго костела...

Святой благодатью лились на поля широкія полосы колокольнаго звона; лучистой струей разливалась кругомъ величественная пѣснь крестнаго хода въ день Тѣла Христова; мелькали промежъ черныхъ кустовъ, растущихъ вокругъ костела, бѣлыя платья дѣвушекъ, сыплющихъ цвѣты подъ ноги сѣдого священника; чернѣли мужицкія сермяги, перепоясанныя красными кушаками...

А вотъ опять безконечной вереницей: свадебное шествіе—заунывныя рыданія скрипокъ изъ липовой коры, хриплое гудѣніе контрабасовъ, побрякивающихъ грошами, брошенными женихомъ въ ихъ внутренность, и крикъ, то и дѣло вырывающійся пронзительной и визгливой струей вверхъ: Ой, наша!...

Глаза его мало-по-малу застилалъ мракъ, лишь одинъ, другой неясный, отдѣльный образъ лѣниво проскальзывалъ въ его мозгу—на душу ложились сумерки, она гасла, погружалась, словно убаюканная, въ сонъ и вдругъ пробудилась въ мочучей пѣснѣ.

И волшебное обаяніе и опьяняющій ароматъ экзотическихъ цвѣтовъ, и райская нѣга родной земли,—все это слилось въ его душѣ въ рыцарскія шествія тяжелыхъ металлическихъ звуковъ, закованныхъ въ сталь, такъ что земля тряслась подъ ихъ побѣдоноснымъ размахомъ,—душа его растворилась

въ рыдающихъ причитаніяхъ матери, лишившейся послѣдняго ребенка; зацвѣла свѣжей зеленью рутоваго вѣнка въ свадебныхъ пѣсняхъ; бушевала пьяными судорогами въ полныхъ народу харчевняхъ—дикимъ, порывистымъ крикомъ рванулась вверхъ, какъ одинокій стебель царскаго скиперта на сожженномъ солнцемъ полѣ—цѣлая пѣснь лилась въ дикія русла, высыхала, возвращалась, опять разливалась...

Вздрогнулъ.

Передъ нимъ всплыло лицо дѣвушки: ясный звукъ, ясное отраженіе блѣдной звѣзды въ пучинѣ темныхъ волнъ—онъ никогда не видѣлъ ея, но зналъ ее, зналъ...

Началъ ходить по комнатѣ, но не могъ освободиться отъ образа этого маленькаго лица, наполовину ребенка, наполовину женщины...

Передъ глазами его стоялъ ея гибкій станъ, не то ребенка, не то женщины, подобно стройной туберозѣ съ двумя бѣлыми цвѣтами...

Уловить лишь одинъ лучъ ея глазъ—одинъ только отблескъ, одинъ мигъ ея взгляда, онъ узнаетъ ее, навѣрно узнаетъ ее...

И по цѣлымъ днямъ онъ блуждалъ по улицамъ города, по цѣлымъ часамъ просиживалъ въ аллеяхъ, окружавшихъ поясомъ городъ—тысячи людей проходило передъ его глазами, въ лицѣ каждой дѣвушки онъ пытался узнать ее, каждый взглядъ, казалось, впускалъ въ его жилы свѣтлую струю той же пламенной нѣги, какою глаза ея прожгли его сердце до самаго дна,—но все то же, то же разочарованіе: это не она!

А все-таки иногда онъ слышалъ въ вечернемъ сумракѣ какъ разъ за своей спиной звукъ шаговъ, словно трепыханье безпокойныхъ крыльевъ, что вотъ-вотъ вспорхнутъ и полетятъ—иногда видѣлъ яркій, какъ молнія, блескъ чьихъ-то темныхъ глазъ, что изъ какой-то невѣдомой дали, невѣдомой близи впивались въ его душу—разъ почувствовалъ ея мягкую, нѣжную руку въ своей, стоя въ темномъ

углу костела и впивая въ себя задумчивую грусть вечернихъ молитвъ, но когда повернулся, когда впился глазами въ мракъ, чтобы разодрать его въ лучезарныя клочья, видѣніе разсѣялось; осталось лишь тихое сіяніе глазъ, теплое дыханіе руки, а по нервамъ скользилъ образъ стройной, гибкой тубероузы съ двумя бѣлыми звѣздами...

Усталый шелъ домой.

Какая-то ужасная, безконечно тихая грусть струилась по его жиламъ, вливалась въ сердце, проникала въ самые затаенные уголки его нервовъ.

Никогда еще не былъ такъ грустенъ.

Значитъ,—свершилось чудо.

Онъ любилъ ее.

И въ испугѣ спрашивалъ самъ себя: такъ это—любовь?

Присѣлъ на скамью и думалъ.

Пламенной волной проносился передъ глазами его души цѣлый рядъ женщинъ, которыхъ онъ зналъ, ласкалъ, прижималъ къ груди и съ которыми сливался въ страстныхъ объятіяхъ.

Вотъ эта, непостижимая, загадочная, съ блескомъ чернаго шелка, какъ пантера, готовящаяся къ скачку—

Вотъ эта, съ глазами голубки, и съ распутнымъ сердцемъ, кроткая какъ газель и хищная, какъ дикая кошка—

Вотъ эта, скользкая, какъ змѣя, съ тѣломъ холоднымъ, какъ стебли водныхъ розъ.—

Вотъ эта, стройная и прекрасная, опьяненная собственной красотой—

И вотъ эта, безгрудая, подобная стройному эфебу, и вотъ эта, сильная и гибкая, словно клинокъ изъ дамасской стали...

И, вѣдь, ни одной изъ нихъ не любилъ онъ.

Покидалъ ихъ безъ сожалѣнія и не сожалѣлъ, когда онѣ его покидали;

Значитъ это любовь—шепталъ онъ—часъ чуда...

Съ бурной порывистостью выбросилъ изъ мозга страстные образы разнузданныхъ гетеръ и невин-

ныхъ голубицъ—содрогнулся передъ туманнымъ видѣніемъ нагихъ тѣлъ, сладострастныхъ объятій, разнузданныхъ кричащею страстью рукъ и плечъ, и съ дѣтскимъ благоговѣніемъ шепталъ: Часъ чуда—часъ чуда...

И въ ту же минуту—въ часъ великаго чуда—преобразился въ глазахъ его весь міръ. Всѣ формы и контуры слились передъ нимъ въ одну гибкую, подвижную линію; цѣлыя моря красокъ, лучей свѣта слились въ одинъ общій темный, горячій блескъ; океанъ звуковъ, колебаній, движеній, изгибовъ и волнъ зацвѣлъ однимъ пышнымъ цвѣткомъ, и эта пѣсня была она—она одна.

Такъ для того родила его земля, для того бороздила и вырѣзывала рѣзцомъ свои формы въ его душѣ, чтобъ ея образъ могъ влиться въ нее, словно въ форму, приготовленную отъ вѣка?

Такъ для того струились въ глаза его чары лунныхъ ночей на пустынныхъ, какъ кладбище, холмахъ и упоеніе и мучительная боль сіянія, полюбившаго море, и блескъ солнца, трепещущаго въ знойный полдень надъ соломенными крышами родной деревни,—для того вожглись въ него краски сожженныхъ травъ и ядовитыхъ цвѣтовъ, болотъ и трясинъ, чтобъ глаза ея могли впиться своимъ свѣтомъ въ самое дно его души, оттѣнокъ волосъ ея могъ проникнуть въ его нервы, а игра тѣней ея тѣла могла пробѣжать трепетомъ никогда неизвѣданнаго наслажденія по его груди?

Такъ для того застонала вся родина его безконечно унылой пѣсней, зазвучали колокола хмурою грустью, вѣтеръ на холмахъ завылъ въ унисонъ съ шумомъ волнующихся пшеничныхъ нивъ,—чтобы каждый трепетъ, каждое движеніе ея гибкихъ членовъ, каждый изгибъ ея формъ могъ слиться съ вѣковой гармоніей его души?

ПЕРЕВ. Е. ТРОПОВСКІЙ.

КАЗИМІРЪ ТЕТМАЙЕРЪ.

Горный мотылекъ.

Я шелъ однажды чрезъ Желѣзныя ворота въ Татрахъ. За мной, надъ Липтовскими горами, была буря, висѣвшая въ свинцовой тучѣ и ударявшая въ темный лѣсъ золотыми молніями съ оглушительными раскатами. Въ Татрахъ отдавалось громкое эхо. Надъ тучей было какъ будто огромное зарево, кровавое и страшное.

Вокругъ меня были пропасти, нагія обрывистыя скалы, за которыя даже мохъ не могъ ухватиться. Колоссальные гранитные обелиски поднимались въ высь между колоссальными пирамидами, теряясь верхушками гдѣ-то въ безграничной вышинѣ.

Внизу была бездна, наполненная мелкими камнями, наваленными другъ на друга, массы гранита, дикія, пустынныя и безмолвныя; надъ головой вечернее небо, сѣрое и печальное.

Нигдѣ ни травки ни моху, только обломки и груды мелкихъ камней и скользкія гранитныя плиты. Мертвая пустыня.

Вдругъ зашелестѣло что-то въ воздухѣ. Отъ одной стѣны ущелья до другой пролетѣла маленькая птичка, горный мотылекъ, какъ ее называютъ горцы.

Съ излома на изломъ, со скалы на скалу взлетала она все выше, пока не исчезла гдѣ-то въ безграничной вышинѣ между сводами пропасти.

Тамъ, въ отдаленіи, была буря и темный лѣсъ; ниже, въ долинѣ, были города и нивы, была жизнь, было движеніе, а эта птичка, далекая всему, всему чуждая, никѣмъ невидимая, носилась здѣсь надъ пропастями, въ безконечной вышинѣ и безконечной пустынѣ.

Не правда ли, въ душѣ человѣка есть что-то, похожее на этого горнаго мотылька, взлетающее выше, чѣмъ бури и лѣса, чѣмъ города и нивы чѣмъ жизнь и движеніе, всему далекое, всему чуждое, лишь иногда, на одну минуту, замѣтное для мысли и такъ, какъ эта птичка, исчезающее, въ безграничной вышинѣ.

ПЕРЕВ. А. Т.

Эпитафія.

Здѣсь лежитъ та, которая жила для любви и любила счастье.

Посадите розы на моей могилѣ, ибо жизнь моя цвѣла, и я увяла, какъ цвѣтокъ.

Спокойная схожу я въ Аидъ и ни о чемъ не жалѣю, ибо познала жизнь и была, какъ облако, пронизанное солнцемъ, или какъ радужный кругъ на водѣ.

Посадите, о, жители Аѳинъ, розы на моей мо-

гилѣ, цвѣтущія ароматныя розы, ибо часы моихъ дней и ночей падали въ вѣчность, какъ розовые лепестки съ вѣнчика, чистые и благоуханные.

Когда на розахъ заблеститъ утренняя роса, знайте, это очи мои плачутъ слезами радости; когда засверкаетъ вечерняя—то слезы сладкихъ воспоминаній. Ибо жизнь моя цвѣла и увяла, какъ цвѣтъ,—иныхъ слезъ я не знала.

О вѣчная, безсмертная Киприда, со стройными бедрами и волшебнымъ поясомъ, противъ чаръ котораго не устоять никому, богиня, сильнѣйшая смерти, сдѣлай такъ, чтобы моя жажда любви не сошла со мною въ сѣнь смертную, но наполнила міръ, какъ теплый душистый паръ наполняетъ воздухъ послѣ весенняго дождя, хоть и высохшаго. Сладко будетъ мнѣ тамъ, надъ Ахерономъ, грезить, что я умножила счастье на свѣтѣ.

ПЕРЕВ. Ж. З.

Сонетъ.

Порой неясный міръ я вижу въ отдаленьи...
Міръ, сотканный изъ мглы, изъ шороха сосны,
Изъ полдня лѣтняго и голубой весны,
Изъ ровной тишины, что льютъ луга въ томленьи,
Изъ солнечныхъ огней на пеленѣ морской,
Изъ майскихъ вечеровъ и грезы ихъ любовной,
Изъ шума травъ степныхъ, изъ рѣчи тихословной,
Что кедры стройные ведутъ въ глуши лѣсной.

Какъ будто сквозь фату я вижу міръ такой,
Сквозь дымку, что виситъ надъ перелѣскомъ, тая,
И утромъ стелется надъ призрачной рѣкой.
То міръ твоей души, гдѣ спитъ она, мечтая,
И пробужденья ждетъ, чтобъ съ пѣсней серебристой,
Сойти ко мнѣ, какъ сонъ,—пѣвучей и лучистой.

А. ТОПОЛЬСКІЙ.

Журавли.

Я видѣлъ однажды стаю журавлей, улетавшихъ на югъ.

Былъ осенній вечеръ, полный печальной безмятежной тишины и окрашенный фіолетовымы цвѣтомъ, какъ обыкновенно бываетъ въ это время въ Татрахъ.

Медленно летѣли журавли, чернѣя надъ горами, розоватыми отъ послѣднихъ отблесковъ заходящаго солнца.

Я долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ, пока они не исчезли, и меня охватывала все большая грусть. Не знаю отчего, но мнѣ казалось, что журавли эти заблудятся на морѣ и не вернутся ужъ никогда.

Летѣли они куда-то въ воздушную бездну, въ безконечную даль, и казались такими печальными, какъ будто и они чувствовали, что летятъ туда въ послѣдній разъ, что не вернутся ужъ никогда, никогда...

Въ глухомъ стонѣ разбитой арфы нѣтъ большей скорби, чѣмъ въ этомъ словѣ—никогда.

Вѣтеръ въ Татрахъ, бьющійся крыльями о ледъ замерзшихъ озеръ, стонетъ не такъ печально...

Въ этомъ словѣ жалоба подрубленныхъ деревьевъ, протягивающихъ къ солнцу свои вѣтви, и послѣдній взглядъ умирающаго.

И что дѣлать тому, отъ кого отлетаетъ вѣра въ самое дорогое для него, отлетаетъ, какъ тѣ журавли, о которыхъ, не знаю самъ, почему, я думалъ, что они заблудятся на морѣ и не вернутся ужъ никогда?..

ПЕРЕВ. А. Т.

ЯНЪ КАСПРОВИЧЪ.

Святый Боже, Святый Крѣпкій...

О, необъятныя, непостижимыя силы!
Безпомощно крыльями бью я,
Какъ птица ночная, что смотритъ
Налитыми кровью глазами
На солнечный блескъ...

Святый Боже! Святый Крѣпкій!
Сзятый Безсмертный!

А кровь, что течетъ неустанно
Изъ сердца чернѣющей раны,
Крылья залила мои...
Глаза мои мгла застилаетъ,
И мгла эта—гибель для сердца,
И мгла эта—смерть для души.
Пусть она и Твоей будетъ смертью.
Святый Боже, Святый Крѣпкій,
Святый Безсмертный,

Помилуй насъ!
И пусть тѣ слезы,
Что въ ясное утро
Висятъ на колосьяхъ хлѣбовъ отдохнувшихъ,
Иль пѣной жемчужной покрыли луга
Снами окутанныхъ травъ,
Жалобой громкою станутъ
И пусть поплывутъ—безъ конца—
Онѣ къ Зорямъ Твоимъ...
Пусть въ лохмотья порвутъ и отрепья
Тотъ разсвѣта кровавый пожаръ,
Гдѣ скорбь и отчаянье дремлютъ,—
Гдѣ дремлютъ эти міры,
Которые Дьяволъ создалъ
Иль, можетъ быть, Ты, о Безсмертный,
Святый Крѣпкій Боже!..

Отчего изъ моихъ только устъ
Должна рваться кровавая пѣсня?
Плачь со мной!
Отчего въ эту темную бездну
Суждено мнѣ идти одному,
Хотя всюду сверкаетъ полуденный зной?..
Отчего суждено мнѣ идти на распутье,
Гдѣ кресты, покосившись, стоятъ близъ дороги
И гдѣ во́роны, сидя на нихъ, разсыпаютъ
Своимъ клювомъ древесную гниль?

Пусть скорби глухія не молкнутъ!..

Иди же со мной!

Сбрось съ себя, Отче, лучистую ризу,
Оставь Свою силу Владыки Міровъ,
Что, какъ заря надъ пучинами моря,
Горитъ надъ бездонной пучиной вѣковъ!
Стань такимъ жалкимъ, какъ я, и согбеннымъ,
Одѣтымъ въ лохмотья земной нищеты,
И узкой межою надъ полемъ ячменнымъ
Иди на распутье, гдѣ плачутъ кресты,—
Гдѣ плачутъ кресты надъ забытой могилой
Давно позабытаго сына земли!
Или со всею предвѣчною силой,

Безконечною силой десницы Твоей,
Стань близъ меня и расширь мою душу,—
Пусть, какъ Твоя, она будетъ безбрежна
И, какъ Твоя, глубока!
И зрачки моихъ глазъ, устремленныхъ въ міръ,
скорби,
Разорви, о Владыка скорбящихъ міровъ,
До необъятныхъ границъ,
И иди вслѣдъ за мной, по межѣ, среди поля,
Къ придорожьямъ, поросшимъ густою травой,
Гдѣ присѣла Слѣпая, несчастная Доля...

Волосы пыльные вѣтромъ разметаны,
Впадины глазъ ея полны песку,
Солнце, разжегшее небо бездонное,
Жжетъ пожелтѣвшую кожу висковъ.
Жаръ по лицу ручейками струится,
Зной сушитъ чахлыя груди ея,
Губы засохшія тщетно раскрыты—
Алчутъ живящей прохлады онѣ...
Колоколъ мѣрно гудитъ,
Стономъ ползетъ по сожженнымъ лугамъ,
Плачемъ—несется по мертвымъ полямъ,
Словно онъ хочетъ своими слезами
Изсохшія рѣки сравнять съ берегами...
Вотъ онъ замолкъ у прибрежныхъ березъ...
Снова сорвался и снова гремитъ,
Стонетъ, рыдаетъ, гудитъ и гудитъ
Въ часъ этотъ скорби и слезъ...

На землѣ, уходящей въ безбрежную даль,
Величіе смертнаго часа;
Повсюду бѣлѣютъ на ней груды тѣлъ,
Оставленныхъ безъ погребенья...
А тѣ все идутъ,—
И ужасъ ихъ гонитъ впередъ...
И у каждаго свѣшена внизъ голова,
И у каждаго ноги трясутся,
И Распятья дрожатъ въ исхудалыхъ рукахъ...
Хоругвями вѣтеръ играетъ,
Печальныя свѣчи, тускнѣя, горятъ
Въ безжизненномъ солнечномъ блескѣ.

И смерть передъ этой толпою идетъ,
Торжественно-гордо шагаетъ,
Насмѣшливо зубы оскаливъ,
И машетъ своею стальною косой,
Что въ зноѣ полдневномъ сверкаетъ.
А надъ ея головой,
Словно горлянды изъ черныхъ цвѣтовъ,
Взрощенныхъ дыханьемъ печали,
Гдѣ дремлютъ гробницы вѣковъ,
Голодные во́роны кружатъ стадами,
Темною тучей,—
И, вытянувъ клювы,
Жадно вдыхаютъ
Отраву, которою дышитъ земля,—
Зловонное смерти дыханье...
А смерть все шагаетъ впередъ и впередъ;
Съ каждымъ шагомъ на версты уходитъ
И коситъ своею стальною косой,—
И, какъ колосья въ день жатвы обильной,
Такъ поколѣнья людскія ложатся
Одно за другимъ,—
На громадной равнинѣ,
Что отдалась ея власти спокойно,
Что отдалась ея власти, не зная.
О, рыданья, мольбы колокольнаго звона,
О, деревьевъ желтѣющихъ шумъ,
О, Боже, Святый и Безсмертный!..

А тѣ все идутъ,
Утопая въ лучахъ раскаленнаго солнца...
Колоколъ мѣрно гудитъ,
Плыветъ въ переливахъ лучей золотистыхъ,
По волнамъ искрящейся пыли,
Въ тихой грусти пшеничныхъ полей.
Къ одинокой могилѣ
Человѣка, забытаго всѣми...

Одинокую ройте могилу!
Пусть свои кости въ ней сложитъ
Тотъ, кто изъ матери чрева
Вынесъ несчастную долю.
Неутолимой тоскою гонимый,

Бѣжалъ онъ за призракомъ скорби,
Которая только и можетъ
Слабому дать человѣку
Голосъ всесильный,
Вырвать изъ слабой души вдохновенную пѣсню,
Мірамъ подающую жизнь.

Одинокую ройте могилу,
Гдѣ бѣлый тысячелистникъ
Растетъ у подножья
Креста,—
Гдѣ въ солнечный полдень
Сходятся духи родные
Толпою забытыхъ тѣней,
И, сѣвши на выжженной солнцемъ травѣ,
Стонутъ и глухо рыдаютъ.
И стонъ этотъ мчится по сжатымъ полямъ,
Вторя мольбѣ колокольнаго звона.

Одинокую ройте могилу!
Тамъ, на широкой межѣ,
Гдѣ шершавый лопухъ зеленѣетъ,
Гдѣ подбѣлъ серебристый блеститъ,
Гдѣ полынь полевая пушится
Мягкимъ бархатомъ листьевъ своихъ!
Тамъ, гдѣ оврагъ этотъ сонный
Съ неподвижной водою на днѣ,
Гдѣ тѣ все идутъ, утопая,
Въ лучахъ раскаленнаго солнца,
Гдѣ пыль надъ дорогой клубится столбомъ,
Одинокую ройте могилу!
Гдѣ тоскливо озеро блещетъ вдали,
Гдѣ лютикъ въ лугахъ отцвѣтаетъ,
Гдѣ курганы сраженныхъ бойцовъ
Безжалостный плугъ разрываетъ,
Одинокую ройте могилу!
. . . . . .
А тѣ все идутъ,
Утопая въ блестящемъ осеннемъ туманѣ,
Какъ тѣни,
Къ огромной могилѣ идутъ.
За ними цвѣты полевые

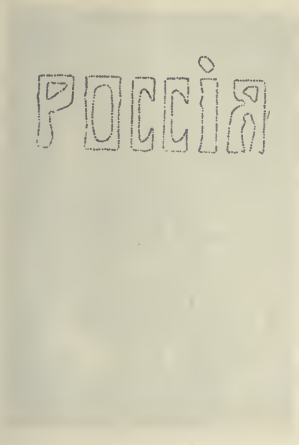
Съ песчаныхъ отлоговъ сошли...
Тронулся тысячелистникъ
И дикой сирени кусты...
Въ прудахъ камыши зашумѣли
И, илъ отряхнувши съ корней,
Двинулись слѣдомъ на ними.
Въ болотахъ тростникъ пожелтѣвшій.
Зеленый репейникъ въ поляхъ,
И цвѣты бѣлены,
И шиповникъ тернистый—
Встали
И слѣдомъ пошли...
Мягкими листьями
Ивы шуршатъ у дороги,
И въ тихомъ, печальномъ раздумьи идутъ
Слѣдомъ за всѣми...
Всюду ковры опустѣвшихъ полей,
Снявшись съ родимой земли,
Словно громадныя стѣны,
Вверхъ поднялись
И плывутъ
Въ этотъ великій часъ скорби...
А Ты, о Боже,
Безсмертный Боже,
Въ вѣнцѣ изъ лучей золотистыхъ
На тронѣ своемъ недоступномъ
Сидишь ты средь звѣздъ,
Съ шестиконечнымъ крестомъ подъ ногами,
И, звѣздную пыль отмѣряя въ песочныхъ часахъ,
Ты даже не взглянешь на бѣдную землю!
Помилуй, помилуй насъ!
Ты солнцамъ пути назначаешь
И гасишь звѣзды,
Ты въ небѣ зарю зажигаешь
И сѣешь зачатіе жизни
На нивѣ страданій людскихъ,
Гдѣ люди должны умирать
И лежать въ одинокой могилѣ.
Помилуй, помилуй насъ!
О Боже, о Крѣпкій!
Ты, упиваясь величіемъ міра,

Не видишь, что голодъ у насъ,
Что мрутъ всѣ голодною смертью!
А Дьяволъ, какъ левъ по пустынѣ,
Ходитъ по нашей землѣ
И сѣти свои разставляетъ
На бѣдныхъ людей.

Солнце зайти не успѣло,
А дьяволъ поднялся съ болотъ,
Гдѣ ночью, мелькая огнями,
Летаетъ онъ взадъ и впередъ,—
И въ часъ, когда солнце бросаетъ
Короткія тѣни повсюду,
Съ скелетомъ онъ братски обнялся
И выше косы его сталъ онъ
И выше Тебя, Вездѣсущій!..
Есть ли громъ у Тебя
Есть ли туча въ полуденный зной,
Чтобы молніей грянуть
И избавить отъ Дьявола міръ?!
Бей его молніей, бей!
Пусть сгинетъ,
Пусть сгинетъ коварная сила,
Въ чьей власти и жизнь вся и смерть!!..
. . . . . .
О, дьяволъ!
Съ скелетомъ ты братски обнялся
И выше косы его острой
Въ небо ты сталъ уходить!..
А громъ вѣдь не грянулъ!?..
Съ неутолимой печалью
Я падаю ницъ предъ Тобой!
Сжалься надъ бѣдной землей,
Гдѣ скорбь и отчаянье дремлютъ,
Гдѣ скорбь и отчаянье звонъ колокольный
Страшною пѣсней покрылъ...
О, дьяволъ!
Рой мнѣ могилу
Въ заброшенномъ полѣ
Подъ глины холоднымъ покровомъ,
Гдѣ крестъ почернѣвшій стоитъ!

Но, чтобы травой не покрылась она,
Пляши на ней адскую пляску
Во вѣки вѣковъ.
А Ты, о Святый,
Ты, о Крѣпкій,
Безсмертный,
Ты, звѣздную пыль отмѣряя въ песочныхъ часахъ,
Сѣй здѣсь зачатіе жизни,
Чтобъ люди рыдали, какъ я,
Чтобъ такъ же, какъ я, проклинали,
Чтобъ въ душу щемящей молитвѣ,
Какъ стонъ колокольнаго звона,
Тщетно просили пощады!..
И, чтобъ со свѣчами въ рукахъ,
Шли къ той невѣдомой дали,
Шли къ той послѣдней могилѣ.
Чтобъ сохли, какъ слезы въ глазахъ,
Которые плакать ужъ больше не могутъ,
И чтобъ умирали, какъ я,
Святый и Безсмертный, Святый, Крѣпкій Боже!

ПЕРЕВ. В. ВЫСОЦКІЙ.


РОССІЯ

ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Р. 1853-1900.

* * *

Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами
Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.
Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
Еще летали сны—и схваченная снами
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.

Въ холодный бѣлый день дорогой одинокой,
Какъ прежде, я иду въ невѣдомой странѣ.
Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
Какъ труденъ горный путь, и какъ еще далеко
Далеко все, что грезилося мнѣ.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ,
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами
Весь пламенѣющій побѣдными огнями
Меня дождется мой завѣтный храмъ.

Кумиръ Небукаднецара.

Онъ былъ великъ, тяжелъ и страшенъ,
Съ лица какъ быкъ, спиной—драконъ,
Надъ грудой жертвенною брашенъ
Кадильнымъ дымомъ окруженъ.

Толпы несмѣтныя кишѣли,
А тамъ подъ мусикійскій громъ
Жрецы послушно гимны пѣли,
Склонясь предъ новымъ алтаремъ.

И отъ Египта до Памира
На зовъ сошлись князья земли
И рукотворнаго кумира
Владыкой жизни нарекли.

И противъ идола на тронѣ
Въ рукѣ держа священный шаръ
И въ семиярусной коронѣ
Явился Небукаднецаръ.

Онъ говорилъ: „Мои народы!
Я царь царей, я богъ земной.
Вездѣ топталъ я стягъ свободы,
Земля умолкла предо мной.

Но видѣлъ я, что дерзновенно
Другимъ молились вы богамъ,
Забывъ, что только царь вселенной
Могъ дать боговъ своимъ рабамъ.

Теперь намъ богъ дается новый,
Его святилъ мой царскій мечъ,
А для ослушниковъ готовы
Кресты и пламенная печь“.

И по равнинѣ дикимъ стономъ
Пронесся кличъ: „Ты богъ боговъ“!
Сливаясь съ мусикійскимъ звономъ
И съ гласомъ трепетныхъ жрецовъ.

Въ сей день безумства и позора
Я крѣпко къ Господу воззвалъ,

И громче мерзостнаго хора
Мой голосъ въ небѣ прозвучалъ.

И отъ высотъ Нахараима
Дохнуло бурною зимой.
Какъ пламя жертвенника зримо
Твердь разступилась надо мной.

Все небо ярко пламенѣло...
И дунулъ духъ и погасилъ
Огонь небесъ, и поблѣднѣло
Лице земли предъ Богомъ силъ.

И бѣлоснѣжныя метели,
Мѣшаясь съ градомъ и дождемъ,
Корою льдистою одѣли
Равнину Дурскую кругомъ.

Онъ палъ въ паденіи великомъ
И опрокинутый лежалъ,
А отъ него въ смятеньѣ дикомъ
Народъ испуганный бѣжалъ.

. . . . . .

* * *

Опять надвинулись томительныя тѣни
Забытыхъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грезъ,
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни,
И къ невозвратному бѣгутъ потоки слезъ.

Не объ утраченныхъ: о нѣтъ, они вернутся,—
Того мгновенья жаль, что сгибло навсегда,
Его не воскресить, и медленно плетутся
За мигомъ вѣчности тяжелые года.

Иль эта мысль обманъ, и въ прошломъ только тѣни
Забытыхъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грезъ?
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни.
И къ невозвратному бѣгутъ потоки слезъ.

Отшедшимъ.

Едва покинулъ я житейское волненье,
Отшедшіе друзья ужъ собрались толпой,
И прошлыхъ смутныхъ лѣтъ далекія видѣнья
Яснѣе и яснѣй выходятъ предо мной.
Весь свѣтъ земного дня вдругъ гаснетъ и блѣднѣетъ,
Печалью сладкою душа упоена,
Еще незримая уже звучитъ и вѣетъ
Дыханьемъ Вѣчности грядущая весна.
Я знаю: это вы къ землѣ свой взоръ склонили,
Вы поняли меня надъ тяжкой суетой
И память вѣчнаго свиданья оживили,
Едва не смытую житейскою волной.
Еще не вижу васъ, но въ часъ предназначенья,
Когда злой жизни дань всю до конца отдамъ,
Вы въявь откроете обитель примиренья,
И путь укажете къ немеркнущимъ звѣздамъ.

* * *

Зачѣмъ слова? Въ безбрежности лазурной
Эѳирныхъ волнъ созвучныя струи
Несутъ къ тебѣ желаній пламень бурный
И тайный вздохъ нѣмѣющей любви.
И трепеща у милаго порога,
Забытыхъ грезъ къ тебѣ стремится рой.
Недалека воздушная дорога,
Одинъ лишь мигъ,—и я передъ тобой.
И въ этотъ мигъ незримаго свиданья
Нездѣшній свѣтъ вновь озаритъ тебя,
И тяжкій сонъ житейскаго сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

КОНСТАНТИНЪ ФОФАНОВЪ.

Р. 1862.

На Невѣ.

Нѣтъ ночи, а не день. Надъ сонною Невою
Вечерняя заря румянится тепло,
Но вѣтеръ ужъ пахнулъ прохладою ночною
И морщитъ свѣтлыхъ водъ спокойное стекло.
Пурпурнымъ янтаремъ пылаютъ окна зданій,
Какъ будто бы тамъ ночь справляетъ пиръ весны.
Узоры пестрыя далекихъ очертаній
Въ лиловый полумракъ какъ въ дымъ погружены.
Удавомъ каменнымъ змѣится цѣпь гранита
И паутиной мачтъ темнѣютъ корабли;
Уныло ночь молчитъ,—и грусть кругомъ разлита,
И слышенъ вздохъ небесъ въ молчаніи земли.

И точно чей-то глазъ, какъ лучъ любви случайной,
Мнѣ въ душу заглянулъ пытливо и свѣтло,—
И все, что́ было въ ней загадкою иль тайной,—
Все въ звуки облеклось, все имя обрѣло.

И страстныя мечты, больныя до истомы,
Наполнили меня блаженною тоской...
И мнится, что вокругъ всѣ пышныя хоромы,
Вся эта ночь и блескъ намъ вызваны мечтой.
И мнится—даль небесъ какъ пологъ распахнется
И каменныхъ громадъ недвижный караванъ
Еще мгновеніе... волнуясь, колыхнется—
И въ блѣдныхъ небесахъ исчезнетъ какъ туманъ.

Осень.

Ужъ холодомъ вѣетъ осеннимъ,
И мнится, вершины шумятъ:
Мы плащъ зеленѣющій смѣнимъ
На ярко пурпурный нарядъ...

И вечеръ осенній такъ кротокъ,
И грусть его сердцу мила,
Какъ свѣтъ изъ больничныхъ рѣшетокъ,
Какъ дыма кадильнаго мгла.

Со стукомъ проѣхали дровни,
На улицѣ стало темнѣй,—
И запахъ кофейной жаровни
Пахнулъ изъ открытыхъ сѣней.

Тамъ цѣпь фонарей потонула
Въ дали, отуманенной сномъ,
Тамъ ранняя лампа мелькнула
Въ окнѣ красноватымъ пятномъ.

И въ темной аллеѣ бульвара
Подъ вечеръ разлуки нѣмой
Гуляетъ унылая пара,
Шумя несметенной листвой.

Весенняя запѣвка.

Судьба—моя кудесница.
Для милыхъ сновъ, для нѣжныхъ словъ,—
Любовь—тоски предвѣстница,
Согрѣй меня весной огня...

Весна любви ровесница!
Идетъ весна при шумѣ водъ,
Цвѣты кропитъ, въ цвѣтахъ поетъ...
Идетъ весна,—встаетъ отъ сна

Кто солнцу милъ, кто вѣрой жилъ,
Чья дума не разгадана...
Ползетъ съ могилъ, какъ дымъ кадилъ,
Туманъ душистѣй ладана!..

Вечеръ.

Заря не растаяла
Румянцемъ блистающимъ,
А сумерки бѣлыя
Плывутъ и колышутся,
Мѣшаяся съ пурпуромъ,
На западѣ гаснущимъ.

Двѣ ласточки рѣзвыя
Косыми полетами
Къ ночлегу завѣтному,
Къ церковному куполу
Спѣшатъ, отягченныя
Весеннею дремою.

Вонъ жукъ тяжко хлопнулся,
Съ налета, о бѣлую

Березу ударившись.
Сирень замечталася
И сладкимъ дыханіемъ
Блаженство привѣтствуетъ...

Вонъ въ небѣ лазоревомъ
Сребристое облако,
Какъ ангелъ мечтательный,
Летитъ въ невозвратное
Изъ лона минутнаго...
О вечеръ... О призраки!..

Весна и ночь.

Весна и ночь! Вдали мерцанье—
Зари негаснущей огни.
И въ рощѣ, въ спутанной тѣни,
Неясныхъ звуковъ трепетанье...
И не поймешь, гдѣ день погасъ,
Гдѣ жизнь еще пугливо бьется?
Гдѣ новый день для слезъ проснется?
И что безгрѣшнѣй въ этотъ часъ:
Земля ли въ зелени цвѣтущей,
Иль небо въ аломъ янтарѣ?
И ближе молодость къ зарѣ,—
И ближе къ сердцу Вездѣсущій!
Душа, отвыкшая отъ грезъ,
Готова вѣрить вешней ночи;
И алчетъ умъ и жаждутъ слезъ
Не разъ обманутыя очи.
И жизнь влечетъ, и вновь меня
Томитъ весны больная ласка,
Какъ недосказанная сказка
У догорѣвшаго огня...

Грусть сосенъ.

Шелъ я весною, въ сумеркахъ туманныхъ,
Рощей сосновой, тихою дорогой...
Хмурыя сосны въ думахъ неустанныхъ
Вслѣдъ мнѣ шептали, съ тайною тревогой:

„Грустно намъ, грустно, соснамъ молчаливымъ,
Грустно намъ думать думы вѣковыя!
Снѣжной метелью, вечеромъ тоскливымъ
Мы одѣвались въ ризы ледяныя;
Пѣли намъ, пѣли зимнія метели;
Слаще ихъ птицы майскія споютъ намъ!
Вотъ,—изъ-подъ снѣга воды зашумѣли,
Птицы щебечутъ въ гнѣздышкѣ уютномъ.
Долго и долго солнышко насъ грѣло!—
Встрѣтили много бѣлыхъ зимъ и весенъ,
Долго росли мы, тихо и несмѣло,—
Много погибло насъ, косматыхъ сосенъ...
Много сорвало бурями сердито...
Плачемъ смолою, если вечеръ зноенъ!
Радостное солнце нами позабыто,
Трауръ нашъ теменъ, ропотъ нашъ нестроенъ".

Такъ мнѣ шептали сосны-великаны,
Шлемы колебля въ воздухѣ румяномъ...
Дымно вставали влажные туманы,
Плыли надъ ними тучи караваномъ.
Въ рощѣ сосновой хвоями и мохомъ
Почва дышала въ трепетѣ уныломъ...
Плакало сердце; съ облегченнымъ вздохомъ
Слезы катились о далеко миломъ!..

* * *

Все спокойно во мракѣ;
Только лаютъ собаки,
Только лаютъ собаки
Лишь однѣ
Въ сторонѣ.

Я иду по дорогѣ
Полный смутной тревоги,
Полный смутной тревоги,
Наобумъ,
Полный думъ.

Какъ бульвары пустынны!
Молчаливы вершины,
Молчаливо вершины
Изъ оградъ
Смотрятъ въ рядъ.

О покой безмятежный
Лейся въ грудь мнѣ, безбрежный,
Лейся въ сердце, безбрежный,
О покой
Роковой!

Истомился я страстно
И еще все напрасно,
И еще все напрасно
Счастья жду
И—иду!

Осень.

День осенній, день унылый
Сѣетъ мглою и дождемъ,
И разрытою могилой
Пахнетъ въ воздухѣ сыромъ...

Какъ больной, глядитъ сквозь слезы.
Опечалившійся день
На поникшія березы,
На опавшую сирень...
Хмѣль засохъ вокругъ бесѣдки,
И летятъ со всѣхъ сторонъ
На обвѣтренныя вѣтки
Стаи черныя воронъ...
Въ ихъ тревогѣ торопливой,
Въ рѣзкомъ крикѣ слышны мнѣ
Смѣхъ надъ долею счастливой
И укоръ былой веснѣ...

* * *

Когда пытливый міръ все побѣдитъ умомъ,
Свершивъ свои мечты къ послѣднему столѣтью,
Оцѣпитъ города таинственною сѣтью
Воздушныхъ проволокъ, сведя на землю громъ;
Въ стремленіи труда отыметъ все у Бога,
Все у небесъ возьметъ, какъ взялъ все отъ земли,
И въ дерзкой радости подыметъ корабли
Въ безвѣтренную высь эфирнаго чертога,—
Тогда, отпраздновавъ свершенныя мечты
И торжество ума святыней именуя,
Отвыкнетъ человѣкъ отъ ласкъ и поцѣлуя,—
Страшнѣе станетъ вопль и зависть нищеты.
А тѣ, что въ жаждѣ думъ поработятъ природу,
Мучительный въ сердцахъ почувствуютъ разладъ,
И въ наслажденіи испивъ до капли ядъ,
Неволей назовутъ желанную свободу,
Тогда извѣрившись, остынетъ грудь земли,
Послѣдняя заря блеснетъ, какъ избавленье,
И все, къ чему вѣка пытливо насъ влекли,
Покроетъ вѣчное забвенье.

* * *

Въ хаосѣ дѣвственной природы
Носился свѣтлый духъ Творца,
Онъ создавалъ и твердь и воды,
И сѣялъ звѣзды безъ конца.
Дохнулъ онъ вихремъ знойной бури—
Эфиръ волненья потрясли,
И встало солнце на лазури,
И утвердился шаръ земли.
Дожди вспоили землю щедро,
И въ часъ блаженнаго утра
Зазеленѣли иглы кедра,
Раскрыли пальмы вѣера.
И Духъ, рожденный прежде вѣка,
Исполненъ благости и силъ,
Изъ глины вызвалъ человѣка
И безмятежно опочилъ.
Но—окрыленный мыслью страстной,
Зажегся онъ въ людскихъ сердцахъ—
Досоздавать свой міръ прекрасный
Въ безсмертныхъ образахъ и снахъ...

* * *

Заря вечерняя, заря прощальная
На небѣ ласковомъ тепло румянится...
Дорога длинная, дорога дальная,
Какъ лента синяя, пестрѣя, тянется.

Мечтаю сумрачно, гляжу разсѣянно.
Душа отзывчивѣй, сны суевѣрнѣе...
И какъ печаль моя, какъ дымъ развѣяна
Заря прощальная, заря вечерняя.

* * *

Отъ луны небесной, точно отъ лампады,
Бѣлый и прозрачный блескъ разлитъ. Вдали
Темныя аллеи, полныя прохлады,
Шепчутся о тайнахъ неба и земли...

Гдѣ-то торопливо скрипнула калитка,
Кто-то раздвигаетъ влажную сирень...
Вонъ въ саду мелькнула бѣлая накидка,
Въ озаренной чащѣ проскользнула тѣнь...

Нѣтъ, вокругъ все тихо! Это только греза!
За окошкомъ осень... Это шепчетъ мнѣ
Въ ароматной дремѣ молодая роза,
Тихо увядая на моемъ окнѣ...

* * *

Вечерняя дума—молитва моя;
Съ вечернею думой свыкаюся я...
И сердце въ печали не дремлетъ,
И очи раскрылись отъ слезъ, какъ цвѣты,
И ночь зажигаетъ, какъ звѣзды, мечты,
И слухъ мой небесному внемлетъ.
Я счастливъ унынъемъ, какъ сумракомъ лѣсъ
И странной игрою волшебныхъ чудесъ,
Что ночь совершаетъ незримо.
И мнится, исчезнетъ въ огнѣ бытія
Вечерняя дума—молитва моя,
Какъ ночь пролетѣвшая мимо!..

А. М. ѲЕДОРОВЪ.

Р. 1868.

* * *

Весенній вѣтеръ дико бушевалъ.
Сѣдое море билось и ревѣло
И пѣною уступы черныхъ скалъ,
Какъ саваномъ безжизненнымъ, одѣло,

Съ тобою шли мы противъ бури смѣло.
Порой волны разбившійся кристаллъ
Насъ брызгами хмѣльными обдавалъ.
На холодѣ лицо отъ нихъ горѣло.

Безумныхъ словъ ты слушать не хотѣла,
И я тогда тебя поцѣловалъ.
Тотъ поцѣлуй такъ ясно разсказалъ

Все, что въ словахъ безсильныхъ холодѣло!
И ты ему противиться не смѣла,
Какъ этой бурѣ ввѣрившійся валъ.

Ковыль.

Мы ѣхали шагомъ. Бубенчики странно
Звенѣли, какъ будто дремля;
И слѣва и справа бѣлѣлся туманно
Сѣдѣющій пухъ ковыля.
Съ задумчивымъ небомъ сливались въ безсильи
Созвѣздій родныхъ янтари;
Смѣлѣе и шире взвивалися крылья
Побѣдной весенней зари.
Росилася степь, и росою прибита
Была придорожная пыль;
На ней отмѣчались колеса, копыта...
И слѣва и справа—ковыль.
Ямщикъ задремалъ. Такъ беззвучно, безлюдно
Маячила даль въ полумглѣ,
Что какъ-то повѣрить казалося трудно,
Что мы не одни на землѣ,
Что гдѣ-то есть люди, борьба и тревога...
Что все здѣсь не сказка, а быль:
Степь, тройка, бубенчикъ, заря и дорога,—
И слѣва, и справа ковыль.

* * *

Мнѣ грустно безъ тебя во мракѣ сѣрыхъ будней.
Ничто не радуетъ, не манитъ, не влечетъ,
И чѣмъ вокругъ меня шумнѣй и многолюднѣй,
Тѣмъ одиночества томительнѣе гнетъ.

Я такъ томлюсь. Мнѣ скучно ненавидѣть,
Скучнѣй искать въ любви забвенья съ кѣмъ-нибудь.
О, еслибъ хоть во снѣ я могъ тебя увидѣть!
Мой другъ, далекій другъ, откликнись... Не забудь!

Изъ книги Іезекіиля.

На мнѣ десница Господа почила.
Господь мой духъ направилъ. Онъ въ поля
Меня повелъ; и тамъ была земля
Костьми людей покрыта какъ могила.
И Онъ близъ нихъ окрестъ меня обвелъ;
И было въ полѣ ихъ неисчислимо;
И вотъ они лежали недвижимо,
Изсохшія... и бысть его глаголъ:
„Сынъ человѣческій! Ожить костямъ дано ли?“
И я сказалъ: „Въ Твоей, о, Боже, волѣ!“
И рекъ Господь: „Пророчествуй костямъ;
Скажи: „Внемлите днесь Господне слово,
Сухія кости, и возстаньте снова:
Такъ Богъ Господь повелѣваетъ вамъ!
И духъ вдохну я въ васъ и оживете,
И обвяжу васъ жилами, и плоти
Предамъ, и кожей облеку я плоть,
И вамъ откроется, что я вашъ Богъ Господь!“
И я изрекъ пророчество, какъ было—
Дано. Когда жъ пророчествовалъ я,
Поднялся шумъ и ожила могила;
Сближаться стали кости, и своя
Нашла свою. И видѣлъ я, вотъ жилы
Связали ихъ, вотъ облекла ихъ плоть,
И кожа плоть ихъ поверху покрыла,
Но не было въ нихъ духа и Господь
Мнѣ снова рекъ: „Сынъ человѣка, нынѣ
Взывай ко духу! Духу ты вѣщай:
„Господь Богъ Адона и рекъ.—Внимай,
Отъ четырехъ вѣтровъ приди къ пустынѣ,
На мертвецовъ—да оживутъ—дохни!“
И я изрекъ пророчество, какъ было—
Дано. И духъ вошелъ въ нихъ: и они
Возстали на ноги—и полчище ожило!

Сиріусъ.

Надменный Сиріусъ на полночи стоялъ.
Звенѣлъ морозный вихрь въ вѣтвяхъ обледенѣлыхъ.
На гребняхъ тяжкихъ волнъ, въ поломахъ снѣжно-
бѣлыхъ
Дробился лунный свѣтъ и искрами блисталъ.
Но глухъ былъ грохотъ волнъ, отъ бури посѣ-
дѣлыхъ,
Какъ будто съ вѣчныхъ горъ катился внизъ обвалъ,
И клочья пѣны вихрь налетомъ съ нихъ срывалъ
И вѣшалъ на камняхъ и скалахъ почернѣлыхъ.

Въ спокойныхъ гаваняхъ дремали корабли,
Но гордый огонекъ замѣтилъ я вдали,—
То вдругъ онъ возникалъ, то пропадалъ въ просторѣ.
Безумная душа, кто ты? Зачѣмъ? Куда?
Холодный мракъ прожгла падучая звѣзда,
А тамъ, гдѣ былъ огонь, одѣлось въ трауръ море.

Женщина въ траурѣ.

По шумной улицѣ она, какъ призракъ, шла,
Вся въ траурѣ, беззвучно и устало,
И тѣнью черною безсильнаго крыла
Съ ея плеча скользило покрывало.
Надъ городомъ сгущалась полумгла.
Сіянье заревое догорало.
Въ ея глазахъ и въ блѣдности чела,
Казалось, также солнце умирало.

И поравнялась эта тѣнь со мной.
Тревожный вѣтеръ, первый вздохъ ночной,
Вдругъ всколыхнулъ холодный мракъ вуаля,
И онъ коснулся сердца моего,
И въ немъ съ тѣхъ поръ все траурно, мертво,
А тѣнь живетъ, весь міръ собой печаля.

Эмигранты.

I.

Атлантика! Твое величіе угрюмо,
И волны изступленныя твои
Блестятъ зелеными отливами змѣи,
И змѣй шипѣніе я слышу въ волнахъ шума.
Во чревѣ корабля, въ грязи и смрадѣ трюма
Гонимая толпа кишитъ, какъ муравьи.
Корабль качается на волнахъ въ забытьи.
О, одинокая, затерянная дума!

Ни встрѣчи, ни огня. За днями дни идутъ.
Смѣняетъ сумракъ ночь. Пожаромъ блещутъ зори,
А береговъ все нѣтъ. И кажется, что горе
Заколдовало насъ межъ небомъ и водой,

Что мы ужъ здѣсь давно. Что нашъ корабль железный
Сроднился съ этою тоскующею бездной
И самъ, какъ океанъ, сталъ древній и сѣдой.

II.

Покрытый пѣной, точно конь,
Корабль летитъ въ беззвѣздномъ мракѣ
И чертитъ топовый огонь
Вверху таинственные знаки.
Въ снастяхъ натянутыхъ гудитъ
Холодный вѣтеръ. Пой, бездомный,
Пѣснь угнетенья и обидъ,
Пой и рыдай о долѣ темной.
Она здѣсь носится, какъ ты,
Тоскуетъ, молится и плачетъ,
И въ пасть голодной темноты
Признанья горестныя прячетъ.

* * *

Скрежещетъ ключъ въ замкѣ. Калитка отомкнута
И снова замкнута. Я здѣсь, въ своему саду.
Я снова одинокъ. Я никого не жду,
Никто не ждетъ меня у моего прюта.

Ни свѣта за окномъ, ни ласки, ни уюта.
По влажному песку среди деревъ иду.
Лишь полки вѣрныхъ книгъ на мѣстѣ я найду,
И за минутою потянется минута...

Днемъ буду я бродить, а по ночамъ читать,
Читать до одури, безсонницей томиться
И слушать, какъ въ окно бьетъ вѣтеръ, дождь стучится,

И бурныхъ волнъ морскихъ тоскующая рать
Гремитъ у берега, рыдаетъ на просторѣ,
Хоронитъ прошлое и окликаетъ горе.

* * *

Степная ночь молилась Богу;
И Богъ съ небесъ благословилъ
Хлѣба и травы и дорогу,
Гдѣ я съ тобою проходилъ.

Надъ степью рѣялъ гулъ печальный,
Какъ дальній звонъ колоколовъ.
Журчалъ въ немъ хоръ сверчковъ хрустальный,
Плескался свистъ перепеловъ.

Звѣзда пронзила мракъ, и въ очи
Взглянула мнѣ душа весны,
Широкой степи, кроткой ночи
И златоокой тишины.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

Р. 1866.

Передъ зарей.

Устремляя наши очи
На блѣднѣющій востокъ,
Дѣти скорби, дѣти ночи,
Ждемъ, придетъ ли нашъ пророкъ.
Мы невѣдомое чуемъ,
И, съ надеждою въ сердцахъ,
Умирая, мы тоскуемъ
О несозданныхъ мирахъ.
Дерзновенны наши рѣчи,
Но на смерть осуждены
Мы, какъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны.
Погребенныхъ воскресенье
И, среди глубокой тьмы,
Пѣтуха ночное пѣнье,

Холодъ утра—это мы;
Наши гимны—наши стоны.
Мы для новой красоты
Нарушаемъ всѣ законы,
Преступаемъ всѣ черты.
Мы—соблазнъ неутоленныхъ,
Мы—посмѣшище людей,
Искра въ пеплѣ оскорбленныхъ
И потухшихъ алтарей.
Мы—надъ бездною ступени,
Дѣти мрака, солнца ждемъ.
Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
Мы въ лучахъ его умремъ.

* * *

Если розы тихо осыпаются,
Если звѣзды меркнутъ въ небесахъ,
Объ утесы волны разбиваются,
Гаснетъ лучъ зари на облакахъ,—

Это смерть,—но безъ борьбы мучительной;
Это смерть, плѣняя красотой,
Обѣщаетъ отдыхъ упоительный,—
Лучшій даръ природы всеблагой.

У нея, наставницы божественной,
Научитесь, люди, умирать,
Чтобъ съ улыбкой кроткой и торжественной
Свой конецъ безропотно встрѣчать.

Пантеонъ.

Путникъ съ печальнаго Сѣвера къ вамъ, Олимпійскіе боги,
Сладостнымъ страхомъ объятъ, въ древній вхожу Пантеонъ.
Духъ вашъ, о люди, лишь здѣсь споритъ въ величьи съ богами.
Гдѣ же безсмертные, гдѣ—Рима всемірный Олимпъ?
Нынѣ кругомъ запустѣніе, нынѣ царитъ въ Пантеонѣ
Древнему сонму боговъ чуждый, невѣдомый Богъ!
Вотъ Онъ, распятый, пронзенный гвоздями, въ коронѣ терновой.
Мука—въ безкровномъ лицѣ, въ кроткихъ очахъ Его—смерть.
Знаю, о боги блаженные, мука для васъ ненавистна.
Вы отвернулись, рукой очи въ смятеньи закрывъ.
Вы улетаете прочь, Олимпійскія свѣтлыя тѣни!..
О, подождите, молю! Видите: это мой Братъ,
Это—мой Богъ!.. Передъ Нимъ я невольно склоняю колѣни...
Радостно муку и смерть принялъ Благой за меня...
Вѣрю въ тебя, о Господь, дай мнѣ отречься отъ жизни,
Дай мнѣ во имя любви вмѣстѣ съ Тобой умереть!..
Я оглянулся назадъ; солнце, открытое небо...
Льется изъ купола свѣтъ въ древній языческій храмъ.
Въ тихой лазури небесъ—нѣтъ ни мученья, ни смерти:
Сладокъ намъ солнечный свѣтъ, жизнь—драгоцѣннѣйшій даръ!..
Гдѣ же ты, истина?.. Въ смерти, въ небесной любви и страданьяхъ;
Или, о тѣни боговъ, въ вашей земной красотѣ?
Спорятъ въ душѣ человѣка, какъ въ этомъ божественномъ храмѣ,—
Вѣчная радость и жизнь, вѣчная тайна и смерть.

Русскому посольству отвели помѣщеніе въ домѣ королевскаго нотаріуса, мэтра Гильома Боро́, недалеко отъ башни Орложъ—единственномъ домѣ, оставшемся свободнымъ въ городѣ, переполненномъ пріѣзжими.

Евтихію съ товарищами пришлось поселиться въ маленькой комнатѣ, похожей на чердакъ, подъ самою крышею. Здѣсь, въ углубленіи слухового окна, устроилъ онъ крощечную мастерскую: прибилъ къ стѣнѣ полки, размѣстилъ на нихъ гладкія дубовыя и липовыя дощечки для иконъ, муравленные горшечки съ олифою, съ прозрачнымъ стерляжьимъ и севрюжьимъ клеемъ, глиняные черепки и раковины съ творенымъ золотомъ, съ яичными вапами; поставилъ деревянный ящикъ, постланный войлокомъ, служившій ему постелью, и повѣсилъ надъ нимъ икону Углицкой Божьей Матери, подарокъ инока Данилы Чернаго.

Въ углу было тѣсно, но тихо, свѣтло и уютно. Изъ окна, между крышами и трубами, открывался видъ на зеленую Луару, на дальніе луга и синія верхушки лѣса. Порою снизу, изъ небольшого садика, въ открытое окно—дни стояли жаркіе—подымался духъ черемухи, напоминавшій Евтихію родину—знакомый огородъ на окраинѣ Углича, съ грядками укропа, хмеля, смородины, съ полуравалившимся тыномъ передъ старымъ домикомъ благовѣщенскаго пономаря.

Однажды вечеромъ, нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ въ Амбуазъ, сидѣлъ онъ одинъ въ своей мастерской.

Было тихо; только подъ окномъ слышалось воркованіе голубей, шелковый шелестъ ихъ крыльевъ, да порой мѣрный бой часовъ на сосѣдней башнѣ.

Онъ читалъ любимую книгу свою Иконописный Подлинникъ, сводъ краткихъ указаній,

росположенныхъ по днямъ и мѣсяцамъ,—какъ изображать святыхъ. Всякій разъ Евтихій, хотя зналъ эту книгу почти наизусть, перечитывалъ ее съ новымъ любопытствомъ, находилъ въ ней новую отраду.

„Какова была тѣлеснымъ образомъ Богородица?—читалъ онъ одно изъ своихъ любимыхъ въ книгѣ мѣстъ.—Росту средняго, видъ лица ея, какъ видъ зерна пшеничнаго; волоса желтаго; острыхъ очей, въ нихъ же зрачки подобныя плоду маслины; брови наклоненныя, изрядно-черныя; носъ не кратокъ; уста, какъ цвѣтъ розы,—сладковѣсія исполнены; лицо ни кругло, ни остро, но мало продолжено; персты же богопріимныхъ рукъ ея тонкостью источены были; весьма проста, никакой мягкости не имѣла, но смиреніе совершенное являла; одежду носила темную".

Читалъ также о великомученицѣ Екатеринѣ за красоту и свѣтлость лица своего получившей названіе отъ Еллиновъ „тезоименитая лунѣ", о Филаретѣ Милостивомъ, который „преставился, имѣя девяносто лѣтъ; но и въ такой старости не измѣнилося лицо его, благолѣпно же и прекрасно было, какъ яблоко румяное".

Но перевернувъ нѣсколько страницъ, прочелъ онъ въ той же книгѣ:

„9 Ноембрія, память преподобной Ѳеоктистіи Лезвіянини. Видѣлъ ее нѣкій ловецъ въ пустынѣ и далъ ей съ себя поняву прикрыть наготу тѣлесную; и стояла она передъ нимъ, страшная, только подобіе человѣческое имѣвшая; и не видно въ ней было плоти живой: отъ поста—однѣ кости да суставы, кожею прикрытыя; волосы бѣлые, какъ овечья волна, а лицо черно—мало нѣчто блѣдновато; очи глубоко западшія; и весь образъ ея таковъ, какъ образъ мертвеца, давно во гробѣ лежавшаго. Едва дышала и тихо говорить могла. И не было на ней отнюдь лѣпоты человѣческой".

„Значитъ,—подумалъ Евтихій,—не все, что свято—лѣпо: есть и въ поруганіи всей лѣпоты чело-

вѣческой у великихъ подвижниковъ, въ звѣриномъ образѣ—образъ ангельскій?"

И вспомнился ему св. Христофоръ, часто изображавшійся на русскихъ иконахъ, о которомъ сказано въ Подлинникѣ, подъ числомъ девятымъ мѣсяца Мая: „о семъ прекрасномъ мученикѣ нѣкое чудное глаголется—яко песію главу имѣлъ".

Ликъ псоглаваго святого наполнилъ сердце иконописца еще большимъ смятеніемъ. Все болѣе смутныя, жуткія мысли стали приходить ему въ голову.

Отложилъ въ сторону Подлинникъ и взялъ другую книгу, старую Псалтырь, писанную въ Угличѣ въ 1485 году. По ней учился онъ грамотѣ и тогда уже любовался простодушными заставными картинками, объяснившими псалмы.

Случилось такъ, что, съ самаго отъѣзда изъ Москвы, книга эта не попадалась ему на глаза. Теперь, послѣ множества видѣнныхъ имъ, во дворцахъ и музеяхъ Венеціи, Рима, Флоренціи, древнихъ изваяній, эти съ младенчества знакомые образы получили для него внезапный новый смыслъ: онъ понялъ, что голубой человѣкъ съ наклоненною чашею, изъ которой льется вода—къ стиху Псалтыри: „какъ желаетъ олень на источники водные, такъ желаетъ душа моя къ тебѣ, Боже",—есть богъ рѣчной; женщина, лежащая на землѣ среди злаковъ—Церера, богиня земли; юноша въ царскомъ вѣнцѣ на колесницѣ, запряженной красными конями—Аполлонъ, бородатый старикъ на зеленомъ чудовищѣ съ голою женщиною, къ псалму: „благословите источники моря и рѣки",—Нептунъ съ Нереидою.

Какимъ чудомъ, послѣ какихъ скитаній и превращеній, изгнанные боги Олимпа, черезъ древняго русскаго мастера, изъ еще болѣе древняго византійскаго подлинника, дошли до города Углича?

Обезображенные рукою художника-варвара, казались они неуклюжими, робкими, словно стыдящимися наготы своей, среди суровыхъ пророковъ и схимниковъ—полузамерзшими, какъ будто голыя тѣла ихъ окоченѣли отъ холода гиперборейской но-

чи. А между тѣмъ, кое-гдѣ, въ изгибѣ локтя, въ поворотѣ шеи, въ округлости бедра, мерцалъ послѣдній отблескъ вѣчной прелести.

И страхъ и удивленіе чувствовалъ Евтихій, узнавая въ этихъ съ дѣтства привычныхъ и любезныхъ, казавшихся ему святыми, картинкахъ Углицкой Псалтыри соблазнительную эллинскую нечисть.

Въ памяти его возникали и другіе грѣховные образы, преданія старыхъ русскихъ Сборниковъ—блѣдныя тѣни языческой древности: „дѣвица Горгонѣя, имѣющая лицо, перси и руки человѣчьи, ноги же и хвостъ лошадиные, а на головѣ ея змѣи, вмѣсто волосъ"; гиганты одноокіе, живущіе въ землѣ Сицилійской, подъ горою Этною; царь Китоврасъ или Кентавросъ, который „отъ главы человѣкъ, а отъ ногъ оселъ"; Исатары или Сатиры, обитающіе въ лѣсахъ со звѣрями, „хожденіемъ скорые—никто ихъ не догонитъ—а ходятъ нагіе, шерстью обросли, какъ еловою корою, не говорятъ, только блеютъ по козлиному".

Евтихій вздрогнулъ, очнулся, набожно перекрестился и прошепталъ успокоительное изреченіе русскихъ книжниковъ, которое слышалъ отъ Ильи Потапыча:

„Все лгано; не бывало Китовраса, ни дѣвицы Горгонѣи, ни людей въ шерсти, но эллинскіе философы ввели. Прелести же сіи правилами апостоловъ и святыхъ отцовъ отречены суть и прокляты".

И тотчасъ подумалъ,

„Такъ ли, полно? Все ли лгано, все ли проклято? Какъ же въ старыхъ русскихъ церквахъ, рядомъ со святыми угодниками, изображены языческіе мудрецы, поэты и сибиллы, которые отчасти пророчествовали о Рождествѣ Христовомъ и, хотя невѣрные, сказано въ Подлинникѣ, но чистаго ради житія, коснулися Духа Святого". Великая отрада чуялась Евтихію въ этомъ словѣ о почти христіанской святости языческихъ пророковъ.

Онъ всталъ и взялъ съ полки дощечку съ начатымъ рисункомъ, небольшую икону собственной

работы—„Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“—многоличную, мелкописную, подробности которой можно было разсмотрѣть только въ увеличительное стекло.

Въ небесахъ на престолѣ — Вседержитель; у ногъ Его, въ семи небесныхъ сферахъ—солнце, луна, звѣзды, съ надписью: „хвалите Господа, небеса небесъ, хвалите, солнце и луна, хвалите, всѣ звѣзды и свѣтъ“; ниже—летящія птицы; „духъ буренъ“, градъ, снѣгъ, деревья, горы, огонь выходящій изъ земли; различные звѣри, гады; бездна въ видѣ пещеры,—съ надписью: „хвалите, всѣ деревья плодоносныя и всѣ кедры, всѣ звѣри и всѣ холмы, хвалите Господа.“ По обѣимъ сторонамъ—лики ангеловъ, преподобные, цари, судьи, сонмы человѣческіе: „хвалите Его, всѣ ангелы, хвалите, сыны Израилевы, всѣ племена и народы земные“.

Принявшись за работу и не умѣя иначе выразить чувство, которое переполняло душу его, Евтихій прибавилъ уже отъ себя къ этимъ обычнымъ ликамъ—псоглаваго мученика Христофора и богазвѣря Кентавра.

Онъ зналъ, что нарушаетъ преданіе Подлинника; но сомнѣнія и соблазна не было въ душѣ его: ему казалось, что рука невидимая водитъ рукой его...

Леда.

I.

„Я—Леда, я—бѣлая Леда, я—мать красоты.
Я сонныя воды люблю и ночные цвѣты.
Каждый вечеръ, жена соблазненная,
Я ложусь у пруда, тамъ, гдѣ пахнетъ водой,—
Въ душной тьмѣ грозовой,
Вся преступная, вся обнаженная,—

Тамъ, гдѣ сырость, и нѣга, и зной,
Тамъ, гдѣ пахнетъ водой и купавами,
Влажными, блѣдными травами,
И таинственнымъ иломъ въ пруду,—
Тамъ я жду.
Вся преступная, вся обнаженная,
Изнеможенная,
Въ сырость теплую, въ мягкія травы ложусь
И горю, и томлюсь.
Въ душной тьмѣ грозовой,
Тамъ, гдѣ пахнетъ водой,
Жду—и въ страстномъ безсиліи,
Я блѣднѣе, прозрачнѣе сломанной лиліи.
Тамъ я жду, а въ пруду только звѣзды блестятъ,
И въ тиши камыши шелестятъ, шелестятъ.

II.

„Вотъ и крикъ и шумъ пронзительный,
Словно плескъ могучихъ рукъ:
Это—Лебедь ослѣпительный,
Бѣлый Лебедь—мой супругъ!
Съ грозной нѣжностью змѣиною,
Онъ, обвивъ меня, ласкалъ,
Тонкой шеей лебединою,—
Влажныхъ губъ моихъ искалъ...
Крылья воду бьютъ,
Грозенъ темный прудъ,—
На спинѣ его щетиною
Перья блѣдныя встаютъ,—
Такъ онъ гордъ своей побѣдою.
Гдѣ я, что со мной—не вѣдаю:
Это—смерть, но не боюсь.
Вся блѣднѣя,
Страстно млѣя,
Какъ въ ночной грозѣ лилея,
Ласкамъ бога предаюсь.
Гдѣ я, что со мной,—не вѣдаю“.
Все покрыто тьмой,
Только надъ водой—
Бѣлый Лебедь съ бѣлою Ледою.

III.

И вотъ рождается Елена,
Съ невинной прелестью лица,
Но вся—коварство, вся—измѣна,
Бѣлѣе, чѣмъ морская пѣна,—
Изъ лебединаго яйца.
И слышенъ вопль Гекубы въ Троѣ
И Андромахи вѣчный стонъ,
Сразились боги и герои,
И палъ священный Иліонъ
А ты, Елена, клятвы мира
И долгъ нарушивъ,—ты чиста.
Тебя прославитъ пѣснь Омира,
Затѣмъ, что вся надежда міра
Дочь бѣлой Леды—Красота.

* * *

Кроткій вечеръ тихо угасаетъ
И предъ смертью ласкою нѣмой
На одно мгновенье примиряетъ
Небеса съ измученной землей.
Въ просвѣтленной, трогательной дали,
Что неясна, какъ мечты мои,—
Не печаль, а только слѣдъ печали,
Не любовь, а только тѣнь любви.
И порой въ безжизненномъ молчаньи,
Какъ изъ гроба, вѣетъ съ высоты
Мнѣ въ лицо холодное дыханье
Безграничной, мертвой пустоты...

Нирвана.

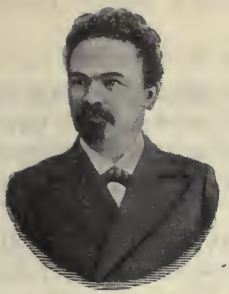
И вновь, какъ въ первый день созданья,
Лазурь небесная тиха,
Какъ будто въ мірѣ нѣтъ страданья,
Какъ будто въ сердцѣ нѣтъ грѣха.
Не надо мнѣ любви и славы:
Въ молчаньи утреннихъ полей,
Дышу, какъ дышатъ эти травы...
Ни прошлыхъ, ни грядущихъ дней
Я не хочу пытать и числить.
Я только чувствую опять
Какое счастіе не мыслить,
Какая нѣга—не желать!

Изгнанники.

Есть радость въ томъ, чтобъ люди ненавидѣли,
Добро считали зломъ,
И мимо шли, и слезъ твоихъ не видѣли,
Назвавъ тебя врагомъ.

Есть радость въ томъ, чтобъ вѣчно быть изгнанникомъ,
И, какъ волна морей,
Какъ туча въ небѣ, одинокимъ странникомъ
И не имѣть друзей.

Прекрасна только жертва неизвѣстная:
Какъ тѣнь хочу пройти,
И сладостна да будетъ ноша крестная
Мнѣ на земномъ пути.



Н. М. МИНСКІЙ.

Р. 1855.

Мой демонъ.

Съ тѣхъ поръ какъ мудрый Змій изъ праха показался,
Чтобъ демономъ взлетѣть къ надзвѣздной вышинѣ,—
Донынѣ никому онъ въ мірѣ не являлся
Столь мощнымъ, страшнымъ, злымъ, какъ мнѣ...

Мой демонъ страшемъ тѣмъ, что пламенной печати
Злорадства и вражды не выжжено на немъ,
Что небу онъ не шлетъ угрозъ и проклятій
И не глумится надъ добромъ.

Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что, правду отрицая,
Онъ высшей правды ждетъ страстнѣй, чѣмъ серафимъ.
Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что, душу искушая,
Уму онъ кажется святымъ.

Привѣтна рѣчь его, и кротокъ взоръ лучистый,
Его хулы звучатъ печалью неземной.
Когда жъ его прогнать хочу молитвой чистой,
Онъ вмѣстѣ молится со мной...

Тѣнь.

Путь готовый и безцѣльный предо мною пролегалъ.
Я куда-то шелъ поспѣшно, отъ чего-то убѣгалъ,
Въ головѣ моей метался бредъ пережитаго дня,
А у ногъ моихъ чернѣла тѣнь, преслѣдуя меня.

Тѣнь моя то, какъ рабыня, съ отверженьемъ на челѣ,
Предо мною пресмыкалась, разстилаясь по землѣ,
То, какъ демонъ непокорный, духъ злорадства и хулы,
Дерзновенно поднималась на попутные стволы.
И тогда въ изломахъ рѣзкихъ я угадывалъ душой
Повѣсть жизни оскверненной, страшно близкой и чужой.
И, на землю озираясь, на созвѣздія вдали,
О забвеньи я молился духамъ неба и земли.
Отвѣчали мнѣ созвѣздья: былъ надъ ними свѣтлый край,
Чувствъ простыхъ и вѣчно новыхъ и невѣдѣнія рай.
Не влачилъ тамъ духъ невинный тяжкихъ памяти веригъ,
Оттого что счастьемъ равнымъ одѣленъ былъ каждый мигъ.
Тамъ и свѣтъ не долженъ тѣнью откупаться предъ судьбой,
Оттого что все блистало, освѣщенное собой.
Тамъ и ты парилъ когда-то, въ день безоблачный одѣтъ.—
Всѣ пути ведутъ оттуда, но туда дороги нѣтъ.
И земля мнѣ отвѣчала: здѣсь, въ объятіяхъ моихъ
Уготованъ близкій отдыхъ для больныхъ сердецъ людскихъ.
Здѣсь уснувшій духъ не носитъ тяжкихъ памяти оковъ,
Оттого что въ царствѣ смерти нѣтъ мгновеній, нѣтъ вѣковъ.
Каждый шагъ твоихъ скитаній осужденъ тебя вести
Въ край, гдѣ всѣ пути сойдутся и откуда нѣтъ пути.

Вдругъ еще какой-то шопотъ я услышалъ какъ во снѣ.
Это тѣнь моя, казалось, говорила въ тишинѣ:
Нѳбо чуждо и далеко, смерть жестока и темна,
Въ этомъ мірѣ отраженій я одна тебѣ вѣрна,
Я—безмолвный знакъ страданій, тѣхъ, что ты пережилъ вслухъ,
Я—прикованная къ праху и безплотная, какъ духъ...
Полюби тоску по небѣ—небо создало ее,
Полюби свой страхъ предъ смертью—въ немъ безсмертіе твое.

* * *

Изъ бездны, гдѣ въ цѣпяхъ безумный демонъ бился,
Кошмаръ чудовищный былъ вихремъ занесенъ
Въ лазурь небесъ, и тамъ онъ встрѣтилъ свѣтлый сонъ,
Который ангелу влюбленному приснился.

И греза ангела, и демона кошмаръ
По прихоти судьбы сплотились въ духъ единый:
Такъ съ утреннимъ лучемъ на влажномъ днѣ лощины
Сливается въ одно рожденный ночью паръ.

О, лживый духъ, родной и чуждый тьмѣ и свѣту,
Душевныхъ силъ разладъ! О, какъ мнѣ близокъ ты!
Пороковъ грудь полна, но жаждетъ чистоты.
Открылся мнѣ Господь, но я не внялъ завѣту.

Два голоса.

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЬ.

1. Если солнце свѣтитъ кротко и не жжетъ,
Знайте, братья: часъ заката настаетъ.

2. Часъ безсилья, умиленья и мечты,
Предвозвѣстникъ ненасытной темноты.

1. Если въ сердце жало жалости впилось,
Знайте, братья: неизбѣжное сбылось.

2. Искупленья многотрудный конченъ путь.
Время жертвѣ пострадать и отдохнуть.

1. Посмотрите: блещетъ золотомъ рѣка,
Грустью солнца озарились облака.

2. Кровью солнца, обезсиленнаго днемъ
И своимъ же побѣжденнаго огнемъ.

1. Посмотрите: изъ лазурной глубины
Вышелъ призракъ выжидающей луны.

2. Выжидая, сталъ во мракѣ голубомъ
Бѣлый призракъ съ угрожающимъ серпомъ.

1. Бѣлый призракъ всезабвенія и сна...
2. Всезабвенье, примиренье, тишина...

* * *

Маленькой, цвѣтущей розой мая
Нѣкогда любовь моя была.
Для тебя, подруга дорогая,
Это роза нѣжная цвѣла.

Но цвѣтокъ, что въ сердцѣ я лелѣялъ,
Жизни вихрь сломилъ и погубилъ.
Пыль его онъ по міру развѣялъ,
И съ тѣхъ поръ весь міръ я полюбилъ.

Мой храмъ.

Кто строитъ храмъ, тотъ создаетъ двѣ славы:
Свою и разрушителя. Творцу
Придетъ на смѣну Геростратъ лукавый,
И факелъ унаслѣдуетъ рѣзцу.
А предъ потомствомъ оба будутъ правы,
Молва имъ дастъ по равному вѣнцу.
Но ты, мой свѣтлый храмъ воздушноглавый,
Ты не подвластенъ общему концу.
Построенъ ты надъ бездной разрушенья
И въ горнахъ отрицанья закаленъ.
Въ тебѣ не смолкнутъ гимны утѣшенья:
Ихъ каждый звукъ печалью окрыленъ.
Тебя хранитъ страданій легіонъ,
И смерть сама—въ челѣ ихъ ополченья.

Огни Прометея.

Я—Прометей, я—выдумщикъ, мудрецъ.
Чѣмъ тяжелѣе цѣпь, тѣмъ мысль моя свободнѣй.
Я вновь досталъ огонь,—не съ неба, какъ творецъ,—
Но разрушительный огонь изъ преисподней.
Огонь столь яростный, что малое дитя,
Лишь искру въ руки взявъ, толпѣ противостанетъ.
Чуть вспыхнетъ онъ, и громъ тысячекратный грянетъ,
Взметая все вокругъ, все въ стрѣлы превратя.
И воздухъ убѣжитъ, и дрогнутъ горъ основы,
Проснутся демоны повсюду спящихъ силъ.
Что небомъ создано, проглотитъ хаосъ новый,
И вольный мигъ сотретъ, что долгій трудъ чертилъ...

* * *

Есть храмъ. Всѣ двери заперты.
Засовы всѣ задвинуты.
И мы стоимъ на паперти,
Забыты и отринуты.

Мы слышимъ смутно пѣніе,
Что издали доносится,
Не зная, въ чемъ служеніе,
О чемъ въ мольбахъ тамъ просится.

Мы видимъ дымъ отъ ладана,
Что вьется сквозь отдушины.
Но тайна не разгадана.
Молитвы не подслушаны.

* * *

Волнуется море безбрежное нивъ;
Какъ островъ, средь нихъ спитъ недвижно кладбище.

Кто море труда переплылъ, опочивъ,
На островѣ мирномъ находитъ жилище.

Волнуются нивы—колосья шумятъ,
Шумятъ объ одномъ: о трудѣ безконечномъ.
Кресты на могилахъ имъ внемлютъ и спятъ,
И снится имъ сонъ о забвеніи вѣчномъ...

М. А. ЛОХВИЦКАЯ (ЖИБЕРЪ).
1871-1905.

Спящій лебедь.

Земная жизнь моя—звенящій
Невнятный шорохъ камыша.
Имъ убаюканъ лебедь спящій,
Моя тревожная душа.

Вдали мелькаютъ торопливо
Въ исканьяхъ жадныхъ корабли.
Спокойно въ заросли залива,
Гдѣ дышетъ грусть, какъ гнетъ земли,

Но звукъ, изъ трепета рожденный,
Скользнетъ въ шуршаньѣ камыша,—

И дрогнетъ лебедь пробужденный,
Моя безсмертная душа.

И понесется въ міръ свободы,
Гдѣ вторятъ волнамъ вздохи бурь,
Гдѣ въ перемѣнчивыя воды
Глядится вѣчная лазурь.

Саламандры.

Тишина. Безмолвенъ вечеръ длинный,
Но живитъ каминъ своимъ тепломъ.
За стѣною вальсъ поетъ старинный,
Тихій вальсъ, грустящій о быломъ.
Предо мной на камняхъ раскаленныхъ
Саламандръ кружится легкій рой.
Дышетъ жизнь въ движеньяхъ изступленныхъ,
Скрыта смерть ихъ бѣшеной игрой.
Всѣ онѣ въ одеждахъ ярко-красныхъ
И копьемъ качаютъ золотымъ.
Слышенъ хоръ ихъ шопотовъ неясныхъ,
Внятна пѣснь, беззвучная, какъ дымъ:—

„ —Мы—саламандры, блескъ огня,
Мы—дѣти призрачнаго дня.
Огонь—безсмертный нашъ родникъ,
Мы свѣтимъ вѣкъ, живемъ лишь мигъ.
Во тьмѣ горитъ нашъ блескъ живой,
Мы вьемся въ пляскѣ круговой,
Мы грѣемъ ночь, мы сѣемъ свѣтъ,
Мы сѣемъ свѣтъ, гдѣ солнца нѣтъ.
Красивъ и страшенъ нашъ пріютъ,
Гдѣ травы алыя цвѣтутъ,
Гдѣ вихрь горячій тонко свитъ,
Гдѣ пламя синее виситъ.
Мы—саламандры, блескъ огня,

Мы—дѣти призрачнаго дня.
Смѣясь, кружась, нашъ легкій хоръ
Ведетъ неслышный разговоръ.
Мы въ черныхъ угольяхъ дрожимъ,
Тепло и жизнь оставимъ имъ.
Мы—отблескъ рѣющихъ кометъ,
Гдѣ мы—тамъ свѣтъ, тамъ ночи нѣтъ.
Мы на мгновенье созданы,
Чтобъ вызвать гаснущіе сны,
Чтобъ камни мертвые согрѣть,
Плясать, сверкать—и умереть".

* * *

Въ моемъ незнаньи—такъ много вѣры
Въ расцвѣтъ весенній грядущихъ дней;
Мои надежды, мои химеры,
Тѣмъ ярче свѣтятъ, чѣмъ мракъ темнѣй.

Въ моемъ молчаньи—такъ много муки,
Страданій гордыхъ, незримыхъ слезъ,
Ночей безсонныхъ, вѣковъ разлуки,
Нераздѣленныхъ, сожженныхъ грезъ.

Въ моемъ безумьи—такъ много счастья,
Восторговъ жадныхъ, могучихъ силъ,
Что сердцу страшенъ покой безстрастья,
Какъ мертвый холодъ нѣмыхъ могилъ,

Но щитъ мой крѣпкій—въ моемъ незнаньи
Отъ страха смерти и бытія.
Въ моемъ молчаньи—мое призванье,
Мое безумье—любовь моя.

Вампиръ.

Бѣжала я во мракъ ночной
Отъ чаръ покинутой постели.
Ужасный духъ гнался за мной,
Чрезъ рвы и кручи мы летѣли.
Бѣжала я отъ ложа нѣгъ,
Гдѣ духъ терзалъ меня влюбленный,—
То былъ безстрашный, дикій бѣгъ,
Нездѣшней силой окрыленный.
Въ лѣсахъ встрѣчалъ насъ шумъ и гамъ,
Намъ гулко вторили утесы,
И бились, бились по ногамъ
Мои распущенныя косы.
— О духи свѣта, духи дня,
Ко мнѣ! Мой умъ изнемогаетъ...
Вампиръ преслѣдуетъ меня,
Одежды легкія хватаетъ!
Такъ умоляла я, стеня.
И прояснѣлъ востокъ туманный,
И духи свѣта, духи дня,
Взмахнули ризой златотканной.
Скрестилось пламя надо мной
Мечей, исторгнутыхъ изъ ноженъ,
Взвиваясь, гонитъ мракъ ночной,
И врагъ въ безсильѣ уничтоженъ.
И дальной тучки волокно
Зажглось отливомъ перламутра.
Очнулась я.—Въ мое окно
Дышало радостное утро.

* * *

Поля, закатомъ позлащенныя,
Уходятъ въ розовую даль.
Въ мои мечты неизреченныя
Вплелась вечерняя печаль.

Я вижу, тамъ, за гранью радостной,
Гдѣ краски дня сбѣгаютъ прочь,
На вечеръ ясный, вечеръ благостный
Глядитъ тоскующая ночь.
Но въ жизни тусклой и незначущей
Бываютъ царственные сны.
Они къ страдающей и плачущей
Слетятъ съ воздушной вышины,
Нашепчутъ райскія сказанія
Вѣтвямъ акацій и березъ
И выпьютъ въ медленномъ лобзаніи
Росу невыплаканныхъ слезъ.

Красная лилія.

Подъ тѣнью, межъ колоннами, ведущими во храмъ,
Уснула Дѣва чистая, сжигая ѳиміамъ.
Мечты Ея безгрѣшныя небесный сонъ повилъ;—
Предъ Нею вѣстникъ радости, Архангелъ Гавріилъ.
Отъ ризъ Его сіяніе, какого въ мірѣ нѣтъ.
Онъ держитъ красной лиліи благоуханный цвѣтъ.
Онъ къ Спящей наклоняется на сонъ Ея взглянуть—
И шепчетъ: „Благодатная, благословенна будь!“
И сонмы свѣтлыхъ ангеловъ, и тьмы безплотныхъ силъ,
Склоняясь надъ Пречистою, парятъ, въ дыму кадилъ.
И каждый символъ-лилію роняетъ Ей на грудь,
И каждый вторитъ радостно: „Благословенна будь!“

* * *

Я обниму тебя такъ крѣпко,—что тоска,
Сжимавшая мнѣ грудь въ отчаяньѣ разлуки,
Утихнетъ и замретъ, и будетъ далека,
И будутъ мниться сномъ пережитыя муки.
Я обниму тебя такъ жарко,—что сильнѣй
Не станетъ жечь огонь—негаснущій—Эреба,
Который ждетъ меня за счастье этихъ дней,
За то, что для тебя я отреклась отъ неба.
Я обниму тебя такъ нѣжно,—что въ раю
Святые ангелы,—съ любовью неподкупной
Взирая на любовь безмѣрную мою,—
Не назовутъ ее нечистой и преступной!

Между лилій.

Возлюбленный мой принадлежитъ мнѣ,
а я—ему; онъ пасетъ между лилій.
„Пѣсни пѣсней" 2, 16.

Лиліи, лиліи чистыя,
Звѣзды саронскихъ полей,
Чаши раскрыли душистыя
Горнаго снѣга бѣлѣй.
Небу возноситъ хваленіе
Сладостный ихъ ѳиміамъ.
Золото—ихъ опыленіе,
Вѣнчикъ—сіяющій храмъ.
Въ ночи весеннія, лунныя,
Къ тѣни масличныхъ деревъ
Овцы спѣшатъ бѣлорунныя,
Слышенъ свирѣли напѣвъ.
Въ лунныя ночи, безсонныя,
Послѣ дневного труда,
Другъ мой въ поля благовонныя
Къ пастбищу гонитъ стада.

Другъ мой что облачко ясное,
Лучъ, возрожденный изъ тьмы.
Другъ мой, что солнце прекрасное
Въ мракѣ дождливой зимы.
Взоры его—благосклонные,
Рѣчи—любви торжество.
Блещутъ подвѣски червонныя
Царской тіары его.
Пурпуръ—его одѣяніе,
Посохъ его—золотой.
Весь онъ—восторгъ и сіяніе,
Весь—ароматъ пролитой.
—Другъ мой! подъ свѣжими кущами
Сладокъ нашъ будетъ пріютъ.—
Тихо тропами цвѣтущими
Овцы твои побредутъ.
Лозы сомнутъ виноградныя,
Пѣсни забудутъ твои,
Вспѣнятъ потоки прохладные,
Водъ галаадскихъ струи.
Утромъ жнецами и жницами
Мирный наполнится садъ;
Будутъ слѣдить за лисицами,
Гнать молодыхъ лисенятъ.
Будутъ тяжелыми урнами
Свѣтлый мутить водоемъ...
Другъ мой, ночами лазурными
Какъ намъ отрадно вдвоемъ!
Кроютъ насъ чащи тѣнистыя,
Сумракъ масличныхъ аллей.
Другъ мой! мы—лиліи чистыя,
Дѣти саронскихъ полей.

* * *

Далекія звѣзды, безстрастныя звѣзды,
Грустили на небѣ горячаго Юга.
Наскучили звѣздамъ эѳирныя гнѣзда,
Къ свободѣ онѣ призывали другъ друга.

— „Дорогу, дорогу! Раздайтесь, свѣтила!“
Свободная мимо несется комета.
Огнистую косу она распустила
И мчится, пьянѣя отъ счастья и свѣта.
„Свободы!“ запѣли лазурныя луны;
На алыхъ планетахъ зажегся румянецъ,
Отъ солнцъ потянулись звенящія струны—
И тихо понесся торжественный танецъ.
И дрогнули хоры, незримые оку,
Что блещутъ въ пространствахъ жемчужной росою:
— „Свободы, свободы! Умчимся къ востоку,
Вослѣдъ за кометой съ огнистой косою“.
Когда же, для свѣта и радости вѣчной,
Исчезла послѣдняя свѣтлая пара,
Послышались вздохи во тьмѣ безконечной
Земли позабытой тяжелаго шара.
— „Завѣтъ мой—гудѣлъ онъ—нарушилъ я съ ними.
Я скованъ. Закрылись небесныя очи“.
И, грузно цѣпями гремя вѣковыми,
Онъ ринулся въ бездну зіяющей ночи.

* * *

Я жажду наслажденій знойныхъ
Во тьмѣ потушенныхъ свѣчей,
Утѣхъ блаженно-безпокойныхъ,
Изъ вздоховъ сотканныхъ ночей.
Я жажду знойныхъ наслажденій,
Нездѣшнихъ ласкъ, безсмертныхъ словъ,
Неописуемыхъ видѣній,
Неповторяемыхъ часовъ.
Я наслажденій знойныхъ жажду,
Я жду божественнаго сна,
Зову, ищу, сгораю, стражду,
Проходитъ жизнь,—и я одна!

Вакхическая пѣсня.

Эванъ, Эвоэ! Что смолкли хоры?
Восторгомъ пѣсенъ тѣснится грудь.
Манятъ призывы, томятъ укоры,
Отъ грезъ безплодныхъ хочу вздохнуть.
Къ чему терзанья, воспоминанья?
Эванъ, Эвоэ! Спѣшимъ на пиръ!
Умолкнутъ пени, замрутъ стенанья
Подъ звонъ тимпановъ, подъ рокотъ лиръ.
Пусть брыжжетъ смѣло въ амфоры наши
Изъ сжатыхъ гроздій янтарный сокъ.
Эванъ, Эвоэ! Поднимемъ чаши,
Нашъ гимнъ прекрасенъ, нашъ міръ высокъ!
Гремите, бубны, звените, струны,
Сплетемте луки,—насъ жизнь зоветъ,
Пока мы въ силахъ, пока мы юны,
Эванъ, Эвоэ! впередъ, впередъ!

* * *

Я люблю тебя, какъ море любитъ солнечный восходъ,
Какъ нарцисъ, къ волнѣ склоненный,—блескъ и холодъ сонныхъ водъ.
Я люблю тебя, какъ звѣзды любятъ мѣсяцъ золотой,
Какъ поэтъ—свое созданье, вознесенное мечтой.
Я люблю тебя, какъ пламя—однодневки-мотылки,
Отъ любви изнемогая, изнывая отъ тоски.
Я люблю тебя, какъ любитъ звонкій вѣтеръ камыши,
Я люблю тебя всей волей, всѣми струнами души.
Я люблю тебя, какъ любятъ неразгаданные сны:
Больше солнца, больше счастья, больше жизни и весны!

Лилитъ.

Я прохожу въ убранствѣ темныхъ косъ,
Въ шелку моихъ чарующихъ волосъ;
Подвѣсками червонными звеня,
Блеститъ вѣнецъ на рожкахъ у меня.
Прекрасна я, какъ лилія долинъ,
Какъ сельній кринъ—нарядъ богини простъ,
Но, вѣеромъ раскинувъ пышный хвостъ,
Отъ жадныхъ глазъ прикрылъ меня павлинъ,
И я, спустивъ мой поясъ золотой,
Томлю и жгу чутъ видной наготой.

Восточныя облака.

Идутъ, идутъ небесные верблюды,
По синевѣ вздымая дымный прахъ.
Жемчужинъ-слезъ сверкающія груды
Несутъ они на бѣлыхъ раменахъ.
Въ вечерній часъ, по розовой пустынѣ,
Безслѣдный путь оставивъ за собой,
Къ надзвѣздной Меккѣ, къ призрачной Мединѣ
Спѣшатъ они, гонимые судьбой.
О, плачьте, плачьте! Счетъ ведется строго.
Истаютъ дни, какъ утренній туманъ,—
Но жемчугъ слезъ въ сокровищницу Бога
Перенесетъ воздушный караванъ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Р. 1871.

Елеазаръ.

ОТРЫВОКЪ.

Многіе испытали губительную силу его взора, но ни тѣ, кто былъ ею сломленъ навсегда, ни тѣ, кто въ самыхъ первоисточникахъ жизни, столь же таинственной, какъ и смерть, нашелъ волю къ сопротивленію,—никогда не могли объяснить ужаснаго, что недвижимо лежало въ глубинѣ черныхъ зрачковъ его. Смотрѣлъ Елеазаръ спокойно и просто, безъ желанія что либо скрыть, но и безъ намѣренія что либо сказать—даже холодно смотрѣлъ онъ, какъ тотъ, кто безконечно равнодушенъ къ живому. И многіе беззаботные люди сталкивались съ нимъ близко, и не замѣчали его, а потомъ съ удивленіемъ и страхомъ узнавали, кто былъ этотъ тучный, спокойный, задѣвшій ихъ краемъ своихъ

пышныхъ и яркихъ одеждъ. Не переставало свѣтить солнце, когда онъ смотрѣлъ, не переставалъ звучать фонтанъ, и такимъ же безоблачно-синимъ оставалось родное небо,—но человѣкъ, подпавшій подъ его загадочный взоръ, уже не чувствовалъ солнца, уже не слышалъ фонтана и не узнавалъ родного неба. Иногда человѣкъ плакалъ горько; иногда въ отчаяніи рвалъ волосы на головѣ и безумно звалъ другихъ людей на помощь—но чаще случалось такъ, что равнодушно и спокойно онъ начиналъ умирать, и умиралъ долгими годами, умиралъ на глазахъ у всѣхъ, умиралъ безцвѣтный, вялый и скучный, какъ дерево, молчаливо засыхающее на каменистой почвѣ. И первые, тѣ, кто кричалъ и безумствовалъ, иногда возвращались къ жизни, а вторые—никогда.

Никто не заботился объ Елеазарѣ, не осталось у него близкихъ друзей, и великая пустыня, обнимавшая святой городъ, приблизилась къ самому порогу жилища его. И въ домъ его вошла, и на ложѣ его раскинулась, какъ жена, и огни погасила. Никто не заботился объ Елеазарѣ. Одна за другою ушли сестры его Марія и Марѳа. Долго не хотѣла покидать его Марѳа, ибо не знала, кто будетъ его кормить и жалѣть его, плакала и молилась. Но въ одну ночь, когда вѣтеръ носился въ пустынѣ и со свистомъ сгибались кипарисы надъ кровлей, она тихо одѣлась и тихо ушла. Вѣроятно, слышалъ Елеазаръ, какъ хлопнула дверь, какъ, незапертая плотно, она хлопалась о косяки подъ порывами вѣтра—но не поднялся онъ, не вышелъ, не посмотрѣлъ. И всю ночь до утра свистѣли надъ его головою кипарисы, и жалобно постукивала дверь, впуская въ жилище холодную, жадно рыскающую пустыню. Какъ прокаженнаго избѣгали его всѣ, и какъ прокаженному хотѣли на шею ему надѣть колокольчикъ, чтобы избѣгать во время встрѣчи. Но кто-то, поблѣднѣвъ, сказалъ, что будетъ очень страшно, если ночью подъ окнами послышится звонъ Елеазарова колокольца,—и всѣ, блѣднѣя, согласились съ нимъ.

И такъ какъ и самъ онъ не заботился о себѣ,

то, быть можетъ, умеръ бы онъ отъ голода, если бы сосѣди, чего-то боясь, не ставили ему пищу. Приносили ее дѣти; они не боялись Елеазара, но и не смѣялись надъ нимъ, какъ съ невинной жестокостью смѣются они надъ несчастными. Были равнодушны къ нему, и такимъ же равнодушіемъ платилъ Елеазаръ: не было у него желанія поблагодарить ихъ за услуги, не было желанія приласкать черную головку и заглянуть въ наивные, сіяющіе глазки. Отданный во власть времени и пустынѣ, разрушался его домъ, и давно разбѣжались по сосѣдямъ голодныя, блеющія козы. И обветшали брачныя одежды его. Какъ надѣлъ онъ ихъ въ тотъ счастливый день, когда играли музыканты, такъ и носилъ, не мѣняли, точно не видѣлъ онъ разницы между новымъ и старымъ, между рваным и крѣпкимъ. Яркіе цвѣта выгорѣли и поблекли; злыя городскія собаки и острый тернъ пустыни въ лохмотья превратили нѣжную ткань.

Днемъ, когда безпощадное солнце становилось убійцей всего живого, и даже скорпіоны забивались подъ камни и тамъ корчились отъ безумнаго желанія жалить, онъ неподвижно сидѣлъ подъ лучами, поднявъ кверху синее лицо и косматую, дикую бороду.

Когда съ нимъ еще говорили, его спросили однажды:

— Бѣдный Елеазаръ! Тебѣ пріятно сидѣть и смотрѣть на солнце?

И онъ отвѣтилъ:

— Да, пріятно.

„Такъ вѣроятно силенъ былъ холодъ трехдневной могилы, такъ глубока тьма ея, что не было на землѣ ни такого жара, ни такого свѣта, который могъ бы согрѣть Елеазара и освѣтить мракъ его очей“, подумали вопрошавшіе и со вздохомъ отошли.

А когда багрово-красный, расплющенный шаръ опускался къ землѣ, Елеазаръ уходилъ въ пустыню и шелъ прямо на солнце, какъ будто стремился настигнуть его. Всегда прямо на солнце шелъ онъ, и тѣ, кто пытались прослѣдить путь его и узнать,

что дѣлаетъ онъ ночью въ пустынѣ, неизгладимо запечатлѣли въ памяти черный силуэтъ высокаго, тучнаго человѣка на красномъ фонѣ огромнаго сжатаго диска. Ночь прогнала ихъ страхами своими, и тамъ не узнали они, что дѣлаетъ въ пустынѣ Елеазаръ, но образъ чернаго на красномъ выжегся въ мозгу и не уходилъ. Какъ звѣрь, засорившій глаза, яростно третъ лапами морду, такъ глупо терли и они глаза свои, но то, что давалъ Елеазаръ, было неизгладимо и забывалось, быть можетъ, только со смертью.

Но были люди, жившіе далеко, которые никогда не видали Елеазара и только слыхали о немъ. Съ дерзновеннымъ любопытствомъ, которое сильнѣе страха и питается страхомъ, съ затаенной насмѣшкой въ душѣ они приходили къ сидящему подъ солнцемъ и вступали въ бесѣду. Въ это время видъ Елеазара уже измѣнился къ лучшему и не былъ такъ страшенъ; и въ первую минуту они щелкали пальцами и неодобрительно думали о глупости жителей святого города. А когда короткій разговоръ кончался и они уходили домой, они имѣли такой видъ, что жители святого города сразу узнавали ихъ и говорили:

— Вотъ еще идетъ безумецъ, на котораго посмотрѣлъ Елеазаръ—и съ сожалѣніемъ умолкали и поднимали руки.

Приходили, бряцая оружіемъ, храбрые воины, не знавшіе страха; приходили со смѣхомъ и пѣснями счастливые юноши; и озабоченные дѣльцы, позвякивая деньгами, забѣгали на минуту; и надменные служители храма ставили свои посохи у дверей Елеазара—и никто не возвращался тѣмъ, какимъ приходилъ. Одна и та же страшная тѣнь опускалась на души и новый видъ давала старому, знакомому міру.

Такъ передавали чувства свои тѣ, которые еще имѣли охоту говорить:

— Всѣ предметы, видимые глазомъ и осязаемые руками, становились пусты, легки и прозрачны—по-

добны свѣтлымъ тѣнямъ во мракѣ ночи становились они;

ибо та великая тьма, что объемлетъ все мірозданіе, не разсѣивалась ни солнцемъ, ни луною, ни звѣздами, а безграничнымъ чернымъ покровомъ одѣвала землю, какъ мать обнимала ее;

во всѣ тѣла проникала она, въ желѣзо и камень, и одиноки становились частицы тѣла, потерявшія связь; и въ глубину частицъ проникала она, и одиноки становились частицы частицъ;

ибо та великая пустота, что объемлетъ мірозданіе, не наполнялась видимымъ, ни солнцемъ, ни луною, ни звѣздами, а царила безбрежно, всюду проникая, все отъединяя,—тѣло отъ тѣла, частицы отъ частицъ;

въ пустотѣ разстилали свои корни деревья и сами были пусты; въ пустотѣ, грозя призрачнымъ паденіемъ, высились храмы, дворцы и дома и сами были пусты;—и въ пустотѣ двигался безпокойно человѣкъ и самъ былъ пустъ и легокъ, какъ тѣнь,

ибо не стало времени и сблизилось начало каждой вещи съ концомъ ея: еще только строилось зданіе и строители еще стучали молотками, а уже видѣлись развалины его, и пустота на мѣстѣ развалинъ; еще только рождался человѣкъ, а надъ головою его зажигались погребальныя свѣчи, и уже тухли онѣ, и уже пустота становилась на мѣстѣ человѣка и погребальныхъ свѣчей;

и, объятый пустотою и мракомъ, безнадежно трепеталъ человѣкъ передъ ужасомъ Безконечнаго.—

Такъ говорили тѣ, кто еще имѣлъ охоту говорить. Но, вѣроятно, еще больше могли бы сказать тѣ, которые не хотѣли говорить и молча умирали.

Отрывокъ изъ р. „Воръ".

Было начало іюня мѣсяца, и все передъ глазами, до самой дальней неподвижной полоски лѣсовъ, зеленѣло молодо и сильно. Зеленѣла трава, зеленѣли листья на деревьяхъ, зеленѣли посадки въ оголенныхъ еще огородахъ, и все было такъ углублено въ себя, такъ занято собою, такъ глубоко погружено въ молчаливую творческую думу, что если бы у травы и у деревьевъ было лицо, всѣ лица были бы обращены къ землѣ, всѣ лица были бы задумчивы и чужды, всѣ уста были бы скованы огромнымъ, бездоннымъ молчаніемъ.

Высоко надъ полями стояло небо и тоже смотрѣло въ себя; гдѣ-то за спиной Юрасова заходило солнце и по всему простору земли разстилало длинные, прямые лучи,—и никто не смотрѣлъ на него въ этой пустынѣ, никто не думалъ о немъ и не зналъ. Въ городѣ, гдѣ Юрасовъ родился и выросъ, у домовъ и улицъ есть глаза, и они смотрятъ ими на людей, одни враждебно и зло, другіе ласково,—а здѣсь никто не смотритъ на него и не знаетъ о немъ. И вагоны задумчивы: тотъ, на которомъ находится Юрасовъ, бѣжитъ нагнувшись и сердито покачиваясь: другой, сзади, бѣжитъ ни быстрѣе, ни медленнѣе, какъ будто самъ собой, и тоже какъ будто смотритъ въ землю и прислушивается. А по низу, подъ вагонами, стелется разноголосый грохотъ и шумъ: то какъ пѣсня, то какъ музыка, то какъ чей-то чужой и непонятный разговоръ—и все о чужомъ, все о далекомъ.

Есть тутъ и люди. Маленькіе, они что-то дѣлаютъ въ этой зеленой пустынѣ, и имъ не страшно. И даже весело имъ: вотъ откуда-то принесся обрывокъ пѣсни, и утонулъ въ грохотѣ и музыкѣ колесъ. Есть тутъ и дома. Маленькіе, они разбросались свободно, и окна ихъ смотрятъ въ поле, прямо въ поле. Если ночью подойти къ окну, то увидишь поле—открытое, свободное, темное поле. И

сегодня, и вчера, и каждый день, и каждую ночь проходятъ здѣсь поѣзда, и каждый день раскидывается здѣсь это тихое поле съ маленькими людьми и домами. Вчера Юрасовъ въ эту пору сидѣлъ въ ресторанѣ „Прогрессъ“ и не думалъ ни о какомъ полѣ, а оно было, такое же, какъ сегодня, такое же тихое, красивое, о чемъ-то думающее. Вотъ прошла небольшая роща изъ старыхъ большихъ березъ съ грачиными гнѣздами въ зеленыхъ верхушкахъ. И вчера, пока Юрасовъ сидѣлъ въ ресторанѣ „Прогрессъ“, пилъ водку, галдѣлъ съ товарищами и смотрѣлъ на акваріумъ, въ которомъ плаваютъ безсонныя рыбы,—все такъ же глубоко покойно стояли эти березы, и мракъ былъ подъ ними и вокругъ нихъ.

Со странной мыслью, что только городъ—настоящее, а это все призракъ, и что если закрыть глаза, и потомъ открыть ихъ, то никакого поля не будетъ—Юрасовъ крѣпко зажмурился и притихъ. И сразу стало такъ хорошо и необыкновенно, что уже не захотѣлось снова открывать глаза, да и не нужно было: исчезли мысли и сомнѣнія, и глухая постоянная тревога; тѣло безвольно и сладко колыхалось въ тактъ колыханіямъ вагона, и по лицу нѣжно струился теплый и осторожный воздухъ полей. Онъ довѣрчиво поднималъ пушистые усы и шелестѣлъ въ ушахъ, а внизу подъ ногами разстилался ровный и мелодичный шумъ колесъ, похожій на музыку, на пѣсню, на чей-то разговоръ о далекомъ, грустномъ и миломъ. И Юрасову смутно грезилось, что отъ самыхъ ногъ его, отъ склоненной головы и лица, трепетно чувствующаго мягкую пустоту пространства—начинается зелено-голубая бездна, полная тихихъ словъ и робкой, притаившейся ласки. И такъ странно: какъ будто гдѣ-то далеко шелъ тихій и теплый дождь.

Поѣздъ замедлилъ бѣгъ и остановился на мгновеніе, на одну минуту. И сразу, со всѣхъ сторонъ, Юрасова охватила такая необъятная и сказочная тишина, какъ будто это была не минута, пока стоялъ поѣздъ, а годы, десятки лѣтъ, вѣчность. И

все было тихо: темный, облитый масломъ маленькій камень, прильнувшій къ желѣзному рельсу, уголъ красной крытой платформы, низенькой и пустынной, трава на откосѣ. Пахло березовымъ листомъ, лугами, свѣжимъ навозомъ—и этотъ запахъ былъ все той же всевременною необъятной тишиною. На смежное полотно, неуклюже цѣпляясь за поручни, соскочилъ какой-то пассажиръ и пошелъ. И такой былъ онъ странный, необыкновенный въ этой тишинѣ, какъ птица, которая всегда летаетъ, а теперь вздумала пойти. Здѣсь нужно летать, а онъ шелъ, и тропинка была длинная, безвѣстная, а шаги маленькіе и короткіе. И такъ смѣшно перебиралъ онъ ногами—въ этой необъятной тишинѣ.

Безшумно, точно самъ стыдясь своей громогласности, двинулся поѣздъ и только за версту отъ тихой платформы, когда безслѣдно сгинула она въ зелени лѣса и полей, свободно загрохоталъ онъ всѣми звеньями своего желѣзнаго туловища. Юрасовъ въ волненіи прошелся по площадкѣ, такой высокій, худощавый, гибкій, безсознательно расправилъ усы, глядя куда-то вверхъ блестящими глазами, и жадно прильнулъ къ желѣзной задвижкѣ, съ той стороны вагона, гдѣ опускалось за горизонтъ красное, огромное солнце. Онъ что-то нашелъ; онъ понялъ что-то, что всю жизнь ускользало отъ него и дѣлало эту жизнь такой неуклюжей и тяжелой, какъ тотъ пассажиръ, которому нужно было-бы летѣть, какъ птицѣ, а онъ шелъ.

— Да, да,—серьезно и озабоченно твердилъ онъ и рѣшительно покачивалъ головою.—Конечно, такъ. Да. Да.

И колеса гулко и разноголосо подтверждали: „Конечно, такъ, да, да“, „Конечно, такъ, да, да“. И какъ будто такъ и нужно было: не говорить, а пѣть,—Юрасовъ запѣлъ сперва тихонько, потомъ все громче и громче, пока не слился его голосъ со звономъ и грохотомъ желѣза. И тактомъ для этой пѣсни былъ стукъ колесъ, а мелодіей—вся гибкая и прозрачная волна звуковъ. Но словъ не было. Они не успѣвали сложиться: далекія, и смутныя, и

страшно широкія, какъ поле, они пробѣгали гдѣ-то съ безумной быстротою, и человѣческій голосъ свободно и легко слѣдовалъ за ними. Онъ поднимался и падалъ; и стлался по землѣ, скользя по лугамъ, пронизывая лѣсную чащу; и легко возносился къ небу, теряясь въ его безбрежности. Когда весною выпускаютъ птицу на свободу, она должна летѣть такъ, какъ этотъ голосъ: безъ цѣли, безъ дороги, стремясь исчертить, обнять, почувствовать всю звонкую ширь небеснаго пространства. Такъ, вѣроятно, запѣли бы сами зеленыя поля, если бы дать имъ голосъ; такъ поютъ въ лѣтніе тихіе вечера тѣ маленькіе люди, что копошатся надъ чѣмъ-то въ зеленой пустынѣ.

Юрасовъ пѣлъ, и багровый отсвѣтъ заходящаго солнца горѣлъ на его лицѣ, на его пальто изъ англійскаго сукна и желтыхъ ботинкахъ. Онъ пѣлъ, провожая солнце, и все грустнѣе становилась его пѣсня: какъ будто почувствовала птица всю звонкую ширь небеснаго пространства, содрогнулась невѣдомою тоскою и зоветъ кого-то: „прійди“.

Солнце зашло, и сѣрая паутина легла на тихую землю и тихое небо. Сѣрая паутина легла на лицо, меркнутъ на немъ послѣдніе отблески заката и мертвѣетъ оно. „Прійди ко мнѣ! Отчего ты не приходишь? Солнце зашло, и темнѣютъ поля. Такъ одиноко и такъ больно одинокому сердцу. Такъ одиноко, такъ больно. Прійди. Солнце зашло. Темнѣютъ поля. Прійди же, прійди“.

Такъ плакала его душа. А поля все темнѣли, и только небо надъ ушедшимъ солнцемъ стало еще свѣтлѣе и глубже, какъ прекрасное лицо, обращенное къ тому, кого любятъ и кто тихо, тихо уходитъ.

...безуміе и ужасъ.

Впервые я почувствовалъ это, когда мы шли по энской дорогѣ—шли десять часовъ непрерывно, не останавливаясь, не замедляя хода, не подбирая упавшихъ и оставляя ихъ непріятелю, который сплошными массами двигался сзади насъ и черезъ три-четыре часа стиралъ слѣды нашихъ ногъ своими ногами. Стоялъ зной. Не знаю, сколько было градусовъ, сорокъ, пятьдесятъ или больше, знаю только, что онъ былъ непрерывенъ, безнадежно ровенъ и глубокъ. Солнце было такъ огромно, такъ огненно и страшно, какъ будто земля приблизилась къ нему и скоро сгоритъ въ этомъ безпощадномъ огнѣ. И не смотрѣли глаза. Маленькій, сузившійся зрачокъ, маленькій, какъ зернышко мака, тщетно искалъ тьмы подъ сѣнью закрытыхъ вѣкъ: солнце пронизывало тонкую оболочку и кровавымъ свѣтомъ входило въ измученный мозгъ. Но все-таки такъ было лучше, и я долго, быть можетъ, нѣсколько часовъ, шелъ съ закрытыми глазами, слыша, какъ движется вокругъ меня толпа: тяжелый и неровный топотъ ногъ, людскихъ и лошадиныхъ, скрежетъ желѣзныхъ колесъ, раздавливающихъ мелкій камень, чье-то тяжелое напорванное дыханіе и сухое чмоканье запекшимися губами. Но словъ я не слыхалъ. Всѣ молчали, какъ будто двигалась армія нѣмыхъ, и когда кто-нибудь падалъ, онъ падалъ молча, и другіе натыкались на его тѣло, падали, молча поднимались и, не оглядываясь, шли дальше,—какъ будто эти нѣмые были также глухи и слѣпы. Я самъ нѣсколько разъ натыкался и падалъ и тогда невольно открывалъ глаза,—и то, что я видѣлъ, казалось дикимъ вымысломъ, тяжелымъ бредомъ обезумѣвшей земли. Раскаленный воздухъ дрожалъ, и беззвучно, точно готовые потечь, дрожали камни; и дальніе ряды людей на заворотѣ, орудія и лошади отдѣлились отъ земли и беззвучно, студенисто

колыхались—точно не живые люди это шли, а армія безплотныхъ тѣней. Огромное, близкое, страшное солнце на каждомъ стволѣ ружья, на каждой металлической бляхѣ зажгло тысячи маленькихъ ослѣпительныхъ солнцъ, и они отовсюду съ боковъ и снизу забирались въ глаза, огненно-бѣлые, острые какъ концы до-бѣла раскаленныхъ штыковъ. А иссушающій, палящій жаръ проникалъ въ самую глубину тѣла, въ кости, въ мозгъ, и чудилось порою, что на плечахъ покачивается не голова, а какой-то странный и необыкновенный шаръ, тяжелый и легкій, чужой и страшный.

. . . . . .

...Обвивались, какъ змѣи. Онъ видѣлъ, какъ проволока, обрубленная съ одного конца, рѣзнула воздухъ и обвила трехъ солдатъ. Колючки рвали мундиры, вонзались въ тѣло, и солдаты съ крикомъ, бѣшено кружились, и двое волокли за собою третьяго, который былъ уже мертвъ. Потомъ остался въ живыхъ одинъ, и онъ отпихивалъ отъ себя двухъ мертвецовъ, а тѣ волоклись, кружились, переваливались одинъ черезъ другого и черезъ него,—и вдругъ сразу всѣ стали неподвижны.

Онъ говорилъ, что у одной этой загородки погибло не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Пока они рубили проволоку и путались въ ея змѣиныхъ извивахъ, ихъ осыпали непрерывнымъ дождемъ пуль и картечи. Онъ увѣряетъ, что было очень страшно, и что эта атака кончилась бы паническимъ бѣгствомъ, если бы знали, въ какомъ направленіи бѣжать. Но десять или двѣнадцать непрерывныхъ рядовъ проволоки и борьба съ нею, цѣлый лабиринтъ волчьихъ ямъ съ набитыми на днѣ кольями —такъ закружили головы, что положительно нельзя было опредѣлить направленія.

Одни, точно со-слѣпу, обрывались въ глубокія воронкообразныя ямы и повисали животами на острыхъ кольяхъ, дергаясь и танцуя, какъ игрушечные паяцы; ихъ придавливали новыя тѣла и скоро вся яма до краевъ превращалась въ копошащуюся груду окровавленныхъ живыхъ и мертвыхъ

тѣлъ Отовсюду снизу тянулись руки, и пальцы на нихъ судорожно сокращались, хватая все, и кто попадалъ въ эту западню, тотъ уже не могъ выбраться назадъ: сотни пальцевъ, крѣпкихъ и слѣпыхъ, какъ клешни, сжимали ноги, цѣплялись за одежду, валили человѣка на себя, вонзались въ глаза и душили. Многіе, какъ пьяные, бѣжали прямо на проволоку, повисали на ней и начинали кричать, пока пуля не кончала съ ними.

Вообще, всѣ показались ему похожими на пьяныхъ: нѣкоторые страшно ругались, другіе хохотали, когда проволока схватывала ихъ за руку или за ногу, и тутъ же умирали. Онъ самъ, хотя съ утра ничего не пилъ и не ѣлъ, чувствовалъ себя очень странно: голова кружилась, и страхъ минутами смѣнялся дикимъ восторгомъ—восторгомъ страха. Когда кто-то рядомъ съ нимъ запѣлъ, онъ подхватилъ пѣсню, и скоро составился цѣлый очень дружный хоръ. Онъ не помнитъ, что́ пѣли, но что-то очень веселое, плясовое. Да, они пѣли—и все кругомъ было красно отъ крови. Само небо казалось краснымъ, и можно было подумать, что во вселенной произошла какая-то катастрофа, какая-то странная перемѣна и исчезновеніе цвѣтовъ: исчезли голубой и зеленый и другіе привычные и тихіе цвѣта, а солнце загорѣлось краснымъ бенгальскимъ огнемъ.

— Красный смѣхъ,—сказалъ я.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Р. 1867.

Безглагольность.

Есть въ русской природѣ усталая нѣжность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безбрежность,
Холодная высь, уходящія дали.
Приди на разсвѣтѣ на склонъ косогора—
Надъ зыбкой рѣкою дымится прохлада,
Чернѣетъ громада застывшаго бора,—
И сердцу такъ больно, и сердце не радо.

Недвижный камышъ. Не трепещетъ осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убѣгаютъ далеко-далеко.
Во всемъ утомленье глухое, нѣмое.
Войди на закатѣ, какъ въ свѣжія волны,
Въ прохладную глушь деревенскаго сада,—
Деревья такъ сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу такъ грустно, и сердце не радо.
Какъ будто душа о желанномъ просила,
И сдѣлали ей незаслуженно-больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачетъ, и плачетъ, и плачетъ невольно.

Аккорды.

C'est un phare allumé sur mille citadelles.
Baudelaire.

Мнѣ снился мучительный Гойя, художникъ чудовищныхъ грезъ,—
Больная насмѣшка надъ жизнью,—надъ царствомъ могилы вопросъ.
Мнѣ снился безсмертный Веласкесъ, Коэльо, Мурильо святой,
Создавшій воздушность и холодъ и пламень мечты золотой.
И Винчи, спокойный, какъ Гете, и свѣтлый, какъ сонъ, Рафаэль,
И нѣжный, какъ вздохъ, Боттичелли, нѣжнѣй, чѣмъ весною свирѣль.
Мнѣ снились волхвы откровеній, любимцы грядущихъ временъ,
Воззванья влекущихъ на битву, властительно-яркихъ знаменъ.
Намеки на сверхчеловѣка, обломки нездѣшнихъ міровъ,
Аккорды бездонныхъ значеньемъ, еще не разгаданныхъ сновъ.

Міровая тюрьма.

Когда я думаю, какъ много есть Вселенныхъ,
Какъ много было ихъ, и будетъ вновь и вновь,—
Мнѣ Небо кажется тюрьмой несчетныхъ плѣнныхъ,
Гдѣ свѣтъ закатности есть жертвенная кровь.
Опять разрушатся всѣ спайки, склейки, скрѣпы,
Всѣ связи рушатся,—и снова будетъ Тьма,
Плясъ жадныхъ атомовъ, чудовищно-свирѣпый,
Циклонъ незримостей, стихійная Чума.
И вновь сомкнетъ, скуетъ водоворотъ спиральный
Звено упорное сложившихся планетъ,
И странной музыкой, безгласной и печальной,
Въ эѳирныхъ пропастяхъ польется звѣздный свѣтъ.
И какъ въ былые дни, чтобъ прочнымъ было зданье,
Подъ основаніе бывалъ живой зарытъ,—
Въ блестящихъ звѣздностяхъ есть бѣшенство страданья,
Лучистъ Дворецъ Небесъ, но онъ изъ тяжкихъ плитъ.

Sin miedo.

Если ты поэтъ и хочешь быть могучимъ,
Хочешь быть безсмертнымъ въ памяти людей,
Порази ихъ въ сердце вымысломъ пѣвучимъ,
Думу закали на пламени страстей.
Ты видалъ кинжалы древняго Толедо?
Лучшихъ не увидишь, гдѣ бы не искалъ.
На клинкѣ узорномъ надпись: „Sin miedo“,—
Будь всегда безстрашнымъ,—властенъ ихъ закалъ.
Раскаленной стали форму придавая,
Въ сталь кладутъ по черни золотой узоръ,
И вѣка сверкаетъ красота живая
Двухъ металловъ слитыхъ, разныхъ съ давнихъ поръ.

Чтобъ твои мечты вовѣкъ не отблистали,
Чтобъ твоя душа всегда была жива,
Разбросай въ напѣвахъ золото по стали,
Влей огонь застывшій въ звонкія слова.

Химеры.

Высоко на парижской Notre Dame
Красуются жестокія химеры.
Они умно усѣлись по мѣстамъ.
Въ безпутствѣ соблюдая чувство мѣры,
И гнусность доведя до красоты,
Они могли бы намъ являть примѣры.
Лазурный фонъ небесной пустоты
Обагащенъ красою ихъ несходства,
Господствомъ въ каждой—собственной черты.
Святыхъ легко смѣшаешь, а уродство
Всегда фигурно, личность въ немъ видна,
Въ чемъ явное пороковъ превосходство.
Но общность между ними есть одна:
Какъ крючья вопросительнаго знака,
У всѣхъ химеръ изогнута спина.
Скептически произрастенья мрака,
Шпіонски-выжидательны они,
Какъ мародеры возлѣ бивуака.

. . . . . .

Вкругъ Церкви, этой высшей изъ основъ,
Враждебнымъ станомъ выстроились зданья,
Берлоги тьмы, уютъ распутныхъ сновъ,—
И Церковь, осудивши тѣ мечтанья
Сердецъ, обросшихъ грубой тканью мха,
Развратный хаосъ въ мірѣ созиданья,—
Гдѣ дышетъ ядомъ каждая кроха,—
Воздвигла слѣпокъ мерзости звѣриной,
Зеркальный ликъ поклонниковъ грѣха.

. . . . . .

Вы, дьяволы любовныхъ наслажденій,

Какъ много въ васъ отверженной мечты.
Одинъ какъ ангелъ, съ крыльями... О, геній!
Зачѣмъ въ безпутномъ пирѣ срамоты,
Для сладости обманчиваго часа,
Принизился до мелкихъ тварей ты!
Твое лицо—безстыдная гримаса.
Ты нагло манишь, высунувъ языкъ,—
Усталыхъ ласкъ приправа и прикраса.
Ты знаешь, какъ продлить тягучій мигъ,
Ты, съ холеными женскими руками,
Любовь умомъ обманывать привыкъ.
Другой наглецъ, съ кошачьими зрачками,
Надъ Городомъ Безумія склонясь,
Всѣмъ обликомъ хохочетъ надъ врагами.
Онъ гибокъ, сладострастенъ, и какъ разъ
Въ объятья на́-смерть съ хохотомъ удавитъ,
Какъ змѣй вкругъ тѣла нѣжнаго віясь.
Еще другой, всего превыше ставитъ
Блаженство въ щель чужую заглянуть,
Глядитъ, дрожитъ, и грязный ротъ слюнявитъ.
Еще, съ лицомъ козла, ввалилась грудь,
Глаза глубоко всажены въ орбиты,
Сумѣлъ онъ весь въ распутствѣ потонуть.
Вы разны всѣ, и всѣ вы стройно слиты,
Вы всѣ незримой сѣтью сплетены,
Равно въ семьѣ единой имениты.
Но всѣхъ прекраснѣй въ свитѣ Сатаны,
Сліяніе ума и лицемѣрья,
Волшебный образъ нѣкоей жены.
Она вѣнецъ и вмѣстѣ и съ тѣмъ предверье,
Карикатура ей изжитыхъ думъ,
Крылатый коршунъ, выщипавшій перья.
Взамѣну чувствъ у ней остался умъ,
Она ханжа въ отшельнической рясѣ,
Изсохшій монастырскій толстосумъ,
Застывши въ иронической гримасѣ,
Она какъ бы блюдетъ ихъ всѣхъ кругомъ.
Иронія прилична въ свинопасѣ.
И всѣ они вѣнчаютъ—Божій Домъ!

Черемуха.

Черемухой душистой съ тобой опьянены,
Мы вдругъ забыли утро, и вдругъ вступили въ сны.
И утро превратилось въ моря безъ береговъ,
Моря пловучихъ тучекъ, вѣтвей, кустовъ, цвѣтовъ.
Цвѣты, деревья, травы, и травы, и цвѣты,
Моря цвѣтовъ и красокъ, любовь, и я, и ты.
Лицо къ лицу склонивши, и руку въ руку взявъ,
Мы вдругъ прониклись счастьемъ легко дрожащихъ травъ.
Безмѣрнымъ свѣтомъ Солнце свѣтило съ высоты,
И было изумленье, восторгъ, и я и ты.
Въ насъ царствовала Вѣчность, въ насъ былъ короткій часъ,
И утро выростало для насъ, для насъ, для насъ.
Мы были два сіянья, два призрака весны,
Черемухой душистой подсказанные сны.

Сонетъ.

Я съ нею шелъ въ глубокомъ подземельи,
Рука съ рукой, я былъ вдвоемъ—одинъ.
Мы встрѣтились въ сверкающемъ веселью,
Мы нѣжились, какъ лиліи долинъ.
Потомъ пришли къ дверямъ старинной кельи,
Предстала Смерть, какъ блѣдный исполинъ.
И мы за ней, въ глубокомъ подземельи,
Стремились прочь отъ зелени долинъ.

Мы шли во тьмѣ, другъ друга не видали,
Любовь была какъ сказка дальнихъ лѣтъ,
Любовь была печальнѣе печали.
Въ концѣ пути зажегся мрачный свѣтъ,
И я, искатель вѣчной Антигоны,
Увидѣлъ рядомъ голову—Горгоны.

* * *

Я—изысканность русской медлительной рѣчи,
Предо мною другіе поэты—предтечи,
Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклоны,
Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.
Я—внезапный изломъ.
Я—играющій громъ,
Я—прозрачный ручей,
Я—для всѣхъ и ничей.
Переплескъ многопѣнный, разорванно-слитный,
Самоцвѣтные камни земли самобытной,
Переклички лѣсныя зеленаго мая,
Все пойму, все возьму, у другихъ отнимая.
Вѣчно-юный, какъ сонъ,
Сильный тѣмъ, что влюбленъ
И въ себя и въ другихъ,
Я—изысканный стихъ.

До послѣдняго дня.

Быть можетъ, когда ты уйдешь отъ меня,
Ты будешь ко мнѣ холоднѣй.
Но цѣлую жизнь, до послѣдняго дня,
О, другъ мой, ты будешь моей.
Я знаю, что новыя страсти придутъ,
Съ другимъ ты забудешься вновь.
Но въ памяти прежніе образы ждутъ,
И старая тлѣетъ любовь.
И будетъ мучительно-сладостный мигъ:—
Въ лучахъ отлетѣвшаго дня,
Съ другимъ заглянувши въ безсмертный родникъ,
Ты вздрогнешь—и вспомнишь меня.

Въ моряхъ ночей.

„Прощай, мой милый!“—„Милая, прощай!“
Замкнулись двери. Два ключа пропѣли.
Дверь шепчетъ двери: „Что же, конченъ Май?“
„—Какъ Май? Ужъ дни октябрьскіе приспѣли“.
Стукъ, стукъ.—„Кто тамъ?“—„Я, это я, Мечта.
Открой!“—Стукъ, стукъ.—„Открой! Луна такъ свѣтитъ“.
Молчаніе. Недвижность. Темнота.
На зовъ души какъ пустота отвѣтитъ!
„Прощай, мой милый. Милый! Ха! Ну, ну.
Еще въ ней остроумія довольно“.
„—Онъ милой назвалъ? Вспомнилъ онъ весну?
Пойти къ нему? Какъ бьется сердце больно!“
Стукъ, стукъ.—„Кто тамъ?“ Молчаніе. Темно.
Стукъ, стукъ.—„Опять! Закрыты плохо ставни“.
Въ моряхъ ночей недостижимо дно.
Нѣтъ въ мірѣ власти—мигъ вернуть недавній!

Грусть.

Внемля вѣтру, тополь гнется, съ неба дождь осенній льется,
Надо мною раздается мѣрный стукъ часовъ стѣнныхъ;
Мнѣ никто не улыбнется, и тревожно сердце бьется,
И изъ устъ невольно рвется монотонный грустный стихъ;
И какъ тихій дальній топотъ, за окномъ я слышу ропотъ,
Непонятный странный шопотъ—шопотъ капель дождевыхъ.

Отчего такъ вѣтру скучно? Плачетъ, ноетъ онъ
докучно,—
И въ отвѣтъ ему стозвучно капли бьются и бѣгутъ;
Я внемлю, мнѣ такъ же скучно, грусть со мною
неразлучна,
Равномѣрно, однозвучно риѳмы стройныя текутъ;
Въ эту пору непогоды, подъ унылый плачъ Природы
Дни, мгновенья, точно годы—годы медленно идутъ.

* * *

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце.
Анаксагоръ.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце
И синій кругозоръ.
Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце
И выси горъ.
Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Море
И пышный цвѣтъ долинъ.
Я заключилъ міры въ единомъ взорѣ,—
Я властелинъ.
Я побѣдилъ холодное забвенье,
Создавъ мечту мою.
Я каждый мигъ исполненъ откровенья,
Всегда пою.
Мою мечту страданья пробудили,
Но я любимъ за то.
Кто равенъ мнѣ въ моей пѣвучей силѣ?
Никто, никто.
Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце —
А если день погасъ,
Я буду пѣть... Я буду пѣть о Солнцѣ,
Въ предсмертный часъ!

Втай-Рѣка.

Изъ глубокаго колодца, изъ-подъ той крутой горы,
Гдѣ гнѣзда не строитъ птица, гдѣ не строитъ звѣрь норы,
Протекала полноводно и течетъ-поетъ вѣка,
Непослушная, живая, влага пламя, Втай-Рѣка.
Тамъ, на днѣ,—лишь бѣлый сахаръ, алый бархатъ, жемчуга,
Изъ глазастыхъ изумрудовъ расписные берега,
А порой, за крутизнами, поровнѣе бережки,
На отлогостяхъ сверкаютъ желто-рдяные пески.
Отъ Востока до Заката Втай-Рѣки идетъ длина,
Отъ холодныхъ странъ до жаркихъ растянулась ширина,
Глубины никто не знаетъ,—измѣряли мудрецы,
Опускали въ воду тяжесть, потеряли всѣ концы.
А и что жъ намъ вѣдать тайны—тѣхъ, кто хочетъ тайну скрыть,
Втай-Рѣка не съ мудрецами,—хочетъ съ сердцемъ говорить,
Прикатилась и вселилась въ полнозвучныя сердца,
Изъ глубокаго колодца, безъ начала и конца.

* * *

Я не знаю мудрости, годной для другихъ,
Только мимолетности я влагаю въ стихъ.
Въ каждой мимолетности вижу я міры,
Полные измѣнчивой радужной игры.
Не кляните, мудрые. Что вамъ до меня?
Я вѣдь только облачко, полное огня.
Я вѣдь только облачко. Видите: плыву
И зову мечтателей... Васъ я не зову!

Утро.

На вершинѣ горной коршунъ прокричалъ.
Вѣтеръ этотъ возгласъ до меня домчалъ,
Я разсвѣтъ весенній не одинъ встрѣчалъ.
Солнце протянуло острые лучи,
И они зардѣли, ярко-горячи,
И отъ нихъ запѣли горные ключи.
О, какъ много силы и любви вокругъ,
О, какъ нѣжно млѣетъ этотъ горный лугъ,
Я съ тобой душою, мой далекій другъ.
Я гляжу въ долину съ горной высоты,
Въ мысляхъ, полныхъ страсти, расцвѣли цвѣты,
Въ этомъ мірѣ—Солнце, въ этомъ сердцѣ—ты.

Мечтательный вечеръ.

Мечтательный вечеръ надъ лѣсомъ дышалъ безмятежно,
Отъ новой Луны протянулась лучистая нить,
И первыя звѣзды мерцали такъ слабо и нѣжно,
Какъ будто бы вѣтеръ чуть слышный ихъ могъ погасить.
И было такъ странно, и были такъ сказочны ели;
Какъ мертвая сталь, холодѣла поверхность рѣки,
О чемъ-то невнятномъ, о чемъ-то печальномъ, безъ цѣли,
Какъ будто бы пѣли надъ влажнымъ пескомъ тростники.
И въ блѣдномъ объятьи двѣ тѣни родныя дрожали,
И каждой хотѣлось въ другой о себѣ позабыть,
Какъ будто бы можно въ блаженствѣ не вѣдать печали,
Какъ будто бы сердце людское способно любить!

Дивьи жены.

Дивьи жены внушаютъ намъ страхъ.
Почему?
Вспоминаемъ ли саванъ при видѣ ихъ бѣлыхъ рубахъ?
Пробуждаетъ ли бѣлый тотъ цвѣтъ въ нашемъ сердцѣ безвѣстную тьму?
Или людямъ встрѣчать неуютно
Въ тѣнистыхъ лѣсахъ
Не людей?
Человѣкъ съ человѣкомъ, какъ съ птицею птица, мелькаютъ попутно,
Все удобно, знакомо, хоть встрѣть я разбойника между вѣтвей,
Знаю, какъ поступить:
Я слабѣй—быть убитымъ, сильнѣе—убить,
Или что-нибудь, какъ-нибудь, ну, ужъ я знаю, какъ быть.
Тутъ принять намъ возможно рѣшенье.
А вотъ какъ поступить, если встрѣтишь ты дивью жену?
Чуть посмотришь на бѣлое это видѣнье,
Вдругъ тебя, непредвидѣнно, клонитъ ко сну,
И впадаешь въ забвенье.
Ты заснулъ. Просыпаешься—лѣсъ ужъ другой.
На могилахъ невѣдомыхъ ветлы верхушками машутъ,
Словно старой сѣдою изсохшей рукой,—
Убѣги, молъ, скорѣй, убѣги, убѣги. Но видѣнія бѣлыя пляшутъ.
И лучиной зажженною свѣтятъ они,
И приходятъ, уходятъ, и бродятъ огни.
Убѣжать невозможно.
Дивьи жены сковали, хотя и не клали цѣпей.
Сердце бьется тревожно.
Разорвется пожалуй. Бѣги, убѣги поскорѣй.
Убѣжать невозможно.
Превратишься въ березу, въ траву, въ можжевельникъ, въ сосну.

Если во́-время ты заговоръ противъ нихъ не вспомянешь,
Такъ въ лѣсу, межъ лѣсными, въ лѣсной западнѣ и застрянешь.
Не смотри, проходя межъ деревьевъ, на дивью жену!

Два трупа.

Два трупа встрѣтились въ могилѣ,
И прикоснулся къ трупу трупъ,
Въ холодной тьмѣ, въ тюрьмѣ, и въ гнили,
Прикосновеньемъ мертвыхъ губъ.
Они, влюбленные, когда-то
Дышали вмѣстѣ подъ Луной
Весенней лаской аромата
И шелестящей тишиной.
Они клялись любить до гроба,
И вотъ, по истеченьи дней,
Земная жадная утроба
Взяла ихъ въ пищу для червей.
Тяжелые, съ потухшимъ взглядомъ,
Тамъ, гдѣ повсюду мгла и мгла,
Они лежатъ такъ тѣсно рядомъ,
Зловонно-мягкія тѣла.
Для мелкихъ тварей ставши пищей,
И разлученные съ душой,
Они гніющее жилище,
Гдѣ новый пиръ, для нихъ чужой.
И дико спятъ они въ туманѣ,
И видятъ сказочные сны
Неописуемыхъ дыханій
И необъятной тишины.

Межъ подводныхъ стеблей.

Хорошо межъ подводныхъ стеблей.
Блѣдный свѣтъ. Тишина. Глубина.
Мы замѣтимъ лишь тѣнь кораблей,
И до насъ не доходитъ волна.
Неподвижные стебли глядятъ,
Неподвижные стебли ростутъ.
Какъ спокоенъ зеленый ихъ взглядъ,
Какъ они безтревожно цвѣтутъ.
Безглагольно глубокое дно,
Безъ шуршанья морская трава.
Мы любили, когда-то, давно,
Мы забыли земныя слова.
Самоцвѣтные камни. Песокъ.
Молчаливые призраки рыбъ.
Міръ страстей и страданій далекъ,
Хорошо, что я въ Морѣ погибъ.

Я какъ облако.

Я какъ облако въ мигъ равнодушнаго таянья,
Я храню еще отблескъ послѣднихъ лучей,
Но во мнѣ уже нѣтъ ни надеждъ, ни раскаянья,
Ни тревоги земной, только холодъ отчаянья,
Тишь сознанья, что мнѣ не сверкнуть горячѣй.
Я громами смѣялся во мглѣ отдаленія,
Я вкругъ молніи пѣлъ перекличкой громовъ,
Я земныхъ научилъ красотѣ изступленія,
Свѣжей влагой поилъ и пески и растенія,
Я былъ чудомъ для душныхъ нѣмыхъ теремовъ.
Далеко, далеко, надъ высокими кручами,
Ходитъ вѣтеръ, туманъ собирая кругомъ.
Міръ упьется созвучьями, снова—могучими,
Ходитъ вѣтеръ, и весело грезитъ онъ тучами.
Я надъ вѣтромъ. Одинъ. Я забылъ обо всемъ.

Пройдутъ вѣка вѣковъ.

Пройдутъ вѣка вѣковъ, толпы тысячелѣтій,
Какъ туча саранчи, съ собой несущей смерть,
И въ быстромъ ропотѣ испуганныхъ столѣтій
До горькаго конца пребудетъ та же твердь,—
Нѣмая, мертвая, отвергнутая Богомъ,
Живущимъ далеко въ беззвѣздныхъ небесахъ,
Въ дыханьи Вѣчности, за гранью, за порогомъ
Всего понятнаго, горящаго въ словахъ.
Всегда-холодная, пустыня звѣздъ надъ нами
Останется чужой до горькаго конца,
Когда она падетъ кометными огнями,
Какъ брызги слезъ нѣмыхъ съ печальнаго лица.

* * *

Я вольный вѣтеръ, я вѣчно вѣю,
Волную волны, ласкаю ивы,
Въ вѣтвяхъ вздыхаю, вздохнувъ, нѣмѣю,
Лелѣю травы, лелѣю нивы.
Весною свѣтлой, какъ вѣстникъ Мая,
Цѣлую ландышъ, въ мечту влюбленный,
И внемлетъ вѣтру Лазурь нѣмая,—
Я вѣю, млѣю, воздушный, сонный.
Въ любви невѣрный, росту циклономъ,
Взметаю тучи, взрываю море,
Промчусь въ равнинахъ протяжнымъ стономъ,
И громъ проснется въ нѣмомъ просторѣ.
Но снова легкій, всегда счастливый,
Нѣжнѣй, чѣмъ фея ласкаетъ фею,
Я льну къ деревьямъ, дышу надъ нивой,
И, вѣчно вольный, забвеньемъ вѣю.

Лѣсунки.

Кто играетъ на опушкѣ?
Чей тамъ звонкій, слышенъ сонъ?
Тонкій, тонкій, какъ въ игрушкѣ,
Говоритъ хрустальный звонъ.
Чьи тамъ маленькія струнки
Преисполнены чудесъ?
Это нѣжныя лѣсунки
Веселятъ полдневный лѣсъ.
Вонъ, въ одеждѣ паутинной,
Вмѣстѣ двѣ, и порознь три,
Волосъ свѣтлый, волосъ длинный,
И въ вѣнкахъ они, смотри.
Вонъ, еще, семья другая,
Порознь три, и вмѣстѣ двѣ,
Пляшутъ, въ зелени мелькая,
Нѣтъ слѣдовъ отъ нихъ въ травѣ.
Брилліантъ роняютъ въ дрему,
Въ бѣлый ландышъ, въ василекъ,
Освѣжаютъ ихъ истому,
Расцвѣчаютъ лепестокъ.
И лѣсныя щебетуньи
Имъ поютъ свой птичій стихъ,
Эти малыя колдуньи
Сестры имъ въ забавахъ ихъ.
Въ гусляхъ сказочныя струнки
Теребитъ зеленый жукъ,
Пляшутъ стройныя лѣсунки,
Долго длится тонкій звукъ.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Р. 1873.

Одиночество.

Отступи, какъ отливъ, все дневное, пустое волненье,
Одиночество, стань, словно мѣсяцъ, надъ часомъ моимъ!..
Слышу, тихо грохочутъ съ волной уходящей каменья;
Вижу: алый закатный туманъ превращается въ дымъ.

То въ алмазныхъ вѣнцахъ, то въ вѣнкахъ полевыхъ маргаритокъ,
То въ одеждахъ рабынь, то въ багряныхъ плащахъ королевъ,
То, какъ вѣтеръ смѣясь, то съ лицомъ утомленнымъ отъ пытокъ,
Вкругъ меня наклоняется хоръ возвратившихся дѣвъ,
Взоръ вашъ ласковъ какъ прежде, и шагъ какъ бывало размѣренъ...
Значитъ, тотъ я, что былъ, если прошлый мнѣ міръ возвращенъ:
Подходите, шепчите: я былъ вамъ и буду вамъ—вѣренъ,
Никому не открою я вашихъ священныхъ именъ!
Къ вашимъ ласковымъ пальцамъ прижму воспаленныя вѣки,
Къ вашимъ грудямъ знакомымъ устало прильну головой...
Сестры! нѣжныя сестры! я въ дѣтствѣ вамъ клялся навѣки:
Только съ вами я счастливъ, и только межъ вами я свой!
Затихаетъ вдали успокоенный ропотъ отлива,
На волнахъ потухаетъ змѣиностей лунныхъ игра,
И, въ вѣнкѣ маргаритокъ, склонясь надо мной, торопливо
Мнѣ разсказъ—о прожитомъ въ разлукѣ—лепечетъ сестра.

Конь блѣдъ.

Улица была—какъ буря. Толпы проходили,
Словно ихъ преслѣдовалъ неотвратимый Рокъ.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
Былъ неисчерпаемъ яростный людской потокъ.

Вывѣски, вертясь, сверкали перемѣннымъ окомъ,
Съ неба, съ страшной высоты тридцатыхъ этажей,
Въ гордый гимнъ сливались съ рокотомъ колесъ
и скокомъ
Выкрики газетчиковъ и щелканье бичей.
Лили свѣтъ безжалостный прикованныя луны,
Луны, сотворенныя владыками естествъ.
Въ этомъ свѣтѣ, въ этомъ гулѣ—души были юны,
Души опьянѣвшихъ, пьяныхъ городомъ существъ.
И внезапно—въ эту бурю, въ этотъ адскій шопотъ,
Въ этотъ, воплотившійся въ земныя формы бредъ,
Ворвался, вонзился чуждый несозвучный топотъ,
Заглушая гулы, говоръ, грохоты каретъ.
Показался съ поворота всадникъ огнеликій,
Конь летѣлъ стремительно и сталъ съ огнемъ
въ глазахъ,
Въ воздухѣ еще дрожали—отголоски, крики,
Но мгновенье было—трепетъ, взоры были—страхъ!
Былъ у всадника въ рукахъ развитый длинный
свитокъ,
Огненныя буквы возвѣщали имя: Смерть...
Полосами яркими, какъ пряжей пышныхъ нитокъ,
Въ высотѣ надъ улицей вдругъ разгорѣлась твердь.
И въ великомъ ужасѣ, скрывая лица,—люди
То безсмысленно взывали: „Горе! съ нами Богъ!“
То, упавъ на мостовую, бились въ общей грудѣ...
Звѣри морды прятали, въ смятеньи, между ногъ.
Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
Красоты свой,—въ восторгѣ бросилась къ коню,
Плача цѣловала лошадиныя копыта!
Руки простирала къ огневѣющему дню.
Да еще безумный, убѣжавшій изъ больницы,
Выскочилъ, растерзанный, пронзительно крича:
„Люди! Вы ль не узнаете Божіей десницы!
Сгибнетъ четверть васъ—отъ мора, глада, и меча!“
Но восторгъ и ужасъ длились—краткое мгновенье.
Черезъ мигъ въ толпѣ смятенной не стоялъ никто:
Набѣжало съ улицъ смежныхъ новое движенье,
Было все обычнымъ свѣтомъ ярко залито.
И никто не могъ отвѣтить, въ бурѣ многошумной,
Было ль то видѣнье свыше или сонъ пустой.

Только женщина изъ залъ веселья, да безумный
Все стремили руки за исчезнувшей мечтой.
Но ихъ рѣшительно людскія волны смыли,
Какъ слова ненужныя изъ позабытыхъ строкъ.
Мчались омнибусы, кэбы и автомбили,
Былъ неисчерпаемъ яростный, людской потокъ.

Въ неконченномъ зданіи.

Мы бродимъ въ неконченномъ зданіи
По шаткимъ, дрожащимъ лѣсамъ,
Въ какомъ-то тупомъ ожиданіи,
Не вѣря вечернимъ часамъ.
Безсвязныя, странныя лопасти
Намъ путь отрѣзаютъ... мы ждемъ.
Мы видимъ бездонныя пропасти
За нашимъ невѣрнымъ путемъ.
Оконныя встрѣтивъ пробоины,
Мы робко въ пространства глядимъ:
Надъ крышами крыши надстроены,
Безмолвіе, холодъ и дымъ.
Намъ страшны размѣры громадные
Безвѣстной растущей тюрьмы.
Надъ безднами, жалкіе, жадные,
Стоимъ, зачарованы, мы.
Но первыя плотныя лѣстницы,
Ведущія къ балкамъ, во мракъ,
Встаютъ какъ безмолвныя вѣстницы,
Встаютъ какъ таинственный знакъ!
Здѣсь будутъ проходы и комнаты!
Всѣ стѣны задвинутся сплошь!
О, думы упорныя, вспомните!
Вы только забыли чертежъ!
Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба взойдетъ

И въ глуби, разумно расчисленной,
Замкнетъ человѣческій родъ.
И вотъ почему—въ ожиданіи
Не вѣримъ мы темнымъ часамъ:
Мы бродимъ въ неконченномъ зданіи.
Мы бродимъ по шаткимъ лѣсамъ!

Александръ Великій.

Неустанное стремленье отъ судьбы къ иной судьбѣ,
Александръ Завоеватель, я—дрожа—молюсь тебѣ.
Но не въ часъ ужасныхъ боевъ, возлѣ древнихъ Гавгемалъ,
Ты среди земныхъ героевъ думы славой оковалъ.
Я люблю тебя, Великій, въ часъ иного торжества.
Были буйственные клики, ропотъ противъ божества.
И къ войскамъ ты сталъ, какъ солнце; ослѣпилъ ихъ грозный взглядъ,
И безвольно Македонцы вдругъ отпрянули назадъ.
Ты воззвалъ къ нимъ: „Вы забыли, кѣмъ вы были, что́ теперь!
Какъ стада въ поляхъ бродили, въ чащу прятались, какъ звѣрь.
Создана отцомъ фаланга, вашу мощь открылъ вамъ онъ;
Вы со мной прошли до Ганга, въ Сарды, въ Сузы, въ Вавилонъ.
Или мните: государемъ сталъ я милостью мечей?
Мнѣ державство отдалъ Дарій! скипертъ мой, иль онъ ничей!
Уходите! путь открытый! размечите бранный станъ!
Дома дѣтямъ разскажите о красотахъ дальнихъ странъ,
Какъ мы шли въ горахъ Кавказа, про пустыни, про моря...
Но припомните въ разсказахъ, гдѣ вы кинули царя!
Уходите! ждите славы! Но—Аммона вѣчный сынъ—

Здѣсь, по царственному праву, я останусь и одинъ".
Какъ хорошъ ты былъ, Могучій, съ блескомъ гнѣва на лицѣ!..
Разошлись войска, какъ тучи; ты—одинъ въ своемъ дворцѣ.
Отъ куреній залы пьяны, дышатъ золото и шелкъ.
Въ ласкахъ трепетной Роксаны гнѣвъ стихаетъ и умолкъ.
Царь семнадцати сатрапій, царь Египта двухъ коронъ,
—На тебя со скиптромъ въ лапѣ—со стѣны глядитъ Аммонъ.
Стихли толпы, колесницы, на равнину палъ туманъ...
Но, едва зажглась денница, взволновался шумный станъ.
Въ полѣ стонъ необычайный, молятъ, падаютъ во прахъ...
Не вздохнулъ ли, Гордый, тайно о своихъ ночныхъ мечтахъ?
О, завѣтное стремленье отъ судьбы къ иной судьбѣ,
Въ часъ сомнѣнья и томленья я опять молюсь тебѣ!

Ассаргадонъ.

Я—вождь земныхъ царей и царь, Ассаргадонъ.
Владыки и вожди, вамъ говорю я: горе!
Едва я принялъ власть, на насъ возсталъ Сидонъ.
Сидонъ я ниспровергъ, и камни бросилъ въ море.
Египту рѣчь моя звучала, какъ законъ,
Эламъ читалъ судьбу въ моемъ единомъ взорѣ,
Я на костяхъ враговъ воздвигъ свой мощный тронъ.
Владыки и вожди, вамъ говорю я: горе!

Кто превзойдетъ меня? кто будетъ равенъ мнѣ?
Дѣянья всѣхъ людей—какъ тѣнь въ безумномъ снѣ,
Мечта о подвигахъ—какъ дѣтская забава.
Я исчерпалъ до дна тебя, земная слава!
И вотъ стою одинъ, величьемъ упоенъ,
Я, вождь земныхъ царей и царь—Ассаргадонъ.

L'ENNUI DE VIVRE...

Я жить усталъ среди людей и въ дняхъ,
Усталъ отъ смѣны думъ, желаній, вкусовъ,
Отъ смѣны истинъ, смѣны риѳмъ въ стихахъ.
Желалъ бы я не быть „Валерій Брюсовъ".
Не предъ людьми—отъ нихъ уйти легко—
Но предъ собой, передъ своимъ сознаньемъ,—
Уже въ былое цѣпь уходить далеко,
Которую зовутъ воспоминаньемъ.
Склонясь, иду впередъ, растущій грузъ влача:
Дней, лѣтъ, именъ, восторговъ и паденій.
Со мной мои стихи бѣгутъ, крича,
Грозятъ мнѣ замысловъ недовершенныхъ тѣни,
Слѣпятъ глаза сверканья, безъ числа,
(Слова изъ книгъ, истлѣвшихъ въ сердцѣ—склепѣ),
И женщинъ жадныя тѣла
Цѣпляются за звенья цѣпи.

О, да! васъ женщины, къ себѣ воззвалъ я самъ
Отъ ложа душнаго, изъ келій, съ перепутій,
И отдавались мы вдвоемъ одной минутѣ,
И вмѣстѣ мчало насъ теченье по камнямъ.
Вы скованы со мной небеснымъ, высшимъ бракомъ,
Какъ съ моремъ воды впавшихъ рѣкъ,
Своимъ я васъ отмѣтилъ знакомъ,
Я отдалъ душу вамъ—на мигъ, и тѣмъ навѣкъ.
Иныя умерли, иныя измѣнили,
Но всѣ со мной, куда бы я не шелъ.
И я влеку по днямъ, клонясь какъ волъ,
Изнемогая отъ усилій,
Могильнаго креста тяжелый пьедесталъ:
Живую груду тѣлъ, которыя ласкалъ,
Которыя меня ласкали и томили.

О, еслибъ все забыть, быть вольнымъ, одинокимъ,
Въ торжественной тиши раскинутыхъ полей,
Идти своимъ путемъ, безцѣльнымъ и широкимъ,
Безъ будущихъ и прошлыхъ дней.

Срывать цвѣты, мгновенные какъ маки,
Впивать лучи, какъ первую любовь,
Упасть, и умереть, и утонуть во мракѣ,
Безъ горькой радости воскреснуть вновь и вновь!

Послѣдній день.

Онъ придетъ, обезумѣвшій міръ,
Которой поэтомъ прославленъ.
Будетъ сладостнымъ ядомъ отравленъ
Воздухъ и самый эѳиръ.
Съ каждымъ мигомъ впивая отраву,
Обезумѣютъ бѣдные дѣти земли:
Мудрецы—земледѣльцы—пѣвцы—короли—
Звѣри—птицы—деревья—и травы.

Станутъ распускаться странные цвѣты,
Яркіе какъ солнце, дышащіе пряно,
Открывая къ воздуху жаждущіе рты.
Яркостью нежданной заблестѣвъ, поляны
Заструятъ томительный, жгучій ароматъ.
Птицы изступленныя стаями взлетятъ,
Надъ блестящимъ городомъ и на мѣстѣ дикомъ
Замелькаютъ съ радостнымъ, многосложнымъ крикомъ.
Островами новыми встанутъ въ океанѣ
Сонмы рыбъ, тѣснящихся въ ярости желаній.

Земля, какъ всегда, не устанетъ кружиться,
Вкушая то знойнаго свѣта, то ночи,
Но снами никто не захочетъ упиться,
И будутъ во мракѣ восторженнѣй очи.
Въ полярныхъ пустыняхъ, въ тропическихъ чащахъ,
Въ открытыхъ дворцахъ и на улицахъ шумныхъ
Начнутся неистовства сонмовъ кипящихъ,
Пиры и веселья народовъ безумныхъ.
Покорные тѣмъ же властительнымъ чарамъ,

Веселые звѣри вмѣшаются въ игры,
И дѣвушки въ пляскѣ прильнутъ къ ягуарамъ,
И будутъ съ дѣтьми какъ ровесники тигры.

И странные цвѣты живыми лепестками
Засыплютъ, словно снѣгъ, лежащія тѣла,
И будетъ въ яркій день лазурь горѣть звѣздами,
И будетъ ночи мгла, какъ знойный часъ, тепла.
Среди чудовищныхъ видѣній и фантазій,
Среди блуждающихъ и плоть принявшихъ сновъ,
Все жившее замретъ въ восторженномъ экстазѣ,
И Смерть закинетъ сѣть на свой послѣдній ловъ.
Ничто не избѣжитъ своей судьбы блаженной,
Какъ первые въ раю—послѣдніе уснутъ...
И ангелъ вострубитъ надъ смолкнувшей вселенной,
Всѣ тысячи вѣковъ зовя на общій судъ.

Башня любви.

Мнѣ грустно оттого, что мы съ тобой не двое,
Что мѣсяцъ, гость небесъ, заглянетъ къ намъ въ окно,
Что грохотъ города нарушитъ все ночное,
И будетъ счастье тьмы межъ зорь заключено.
Мнѣ грустно оттого, что завтра ты съ другими
Смѣшаешься въ одной вскипающей волнѣ,
И будешь между нихъ, и будешь вмѣстѣ съ ними,
И хоть на краткій мигъ забудешь обо мнѣ.
О еслибъ быть вдвоемъ въ высокой, узкой башнѣ,
Гдѣ лампъ кровавыхъ свѣтъ затепленъ навсегда,
Гдѣ вѣчно—только ночь, какъ завтра—день вчерашній,
И гдѣ-то безъ конца шумитъ, шумитъ вода.
Отторгнуты отъ всѣхъ, отъяты отъ вселенной,
Мы были бъ лишь вдвоемъ, я твой, ты—для меня,
Мы были бъ какъ цари надъ вѣчностью мгновенной,
И годъ смѣнялъ бы годъ, какъ продолженье дня.

Встрѣчи.

О эти встрѣчи мимолетныя
На гулкихъ улицахъ столицъ!
О эти взоры безотчетные,
Бесѣда бѣглая рѣсницъ!
На зыби яростной мгновеннаго
Мы двое—у одной черты;
Безмолвный крикъ желанья плѣннаго:
„Ты кто, скажи?“—отвѣтъ: „кто ты?“
И взоромъ прошлое разсказано,
И брошенъ зовъ ей: „Будь моей!“
И вотъ она обѣтомъ связана...
Но мигъ прошелъ, и я не съ ней.
Далеко, тамъ, въ толпѣ скользитъ она,
Уже съ другимъ ея мечта...
Но развѣ страсть не вся испытана,
Не вся любовь пережита!

* * *

Я посѣщалъ сады Ликеевъ, Академій,
На воскѣ отмѣчалъ рѣченья мудрецовъ,
Какъ вѣрный ученикъ, я былъ ласкаемъ всѣми,
Но самъ любилъ лишь сочетанья словъ,
На островѣ Мечты, гдѣ статуи, гдѣ пѣсни,
Я изслѣдилъ пути въ огняхъ и безъ огней,
То поклонялся тѣмъ, что ярче, что тѣлеснѣй,
То трепеталъ въ предчувствіи тѣней,
И странно полюбилъ я мглу противорѣчій.
И жадно сталъ искать сплетеній роковыхъ.
Мнѣ сладки всѣ мечты, мнѣ дороги всѣ рѣчи,
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ...

Охотникъ.

Надъ бредомъ предзакатныхъ маревъ,
Надъ трауромъ вечернихъ тучъ,
По ихъ краямъ огнемъ ударивъ,
Возносится послѣдній лучъ.
И глуби черныя покинувъ,
Въ лазурный день изъ темноты
Взлетаетъ яркій рой павлиновъ,
Раскрывъ стоцвѣтные хвосты.
А Ночь, охотникъ съ вѣрнымъ лукомъ,
Кладетъ на тетиву стрѣлу.
Она взвилась съ протяжнымъ звукомъ,
И птица падаетъ во мглу.
Весь выводокъ сразили стрѣлы...
Отъ пестрой стаи нѣтъ слѣда...
На Западъ, слѣпо потемнѣлый,
Глядитъ Восточная Звѣзда.

Къ счастливымъ.

Свершатся сроки: загорится вѣкъ,
Чей лучъ блеститъ на быстринѣ столѣтій,
И твердо станетъ вольный человѣкъ
Предъ ликомъ неба на своей планетѣ.
Единый Городъ скроетъ шаръ земной,
Какъ въ чешую, въ сверкающія стекла,
Чтобъ вѣчно жить ласкательной весной,
Чтобъ листьевъ зелень осенью не блекла.
Чтобъ не было разсвѣтовъ и ночей,
Но чистый свѣтъ, безъ облаковъ, безъ тѣни,
Чтобъ не былъ міръ ни твой, ни мой, ничей,
Но общій даръ идущихъ поколѣній.
Цари стихій, владыки естества,
Послѣдыши и баловни природы,

Начнутъ свершать, въ весельи торжества,
Какъ вѣчный пиръ, ликующіе годы.
Свобода, братство, равенство, все то,
О чемъ томимся мы, почти безъ вѣры,
Къ чему изъ насъ не припадетъ никто,—
Тѣ вкусятъ смѣло, полностью, сверхъ мѣры.
Разоблаченныхъ тайнъ святой родникъ
Ихъ упоитъ въ безсонной жаждѣ знанья,
И Красоты осуществленный ликъ
Насытитъ ихъ предѣльныя желанья.
И ляжемъ мы въ вѣкахъ какъ перегной,
Мы всѣ, кто ищетъ, вѣритъ, страстно дышитъ,
И этотъ гимнъ, въ быломъ пропѣтый мной,
Я знаю, міръ грядущій не услышитъ.
Мы станемъ сказкой, бредомъ, бѣглымъ сномъ,
Порой встающимъ тягостнымъ кошмаромъ.
Они прійдутъ, какъ мы еще идемъ,
За все заплатятъ имъ,—мы гибнемъ даромъ.
Но что жъ! Пусть такъ! Клони меня, Судьба,
Дышать грядущимъ гордая услада!
И есть иль нѣтъ дорога сквозь гроба,
Я былъ! я есмь! мнѣ вѣчности не надо!

Эпизодъ.

Не правда ли: мы въ сказкѣ,
Мы въ книжкѣ для дѣтей?
Твои такъ нѣжны глазки,
И поступь—какъ у фей!
Я—принцъ, а ты—царевна,
Отецъ твой—злой король...
Но не гляди такъ гнѣвно,
Побыть съ тобой позволь.

Я въ шапкѣ-невидимкѣ
Для всѣхъ—ты здѣсь одна!
И вотъ въ вечерней дымкѣ
Померкла даль окна.
Прислужницы уводятъ
Тебя подъ пологъ твой...
Ночныя тѣни бродятъ,
И я во мглѣ съ тобой!
Уста твои безмолвны,
Смеженъ покорный взоръ.
Бросаю въ воздухъ—въ волны
Нашъ самолетъ-коверъ.
Влекутъ насъ въ царство ласки
Семь бѣлыхъ лебедей...
Не правда ли: мы въ сказкѣ,
Мы въ книжкѣ для дѣтей?

Угрюмый часъ.

На высяхъ дремлетъ боръ сосновый;
Глуха холодная волна;
Закатъ загадочно-багровый
Горитъ въ водѣ, какъ сонъ лиловый;
Угрюмость, блескъ и тишина.
Надъ гладью водъ орелъ усталый
Качаетъ крыльями, спѣша.
Его тревожитъ отблескъ алый,—
И вотъ на сумрачныя скалы
Онъ палъ, прерывисто дыша.
Ни паруса, ни дыма! Никнетъ
Свѣтъ, поглощаемый волной,
Порою только чайка крикнетъ,
И бѣлымъ призракомъ возникнетъ
Надъ озаренной глубиной.

Уличная.

Свищетъ въ полъ-голоса аріи,
Блескомъ и шумомъ пьяна,
Здѣсь на ночномъ тротуарѣ,
Вольная птица она!
Дѣтски балуется съ локономъ,
Вьющимся дерзко къ глазамъ,
То вдругъ наклонится къ окнамъ,
Смотритъ на радужный хламъ.
Вотъ улыбнулась знакомому
Всѣмъ ожерельемъ зубовъ!
Вотъ, подмигнувъ молодому,
Бросила нѣсколько словъ.
Кто-то кивнулъ необдуманно,
Къ ней наклонился,—и вотъ
Вмѣстѣ смѣется онъ шумно.
Рядомъ, волнуясь, идетъ.
Словно громадное зеркало
Ихъ отразило окно,
И отраженье померкло,
Канувъ на темное дно.

Служителю музъ.

Свой хоръ завѣтный водятъ музы
Вдали отъ дольныхъ золъ и бѣдъ.
Но ты родныя Сиракузы
Люби, какъ древле Архимедъ!
Когда бросаетъ ярость вѣтра
Въ лицо намъ вражьи знамена,—
Сломай свой циркуль геометра,
Прими доспѣхъ на рамена!
И если врагъ, пятой надменной,

На грудь страны поникшей сталъ,—
Забудь о таинствахъ вселенной,
Поспѣшно отточи кинжалъ!
Священны миги роковые,
Въ порывѣ гнѣва тайна есть,
И ликъ склоняетъ Уранія,
Когда встаетъ и кличетъ месть!
Пусть боги смотрятъ безучастно
На скорбь земли: ихъ вѣченъ вѣкъ.
Но только страстное прекрасно
Въ тебѣ, мгновенный человѣкъ!

Въ томъ же паркѣ.

Здравствуй, листикъ, тихо падающій,
Словно легкій мотылекъ!
Здравствуй, здравствуй, грустью радующій,
Предосенній вѣтерокъ!

Нѣжно гаснетъ блѣдно-палевая,
Вечерѣющая даль.
Словно въ лодочкѣ отчаливая,
Уношусь въ мою печаль.

Ясно гаснетъ отуманенная
Заводь соннаго пруда,
Сердце, словно птица раненая,
Такъ же бьется, какъ тогда.

Здѣсь, вотъ здѣсь въ стыдливой длительности
Слили мы уста въ уста.
Какъ же нѣтъ былой дѣйствительности?
Онъ не тотъ? иль я не та?

Выхожу въ аллею липовую.
Гдѣ сказалъ онъ мнѣ: я твой!..
И не плачу, только всхлипываю,
Шелестя сухой листвой.

Но не длить мечту застѣнчивую
Въ старый паркъ пришла я вновь:
Тихой грустью я увѣнчиваю
Опочившую любовь!

Вечерній приливъ.

Кричатъ афиши, пышно-пёстрыя,
И стонутъ вывѣсокъ слова,
И магазиновъ свѣты острые
Язвятъ, какъ вопли торжества.
Тамъ спятъ за стеклами матеріи,
Льютъ брилліанты яркій ядъ,
И надъ звѣздой червонцевъ—серіи
Сіяньемъ сѣвернымъ горятъ.
Прорѣзанъ длинными колодцами
Горящихъ улицъ,—городъ живъ.
Киша безсчетными уродцами,
Вечерній празднуетъ приливъ.
Скрывъ небеса съ звѣздами чуткими,
Лучи синѣютъ фонарей—
Надъ мудрецами, проститутками,
Надъ зыбью пляшущихъ людей.
Кадрилей нарушая линіи,
Межъ паръ кружащихся—звеня,
Трамваи мечутъ молньи синія,
Автомобили—снопъ огня.
Позоръ, подъ музыку колесную,
Вознесъ смычекъ, какъ дирижеръ,
И слилъ толпу многоголосную
Въ единый и священный хоръ:
„Мы славимъ, Прахъ, Твое Величество,
Тебѣ ведемъ мы хороводъ,
Вкругъ алтарей изъ электричества,
Вонзившихъ копья въ небосводъ!“

ИВАНЪ БУНИНЪ.

Р. 1870.

Въ порту.

Огромный, красный, старый парóходъ
У мола сталъ, вернувшись изъ Сиднея.
Бѣлѣетъ молъ и, радостно синѣя,
Безоблачный сіяетъ небосводъ.
Въ тиши, въ теплѣ, на солнцѣ, въ изумрудной
Морской водѣ, склонясь на лѣвый бортъ,
Гигантъ уснулъ... И спитъ лѣнивый портъ.
Спятъ грузчики... Бѣлѣетъ молъ безлюдный.
Въ водѣ прозрачной виденъ узкій киль,
Весь въ рáкушкахъ... Ихъ слой зелено-ржавый

Наросъ давно... У Суматры, у Явы,
Въ Великомъ Океанѣ... въ зной и штиль.
Мальчишка-негръ въ турецкой грязной фескѣ
Виситъ въ бадьѣ, по борту, краситъ бакъ—
И отъ воды на свѣжій красный лакъ
Зеркальныя восходятъ арабески.
И лакъ блеститъ подъ черною рукой,
Слѣпитъ глаза... И мальчикъ-обезьяна
Сквозь сонъ поетъ... Простой напѣвъ Судана
Звучитъ въ тиши всѣмъ чуждою тоской.

Проводы.

Забилъ буграми жемчугъ, заклубился,
Взрывая малахиты подъ рулемъ.
Земля плыветъ. Отходитъ, отдѣлился
Высокій бортъ. И мы назадъ плывемъ.
Молъ опустѣлъ. На соръ и зерна жита,
Свистя, слетѣлись голуби. А тамъ
Дрожитъ корма, и длинный жезлъ бугшприта
Отходитъ и чертитъ по небесамъ.
Вотъ онъ закрылся мачтами, трубою,
Вотъ показался слѣва. Вдалекѣ
Онъ ужъ завидѣлъ море. Надъ водою
Уноситъ якорь въ глинѣ и пескѣ.
Прощай, прощай! Знакомые, чужіе—
Всѣ на кормѣ, и всѣхъ, какъ близкихъ, жаль...
И день, и ночь—безбрежная стихія,
И день, и ночь—за синей далью даль.
А мнѣ куда?—Мартъ, сумерки... Къ вечернѣ
Звонятъ въ порту... Душа весной полна,
Полна тоской... Вонъ огонекъ въ таверне...
Но нѣтъ, домой! Я пьянъ и безъ вина.

Тронъ Соломона.

На письмена исчезнувшихъ народовъ
Похожи руны Времени—значки
Вдоль старыхъ стѣнъ и полутемныхъ сводовъ,
Гдѣ завелись точильщики-жучки.

Царь Соломонъ повелѣвалъ вѣтрами,
Былъ магъ, мудрецъ. „Не даромъ сѣялъ Я,
Сказалъ Господь.—Какими же дарами
Вѣнчать тебя, царь, магъ и судія?“

„Сѣвъ славныхъ дѣлъ вѣнчаетъ солнце славы,
Отвѣтилъ царь.—Вотъ геніи пустынь
Покорны мнѣ. Но геніи лукавы,
Они не чтутъ ни долга, ни святынь.

„Тронъ Мудрости я имъ велѣлъ построить,
Но я умру—и, бросивъ трудъ, въ Геджасъ
Уйдутъ они. Ты могъ мнѣ жизнь утроить:
Сокрой отъ нихъ моей кончины часъ“.

„Да будетъ такъ“, сказалъ Господь. И годы
Текли въ трудѣ. И былъ оконченъ тронъ:
Изъ яшмы древней царственной породы,
Изъ бѣлой яшмы былъ изваянъ онъ.

Подъ тропомъ львы, надъ тропомъ кондоръ горный,
На тронѣ—царь. И ты сокрылъ, Творецъ,
Что на копье склоняется въ упорной
Глубокой думѣ—высохшій мертвецъ.

Но рухнетъ онъ! Древко копья изъ кедра,
Оно—какъ сталь. Но ужъ стучатъ жучки!
Стучатъ, стучатъ—и разсыпаютъ щедро
Зловѣщіе могильные значки.

Ночью въ Іюлѣ.

Не слыхать еще тяжкаго грома за лѣсомъ,—
Только сполохъ зарницъ пробѣгаетъ въ вершинахъ...
Лапы елей висятъ неподвижнымъ навѣсомъ,
И запуталась хвоя въ сухихъ паутинахъ..

Если жъ молнія вспыхнетъ, какъ пламя надъ горномъ.
Раскрываются чащи въ изломахъ невѣрныхъ,
Точно древніе своды во храмахъ пещерныхъ,
Въ подземельи Перуна, высокомъ и черномъ!

Огни небесъ.

Огни небесъ, тотъ серебристый свѣтъ,
Что мы зовемъ мерцаньемъ звѣздъ небесныхъ,—
Порою только неугасшій свѣтъ
Уже давно померкнувшихъ планетъ,
Свѣтилъ, давно забытыхъ и безвѣстныхъ.
Та красота, что міръ стремитъ впередъ,
Есть тоже слѣдъ былого. Безъ возврата
Сгоримъ и мы, свершая въ свой чередъ
Обычный путь, но долго не умретъ
Жизнь, что горѣла въ насъ когда-то.
И много въ мірѣ избранныхъ, чей свѣтъ
Теперь еще незримый для незрящихъ,
Дойдетъ къ землѣ чрезъ много, много лѣтъ...
Въ безвѣстномъ сонмѣ мудрыхъ и творящихъ,
Кто знаетъ ихъ? Быть можетъ, лишь поэтъ.

Безсмертный.

Ангелъ Смерти въ Судный День умретъ:
Истребитъ живущихъ—и со стономъ
Прилетитъ къ Аллаху—и простретъ,
Бездыханный, крылья передъ тономъ.

Ангелъ Мести, грозный судія!
На твоемъ стальномъ клинкѣ изсѣченъ
Грозный кличъ: „Безсмертенъ только Я.
Трепещите! Ангелъ Мести вѣченъ.“

Слѣпой.

Вотъ онъ идетъ проселочной дорогой,
Безъ шапки, рослый, думающій, строгій,
Съ мѣшками, съ палкой, въ рваномъ армячишкѣ,
Держась рукой за плечико мальчишки.
Мальчишкѣ беззаботно въ чистомъ полѣ—
На васильки, на нѣжный цвѣтъ куколи
Глазѣетъ онъ, скучающій ребенокъ...
Но показался хуторъ. „Пой, чертенокъ!“
И звонкимъ альтомъ, жалобнымъ и страстнымъ,
Затягиваетъ мальчикъ—о прекрасномъ
Объ Алексѣѣ, Божьемъ человѣкѣ.
Подъ загудѣвшій мрачный басъ калѣки.
„Вы пожалѣйте,—плачетъ альтъ,—бездомныхъ!
Вы пожалѣйте, люди, сирыхъ, темныхъ“!
И басъ грозитъ: „Въ аду, въ огнѣ сгорите.
На пропитаніе сирыхъ сотворите“.
И, угрожая, властнымъ мертвымъ шагомъ
Идетъ къ избушкѣ ветхой надъ оврагомъ,
Надъ скучной балкой вдоль изсохшей рѣчки,
А тамъ одна старуха на крылечкѣ.

И крестится старуха и дрожащей
Рукою ищетъ грошикъ завалящій
И жалко плачетъ, сморщивая брови,
Объ окаянной грѣшницѣ Прасковьѣ.

Гробница Сафіи.

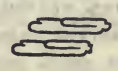
Горный ключъ по скаламъ и оврагамъ,
Полусонный, убѣгаетъ внизъ.
Какъ чернецъ, надъ бѣлымъ саркофагомъ
Въ синемъ небѣ замеръ капарисъ.

Нѣжныя, какъ дѣвушки, мимозы
Льютъ подъ нимъ узоръ своихъ вѣтвей,
И цвѣтутъ, благоухаютъ розы
На кустахъ, гдѣ плачетъ соловей.

Ниже—дикій берегъ и туманный,
Еле уловимый горизонтъ:
Тамъ просторъ воздушный и безгранный.
Голубая бездна—Геллеспонтъ.

Миръ тебѣ, о юная! Смиренно
Я цѣлую бѣлое тюрбэ:
Пять вѣковъ безсмертна и нетлѣнна
На Востокѣ память о тебѣ.

Счастливъ тотъ, кто жизнью міръ плѣнялъ.
Но стократъ счастливѣй тотъ, чей прахъ
Вѣру въ жизнь безсмертную вселяетъ
И цвѣтетъ легендами въ вѣкахъ!



Одиночество.

И вѣтеръ, и дождикъ, и мгла
Надъ холодной пустыней воды.
Здѣсь жизнь до весны умерла,
До весны опустѣли сады.
Я на дачѣ одинъ. Мнѣ темно
За мольбертомъ—и дуетъ въ окно.
Вчера ты была у меня,
Но тебѣ ужъ тоскливо со мной.
Подъ вечеръ ненастнаго дня
Ты мнѣ стала казаться женой...
Что жъ, прощай! Какъ-нибудь до весны
Проживу и одинъ—безъ жены.
Сегодня идутъ безъ конца
Тѣ же тучи—гряда за грядой.
Твой слѣдъ подъ дождемъ у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мнѣ больно глядѣть одному
Въ предвечернюю сѣрую тьму.
Мнѣ крикнуть хотѣлось вослѣдъ:
„Воротись—я сроднился съ тобой!“
Но для женщины прошлаго нѣтъ:
Разлюбила—и сталъ ей чужой.
Что жъ! Каминъ затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

Могила поэта.

Мраморъ гробницы его—въ скорбной толпѣ кипарисовъ:
Радостнѣй свѣтитъ межъ нихъ синее лоно небесъ.
Ангелъ изваянъ надъ нимъ съ опрокинутымъ свѣточемъ жизни:
Ярче пылаетъ огонь, смертью поверженный ницъ!

Послѣ битвы.

Воткнувъ копье, онъ сбросилъ шлемъ и легъ.
Курганъ былъ жесткій, выбитый. Кольчуга
Колола грудь, а спину полдень жегъ...
Осенней сушью жарко дуло съ юга.
И умеръ онъ. Окостенѣлъ, застылъ,
Припавъ къ землѣ тяжелой головою.
И вѣтеръ волосами шевелилъ,
Какъ ковылемъ, какъ мертвою травою.
И муравьи закопошились въ нихъ...
Но равнодушно все вокругъ молчало,
И далеко среди полей нагихъ
Копье, въ курганъ воткнутое, торчало.

Новый годъ.

Ночь прошла за шумной встрѣчей года...
Сколько сладкой муки! Сколько разъ
Я ловилъ, сквозь блескъ огней и говоръ,
Быстрый взглядъ твоихъ влюбленныхъ глазъ!
Вышли мы, когда уже свѣтало
И въ церквахъ затеплились огни...
О, какъ мы любили! Какъ томились!
Но и здѣсь мы были не одни.
Молча шла ты объ руку со мною
Посрединѣ улицъ. Городокъ
Точно вымеръ. Мягко вѣялъ влажный
Тающаго снѣга холодокъ.
И хотѣлось только ласки, ласки.
И не разъ склонялася тайкомъ
Къ моему плечу твоя головка
Подъ прозрачнымъ газовымъ платкомъ.

Но подъѣздъ ужъ близокъ. Вотъ и двери...
О, прощальный милый взглядъ! „Хоть разъ,
Только разъ прильнуть къ тебѣ всѣмъ сердцемъ
Въ этотъ ранній, въ этотъ сладкій часъ!“
Но сестра стоитъ, глядитъ безстрастно.
„Доброй ночи!“ Сдержанный поклонъ,
Стукъ дверей—и я одинъ. Молчанье,
Блѣдный сумракъ, предразсвѣтный звонъ.

Балагула.

Балагула убѣгаетъ и трясетъ меня.
Рыжій Айзикъ правитъ парой и сосетъ тютюнъ.
Алый макъ во ржи мелькаетъ—лепестки огня.
Золотятся, льются нити телеграфныхъ струнъ.

„Айзикъ, Айзикъ, вы заснули!“—„Ха! А развѣ панъ
Ѣдетъ въ городъ съ интересомъ? Панъ—поэтъ, артистъ!“
Правда, правда. Что мнѣ этотъ грязный Аккерманъ?
Степь привольна, день прохладенъ, воздухъ сухъ и чистъ.

Былъ я сыномъ, братомъ, другомъ, мужемъ и отцомъ,
Былъ въ довольствѣ... Все на смарку! Все не то, не то!
Заплачу за путь вѣнчальнымъ золотымъ кольцомъ,
А потомъ... Потомъ въ таверну: вывезетъ лото!

Съ обезьяной.

Ай, тяжела турецкая шарманка!
Бредетъ худой согнувшійся хорватъ
По дачамъ утромъ. Въ юбкѣ обезьянка
Бѣжитъ за нимъ, смѣшно поднявши задъ.

И дѣтское, и старческое что-то
Въ ея глазахъ печальныхъ. Какъ цыганъ,
Сожженъ хорватъ. Пыль, солнце, зной, забота...
Далеко отъ Одессы на Фонтанъ!

Ограды дачъ еще въ живомъ узорѣ—
Въ тѣни акацій. Солнце изъ-за дачъ
Глядитъ въ листву. Въ аллеяхъ блещетъ море...
День будетъ дологъ, свѣтелъ и горячъ.

И будетъ сонно, сонно. Черепицы
Стекломъ свѣтиться будутъ. Промелькнетъ
Велосипедъ безшумнымъ махомъ птицы,
Да прогремитъ въ нѣмецкой фурѣ ледъ.

Ай, хорошо напиться! Есть копейка,
А вонъ кіоскъ: большой стаканъ воды
Дастъ съ томною улыбкою еврейка...
Но путь далекъ... Сады сады, сады...

Звѣрекъ усталъ,—взоръ старичка-ребенка
Томитъ тоской. Хорватъ отъ жажды пьянъ.
Но пьетъ звѣрекъ: лиловая ладонка
Хватаетъ жадно пѣнистый стаканъ.

Поднявши брови, тянетъ обезьяна,
А онъ жуетъ засохшій бѣлый хлѣбъ
И медленно отходитъ въ тѣнь платана...
Ай, далеко, далеко ты, Загребъ!

Пугачъ.

Онъ сѣлъ въ глуши, въ шатрѣ столѣтней ели.
На яркій свѣтъ, сквозь вѣтки и сучки,
Съ безумнымъ изумленіемъ глядѣли
Сверкающіе золотомъ зрачки.
Я выстрѣлилъ. Онъ вздрогнулъ—и безшумно
Сорвался внизъ, на мохъ корней витыхъ.
Но и во мху блестятъ, глядятъ безумно
Круги зрачковъ лучисто-золотыхъ.
Раскинулись изломанныя крылья,
Но хищный взглядъ все такъ же дикъ
золъ.
И сталь когтей съ отчаяньемъ безсилья
Вонзается въ ружейный скользкій стволъ.

Съ обрыва.

Стремнина скалъ. Волной желѣзной
Здѣсь плоскогорье поднялось
И надъ зіяющею бездной,
Оцѣпенѣвъ, оборвалось.
Здѣсь небо ясно,—слой тумана
Ползетъ подъ нами, какъ драконъ,—
И моря синяя нирвана
Виситъ въ пространствѣ съ трехъ сторонъ.
Но дико здѣсь. Какъ руки фурій,
Торчитъ надъ бездною изъ скалъ
Колючій, искривленный бурей,
Сухой и звонкій астрагалъ.
И на зарѣ сѣдой орленокъ
Шипитъ въ гнѣздѣ, какъ василискъ,
Завидѣвъ за моремъ спросонокъ
Въ туманѣ сизомъ красный дискъ.

Сентябрь.

Ужъ подсыхаетъ хмѣль на тынѣ.
За хуторами, на бакчахъ,
Въ нежаркихъ солнечныхъ лучахъ
Краснѣютъ бронзовыя дыни.

Ужъ хлѣбъ свезенъ, и вдалекѣ,
Надъ старою степною хатой,
Сверкаетъ золотой заплатой
Крыло на сѣромъ вѣтрякѣ.

Портретъ.

Платанъ, часовенка надъ склепомъ,
Вѣнки, лампадки, образа
И въ рамѣ, перевитой крепомъ —
Большіе ясные глаза.

Сквозь пыль на стеклахъ, жаркимъ свѣтомъ
Внутри часовенка горитъ.
„Зачѣмъ я въ склепѣ—въ полдень, лѣтомъ?“
Незримый кто-то говоритъ.

Кокетливо-проста прическа
И пелеринка на плечахъ...
А тутъ повсюду—капли воска
И банты крепа на свѣчахъ,

Вѣнки, лампадки, пахнетъ тлѣньемъ...
И только этотъ милый взоръ
Глядитъ съ веселымъ изумленьемъ
На этотъ погребальный вздоръ.

Рыбалка.

Вода за холодные сѣрые дни въ октябрѣ
На отмеляхъ спала—прозрачная стала и чистая.
Въ пескѣ обнаженномъ оттиснулась лапка лучистая:
Рыбалка сидѣла на утренней ранней зарѣ.
Въ болотѣ лѣсномъ подъ высокимъ коричневымъ
шпажникомъ,
Гдѣ цѣпкая тина съ листвою купавъ сплетена,
Все лѣто жила, тосковала о дружкѣ она,
О дружкѣ, убитой заѣзжимъ охотникомъ-бражни-
комъ.
Зарею она улетѣла на дальній Дунай—
И горе забудетъ. Но жизнь дорожитъ и рыбалкою:
Ей надо помучить кого-нибудь пѣсенкой жалкою—
И Груня жалкуетъ, поетъ... Вспоминай, вспоминай!

На дачѣ.

Луна еще прозрачна и блѣдна.
Но розовѣетъ пепелъ небосклона—
И золотится берегъ. Ужъ видна
Тѣнь отъ узорной туи у балкона.
Пойдемъ къ обрывамъ. Млѣющей волной
Вода переливается. И вскорѣ
Изъ края въ край подъ золотой луной
Затеплится и засіяетъ море.
Ночь будетъ ясная, веселая. Вдали,
На рейдѣ, двѣ турецкихъ бригантины.
Вотъ поднимаютъ парусъ. Вотъ зажгли
Сигналы—изумруды и рубины.
Но вѣтра нѣтъ. И будутъ до зари
Онѣ дремать и медленно качаться,
И будутъ въ лунномъ свѣтѣ фонари
Глазами утомленными казаться.

Русская весна.

Скучно въ лощинахъ березамъ,—
Туманная муть на поляхъ.
Конскимъ размокшимъ навозомъ
Въ туманѣ чернѣется шляхъ.
Въ сонной степной деревушкѣ
Пахучіе хлѣбы пекутъ.
Медленно двѣ побирушки
Съ мѣшками къ деревнѣ бредутъ.
Тамъ ужъ на улицѣ—лужи,
Зола, синеватая грязь.
Въ избахъ—угаръ, а снаружи
Завалинки тлѣютъ, дымясь.
Жмурясь, сидитъ у амбара
Овчарка на ржавой цѣпи.
Въ избахъ—темно отъ угара,
Туманно и тихо—въ степи.
Только пѣтухъ беззаботно
Весну воспѣваетъ весь день...
Въ полѣ—тепло и дремотно,
А въ сердцѣ—счастливая лѣнь.

Дюны.

За сизыми дюнами—сѣверный тусклый туманъ.
За сизыми дюнами—сѣрая даль океана.
На зыби холодной, у берега—черный баклань,
На зыби маячитъ высокая шейка баклана.
За сизыми дюнами—сѣверъ. Вдали иногда
Проходятъ, какъ тѣни, норвежскія старыя шхуны—
И снова все пусто. Холодное небо, вода,
Туманъ синеватый и дюны.

Мертвый часъ.

Проснулся я внезапно, безъ причины.
Мнѣ снилось что-то грустное—и вдругъ
Проснулся я. Сквозь голыя осины
Въ окно глядѣлъ туманный лунный кругъ.
Усадьба по осеннему молчала,
Весь домъ былъ мертвъ въ полночной тишинѣ,
И, какъ ребенокъ брошенный, кричала
Ушастая пустушка на гумнѣ.
Мнѣ снилось много грустнаго. Я знаю,
Что снилось мнѣ... Но умерла печаль.
Одинъ я просыпаюсь, засыпаю,
Одинъ живу... Мнѣ ничего не жаль.

Въ плавняхъ.

СОНЕТЪ.

Тамъ, на припекѣ, спятъ рыбацкіе ковши;
Тамъ низко надъ водой склоняются кистями
Темнозеленые густые камыши;
Полдневный вѣтерокъ змѣистыми струями
Порой зашелеститъ въ ихъ потайной глуши,
Да чайка вдругъ блеснетъ, какъ серебромъ, крылами
Съ плаксивымъ возгласомъ тоскующей души—
И снова плавни спятъ, сіяя зеркалами.

Надъ тонкимъ ихъ стекломъ, гдѣ тонетъ небосводъ
Нерѣдко облако восходитъ и глядится
Блистающимъ столбомъ въ зеркальный сонъ болотъ—
И какъ свѣтло тогда въ бездонной чащѣ водъ!
Какъ дѣтски вѣрится, что въ безднѣ ихъ таится
Какой-то дивный міръ, что только въ дѣтствѣ снится.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Р. 1863.

Амфора.

Въ амфорѣ, ярко расцвѣченной,
Угрюмый рабъ несетъ вино.
Неровенъ путь неосвѣщенный,
А въ небесахъ уже темно,—
И напряженными глазами
Онъ зорко смотритъ въ полутьму,
Чтобъ черезъ край вино струями
Не пролилось на грудь ему.

Такъ я несу моихъ страданій
Давно наполненный фіалъ.
Въ немъ лютый ядъ воспоминаній,
Таясь коварно, задремалъ.
Иду окольными путями
Съ сосудомъ зла, чтобъ кто-нибудь
Неосторожными руками
Его не пролилъ мнѣ на грудь.

* * *

Не конченъ путь далекій.
Усталый, одинокій,
Сижу я въ поздній часъ.
Туманны всѣ дороги,
Роса мнѣ мочитъ ноги,
И мой костеръ погасъ.
И нѣтъ въ широкомъ полѣ
Огня и шалаша.
Ликуй о дикой волѣ,
Свободная душа!
Все въ этомъ темномъ полѣ
Одной покорно волѣ,
Вся эта ночь—моя.
И каждая былинка,
И каждая росинка,
И каждая струя,—
Все мнѣ согласно внемлетъ,
Моей мечтой дыша;
Въ моемъ темленьи дремлетъ
Всемірная душа.
Далекъ предѣлъ высокій,
Усталый, одинокій,
Надъ влажною золой,
Я самъ собою свѣтелъ.
Я путь себѣ намѣтилъ
Не добрый и не злой,—
И нѣтъ въ широкомъ полѣ
Огня и шалаша.
Ликуй о дикомъ волѣ,
Свободная душа!

* * *

Люблю мое молчанье
Въ лѣсу во тьмѣ ночей,
И тихое качанье
Задумчивыхъ вѣтвей.

Люблю росу ночную
Въ сырыхъ моихъ лугахъ,
И влагу полевую
При утреннихъ лучахъ.
Люблю зарею алой
Веселый холодокъ,
И блѣдный, запоздалый
Рыбачій огонекъ.
Тогда успокоенье
Нисходитъ на меня,
И что мнѣ все томленье
Пережитого дня!
Я всѣмъ земнымъ просторомъ
Блаженно замолчу,
И многозвѣзднымъ взоромъ
Весь міръ мой охвачу.
Закроюсь я туманомъ,
И волю дамъ мечтамъ,
И сказочнымъ обманомъ
Раскинусь по полямъ.

Тихая колыбельная.

Много бѣгалъ мальчикъ мой.
Ножки голыя въ пыли.
Ножки милыя помой.
Моя ножки, задремли.
Я спою тебѣ, спою:
Баю-баюшки-баю.
Тихо стукнулъ въ двери сонъ.
Я шепнула:—Сонъ, войди,—
Волоса его, какъ ленъ,
Ручки дремлютъ на груди,—
И тихонько я пою:
Баю-баюшки-баю.
—Сонъ, ты гдѣ былъ?—За горой.
—Что ты видѣлъ?—Лунный свѣтъ.

—Съ кѣмъ ты былъ?—Съ моей сестрой.
—А сестра пришла къ намъ?—Нѣтъ.—
Я тихонечко пою:
Баю-баюшки баю.
Дремлетъ блѣдная луна.
Тихо въ полѣ и въ саду.
Кто-то ходитъ у окна,
Кто-то шепчетъ:—Я приду.—
Я тихохонько пою:
Баю-баюшки-баю.
Кто-то шепчетъ у окна,
Точно вѣтки шелестятъ:
—Тяжело мнѣ. Я больна.
Помоги мнѣ, милый братъ.—
Тихо-тихо я пою:
Баю-баюшки-баю.
—Я косила цѣлый день.
Я устала. Я больна.—
За окномъ шатнулась тѣнь.
Притаилась у окна.
Я пою, пою, пою:
Баю-баюшки-баю.

* * *

Если трудно мнѣ жить, если больно дышать,
Я въ пустыню иду,—о тебѣ помечтать,
О тебѣ разсказать перелетнымъ вѣтрамъ,
О тебѣ погадать по лѣснымъ голосамъ.
Я позвалъ бы тебя,—не умѣю назвать;
За тобой бы послалъ,—да не смѣю послать;
Я пошелъ бы къ тебѣ,—да не знаю пути;
А и зналъ бы я путь,—такъ боялся бъ итти.
Я холодной тропой одиноко иду,
Я земное забылъ и сокрытаго жду,—
И безмолвная смерть поцѣлуетъ меня,
И къ тебѣ уведетъ, тишиной осѣня,

Исполнивъ съ большимъ успѣхомъ повелѣніе усмирить непокорныхъ жителей мятежнаго селенія, отказавшагося приносить жертвы и совершать благочестивыя поклоненія передъ изображеніемъ божественнаго императора, отрядъ всадниковъ возвращался въ свой лагерь. Много пролито было крови, много истреблено нечестивцевъ,—и утомленные всадники съ нетерпѣніемъ ждали наступленія того отраднаго часа, когда они вернутся въ свои палатки и безъ помѣхи насладятся прекрасными тѣлами взятыхъ ими въ мятежномъ селеніи женъ и дочерей нечестивыхъ безумцевъ. Эти женщины и дѣвы, уже вкусившія сладостное, но утомительное насиліе поспѣшныхъ всадническихъ ласкъ у околицы разрушеннаго и сожженнаго селенія, возлѣ изуродованныхъ труповъ ихъ отцовъ и мужей, возлѣ измученныхъ тѣлъ ихъ матерей, окровавленныхъ ударами палокъ и бичей, эти женщины и дѣвы, тѣмъ болѣе желанныя солдатамъ, чѣмъ непокорнѣе были онѣ сами и чѣмъ вынужденнѣе были ихъ объятія, лежали теперь, крѣпко связанныя, въ тяжелыхъ телѣгахъ, которыя увлекались сильными лошадьми по большой дорогѣ прямо къ лагерю. Сами же всадники избрали путь окольный, ибо до свѣдѣнія старшаго центуріона дошло, что нѣкоторые изъ мятежниковъ успѣли скрыться и бѣжали по этому направленію. И хотя уже покрыты кровью и иззубрены были мечи и притупились копья отъ удалой работы ревностныхъ къ славѣ и достоинству императора воиновъ,—но мечъ римскаго легіонера никогда не бываетъ сытъ тѣлами поверженныхъ враговъ и вѣчно жаждетъ новой и новой горячей крови человѣческой. Былъ знойный день, и самый жаркій часъ дня, вскорѣ послѣ полудня. Небо сверкало безоблачное и безпощадно-яркое. Огненно-мглистый небесный Драконъ, дрожа отъ всемірной безумной ярости, изливалъ изъ пламенной пасти на безмолв-

ную и унылую равнину потоки знойнаго гнѣва. Изсохшая трава приникла къ жаждущей и ждущей тщетно влаги землѣ, и тосковала вмѣстѣ съ нею, и томилась, и никла, и задыхалась отъ пыли. Изъподъ лошадиныхъ копытъ вздымалась, и еле движимымъ облакомъ въ недвижномъ воздухѣ стояла и колыхалась сѣрая пыль. И пыль садилась на доспѣхи утомленныхъ всадниковъ, и они тускло и багрово мерцали. И сквозь облако сѣрой, неподвижной пыли все окрестъ являлось взорамъ утомленныхъ всадниковъ зловѣщимъ, мрачнымъ, печальнымъ. Сжигаемая яростнымъ Драконом, покорная, безсильная лежала земля подъ тяжкими копытами, окованными желѣзомъ. Подъ тяжелыми, желѣзноокованными копытами гудѣла, дрожала пустынная, пыльная дорога. И только изрѣдка встрѣчались бѣдныя селенія съ жалкими лачугами,—но, томимый тяжкимъ зноемъ, забылъ старшій центуріонъ свое намѣреніе обшарить всю дорогу, и, мѣрно качаясь на сѣдлѣ, угрюмо думалъ о томъ, что кончится когда-нибудь этотъ зной, и долгій путь придетъ къ концу, и уведутъ боевого коня, и возьмутъ шлемъ и щитъ, и подъ широкимъ полотномъ походной палатки будетъ прохлада и тихій свѣтъ ночной лампады, и опять заплачетъ нагая рабыня, и заплачетъ свирѣльнымъ голосомъ, жалуясь и причитая на чужомъ и смѣшномъ языкѣ, и заплачетъ, но будетъ цѣловать. И онъ ее заласкаетъ, заласкаетъ до смерти,—чтобы не плакала, не причитала, не жаловалась, не говорила свирѣльнымъ голосомъ объ убитыхъ, о милыхъ ей, о поверженныхъ врагахъ великаго Цезаря...

Юный воинъ сказалъ центуріону:

— Вонъ тамъ, направо, близъ дороги, я вижу толпу. Прикажи намъ, Марцеллъ, и мы помчимся на этихъ людей, и разгонимъ ихъ, и быстрымъ движеніемъ коней нашихъ разбудимъ усыпленный тяжкимъ зноемъ вѣтеръ, и онъ отвѣетъ пыльную истому отъ тебя и отъ насъ.

Центуріонъ внимательно посмотрѣлъ въ ту

сторону, куда указывалъ ему юный воинъ. Зорки были глаза стараго центуріона.

— Нѣтъ, Люцилій,—сказалъ онъ, улыбаясь,—эта толпа—толпа дѣтей, которыя играютъ при дорогѣ. Не стоитъ разгонять ихъ. Пусть мальчишки смотрятъ на могучихъ коней нашихъ и на отважныхъ всадниковъ, и съ раннихъ лѣтъ запечатлѣваютъ въ сердцахъ своихъ преклоненіе передъ величіемъ римскаго войска и передъ славою нашего непобѣдимаго и божественнаго Цезаря.

Юный всадникъ не смѣлъ возражать центуріону. Но омрачилось лицо его. Недовольный, отъѣхалъ онъ къ своему мѣсту, и тихо сказалъ своему другу, такому же, какъ онъ самъ, юношѣ:

— Эти дѣти, можетъ быть, отродье мятежной сволочи, и я бы съ радостью искрошилъ ихъ въ куски. Нашъ центуріонъ отъ старости сталъ слишкомъ чувствителенъ и утратилъ свойственную доблестному воину суровую рѣшимость.

Но и другъ его отвѣтилъ ему съ примѣтнымъ неудовольствіемъ:

— Зачѣмъ же намъ сражаться съ дѣтьми? Какая въ этомъ слава? Довольно съ насъ битвъ съ тѣми, которые могутъ защищать себя.

И, краснѣя въ досадѣ, замолкъ юный и запальчивый воинъ.

Всадники приближались къ играющимъ дѣтямъ. И остановились дѣти при дорогѣ, и смотрѣли на воиновъ, дивясь ихъ могучимъ конямъ, ихъ блистающимъ доспѣхамъ и ихъ мужественнымъ, загорѣлымъ лицамъ. Дивились, шептались, глядѣли широко раскрытыми глазами. И только одинъ изъ дѣтей, прекрасный отрокъ Линъ, смотрѣлъ на воиновъ сумрачно, и черные глаза его сверкали огнемъ святого гнѣва. И когда отрядъ всадниковъ поравнялся съ дѣтьми, отрокъ Линъ воскликнулъ:

— Убійцы!

И угрожая поднялъ и протянулъ руки къ центуріону. И сумрачно глянулъ на него старый центуріонъ, не разслышалъ, что кричитъ мальчишка, и проѣхалъ мимо.

Испуганныя дѣти окружили Лина, и запрещали ему кричать, и шептали:

— Бѣжимъ, бѣжимъ скорѣе, а то они всѣхъ насъ убьютъ.

И дѣвочки уже плакали. Но прекрасный отрокъ Линъ безбоязненно ступилъ впередъ, и громко крикнулъ:

— Палачи! Мучители невинныхъ!

И снова угрожая поднялась сжатая въ кулакъ маленькая, безсильная рука отрока Лина. И сверкая гнѣвными, черными очами, весь дрожа, задыхаясь отъ гнѣва, Линъ кричалъ все громче и громче:

— Палачи! Палачи! Чѣмъ смоете вы съ рукъ вашихъ кровь убитыхъ вами?

Дѣвочки подняли вопль, заглушая крики отрока Лина, и мальчики схватили его за руки и повлекли прочь отъ дороги. Но Линъ вырывался изъ ихъ рукъ, сжигаемый святымъ гнѣвомъ, и выкрикивалъ проклятія воинамъ великаго императора.

Всадники остановились. Юнѣйшіе изъ нихъ громко восклицали:

— Это—отродье крамольниковъ! Мятежнымъ духомъ заражены ихъ сердца! Надо ихъ истребить! Нѣтъ мѣста подъ небомъ тому, кто осмѣлился оскорбить римскаго воина!

И старые воины говорили центуріону:

— Дерзость этихъ негодяевъ достойна жестокаго наказанія. Марцеллъ, прикажи намъ догнать и истребить ихъ всѣхъ. Надо истребить крамольное племя прежде, чѣмъ они вырастутъ и будутъ въ силахъ возстать и причинить великій вредъ божественному Цезарю и міродержавному Риму.

И центуріонъ сказалъ.

— Догоните ихъ, убейте тѣхъ, кто кричалъ, а остальныхъ накажите такъ, чтобы они помнили до конца своихъ дней, что значитъ оскорбить римскаго воина.

И всѣ всадники, свернувъ съ пыльной дороги, помчались вслѣдъ за убѣгающими дѣтьми.

Видя погоню, отрокъ Линъ крикнулъ товарищамъ своимъ:

— Оставьте меня! Меня вы не спасете, а если будете бѣжать, то всѣ погибнете подъ мечами этого нечестиваго и безжалостнаго воинства. Я пойду къ нимъ навстрѣчу, и пусть они убьютъ меня одного,—я и не хочу жить въ этомъ презрѣнномъ мірѣ, гдѣ совершаются такія жестокія дѣла.

И остановился Линъ, и не могли увлечь его далѣе обезсилѣвшіе отъ бѣга и отъ испуга товарищи его. И стояли они, и громко плакали, межъ тѣмъ, какъ всадники быстро окружили ихъ тѣснымъ кольцомъ. Засверкали на солнцѣ вынутые изъ ноженъ мечи, и зыбкія улыбки Дракона побѣжали, безжалостныя, злыя, по стальнымъ клинкамъ. И задрожали дѣти, и съ громкимъ плачемъ, прижимаясь другъ къ другу, сбились въ тѣсную кучу. И Драконъ, торопящій къ убійству, распаляющій жаркую солдатскую кровь, багровымъ дымомъ ярости застилающій воспаленные глаза воиновъ, уже радовался, уже готовъ былъ безпощадными лучами змѣиныхъ своихъ очей облобызать невинную дѣтскую кровь и гнойнымъ зноемъ небесной злобы залить изрубленные жестокими и широкими мечами беззащитныя тѣла. Но смѣло выступилъ изъ толпы отрокъ Линъ, и подошелъ къ центуріону. И сказалъ громко:

— Старикъ, это я назвалъ тебя и твоихъ воиновъ убійцами и палачами, это я проклиналъ тебя и всѣхъ, кто съ тобою, это я призывалъ гнѣвъ праведнаго божества на ваши нечестивыя головы. Смотри, вотъ они, эти дѣти, плачутъ и дрожатъ отъ страха. Они боятся, что проклятые воины твои по твоему безбожному повелѣнію убьютъ всѣхъ насъ, и убьютъ насъ и отцовъ и матерей нашихъ. Убей одного меня,—ибо эти покорны тебѣ и пославшему тебя. Убей только меня, если ты не насытился еще убійствами. Я же не боюсь тебя, я ненавижу твою ярость, я презираю твой мечъ и твою неправую власть, я не хочу жить на той землѣ, которую топчутъ кони твоего неистоваго воинства. Еще руки мои слабы, и я еще такъ малъ ростомъ, что не достану до твоего горла, чтобы

задушить тебя,—убей же меня, убей меня скорѣе.

И съ великимъ удивленіемъ слушалъ его центуріонъ. И сказалъ:

— Змѣенышъ, не будетъ по-твоему,—ты умрешь не одинъ.

И приказалъ своимъ воинамъ:

— Убивайте ихъ всѣхъ. Нельзя оставить въ живыхъ это змѣиное отродье,—потому что слова дерзкаго мальчишки запали въ ихъ мятежныя души. Убивайте ихъ всѣхъ безъ пощады, большихъ и малыхъ, и даже едва только научившихся лепетать.

И бросились воины на дѣтей, и рубили ихъ безпощадными мечами. Содрогнулись отъ дѣтскаго вопля угрюмая долина и пыльная дорога,—и отвѣтнымъ застонали стономъ мглистыя дали,—свирѣльно-нѣжнымъ эхомъ застонали, и замолкли. И раздувая горячія ноздри, нюхали кони дымную кровь, и желѣзно-окованными копытами медленно и тяжко топтали дѣтскіе трупы.

И потомъ воины вернулись на дорогу, смѣясь радостно и жестоко. Торопились къ своему лагерю. Весело разговаривали, и радовались. Но длился, длился пыльный, тяжкій путь въ тоскующей подъ гнѣвными пламенными очами Дракона долинѣ. И багровый сталъ склоняться Драконъ, но не было окрестъ прохлады, и завороженный тишиною и страхомъ, спалъ вѣтеръ. И багровый ликъ знойнаго Дракона склоняясь глядѣлъ въ зоркія очи стараго центуріона,—и улыбался небесный Змѣй тихою и страшною улыбкою. И отъ того, что было тихо, и знойно, и багряно, и былъ тяжко ровенъ шагъ мѣрно-звонкихъ коней, стало тоскливо и страшно старому центуріону. И такая мѣрная, и такая звонкая была тяжкая конская поступь, и такая тонкая, и такая сѣрая была недвижная, безнадежная пыль, и казалось, что не будетъ конца истомѣ и страху пустыннаго пути. И гулкимъ отзвучнымъ гудѣньемъ на каждый шагъ усталаго коня откликалась пустынная даль.

И гулкіе стоны рождались въ пустынной дали.

Гудѣла земля подъ копытами.

Кто-то бѣжалъ. Догонялъ.

И голосъ, подобный голосу убитаго отрока, кричалъ что-то.

Центуріонъ оглянулся на своихъ воиновъ. Покрытыя пылью лица всадниковъ были искажены не только усталостью. Смутный страхъ изображался въ грубыхъ чертахъ загорѣлыхъ солдатскихъ лицъ. Сухія губы юнаго Люцилія двигались, шепча тревожно:

— Поскорѣе бы добраться до лагеря!

И взглянулъ пристально старый центуріонъ въ усталое лицо Люцилія, и тихо спросилъ молодого воина:

— Что съ тобою, Люцилій?

И такъ же тихо отвѣтилъ ему Люцилій:

— Страшно мнѣ.

И, стыдясь своего страха и своей слабости, сказалъ погромче:

— Жарко очень.

И опять, не одолѣвъ страха, зашепталъ тихо:

— Проклятый мальчишка гонится за нами. Заколдованъ онъ нечистыми чарами ночныхъ колдуній, и не сумѣли мы зарубить его такъ, чтобы онъ не всталъ.

Центуріонъ внимательно осмотрѣлъ окрестность. Ни близко, ни далеко никого не было. И сказалъ центуріонъ юному Люцилію:

— Развѣ ты потерялъ амулетъ, данный тебѣ старымъ жрецомъ заморскаго бога? Говорятъ, что у кого есть такой амулетъ, противъ того безсильны чары полуночныхъ и полуденныхъ колдуній.

Люцилій отвѣтилъ, дрожа отъ страха:

— Амулетъ на мнѣ, но онъ жжетъ мою грудь. Подземные боги приблизились къ намъ, и я слышу ихъ темный ропотъ.

Тяжкимъ гуломъ стонала долина. Старый центуріонъ, благочестивою рѣчью думая побѣдить свой страхъ, сказалъ Люцилію:

— Подземные боги благодарятъ насъ,—мы сегодня довольно для нихъ поработали. Теменъ и невнятенъ ихъ голосъ, и страшенъ онъ въ знойномъ

молчаніи пустыни, но не въ преодолѣніи ли страха честь доблестнаго воина?

Но опять сказалъ юный Люцилій:

— Страшно мнѣ. Я слышу голосъ настигающаго насъ отрока.

И въ знойномъ безмолвіи долины свирѣльно-звонкій голосъ возгласилъ:

— Проклятіе, проклятіе убійцамъ!

Дрогнули воины, и быстро помчались кони. И невѣдомый голосъ звучалъ такъ близко, такъ ясно:

— Убійцы! Убійцы невинныхъ! Вамъ нѣтъ прощенія, нѣтъ пощады!

И быстро мчались погоняемые всадниками кони. Но гнѣвъ зажегъ сердце стараго центуріона. И онъ крикнулъ, задерживая бѣгъ испуганнаго коня и обращаясь къ всадникамъ:

— Или мы не воины великаго и божественнаго императора? Отъ кого мы бѣжимъ? Проклятый мальчишка, не добитый нами, или оживленный нечистыми чарами злыхъ колдуновъ, собирающихъ кровь въ чашу для ночныхъ волхованій, продолжаетъ возносить хулы противъ непобѣдимаго воинства. Но оружію римскому надлежитъ превозмочь не только вражью силу, но и темныя вражьи чары.

И устыдились воины. Остановили коней. Прислушались. Догонялъ ихъ кто-то, возглашающій и вопіющій, и въ мглистой тишинѣ мрачно-вечерѣющей долины явственно слышался дѣтскій крикъ:

— Убійцы!

Всадники повернули коней въ ту сторону, откуда доносились къ нимъ крики. И увидѣли они отрока Лина, бѣгущаго къ нимъ въ окровавленной и изорваннной одеждѣ. И кровь струилась по его лицу, и по его рукамъ, поднятымъ къ воинамъ въ угрожающемъ движеніи, какъ будто бы отрокъ хотѣлъ схватить каждаго изъ нихъ и повергнуть къ своимъ окровавленнымъ, запыленнымъ стопамъ. И дикою злобою наполнились сердца воиновъ. Обнаживъ мечи, разъяривъ коней быстрыми уколами заостренныхъ стременъ, они ринулись стремительно на отрока, и рубили его мечами, и топтали, и на-

сытили надъ его прахомъ ярость свою, и потомъ соскочили съ коней, и на куски изорвали тѣло отрока, и разметали его по дорогѣ и окрестъ. Отеревъ мечи придорожною травою, они сѣли на коней, и помчались дальше, спѣша къ лагерю. Но снова тяжкій стонъ огласилъ мрачную въ лучахъ склоняющагося Дракона долину,—и снова рыдающій свирѣльный голосъ вознесъ тѣ же безпощадныя слова. И повторялся въ ушахъ убійцъ звонкій вопль:—Убійцы!

Тогда томимые ужасомъ и злобою, они опять повернули коней,—и опять бѣжалъ къ нимъ отрокъ Линъ въ окровавленной одеждѣ, и простиралъ къ нимъ свои залитыя кровью, угрожающія руки. И снова они изрубили его, затоптали, и разрѣзали мечами его тѣло, и разбросали, и помчались. Но опять и опять настигалъ ихъ отрокъ Линъ. И уже они забыли, въ какой сторонѣ ихъ лагерь, и въ ярости безконечнаго убійства, среди воплей несмолкаемаго укора, они метались по долинѣ, и кружили около того мѣста, гдѣ убиты были отрокъ Линъ и другія дѣти. И весь остатокъ дня багрово пламенѣющій и дымно издыхающій Драконъ смотрѣлъ ярымъ, безпощаднымъ взоромъ на страшное томленіе вѣчнаго убійства и нескончаемаго укора. И вечеръ отгорѣлъ, и была ночь, и звѣзды мерцали, непорочныя, невинныя, далекія,—и метались воины, и нескончаемымъ воплемъ томилъ ихъ отрокъ Линъ. И метались воины, и убивали, и не могли убить. Передъ восходомъ солнца, гонимые ужасомъ и преслѣдуемые вѣчными стонами отрока Лина, примчались они къ морскому берегу. И вспѣнились волны подъ бѣшенымъ бѣгомъ коней. Такъ погибли всѣ всадники и съ ними центуріонъ Марцеллъ.

А тамъ, на далекомъ полѣ, у дороги, гдѣ убиты были всадниками отрокъ Линъ и другія дѣти, лежали тѣла ихъ, окровавленныя и непогребенныя. Ночью, трусливо и осторожно, пришли къ поверженнымъ тѣламъ волки, и насытились невинными и сладкими тѣлами дѣтей.

---

* * *

Я былъ одинъ въ моемъ раю,
И кто-то звалъ меня Адамомъ,
Цвѣты хвалили плоть мою
Первоначальнымъ ѳиміамомъ.
И первозданное звѣрье,
Тѣснясь вокругъ меня, на тѣло
Еще невинное мое
Съ любовью дикою глядѣло.
У ногъ моихъ журчалъ ручей,
Спѣша лобзать стопы нагія,
И отраженія очей
Мнѣ улыбалися, благія.
Когда ступени горныхъ плитъ
Роса вечерняя кропила,
Ко мнѣ волшебница Лилитъ
Стезей лазурной приходила.
И вся она была легка,
Какъ тихій сонъ,—какъ сонъ безгрѣшна,
И рѣчь ея была сладка,
Какъ нѣжный смѣхъ,—какъ смѣхъ утѣшна.
И не желать бы мнѣ иной!
Но я подъ сѣнью злого древа
Заснулъ... проснулся,—предо мной
Стояла и смѣялась Ева...
Когда померкъ лазурный день,
Когда заря къ морямъ склонилась,
Моя Лилитъ прошла какъ тѣнь,
Прошла, ушла,—навѣки скрылась.

* * *

Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ,
И мой корабль пошелъ ко дну,
Я такъ воззвалъ:—Отецъ мой, Дьяволъ,
Спаси, помилуй,—я тону.
Не дай погибнуть раньше срока
Душѣ озлобленной моей,—

Я власти темнаго порока
Отдамъ остатокъ черныхъ дней.
И Дьяволъ взялъ меня, и бросилъ
Въ полуистлѣвшую ладью.
Я тамъ нашелъ и пару веселъ,
И сѣрый парусъ, и скамью.
И вынесъ я опять на сушу,
Въ больное злое житіе,
Мою отверженную душу
И тѣло грѣшное мое.
И вѣренъ я, отецъ мой, Дьяволъ,
Обѣту данному въ злой часъ,
Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ,
И Ты меня изъ бездны спасъ.
Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню,
Хулу надъ міромъ я возставлю,
И соблазняя соблазню.

* * *

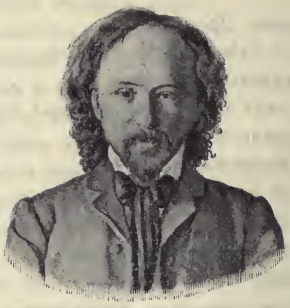
Все было безпокойно и стройно, какъ всегда,
И чванились горы, и плакала вода,
И булькалъ смѣхъ дѣвичій въ воздушный океанъ,
И басомъ объяснялся съ мамашей грубіянъ.
Пищали сто песчинокъ подъ дамскимъ башмакомъ,
И тысячи пылинокъ врывались въ каждый домъ.
Трава шептала сонно зеленыя слова.
Лягушка увѣряла, что надо квакать ква.
Кукушка повторяла, что гдѣ-то есть куку,
И этимъ нагоняла на барышень тоску,
И, пачкающій лапки играющихъ дѣтей,
Побрызгалъ дождь на шапки гуляющихъ людей,
И красили ужъ небо въ берлинскую лазурь,
Чтобъ дѣти не боялись ни дождика, ни бурь,
И я, какъ прежде, думалъ, что я—большой поэтъ,
Что міру будетъ явленъ мой незакатный свѣтъ.

* * *

Я лѣсомъ шелъ. Дремали ели,
Былъ тощъ и блѣденъ рѣдкій мохъ, —
Мой другъ далекій, неужели
Я слышалъ твой печальный вздохъ?
И это ты передо мною
Прошелъ безмолвный нелюдимъ,
Завороженный тишиною
И вѣчнымъ сумракомъ лѣснымъ?
Я посмотрѣлъ,—ты оглянулся,
Но промолчалъ, махнулъ рукой,—
Прошло мгновенье,—лѣсъ качнулся,—
И нѣтъ тебя передо мною.
Вокругъ меня дремали ели,
Былъ тощъ и блѣденъ рѣдкій мохъ,
Да сучья палые желтѣли,
Да буреломъ торчалъ и сохъ.

* * *

Въ тихій вечеръ, на распутьи двухъ дорогъ
Я колдунью молодую подстерегъ,
И во имя всѣхъ проклятыхъ вражьихъ силъ
У колдуньи талисмана я просилъ.
Предо мной она стояла, чуть жива,
И шептала чародѣйныя слова,
И искала талисмана въ тихой мглѣ,
И нашла багряный камень на землѣ,
И сказала: „Этотъ камень ты возьмешь,—
Съ нимъ не бойся,—не захочешь, не умрешь.
Этотъ камень все на шеѣ ты носи,
И другого талисмана не проси.
Не для счастья, иль удачи, иль вѣнца,—
Только жить, все жить ты будешь безъ конца.
Станетъ скучно,—ты веревку оборвешь,
Бросишь камень, станешь воленъ, и умрешь".



ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Р. 1866.

Кочевники красоты.

Кочевники Красоты—вы,
художники.

„Пламеники".

Вамъ—пращуровъ деревья
И кладбищъ тѣснота!
Намъ вольныя кочевья
Судила Красота.
Вседневная измѣна,
Вседневный новый станъ:
Безвыходнаго плѣна
Блуждающій обманъ.
О, вѣрьте далей чуду
И сказкѣ всѣхъ завѣсъ,
Всѣхъ весенъ изумруду,
Всей широтѣ небесъ!
Художники, пасите
Грезъ вашихъ табуны;

Минуя, всколосите—
И киньте—цѣлины!
И съ вашего раздолья
Низриньтесь вихремъ ордъ
На нивы подневолья,
Гдѣ рабъ упрягомъ гордъ.
Топчи ихъ рай, Аттила,—
И новью пустоты
Взойдутъ твои свѣтила,
Твоихъ степей цвѣты!

* * *

Мой лугъ замыкали своды
Истóнченныхъ мраморныхъ дугъ...
Часы ль тамъ игралъ я—иль годы—
Средь бабочекъ, легкихъ подругъ?
И тамъ, подъ сѣнью узорной,
Сидѣли отецъ и мать.
Далось мнѣ рукой проворной
Крылатый лучъ поймать.
И къ нимъ я пришелъ, богатый,—
Повѣдать новую быль...
Сѣрѣла въ рукѣ разжатой,
Какъ въ урнѣ могильной,—пыль.
Отецъ и мать глядѣли:
Нѣмой ли то былъ укоръ?
Отецъ и мать глядѣли:
Тускнѣлъ неподвижный взоръ...
И старая скорбь мнѣ снится,
И хлынетъ въ слезахъ изъ очей...
А въ темное сердце стучится
Порханье живыхъ лучей.

Печаль полдня.

Я—Полдня вѣщаго крылатая Печаль.
Я грезой нисхожу къ видѣньямъ сонным Пана:
И отлетѣвшаго ему чего-то жаль,
И безотзывное—въ Элизіи тумана.
Я, похоронною лазурью осіянна,
Шепчу въ безмолвіи, что совершилась даль.
Я—Полдня бѣлаго небесная Печаль,
Я—Исполненія глубокая Осанна.

Изъ золотыхъ котловъ торжественной рѣкой
Я знойныхъ чаръ лію серебряные сплавы
На моря синяго струящійся покой,
На снѣжной вѣчности сверкающія главы,
На красныя скалы, гдѣ солнечныя славы
Слагаешь ты, поэтъ, пронзенъ моей тоской.

Фаэтонъ.

Онъ былъ прекрасенъ, отрокъ гордый,
Сынъ Солнца, юный Солнцебогъ,
Когда схватилъ рукою твердой
Величья роковой залогъ,—

Когда бразды своей державы
Восхитилъ у зардѣвшихъ Оръ,—
А кони бились о заставы,
Почуя пламенный просторъ!

И, пущены, взнеслись, заржали,
Покинувъ алую тюрьму,
И съ мѣднымъ топотомъ бѣжали,
Послушны легкому ярму!

И Нереидъ влюбленныхъ стая
Метнулась—стая голубицъ,
Въ лазури волнъ кружась и тая,
Предъ славой огневержныхъ спицъ!

И, оглянувъ свой міръ просторный,
Воззрѣлъ къ верховному огню—
И повернулъ съ округи торной
Бурь огнемощныхъ четверню.

И вспыхнувшими цѣлинами,
Топча лучистыхъ жатвъ снопы,
Взлетѣлъ за пламенными снами
На непочатыя тропы.

Стремитъ, пронзенъ восторга дрожью,
Къ метѣ прямой зрачки орла,—
А кони рады бездорожью,
Грызутъ тугія удила.

Зіяя, дхнулъ эѳиръ глубокій;
Хлябь шевельнулась; тускло живъ,
Воззрился хаосъ огнеокій
На гостя сонмомъ смутныхъ дивъ,

Левъ рдѣетъ; врагъ стрѣлу спускаетъ;
Быкъ прянулъ; ищетъ Скорпіонъ:
А онъ очей не опускаетъ.
Вожжей не выпускаетъ онъ!
. . . . . .
Растетъ пустыня! рдѣютъ боры;
Понтъ ропщетъ: за костромъ костеръ
Курится, гдѣ сіяли горы...
Но Зевсъ по тверди мракъ простеръ—

Дробитъ перуномъ колесницу,
И упрягъ жаркій разнуздáнъ,
И опаленнаго возницу
Холодный принялъ Эриданъ.

Похороны.

Всѣхъ похоронъ печальнѣй,
О други, погребенье
Любви нераздѣленной.
Троихъ душа хоронитъ:
Возлюбленную душу,
И съ ней—себя иную;
И въ пламень погребальный
Живымъ восходитъ третій,—
Съ ярмомъ на крыльяхъ, отрокъ;
Его жъ уста влюбленныхъ
Зовутъ въ лобзаньяхъ: Эросъ,
А боги: Воскреситель.

Повечеріе.

Здѣсь тихая душа затаена въ дубравахъ
И зыблетъ колыбель растительнаго сна,
Льнетъ лаской золота къ волнѣ зеленой льна
И лѣнью смольною въ медвяныхъ льется травахъ,—
И въ грустную лазурь глядитъ, отсвѣтлена...
И медлитъ день тонуть въ сіяющихъ расплавахъ,
И медлитъ ворожить на дремлющихъ купавахъ
Надъ отуманенной зеркальностью луна.

Здѣсь дышится легко, и вѣрится спокойно,
И ясно грезится. И все, что въ быстринѣ
Мятушейся мечты нестрого и нестройно,—
Трезвится, умирясь въ сердечной глубинѣ,—
И, какъ молчальникъ-лѣсъ подъ лиственною схимой,
Безмолвствуетъ съ душой земли моей родимой.

* * *

Обнищало листье златое.
Просквозило въ сѣняхъ осеннихъ
Ясной синью тихое небо.
Стала тонкоствольная роща
Изсѣченной церковью изъ камня.
Дымъ повисъ межъ бѣлыми столпами.

Надъ дверьми—сквозныхъ узорочій
Завѣсы,—что рыбарей Господнихъ
Неводы, раздра́нные ловомъ,—
Что твои священныя лохмотья
У преддверій бѣлаго храма,
Золотая, нищая пѣсня!

* * *

Осень... Чуть солнце надъ лѣсомъ привстанетъ,
Киноварь вспыхнетъ, зардѣетъ багрецъ.
По вѣтру гарью сладимой потянетъ...
Свѣтлый проглянетъ изъ облакъ борецъ:—
Озимь живая,—хмурая ель,—
Стлань парчевая—бурая прѣль...

Солнце въ недолгомъ бореньи стомится—
Кто-то туманы прядетъ да прядетъ,
Боромъ маячитъ, болотомъ дымится,
Логомъ струится, лугомъ бредетъ,
По перелѣсьямъ пугаетъ коня,
Темнымъ безвѣстьемъ маетъ, стеня...

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

Р. 1880.

* * *

На весеннемъ пути въ теремокъ
Перелетный вспорхнулъ вѣтерокъ,
Прозвенѣлъ золотой голосокъ.
Постояла она у крыльца,
Поискала дверного кольца,
И поднять не посмѣла лица.
И ушла въ синеватую даль,
Гдѣ дымилась весенняя таль,
Гдѣ кружилась надъ лѣсомъ печаль.
Тамъ—въ березовомъ дальнемъ кругу—
Старикашка сгибалъ изъ березы дугу
И примѣтилъ ее на лугу.
Закричалъ и запрыгалъ на пнѣ:
—Ты, красавица, вѣрно—ко мнѣ!
—Стосковалась въ своей тишинѣ!
За корявые пальцы взялась,
Съ бородою зеленой сплелась
И съ туманомъ лѣснымъ поднялась.
Такъ тоскуютъ они объ одномъ.
Такъ летаютъ они вечеркомъ,
Такъ вѣнчалась весна съ колдуномъ.

Обманъ.

Въ пустомъ переулкѣ весеннія воды
Бѣгуть, бормочутъ, а дѣвушка хохочетъ.
Пьяный красный карликъ не даетъ проходу,
Пляшетъ, брызжетъ воду, платье мочитъ.
Дѣвушкѣ страшно. Закрылась платочкомъ.
Темный вечеръ ближе. Солнце за трубой.
Карликъ прыгнулъ въ лужицу краснымъ комочкомъ,
Гонитъ струйку къ струйкѣ сморщенной рукой.
Дѣвушку манитъ двойное отраженье.
Издали мигнулъ одинокій фонарь.
Красное солнце сѣло за строенье.
Хохотъ. Всплески. Брызги. Фабричная гарь.
Будто издали, невнятно доносятся звуки...
Гдѣ-то каплетъ съ крыши... гдѣ-то кашель старика...
Безжизненно цѣпляются холодныя руки...
Въ расширенныхъ глазахъ не видно зрачка.

. . . . . .

Какъ страшно! Какъ бездольно! Тамъ—у забора
Легла некрасивымъ мокрымъ комкомъ.
Плачетъ, чтобы ночь протянулась не скоро:
Стыдно возвратиться съ дьявольскимъ клеймомъ.
Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутыя кадки.
Въ свѣтлыхъ струйкахъ весело танцуетъ синева.
По улицамъ ставятъ красныя рогатки.
Шлепаютъ солдатики: разъ! два! разъ! два!
Въ переулкѣ у мокраго забора надъ тѣломъ
Спящей дѣвушки—трясется, бормочетъ голова;
Безобразный карликъ занятъ дѣломъ:
Спускаетъ въ ручеекъ башмаки: разъ! два!
Башмаки, крутясь, несутся по теченью,
Стремительно обгоняетъ ихъ красный колпакъ...
Хохотъ. Всплески. Брызги. Еще мгновенье—
Плывутъ собачьи уши, борода и красный фракъ!
Пронеслись,—и струйки шепчутъ невнятно.
Дѣвушка медленно очнулась отъ сна:
Въ глазахъ ея красно-голубыя пятна.
Блестки солнца. Струйки. Брызги. Весна.

Легенда.

Въ весеннюю полночь колдунья увела дѣвушку за городъ и тамъ сдала съ рукъ на руки Чорту. Но Ангелъ Утренней Грозы восхитилъ ее къ себѣ.
Изъ латинской рукописи.

Господь! Ты слышишь? Господь! Простишь ли?
Весна плыла высоко въ синевѣ.
На глухую улицу въ полночь вышли
Веселыя дѣвушки. Было – двѣ.
Но третій за ними... за ними слѣдомъ
Мелькалъ неслышный въ лучѣ фонаря.
Онъ былъ невѣдомъ... одной невѣдомъ...
Ей казалось... казалось—близка заря.
Но синѣй и синѣе полночь мерцала,
Тая, млѣя, сгорая полношумной весной.
И одна сказала... Ты слышишь?.. Сказала:
—О, какъ страшно, подруга!.. быть съ тобой.
И была эта дѣвушка въ бѣломъ, въ бѣломъ...
А другая—въ черномъ... Твоя ли дочь?
И одна дрожала слабенькимъ тѣломъ,
А другая смѣялась—бѣжала въ ночь...
Ты слышишь, Господи? Сжалься! О, сжалься!..
Другая, смѣясь, убѣжала прочь...
И на улицѣ мертвой, пустынной остались...
Остались: Третій, она и ночь.
Но казалось близко... казалось близко
Трепетно бродитъ, чуть бѣлѣетъ заря...
Но синій пологъ упалъ такъ низко
И задернулъ послѣдній свѣтъ фонаря.
Былъ синій пологъ. Былъ сумракъ дологъ,
И ночь прошла мимо нихъ—пьяна.
И когда въ травѣ заблестѣлъ осколокъ,
Она осталась совсѣмъ одна...
И первыхъ лучей протянулись нити.
И слабыя руки схватили нить...
Но ужъ городъ, гудя чредою событій,
Гдѣ-то тамъ, далеко—началъ жить...
Подходили сосѣди и шептались докучно.

Дымно-сизый старикъ оперся на костыль,
И кругомъ стало душно. А въ поляхъ—однозвучно
Хохоталъ Невидимка, и разбрасывалъ пыль...
Въ этомъ огненномъ смерчѣ обняла она крѣпче
Пыльно-грязной земли раскаленную печь...
Боже правый! Содѣлай, чтобы твердь стала легче!
Отврати Твой грозящій и пылающій мечъ!..
И откликнулось Небо: среди пыли и давки
Появился Архангелъ съ убѣленной рукой.
Всѣмъ казалось: Онъ вышелъ изъ маленькой лавки,
И казалось, что былъ онъ перепачканъ мукой.
Но ужъ твердь разрывало. И земля отдыхала.
Подъ дождемъ умолкала пѣсня дальнихъ колесъ.
И толпа грохотала. И гроза хохотала.
Ангелъ бѣлую дѣвушку въ Домъ Свой унесъ.

Осенняя воля.

Выхожу я въ путь, открытый взорамъ,
Вѣтеръ гнетъ упругіе кусты,
Битый камень легъ по косогорамъ,
Желтой глины скудные пласты.
Разгулялась осень въ мокрыхъ долахъ,
Обнажила кладбища земли,
Но густыхъ рябинъ въ проѣзжихъ селахъ
Красный цвѣтъ зарѣетъ издали.
Вотъ оно, мое веселье, пляшетъ
И звенитъ, звенитъ, въ кустахъ пропавъ!
И вдали, вдали призывно машетъ
Твой узорный, твой цвѣтной рукавъ.
Кто взманилъ меня на путь знакомый,
Усмѣхнулся мнѣ въ окно тюрьмы?
Или—каменнымъ путемъ влекомый
Нищій, распѣвающій псалмы?
Нѣтъ, иду я въ путь никѣмъ незваный,
И земля да будетъ мнѣ легка!

Буду слушать голосъ Руси пьяной,
Отдыхать подъ крышей кабака!
Запою ли про свою удачу,
Какъ я молодость сгубилъ въ хмѣлю..
Надъ печалью нивъ твоихъ заплачу,
Твой просторъ навѣки полюблю...
Много насъ—свободныхъ, юныхъ, статныхъ
Умираетъ, не любя...
Пріюти ты въ даляхъ необъятныхъ!
Какъ и жить и плакать безъ тебя!

* * *

Вхожу я въ темные храмы,
Совершаю бѣдный обрядъ.
Тамъ жду я Прекрасной Дамы
Въ мерцаньи красныхъ лампадъ.
Въ тѣни у высокой колонны
Дрожу отъ скрипа дверей.
А въ лицо мнѣ глядитъ, озаренный,
Только образъ, лишь сонъ о Ней.
О, я привыкъ къ этимъ ризамъ
Величавой, Вѣчной Жены!
Высоко бѣгутъ по карнизамъ
Улыбки, сказки и сны.
О, Святая, какъ ласковы свѣчи,
Какъ отрадны Твои черты!
Мнѣ не слышны ни вздохи, ни рѣчи,
Но я вѣрю: Милая—Ты.

* * *

Бѣгутъ невѣрныя дневныя тѣни,
Высокъ и внятенъ колокольный зовъ.
Озарены церковныя ступени,
Ихъ камень живъ—и ждетъ твоихъ шаговъ.
Ты здѣсь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одѣтый страшной святостью вѣковъ,
И, можетъ быть, цвѣтокъ весны уронишь
Здѣсь въ этой мглѣ, у строгихъ образовъ.
Растутъ невнятно розовыя тѣни,
Высокъ и внятенъ колокольный зовъ,
Ложится мгла на старыя ступени...
Я озаренъ—я жду твоихъ шаговъ.

Незнакомка.

По вечерамъ надъ ресторанами
Горячій воздухъ дикъ и глухъ,
И правитъ окриками пьяными
Весенній и тлетворный духъ.
Вдали, надъ пылью переулочной,
Надъ скукой загородныхъ дачъ,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается дѣтскій плачъ.
И каждый вечеръ, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канавъ гуляютъ съ дамами
Испытанные остряки.
Надъ озеромъ скрипятъ уключины,
И раздается женскій визгъ,
А въ небѣ, ко всему пріученный—
Безсмысленно кривится дискъ.
И каждый вечеръ другъ единственный
Въ моемъ стаканѣ отраженъ

И влагой терпкой и таинственной,
Къ я, смиренъ и оглушенъ,
А рядомъ у сосѣднихъ столиковъ
Лакеи сонные торчатъ,
И пьяницы, съ глазами кроликовъ,
„In vino veritas“! кричатъ.
И каждый вечеръ, въ часъ назначенный
(Иль это только снится мнѣ?)
Дѣвичій станъ, шелками схваченный,
Въ туманномъ движется окнѣ.
И медленно, пройдя межъ пьяными,
Всегда безъ спутниковъ, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.
И вѣютъ древними повѣрьями
Ея упругіе шелка,
И шляпа съ траурными перьями,
И въ кольцахъ узкая рука.
И странной близостью закованный
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берегъ очарованный
И очарованную даль.
Глухія тайны мнѣ поручены,
Мнѣ чье-то солнце вручено,
И всѣ души моей излучины
Пронзило терпкое вино.
И перья страуса склоненныя
Въ моемъ качаются мозгу,
И очи синія бездонныя
Цвѣтутъ на дальнемъ берегу.
Въ моей душѣ лежитъ сокровище,
И ключъ порученъ только мнѣ!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина въ винѣ.

* * *

Дѣвушка пѣла въ церковномъ хорѣ
О всѣхъ усталыхъ въ чужомъ краю,
О всѣхъ корабляхъ, ушедшихъ въ море,
О всѣхъ забывшихъ радость свою.
Такъ пѣлъ ея голосъ, летящій въ куполъ,
И лучъ сіялъ на бѣломъ плечѣ,
И каждый изъ мрака смотрѣлъ и слушалъ,
Какъ бѣлое платье пѣло въ лучѣ.
И всѣмъ казалось, что радость будетъ,
Что въ тихой заводи всѣ корабли,
Что на чужбинѣ усталые люди
Свѣтлую жизнь себѣ обрѣли.
И голосъ былъ сладокъ, и лучъ былъ тонокъ,
И только высоко, у Царскихъ Вратъ,
Причастный Тайнамъ,—плакалъ ребенокъ
О томъ, что никто не придетъ назадъ.

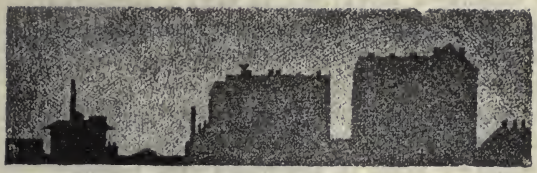
* * *

Побывала старушка у Тройцы
И все дальше идетъ на Востокъ.
Вотъ сидитъ возлѣ бѣлой околицы,
Обвѣваетъ ее вечерокъ.
Собрались чертенята и карлики,
Только диву даются въ кустахъ
На костыль, на мѣшокъ, на сухарики,
На усталыя ноги въ лаптяхъ.
„Эта странница, вѣрно, не рада намъ—
„Приложилась къ мощамъ—и свята;
„Надышалась божественнымъ ладаномъ,
„Чтобы видѣть Святыя Мѣста.
„Чтобъ идти ей тропинками злачными,
„На зеленую травку присѣсть;
„Чтобъ высоко надъ елями мрачными
„Пронеслась золотистая вѣсть".
И мохнатые, малые каются,

Умиленно глядятъ на костыль,
Униженно въ травѣ кувыркаются,
Поднимаютъ копытцами пыль:
„Ты прости насъ, старушка ты Божія,
„Не бери насъ, въ Святыя Мѣста!
„Мы и здѣсь лобызаемъ подножія
„Своего, полевого Христа.
„Занимаются села пожарами,
„Грозовая надъ нами весна,
„Но за майскими тонкими чарами
„Затлѣваетъ и намъ Купина"...

* * *

Въ голубой далекой спаленкѣ
Твой ребенокъ опочилъ.
Тихо вылѣзъ карликъ маленькій
И часы остановилъ.
Все, какъ было. Только странная
Воцарилась тишина.
И въ окнѣ твоемъ—туманная
Только улица страшна.
Словно что-то недосказано,
Что всегда звучитъ, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.
И прошла ты, сонно-бѣлая,
Вдоль по комнатамъ одна,
Опустила, вся несмѣлая,
Штору синяго окна.
И потомъ, едва замѣтная,
Тонкій пологъ подняла.
И, какъ время, безразсвѣтная,
Шевелясь, поникла мгла.
Стало тихо въ дальней спаленкѣ—
Синій сумракъ и покой,
Оттого, что карликъ маленькій
Держитъ маятникъ рукой.



Повѣсть.

Въ окнахъ занавѣшенныхъ сѣтью мокрой пыли
Темный профиль женщины наклонился внизъ.
Сѣрые прохожіе усердно проносили
Грузъ вечернихъ сплетенъ, усталыхъ стертыхъ лицъ.
Прямо передъ окнами—свѣтлый и упорный—
Каждому прохожему бросалъ лучи фонарь.
И въ дождливой сѣти—не бѣлой, не черной—
Каждый скрывался—не молодъ и не старъ.
Были, какъ видѣнья неживой столицы,—
Случайно, нечаянно вступающіе въ лучъ.
Исчезали спины, возникали лица,
Робкія, покорныя унынью низкихъ тучъ.
Но—нежданно рѣзко — раздались проклятья,
Будто разсѣкая полосу дождя:
Съ головой открытой—кто-то въ красномъ платьѣ
Поднималъ на воздухъ малое дитя...
Свѣтлый и упорный, лучъ упалъ безсмѣнный,—
И мгновенно женщина, ночныхъ веселій дочь,
Бѣшено ударилась головой о стѣну,
Съ крикомъ изступленья, уронивъ ребенка въ ночь.
И столпились сѣрыя видѣнья мокрой скуки,
Кто-то громко ахалъ, качая головой.
И она лежала на спинѣ, раскинувъ руки,
Въ грязно-красномъ платьѣ, на кровавой мостовой.

Но изъ глазъ открытыхъ—взоръ упорно-дерзкій
Все искалъ кого-то въ верхнихъ этажахъ...
И нашелъ—и встрѣтился въ окнѣ у занавѣски
Съ взоромъ темной женщины, въ узорныхъ кружевахъ.
Встрѣтились и замерли въ беззвучномъ воплѣ взоры.
И мгновенье длилось... Улица ждала.
Но черезъ мгновенье наверху упали шторы,
А внизу—въ глазахъ открытыхъ—сила умерла...
Умерла—и вновь въ дождливой сѣти тонкой
Зычные, нестройные звучали голоса.
Кто-то поднялъ на руки кричащаго ребенка
И, крестясь, украдкой утиралъ глаза...
Но вверху сомнительно молчали глянцы оконъ.
Плотно-бѣлый занавѣсъ пустѣлъ въ сѣтяхъ дождя.
Кто-то гладилъ бережно ребенку мокрый локонъ.
Уходилъ тихонько. И плакалъ, уходя.

Фабрика.

Въ сосѣднемъ домѣ окна желты.
По вечерамъ—по вечерамъ
Скрипятъ задумчивые болты,
Подходятъ люди къ воротамъ.
И глухо заперты ворота,
А на стѣнѣ,—а на стѣнѣ
Недвижный кто-то, черный кто-то.
Людей считаетъ въ тишинѣ.
Я слышу все съ моей вершины:
Онъ мѣднымъ голосомъ зоветъ
Согнуть измученныя спины
Внизу собравшійся народъ.
Они войдутъ и разбредутся,
Навалятъ на спины кули,
И въ желтыхъ окнахъ засмѣются,
Что этихъ нищихъ провели.

Друзьямъ.

Мэлчите, проклятыя струны!
Майковъ.

Другъ другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А какъ бы и жить и работать,
Не зная извѣчной вражды!

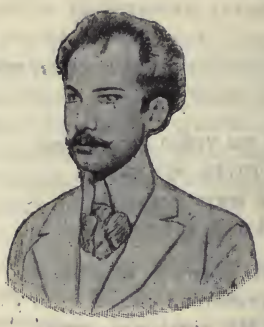
Предатели въ жизни и дружбѣ,
Пустыхъ расточители словъ,
Что дѣлать! Мы путь расчищаемъ
Для нашихъ далекихъ сыновъ!

Когда подъ заборомъ, въ крапивѣ
Несчастныя кости сгніютъ,
Какой-нибудь поздній историкъ
Напишетъ внушительный трудъ...

Вотъ только замучитъ, проклятый,
Ни въ чемъ неповинныхъ ребятъ
Годами рожденья и смерти
И ворохомъ скверныхъ цитатъ!

Печальная доля—такъ сложно,
Такъ трудно и празднично жить,
И стать достояньемъ доцента,
И критиковъ новыхъ плодить...

Зарыться бы въ свѣжемъ бурьянѣ,
Забыться бы сномъ навсегда!
Молчите, проклятыя книги!
Я васъ не писалъ никогда!



АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

Р. 1880.

Забота.

Весь день не стихала работа.
Свозили пшеницу и рожь.
Безумная въ сердцѣ забота
Бросала то въ холодъ, то въ дрожь,
Опять съ несказаннымъ волненьемъ
Я ждалъ появленья Христа.
Всю жизнь меня жгла нетерпѣньемъ
Старинная эта мечта.
Недавно мнѣ тайно сказали,
Что скоро вернется Христосъ...
Телѣги, скрипя, подъѣзжали...
Поспѣшно свозили овесъ.
Съ гумна возвращался я къ дому,
Смотря равнодушно на нихъ,
Грызя золотую солому,
Духовный цитируя стихъ.
Сегодня раздался вдругъ зовъ,
Когда я молился, тоскуя,

Средь влажныхъ, вечернихъ луговъ:
„Холодною ночью приду я"...
Смарагдовымъ свѣтомъ луна
Вдали озаряла избушки.
Призывно раздался съ гумна
Настойчивый стукъ колотушки.
„Какіе-то люди прошли",
Сказалъ намъ пришедшій рабочій.
И вотъ съ фонарями пошли,
Воздѣвши таинственно очи.
Мы вышли на холодъ ночной.
Луна покраснѣла надъ степью.
Къ намъ песъ обозленный, цѣпной
Кидался, звеня своей цѣпью.
Блѣднѣли въ рукахъ фонари...
Никто намъ въ ночи не отвѣтилъ...
Кровавую ленту зари
Встрѣчалъ пробудившійся пѣтелъ.

Матери.

Я вышелъ изъ бѣдной могилы.
Никто меня не встрѣчалъ—
Никто: только кустикъ хилый
Облетѣвшей вѣткой кивалъ.
Я сѣлъ на могильный камень...
Куда мнѣ теперь итти?
Куда свой потухшій пламень—
Потухшій пламень...—нести.
Собрала ихъ ко мнѣ—могила.
Забыли все съ того дня.
И та, что—быть можетъ—любила
Не узнаетъ теперь меня.
Испугаю ихъ тѣнью впадинъ;
Постучусь—они дверь замкнутъ.
А здѣсь—отъ дождя и градинъ
Не укроетъ истлѣвшій лоскутъ.

Нѣтъ.—Спрячусь подъ душныя плиты...
Могила, родная мать,
Ты одна вѣнкомъ разбитымъ
Не устанешь надъ сыномъ вздыхать.

Изъ окна вагона.

Поѣздъ плачется. Въ дали родныя
Телеграфная тянется сѣть.
Пролетаютъ поля росяныя.
Пролетаю въ поля: умереть.
Пролетаю: такъ пусто, такъ голо...
Пролетаютъ—вонъ тамъ и вонъ здѣсь—
Пролетаютъ—за селами села,
Пролетаетъ—за весями весь;
И кабакъ, и погостъ, и ребенокъ,
Засыпающій тамъ у грудей:—
Тамъ—убогія стаи избенокъ,
Тамъ—убогія стаи людей.
Мать Россія! Тебѣ мои пѣсни,—
О, нѣмая, суровая мать!
Здѣсь и глуше мнѣ дай, и безвѣстнѣй
Непутевую жизнь отрыдать.
Поѣздъ плачется. Дали родныя.
Телеграфная тянется сѣть—
Тамъ—въ пространства твои ледяныя
Съ буреломомъ осеннимъ гудѣть.

Родина.

Тѣ же росы, откосы, туманы,
Надъ бурьянами рдяный восходъ,
Холодѣющій шелестъ поляны,
Голодающій, бѣдный народъ;
И въ раздольѣ, на волѣ—неволя;
И суровый свинцовый нашъ край
Намъ бросаетъ съ холоднаго поля—
Посылаетъ намъ крикъ: „Умирай“—
„Какъ и всѣ умираютъ“... Не дышишь,
Смертоносныхъ не слышишь угрозъ:—
Безысходные возгласы слышишь
И рыданій, и жалобъ, и слезъ.
Тѣ же возгласы вѣтеръ доноситъ;
Тѣ же стаи несытыхъ смертей
Надъ откосами косами косятъ,
Надъ откосами косятъ людей.
Роковая страна, ледяная,
Проклятáя желѣзной судьбой—
Мать Россія, о родина злая,
Кто же такъ подшутилъ надъ тобой?

Бѣгство.

Шоссейная вьется дорога.
По ней я украдкой пошелъ.
Вонъ мертвыя стѣны острога,
Высокій, слѣпой частоколъ.
А вѣтеръ обшаритъ кустарникъ.
Просвистнетъ вдогонку за мной.
Колючій, колючій татарникъ
Протреплетъ рукой ледяной,
Тоскливо, провьется по полю;
Такъ сиверко въ уши поетъ.

И сердце прославитъ неволю
Пространствъ и холодныхъ высотъ.

Я помню: поймали, прогнали—
Вдоль улицъ прогнали на судъ.
Босые мальчишки кричали:
„Ведутъ—арестанта ведутъ".

Усталыя ноги ослабли,
Запутались въ сѣрый халатъ.
Качались блиставшія сабли
Угрюмо молчавшихъ солдатъ;

Песчанистой пыли потоки,
Взвивая сухіе столбы,
Кидались на бритыя щеки,
На мертвые, блѣдные лбы.

Какъ шли переулкомъ горбатымъ,
Глядѣлъ, пробѣгая, въ пескокъ
Знакомый лицомъ виноватымъ,
Надвинувъ на лобъ котелокъ.

Въ тюрьму засадили. Я днями
Лежалъ и глядѣлъ въ потолокъ...
Темнѣетъ. Засыпанъ огнями
За мной вдалекѣ городокъ.

Ночь кинулась птицею черной
На отсвѣты зорь золотыхъ.
Песчаника круглыя зерна
Зіяютъ на нивахъ пустыхъ.

Я тѣнью ночной завернулся.
На землю сырую палъ ницъ.
Безжизненно въ небо уткнулся
Церковный, серебряный шпицъ.

И ветелъ старинныя палки;
И галки,—вотъ тамъ, и вотъ здѣсь;
Подгорныя, длинныя балки:
Пустынная, торная весь.

Сердитая черная туча.
Тревожная мысль о быломъ.
Камней придорожная куча,
Покрытая бѣлымъ крестомъ:

Съ цыгаркой въ зубахъ среди колецъ
Табачныхъ въ просторѣ равнинъ,

Надъ нею склонилъ богомолецъ
Клоки посѣдѣвшихъ сѣдинъ.
Россія, увидишь и любишь,
Твой злой полевой небосклонъ,
„Зачѣмъ ты, безумная, губишь“—
Гармоники жалобный стонъ;
Какъ смотрится въ душу сурово
Мнѣ снова багровая даль!
Страна моя хмурая, снова
Тебя ли я вижу, тебя ль?
Но слышу, бездомный скиталецъ,
Погони далекую рысь,
Какъ въ даляхъ шлагбаумъ свой палецъ
Приподнялъ въ холодную высь.

Старинный домъ.

Все спитъ въ молчаньѣ гулкомъ.
За фонаремъ фонарь
Надъ Мертвымъ переулкомъ
Колеблетъ свой янтарь.
Лишь со свѣчею дама
Покажется въ окнѣ:—
И свѣтовая рама
Проходитъ на стѣнѣ;
Лишь дворникъ встрепенется,—
И снова головой
Надъ тумбою уткнется
Въ тулупъ бараній свой.
Желѣзная ограда;
Старинный, барскій домъ;
Бѣлѣетъ коллонада
Надъ каменнымъ крыльцомъ.
Проходятъ въ окнахъ свѣты:—
И выступятъ изъ мглы
Кенкэты и портреты,
И бѣлые чехлы.

Мечтательно Полина,
Въ ночномъ дезабилье,
Разбитое пьянино
Терзаетъ въ полумглѣ.
Припоминаетъ младость
Надъ нотами: „Любовь,
„Мечта, весна и сладость—
„Не возвратитесь вновь.
„Вы гдѣ, условны встрѣчи
„И вздохъ: Je t'aime, Poline"...
Потрескиваютъ свѣчи
Стекаетъ стеаринъ.
Въ полуослѣпшемъ взорѣ
Воспоминаній дымъ,
Гардемаринъ, и море,
И невозвратный Крымъ...
И нынче, какъ намедни,
У каменныхъ перилъ
Проходитъ вдоль передней,
Ища ночныхъ громилъ,—
Какъ на дворѣ собаки
Тамъ дружною гурьбой
Пролаяли,—Акакій—
Лакей ея сѣдой,
Въ потертомъ, сѣромъ фракѣ,
Съ отвислою губой:—
Въ растрепанныя баки
Бормочетъ самъ съ собой.
Шушукнетъ за портретомъ,
Покажется въ окнѣ:—
И рама блѣднымъ свѣтомъ
Проходитъ на стѣнѣ.

Выносъ.

Вѣнки снимутъ. Гробъ поднимутъ—
Знаю, не спросятъ.
Надъ головами проплываю, за вѣнками—выносятъ—
Въ дымныхъ столбахъ, въ желтыхъ свѣчахъ, въ
красныхъ цвѣтахъ—ахъ!..
Тамъ колкой елкой,—
Тамъ можжевельникомъ бросятъ
На радость прохожимъ бездѣльникамъ—изъ дому
выносятъ.
Прижался ко лбу костяному вѣнчикъ;
Его испугался прохожій младенчикъ.
Плыву мимо толпъ, мимо дворни,
Лицомъ—въ телеграфный столбъ, въ холодъ горній.
Толпа отступаетъ. Служитель бюро тамъ съ иконой
шагаетъ,
И плыветъ серебро катафалка.
Поютъ, но не внемлю.
И жалко, и жалко, и жалко мнѣ землю.
Поютъ, поютъ: въ послѣдній пріютъ снесутъ съ
обѣдни—
Меня несутъ на страшный судъ.
Цвѣтами—засыпали. Устами—прославили. Свѣча-
ми—уставили.

Поповна.

Свѣжѣетъ. Часъ условный.
Съ полей прошелъ народъ.
Вся въ розовомъ поповна
Идетъ на огородъ.
Какъ пава, величава.
Опущенъ шелкъ рѣсницъ.

Налѣво и направо
Все пугала для птицъ.

Жеманница срываетъ.
То злакъ то василекъ.
Идетъ. Надъ ней порхаетъ
Капустный мотылекъ.
Надъ пыльною листвою,
Наряденъ, вымытъ, чистъ,—
Коломенской верстою
Торчитъ семинаристъ.

Прекрасная поповна,—
Прекрасная, какъ сонъ,
Молчитъ,—зардѣлась, словно
Весенній цвѣтъ піонъ.
Молчитъ. Подъ трель лягушекъ
Ей сладко, сладко млѣть.
На ликъ златыхъ веснушекъ
Загаръ разсыпалъ сѣть.

Кругомъ моркови, рѣпы.
Выходятъ на лужокъ,
Танцуютъ куреслѣпы.
Играетъ вѣтерокъ.
Вдали надъ косарями
Огни зари горятъ.
А косы лезвіями—
Горятъ, поютъ, свистятъ.

Тамъ рядъ избенокъ вьется
Въ косматую синель.
Поскрипывая, гнется
Тамъ длинный журавель.
Не терпится кокеткѣ.
(Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ)
Пришпилила къ жилеткѣ
Ему ромашкинъ цвѣтъ.

А онъ: „Домой бы, Маша,
„Чтобъ не хватились насъ
„Папаша и мамаша.
„Домой бы: поздній часъ".
Но розовыя юпки
Расправила. Въ отвѣтъ

Онъ ей цѣлуетъ губки,
Сжимаетъ ей корсетъ.
Предавшись сладкимъ мукамъ
Прохладнымъ вечеркомъ,
Въ лицо ей дышетъ лукомъ
И крѣпкимъ табакомъ.
Прохлада нѣжно дышитъ
Въ напѣвахъ косарей.
Не видитъ ихъ, не слышитъ
Отецъ протоіерей.
Въ подрясникѣ холщевомъ
Прижался онъ къ окну:
Коритъ жестокимъ словомъ
Покорную жену:
„Опять ушла отъ дѣла
„Гулять родная дочь.
„Опять не доглядѣла!“
И смотритъ—смотритъ въ ночь.
И видитъ сквозь орѣшникъ
Въ вечерней чистотѣ
Лишь небо да скворечникъ
На согнутомъ шестѣ.
Съ дебелой попадьею
Всю ночь бранится онъ,
Летучею струею
Зарницы освѣтленъ.
Всю ночь кладетъ поклоны
Сѣдая попадья,
И темныя иконы
Златитъ уже заря.
Близъ рѣчки ставятъ верши
Въ туманныхъ камышахъ
Да меркнетъ серпъ умершій,
Висящій въ облачкахъ.

Опала.

Блестящія ходятъ персоны,
Повсюду фаянсъ и фарфоръ,
Расписаны нѣжно плафоны,
Музыка привѣтствуетъ съ хоръ.

А въ окнахъ для взора угодный,
Прилежно разбитый цвѣтникъ.
Въ своемъ кабинетѣ дородный
И статный сидитъ временщикъ.

Въ расшитомъ камзолѣ, при шпагѣ,
Въ андреевскомъ орденѣ онъ.
Придворный, принесшій бумаги,
Отвѣсилъ глубокій поклонъ,—

Привѣтливый, ясный, рѣчистый,
Отдавшійся важнымъ дѣламъ,
Сановникъ платочекъ душистый
Кусаетъ, прижавши къ устамъ.

Докладамъ внимаетъ онъ мудро.
Вдругъ перстнемъ ударилъ о столъ.
И съ буклей посыпалась пудра
На золотомъ шитый камзолъ.

„Для васъ, государь мой, не тайна,
„Что можете вы пострадать:
„И вотъ я прошу чрезвычайно
„Сію неисправность изъять“...

Лицо утонуло средь кружевъ.
Кричитъ, раскраснѣвшись: „Ну что жъ!..
„Татищевъ, Шуваловъ, Бестужевъ—
„У насъ есть не мало вельможъ—

„Коль вы не исправны, законы
„Блюсти я довѣрю другимъ...
„Повсюду, повсюду препоны
„Моимъ начинаньямъ благимъ!...“

И гнѣвно поднявшись, отваги
Исполненный, быстро исчезъ.

Блеснулъ его перстень и шпаги
Украшенный пышно эфесъ.

Идетъ поблѣднѣвшій придворный...
Напудренный щеголь въ лорнетъ
Глядитъ—любопытный, притворный:
„Что съ вами? Лица на васъ нѣтъ“...

„Въ опалѣ?... Назначенъ Бестужевъ?“
Главу опустилъ—и молчитъ.
Вкругъ море камзоловъ и кружевъ,
Волнуясь, докучно шумитъ.

Блестящія ходятъ персоны,
Музыка привѣтствуетъ съ хоръ,
Окраскою нѣжной плафоны
Ласкаютъ пресыщенный взоръ.

Одинъ.

Окна запотѣли.
На дворѣ луна.
И стоишь безъ цѣли
У окна.

Вѣтеръ. Никнетъ, споря,
Рядъ сѣдыхъ березъ.
Много было горя...
Много слезъ...

И встаетъ невольно
Скучный рядъ годинъ.
Сердцу больно, больно...
Я одинъ.

ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ.

Р. 1884.

Миражъ въ гостиной.

Когда Вы двигаетесь мѣрно
По шелестящему ковру,
Всегда блѣдна, какъ свѣтъ невѣрный,
Какъ свѣтъ невѣрный поутру,
Мерцаютъ Ваши брилліанты,
Чуть дышетъ блѣдность на лицѣ,—
Тогда Вы кажетесь инфантой
Въ какомъ-то замкнутомъ дворцѣ.
Гдѣ вѣчно спущенныя шторы
Неколыхающихся пряжъ,

Гдѣ замираютъ разговоры,
Какъ потухающій миражъ.
Гдѣ строй остроконечныхъ башенъ
Воздвигъ грозящіе зубцы,
Гдѣ мракъ палатъ высокъ и страшенъ,
Гдѣ притаились мертвецы...
Какъ жутки древніе портреты
Всѣхъ, кто здѣсь властно обиталъ,
Скелеты, чьи-то силуэты
Дрожатъ въ бездонностяхъ зеркалъ,
Тамъ кто-то вѣчно правитъ брашна.
Ахъ, отводя пугливый взглядъ,—
Мечтать такъ сладостно и страшно
Во мглѣ покинутыхъ палатъ.
Въ нихъ все звенитъ, какъ сновидѣнье.
Все совлекается въ миражъ.
О, какъ люблю я обольщенья,
Тоскующій и юный пажъ!
Я каждый день скрываюсь въ шторахъ,
И жду мучительно, пока
Я не заслышу тихій шорохъ
Ея шаговъ издалека.
Всегда блѣдна и молчалива,
Какъ свѣтъ невѣрный поутру,
Она проходитъ горделиво
По шелестящему ковру.
Но разъ, увидя взоръ унылый
И какъ я слѣдовалъ дрожа,
Она задумчиво спросила,
Спросила бѣднаго пажа.
Съ улыбкой ласковой и блѣдной,
Взоръ затѣнившей, какъ вуаль,
Она шептала: „бѣдный, бѣдный,
Скажи мнѣ всю твою печаль,
Зачѣмъ грустишь уединенно,
И на щекѣ твоей слеза?“
Остановилась у колоны,
Поднявъ прекрасные глаза.
—„Какъ въ каждой грани брилліанта
Весь блескъ созвѣздій заключенъ“,
Такъ въ васъ, инфанта, въ васъ, инфанта,

Весь міръ мой чудно воплощенъ.
Всю жизнь держать вамъ бриллианты,
Ва вами слѣдовать, молю...
Инфанта, гордая инфанта,
Я васъ безпомощно люблю!"...
Остановились у колонны.
Въ коврахъ и шторахъ все мертво.
Задумчиво и потрясенно
Она глядѣла на него . . . . . .
. . . . . .
Ахъ, міръ мечтательно-невѣрный
Надъ сердцемъ празднуетъ игру,
Когда Вы двигаетесь мѣрно
По шелестящему ковру.

Послѣ первой встрѣчи.

Послѣ первой встрѣчи, первыхъ жадныхъ взоровъ
Прежде невидавшихся, незнакомыхъ глазъ,
Послѣ испытующихъ, лукавыхъ разговоровъ
Больше мы не видѣлись. То было только разъ.
Но въ душѣ, захваченной безмѣрностью исканій,
Все же затаился ласкающій намекъ,
Словно тамъ сплетается зыбь благоуханій,
Словно распускается вкрадчивый цвѣтокъ...
Мнѣ еще невнятно, непонятно это.
Я еще не знаю. Повѣрить я боюсь.
Что-то будетъ въ будущемъ? Робкіе привѣты?
Тихое ль томленье? Ласковый союзъ?
Или униженья? Новая тревожность?
Или же не будетъ, не будетъ, ничего?
Кажется, что есть во мнѣ, есть въ душѣ возможность,
Тайная возможность, не знаю лишь—чего.

Мнѣ грустно.

Мнѣ снова грустно. Я не замѣтилъ,
Какъ въ душу вкралась, какъ вкралась грусть.
Я думалъ встрѣтить, и я не встрѣтилъ.
Она не хочетъ. Такъ что же? Пусть.
О ней, невѣрной, о ней обманной,
О ней грустить мнѣ въ больной тоскѣ? —
Въ минуту встрѣчи благоуханной,
Когда дрожала рука въ рукѣ,
Я зналъ, что нѣжность—одно съ порокомъ,
Что грезъ стыдливыхъ не надо намъ.
И я смѣялся ея упрекамъ,
И я смѣялся своимъ словамъ.
Ихъ было много, меня любившихъ,
Тѣхъ похотливыхъ и теплыхъ тѣлъ,
Меня обвившихъ, меня томившихъ,
Въ комъ счастье, счастье найти хотѣлъ.
Ахъ, съ каждой тотъ же влюбленный шопотъ,
Сознанье власти—пьянящій бредъ...
И тотъ же опытъ, позорный опытъ.
Ихъ было много. Ихъ больше нѣтъ.
На страсть я страстью не разъ отвѣтилъ.
И вотъ я знаю все наизусть.
Мнѣ грустно, грустно. Я не примѣтилъ,
Какъ снова въ душу прокралась грусть.

У меня для тебя.

У меня для тебя столько ласковыхъ словъ и созвучій,
Ихъ одинъ только я для тебя могъ придумать любя.
Ихъ пѣвучей волной, то нежданно-крутой, то ползучей—
Хочешь, я заласкаю тебя?

У меня для тебя столько есть прихотливыхъ сравненій—
Но возможно ль твою уловить, хоть мгновенно красу?
У меня есть причудливый міръ серебристыхъ видѣній—
Хочешь, къ нимъ я тебя унесу?

Видишь, сколько любви въ этомъ нѣжномъ, взволнованномъ взорѣ?
Я такъ долго таилъ, какъ тебя я любилъ и люблю
У меня для тебя поцѣлуевъ дрожащее море,—
Хочешь, въ немъ я тебя утоплю?

Жду.

Прежнее счастье возможно.
Ты мнѣ сказала: приду,
Холодно мнѣ и тревожно.
Нетерпѣливо я жду..
Сколько же нужно усилій
Прежнее счастье вернуть
Мы вѣдь ужъ близкими были.
Милая, не забудь.
Нѣтъ, не измученный страстью,
Напоминаю о томъ.
Просто, повѣрилось въ счастье,
Въ счастье быть намъ вдвоемъ.
Ходятъ. Подходятъ. Проходятъ.
Поздній, мучительный часъ.
Долгія тѣни проводитъ
Неумирающій газъ.

Въ церкви.

Во храмѣ затуманенномъ мерцающая мгла.
Откуда-то доносятся, гудятъ колокола.
То частые и звонкіе, то точно властный зовъ,
Удары полновѣсные большихъ колоколовъ.
Торжественны мерцанія. Безмолвенъ старый храмъ.
Зловѣще тѣни длинныя собрались по угламъ.
Надъ головами темными молящихся фигуръ
Покровъ невѣрныхъ отсвѣтовъ и сумраченъ и хмуръ.
И что-то безнадежное нависло тяжело,
Тревожно затуманивши высокое стекло.
И потому такъ мертвененъ уборъ парчевыхъ ризъ,
И потому всѣ люди тутъ угрюмо смотрятъ внизъ.
Есть это безнадежное въ безжизненныхъ святыхъ,
Въ ихъ нимбахъ желто-дымчатыхъ, когда-то золотыхъ,
И въ лицахъ умоляющихъ пригнувшихся людей,
И въ шляпкахъ этихъ впившихся, безжалостныхъ гвоздей...
И ты, моя желанная, стоишь здѣсь въ уголкѣ.
И тоненькая свѣчечка дрожитъ въ твоей рукѣ.
Вся выпрямившись дѣвственно, безпомощно тонка,
Сама ты—точно свѣчечка съ мерцаньемъ огонька.
О, милая, о, чистая, скажи, зачѣмъ ты тутъ,
Гдѣ слышенъ блѣднымъ грѣшникамъ зловѣщій ходъ минутъ,
Гдѣ всѣ кладутъ испуганно на грудь свою кресты,
Почуя близость вѣчности и ужасъ пустоты;
Гдѣ свѣтъ едва мерцающій чуть дышетъ наверху;
Гдѣ плачутъ обреченные давящему грѣху;
Гдѣ прямо и довѣрчиво стоишь лишь ты одна,
Но также поблѣднѣвшая и вдумчиво-грустна.
Скажи, о чемъ ты молишься? О чемъ тебѣ грустить?
Иль можетъ ты почуяла таинственную нить,
Что душу обхватила мнѣ обхватомъ цѣпкихъ травъ,
Съ твоею непорочностью мучительно связавъ.
О, милая, прости меня за мой невольный грѣхъ,

За то, что сталъ задумчивымъ твой непорочный
смѣхъ,
Что, вся смущаясь, внемлешь ты невѣдомой тоскѣ,
Что тоненькая свѣчечка дрожитъ въ твоей рукѣ...
Что ближе стали грѣшники, собравшіеся тутъ,
Ловящіе испуганно зловѣщій ходъ минутъ,
Кладущіе безропотно на грудь свою кресты,
Почуя близость вѣчности и ужасъ пустоты.

Былъ тихій вальсъ...

Былъ тихій вечеръ, вечеръ бала,
Былъ лѣтній балъ—межъ темныхъ липъ,
Тамъ, гдѣ рѣка образовала
Свой самый выпуклый изгибъ.
Гдѣ наклонившіяся ивы
Къ ней тѣсно подступили вплоть,
Гдѣ показалось намъ,—красиво
Такъ много флаговъ приколоть.
Былъ тихій вальсъ, былъ вальсъ пѣвучій,
И много лицъ, и много встрѣчъ...
Округло-нѣжны были тучи,
Какъ очертанья женскихъ плечъ.
Рѣка казалось изваяньемъ,
Иль отраженіемъ небесъ,
Или глухимъ воспоминаньемъ
Его ликующихъ чудесъ.
Былъ алый блескъ на склонахъ тучи,
Переходящій въ золотой.
Былъ вальсъ, призывный и пѣвучій,
Свѣтло овѣянный мечтой.
Былъ тихій вальсъ межъ липъ старинныхъ,
И много встрѣчъ, и много лицъ,
И близость чьихъ-то длинныхъ-длинныхъ,
Красиво-загнутыхъ рѣсницъ...

Море.

И вѣтеръ, вѣющій стремительно и буйно,
И развѣвающій, и рвущій волоса.
И моря вольный блескъ, ходящій многоструйно—
О, безпредѣльная, о, мощная краса!
То все въ ней яркій блескъ, зыбящійся и пирный—
Обломки свѣтлыхъ льдинъ и горнихъ хрусталей.
То бархатъ шелестный, спокойный и сапфирный,
То рябь червонная пылающихъ углей.
То словно старцевъ рой съ лучистой сѣдиною,
Услышавшихъ вдали прибоевъ голоса,
Плыветъ встревоженно подъ зыбкою волною,
И вѣтеръ дерзко рветъ сѣдые волоса.
То надъ сапфирностью безбрежной и бездонной—
Вдругъ словно ревъ и спины прыгающихъ львовъ.
О какъ красива мощь ихъ схватки разъяренной
И бѣлопѣнность гривъ и всклоченныхъ головъ!
И вѣтеръ буйно радъ игрѣ своихъ порывовъ,
И сердце пьяно, пьяно дикою мечтой.
И море все горитъ сверканьемъ переливовъ
И величавою, и вольной красотой!

Въ городскомъ саду.

Мы бродили долго. Мы далеко ушли.
Я дышалъ испуганно. Мнѣ счастіе приснилось.
На груди зеленой загрезившей земли
Маленькое счастье робко распустилось.
Ты просила вѣтку на память оторвать.
Ты весну любила. Весна едва возникла.
Не хотѣлось двигаться, хотѣлось лишь дышать.
Ты ко мнѣ сближающе, ласково приникла.
На тебя смотрѣлъ я не отрывая глазъ.
Забывалъ я городъ и весь полдневный опытъ.

Межъ кустовъ темнѣющихъ, толпившихся вкругъ
насъ,
Пробирался шопотъ. Пробирался шопотъ.
Сторожъ оглянулся. Сторожъ проходилъ.
Проходили тучки лиловой вереницей.
Ты просила вѣтку, я вѣтку отломилъ.
Мѣсяцъ выдвигался, большой и круглолицый.
Вѣтка вся зеленая, она была въ дождѣ.
Вся дождемъ забрызгана, липовая вѣтка.
Тихо все покоилось, не двигалось нигдѣ.
Только ты дышала медленно и рѣдко.
Кто-то рѣзко крикнулъ. Залился свистокъ.
Гдѣ-нибудь сбѣжались, затолпились люди.
Тихо озарился матовый востокъ
Въ вѣчно неизмѣнномъ, непонятномъ чудѣ.
Кто-нибудь, кого-нибудь теперь убилъ ножомъ.
Онъ любилъ мучительно, мучительно и нѣжно.
Любятъ и встрѣчаются, чтобы убить потомъ.
Это искупленіе. Это неизбѣжно.
Кровью вся залитая, она теперь лежитъ.
Грудь ея раскрытая. Разорванъ узкій воротъ.
Въ воздухѣ предутреннемъ рѣзокъ стукъ копытъ.
Пѣтухи запѣли. Пробудился городъ.
Сталъ востокъ весь ласковый, какъ ты, моя любовь,
Ты, которой преданъ я, безпомощно, безумно.
Снилась мнѣ сегодня разбрызганная кровь,
И толпа сдвигалась, встревоженно и шумно.
Ты, что захватила, взяла всю жизнь мою,
Ты, что смотришь вдумчиво, загадочно и нѣжно,
Понялъ я сегодня, что я тебя убью.
Это искупленіе. Это неизбѣжно.
Въ эту ночь весеннюю тебя я не убилъ.
Въ эту ночь весеннюю я снова былъ несмѣлымъ.
Вѣтку ты просила. Я вѣтку отломилъ,
Янтаремъ залитую, сверкающимъ и бѣлымъ.
Кто-то этой ночью смѣлѣе былъ, чѣмъ я,
Кто-то, разрѣшившій, убившій всѣ вопросы.
Утро засіяло. Сверкнули острія.
Заблестѣли окна. Заблестѣли росы.

Ночь въ морѣ.

Всю ночь русалка билась,
Не въ силахъ сновъ превозмочь.
А въ морѣ тихо катилась
Въ золотой колесницѣ ночь.
Русалка во снѣ кричала,
Хватала рукой камыши.
Но все угрюмо спало
Въ застывшей и темной тиши.
И я съ высокаго ложа
Не разъ ее окликалъ.
Провалы глядѣли все строже,
Бушевалъ играющій валъ.
И я вставалъ съ испугомъ,
Зажигалъ золотые огни.
Расплываясь свѣтящимся кругомъ,
Жутко мерцали они.
Озаряли чудесъ такъ много,
Что глядѣть я дерзалъ едва.
Шепталась глухо и строго,
Колыхалась морская трава.
Я стоялъ предъ высокимъ ложемъ.
На немъ томилась она.
Стоялъ, тоской тревожимъ.
Кругомъ—была тишина.
Я раздвинулъ цѣпкіе прутья,
Что надъ ней сплелись въ кольцо.
И ей припалъ на грудь я,
Цѣловалъ ея лицо.
Цѣловалъ ея блѣдныя плечи,
Волоса, что съ травой сплелись.
Говорилъ тревожныя рѣчи,
Шепталъ: „проснись, проснись“...
Ее разбудило пламя,
Моя рѣчь, мой встревоженный стонъ,
Она закрылась руками
И опять погрузилась въ сонъ...
Я легъ, но въ тревожной мукѣ

Провелъ всю ночь безъ сна.
И слушалъ смутные звуки,
Которыми ночь полна.
Кто-то бился въ подземныхъ норахъ.
Вверху ворчала волна.
Былъ внятенъ весь смутный шорохъ,
Которымъ ночь полна.

Ушедшій.

Проходите, женщины, проходите мимо.
Не маните ласками говорящихъ глазъ.
Чуждо мнѣ, ушедшему, что было такъ любимо.
Проходите мимо. Я не знаю васъ.
Горе всѣмъ связавшимъ довѣрчивое счастье
Съ ласками обманщицъ, съ привѣтами любви!
Полюби безстрастье, свѣтъ и самовластье.
Только въ этомъ счастье. Только такъ живи.
Тѣни говорящія дрожавшихъ и припавшихъ,
Тянетесь вы медленно въ темнѣющую даль.
Было ль, было ль счастіе въ тѣхъ встрѣчахъ отмелькавшихъ?
Можетъ быть и было. Теперь—одна печаль.
Въ дебряхъ безпролетныхъ, въ шелестахъ болотныхъ
Ты навѣкъ погибнешь, если любишь ихъ.
Уходи отъ этихъ ласковыхъ животныхъ,
Ты, что долженъ выковать озаренный стихъ.
Горе всѣмъ припавшимъ къ соблазнамъ и покою,
Горе полюбившимъ привѣтную тюрьму.
Горе всѣмъ связавшимъ свою судьбу съ чужою, —
Не понявшимъ счастья всегда быть одному!

С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ.

Собр. соч. I-й т. 1907 г.

Лѣсная Топь.

ОТРЫВОКЪ.

Когда зашло солнце, то вода въ рѣкѣ стала черной, какъ аспидная доска, камыши сдѣлались жесткими, сѣрыми и большими, и ближе пододвинулъ лѣсъ свои сучья, похожіе на лохматыя лапы.

Запахло прѣлью съ близкой топи, протяжно и жалобно пискнуло въ лѣсу и потомъ долго стояло въ ушахъ острое, какъ булавка.

А подъ ногами и около, въ сухихъ листьяхъ, зашуршало, зашевелилось и потянулось дальше, вдоль берега, что-то невидное и пугливое.

Потомъ какъ-то незамѣтно стало темно и узко, какъ на днѣ колодца.

Маленькіе ребятишки, Филька и Антонина, братъ и сестра, ловили раковъ.

Ловилъ, собственно, Филька, какъ старшій. Онъ забрасывалъ колпачки на длинныхъ бичевкахъ и вытягивалъ быстро-быстро, проводя между камышами. Антонина, серьезная, худенькая, ходила за нимъ съ кошелкой и выдирала раковъ изъ сѣтокъ, какъ колючки изъ платья, неловко натыкалась пальцами на колючія клешни и вскрикивала.

— Чего орешь! Нѣжная,—ругалъ ее, какъ взрослый, Филька. Ему было десять лѣтъ,—ей шелъ девятый.

Къ вечеру раки стали ловиться лучше, точно въ черной водѣ имъ было привольнѣе и веселѣе, и они ползали по таинственному дну, сами таинственные и страшные.

И временами ребятамъ казалось, что они видятъ ихъ на днѣ, медлительныхъ и важныхъ, видятъ, какъ они ползутъ и облѣпляютъ въ колпачкахъ наживу, жадные, какъ стая собакъ.

И не хотѣлось уходить, и было жутко однимъ.

На большую корягу, торчавшую изъ воды справа, ближе къ серединѣ рѣки, сѣлъ зимородокъ и долго сидѣлъ неподвижно и задумчиво. Потомъ вдругъ пугливо свиснулъ и замелькалъ надъ водой.

Ударила на томъ берегу большая рыба, рѣзко, точно пастушьимъ кнутомъ, и покатились маслянистые круги на этотъ берегъ.

— Сомъ!—тихо сказала Антонина.

— Ишь не сомъ, а вовсе щука... Тебѣ все сомъ! Какая сомовая!—отозвался Филька тоже тихо, и тутъ же громко кашлянулъ и сплюнулъ на бокъ, какъ большой.

Лѣсъ на томъ берегу сталъ сплошной и густой и дымился отъ воды снизу, а вверху вырвались изъ него кое-гдѣ угольно-черные косяки и молчали, въѣвшись въ небо.

Засновали летучія мыши. Были онѣ совсѣмъ какъ птицы, только беззвучныя и видныя на одинъ

моментъ: неизвѣстно, откуда брались, и неизвѣстно, гдѣ пропадали.

— Зачѣмъ онѣ?—спросила Антонина.

— Чего зачѣмъ?—обернулся Филька.

— Летаютъ-то?....

Филька догадался, но счелъ нужнымъ проворчать, какъ большой.

— Летаютъ и все... То-оже, скажи пожалуйста, не нравится ей, зачѣмъ летаютъ... Что жъ ты имъ сидѣть прикажешь?

Въ одинъ колпачекъ попало сразу четыре рака, три крупные, одинъ мельче, мягкій, съ молодой скорлупой.

— Вотъ они какъ пошли!—ликовалъ Филька.— Теперь пойдутъ!... Теперь еще немного посидѣть, они вонъ какъ пойдутъ!... Самый ловъ начался.

Что-то тихо дышало на нихъ сзади изъ-за толстыхъ мшистыхъ дубовъ, дышало ядовитой сыростью и густымъ запахомъ смерти отъ гніющимъ листьевъ.

Надъ рѣкой протянулись мосты изъ тѣней, и по нимъ на этотъ берегъ шло что-то оттуда, издали, изъ того лѣса, казавшагося еще болѣе старымъ и огромнымъ, чѣмъ этотъ, и приходя сюда, шушукалось за ихъ спинами.

Камыши вблизи стояли сухіе и колючіе, и непріятно было, какъ наискось, всѣ острыми углами къ водѣ, торчали ихъ поджатые листья, точно лошадиные уши.

— Бу-у... бу-у...—завела гдѣ-то недалеко выпь.

— Что это?—спросила Антонина.

— Бучило—отвѣтилъ Филька.

— Пойдемъ домой,—несмѣло запросила Антотина.

— Ладно... Самый ловъ начался... поспѣешь,— отвѣтилъ Филька.

Онъ снялъ съ головы картузъ, почесался и надвинулъ его на глаза. Вынулъ колпачекъ,—опять четыре рака и всѣ большіе, но когда забрасывалъ его снова въ воду, и онъ щелкнулъ по водѣ, захлебнувшись, показалось, что это громко, и что уто-

нулъ не колпачекъ съ желѣзнымъ прутомъ, а кто-то живой.

Какіе-то всхлипывающіе звуки, влажные и робкіе, приплыли издалека по водѣ, точно кто-то ѣхалъ тамъ на лодкѣ, а молодая осинка въ сторонѣ, узенькая и черная, стала совсѣмъ какъ человѣкъ, очень высокій и очень прямой: подошелъ къ берегу и смотритъ на воду.

— Вонъ, глянь-ка!—шепнула Антонина и показала на нее робко согнутымъ пальцемъ.

— Ветла,—сказала Филька тихо и тутъ же громко добавилъ:—ветла, и болѣ ничего.

Все измѣнялось кругомъ, измѣнялось на глазахъ и незамѣтно, точно колдовство совершалось. Ходило кругомъ лѣсное и колдовало и развѣшивало занавѣски изъ рѣчного тумана надъ тѣмъ, что было въ дали, и перетаскивало эту даль сюда, какъ кошка котятъ, отчего здѣсь вблизи становилось густо, черно и душно.

Все шелестѣло и возилось что-то въ лѣсу, точно огромныя стаи галокъ или другихъ, такихъ же крикливыхъ черныхъ птицъ, садились тамъ на ночлегъ на вѣткахъ и никакъ не могли усѣсться.

Въ кошелкѣ шептались раки—шу-шу-шу-шу... Ихъ было уже много. Филька досчиталъ до сотни, а потомъ пересталъ считать. То, что они шептались тамъ на днѣ, было зловѣщимъ отъ темноты, какъ колючая угроза.

И грозились камыши, поворачивая пухлыя головы, и черная коряга, на которой сидѣлъ зимородокъ, было насупленная и тоже грозилась.

Недалеко отъ нея плеснула рыба, и въ сіяньи круговъ показалось, что коряга плыла, раскачавшись, рогатая, мокрая.

Прежде, когда было видно, хотѣлось ѣсть, теперь было только страшно. Проползало что-то лѣсное мимо, глядѣло сквозь глаза въ душу,—и начинало холодать подъ сердцемъ; думалось о тепломъ сѣновалѣ, яркомъ подсвѣчникѣ въ церкви передъ большой красной иконой, о широкой тятькиной бородѣ.

Или представлялся скрипучій возъ, въ него можно было лечь и ѣхать и закрыть глаза, чтобы не видѣть ни рѣки, ни лѣса. Поднималась сырость откуда-то со дна рѣки изъ трещинъ земли, сырость душная и плотная, заползавшая прямо въ горло, какъ печная сажа.

Свивалось и развивалось что-то, выползало изъ напыженныхъ притаившихся кустовъ, капало большими мягкими каплями съ висѣвшихъ надъ головой закрученныхъ шершавыхъ вѣтокъ; шуршало осторожно и тихо камышами, то ближе, то дальше.

— Это что?—спросила Антонина. Филька посмотрѣлъ на нее и на лѣсъ, подумалъ и отвѣтилъ:

— Что, что? Тебѣ все—что это?... Стой и молчи.

Около самаго берега въ водѣ сломанныя камышинки отчеканились хитрымъ переплетомъ, точно кто-то сплелъ изъ нихъ сѣтку и придавилъ воду, но вода смотрѣла сквозь ячейки сѣтки прищуренными глазами и мигала ими, молчаливо, но было понятно.

И страшно было.

Страхъ ходилъ около и ткалъ паутину, загребистый, какъ паукъ.

Казалось, что на босыхъ ногахъ что-то налипаетъ клейкое, чтобы приворожить къ землѣ, и ноги замѣтно нѣмѣли все выше—выше.

Налетѣла дикая утка, плеснула крыльями возлѣ самыхъ камышей и—фрр—испуганно ударила въ воздухъ грудью и пропала въ темнотѣ. Темнота разступилась было и вновь сомкнулась.

Заквакала вдругъ лягушка раскатисто и звучно на цѣлый лѣсъ, точно лошадь заржала, потомъ какъ-то сразу оборвалась, и опять стало тихо.

Луна еще не всходила, но звѣзды уже прихлынули къ землѣ и заткали небо частой сѣткой любопытныхъ глазъ, отчего внизу стало еще душнѣе, точно колодецъ прикрыли крышкой съ узкими дырочками для свѣта; и сразу захотѣлось на свѣтъ.

— Пойдемъ домой,—тихо потянула Фильку за рукавъ Антонина.

Изъ-подъ платка на Фильку глядѣло странное, незнакомое теперь въ полутьмѣ маленькое лицо Антонины, и Антонина не узнала Филькина лица, только картузъ былъ Филькинъ, выгнутый, какъ кошачья спина, на затылкѣ.

Филька оглянулся. Лѣсъ кругомъ былъ близкій и темный, какъ высокія стѣны, и все что-то дрожало въ немъ, шевелилось, укладывалось и опять вставало. Гдѣ-то треснула сухая вѣтка. Стало холодно. Сдавило глотку.

— Сейчасъ пойдемъ,—сказалъ онъ чуть слышно.

Дико заблеялъ вдругъ кто-то на дубу надъ головой... Ястребъ? Совы?

Что-то острое рѣжущей змѣйкой прошло вдоль спины, точно чей-то коготь. Антонина ухватилась за Филькину рубаху и не выпускала ее изъ рукъ. Филька нагнулся надъ водой вынуть колпачокъ, и нагнулась Антонина, и оба увидѣли, вдругъ, вздрогнувъ и застывъ, какъ недалеко, въ трехъ шагахъ отъ нихъ, за камышами поднялась изъ воды зеленая тинистая человѣчья голова, старая, яркая, какъ снопъ зеленыхъ молній, фыркнула и поплыла къ нимъ; потомъ рука взмахнула, тонкая, съ длинными пальцами...

Вскрикнули и побѣжали оба... И это не они бѣжали тамъ по изгибистой лѣсной тропинкѣ, спотыкаясь на корни; они забыли, что это они, что они бѣгутъ, что впереди село; бѣжалъ, раздвоившись, безликій страхъ, а за нимъ гналась, хохотала тайна, и кричалъ лѣсъ...

— „Го-го-го-го!“—кричало снизу изъ оврага...— „Го - го - го - го“—отзывалось вверху въ темнотѣ. Аукало зеленое... Качалось, плясало и падало, прямо передъ глазами, быстрое, яркое, какъ звѣзды...

Рвануло за платье сзади, схватило за ноги... Охрипло горло отъ крика... И все голова, тинистая, страшная голова продиралась сквозь камыши, фыркала и плыла ближе-ближе,—вотъ схватитъ. И дышало такъ звучно искрами и льдомъ, ядовитымъ туманомъ и смертью отъ прѣлыхъ листьевъ.

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.

Р. 1877.

Киммерійскія сумерки.

I.

Старинымъ золотомъ и желчью напиталъ
Вечерній свѣтъ холмы. Зардѣли, красны, буры,
Клоки косматыхъ травъ, какъ пряди рыжей шкуры;
Въ огнѣ кустарники, и воды—какъ металлъ.
А груды валуновъ и глыбы голыхъ скалъ
Въ размытыхъ впадинахъ загадочны и хмуры,
Въ крылатыхъ сумеркахъ шевелятся фигуры:
Вотъ лапа тяжкая, вотъ челюсти оскалъ;

Вотъ холмъ сомнительный, подобный вздутымъ
ребрамъ...
Чей согнутый хребетъ поросъ, какъ шерстью,
чобромъ?
Кто этихъ мѣстъ жилецъ: чудовище? титанъ?
Здѣсь жутко въ тѣснотѣ... А тамъ просторъ...
свобода...

Тамъ дышитъ тяжело усталый океанъ
И вѣетъ запахомъ гніющихъ травъ и іода.

II.

Здѣсь былъ священный лѣсъ. Божественный гонецъ
Ногой крылатою касался сихъ прогалинъ...
На мѣстѣ городовъ ни камней, ни развалинъ...
По склонамъ выжженнымъ ползутъ стада овецъ.
Какъ четки выси горъ! Зубчатый ихъ вѣнецъ
Въ зеленыхъ сумеркахъ таинственно-печаленъ.
Чьей древнею тоской мой вѣщій духъ ужаленъ?
Кто знаетъ путь боговъ: начало и конецъ?

Размытыхъ осыпей, какъ прежде, звонки щебни;
И море скорбное, вздымая тяжко гребни,
Кипитъ по отмелямъ гудящихъ береговъ.
И ночи звѣздныя въ слезахъ проходятъ мимо...
И лики темные отверженныхъ боговъ
Глядятъ и требуютъ... зовутъ неотвратимо...

Зеркало.

Я—глазъ, лишенный вѣкъ... Я брошено на землю.
Чтобъ этотъ міръ дробить и отражать.
И образы скользятъ... Я чувствую, я внемлю,
Но не могу въ себѣ ихъ удержать.
И часто въ сумеркахъ, когда дымятся трубы
Надъ синимъ городомъ, а въ воздухѣ гроза,
Въ меня глядятъ съ тоской безсонные глаза
И черныя запекшіяся губы.
И комната во мнѣ и капаетъ вода.
И тѣни движутся, отходятъ выростая.
И тикаютъ часы, и капаетъ вода,
Одинъ вопросъ другимъ перебивая.
И чувство смутное шевелится на днѣ.
Въ немъ радостная грусть, въ немъ сладкій страхъ
разлуки.

И я молю его: „Останься. Будь во мнѣ.
Не прерывай рождающейся муки".
И вновь приходитъ день съ обычной суетой.
И блѣдное лицо лежитъ на днѣ—глубоко.
Но время наконецъ застынетъ надо мной
И тусклою плевой мое затянетъ око!

Письмо.

ОТРЫВОКЪ.

Я соблюдаю обѣщанье
И замыкаю въ четкій стихъ
Мое далекое посланье.
Пусть будетъ онъ какъ вечеръ тихъ,
Какъ стихъ „Онѣгина" прозраченъ,
Порою слабъ, порой удаченъ;
Пусть звукъ рѣчей журчитъ ярчѣй,
Чѣмъ быстро шепчущій ручей...
Вотъ я опять одинъ въ Парижѣ
Въ кругу привычной старины...
Кто видѣлъ вмѣстѣ тѣ же сны,
Становится невольно ближе.
Въ туманахъ памяти отсель
Поетъ знакомый ритурнель.

Всю цѣпь промчавшихся мгновеній
Я могъ бы снова возсоздать;
И робость медленныхъ движеній,
И жестъ, чтобъ ножикъ иль тетрадь
Сдержать неловкими руками,
И Вашу шляпку съ васильками,
Покатость Вашихъ дѣтскихъ плечъ
И Вашу медленную рѣчь,
И платье цвѣта евкалипта,
И ту же линію въ губахъ,
Что на статуѣ Таіахъ,
Царицы древняго Египта,
И въ глубинѣ печальныхъ глазъ—
Осенній цвѣтъ листвы—топазъ.

Разсвѣтъ. Я только что вернулся.
На вѣкахъ—ночь. Въ ушахъ слова.
И сонъ въ душѣ, какъ котъ свернулся...
Письмо... Отъ Васъ.
Едва-едва
Въ неясномъ свѣтѣ вижу почеркъ—
Кривыхъ каракуль смѣлый очеркъ.
Зажегъ огонь. При свѣтѣ свѣчъ
Глазами слышу Вашу рѣчь.
Вы снова здѣсь. О, говорите жъ,
Мнѣ нуженъ самый звукъ рѣчей...
Въ озерахъ памяти моей
Опять гудитъ подводный Китежъ,
И легкій шелестъ дальнихъ словъ
Пѣвучъ, какъ гулъ колоколовъ.

Гляжу въ окно сквозь воздухъ мглистый.
Прозрачна Сена... Тюильри...
Монмартръ синій и лучистый.
Какъ желтый жемчугъ—фонари...
Хрустальный хаосъ сѣрыхъ зданій
И ароматъ воспоминаній,
Какъ запахъ тлѣющихъ цвѣтовъ,
Меня пьянитъ. Чу. Шумъ шаговъ...
Вотъ тяжкой грудью парохода
Разбилось тонкое стекло,
Заволновалось, потекло,
Донесся дальній гулъ народа,
Въ провалахъ улицъ мгла и тишь,
То день идетъ... Гудитъ Парижъ.

Я вспоминаю утро въ Halle'ѣ,
Когда у Лувра на мосту
Въ разсвѣтной дымкѣ мы стояли.
Я помню рынка суету,
Собора слизистыя стѣны,
Капуста, словно сгустки пѣны,
„Какъ солнца“ тыквы и моркоѣь
Сырая, красная, какъ кровь.
Корзины пурпурной клубники
И океанъ живыхъ цѣтовъ—

Гортензій, лилій, васильковъ
И незабудокъ и гвоздики,
И серебристо-сизый тонъ,
Обнявшій насъ со всѣхъ сторонъ.

Для насъ Парижъ былъ рядъ преддверій
Въ просторы всѣхъ вѣковъ и странъ
Легендъ, исторій и повѣрій.
Какъ мутно-сѣрый океанъ,
Парижъ властительно и строго
Шумѣлъ у нашего порога.
Мы отдавались, какъ во снѣ,
Его ласкающей волнѣ
Мгновенья полныя, какъ годы.
Какъ жезлъ сухой, расцвѣлъ музей...
Прохладный мракъ большихъ церквей,
Органъ... Готическіе своды...
Толпа· потоки глазъ и лицъ...
Припасть къ землѣ... Склониться ницъ...

Здѣсь все теперь воспоминанье,
Здѣсь все мы видѣли вдвоемъ,
Здѣсь наши мысли, какъ журчанье
Двухъ струй, бѣгущихъ въ водоемъ.
Я слышу Вашими ушами,
Я вижу Вашими глазами,
Звукъ Вашей рѣчи на устахъ,
Вашъ робкій жестъ въ моихъ рукахъ,
Я бъ изъ себя всѣ впечатлѣнья
Хотѣлъ по-Вашему понять
Пѣвучей риѳмой ихъ связать
И въ стихъ вковать ихъ отраженье,
Но только нѣтъ... Продленный мигъ
Есть ложь... И бѣденъ мой языкъ.

Лѣса готической скульптуры!
Какъ жутко все и близко въ ней.
Колонны, строгія фигуры
Сибиллъ, пророковъ, королей...
Міръ фантастическихъ растеній,
Окаменѣлыхъ привидѣній
Драконовъ, маговъ и химеръ.

Здѣсь все есть символъ, знакъ, примѣръ.
Какую повѣсть зла и мукъ вы
Здѣсь разберете на стѣнахъ?
Какъ въ этихъ сложныхъ письменахъ
Понять значеніе каждой буквы?
Ихъ взглядъ, какъ взглядъ змѣи, тягучъ...
Закрыта дверь. Потерянъ ключъ.

Есть безпощадность въ примитивахъ.
У нихъ для правды нѣтъ границъ—
Ряды позорно некрасивыхъ
Разоблаченныхъ кистью лицъ.
Въ нихъ дышитъ жизнью каждый атомъ:
Фуке—безжалостный анатомъ
Ихъ душу взялъ и расчленилъ,
Спокойно взвѣсилъ, осудилъ
И распялъ ихъ въ своихъ портретахъ.
Его портреты казнь и месть,
И что-то дьявольское есть
И въ хрящеватости ушей,
Въ глазахъ и въ линіи ноздрей.

Имъ міръ Родэна такъ созвученъ,
Въ немъ крикъ камней, въ немъ скорбь земли,
Но саванъ мысли сѣръ и скученъ.
Онъ змѣй, свернувшійся въ пыли.
Рисунокъ грубый, неискусный...
Вотъ Дьяволъ—кроткій, странный, грустный.
Антоній видитъ бѣгъ планетъ:
„Но гдѣ же цѣль?“
—Здѣсь цѣли нѣтъ...
Струится мракъ и шепчетъ что-то,
Легло молчанье, какъ кольцо,
Мерцаетъ блѣдное лицо
Средь ядовитаго болота,
И солнце, черное, какъ ночь,
Ѳбирая свѣтъ, уходитъ прочь...

Въ Булонскомъ лѣсу.

Въ сѣро-сиреневомъ вечерѣ
Радостны сны мои нынче.
Въ сердцѣ сіяніе „Вечери“
Леонардо да Винчи.
Между мхомъ и травою мохнатою
Ключъ лепечетъ невнятно,
Алымъ трепетомъ пали на статую
Золотистыя пятна.
Вѣтеръ вѣетъ и вьется украдками
Межъ вѣтвей, надъ водой наклоненныхъ,
Шевеля тяжелыми складками
Шелковъ зеленыхъ.
Разбираетъ блѣдные волосы
Плакучей ивы;
По озерамъ—прозелень, полосы
И стальные отливы.
И, одѣты парчами и чернію,
Многострунныя сосны
Навѣваютъ думу вечернюю
Про минувшія весны.
Облака надъ лѣсными гигантами
Перепутаны алою пряжей,
И плывутъ изъ аллей брилліантами
Фонари экипажей.

Осень.

Рдяны краски. Воздухъ чистъ.
Вьется въ пляскѣ красный листъ.
Это осень, далей просинь,
Гулы сосенъ, вѣтокъ свистъ.
Вѣтеръ клонитъ рядъ ракитъ,
Листья гонитъ и вихритъ
Вихрей рати, и на скатѣ
Перекати-поле мчитъ.

Воды мутитъ, гомитъ гамъ,
Рыщетъ, крутитъ здѣсь и тамъ.
По нагорьямъ, плоскогорьямъ.
Лукоморьямъ и морямъ.
Заверть пыли чрезъ поля
Вихри взвили, пепеля,
Чьи-то руки напружили,
Точно луки, тополя.
Въ море прянетъ—вихръ встаетъ.
Воды стянетъ, загудетъ,
Рветъ на части лодокъ снасти.
Дышетъ въ пасти пѣнныхъ водъ.
Ввысь въ червленый солнца дискъ—
Милліоны алыхъ брызгъ,
Гребней взвивы, струй отливы,
Коней гривы, пѣны взвизгъ.

Полынь.

Костеръ мой догорѣлъ на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистаго стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
Въ истомной тьмѣ качалась и текла.
Въ гранитахъ скалъ—надломленныя крылья,
Подъ бременемъ холмовъ изогнутый хребетъ,
Земли отверженной застывшія усилья,
Уста Праматери, которымъ слова нѣтъ...
Дитя ночей призывныхъ и пытливыхъ
Я самъ—твои глаза, разверстые въ ночи
Къ сіянью древнихъ Звѣздъ, такихъ же сиротливыхъ,
Простершихъ въ темноту зовущіе лучи.
Я самъ—уста твои безгласныя, какъ камень,
Я тоже изнемогъ въ оковахъ нѣмоты.
Я—свѣтъ потухшихъ Солнцъ. Я—словъ застывшій пламень,
Незрячій и нѣмой, безкрылый, какъ и ты!.

О, Мать Невольница, на грудь твоей пустыни
Склоняюсь я въ разсвѣтной тишинѣ...
И горькій дымъ костра и горькій духъ полыни
И горечь волнъ останутся во мнѣ.

Голова madame de-Lamballe.

Это гибкое, страстное тѣло
Растоптала ногами толпа мнѣ.
И надъ нимъ надругалась, раздѣла,
И на тѣло не смѣла
Взглянуть я.
Но меня отрубили отъ тѣла,
Бросивъ лоскутья
Воспаленнаго мяса на камнѣ.
И парижская голь
Унесла меня въ уличной давкѣ.
Кто-то пилъ въ кабакѣ алкоголь,
Меня бросивъ на мокромъ прилавкѣ.
Куаферъ меня поднялъ съ земли,
Расчесалъ мои свѣтлыя кудри,
Нарумянилъ онъ щеки мои
И напудрилъ...
И тогда, вся избита, изранена,
Грязной рукой
Какъ на балъ завита, нарумянена,
Я на пикѣ взвилась надъ толпой
Хмѣльнымъ тирсомъ..
Неслась вакханалія,
Пѣлъ въ священномъ безумьи народъ.
И казалось, на балѣ въ Версали я...
Плавный танецъ кружитъ и несетъ...
Точно пламя гудѣли напѣвы,
И тюремною узкою лѣстницей
Въ Башню Тампля, къ окну королевы,
Поднялась я народною вѣстницей...

СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ.
I-я кн. стих. 1905 г.

Современнику.

Безумцамъ новизны не вѣрь, поэтъ! Забудь
О новомъ. Всѣ творцы идутъ путемъ единымъ.
Отъ сердца глубины къ невѣдомымъ глубинамъ,
Во имя вѣчнаго и къ вѣчному—тотъ путь.

Не бойся старыхъ словъ. Собой безстрашно будь.
И старые слова, сѣдымъ крыламъ орлинымъ
Подобныя, взнесутъ тебя къ роднымъ вершинамъ;
Ихъ царственный полетъ не можетъ обмануть.

Въ порывѣ—творчество. Ни мыслей устарѣлыхъ,
Ни словъ отверженныхъ, ни чувствъ отжившихъ нѣтъ,
Когда вѣщаетъ ихъ и вѣритъ имъ поэтъ.

Не чувства отжили, но въ душахъ омертвѣлыхъ,
Въ сердцахъ, исполненныхъ гордыни и тоски.
Изсякли вѣчныхъ чувствъ живые родники.

Снѣга.

Мой скорбный духъ навѣки одинокъ,
Какъ горный снѣгъ, какъ снѣгъ вершинъ безвѣстныхъ.
Но жжетъ снѣга огонь лучей небесныхъ:
Горячій лучъ мое безмолвье жегъ,
И плакалъ я. И духъ мой съ горъ чудесныхъ
Стремился внизъ, въ долины звучныхъ строкъ,
И замиралъ въ оковахъ ритмовъ тѣсныхъ,
Какъ въ берегахъ низверженный потокъ.

О, если бъ всѣ снѣга моихъ видѣній,
Всѣ проблески разсвѣтныхъ озареній,
И всю печаль холодныхъ думъ моихъ—
Я могъ излить въ одинъ потокъ созвучій,
Въ одинъ сонетъ ласкательно-пѣвучій,
Въ одну мольбу, въ одинъ могучій стихъ!

Сомнѣніе.

Два демона во мнѣ, два страшныхъ судіи.
Суровъ ихъ приговоръ, ихъ рѣчи дивно-строги.
И требуетъ одинъ: Чего ты ждешь? Смотри:—
Въ долинахъ долгій мракъ. Въ тебѣ огонь. Гори.
Ты знаешь, люди злы, безумны и убоги:
Грозой любви и мукъ очисти ихъ тревоги,
Въ толпу ничтожныхъ словъ—о, пусть слова твои
Ворвутся, сильныя какъ пламенные боги!

Но шепчетъ мнѣ другой, печальный духъ: Зачѣмъ
Кощунственной толпѣ нести дары страданья?
Забудь слова людей. Неслышимый никѣмъ,
Стыдясь любви земной, люби свои молчанья.
О, будь царемъ вершинъ—и холоденъ, и нѣмъ,
Какъ горные снѣга, какъ звѣздныя мерцанья...

Отвѣтъ.

Любилъ ли я? Мечтой завороженный
—Узнавъ тебя, неравную другимъ—
Я захотѣлъ быть геніемъ твоимъ,
Художникомъ души твоей плѣненной.
Любилъ ли я? Какъ мраморъ, покоренный
Рѣзцомъ ваятеля, мольбамъ моимъ
Ты отдалась, не отвѣчая имъ:
Я создалъ статую изъ глыбы сонной.

Боготворя въ тебѣ мою мечту,
Я воплотилъ въ твой образъ красоту,
Я далъ тебѣ всѣ чары женской власти,
Всю силу зла, все вдохновенье страсти...
Я былъ твой рабъ, твой царь и судія.
Я былъ судьбой твоей... Любилъ ли я!

Старый храмъ.

Здѣсь было капище Венеры; смутный слѣдъ
Его донынѣ живъ. Потомъ здѣсь готы были.
Но воины пустынь, арабы, ихъ смѣнили,
И сталъ мечетью храмъ на много, много лѣтъ.
И послѣ новыхъ битвъ кровавыхъ и побѣдъ,
Вожди Испаніи невѣрныхъ оттѣснили.
Узорную мечеть они опустошили
И бронзовымъ крестомъ вѣнчали минаретъ.

О путникъ! ты глядишь на церковь христіанъ,
На прежнюю мечеть, на капище Венеры...
Какъ знать? Когда-нибудь, изъ незнакомыхъ странъ,
Сюда опять придутъ народы чуждой вѣры.
Они сломаютъ крестъ завѣщанный вѣкамъ.
И возродится вновь все тотъ же старый храмъ.

На озерѣ.

Проснулось озеро. Воздушны очертанья
Холмовъ. Ужъ ночи нѣтъ, и всюду свѣтъ проникъ.
Ужъ воздухъ дышитъ имъ, и сводъ небесъ великъ
Какъ замыселъ Творца въ предвѣчный день созданья.
И такъ прекрасенъ міръ, весь—нѣжность и сіянье,
Весь—трепетъ юности. Какъ будто въ этотъ мигъ,
Не вѣдая ни зла, ни счастья, ни страданья,
Изъ тьмы невѣдомой впервые онъ возникъ!

Свѣтаетъ. Но во мглѣ еще неуловимы
Границы береговъ; ихъ склоны еле-зримы.
Сквозными кажутся вершины горъ вдали.
И струи озера блестятъ какъ хрустали...
И таютъ, чуть дрожа, какъ розовые дымы
Въ прозрачностяхъ небесъ прозрачности земли.

* * *

Я знаю кладбище на островѣ зеленомъ,
Гдѣ зноемъ дышитъ день и ночь отрадой тьмы,
И таютъ въ блескѣ зорь на небѣ золоченомъ
цвѣтущіе холмы.
Я знаю кладбище на берегу залива,
Залива синяго, какъ темная лазурь.
Высокая стѣна хранитъ его ревниво
отъ моря и отъ бурь.
Высокая стѣна вокругъ него бѣлѣетъ,
И волны южныя прерывисто журчатъ,
И вѣтеръ съ береговъ соленой влагой вѣетъ,
и зрѣетъ виноградъ.
На этомъ кладбищѣ красиво и прохладно,
Какъ въ замкѣ вѣковомъ... Въ немъ пышно разрослись
И миртъ, и олеандръ; и грезитъ въ немъ отрадно
недвижный кипарисъ.

Въ немъ есть часовенки съ семейными гербами.
Повсюду, вдоль аллей, пестрѣютъ цвѣтники.
И съ вѣтромъ шепчутся подъ черными крестами
забытые вѣнки.

Бѣлая ночь

Холодное, странное, сѣрое море
Мерцаетъ, беззвучно ласкаясь къ землѣ.
Двѣ зори алѣютъ, двѣ блѣдныя зори
Въ безсвѣтно-серебряной мглѣ.

И чудится мнѣ, что земля, засыпая
Сомкнуть не могла утомленныхъ очей,
И тьма не настала ночная...
И вечеръ склонился надъ ней
Съ улыбкой закатной печали,
И утро, придя изъ невѣдомой дали,
Не смѣетъ зажечь золотыя струи,
Любуясь вечернею грустью земли.

И чудится мнѣ—послѣ долгой разлуки
Два странника блѣдныхъ надъ бездной сошлись,
И взоры ихъ, полные муки,
Въ одну безначальную думу слились.
И чудится мнѣ—въ этомъ свѣтломъ молчаньи
Они что-то знаютъ и слышатъ одни,
И столько тоски въ ихъ невольномъ свиданьи,
Что снова не могутъ разстаться они...

Obersee.

Дремлетъ озеро въ чертогѣ
Темнокаменныхъ громадъ.
Какъ мечта о дальнемъ Богѣ—
Странно-розовый закатъ.
Околдованнымъ порогомъ
Скалы вѣчныя стоятъ,
Ворожатъ въ молчаньи строгомъ,
Чью-то тайну сторожатъ.
И какъ вѣщіе укоры
На стеклѣ глубокихъ водъ—
Опрокинутыя горы
И вечерній небосводъ.

Корабли.

Словно дымъ изъ кадильницы, горы вдали
Вознеслись къ непорочнымъ туманамъ.
Вдоль острова, съ юга плывутъ корабли,
Уносятся къ сѣвернымъ странамъ.
Огибая заливъ, зеленѣютъ свѣтло
Береговъ блѣднолиственныхъ мысы.
И воздухъ надъ нимъ—золотое стекло,
И въ золотѣ спятъ кипарисы.
На вечернемъ заливѣ сверкаетъ, дрожа,
Ожерелье изъ зыбкихъ алмазовъ.
Въ саду надъ заливомъ пахуче-свѣжа
Листва засыпающихъ вязовъ.
На утесахъ прибрежныхъ вершины видны
Одиноко-развѣсистыхъ пиній.
Цвѣты олеандровъ воздушно-нѣжны,
Какъ сказочный, розовый иней.

Все—во снѣ золотомъ. Отъ небесъ до земли
Все зоветъ къ лучезарнымъ обманамъ.
Вдоль острова, съ юга плывутъ корабли,
Уносятся къ сѣвернымъ странамъ.

Изъ пѣсенъ Астартѣ.

Любви мнѣ не надо. Любви не хочу я.
Хочу, чтобы ты, не любя,
Томилась рабой моего поцѣлуя,
Мнѣ надо—тебя.
Тебя—твоихъ косъ рыжекудрыя пряди,
Томленье слабѣющихъ рукъ,
Безумное „да“ въ ожидающемъ взглядѣ
И тихій испугъ.
Тебя—твою грудь, твои блѣдныя плечи,
Твой странный, русалочный ротъ...
Пусть медлятъ и лгутъ наши лживыя рѣчи—
Желанье не лжетъ.
Пусть лаской невольной, пусть пѣной безстрастной
Отвѣтитъ покорность твоя,
Будь только доступной и только прекрасной:
Любить буду я.
Моею безвластно, моею несмѣло—
Останешься ты холодна..
Но ты мнѣ отдашь твою жизнь, твое тѣло
— До боли, до дна.

* * *

Точеныхъ плечъ живая блѣдность
И волны ржавыя волосъ,
Въ улыбкѣ—смѣна и безслѣдность
То обольщеній, то угрозъ.
Въ ней—родники губящей ласки,
Въ ней все—томительный обманъ—

И взоры сказочнѣе сказки,
И бедра узкія и станъ.
И губъ расцвѣтшихъ въ аломъ чудѣ
Неопыленные цвѣты,
И дерзко-дѣвственныя груди,—
Два жала нѣжной наготы.
Нѣмая музыка движеній,
Больной рисунокъ тонкихъ рукъ..
Въ ней—всѣ томленья искушеній,
Всѣ искушенья страстныхъ мукъ.
Еще невѣдѣнья рабыня,
Но жрица сладостныхъ тревогъ,
Еще ребенокъ, но богиня,
Безгрѣшность но порокъ.

Любить.

Любить—это слушать нездѣшніе хоры
И рокоты арфъ неземныхъ,—
Постигнуть, что міръ—чьи-то близкіе взоры
И міры, отраженные въ нихъ.
Любить—это ночью томиться беззвѣздной,
Грустить и не знать, что грустишь,—
Стоять одиноко надъ бездной, надъ бездной
И не знать, что надъ бездной стоишь.
Любить—это небо похитить у Бога
И небо за ласку отдать,—
Страдать такъ покорно, такъ много, такъ много,
Чтобы сердце устало страдать.
Любить—это падать, и въ этомъ паденьи
Другого съ собою увлечь.
Любить—это бредить, сгорая въ мгновеньи,
И мгновенье зажечь.

Счастье.

О счастьѣ ихъ слова и слезы, и мольбы.
Къ добру и подвигу взывая лицемѣрно,
Сердца ихъ ждутъ утѣхъ и молятъ суевѣрно
Обѣщанныхъ даровъ отъ Бога и судьбы.
Свобода имъ страшна. Надежды ихъ слабы.
И знаетъ ихъ любовь, что вѣчное—невѣрно,
И достиженье—смерть для любящихъ безмѣрно.
Къ чему свобода имъ? Счастливые—рабы.

Но мы, жрецы безъ жертвъ, безъ храма и безъ Бога,
Мы, жизнь постигшіе у темнаго порога
Таинственныхъ дверей, мы молимся о томъ,
Чему названья нѣтъ. Въ предчувствіи тревожномъ
Любви несбыточной, въ тоскѣ о невозможномъ
Мы грезимъ о мірахъ, несозданныхъ Творцомъ..

Осенью.

Дерево стонетъ, въ саду моемъ дерево стонетъ.
Падаютъ листья и вѣтеръ ихъ гонитъ, вѣтеръ
усталый.
Холодно, жутко мнѣ. Сосны—какъ призраки злые.
Тучи надвинулись, словно большія сѣрыя скалы.
Тихо качаются старыя-старыя липы.
Въ черныхъ аллеяхъ—неясные скрипы, странные
шумы.
Боже! какъ пусто и хмуро въ саду моемъ бѣдномъ!
Все о несбыточномъ, все о безслѣдномъ—позднія
думы.
Падаютъ листья, и гонитъ ихъ вѣтеръ печальный.
Счастье далекое пѣсней прощальной вѣтеръ
хоронитъ.
Мертвое счастье! Мое отсіявшее лѣто!
Гдѣ-то, въ тоскующемъ сумракѣ, гдѣ-то дерево сто-
нетъ.

З. Н. ГИППІУСЪ.

Р. 1867.

Пѣсня.

Окно мое высоко надъ землею,
Высоко надъ землею.
Я вижу только небо съ вечернею зарею,—
Съ вечернею зарею.
И небо кажется пустымъ и блѣднымъ
Такимъ пустымъ и блѣднымъ...
Оно не сжалится надъ сердцемъ бѣднымъ,
Надъ моимъ сердцемъ бѣднымъ.
Увы, въ печали безумной я умираю,
Я умираю,
Стремлюсь къ тому, чего я не знаю,
Не знаю...
И это желаніе не знаю откуда
Пришло откуда,

Но сердце хочетъ и проситъ чуда,
Чуда!
О, пусть будетъ то, чего не бываетъ,
Никогда не бываетъ:
Мнѣ блѣдное небо чудесъ обѣщаетъ,
Оно обѣщаетъ.
Но плачу безъ слезъ о невѣрномъ обѣтѣ,
О невѣрномъ обѣтѣ...
Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ,
Чего нѣтъ на свѣтѣ.

Черный серпъ.

Спеленатъ, лежу, покорный,
Лежу я очень давно;
А мѣсяцъ черный-пречерный,
Глядитъ на меня въ окно.
Мнѣ страшно, что мѣсяцъ черный...
А, впрочемъ,—не все ль равно?
Когда-то я былъ упорный,
Вилъ цѣпь, за звеномъ звено...
Теперь, какъ песъ подзаборный,
Лежу да твержу одно:
И чѣмъ мой удѣлъ позорный?
Должно быть такъ суждено.
Водицы бъ мнѣ наговорной—
Да нѣтъ ея, не дано;
Чьей силою чудотворной
Вода перейдетъ въ вино?
И страхъ мой—и тотъ притворный:
Я радъ, что кругомъ темно,
Что мѣсяцъ, корявый, черный,
Глядитъ на меня въ окно.

Сентиментальное стихотворенье.

Часъ одиночества укромный,
Снѣговъ молчанье за окномъ,
Тепло... Цвѣты... Свѣтъ лампы томный—
И письма старыя кругомъ.
Бѣгутъ мгновенія нѣмыя...
Дыханье слышу тишины...
И милы мнѣ листы живые
Живой и нѣжной старины.
Истлѣло все, что было тлѣньемъ,
Осталась радость чистоты.
И я съ глубокимъ умиленьемъ
Читаю блѣдные листы.
„Любовью, смерти неподвластной,
Люблю всегда, люблю навѣкъ"...
Искалъ побѣды не напрасно
Надъ смертью смѣлый человѣкъ.
Душа, быть можетъ, разлюбила—
Что намъ до мимолетныхъ сновъ?
Хранитъ таинственная сила
Безсмертіе рожденныхъ словъ.
Они когда-то прозвучали...
Пусть лживъ торжественный обѣтъ,
Пускай забыты всѣ печали—
Словамъ, словамъ забвенья нѣтъ!
Тѣснятся буквы чернымъ роемъ,
Невѣрность вѣрную храня,
И чистотою, и покоемъ
Отъ лжи ихъ вѣетъ на меня.
Живите, звуковъ сочетанья,
И повторяйтесь безъ конца.
Вы, сердца смертнаго созданья,
Сильнѣе своего творца.

. . . . . .

Летитъ мгновенье за мгновеньемъ,
Молчатъ снѣга, и спятъ цвѣты...
И я смотрю съ благоговѣньемъ
На поблѣднѣвшіе листы.

Она.

Въ своей безсовѣстной и жалкой низости
Она, какъ пыль, сѣра, какъ прахъ земной.
И умираю я отъ этой близости,
Отъ неразрывности ея со мной.
Она шершавая, она колючая,
Она холодная, она змѣя.
Меня изранила противно-жгучая
Ея колѣнчатая чешуя.
О, если бъ острое почуялъ жало я!
Неповоротлива, тупа, тиха,
Такая тяжкая, такая вялая,
И нѣтъ къ ней доступа—она глуха.
Своими кольцами она, упорная,
Ко мнѣ ласкается, меня душа.
И эта мертвая, и эта черная,
И эта страшная—моя душа!

Цвѣты ночи.

О, ночному часу не вѣрьте!
Онъ исполненъ злой красоты.
Въ этотъ часъ люди близки къ смерти,
Только странно живы цвѣты.
Темны, теплы тихія стѣны,
И давно каминъ безъ огня...
И я жду отъ цвѣтовъ измѣны,—
Ненавидятъ цвѣты меня.
Среди нихъ мнѣ жарко, тревожно,
Ароматъ ихъ душенъ и смѣлъ,—. . . . . .
Но уйти отъ нихъ невозможно,
Но нельзя избѣжать ихъ стрѣлъ.
Свѣтъ вечерній лучи бросаетъ
Сквозь кровавый шелкъ на листы...

Тѣло нѣжное оживаетъ,
Пробудились злые цвѣты.
Съ ядовитаго арума мѣрно
Капли падаютъ на коверъ...
Все таинственно, все невѣрно...
И мнѣ тихій чудится споръ.
Шелестятъ, шевелятся, дышатъ,
Какъ враги, за мною слѣдятъ.
Все, что думаю,—знаютъ, слышатъ,
И меня отравить ходятъ.
О, часу ночному не вѣрьте!
Берегитесь злой красоты.
Въ этотъ часъ мы всѣ ближе къ смерти,
Только живы одни цвѣты.

Въ черту.

Онъ пришелъ ко мнѣ,—а кто, не знаю,
Очертилъ вокругъ меня кольцо.
Онъ сказалъ, что я его не знаю.
Но плащемъ закрылъ себѣ лицо.
Я просилъ его, чтобъ онъ помедлилъ,
Отошелъ, не трогалъ, подождалъ.
Если можно, чтобъ еще помедлилъ,
И въ кольцо меня не замыкалъ.
Удивился Темный: „Что могу я?“
Засмѣялся тихо подъ плащемъ.
„Твой же грѣхъ обвился, что могу я?
„Твой же грѣхъ обвилъ тебя кольцомъ“.
Уходя, сказалъ еще: „Ты жалокъ!“
Уходя, сникая въ пустоту:
„Разорви кольцо, не будь такъ жалокъ!
„Разорви и вытяни въ черту“.
Онъ ушелъ, но онъ опять вернется.
Онъ ушелъ—и не открылъ лица.
Что мнѣ дѣлать, если онъ вернется?—
Не могу я разорвать кольца.

Вечеръ.

Іюльская гроза, шумя, прошла.
И тучи уплываютъ полосою.
Лазурь неясная опять свѣтла...
Мы лѣсомъ ѣдемъ, влажною тропою.
Спускается на землю блѣдный мракъ.
Сквозь дымъ небесный виденъ мѣсяцъ юный,
И конь все больше замедляетъ шагъ,
И возжи тонкія дрожатъ, какъ струны.
Порою, тучъ затихнувшую тьму
Вдругъ молнія безгромная разрѣжетъ.
Легко и вольно сердцу моему,
И вѣтеръ, пролетая, листья нѣжитъ.
Колеса не стучатъ по колеямъ.
Отяжелѣвъ, поникли долу вѣтки...
А съ тихихъ нивъ и съ поля, къ небесамъ,
Туманный паръ плыветъ, живой и рѣдкій...
Какъ никогда, я чувствую—я твой,
О милая и строгая природа!
Живу въ тебѣ, потомъ умру съ собой...
Въ душѣ моей покорность—и свобода.

Сосны.

Желанья все безмѣрнѣе,
Все мысли объ одномъ.
Окно мое вечернее,
И сосны подъ окномъ.
Стволы у нихъ багровые,
Колючъ угрюмый садъ.
Суровые, сосновые
Стволы скрипятъ, скрипятъ.
И сосны все качаются,
И все шумятъ, шумятъ,
Какъ будто насмѣхаются,

Какъ будто говорятъ:
„Безкрылыя, безсильныя,
„Унылыя мечты.
„Взгляни: мы тоже пыльныя,
„Сухія какъ и ты.
„Качаемся, безпечныя,
„Нѣтъ лѣта, нѣтъ зимы...
„Мы мертвыя, мы вѣчныя,
„Твоя душа—и мы.
„Твоя душа, въ мятежности,
„Свершеній не дала.
„Твоя дума безъ нѣжности,
„А сердце—какъ игла".
Не слушаю, не слушаю,
Проклятье, иглы, вамъ!
И злому равнодушію
Себя я не предамъ,
Любви хочу и вѣры я...
Но спитъ душа моя.
Смѣются сосны сѣрыя,
Колючія—какъ я.

Сонетъ.

Одинъ я въ келіи неосвѣщенной.
Съ предутренняго неба, изъ окна,
Глядитъ немилая, холодная весна.
Но, непривѣтнымъ взоромъ не смущенной,
Моей душѣ, въ безмолвіе влюбленной,
Не страшно быть одной, въ тѣни, безъ сна.
И слышу я, какъ шепчетъ тишина
О тайнахъ красоты невоплощенной.

Лишь неразгаданнымъ мечтанья полны.
Не жду и не хочу прихода дня.
Гармонія неслышная таится
Въ тѣняхъ, въ нетрепетной зарѣ... И мнится:
Созвучій нерожденныхъ вкругъ меня
Поютъ и плещутъ жалобныя волны.

ЮРГИСЪ БАЛТРУШАЙТИСЪ.

Р. 1873.

Мой храмъ.

Мой свѣтлый храмъ—въ безбрежности
Развернутыхъ степей,
Гдѣ нѣтъ людской мятежности,
Ни рынковъ, ни цѣпей,—
Гдѣ такъ свободно, царственно
Пылаетъ грудь моя
Молитвой благодарственной
За чудо бытія...
Мой тайный храмъ—надъ кручами,
Зажженныхъ солнцемъ горъ,
Надъ кручами, за тучами,
Гдѣ свѣтелъ весь просторъ,—
Гдѣ сердцу сладко дышится
Въ сіяніи вершинъ,
Гдѣ лишь туманъ колышется
Да слышенъ гулъ лавинъ...
Моя святыня вѣчная—
Въ безгранности морской,

Гдѣ воля безконечная
Предъ малостью людской,—
Гдѣ лишь тревога бурная
Гремитъ своей трубой,
Гдѣ всюду высь лазурная
Надъ бездной голубой...

Славься, утро.

Ты каждый день, жемчужно-золотое,
Приходишь къ намъ изъ Божьей глубины—
Сзывать сердца на пиршество святое,
Возжечь людскіе трепетные сны!
Едва—взметнувъ свой факелъ огнецвѣтный—
На выси горъ Ты кинешь первый лучъ,
Ты всюду въ мірѣ слышишь гимнъ отвѣтный,
Гдѣ каждый возгласъ празднично-пѣвучъ....
Сверкнувъ росой на каждомъ темномъ склонѣ,
Ты льешься съ пѣньемъ въ каждый дымный долъ,—
Дрожишь, гудишь—и въ колокольномъ звонѣ
И въ радостномъ жужжаньи раннихъ пчелъ;
Въ Твой звонкій часъ, въ готовности раскрыться,
Просторъ лишь ждетъ воскресшаго луча,
Чтобъ трепетомъ сверканья озариться,—
Чтобъ стала жизнь, какъ пламя, горяча...
И вотъ, расторгнувъ дымную прегради
Въ Твой свѣтлый вихрь вплетенныхъ облаковъ,
Ты ринулось, подобно водопаду,
И нѣтъ границъ—и нѣтъ Тебѣ оковъ!
И въ первый мигъ живого содроганья
Весь міръ поетъ, какъ вѣщая струна,
И вся земля, что кубокъ ликованья,
Тобой—до края—огненно-полна!—
Но если Ты своей лазурной славой
Зажло поля и даль зеркальныхъ водъ
И пронеслось надъ каждою дубравой,
Какъ звонкихъ вихрей свѣтлый хороводъ,
И если Ты, живымъ прикосновеньемъ,
Коснулось ярко каждаго цвѣтка

И свой же лучъ, волшебнымъ дуновеньемъ,
Спѣшишь раздутъ въ порывѣ вѣтерка,—
Ты все жъ нигдѣ съ такою силой знойной,
Такъ пламенно раскрыться не могло,
Пока, во мглѣ, своею пѣсней стройной—
Людское сердце въ мірѣ не зажгло!
Едва пастухъ, на Твой призывъ звенящій,
Запѣлъ о часѣ радостныхъ чудесъ,
Уже оно, что птица въ темной чащѣ,
Пріемлетъ кличъ отъ пламенныхъ небесъ,—
И все, что Ты, владѣя Божьимъ міромъ,
Могло раскрыть въ восторгѣ красоты,
Въ горячемъ сердцѣ дышитъ вешнимъ пиромъ,
Таинственнымъ просторомъ высоты.—
Твой горній свѣтъ, пролившійся обильно,
Воззвалъ къ нему, склоненному ко сну,
И вотъ, оно теперь уже безсильно
Свою—Твою—измѣрить глубину!

. . . . . .

Безконечно шумна свѣтовая волна,
Гдѣ, въ жемчужномъ вѣнцѣ, голубѣетъ весна,
Гдѣ, какъ огненный щитъ, Божье утро горитъ,—
Гдѣ просторъ безпредѣльно раскрытъ!
Много замкнуто въ ней искрометныхъ огней
И мгновеній и долгихъ безоблачныхъ дней,
Что зажгутся не разъ, какъ рубинъ, какъ алмазъ,
Въ благодатный строительный часъ!
Въ брызгахъ этой волны, неземной глубины,
Вспыхнутъ мысли, засвѣтятся вѣщіе сны,—
Оросятся поля, утолится земля,
О продленіи часа моля!
Подъ дождемъ огневымъ станетъ сердце живымъ,
Беззавѣтно-упорнымъ, разсвѣтно-инымъ.—
И заискрятся всѣ, въ первозданной красѣ,
Какъ сіяніе Утра въ росѣ!—
Льются волны воскресшаго свѣта
Въ безпредѣльный просторъ безъ конца,
Чтобы вспыхнуло празднество лѣта
И на нивѣ и—въ сердцѣ жнеца!
Разгораясь пожаромъ всемірнымъ,
Чередуются вихремъ огни

И горятъ трепетаніемъ пирнымъ
Даже въ тѣхъ, кто томится въ тѣни...
Въ ликованіи кубковъ заздравныхъ
На разсвѣтномъ великомъ пиру,
Нѣтъ у знойнаго Солнца неравныхъ,
Невплетенныхъ въ живую игру,—
То, что вспыхнуло въ сердцѣ усталомъ,
То, что утро зажгло въ небесахъ,—
Трепетанье въ великомъ и маломъ
Равновѣсно на вѣчныхъ вѣсахъ,—
Всюду, Утро, безмѣрно и щедро
Воспылало Твое торжество—
Да расторгнутся темныя нѣдра
Благодатью луча Твоего!

Дѣтскіе страхи.

Въ нашемъ домѣ нѣтъ затишья...
Жутко въ сумракѣ ночномъ
Все тужитъ забота мышья,—
Міръ не весь окованъ сномъ!
Кто-то ищетъ, шаритъ, гложетъ,
Бродитъ, крадется въ тиши,—
Отгоняетъ и тревожитъ
Сладкій, краткій міръ души,—
Чѣмъ-то стукнулъ ненарокомъ,
Что-то грузно уронилъ,—
Въ нашемъ домѣ, одинокомъ,
Бродятъ выходцы могилъ!
Всюду—вздохи, всюду—тѣни,
Шопотъ, дробный стукъ копытъ,
Вотъ ужъ кто-то лѣзетъ въ сѣни,—
Что же входъ-то не закрытъ!
Вражьей силѣ нѣтъ преграды,—
Въ домѣ больше не свѣтло,
И колеблетъ свѣтъ лампады
Чье-то темное крыло...

Утренніе пѣсни.

Просіяла заря передъ шествіемъ дня,
Ночь скликаетъ къ ущельямъ туманы,—
И жемчужной толпой, въ поясахъ изъ огня,
Разступаются тучъ караваны.
Обнажался просторъ средь росистыхъ равнинъ,
Въ безконечность откинулись дали.
Будто въ Божьихъ высотъ, съ заповѣдныхъ глубинъ,
Всѣ завѣсы надъ міромъ упали.
Дрогнулъ сонный заливъ—вырастаетъ волна,
Загремѣвъ въ неистовствѣ дикомъ,—
И разбилась, какъ звонкій сосудъ, тишина
Въ ликованіи утра великомъ...

Маятникъ.

Въ тягостномъ сумракѣ ночи нѣмой
Мѣрно качается Маятникъ мой,—
Съ визгомъ протяжнымъ, то ржаво скрипя,
Каждый замедлившій мигъ торопя...
Будто съ тоской—по утраченнымъ днямъ—
Кто-то по древнимъ, глухимъ ступенямъ,
Поступью грузной идетъ, въ глубину,—
Ниже, все ниже, все глубже,—ко дну...
Будто съ угрюмой мольбой—о быломъ—
Сумрачный Кормчій упорнымъ весломъ
Глухо, отрывисто гонитъ ладью,—
Въ даль, въ неизвѣстную Пристань мою...
Злой Перевозчикъ стучитъ да стучитъ...
Дальше, все дальше, все глуше стучитъ
Всѣмъ неизбѣжный, безжалостный врагъ,—
Всѣмъ неминуемый Времени шагъ...

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

Р. 1877.

Купальскіе огни.

Закатное солнце, прячась въ тучу, заскалило зубы—брызнулъ дробный дождь. Притупилъ дождь косу, прибилъ пыль по дорогѣ и закатился съ солнцемъ на ночной покой.

Коровы, положа хвостъ на спину, не мыча, прошли, не пыль—тучи мухъ провожали скотъ съ поля домой.

На болотѣ болтали лягушки-квакушки.

И дикая кошка—желтая иволга—унесла на клювѣ вечеръ за шумучій боръ, тамъ разорила гнѣздо соловью, сѣла ночевать подъ черной смородиной.

Теплыми звѣздами опрокинулась надъ землей чарая купальская ночь.

Изъ тѣсныхъ могилъ, изъ темныхъ погребовъ встало Навье.

Плавали по полю воздушные корабли; Куде-

яръ-разбойникъ стоялъ на кормѣ, помахивалъ краснымъ платочкомъ; катили съ погостовъ погребальныя сани; сами ведра шли на рѣчку по воду; въ чащѣ разставлялись столы, убирались скатертями,— и гремѣлъ въ болотныхъ огняхъ Навій пиръ.

Криксы-вараксы скакали изъ-за крутыхъ горъ, лѣзли къ попу въ огородъ, оттяпали хвостъ попову кобелю, затесались въ малинникъ, тамъ подпалили хвостъ, игрались хвостомъ.

У развилистаго вяза растворялась земля, выходили изъ-подъ земли на свѣтъ посмотрѣть зарытые клады, и зарогныя три головы молодецкихъ и сто головъ воробьиныхъ и кобылья холка и кошачій пупокъ подмаргивали зеленымъ глазомъ,—плакались.

Бросилъ Чортъ свои кулички, скучно: небо заколочено досками, не звонитъ колокольчикъ,—поманулось рогатому погулять по купальской ночи, безъ него и ночь не въ ночь. Забралъ Чортъ своихъ чертятокъ, глянулъ на четыре стороны, да какъ гокнется объ земь, дымъ пошелъ коромысломъ, посыпались искры изъ глазъ.

И потянулись на чортовъ зовъ съ рѣчного дна косматыя русалки, приковылялъ дѣдъ Водяной, старый хрѣнъ кряхтѣлъ да осочьимъ корневищемъ помахивалъ,—чтобъ ему пусто!

Выползла изъ-подъ дуба-сороковца, изъ-подъ яраго руна сама змѣя Скарапея, переваливаясь, поползла на своихъ гусиныхъ лапахъ, лютыя всѣ двѣнадцать головъ—пухотныя, рвотныя, блевотныя, тошнотныя, волдырныя и рябая и ясная катились мѣсяцемъ. Скликнула-воззвала Скарапея своихъ змѣй-змѣенышей, и онѣ—домовыя, полевыя, луговыя, лозовыя, подтынныя, подрубежныя—съ-подъ калиноваго пня приползли изъ своихъ норъ.

Зачесалъ Чортъ затылокъ отъ удовольствія.

Тутъ прискакала на ступѣ Яга, встала Яга хороводницей,—и водили хороводъ не по-нашему.

— Гушъ-гушъ, хай-хай, обломи тебя обломъ!— отмахивался да плевалъ заплутавшійся въ лѣсу дядя Ѳедоръ, неподтыканный мужикъ съ мухой въ носу.

А имъ и горя нѣтъ. Защекотали до смерти подъ елкой косоглазую Аришку, втопили въ болото Рагулю — пошатаешься! — ненарокомъ задавили зайченка.

Пошла заюшка собирать подорожникъ: авось поможетъ.

Съ грѣхомъ пополамъ перевалило за полночь. Уцѣпились непутные, не пускаютъ ночь.

Она, купальская, колыхала теплыми звѣздами, лелѣяла.

И бродили по ней нагія бабы,—глазъ бѣлый, сѣрый, желтый, зобатый,—худыя думы, темныя рѣчи.

У Ивана-царевича въ высокомъ терему сидѣлъ въ гостяхъ попъ Иванъ,—судили-рядили, какъ русскому царству быть, говорили заклятскія слова; заткнувъ ладонь за семишелковый кушакъ, игралъ царевичъ насыпнымъ перстенькомъ, у Ивана-попа изъ-подъ ворота торчалъ козьей бородой чортовъ хвостъ.

— Приходи!—улыбался царевичъ.

А далекимъ-далеко гулкимъ походомъ гнался сѣрый Волкъ, несъ отъ Кощея живую воду и мертвую.

Доможилъ-домовой толкалъ подъ ледящій бокъ, гладилъ Бабу-Ягу. Притрушанная папоротникомъ, задрала ноги Яга,—привидѣлся ей на купальской зарѣ обрада—молодой сонъ.

Лѣшій кралъ дороги въ лѣсу да посвистывалъ, —тѣшилъ мохнатый свои совьи глаза.

За горами, за долами по синему камню бѣжитъ вода, тамъ въ дремливой лебедѣ сорока-щентуха загоралась жаръ-птицей.

По рѣкѣ тихой поплыней плывутъ двѣнадцать грѣшныхъ дѣвъ, бѣлый камень алатырь, что цвѣтъ, томно свѣтится въ ихъ тонкихъ перстахъ.

И восхикала лебедью алая Вытарашка, раскинула крылья зарей,—не угнать ее въ черную печь, —зоветъ, неугасимая, горячую кровь, ретивое сердце, истомленное купальскимъ огнемъ.

О безуміи Иродіадиномъ.

ОТРЫВОКЪ.

Сказалъ царь:

— Чего ты хочешь, Иродіада, — и клянется, — чего ни попросишь, я все тебѣ дамъ.

Прожорливо пламя—огнь желаній, тоска—тоска любви неутоленной, неутолимой жжетъ...

— Хочу, чтобы ты далъ мнѣ голову Ивана Крестителя.

И опечалился царь, опечалился бѣлый златоверхій теремъ.

Звонче мѣди, крѣпче желѣза царская власть.

О, безуміе и омраченіе нечестивыхъ царей! Нѣтъ мѣры и конца жестокости.

Онъ не рыщетъ въ пустынѣ сивымъ оленемъ, не креститъ въ рѣкѣ во Іорданѣ.

Пророкъ Божій, Предтеча въ темницѣ.

Его тѣло одѣяно кровію—гроздію.

И въ село до села не пройдетъ его голосъ.

Бѣлые цвѣты!

Въ прогалинахъ бѣлой порошицы въ ночи показалась луна.

Въ зеленыхъ долинахъ на круторогой Магдалина прядетъ свою пряжу—осеннюю паутину—Богородичны нити.

Тихій ангелъ изъ терема залетѣлъ на луну къ Магдалинѣ.

— О чемъ ты плачешь, тихій ангелъ?

— Какъ мнѣ не плакать,—говоритъ тихій ангелъ, —моя панна Иродіада свои дни считаетъ.

Бѣлые цвѣты!

На серебряномъ блюдѣ, полотенцемъ окрытая, съ тяжелой золотой царской вышивкой, голова Ивана Крестителя.

Зарная змѣйка съ лютымъ жаломъ въ ручкахъ царевны.

Острая вспыхиваетъ въ ручкахъ царевны.

И красная изъ проколотыхъ оленьихъ глазъ по бѣлому кровь потекла и не канетъ, течетъ ей

на бѣлую грудь прямо въ сердце, въ ея сердце,— ея сердце—криница, не виномъ—огнемъ напоена.

Красна—свѣча вѣнчальная—Иродіада надъ головой Крестителя.

Она дастъ Ему послѣднее въ первый разъ, первое въ послѣдній разъ—цѣлованіе.

Стучитъ сердце, колотится.

Раскрыты губы къ мертвымъ, горячія—къ любимымъ устамъ,—тоска, тоска любви неутоленной, неутолимой.—

Стучитъ сердце, колотится. Отвергнутое сердце.

И очервнѣлись мертвыя, зашевелились холодныя губы и вдругъ, отшатнувшись отъ поцѣлуя, дыхнули изступленнымъ дыхомъ пустыни— —

Задрожала гора, вздрогнулъ теремъ, выбило кровлю, согнулся желѣзный тынъ, подломились ворота.

Попадали чаши и гости.

Кто куда, какъ попало: царь, царица, глумцы, скоморохи, кони, волки, кобылы, лисицы, старухи, козлы, турицы, аисты, туры, павлины, журавли, пѣтухи и Береза-Коза и медвѣди—

Пусто мѣсто — — — !

Злая вѣдьма, а съ ней ея сестры, одна другой злѣе, безъ зазора, безъ запрета ринулись по черной горѣ прямо въ теремъ.

И другія червями ползли по черной горѣ прямо въ теремъ,

Тамъ заиграли волынку—чортовъ плясъ.

Шипѣли полосатые черви, растекались, подползали, чтобы живьемъ заѣсть поганаго козара—царя Ирода.

Слышенъ ихъ свистъ за семь верстъ. Въ вихрѣ вихремъ унесло Иродіаду.

Красная панна Иродіада—

Несется неудержимо, навѣкъ обращенная въ вихорь— буйный вихорь—плясавица проклятая и пляшетъ по пустынѣ, вдоль долины, вверхъ горы,— надъ лѣсами, по рѣкамъ, по озерамъ, по курганамъ, по могиламъ, по могильнымъ холмамъ, по могильни-

камъ — — и раздираетъ черную гору, сокрушаетъ нагорное царство, нагоняетъ на небо сильныя тучи, потемняетъ свѣтъ, крутитъ вѣтры, виритъ волны, валъ на валъ— —пляшетъ плясея проклятая.

Бѣлая тополь, бѣлая лебедь—

И тѣсно ей, тѣснитъ грудь, и красный знакъ вокругъ шеи красной огненной ниткой жжетъ, но пляшетъ—не можетъ стать, не знаетъ покоя, вся сотрясаясь, все сотрясая.

Такъ вѣчно на вѣчно, до скончанія вѣка, на вѣки безконечные.

Нежитъ.

Еотъ пришелъ Ярецъ (май) съ ясными днями, поднялъ и слилъ яроводье (полая вода). Лили дожди и пролились. Канули сиверы.

Съ теплымъ вѣтромъ изъ-за теплаго моря комары прилетѣли.

И текутъ безуемно гульливыя рѣки.

Гуляй, поколь воля!

Выгнана вербой въ поле скотина. Засѣяна черная пашня. А въ полѣ и въ лѣсу днемъ и ночью заливаются-свищутъ пѣвчія птицы; перелетныя, не обошли, не забыли наши края.

Русь—сторона родимая. Жить она веселая. Падаютъ бѣлой зарей большія Егорьевы росы. Рано солнце играетъ.

Соловьиные дни.

Все оживаетъ, все пробудилось. Прогремѣлъ первый громъ и земля очнулась. Выглянули мовки (горныя русалки) съ красныхъ горъ и буяновъ (холмы),— стало не въ мочь въ зимнихъ могилахъ.

Тихо вѣютъ горніе вѣтры. Жарко на солнцѣ. Встала чуя-змѣя, вывивается, чуетъ снѣдь. Вылѣзъ изъ-подъ коневой головы неприкаянный Нежитъ, навстрѣчу идетъ.

Гуляй, поколь воля! Торна, бойка дорога.

Вотъ обогнулъ и бредетъ—колыбаются сивыя космы—толчетъ грязи по мху и болоту, хлебнулъ болотной водицы, поле идетъ, другое идетъ... неприкаянный Нежитъ, безъ души, безъ обличья.

То медвѣдемъ переступитъ, то утишится тише тихой скотины, то перекинется въ кустъ, то огнемъ прожигаетъ, то какъ старикъ сухоногій—берегись!—исказнитъ: будетъ по жилочкѣ каждыя сутки выдергивать, то разудалымъ мальцомъ и опять, какъ доска, пугало-пугаломъ.

Доли не чаять и не терять—Нежитова доля.

Далѣетъ день. Вечерѣетъ.

Въ теплыхъ гнѣздахъ ладятъ укладываться на ночь. Ночь обымаетъ.

Ночь загорѣлась.

Затянули въ буйвищахъ (кладбища) устяжные пѣсни. Вѣетъ съ жальниковъ (общія могилы) медомъ и сыченой брагой.

Легкая лодка скользнула въ ракитникъ. Раздвинула кустъ Волосатка (домовина), пустилась по полю ко двору—къ Домовому.

То любо тѣшиться!

Въ ночнинѣ кони въ полѣ кочуютъ, зоблютъ.

Сѣлъ Нежитъ въ мягкую траву, закатилъ болотныя пялки и загукалъ Весну.

А на позовъ изъ бора отукаетъ Дивъ.

То любо тѣшиться!

Подливаетъ вода—колыхливая рѣчка подъ наши ворота.

Разъяренилась пѣсня.

Чу!—умолкаетъ.

Тамъ встали въ кругъ, изогнулись, трогаютъ землю—пусть провѣщаетъ Судина!—и волшанскіе (волшебные) жеребья кинуты.

Слышитъ ярое сердце, похолодѣло... рѣзвый рѣшительный жеребей выпалъ... и очи погубились...

Яромъ встали туманы, поникаетъ потокъ. Пѣтуха не добудишься.

Дубъ развертываетъ свѣжіе листья.

Матерь-земля родитъ буйную зель (озимь).

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Р. 1884.

Ярила.

Отточили кремневый топоръ,
Собрались на зеленый коверъ,
Собрались подъ зеленый шатеръ.
Тамъ бѣлѣется стволъ обнаженный,
Тамъ бѣлѣется липовый стволъ.
Липа, нѣжное дерево, липа—
Липовый стволъ обнаженный.
Впереди, сѣдовласый, косматъ,
Подвигается старый вѣдунъ.
Пережилъ онъ двѣ тысячи лунъ,
Хоронилъ онъ топоръ.
Отъ далекихъ озеръ онъ пришелъ.
Ему первый ударъ въ бѣлый стволъ.
Вотъ двѣ жрицы десятой весны
Старику отданы.
Въ ихъ глазахъ только страхъ,

И, какъ стволъ, ихъ бѣлѣютъ тѣла.
Такъ бѣла
Только—нѣжное дерево—липа.
Взялъ одну и подвелъ,
Опрокинулъ на стволъ, привязалъ.
Просвистѣлъ топоромъ—
Залился голосокъ и упалъ.
Такъ ударился первый ударъ.
Подымали другіе за нимъ
Тотъ кровавый топоръ,
Тотъ кремневый топоръ.
Въ тѣло разъ, въ липу два,
Опускали.
И кровавился стволъ,
Принимая лицо.
Вотъ черта—это носъ,
Вотъ дыра—это глазъ.
Въ тѣло разъ, въ липу два.
Покраснѣла трава,
Заалѣлся откосъ,
И у ногъ
Въ красныхъ пятнахъ лежитъ
Новый богъ.

Колдунокъ.

На полѣ за горкой, гдѣ горка нижаетъ,
Гдѣ красныя луковки солнце сажаетъ,
Гдѣ желтая рожь спорыньей поросла,
Пригнулась, дымится избенка сѣдая,
Зеленыя бревна, а крыша рудая,
Въ червонную землю давненько вросла.
Хихикаетъ, морщится темный комочекъ,
Въ окошкѣ убогомъ колдунъ-колдуночекъ,
Бородка по вѣтру лети, полетай.
Тю-тю вамъ, красавицы, дѣвки пустыя,
Скончались деньки, посидѣлки цвѣтныя,
Ко мнѣ на лужайку придешь невзначай.

Приступишь тихоней: водицы напиться
Пожалуйте, дяденька, сердце стыдится...
Иди, напивайся, проси журавля.
Журавль долгоспинный, журавликъ высокій,
Нагнися ко мнѣ, окунися въ истоки,
Водицы студеной пусти-ка, земля.
Бадья окунется, журавль колыхнется,
Утробушка-сердце всполохнетъ, забьется:
Кого-то покажетъ живая струя!
Курчавенькій, русый, веселый, являйся,
Журавликъ, качайся, скорѣй подымайся,
Во нá тебѣ алая лента моя.

Юхано.

Рано-рано изъ тумана прорѣзаются лѣса;
Ѣдетъ Юхано на лодкѣ, съ лодкой движется леса.
Гладь озерная недвижна, берега какъ пояса.
Коренастый, низколобый, преисполненъ тучныхъ силъ,
Ѣдетъ Юхано на лодкѣ, ѣдетъ тихо, загрустилъ:
Нѣту милой, нѣтъ любимой, никого я не любилъ.
Зазвенѣли колокольчики съ далекихъ береговъ:
Это Тильда выгоняетъ на поля своихъ коровъ.
Какъ-то мальчикъ ея бѣлый этой осенью здоровъ?
Долетѣлъ до лодки, хриплый, съ береговъ собачій лай:
Лаетъ Вахти, сторожъ Айны... Ну-ка, сердце, вспоминай,
Кто тамъ мальчика качаетъ въ колыбели, баю-бай?
Всколыхнулась громко рыба въ прибережныхъ тростникахъ.
Это ѣдетъ Маэстина, въ лодкѣ стоя на ногахъ;
Ѣдетъ бросить въ воду сѣти; тяжело ей на сносяхъ.
Гладь озерная недвижна, берега какъ пояса.
Ѣдетъ Юхано на лодкѣ, съ лодкой движется леса.
Нѣту милой, нѣтъ любимой, гдѣ ты дѣвушка-краса!

* * *

Неустанная дорога
Убѣгаетъ безъ огней
Отъ сознанія до Бога
И отъ неба до саней.
Костенѣя въ зимней скукѣ
Мимо движутся стволы
И протягиваютъ руки,
Пальцы путая въ узлы.
Въ бѣлой шапкѣ, кривобокій,
Домъ нагнулся и заснулъ,
И ползетъ огонь безокій
Изъ его раздутыхъ скулъ.
Вотъ еще, другой и третій,
На колѣняхъ, въ простыняхъ,
Все уродовъ старыхъ дѣти
Съ красной точкою въ глазахъ.
Подойди, ударь въ окошко—
Сонно выглянетъ лицо,
Замяучитъ жалко кошка,
Кто-то выйдетъ на крыльцо:
„Что ты бродишь, непутевый,
Люди спятъ себѣ давно".
Звякнутъ старые засовы,
Въ темнотѣ умретъ окно.
И опять, не уставая,
Вверхъ дорога потечетъ,
Побѣжитъ, не убѣгая,
Деревянный небосводъ.

Весна.

Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стѣны выбѣлены бѣло:
Мать игуменья велѣла.

У воротъ монастыря
Плачетъ дочка звонаря:
Ахъ, ты поле, моя воля,
Ахъ, доро́га дорога́!
Ахъ, мостокъ у чиста поля,
Свѣчка чиста четверга!
Ахъ, моя горѣла ярко,
Погасала у него.
Наклонился, дышетъ жарко,
Жарче сердца моего.
Я отстала, я осталась
У высокаго моста.
Пламя свѣчекъ колебалось,
Цѣловалися въ уста.
Гдѣ ты, милый, лобызаный,
Гдѣ ты, ласковый такой!
Ахъ, пары весны, туманы,
Ахъ, мой дѣвичій спокой!
Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стѣны выбѣлены бѣло.
Мать игуменья велѣла
У воротъ монастыря
Не болтаться зря.

Странникъ.

Молвилъ дождику закапать,
Завернулась пыль.
Подвязалъ дорожный лапоть,
Прицѣпилъ костыль.
И по этой по дорогѣ
Закатился вдаль,
Окрестивъ худыя ноги,
Схоронивъ печаль.

Р. 1885.

Видѣніе Святого Бернарда.

На окнѣ раздернуты шторы.
Тонкіе кустики гнутся.
Бѣлѣй и бѣлѣй
Въ даль уходящія горы.
Полей
Зеленыя полосы вьются.
Заходящаго солнца лучами
Кельи сводъ позлащенъ.
Монахъ сидитъ. За плечами,
Откинутъ, лежитъ капюшонъ.
Догорающій лучъ скользнулъ,
Задрожавъ на оконной рамѣ.
Онъ послѣдній разъ блеснулъ,
Освѣтивъ окрестность съ горами.
Поднялъ глаза монахъ
Отъ священной страницы.
Незабудки въ Ея глазахъ
Сіяли подъ тѣнью рѣсницы.
Легки одежды воскрылія...
Ты ль, долго жданная?
Смотритъ: въ рукахъ Ея лилія
Благоуханная.
Матерь Божію втрѣтилъ святой
Чуть замѣтнымъ всплескомъ рукъ.
На Ея головѣ золотой
Трепеталъ и свѣтился кругъ.
Надъ оваломъ лица легли
Золотыя косы въ порядкѣ.
Голубыми струями текли,
Расплывались одежды складки.
Тихо ставъ предъ святымъ,
Съ лаской Она глядѣла.

Одежды—легки какъ дымъ—
Ея овѣяли тѣло.
Ни слова тогда не сказалъ
Маріи блаженный инокъ.
Ворвавшійся лучъ пронизалъ
Закружавшійся столбъ пылинокъ.
Онъ остался, повѣрить видѣнью
Робкой душой не дерзающій,
А Она отплыла легкой тѣнью,
Ускользающей.

Успокоенность.

Сохнутъ дорожныя рытвины,
Кроткимъ лучомъ осіянны,
Выси—лазурно-молитвенны;
Травы луговъ—безуханны,
Осень безстрастною лаской
Сердце ласкаетъ влюбленно.
Надъ опустѣлой терасскою—
Шелестъ златистаго клена.
Чѣмъ эта ясность безбурная,
Чѣмъ этотъ вечеръ заслуженъ?
Небо—такое лазурное,
Облакъ—такъ нѣжно жемчуженъ.
Радость лазурной невинности
Въ душу вливается свыше
Въ этой священной пустынности,
Въ блескѣ осеннихъ затишій.
Вижу у пруда заглохшаго
Въ золотѣ рдяную кисть я;
Съ дерева, грустно засохшаго,
На воду сыпятся листья.
Небо—омытѣй, увлаженнѣй.
Лѣсъ не шелохнетъ верхушки.
Дровъ серебристыя сажени
Сложены вдоль по опушкѣ.

Грѣются—бѣдныя—спилены—
Въ ласкѣ святыхъ поднебесій.
Тропъ озлащенныхъ извилины
Въ мертвомъ теряются лѣсѣ.
Лейся же, ласка цѣлящая!
Міръ безболѣзненно вянетъ.
Осень, забвенье сулящая,
Осень меня не обманетъ.

Геркулесъ на распутьѣ.

Въ тонахъ потухшихъ
Сюжетъ нарисованъ классическій:
Подъ листвой,
Не живой,
Какъ бы металлической,
Темно-зеленыхъ древесъ,
Въ душевной борьбѣ роковой,
На мраморной, гладкой скамейкѣ сидитъ Геркулесъ.
Въ женственной прелести всей,
У ногъ его—Афродита.
Въ золотѣ поясъ ея, въ жемчугахъ, изумрудѣ.
Вуалью прозрачныхъ кисей
Нѣжное тѣло повито.
Чашами круглыми высятся полныя груди.
Тѣло богини, цвѣтка полевого стройнѣе и гибче ты.
Надъ красками дивными немощны долгія лѣта.
Желтыя кудри богини—все также разсыпчаты,
Бѣлы, какъ встарь, жемчуговыя зерна браслета.
Жизнію дышатъ потусклыя краски холста.
Правда, прошло по немъ время, кой-гдѣ отверстьемъ
пятная...
Но красота
Юной богини для смертнаго зрима.
Въ волосахъ роскошныхъ—цвѣтная
Діадима.
Полураскрыты уста.

Сладкое шепчетъ герою могучему слово.
На ногу мощную юноши нѣжно ступила нога.
Слезою перловой
Подъ розовымъ ухомъ сіяетъ серьга.
Глаза—изумрудно-янтарные,
Рѣчей убійственъ медъ.
Лепечетъ ласки коварныя...
А сзади сверкаютъ дворцы лучезарные
И пѣнный журчитъ водометъ.
Изъ бѣлаго мрамора лѣстница
Ведетъ въ роскошный покой.
Гибкой рукой,
Бѣлѣющей рѣзко на кожѣ героя, коричневой, смуглой,
Прелестница
Розанъ даетъ ему круглый.
Она—порока эмблема.
Противъ женщины первой,
Съ горгоной на стали шлема,
Стоитъ сурово Минерва.
Черты лица ея—строги,
И дышатъ мудростью взоры.
Въ даль Геркулеса она призываетъ и кажетъ властительнымъ пальцемъ
Кремнистыя, скудныя горы.
Безплодные всходятъ отроги,
Безъ травки, безъ рощи,
Одною украшены пальмой тощей.
Туда
Велитъ Геркулесу идти неустаннымъ скитальцемъ.
Путемъ лишеній, труда
Герою слѣдовать надо:
Всходить на обрывистый склонъ.
Тамъ, на вершинѣ, изъ мраморно-бѣлыхъ колоннъ
Гордо стоитъ колоннада.
Раздумія полнъ Геркулесъ.
Напряженіе видно въ чертахъ величавыхъ.
Блеститъ запутанный лѣсъ
Волосъ, умащенныхъ, курчавыхъ.
Хочетъ рѣшеніе онъ оттянуть проволочкой,
Минуты выбора тяжки.
Плащъ съ золотой отторочкой,

Конецъ багряной хламиды,
Накрылъ желѣзныя ляжки,
Упавъ съ колѣней Киприды.
Тѣло громадное вздули упругіе мускулы.
Какъ безконечно ласкаете взоры вы,
Краски картины потусклыя
Блѣднымъ и сумрачнымъ тономъ.
О, лепестки этой розы фарфоровой
Съ полураскрытымъ бутономъ.

АЛЕКСАНДРЪ РОСЛАВЛЕВЪ.

Р. 1883.

Въ пещерѣ.

Въ моей пещерѣ два дракона:
Одинъ покой мой стережетъ,
Другой—незыблемое лоно
Никѣмъ не зримыхъ, темныхъ водъ.
Когда, скрывая отдаленье,
Нѣмая ночь сгущаетъ мглу,
Они вытягиваютъ звенья
И выползаютъ на скалу.
И я, властитель ихъ суровый,
За ними тихо выхожу.
И каждый разъ съ тоскою новой
Считаю звѣзды, и слѣжу.
Вѣка смѣняются, какъ миги,
И, безнадежность затая,
Вникая въ смыслъ небесной книги,
Судьбу судебъ читаю я.
Когда же солнце шлетъ на склоны
Намеки ясности днѣвной,
Спѣшу назадъ я, и драконы
Вползаютъ медленно за мной.

Земля.

Изъ комнатъ, гдѣ безъ лжи немыслимъ разговоръ
Отъ полустертыхъ лицъ въ табачной мглѣ,
Усталый, я бѣжалъ на солнечный просторъ
К ъ з е м л ѣ.
Ступаетъ грузный волъ, ушами шевеля,
Какъ серебро блестя, врѣзается сошникъ.
И хочется всю жизнь излить въ побѣдный крикъ:
„З е м л я“!
Всегда со всѣми и всегда одинъ.
Всегда во всемъ и отъ всего вдали.
Тамъ былъ я пасынкомъ,—а здѣсь я сынъ
З е м л и.

* * *

При лунѣ на косматомъ конѣ
Выѣзжаю я въ степь на дорогу,
Зову, и, послушные рогу,
Собираются други ко мнѣ.
Безъ конца серебрится ковыль.
Подъ рѣдѣющимъ, соннымъ туманомъ
Ожила стародавняя быль,
Всколыхнулся курганъ за курганомъ.
Далеко перекатенъ мой зовъ,
Бьютъ копытами ярые кони,
Бряцаютъ тяжелыя брони
И блещутъ верхи шишаковъ.
На морщинистыхъ лицахъ рубцы,
Смотрятъ очи правдиво и смѣло,
Тѣснятся сѣдые бойцы
И, кажется, нѣтъ имъ предѣла.
Отъ гулкаго множества ногъ
Колеблется сила земная
И стонетъ, какъ звѣрь, завывая,
Мой вѣками завѣщанный рогъ.

Въ кинематографѣ.

Жизнь на квадратѣ полотна
Мелькаетъ мертвенно и слѣпо,
Отражена, повторена
И въ завершенности нелѣпа.
Ряды внимательныхъ головъ
И ворожащій лучъ надъ ними,
А гдѣ-то въ дверь, какъ вѣчный зовъ,
Доноситъ взлетами глухими
Шумъ экипажей и шаговъ.
На мигъ прихлынувшая тьма,
И снова лучъ сплетаетъ чары:
„Парижъ, Нью-Іоркъ, скользятъ дома,
Мосты, бассейны и бульвары.
Египетъ въ солнечномъ огнѣ,
Александрія, виды Нила".
Вдругъ встала тѣнь на полотнѣ
И пирамиду заслонила,
Смѣшно и смутно... Сонъ во снѣ.
Антрактъ аншлагомъ возвѣщенъ,
Со стѣнъ блеснули змѣйки свѣта
И зашипѣвшій граммофонъ
Запѣлъ избитые куплеты.

* * *

Я въ глубинѣ безчисленныхъ зеркалъ,
Измученный безцѣльностью движеній,
Я, въ ужасѣ, бѣгу по плитамъ сонныхъ залъ,
Бѣгу отъ мертвыхъ отраженій.
Вездѣ обманчивость сближеній,
Вездѣ разрозненность загадочныхъ началъ.
Я здѣсь, я тамъ, я въ вихрѣ превращеній,
Я въ глубинѣ безчисленныхъ зеркалъ.

Маскарадъ.

Безъ масокъ, какъ въ маскахъ, а лица все тѣ же,
Которыя зналъ и любилъ;
И встрѣчи, какъ прежде, то чаще, то рѣже,
Но вѣрить нѣтъ силъ.
Мишурны, крикливы все снова и снова,
Одни за другими, туда и сюда,
Намѣренность взгляда, оторванность слова,
Безсильное „нѣтъ“ и невѣрное „да“.
Слѣжу и теряюсь въ оттѣнкахъ и краскахъ,
Кого-то ищу и зову,
Все снова и снова безъ масокъ, какъ въ маскахъ,
Какъ сонъ на яву.

Пѣсня.

Горе-дерево шумѣло,
Безпросвѣтное росло.
Мимо птица-смерть летѣла,
На суку корявомъ сѣла,
Клювомъ чистила крыло.

Подавись ты, судьба,
Жизнью краденой,
Ждутъ меня два столба
Съ перекладиной.

Занимался день ненастный,
Безутѣшно слезы лилъ.
Кто ты, плотничекъ злосчастный,
Горе-дерево срубилъ?

Подавись, ты, судьба,
Жизнью краденой,

Ждутъ меня два столба
Съ перекладиной.

Я искалъ душѣ простора:
Здравствуй вѣтеръ, здравствуй, братъ,
За моря лети, за горы,
Всѣмъ скажи, что воля скоро,
И быстрѣе мчись назадъ.

Подавись ты, судьба,
Жизнью краденой,
Ждутъ меня два столба
Съ перекладиной.

Что ты, звѣрь-палачъ, смѣешься?
Душегубецъ, начинай!
Вѣтеръ, вѣтеръ, какъ вернешься,
Приголубь и укачай.

Подавись ты, судьба,
Жизнью краденой,
Ждутъ меня два столба
Съ перекладиной.

Быть зимѣ, такъ быть и лѣту—
Мнѣ не первому висѣть,
Много мыкался по свѣту
И не даромъ пѣсню эту
Научился въ тюрьмахъ пѣть.

Подавись ты, судьба,
Жизнью краденой,
Ждутъ меня два столба
Съ перекладиной.

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ.

Р. 1881.

Священникъ Кронидъ.

О. Кронидъ идетъ въ церковь. Онъ старъ, ему подъ шестьдесятъ; онъ плотный, сильный человѣкъ, мужики его уважаютъ и зовутъ Крономъ. Много лѣтъ онъ живетъ ужъ тутъ, ходитъ въ церковь, возвращается домой, вѣнчаетъ, хоронитъ, звонитъ въ колокола съ приближенными дьячками и стариками, и куда-то ведетъ за собой приходъ.

Служить вечерню послѣ сна днемъ не очень легко. Кромѣ того, великій постъ—время трудное; въ церкви Богъ знаетъ сколько народу; много рваного мужичья, худыхъ бабъ, исповѣдей; часто отрыгиваютъ рѣдькой и постнымъ масломъ,—а потомъ все грѣхи. Какіе у нихъ грѣхи? Все одно и то же бабье мямленье, поклоны, епитиміи, а мужики всѣ ругались въ году, пили водку.

Старый Кронъ и не жалуется; онъ человѣкъ рабочій, честный; тридцать лѣтъ попомъ, имѣетъ камилавку, служитъ быстро и просто, какъ научила деревня.

Не одинъ онъ дѣйствуетъ тутъ; за его плечами вдаль идутъ поколѣнія отцовъ, пращуровъ; всѣ они трудились здѣсь. Кронъ помнитъ дѣда Петра, тотъ видѣлъ еще французовъ.

У самого Крона пять сыновей,—семинаристы, все здоровые, хорошіе дубы. Кронъ, думая о нихъ, мечтаетъ, гдѣ они будутъ жить, плодиться, служить; какъ бы имъ преподать свою мудрость,—жизнь трудна, какой приходъ, какой причтъ? Выйдутъ ли въ своихъ, будутъ ли твердыми попами?

Дни идутъ въ служеніи; а ночи темны на Стра-

стной—только гудятъ вѣчные потоки, да въ небѣ пылаютъ звѣзды на черномъ бархатѣ. По дорогѣ домой изъ церкви нехитро и оступиться въ лужу, но идти пріятно: сзади дѣти, пятеро начинающихъ басковъ; въ церкви они помогали, хорошо пѣли и давали ноту силы службѣ. Есть на кого опереться, когда станетъ тяжко отъ годовъ.

„Молодая армія", думаетъ Кронъ, а дома ужъ торжественно, матушка всесильная одолѣла всѣ заботы, пасхи, раскрасила яйца въ побѣдные цвѣта и спокойна: хотя бъ и Страшный Судъ.

Но и воскресенье близко; весна далеко ушла за это время, все ужъ сѣро, парно; время погожее, заутреня должна бы быть хорошей и благодатной. Всѣ дьячки, старосты, дьякона готовятся: это ихъ день, верхняя точка жизни. И повсюду по деревнямъ идутъ сборы: топятъ бани, гдѣ поглуше, моются прямо въ печкахъ, залѣзая въ узкое жерло, какъ черви; съ мужицкихъ тѣлъ, жесткихъ, въ ѣдкомъ соку, смываютъ многомѣсячную грязь; вытаскиваютъ чистыя рубахи, даже бѣлыя, съ красной ластовицей подъ мышкой, важно расчесываютъ волосы, поливаютъ масломъ, подстригаютъ затылки; поплевавъ, скоблятъ шею обломкомъ косы. Въ глухихъ углахъ бабы напяливаютъ на головы рогатыя кички, въ ушахъ у нихъ утиные пушки. Громаднѣйшее всемужицкое тѣло копошится по странѣ, тащитъ пасхи въ церковь, ждетъ яркаго и особеннаго дня.

Въ очень черной ночи церковь видна далеко; слишкомъ свѣтлы окна. Рано, задолго до торжественнаго часа, все полно, и Кронидъ ведетъ древнее служеніе; запоздалые съ пасхами подходятъ лѣтними тропами; пока Кронъ читаетъ и молится, въ теплой ночи неустанно гудятъ ручьи, полнымъ тономъ, какъ могучія трубы, а звѣздъ вверху безъ счету; онѣ неожиданно встаютъ отъ горизонта, заполняютъ тьму надъ головой, и такъ же сразу пропадаютъ у другого края неба. Въ минуту, когда двери растворяются, и выступаетъ изъ церкви ходъ съ гимномъ, кажется, что свѣтлая волна трижды опоясываетъ во мракѣ церковь, подъ слитный бой

колоколовъ, съ пѣніемъ, и снова вливается внутрь. Теперь у всѣхъ въ рукахъ свѣчки, капаетъ воскъ и потъ стекаетъ по мужицкимъ лицамъ; временами черезъ плечи идетъ изъ рукъ въ руки, впередъ, свѣчечка; передъ иконами блестятъ цѣлые пуки.

Къ часу, двумъ, люди устаютъ; Христа встрѣтили, попѣли, постояли со свѣчками, но страшно жарко, а обѣдня длинна. Когда-то святить пасхи? Два часа, народъ усталъ. Вотъ въ толпѣ съ кружкой сѣденькій человѣкъ, „блогочестивѣйшій“, съ дрожащими руками и ястребинымъ носомъ; за благочестивѣйшимъ просто парень съ тарелочкой и идетъ сборъ; мужики жертвуютъ, считаютъ свои копѣйки и даютъ отъ сердца, но серьезно; соображаютъ, берутъ сдачу. Солнце ближе подходитъ къ востоку, въ церкви народу меньше; много молодежи въ оградѣ на лавочкахъ; дѣтишки смѣлѣй снуютъ между взрослыхъ, кой-кто у печки примостился даже спать; толкутся, блескъ и фейерверкъ гаснетъ, а наружи земля встрѣчаетъ своего бога въ силѣ и свѣтѣ. Только благочестивѣйшій безъ умолку звенитъ денежками у прилавка, точно собирается продавать Воскресшаго; выдаетъ свѣчки и двигаетъ вырѣзанными ноздрями.

Часа въ четыре разбредаются.

Этотъ день для Крона труденъ: спать ужъ некогда почти, въ девять надо выѣзжать за данью. Запрягаютъ поповскую телѣжку; рядомъ съ Крономъ краснощекій юнецъ, въ сюртукѣ, съ огромными руками. Тамъ, на мѣстѣ дѣйствія, онъ будетъ раздувать батюшкѣ ладанъ, пѣть и конфузиться помѣщиковъ.

О. Кронидъ сидитъ прочно въ телѣжкѣ; солнце грѣетъ; надъ пашней струеніе, плавь, земля таетъ въ свѣтѣ. Юноша жмется къ батюшкину боку—ему въ профиль видны крѣпкія Кроновы брови и ласковая подъ солнцемъ борода.

Въ усадьбѣ Крона почитаютъ за основательность, умъ; въ столовыхъ, со свѣчкой передъ образомъ, онъ изъ года въ годъ поетъ, молится, даетъ цѣловать крестъ и ловкимъ движеніемъ запра-

вляетъ волосы послѣ молебна; потомъ разговляется. Юноша—на краю стула и стыдится своихъ рукъ. Одинъ годъ говорятъ о Толстомъ, другой—о войнѣ, о разныхъ случаяхъ въ уѣздѣ: кто гдѣ умеръ, кто какъ хозяйничаетъ; выпиваютъ, но Кронъ неуязвимъ; юноша часто поправляетъ бѣлый галстучекъ, и проглатываетъ побѣдоносно, страшно перекатывая кадыкомъ.

Потомъ Кронъ уѣзжаетъ, и такъ же работаетъ у всѣхъ помѣщиковъ, мудро бесѣдуетъ и временами поглядываетъ на юношу: не перегруженъ ли.

Въ это время деревни выглядятъ моложе, на взгоряхъ подъ теплымъ солнцемъ катаютъ яйца изъ желобковъ, пестрыми группами. Дѣвки сплошь въ красномъ; на желто-зеленомъ откосѣ онѣ кольцомъ вокругъ качель; на веревкахъ, подъ тягу сильнаго вѣтра, кумачныя пятна высоко взлетаютъ кверху.

Уже пора бы и сѣять, земля ждетъ, всѣ знаютъ, что хороши ранніе посѣвы, но нельзя: праздникъ. Праздникъ цѣлую недѣлю, и въ это время грѣшно и немыслимо не напиваться, не лежать подъ заборами. Съ полдня до вечера дѣвки голосятъ пѣсни, изъ села въ село катятъ подводы—гости, а время уходитъ, и самъ Кронъ недоволенъ.

По очереди на пасху деревни „подымаютъ иконы“. Это значитъ, впереди Кронъ съ дьякономъ, а сзади несутъ хоругви; идутъ веселой гурьбой по дорогѣ, поютъ „Христосъ Воскресе“; теплый вѣтеръ хорошо дуетъ сбоку, хоругвеносцы храбро потѣютъ, а дома всѣ ждутъ. И назадъ, когда Кронъ уѣдетъ на лошади, иконы и знамена несутъ полемъ, напрямки. Въ начинающемся вечеру бредутъ по жнивью путаясь и голося во всю силу. Лица красны, золото горитъ на иконахъ при свѣтломъ весеннемъ вѣтрѣ, и древки смутно ходятъ въ воздухѣ. Это ужъ время тихой и пылающей весны. Ужъ ели цвѣтутъ; на угрюмомъ деревѣ появляются блѣднозеленые цвѣточки; странно находитъ эти мелкія живодышащія существа въ черной хвоѣ. Въ мѣстахъ. гдѣ сыро и припариваетъ, въ сѣренькихъ осинничкахъ, водятся фіалки; слабый приторный запахъ

идетъ волной; а онѣ стоятъ,—нѣжныя, обративъ къ югу и солнцу фіаловыя головки, какъ милыя феи: но скоро гибнутъ, если сорвать. Вечерами въ темнотѣ тянутъ изъ дальнихъ мѣстъ кулички на озера; они летятъ одинъ за другимъ, на минутномъ разстояніи, и тихо стонутъ, чтобы не потеряться.

Солнце грѣетъ, стада вышли въ поле. Цѣлый день они бродятъ, щиплютъ мелкую травку теплыми губами; коровы колыхаютъ боками и высовываютъ по временамъ добрый языкъ; крошечные ребята подъ блѣднолазоревымъ небомъ тащутъ изъ деревни пастухамъ полудновать, а назадъ бредутъ по жнивью задумчиво и безхитростно; поднимаютъ палки, навязываютъ на нихъ тряпочки-хоругви—поютъ что-то свое, потомъ ловятъ въ ручьѣ гольчиковъ; надъ ними же струится свѣтлый весенній токъ; анютины глазки распускаются по оврагу. Деревни блѣднѣе и тише, солома на крышѣ голубоватѣе и бревна въ избахъ будто дышатъ.

Въ день Егорія Крону работа; за деревней, въ полѣ, бываетъ молебенъ — благословеніе гуляющему скоту. Въ коровахъ есть задушевность, лошади спокойны и важны, какъ добрые работники, только жеребятки вѣтрообразны: легко, на длинныхъ тоненькихъ своихъ ножкахъ передуваются они съ мѣста на мѣсто. Стоятъ молчаливыя бабы; Пасха прошла уже, время серьезное и нужное, красныхъ нарядовъ нѣту; лица больше въ морщинахъ, съ свѣтлыми голубыми глазами, и зубы стерты наполовину, ровно, какъ у лошадей. Онѣ сердечно знаютъ своихъ скотовъ, смотрятъ на нихъ, думаютъ о чемъ-то, пока Кронъ читаетъ передъ столикомъ и молится. Потомъ кропитъ всѣхъ святой водой и отпускаетъ на мирный отгулъ.

Послѣ обѣда, передъ сномъ, Кронъ выходилъ на скамеечку у пруда. Большой прудъ, передъ нежилой усадьбой на той сторонѣ, лежалъ горячимъ зеркаломъ, и мѣстами солнце пронизывало его воду: тамъ были теплыя, зеленоватыя пятна. Кронъ сидѣлъ и смотрѣлъ, а въ пруду горизонтально дремали карпіи, такія жъ старыя, какъ онъ самъ;

временами мягкія плотички подходили къ самому верху, высовывались, пускали круги. Въ движеніяхъ рыбъ была лѣнь, и Кронъ чувствовалъ тогда свои годы и силу весны. Онъ вставалъ, прохаживался вдоль пруда, думалъ, шелъ домой. Дорогой размышлялъ объ арендѣ; отработаютъ ли мужики изъ Костенки долгъ? Давать ли Егорьевнѣ рубль, или надуетъ? И правда, дома ждали всякіе клiенты, а вечеромъ надо хоронить дѣвочку у Петра Константинова. Послѣднее время много ребятъ поумирало, „все животъ“. Маленькіе гробики легко и быстро тащутъ на кладбище на горѣ, въ дальній уголъ; здѣсь много дѣтскихъ холмиковъ; среди нихъ трава, а рядомъ канава съ полынью. Очень далеко видно отсюда; славная страна лежитъ вокругъ, какъ золотое блюдо; Кронъ неторопливо воскуряетъ ладанъ, смотритъ вдаль; въ мѣрномъ полетѣ кадильница сначала подымается надъ горизонтомъ въ небо, потомъ уходитъ внизъ. Съ четырехъ сторонъ идетъ несильный вѣтеръ, дымокъ блѣдно и покорно стелется, сизѣетъ. Сзади плачетъ баба; красный юноша подпѣваетъ. Скоро опускаютъ гробикъ—и конецъ.

Близко Тройца, а тамъ, черезъ недѣлю — ярмарка. Веселая Троица выпадаетъ въ свѣтлый день. Пыльно по дорогѣ и солнце наверху горитъ, а небо радостно-сине, какъ было когда-то ужасно давно, въ дѣтствѣ. Шумящія дорогія березки стоятъ въ церкви; во всѣхъ избахъ подъ образами деревца; когда они начинаютъ сохнутъ, особенный запахъ появляется въ скудномъ человѣчьемъ жильѣ; вѣтерокъ черезъ окошко шевелитъ вѣтки, а изъ ребячьихъ временъ воспоминаются сердитые клещуки, что расползались съ праздничныхъ кустовъ.

На ярмарку съѣзжается деревня со всѣхъ концовъ. За Кроновымъ селомъ, на выгонѣ, разбиваютъ палатки; кишатъ телѣги, оглобли торчатъ кверху; стоитъ пыль и бурленье, пахнетъ дегтемъ, визжатъ поросята и издали мужицкій праздникъ похожъ на лагерь гунновъ. Теплыя коровы дышатъ, жуютъ и печально смотрятъ влажными глазами: трудно жить впроголодь, надо уступать. Кровавые

прасола валяются въ травѣ за ярмаркой, у дорогъ, чтобъ перехватывать скотину и скупать до торга.

Часа въ два-три выходитъ посмотрѣть и Кронъ; на ярмаркѣ бродятъ ужъ три жиденькихъ іерея изъ округа; жалобнѣе всѣхъ одинъ; космы сзади у него еще не отрасли, грудь узка, ряса путается, рядомъ мощная матушка въ мантилькахъ и шляпкѣ съ цвѣтами. Вѣтеръ треплетъ красные цвѣты и вотъ-вотъ выдуетъ душу и мозгъ изъ плоскогрудаго отца. Онъ потѣетъ и покупаетъ женѣ гребенку. А Кронъ умными грудными звуками бесѣдуетъ у бакалея, здоровается съ урядникомъ. Бѣдная „сельская полиція“ —въ пыли и ссохлась отъ старости: она ежеминутно пребываетъ въ разъѣздахъ, трясется на казацкомъ сѣдлѣ и дрожкахъ изъ волости въ волость, загораетъ, а на ярмаркахъ лущитъ подсолнухи и уныло бесѣдуетъ съ помѣщиками изъ либераловъ.

У бакалея Кронъ выпиваетъ даже чаю, держа блюдечко въ крѣпкихъ волосатыхъ рукахъ; онъ ищетъ пакли для школы: но пока идутъ разговоры и торгуютъ подсолнухами, вдругъ сбоку налетаетъ гроза. Могучій дождь душитъ землю и радостно соединяется съ ней; быстро мокнутъ люди, набрасываютъ на себя рогожи, прячутся подъ телѣги: съ лошадей льетъ; живой паръ идетъ отъ нихъ. Въ черныхъ тучахъ наверху обнажается огненная змѣя, слѣпящій ударъ разрываетъ воздухъ; издалека, съ почерпѣвшей земли исходитъ слацкій запахъ; трава слабѣетъ подъ грозой, млѣетъ.

Кронъ скрытъ у бакалея и посмѣивается на дождь; наверху надъ нимъ парусина быстро промокаетъ, но онъ не безпокоится и безъ шляпы выставляетъ подъ дождь голову.

Черезъ полчаса тучи уже нѣтъ; облака, грудами въ золотистомъ свѣтѣ, курятся и текутъ. Алмазныя капли прорѣзаютъ сверху внизъ воздухъ и божественная радуга виситъ на небѣ. Кронъ, въ солнечныхъ лучахъ, идетъ домой и подбираетъ рясу. Дома, у забора, жемчужно-бѣлый жасминъ цвѣтетъ растрепанными шапками и къ отцу Кроniду плыветъ душный запахъ. Вечеръ блистаетъ. Изъ-

подъ кухни выскакиваетъ галопомъ кофейный песъ Каштанъ. Онъ бѣжитъ увальнемъ, тѣло его огромно и мягко; голова его медвѣжья, съ кругленькими желтыми глазами; весь онъ какъ добрый рѣзвящійся чортъ. Кронъ гладитъ его по головѣ и проходитъ въ домъ.

На другой день, передъ вечеромъ, небо прозрачно. Кронъ выходитъ къ рѣкѣ; рыба плещетъ; заливной лугъ соченъ и дѣвственъ: уже цвѣтутъ звоночники, цвѣты покоса. Кронъ предощущаетъ сѣно и сладкіе запахи. Безмятежные кулички бѣгутъ по отмелямъ. Въ лозникѣ, который пахнетъ такъ же, какъ и когда Крону было девять лѣтъ, на песочкѣ возятся ребята, какъ божьи коровки. Старшій учитъ ихъ плавать. Худенькія тѣла весело трепещутъ въ лучахъ, пищатъ и боятся глубины, а потомъ сразу появляются на берегу розовыя рубашки, будто вмѣсто голыхъ тѣлъ выросли свѣтлые цвѣты.

Кронъ медленно подымается на гору за рѣкой и бредетъ тропинкой среди молодыхъ ржей; ему надо въ Дмитрово, здѣсь близко прямикомъ. Пройдя ржи, онъ останавливается у луговины пара; довольно жарко еще идти, онъ хочетъ отдохнуть. Снимаетъ шляпу; полусѣдые волосы свѣшиваются внизъ. Вдругъ слышитъ сзади слабый шорохъ. На краю зеленѣющаго клевера стоитъ зайчикъ; онъ выбѣжалъ веселымъ галопцемъ на теплую зорю и, увидѣвъ Крона, замеръ. Вотъ онъ поднялся на заднія лапки, двигаетъ ушами и усы его безпокойно ходятъ. Все сѣрое слабенькое тѣльце подрагиваетъ и полно святого любопытства. Кронъ молчитъ и улыбается. Зайчикъ прыгаетъ и медленными скачками, не боясь, пробѣгаетъ въ десяти шагахъ; высоко подбрасываетъ задомъ на фонѣ блѣдно-прозрачнаго неба.

На зарѣ, возвращаясь домой, отецъ Кронидъ слышитъ перваго перепела. Онъ мягко трещитъ и и предвѣщаетъ знойный іюнь и ночи сухороса.

СЕРГѢЙ КРЕЧЕТОВЪ.

Р. 1879.

Одинокій.

Ты затихаешь, мой Римъ... Дневные смолкаютъ
шумы,
Вечерняя сходитъ прохлада.
Иду я неспѣшно заросшей тропинкой стараго сада.
Темнѣетъ...
Вдали огневѣетъ
Прощальной лаской заката мраморный портикъ
дворца и семнадцать ведущихъ къ нему
ступеней.
Идутъ со мною вечернія думы,
Печалью повитыя думы,
Вдоль тихихъ аллей.
Вотъ, полускрытый темными пиніями,
Строгими линіями
Бѣлѣетъ алтарь, перевитый плющомъ.
На немъ
Не сжигаютъ давно аромата...

„Богу, чье имя невѣдомо"—вырѣзалъ я на гранитномъ подножьи когда-то.
А нынѣ
Жгучимъ вѣтромъ пустыни
Выжгло въ душѣ моей тихую радость милыхъ чудесъ.
Закрылась навѣки въ страну осіянную дверь.
Теперь
Я не мечтаю о чудѣ.
И Богъ для меня—лишь Тѣнь, что придумали люди,
Чтобъ ей населить пустынность небесъ.
А вотъ
Нахмуренный гротъ
Съ застывшимъ, какъ черный хрусталь, водоемомъ.
За колоннами входа паутиной густѣетъ мгла...
О, сколько разъ, на этой скамьѣ, движеньемъ знакомымъ,
Помню, бросала она мнѣ на плечи свои руки любимыя.
Она умерла! Умерла...
Неудержимыя
Слезы текутъ сквозь прижатые блѣдные пальцы, снова и снова.
Кругомъ тишина... Ничье ненужное слово
Памяти той не обидитъ
Этихъ слезъ никто не увидитъ.

Послѣдній человѣкъ.

Кометы знакъ, какъ кольца змѣя,
Вѣнчаетъ небо. Такъ. Пора.
Лежу недвижный, цѣпенѣя,
У охладѣвшаго костра.
Великій день неслышно прожитъ.
Сомкнулось вѣчное кольцо.
Послѣднихъ мигоевъ не встревожитъ
Ничье склоненное лицо.

Вокругъ взметнулись пики башенъ
И глыбы каменныхъ громадъ.
Въ алмазахъ лунныхъ изукрашенъ
Изгибныхъ арокъ зыбкій рядъ.

Суровый храмъ, какъ черепъ бѣлый
Глядитъ провалами очей.
Молчитъ парламентъ опустѣлый,
Молчитъ покинутый музей.

Эмблема равенства и братства
На нихъ рѣзцомъ изсѣчена.
Бери ненужныя богатства,
Хранитель новый, Тишина!

И пусть все то, чѣмъ люди жили,
Что слито яркостью племенъ,
Уснетъ подъ слоемъ сѣрой пыли,
Въ полетѣ мертвенныхъ временъ.

Я знаю: житель отдаленный
На тверди блещущихъ планетъ,
Влекомъ мечтой неутоленной,
Откроетъ вновь нашъ мертвый свѣтъ.

И съ вѣщей дрожью гость случайный
Пытливо стогны обойдетъ
И наши муки, наши тайны
Въ страницахъ ветхихъ перечтетъ.

Когда жъ, тревожный и усталый,
Предастся сладостному сну,
Къ его челу, какъ атомъ малый,
Я, призракъ ласковый, прильну.

Все море радостей и болей,
Что было вѣдомо вѣкамъ,
Въ него вдохну могучей волей,
Навѣкъ пришельцу передамъ.

И пріобщенный тайнымъ звеньямъ,
Летя пространствами назадъ,
Снесетъ грядущимъ поколѣньямъ
Старинной жизни тонкій ядъ.

Въ иныхъ мірахъ, осиливъ бездну,
Тысячелѣтій темныхъ дверь,
Я, духъ земли, опять воскресну
Со всѣмъ, что умерло теперь.

. . . . . .

Застыла кровь. Текутъ мгновенья.
Мой взоръ смыкаютъ цѣпи сна.
Мои пустынныя владѣнья
Прими, Властитель-Тишина.

Баллада.

Пряныя травы къ ночи расцвѣли,
Слили дыханье съ дыханіемъ земли.
Паръ ихъ, клубясь, къ небесамъ восходилъ,
Словно куренья незримыхъ кадилъ.
Травы другъ другу шептали, что вновь
Близко пролита невинная кровь.
Тамъ, за рѣкой, на лѣсистой горѣ
Рыцаря рыцарь убилъ на зарѣ.
Спящему въ сердце вонзилъ онъ кинжалъ,
Сѣлъ на коня и отъ трупа бѣжалъ.
Въ залитой кровью звенящей бронѣ
Скачетъ онъ степью на борзомъ конѣ.
Мчится по стеблямъ кровавая вѣсть.—
Травы готовятъ предателю месть.
Пьяными зельями лугъ напоенъ,
Всадника клонитъ властительный сонъ.
Сходитъ съ коня онъ. Въ предутренней мглѣ
Сладко уснуть на росистой землѣ.
Вздыбились травы, свистятъ, поползли,
Сонное тѣло кругомъ оплели.
Горло сдавилъ ему бѣшеный дрокъ.
Бьется хрипящій зеленый клубокъ.
Корни змѣятся, подъ землю бѣгутъ,
Стелютъ для рыцаря темный пріютъ.
Стебли вонзились, какъ тысячи жалъ.
Дрогнулъ еще... И навѣкъ замолчалъ.
Выросъ надъ тѣломъ горючій плакунъ.
Бродитъ въ поляхъ одинокій скакунъ.
Тщетно за лѣсомъ, тиха и блѣдна,
Дѣвушка будетъ вздыхать у окна.
Больше не встанетъ убійца ночной.
Господи, дай ему вѣчный покой!

М. КУЗМИНЪ.

Р. 1877.

Мои предки.

Моряки старинныхъ фамилій,
Влюбленные въ далекіе горизонты,
Пьющіе вино въ темныхъ портахъ,
Обнимая веселыхъ иностранокъ;
Франты тридцатыхъ годовъ,
Подражающіе д'Орсэ и Брюммелю,
Внося въ позу дэнди
Всю наивность молодой расы;
Важные, со звѣздами, генералы,
Бывшіе милыми повѣсами когда-то,
Сохраняющіе веселые разсказы за ромомъ,
Всегда одни и тѣ же;
Милые актеры безъ большого таланта,
Принесшіе школу чужой земли,
Играющіе въ Россіи „Магомета"
И умирающіе съ невиннымъ вольтерьянствомъ;
Вы—барышни въ бандо.
Съ чувствомъ играющія вальсы Маркалью,
Вышивающія бисеромъ кошельки
Для жениховъ въ далекихъ походахъ,
Говѣющія въ домовыхъ церквахъ
И гадающія на картахъ;
Экономныя, умныя помѣщицы,
Хвастающіяся своими запасами,
Умѣющія простить и оборвать
И близко подойти къ человѣку,
Насмѣшливыя и набожныя,
Встающія раньше зари зимою;
И прелестно-глупые цвѣты театральныхъ училищъ,
Преданные съ дѣтства искусству танцевъ,
Нѣжно развратныя, чисто порочныя,

Разоряющія мужа на платья
И видающія своихъ дѣтей полчаса въ сутки;
И дальше, вдали—дворяне глухихъ уѣздовъ,
Какіе-нибудь строгіе бояре,
Бѣжавшіе отъ революціи французы,
Не сумѣвшіе взойти на гильотину—
Всѣ вы, всѣ вы—
Вы молчали вашъ долгій вѣкъ,
И вотъ вы кричите сотнями голосовъ,
Погибшіе, но живые,
Во мнѣ: послѣднемъ, бѣдномъ,
Но имѣющемъ языкъ за васъ,
И каждая капля крови
Близка вамъ,
Слышитъ васъ,
Любитъ васъ;
И вотъ всѣ вы:
Милые, глупые, трогательные, близкіе,
Благословляетесь мною
За ваше молчаливое благословенье.

* * *

Свѣтлая горница—моя пещера,
Мысли—птицы ручныя: журавли да аисты;
Пѣсни мои—веселые акаѳисты;
Любовь—всегдашняя моя вѣра.
Приходите ко мнѣ, кто смутенъ, кто весслъ,
Кто обрѣлъ, кто потерялъ кольцо обручальное,
Чтобы бремя ваше, свѣтлое и печальное,
Я какъ одёжу на гвоздикъ повѣсилъ.
Надъ горемъ улыбнемся, надъ счастьемъ поплачемъ.
Не трудно акаѳистовъ легкихъ чтеніе.
Само приходитъ отрадное излеченіе
Въ комнатѣ, озаренной солнцемъ не горячимъ.
Высоко окошко надъ любовью и тлѣніемъ,
Страсть и печаль, какъ воскъ отъ огня, смягчаются.
Новыя дороги, всегда весеннія, чаются,
Простясь съ тяжелымъ, темнымъ томленіемъ.

Въ театрѣ.

Переходы, корридоры, уборныя,
Лѣстница витая, полутемная;
Разговоры, споры упорные,
На дверяхъ занавѣски нескромныя.
Пахнетъ пылью, скипидаромъ, бѣлилами,
Издали доносятся овацiи,
Балкончикъ съ шаткими перилами,
Чтобъ смотрѣть на полу декорацiи.
Долгiе часы ожиданiя,
Болтовня съ маленькими актрисами,
По уборнымъ, по фойе блужданiе,
То въ мастерской, то за кулисами.
Вы придете совсѣмъ неожиданно,
Звонко стуча по корридору—
О, сколько значенья придано
Походкѣ, улыбкѣ, взору!
Сладко быть при всѣхъ поцѣлованнымъ
Съ привѣтомъ, казалось бы, бездушнымъ,
Сердцемъ внимать окованнымъ
Милымъ словомъ равнодушнымъ.
Какъ люблю я стѣны посырѣвшiя
Бѣлаго зрительнаго зала,
Сукна на сценѣ сѣрѣвшiя,
Ревности жало!

Утро.

Чуть утро настало, за́ мостомъ сошлись,
Чуть утро настало, стада еще не паслись.
Пріѣхало двѣ кареты—привезло четверыхъ,
Уѣхало двѣ кареты—троихъ увезло живыхъ.
Лишь трое слыхало, какъ павшiй закричалъ,
Лишь трое видало, какъ кричавшiй упалъ.

А кто-то слышалъ, что онъ тихо шепталъ?
А кто-то видѣлъ въ перстнѣ опалъ?
Утромъ у моста коровъ пастухи пасли,
Утромъ у моста лужу крови нашли.
По травѣ росистой слѣдъ отъ двухъ каретъ,
По травѣ росистой—кровавый слѣдъ.

* * *

Сижу, читаю я сказки и были,
Смотрю въ старыхъ книжкахъ умершихъ портреты,
Говорятъ въ старыхъ книжкахъ умершихъ портреты:
„Тебя забыли, тебя забыли"...
—Ну, что же дѣлать, что меня забыли,
Что тутъ поможетъ, старые портреты?—
И спрашивалъ, что поможетъ, старые портреты,
Угрозы ли, клятва ль, мольбы ли?
„Забудешь и ты цѣлованныя плечи,
Будь, какъ мы, старымъ влюбленнымъ портретомъ:
Ты можешь быть хорошимъ влюбленнымъ портретомъ
Съ томнымъ взглядомъ, безъ всякой рѣчи".
—Я умираю отъ любви безмѣрной!
Развѣ вы не видите, милые портреты?—
„Мы видимъ, мы видимъ",—молвили портреты—
„Что ты—любовникъ вѣрный, вѣрный и примѣрный?"
Такъ читалъ я, сидя, сказки и были,
Смотря въ старыхъ книжкахъ умершихъ портреты,
И не жалко мнѣ было, что шептали портреты:
„Тебя забыли, тебя забыли".

Александрійскія пѣсни.

Какъ пѣсня матери
Надъ колыбелью ребенка,
Какъ горное эхо,
Утромъ на пастушій рожокъ отозвавшееся,
Какъ далекій прибой
Роднаго, давно не видѣннаго моря
Звучитъ мнѣ имя твое
Трижды блаженное: Александрія!
Какъ прерывистый шопотъ
Любовныхъ подъ дубами признаній,
Какъ таинственный шумъ
Тѣнистыхъ рощъ священныхъ,
Какъ тамбуринъ Кибелы великой,
Подобный дальнему грому и голубей воркованью
Звучитъ мнѣ имя твое
Трижды мудрое: Александрія!
Какъ звукъ трубы передъ боемъ,
Клекотъ орловъ надъ бездной,
Шумъ крыльевъ летящей Ники
Звучитъ мнѣ имя твое
Трижды великое: Александрія!

* * *

Когда мнѣ говорятъ: „Александрія“,
Я вижу бѣлыя стѣны дома,
Небольшой садъ съ грядкой левкоевъ,
Блѣдное солнце осенняго вечера
И слышу звуки далекихъ флейтъ.
Когда мнѣ говорятъ: „Александрія“,
Я вижу звѣзды надъ стихающимъ городомъ,
Пьяныхъ матросовъ въ темныхъ кварталахъ,
Танцовщицу, пляшущую „осу“
И слышу звукъ тамбурина и крики ссоры.
Когда мнѣ говорятъ: „Александрія“,
Я вижу блѣдно-багровый закатъ надъ зеленымъ
моремъ,
Мохнатыя мигающія звѣзды

И свѣтлые сѣрые глаза подъ густыми бровями,
Которые я вижу и тогда,
Когда не говорятъ мнѣ: „Александрія!“

* * *

Сладко умереть на полѣ битвы
При свистѣ стрѣлъ и копій,
Когда звучитъ труба
И солнце свѣтитъ, въ полдень,
Умирая для славы отчизны
И слыша вокругъ: „прощай, герой“!
Сладко умереть маститымъ старцемъ
Въ томъ же домѣ, на той же кровати,
Гдѣ родились и умерли дѣды,
Окруженнымъ дѣтьми, ставшими уже мужами
И слыша вокругъ: „прощай отецъ!“
Но еще слаще, еще мудрѣе,
Истративши все имѣнье,
Продавши послѣднюю мельницу
Для той,
Которую завтра забылъ бы,
Вернувшись послѣ веселой прогулки
Въ уже проданный домъ,
Поужинать
И, прочитавъ разсказъ Апулея
Въ сто первый разъ,
Въ теплой, душистой ваннѣ,
Не слыша никакихъ прощаній,
Открыть себѣ жилы;
И чтобъ въ длинное окно у потолка
Пахло левкоями,
Свѣтила заря
И вдалекѣ были слышны флейты

* * *

Солнце, солнце,
Божественный Ра-Геліосъ,
Тобою веселятся сердца царей и героевъ,
Тебѣ ржутъ священные кони,
Тебѣ поютъ гимны въ Геліополѣ;
Когда ты свѣтишь,

Ящерицы выползаютъ на камни
И мальчики идутъ со смѣхомъ
Купаться къ Нилу.
Солнце, солнце,
Я—блѣдный писецъ, библіотечный затворникъ,
Но я люблю тебя, солнце, не меньше,
Чѣмъ загорѣлый морякъ,
Пахнущій рыбой и соленой водою,
И не меньше, чемъ его привычноо сердце
Ликуетъ
При царственномъ твоемъ восходѣ изъ океана,
Мое трепещетъ,
Когда твой пыльный, но пламенный лучъ
Скользнетъ сквозь узкое окно у потолка
На исписанный листъ
И мою тонкую желтоватую руку,
Выводящую киноварью первую букву гимна тебѣ,
О, Ра-Геліосъ солнце!

* * *

Что за дождь!
Нашъ парусъ совсѣмъ смокъ
И не видно ужъ, что онъ—полосатый.
Румяна потекли по твоимъ щекамъ,
И ты—какъ тирскій красильщикъ.
Со страхомъ переступили мы
Порогъ низкой землянки угольщика;
Хозяинъ со шрамомъ на лбу
Растолкалъ грязныхъ въ коростѣ ребятъ
Съ больными глазами,
И, поставивъ обрубокъ передъ тобою,
Смахнулъ передникомъ пыль
И хлопнувъ рукою сказалъ:
„Не съѣстъ ли лепешекъ, господинъ?“
А старая черная женщина
Качала ребенка и пѣла:
„Если бъ я былъ фараономъ,
Купилъ бы я себѣ двѣ груши:
Одну бы я далъ своему другу,
Другую бы я самъ скушалъ“.

* * *

Не похожа ли я на яблоню,
Яблоню въ цвѣту,
Скажите, подруги?
Не такъ же ли кудрявы мои волосы
Какъ ея верхушка?
Не такъ же ли строенъ мой станъ
Какъ стволъ ея?
Мои руки гибки какъ вѣтки.
Мои ноги цѣпки какъ корни.
Мои поцѣлуи не слаще ли сладкаго яблока?
Но ахъ!
Но ахъ!
Хороводомъ стоятъ юноши,
Вкушая плодовъ съ той яблони,
Мой же плодъ,
Мой же плодъ
Лишь одинъ заразъ вкушать можетъ!

* * *

Кружитесь, кружитесь:
Держитесь крѣпче за руки!
Звуки звонкаго систра несутся, несутся,
Въ рощахъ томно они отдаются.
Знаетъ ли нильскій рыбакъ, когда бросаетъ
Сѣти на море, что онъ поймаетъ?
Охотникъ знаетъ ли, что онъ встрѣтитъ,
Убьетъ ли дичь, въ которую мѣтитъ?
Хозяинъ знаетъ ли, не побьетъ ли градъ
Его хлѣбъ и его молодой виноградъ?
Что мы знаемъ? Что намъ знать?
О чемъ жалѣть?
Кружитесь, кружитесь,
Держитесь крѣпче за руки!
Звуки звонкаго систра несутся, несутся,
Въ рощахъ томно они отдаются.
Мы знаемъ, что все—превратно,
Что все уходитъ отъ насъ безвозвратно,
Мы знаемъ, что все—тлѣнно
И лишь измѣнчивость неизмѣнна.

Мы знаемъ, что милое тѣло
Дано для того, чтобъ потомъ истлѣло.
Вотъ что мы знаемъ, вотъ что мы любимъ,
За то что хрупко трижды цѣлуемъ!
Кружитесь, кружитесь:
Держитесь крѣпче за руки!
Звуки звонкаго систра несутся, несутся,
Въ рощахъ томно они отдаются.

Л. ВИЛЬКИНА.

I-я кн. стих. 1906.

Мой садъ.

Не выйдетъ тотъ, кто разъ попалъ въ мой садъ.
Межъ гротовъ, спящихъ водъ, аллей, бесѣдокъ—
Вездѣ цвѣты, но ароматъ ихъ ѣдокъ,
И неспокоенъ сонъ цвѣтущихъ грядъ.
Подобный страстной мысли—садъ глубокъ,
Среди прогалинъ блещутъ клумбы лилій.
А тамъ, гдѣ вѣтви солнце заслонили,
Болотныхъ розъ сплетается вѣнокъ.

Изъ города ведетъ въ мой темный садъ
Воздушный мостъ, надъ пропастью висящій.
На днѣ ея бѣжитъ потокъ шумящій.
Чернѣютъ камни, какъ чудовищъ рядъ.
Невѣренъ путь ко мнѣ въ мой садъ манящій,
Но отъ меня дороги нѣтъ назадъ.

Толпа.

Толпа вездѣ. Толпа нигдѣ. Безъ лицъ,
Во множествѣ единство воплотила.
Толпа—судья. Права предъ нею сила,
А слабаго она повергнетъ ницъ.
Блѣднѣютъ въ цѣломъ лица единицъ.
Толпѣ—алтарь. Толпѣ дымятъ кадила.
Сіяютъ, гаснутъ люди, какъ свѣтила—
Толпа живетъ, какъ ночь среди зарницъ.

Я—блѣдный лучъ на блѣдномъ небѣ міра.
Я—цѣлый міръ, далекій отъ толпы.
Люблю я пробѣгать среди эфира
Никѣмъ не посѣщенныя тропы.
Пускай толпа отринетъ иль осудитъ.
Я—цѣлый міръ. Мой міръ мнѣ вѣренъ будетъ.

Женскій сонетъ.

Люблю я правду, какъ полдневный свѣтъ.
Тотъ всѣхъ смѣлѣй, кто духомъ всѣхъ правдивѣй.
Кто смѣлъ, мнѣ дорогъ. На вопросъ стыдливый
Онъ страстное услышитъ „да“ въ отвѣтъ.
Но правда страсти въ тайнѣ. Страсти нѣтъ,
Гдѣ взоръ чужой, печальный иль пытливый,
Змѣей прокрался въ мой пріютъ счастливый,
Нарушивъ наготы святой запретъ.

И я люблю обманъ, какъ свѣтъ луны,
Сплетенный съ тѣнью надъ уснувшей чашей.
Въ глаза мои взгляни: моей вины
Ты не прочтешь въ пучинѣ ихъ молчащей.
Я лгу затѣмъ, что правду я люблю,
Но правду тайной страсти,—не твою.

I-я кн. стих. 1908 г.

Приснодѣва.

Когда въ сіяньи утра я молюсь, лицо склоня,
Весенняя, Немудрая—Ты смотришь на меня:
На персяхъ руки свилися молитвеннымъ крестомъ,
И кудри заслонилися трепещущимъ холстомъ.
Ручьемъ псалмовъ колеблемы, уста—какъ виноградъ.
У ногъ—златыми стеблями блистаетъ криновъ садъ.
Вдали холмы написаны, лазурь и бѣлый храмъ...
Нисходитъ плавно внизъ она, святая Маріамъ—
Идетъ, синеочитая, отъ неба до земли,
Среброкрылатой свитою съ ней духи снизошли...
И херувимы ленные гласятъ въ свою свирѣль:
—Се—Дѣва Вожделѣнная, Веселіе земель!—
О цвѣтъ неувядаемый! Безгрѣшная земля!
Зачѣмъ тебя не знаемъ мы, духъ скорбью запыля?
Зачѣмъ же позабыли мы священный женскій смѣхъ?!
Зачѣмъ досель незыблемый царитъ унынью грѣхъ?!
Тебѣ, Невиннокудрая, молюсь я, станъ склоня,
Блаженная, Премудрая, возрадуй же меня!

Успеніе.

День завершился пурпурно-тепелъ.
Но ужъ заутра, скорѣй, чѣмъ лугъ
Росы причастье съ молитвой допилъ,
Земля почила. Во снѣ, безъ мукъ.
И я бѣжала холодной ранью,
Ломая руки, стеня во мглѣ,
Чтобъ долгъ посмертный—любви лобзанье
Отдать недвижной, нѣмой землѣ.
Со мною вмѣстѣ, по горю братья,
Неслись стрекозы и стаи птицъ.

Но снѣжный Вѣстникъ раскрылъ объятья...
Дошла одна я. И пала ницъ.
Не слышу въ млечной груди біенья!
Не чую въ щедрой утробѣ силъ!
Увы! Свершилось. До Воскресенья
Надъ ней парчовый покровъ почилъ.
Восхитилъ душу полей Богъ міра
Въ свой голубой, необъятный Домъ...
А я надъ прахомъ излила муро,
О вѣчныхъ веснахъ пропѣвъ псаломъ.

* * *

Въ лазури спѣшный птицелетъ,
Въ лѣсахъ—соборованье золотомъ.
Мой духъ земной страшится—ждетъ
Подъ вскинутымъ осеннимъ молотомъ.
Печалясь вянутъ тополя,
Но птицамъ облачность раздвинута!
Больная нищая земля
Для гнѣздъ лазоревыхъ покинута...
Надъ головой шуршанье крылъ—
Летятъ и ловкія и валкія...
—А ты, мой разумъ, много ль силъ—
Въ тебѣ, чтобъ сторгнуть страхи жалкіе?
Ужель тебя своей судьбой
Скитальцы воздуха не радуютъ?..—
Птенецъ жемчужноголубой
Къ моимъ ногамъ внезапно падаетъ.
Застылъ агатовый глазокъ
Въ тоскѣ мертвѣющей усталости,
А птичій рой, далекъ, высокъ,
Надъ нимъ пронесся чуждый жалости.
Застыть и мнѣ средь нивъ-пустынь?
Иль гласомъ осени приказано,
Дерзнуть—взлетѣть въ Святую Синь,
Съ которой древле сердце связано?!
Увы! Мой духъ страшится, ждетъ...
Какъ жажду, жажду дѣтской вѣры я!
Надъ головой эфирометъ
Вздымаетъ крылья желтосѣрыя.

Земля.

Ты—предо мной, земля. Великая земля...
Пространная, золоторосая...
Къ величью твоему взывая и моля,
Взираю на тебя съ откоса я.
О первый мой привалъ, песчаный косогоръ,
Гдѣ мнѣ открылась весь безмѣрная!—
Тебя покину я. Бери меня, просторъ!
Я въ долъ глубокій ринусь серною.
И тамъ, дитя земли, прострусь предъ нею ницъ.
Пусть къ чернымъ персямъ ухо склонится...
Быть можетъ, мнѣ устами кроткихъ медуницъ
Велѣнье Матери проронится!
Возставши, удалюсь указанной тропой—
Природы радостная схимница.
Прости же, Мать, когда подъ быстрою стопой
Хотя единый цвѣтъ твой вымнется!

М. ПОЖАРОВА.

Выступ. печ. 1904 г.

* * *

Беззвученъ воздухъ цѣпенѣющій
Подъ властью ночи голубой.
Въ разрывѣ облака яснѣющій
Колдуетъ мѣсяцъ надо мной.
И въ облакахъ воспоминанія
Опять, безумна и чиста,
Зажглась лучами волхвованія
Недостижимая мечта.
И страненъ блескъ ея негрѣющій,
И страненъ мѣсяцъ надо мной...
Охваченъ духъ мой цѣпенѣющій
Крылами ночи голубой.

* * *

Въ хрустальномъ блескѣ влажной ночи
Прозрачный воздухъ онѣмѣлъ...
Съ блаженной страстью смотрятъ очи
Въ недосягаемый предѣлъ.
Къ живой звѣздѣ душа стремится
И въ душу просится звѣзда...
Быть можетъ, то, что мнѣ приснится,
Еще не снилось никогда!
Быть можетъ, въ пропасти безкрайной
Завѣсу ангелъ распахнетъ,
И вспыхнетъ все, что было тайной,
И все молчавшее—вздохнетъ.
Лучи гармоніи предвѣчной,
Разсѣявъ трепетную тьму,
Свой путь смѣющійся и млечный
Протянутъ къ сердцу моему.
И дрогнетъ сумракъ безучастья,
И ночь уронитъ съ высоты
Еще непознанное счастье,
Непокоренныя мечты.

Женскіе образы итальянск. примитивовъ.

Изъ лазури и грезъ, изъ моленій безгрѣшныхъ сотканныя,
Здѣсь сіяютъ онѣ—неземныя и призрачно-странныя...
Дѣвы райскихъ легендъ, недоступныя мраку видѣнія!
Въ нихъ—безсмертье любви, въ красотѣ ихъ—печать откровенія.
Чуть мерцаютъ глаза, укрываясь подъ вѣки склоненныя,
Словно капли росы, лепестками цвѣтка затѣненныя.
Блескомъ лунныхъ лучей отливаютъ ихъ кудри струистыя,
Ихъ улыбки яснѣй, чѣмъ въ долинахъ источники чистые:

Въ ихъ улыбкахъ живыхъ отразились, навѣки блаженныя,
Свѣтлыхъ душъ небеса и мечтаній созвѣздья нетлѣнныя...
Дѣвы кроткой любви, дѣвы рая, невѣсты безбрачныя!—
Здѣсь горятъ ихъ вѣнцы и бѣлѣютъ ихъ лица прозрачныя.
Сонмы ангельскихъ силъ обѣщаютъ имъ радости вѣчныя,
Къ непорочнымъ стопамъ преклоняются лиліи млечныя.
И слагая мольбы, облачившись въ покровы туманные,
Замираютъ онѣ, неземныя и призрачно-странныя,
Такъ воздушно-легки, словно тонутъ въ глубокой безбрежности,
Разливая вокругъ дуновенье таинственной нѣжности.

* * *

Безжизненно-бѣлыя, въ тоскѣ онѣмѣлыя,
Снѣгами окутались равнины прибрежныя.
Но волны вздымаются, живыя и смѣлыя,
И гулко разносятся ихъ пѣсни мятежныя.
Лучами сплетенныя, мечтой напоенныя,
Созвѣздья небесныя зажглись въ безконечности,
И царственный Сиріусъ на волны вспѣненныя
Повѣялъ молчаніемъ незыблемой вѣчности.
О волны, бѣгущія въ пустыню безмѣрную,
И вы остановитесь, нѣмыя и спящія!
Зачѣмъ же вы славите свободу невѣрную,
Зачѣмъ же такъ дерзостны напѣвы звенящіе?
Душа не откликнется, душа не обманется,
И дремлетъ безгласная, въ печали—безструнная...
И ночь звѣздоокая медлительно тянется,
Застывшая, ясная, серебряно-лунная.

ОСИПЪ ДЫМОВЪ.

Р. 1878.

Поэтъ и она.

Она поднялась по лѣстницѣ, по той лѣстницѣ, рядъ ступеней которой пересчитанъ столькими ногами. Поэтъ ждалъ ее. Она краснѣла отъ каждаго движенія, глаза ея были опущены, и въ тѣни подъ рѣсницами молчаливымъ укоромъ пряталась дѣвичья стыдливость. Поэтъ сказалъ:

— Ваши письма давали мнѣ радость. Когда письмо прибывало вечеромъ, я перечитывалъ его въ постели, и вы мнѣ снились.

— Развѣ вы видѣли меня когда-нибудь?

— Нѣтъ, никогда. Но все-таки вы мнѣ снились.

Часъ спустя тѣни подъ ея рѣсницами погустѣли, стали тяжелыми. Чувствовалось, что вечеръ близокъ; уже, царапнувъ проволоку электрическаго трамвая, сорвалась блѣдная незрѣлая искра.

У нея ярко горѣли щеки и, прикоснувшись къ нимъ губами, поэтъ чувствовалъ забытый какъ бы соленый румянецъ стыдливости.

Онъ смотрѣлъ на нее жестокими умными глазами и, волнуясь, говорилъ:

— Вы не поняли ни одного слова изъ того, что я пишу. Зачѣмъ мы вмѣстѣ? Что намъ дѣлать? Я говорю, я пою о красивомъ свободномъ тѣлѣ, о вольныхъ движеніяхъ, о вдохновеніи позъ и жестовъ. Какъ слова и мысли—такъ должны быть свободны и горды наши движенія, походка, улыбки. Тѣло наше цвѣтетъ, какъ цвѣтокъ, не боится солнца, свѣта... Но вы ничего, ничего не понимаете.

— Я понимаю.

— Зачѣмъ мы вмѣстѣ? Мы говоримъ на разныхъ языкахъ. Я знаю и чувствую радость плоти, и мудрость вашей бабушки для меня скучна и невыносима. Что жъ, оставайтесь вы у бабушки. Въ концѣ концовъ тамъ уютно и спокойно.

Она ушла, глотая соленыя слезы, спустившись по лѣстницѣ и перебравъ ступени тѣми же нѣжными робкими и молчаливыми ногами... А на этой лѣстницѣ—здѣсь гостинница—подобное случалось рѣдко.

Черезъ два года они снова встрѣтились. У поэта, несмотря на молодость, голова была въ сѣдыхъ волосахъ, и это его красило. Жилъ онъ также въ гостиницѣ, но въ болѣе дорогомъ номерѣ, и потому подниматься къ нему надо было уже невысоко. И она поднялась, перебирая ступени, и ноги ея, двигаясь въ шелковой, громко шуршащей юбкѣ, какъ бы разсказывали о какой-то нарушенной тайнѣ.

— Боже мой, вы измѣнились,—сказалъ поэтъ. И ваши волосы—у васъ были прекрасные темные волосы.

— Я ихъ выкрасила. Развѣ такъ не лучше?

Поэтъ поцѣловалъ ея выкрашенные волосы и грустно сказалъ:

— Я помню ваши прежніе волосы. Развѣ ихъ нельзя вернуть?

— Вы хотите? Вы помните?

Было утро, лѣто, сіяло душное, уже надоѣвшее солнце, вѣроятно отъ этого подъ рѣсницами не прятались густыя милыя тѣни. Поэтъ не понималъ въ чемъ дѣло, но все-таки замѣтилъ:

— И глаза измѣнились.

Часъ спустя онъ пристально смотрѣлъ на нее жесткими умными глазами и говорилъ:

— Мнѣ страшно дотрогиваться до васъ, ваши щеки холодны, безтрепетны, знаютъ много. Ваше тѣло узнало свободу, потеряло жажду исканія, оно привыкло къ извѣстнымъ движеніямъ, извѣстнымъ позамъ, почти заучило технику вдохновенія, не боится свѣта, не благоговѣетъ стыдливо передъ солнцемъ. Нѣтъ, вы не понимаете этого...

— Я понимаю,—сказала она и опустила рѣсницы, подъ которыми уже тяжелѣли тѣни.

— Что намъ дѣлать вмѣстѣ? Зачѣмъ? Вы не чувствуете, не знаете радости тихой тайны, скромнаго аромата жизни, прячущихся, интимныхъ ощущеній. Для чего вы около меня?

И она ушла, очень быстро спустившись по лѣстницѣ—потому что поэтъ жилъ невысоко. Но все-таки она продолжала любить его—какъ и прежде.

Годовщина.

...Прошлой весной въ мартѣ вы хоронили любимое существо: сестру, друга, любовницу.

Встали рано; тупо болѣли корни волосъ, приходили гробовщики, приходили люди, некрасиво плакали. Недоставало атласной подушки подъ голову, кто-то сказалъ: „Это нахальство!“, поѣхалъ въ похоронное бюро и все устроилъ. Тяжело пахло туберозами, внизу швейцаръ съ трудомъ отпиралъ вторую половину двери, всегда неподвижную. Болѣли корни волосъ—особенно у висковъ; вся грудь внутри сдѣлалась тяжелой, какъ будто туда положили угловатый кусокъ металла.

О томъ, что въ утреннія окна дышитъ весна и близится солнце—вы не думали. Запомнилось, что странно вздрагивалъ, наклоняясь и выпрямляясь, черный катафалкъ и колыхались въ стороны люди,

сидящіе въ каретахъ и дрожкахъ, Потомъ уже, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, однажды за шумнымъ обѣдомъ среди стука тарелокъ вы совершенно неожиданно соображаете, что качался катафалкъ отъ того, что двигались по камнямъ: снѣга уже не было.

— Пустяки, я вспомнилъ,—отвѣчаете вы на вопросъ заботливой хозяйки и грустно улыбаетесь.

Были и еще обѣды, и шутки, и украдкой пожатая рука, и письмо, принесенное посыльнымъ—вовсе не срочное. Гробъ не вспоминался. Надъ письменнымъ столомъ виситъ потретъ, увеличенный съ фотографіи, но глаза такъ присмотрѣлись, что уже не видятъ его. А однажды портретъ покривился, вы не замѣтили, такъ онъ и виситъ до сихъ поръ.

И вотъ снова весна. Вы спите. Еще рано; вамъ снится воздушный городъ, онъ весь сквозитъ, дома уплываютъ куда-то, безшумно двигаются люди, безшумная жизнь бьется въ вашемъ сердцѣ. Прошелъ кто-то: нѣтъ, проплылъ мимо. Кто? Не видно лица, но сердце брссилось впередъ, и вы вмѣстѣ съ нимъ, потому что въ его безшумномъ ритмѣ все ваше существованіе. Ахъ, вотъ сейчасъ догнать, остановить... Но что-то случилось. Въ воздушность тѣней ворвались чужіе непонятные звуки, „заразили“ сонъ, и весь онъ разваливается, сгниваетъ. Что это? Съ наружной стороны окна усѣлись голуби, ихъ вопрошающая воркотня убила сновидѣніе—какъ тяжелыя капли дождя кружево паутины,—и городъ исчезъ, никогда больше въ него не вернетесь.

Солнце. Противоположная стѣна каменнаго дома освѣщена золотыми свѣже-вымытыми лучами, и въ окнѣ наверху—ихъ не было видно всю зиму—двѣ дѣвочки, и одна киваетъ головой быстро, смѣшливо.

Но смѣяться нельзя: сегодня годовщина смерти, вы ѣдете на кладбище. Какое странное утро—одинокое съ печальными запыленными предметами, съ мѣрнымъ стукомъ собственныхъ шаговъ въ необычно рано разбуженной комнатѣ. Думается: вотъ и это надвинулось и еще... Отправляетесь. Въ трехъ, много десяти верстахъ отъ города—кладбище. Свѣ-

титъ солнце, небо сквозитъ, вы гдѣ-то давно видѣли такое небо... Тяжелый запахъ туберозъ вспоминается, какъ далекій полузабытый разсказъ: при этомъ воспоминаніи слабо-слабо начинаютъ болѣть корни волосъ у висковъ и ниже темени. Вотъ ограда кладбища. Сразу къ сердцу подкатывается тяжелый кусокъ металла, который давно не замѣчался. Далеко за полями кричитъ паровозъ. На могилѣ—мы словно виновны передъ ней—на могилѣ тихо качаются сухія прошлогоднія травинки; ихъ немного. Глинистая земля обнажилась. Слабый, безшумный вѣтеръ, который живетъ около могилъ и обнимаетъ за наклоненную шею каждый разъ, когда вы подходите — уже поднялся, проснулся, плачетъ, шепчетъ съ вами...

...„Ты, что ландышъ тихій у моего сердца. Когда чувствую дыханіе ландыша, я вспоминаю тебя. Твои руки были покорно опущены къ землѣ. Я у твоей могилы—я потерялъ тебя изъ виду—ты что ландышъ тихій.

„Въ весну расцвѣтала твоя душа. Твои глаза глядѣли вверхъ, и грусть легла на твои рѣсницы; оттого онѣ бросали на лицо такую темную тѣнь, ландышъ мой.

„Я чувствую странную вину передъ тобой. Я сколько разъ проходилъ мимо, не украсилъ твоей жизни, не берегъ тебя, не запомнилъ всѣхъ твоихъ словъ, не видѣлъ всѣхъ твоихъ движеній—ландышъ мой бѣлый.

„Когда я умру, придетъ другой—онъ всегда былъ близокъ мнѣ—и будетъ наклоняться надъ моей могилой, видѣть, какъ тихо колеблются сухія травинки, какъ обнажается глинистая земля, и услышитъ, какъ за полями кричитъ паровозъ.

„Пришедшій будетъ думать, что виновенъ передо мной, называть меня тихимъ ландышемъ и мечтать о другѣ, который придетъ когда-нибудь въ весеннее утро на его могилу, плакать о рукахъ, покорныхъ землѣ.

„Ландышъ мой бѣлый.“

Такъ вѣетъ вѣтеръ, который всегда живетъ у

могилъ. Конечно, мысли, которыя онъ вызываетъ, не отливаются въ слова. Это даже не мысли, это—волны Молчанія. Вы уходите. У ограды стоятъ нищіе—существа, питающіяся вашей печалью. Вы идете... Небо надъ вами, земля у вашихъ ногъ. И вотъ тутъ наступаетъ это странное прекрасное чувство счастья, великая минута, когда глубокое умиротвореніе окутываетъ лаской всю душу. Уже слезы выплаканы, и вдругъ вы чувствуете, что угловатый тяжелый кусокъ въ груди исчезъ, болѣзнь прошла, и больше не вернется. Вверху въ небѣ, какъ звуковая здѣзда, мерцаетъ пѣснь жаворонка; его не видно, но кажется, что въ воздухѣ дрожитъ сіяющая точка. Лежатъ дышащія, грузно шевелившіяся поля. Только что сошелъ снѣгъ, видны черныя глыбы, у самой дороги большой камень. Въ іюнѣ онъ накалится, сейчасъ въ тѣни его пріютился снѣгъ. Камень холоденъ какимъ-то особеннымъ, голубоватымъ холодкомъ ранняго марта, и сердце, омытое только что пролитыми слезами, тоже голубѣетъ, какъ воздухъ. Кусты голы, и каждая вѣточка тонкой чертой вырисовывается въ небѣ. Кричитъ паровозъ за полями, и звукъ его ложится на землю, тихо и покорно угасая. Жизнь на поляхъ еще не затеплилась, но ужъ въ глубинѣ задрожала, напрягаясь, черная сила. И отвѣтной дрожью зазвучало сердце. Поля—милыя кроткія поля—осенью они были кладбищемъ, длинный анстъ гулялъ по ихъ болотамъ, кричалъ паровозъ, хоронилъ ихъ. Вы идете, какъ завороженный; великое крыло жизни овѣяло васъ, тайна въ вашемъ челѣ. Солнце золотитъ ваши волосы... Не сонъ ли все ваше существованіе? И сквозятъ дома, деревья, и безшумно мимо насъ двигаются люди и исчезаютъ—потому что просыпаются?..

Ужъ близки рельсы желѣзной дороги, виднѣется скульптурная мастерская, сейчасъ прибудетъ поѣздъ и увезетъ васъ съ вашимъ счастьемъ—счастьемъ страданія въ душѣ.

ALLEGRO (П. С. СОЛОВЬЕВА).

Р. 1867.

* * *

Въ окно глядится сумракъ предразсвѣтный,
Чернѣетъ садъ угрюмою стѣной,
Унылый часъ, холодный, непривѣтный,
Какъ привидѣніе, проходитъ надъ землей.
Душа полна тревогою больною,
Усталая склонилась голова,
А синій сумракъ шепчетъ надо мною
Послѣднихъ снова неясныя слова...

Слова.

Поютъ пѣвцы... Напѣвъ, подъ сводомъ разливаясь,
То радостью кипитъ, то переходитъ въ стонъ.
Не слушая его и въ думу погружаясь,
Лежитъ недвижимо и мрачно Соломонъ.
Окончивъ пѣснь, пѣвцы передъ царемъ склонились
И пестрою толпой замолкшихъ птицъ ушли;
А благовонія сильнѣе задымились
И мутной сѣдиной подъ своды поползли.
И снова тишина съ безмолвною тоскою,
Какъ воры, пробрались въ дыму, среди столбовъ,
И подошли къ царю невидимой четою.
Онъ долго слушалъ рѣчь, понятную безъ словъ,
Потомъ вдругъ подалъ знакъ и поступью покорной
Поспѣшно рабъ вошелъ, склонился до земли
И, свитокъ развернувъ, тростинкою проворной
Онъ сталъ чертить... Слова изъ царскихъ устъ текли,
Какъ благовонія струятся изъ кадила,
Какъ выступаетъ медъ на лепесткахъ цвѣтовъ.
И неустанная рука раба чертила

Ряды сплетавшихся, безсмертныхъ вѣщихъ словъ.
„Одно вслѣдъ за другимъ проходятъ поколѣнья,
„И день смѣняетъ ночь, и тьму смѣняетъ свѣтъ,
„Глупцу и мудрому одна судьба—забвенье...
„Все въ мірѣ суета и суета суетъ.
„Я видѣлъ это все, и мертвыхъ, погребенныхъ
„Почелъ счастливѣй тѣхъ, кто видитъ и живетъ,
„А всѣхъ блаженнѣе—не бывшихъ, не рожденныхъ,
„Не вѣдавшихъ всего, что эта жизнь даетъ...
. . . . . .
„Все суета суетъ, все въ мірѣ суета...“
Звучала рѣчь царя то быстро, то протяжно;
Онъ смуглою рукой по воздуху водилъ;
А рабъ, нахмуривши чело, тростинкой влажной,
Склонясь къ папирусу, безъ устали чертилъ.
И думалъ бѣдный рабъ: „онъ понялъ все, онъ знаетъ,
„Что жизнь лишь только тлѣнъ, что смысла въ жизни нѣтъ;
„Зачѣмъ же онъ сынамъ въ наслѣдье оставляетъ
„Слова—все тотъ же прахъ и суету суетъ!
„Зачѣмъ же рѣчь его сверкающей рѣкою
„Струится, и душа восторгомъ залита?..“
Рабъ думалъ—и чертилъ послушною рукою:
„Все суета суетъ, все въ мірѣ суета!..“

* * *

Чѣмъ печальнѣй и чѣмъ безнадежнѣе
Одиночества тусклые дни,
Тѣмъ все ярче забытое прежнее
Зажигаетъ въ туманѣ огни.
Позади, сквозь сіянье вечернее,
Мнѣ пройденную видно межу.
Все спокойнѣй и все легковѣрнѣе
Я на будущій путь свой гляжу.
Оттого сердцемъ, жизнію раненымъ,
Мнѣ умершихъ мгновеній не жаль,
Что въ быломъ, какъ въ стеклѣ затуманенномъ,
Отразилась грядущая даль.

Г. А. ГАЛИНА.

Р. 1873.

* * *

Лѣсъ рубятъ—молодой, зеленый, нѣжный лѣсъ...
А сосны старыя понурились угрюмо,
И, по́лны тягостной неразрѣшимой думы,
Безмолвныя, глядятъ въ нѣмую даль небесъ...
Лѣсъ рубятъ... Потому ль, что рано онъ шумѣлъ?
Что на зарѣ будилъ уснувшую природу?
Что молодой листвой онъ слишкомъ смѣло пѣлъ
Про солнце, счастье и свободу?
Лѣсъ рубятъ... Но земля укроетъ сѣмена;
Пройдутъ года, и мощной жизни силой
Поднимется березъ зеленая стѣна—
И снова зашумитъ надъ братскою могилой!..

Весенняя пѣсня.

Лѣсъ душистой листвою
Пѣсню морю поетъ...
Кто-то близкій со мною,
Кто-то милый идетъ!
Сердце жадное снова
Вѣритъ майскимъ мечтамъ.
Нѣтъ,—безумному слову
Я сорваться не дамъ.
Даже сосны случайно
Не узнаютъ о томъ.
Спи, весенняя тайна,
Тихо въ сердцѣ моемъ!..

Nature morte.

Въ вазѣ букетъ увядающихъ розъ...
Нѣсколько начатыхъ, прерванныхъ строкъ...
Рядомъ—измятый и влажный платокъ,
Влажный отъ слезъ...
Что здѣсь схоронено женской душой?
Что эти розы видали вчера?
Кто въ эту ночь здѣсь рыдалъ до утра
Самъ надъ собой?...

На дюнахъ.

Иду я съ тихой думою
По дюнамъ золотымъ,
Гдѣ волны пѣснь угрюмую
Поютъ камнямъ сѣдымъ,
Гдѣ мохъ блѣдно-зелеными
Узорами лежитъ,
И красными колоннами
Сосновый лѣсъ горитъ.
И сѣвера сураваго
Печальные цвѣты,
Тамъ вереска лиловаго
Раскинулись кусты.
Люблю я эту странную
Нѣмую красоту,
Какъ милую, туманную
И грустную мечту!..
И пѣсню я угрюмую
Холодныхъ волнъ люблю,
И морю, съ тихой думою,
Несу печаль мою...

С. ПАРНОКЪ.

Выст. печ. 1906.

* * *

Я создала тебя въ неистовствѣ больномъ
Тревоги творческой,—и вотъ въ тебя невольно,
Въ печальный образъ твой, влюбилась я умомъ.
Тебѣ покоренъ онъ, когда-то своевольный.
Но, созидающій, онъ долженъ разрушать.
Онъ вѣчно полонъ жаждой роковою
Для новыхъ образовъ былое умерщвлять—
Онъ и тебя убьетъ, охваченный тобою.
Онъ и тебя убьетъ, томящая Печаль!
Какъ огненный цвѣтокъ, ты пылью золотистой
Осыпешься, зажжешь невѣдомую даль
И вдругъ погаснешь въ ней зарницею лучистой.

* * *

На перилахъ въ снѣгу оттискъ чьей-то руки.
Кто-то долго стоялъ на мосту,
И закатъ надъ сѣдымъ покрываломъ рѣки
Проводилъ огневую черту.
На закатѣ здѣсь кто-то и ждалъ и не ждалъ—
Разжималась, сжималась рука...
Какъ медлительно сумракъ тогда наплывалъ,
Какъ надежды росли и тоска!..
Неразсказанный тихій невѣдомый бредъ
Здѣсь хранится въ молчаньи ночномъ;
Одинокій въ снѣгу удаляется слѣдъ,
И безлюдно и мрачно кругомъ.

1-я кн. стих. 1901.

* * *

Мы встрѣтились рано,
Едва лишь заря
Ночного тумана
Разсѣкла моря,
Едва лишь въ сторожкѣ
Фонарикъ потухъ,
Въ саду на дорожкѣ
Распѣлся пѣтухъ,
И въ сладкой истомѣ
Опомнившись вдругъ,
Въ хлѣву на соломѣ
Проснулся пастухъ.
Я несъ съ собой ночи
Уютъ и тепло,
И сонныя очи
Слѣпило и жгло.
Мигъ встрѣчи былъ кратокъ,
Но вѣчно живой
Въ душѣ отпечатокъ
Хранится другой,
Хранится годами,
И встрѣчу съ тобой
Забылъ я очами,
Но помню душой.

* * *

Всю ночь ко мнѣ стучался кто-то,
Стучался тихо до утра...
Но были заперты ворота
Еще вчера.
Я ключъ желѣзный въ воду бросилъ,
Гдѣ мутныхъ волнъ спѣшатъ ряды.

Всю ночь я слышалъ всхлипы веселъ
И плескъ воды.
Тамъ, за стѣной, была возможность
Чего-то... я не зналъ чего...
Но сторожила осторожность...
И все мертво...
Мертво и тихо какъ доселѣ...
Ночной пришлецъ ушелъ давно...
Безстрастно—сумрачныя ели
Глядятъ въ окно.
И шепчутъ, чужды укоризны:
„Любовь стучалась до зари.
Она лишь разъ приходитъ въ жизни.
Теперь—умри.
Ты все отвергъ, что было цѣнно,
Ты прожилъ жизнь въ единый мигъ.
Того, что въ мірѣ чуждо тлѣна,
Ты не постигъ.
Тебѣ, какъ намъ, нѣтъ въ мірѣ дѣла...
Виситъ оборванная нить...
Съ сознаньемъ вѣчнаго предѣла
Не стоитъ жить.“

НИКОЛАЙ ПОЯРКОВЪ.

Р. 1877.

* * *

Снова осень золотыя кружева
Вышиваетъ тонкой матовой рукою.
Жалко пожелтѣла сочная трава,
Отъ пурпурныхъ рощъ повѣяло тоскою.
И во мнѣ поетъ какой-то смутный шумъ,
Непонятный шумъ и для него нѣтъ слова,
Можетъ быть отлетъ прозрачныхъ милыхъ думъ
Въ заповѣдный край угасшаго былого.
Тихій свѣтъ царитъ повсюду... Синева
Все своей фатою овѣваетъ.
Снова осень золотыя кружева
Тонкой матовой рукою вышиваетъ.

Пѣсня жрицы.

Въ амфорахъ нѣтъ вина, вербены отцвѣтаютъ...
Пусти меня скорѣй, я тороплюсь во храмъ.
Въ долинахъ и лѣсахъ туманы быстро таютъ,
Веселый первый лучъ струится по горамъ.
У мраморныхъ колоннъ святую голубицу
Богинѣ принесу на жертвенникѣ бѣломъ.
Я ночью вся твоя и мыслями и тѣломъ,
А днемъ не смѣй ласкать таинственную жрицу.
Смѣется свѣтлый день, лазурью голубѣя,
У мраморныхъ колоннъ зажгу я фиміамъ.
Коснется ночь земли, опять приду къ тебѣ я...
Пусти меня скорѣй, я тороплюсь во храмъ.

* * *

Опять этотъ вѣтеръ широкій и свѣжій
Въ лѣсу опустѣвшемъ уныло свиститъ.
За вѣтками чудится топотъ медвѣжій.
Усталое сердце тревожно стучитъ.
Съ печальныхъ деревьевъ летитъ позолота,
Застыла въ холодной тоскѣ синева.
Лиловымъ туманомъ клубятся болота,
О чемъ-то угаснувшемъ плачетъ трава.
Я путникъ усталый и сердце въ туманѣ,
Дороги не знаю. Такъ много дорогъ.
А вѣтеръ все громче кричитъ. Въ ураганѣ
Мнѣ слышится громкій таинственный рогъ.
Зловѣще пылаетъ закатъ запоздалый
За чёрною ширью болотъ и лѣсовъ.
Я вѣчный скиталецъ. Я путникъ усталый
Внимаю хрипѣнью ночныхъ голосовъ.

В. БАШКИНЪ.

Р. 1880.

Златокудрая осень.

Златокудрая осень мечтаетъ въ саду,—
То заглянетъ въ купальню на сонномъ пруду,
Обходя осторожно желтѣющій кустъ,
То къ окну замолчавшаго дома прильнетъ.
Не отвѣтитъ ей домъ: онъ покинутъ и пустъ.
И, вздыхая, тихонько она отойдетъ.
Выйдетъ въ поле, гдѣ красный осинникъ дрожитъ,
Узкой лентой дороги къ заборамъ прижатъ.
Въ безучастную даль сжатыхъ нивъ поглядитъ
И съ тревожною думой вернется назадъ,
Приласкаетъ задумчиво поздній цвѣтокъ
И одинъ за другимъ оборветъ лепестокъ.
Отъ безшумныхъ шаговъ сторонится трава.
Пятна солнца ложатся на влажный песокъ.
Не дыша, умираетъ на кленахъ листва.
Подломившись, отрывисто хрустнетъ сучокъ.
Но надтреснутый звукъ тишины не смутитъ...
Златокудрая осень о счастьѣ груститъ.

Старикъ.

Въ нашъ станъ пришелъ, украшенный до плечъ
Блестящими, какъ мѣсяцъ, волосами,
Сѣдой старикъ и выбралъ острый мечъ,
И положилъ свой посохъ передъ нами,
Смотрѣлъ на насъ потухшими глазами
И, молча, ждалъ, когда умолкнетъ рѣчь—
О красотѣ тревожныхъ, бѣглыхъ встрѣчъ

Съ опасными и злобными врагами...
Умолкли мы, и далъ онъ знакъ рукой,—
И боевую пѣсню мы запѣли,
Она росла, какъ радостный прибой,
И, какъ мечи, угрозы въ ней звенѣли....
А онъ стоялъ недвижный и нѣмой,
Одни глаза его огнемъ горѣли.

Отъѣздъ.

Съ поля дуетъ рѣзкій, злобный вѣтеръ...
Поднимаютъ верхъ кривой кибитки...
Подошелъ проститься старый сетеръ,
Съ хмурымъ видомъ трется у калитки
Говорю ему: „Къ веснѣ пріѣду“...
Рядомъ въ домѣ звякнули тарелкой:
Соблазнился старый—и къ сосѣду
Побѣжалъ на дворъ рысцею мелкой...
„Береги себя,—мнѣ шепчетъ мама,—
Напиши, когда найдешь уроки“...
Отъ заботъ я сторонюсь упрямо,—
Торопливо подставляю щеки...
„Ты у насъ такой неосторожный“...
Досказать боится,—молча, проситъ.
Неувѣренъ взглядъ ея тревожный...
Саквояжъ сестра большой выноситъ.
Бормочу я что-то имъ сквозь зубы...
Помѣстился на сидѣньи жесткомъ...
Дернулъ кучеръ... Слышу окрикъ грубый...
Развернулась даль за перекресткомъ.
Смутно вижу мирный сонъ погоста
И унылый остовъ церкви древней;
Заскрипѣли грузно скрѣпы моста...
Проѣзжаемъ маленькой деревней.
Открываютъ отводъ намъ мальчишки,
Мѣдяки сбираютъ хлопотливо...
Въ край, который знаю по-наслышкѣ,
Уношусь мечтой нетерпѣливой!

Лебедь.

Полюбилъ бродить я въ паркѣ старомъ,—
Въ немъ тоску баюкаетъ дремота.
Онъ сгораетъ медленнымъ пожаромъ,
Какъ на ветхихъ рамахъ позолота.
Сухъ малинникъ. Смятъ онъ и поломанъ.
Парусина стянута съ бесѣдки.
На закатѣ осень... Птичій гомонъ
Прозвучалъ растерянный и рѣдкій.
По мостамъ пройду къ купальнѣ сѣрой,
Гдѣ давно привыкло все къ безлюдью,
И смотрю, какъ лебедь бѣлоперый
Рѣжетъ воду серебристой грудью...
Вѣетъ сумракъ холодомъ пустыннымъ,
Тишина полна тоской несмѣлой,
Точно я на кладбищѣ старинномъ,
Гдѣ груститъ о прошломъ мраморъ бѣлый.

* * *

Ходятъ волны по зеленымъ нивамъ,
Теплый мракъ выходитъ изъ лѣсовъ.
Ночь несетъ спокойнымъ и счастливымъ
Много ясныхъ, много свѣтлыхъ сновъ.
Эту ночь я скорбной пѣсней встрѣтилъ,
Оттого, что былъ убогъ и сиръ,
Не смотрѣлъ, какъ ясный мѣсяцъ свѣтелъ,
Какъ лучистъ и веселъ звѣздный міръ.
А потомъ мнѣ было жаль до боли,
Что всю ночь я въ комнатахъ провелъ,
Что туда, гдѣ золотится поле,
Съ наболѣвшимъ сердцемъ не ушелъ.
Тамъ бы могъ рыдать я, какъ ребенокъ,
И никто бы не смутилъ мой плачъ,
И кричалъ бы, голосистъ и звонокъ,
Гдѣ-то рядомъ маленькій дергачъ.

Солдаты.

Тѣсныя улицы злы,
Всѣ онѣ гнѣвомъ объяты:
Въ холодѣ утренней мглы
Въ городъ вступаютъ солдаты.
Съ кровью по жиламъ бѣжитъ
Маршъ утомительно-четкій...
Мозгъ напряженный горитъ
Чаднымъ угаромъ отъ водки...
Каждый насупленный домъ
Смерть и безумье готовитъ.
Шопотъ враждебный кругомъ
Слухъ настороженный ловитъ...
Месть затаилъ не одинъ...
Страшно становится вчужѣ...
Море затылковъ и спинъ.
Море сверкающихъ ружей.

* * *

Грозный день проходилъ въ непонятной тоскѣ.
Не дымили прямыя, высокія трубы...
Проходили солдаты... Отчетливо-грубы
Умолкали шаги вдалекѣ...
Отдавался горнистомъ сигналъ на рожкѣ.
Вразсыпную бросалась толпа безъ отчета.
Торопливо вездѣ запирали ворота.
Залпъ за залпомъ гремѣлъ вдалекѣ.
Только видѣла темная ночь, какъ тайкомъ,
Словно воры, собрались на кладбищѣ люди.
Осторожно дышали стѣсненныя груди
И солдаты стояли кругомъ.

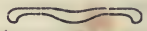
За деревней.

Прохладно за старою ригой,
Гдѣ дремлетъ раскидистый дубъ,
Гдѣ пахнетъ смолою душистой
Поставленный за-ново срубъ.
По только что вырытымъ грядамъ
Заносчиво ходитъ пѣтухъ.
У влажной, веселой тропинки
Помятъ молчаливый лопухъ.
Недаромъ все утро ворчала
Глухая хозяйка на насъ:
Закрыть мы забыли калитку,
Открыта она и сейчасъ.
Пришли ребятишки гурьбою,
Идти насъ на рѣчку зовутъ.
Крестьянскія дѣвушки пѣсню,
Сажая разсаду, поютъ.
Жужжатъ золотистыя мухи.
Прозрачное небо свѣтло,
И съ блѣдной весенней лазури
Весеннее льется тепло.

Рѣчка Удоха.

Серебрянымъ блескомъ горятъ водяныя чешуйки:
Веселая рѣчка скользитъ изъ-подъ стараго моста.
Поютъ и смѣются пѣвучія быстрыя струйки,
Ихъ сдержанный лепетъ звучитъ мелодично и просто.
На высохшемъ камнѣ русалочка-дѣвочка плачетъ,—
Темно ей и скучно подъ бревнами въ тихой запрудѣ,
Прозрачное тѣло отъ солнца въ тѣни она прячетъ,
Рукой прикрываетъ стыдливыя дѣтскія груди,
И смотритъ на синее небо нѣмыми глазами,
Не смѣя взглянуть на покатыя полосы поля,

Гдѣ вѣтеръ играетъ въ зеленомъ овсѣ съ васильками,
Гдѣ яркое солнце и свѣтлая вольная-воля.
О чемъ-то подумалъ пушистый ячмень за дорогой,
Вздохнулъ, прошумѣлъ и стоитъ какъ ни въ чемъ-
не бывало,
Потомъ поклонился деревнѣ больной и убогой
И ветхимъ березамъ, съ жары задремавшимъ устало...
И снова все тихо... Однѣ говорливыя струйки
Поютъ безъ умолку, что здѣсь ничего имъ не жалко,
Что въ дальнемъ краю еще ярче горятъ ихъ че-
шуйки,
Что въ дальней рѣкѣ ихъ другая полюбитъ русалка.



ИВАНЪ НОВИКОВЪ.

Р. 1877.

Избіеніе младенцевъ.

Ходитъ, ходитъ по землѣ незваный гость,
Съ гробовщиками знается,
Бранится, ругается:
Требуетъ скорѣе и больше гробовъ.
Ходитъ, ищетъ, нюхаетъ, для смерти старается
гость,
Молотокъ беретъ, забиваетъ гвоздь,—
Чтобъ беречь покойничковъ отъ воровъ.
Скорѣе, проклятые! Побольше побольше гробовъ!
Стала у застрѣхи старая—престарая смерть—
Смерть, старуха костлявая,
Грудь дырявая,
Вмѣсто сердца голодная волчья пасть.
Пьянѣетъ отъ младенческой крови бабушка-смерть.
Оперлась—скелетная—о гнилую жердь—
Какъ бы отъ радости ей не упасть.
Щелкаетъ зубами жадное сердце-пасть.
И все ходитъ, старается безликій гость—

Отгоняетъ стариковъ и старухъ,
Точно мухъ,
Даетъ младенцамъ нещадный знакъ: умри!
И вотъ что-то несетъ, въ гнѣвѣ несетъ обезумѣвшій гость,
Смерти протянулъ, какъ собакѣ кость—
Кинулъ нѣжное тѣльце, крикнулъ: жри!
Надъ нимъ безсиленъ мой знакъ—умри!..
Затряслась, поблѣднѣла старушка-смерть—
Костями рукъ бѣлоснѣжными,
Неумѣчи нѣжными,
Тихо склонила на сѣно Дитя.
Въ первый разъ въ жизни заплакала бабушка-смерть.
Брызнула вечерними звѣздами твердь.
Искала и плакала нечаянной радостью смерть, найдя.
И улыбалось, свѣтло улыбалось Дитя.

Дитя ночи.

Подъ утро въ долинѣ родился Цвѣтокъ.
Въ душу ему заглянула—успѣла!—
Темная ночь.
И прочь
Улетѣла.
Подъ самое утро родился Цвѣтокъ.
Ночнымъ ароматомъ дышалъ.
Ночною мечтою мечталъ.
Зóри—дѣвушки въ розовыхъ платьяхъ—
Его увидали,—смѣялись и звали,
Увлекали гурьбой—
За собой.
Не слышалъ Цвѣтокъ.
Не засмѣялся Цвѣтокъ.

На небо, ликуя, взошла Королева,
Всѣхъ обогрѣла, Цвѣтку улыбнулась.
И зазвенѣли поля.
Вся земля
Проснулась:
Въ блескѣ, ликуя, взошла Королева.
Не видѣлъ Цвѣтокъ.
Не пробудился Цвѣтокъ.
Подъ вечеръ въ долинѣ умеръ Цвѣтокъ—
Ночная душа тосковала.
Въ вѣчную Ночь—
Вѣрная дочь—
Отлетала.
Подъ вечеръ для ночи родился Цвѣтокъ.
Умирая—рождаясь—мечталъ,
Ночную мечту призывалъ.

Раннею весной.

Первая робѣющая зелень,
На березахъ четкія сережки,
Въ звонахъ отъ задумчивыхъ вечеренъ
У порога жизни бьетъ дитя—весна въ ладошки.
Голубѣетъ даль полей за рѣчкой,
Лѣсъ подернулся таинственной фатой,
Блѣдною молитвенною свѣчкой
На небѣ зажегся мѣсяцъ золотой.
Мягкимъ вздохомъ тьма прикрыла зелень
И свернула на ночь нѣжные листочки.
Замерли, баюкая, отзвуки вечеренъ,
Дѣтскимъ сномъ заснули маленькія почки.

ВИКТОРЪ СТРАЖЕВЪ.

Р. 1879.

* * *

На ясныхъ полянахъ рвала цвѣты.
Гудѣли надъ Нею весенніе звоны.
Золотые мосты
Изъ солнечныхъ нитей воздушно спускались...
А тучки, въ лазури, какъ дѣти, гонялись.
Сверкали березки, шумѣли клены.
Бродила полями, плела вѣнки...
Напѣвала.
Задумалась тихо у тихой рѣки
И въ воду кидала
Вѣнки.
Они уплывали, и съ ними далеко-далеко
Мечта уплывала... Шуршала осока...
Просторно вокругъ разбѣгались откосы.
Она распустила тяжелыя косы,
Въ рѣкѣ отражалась...
Глубокому ясному дню улыбалась.

* * *

У дороги, за околицей—мертвая береза...
Въ вѣтрѣ сучьями шуршитъ,
Въ вѣтрѣ стонетъ и скрипитъ,
И стволомъ, кривымъ, корявымъ,
Плачетъ голосомъ гнусавымъ
У дороги, за околицей, мертвая береза.
Это стонетъ духъ убійцы,
Душегуба, кровопійцы?
Грѣхъ великій тяготитъ?
Тяжко молитъ: кто проститъ?
У дороги, за околицей—мертвая береза.
Это—Другъ, сѣдой и древній?
Сторожитъ онъ сонъ деревни?
Это Голодъ, Бѣлый Гость,
Гложетъ, лижетъ чью-то кость?
У дороги, за околицей—мертвая береза.
Сучья тянутся, какъ руки...
Въ скрипѣ—плачъ великой муки,
Плачъ великой Нищеты.
Это—Русь родная? Ты?
У дороги, за околицей—мертвая береза.

* * *

Огня не надо. Будемъ тихо
Сидѣть, вдвоемъ, у камелька.
И путь приходитъ наше Лихо,
И пусть цвѣтетъ, поетъ тоска.
Насъ тихій вечеръ, лиловѣя,
Рукою темной обойметъ,
И, можетъ быть, какъ угли тлѣя,
Нашъ черный день замретъ, умретъ.

Нѣжно стебли клонитъ
Тихій вѣтерокъ.
Думу-дрёму гонитъ
Сонный ручеекъ.
Пряно пахнетъ смолка.
Грузный жукъ ползетъ,
И мохнатка-пчелка
По цвѣтамъ снуетъ.
Въ небѣ тучка таетъ,
На-земь кинувъ тѣнь.
Къ Богу отлетаетъ
Милый ясный день.

За окномъ метель сѣдая
Плачетъ, пляшетъ и поетъ.
„Мама! мама золотая!
Гдѣ нашъ Боженька живетъ?“
Угли стынутъ, умираютъ...
Тѣни шепчутъ по угламъ.
„Мама! сказки не бываютъ?
Сказки снятся только намъ?
Тихій отсвѣтъ дней былого.
Блескъ алмазный грустныхъ глазъ.
„Мама! мама! плачешь снова?
Развѣ горе есть у насъ?“
Въ мукѣ тяжкаго безсилья
Будетъ долго сердце тлѣть.
„Ну, а, если сдѣлать крылья,
Можно въ небо улетѣть?“

Глазки ясные замкнула,
Въ бѣломъ гробикѣ уснула,
И принесъ ей Угомонъ
Тихій-тихій вѣчный сонъ.
Спи, моя дѣвочка, спи!
Кукла горько сиротѣетъ...
Кто-то куклу пожалѣетъ?

Да и Мурки плохъ удѣлъ:
Котикъ Мурка овдовѣлъ.
Спи, моя дѣвочка, спи!
Няня плачетъ, тѣнью бродитъ...
Ночка темная приходитъ,
Смотритъ въ окна, вся въ слезахъ,
Видитъ дѣвочку въ цвѣтахъ.
Спи, моя дѣвочка, спи!

* * *

Въ уютѣ комнаты, у оконъ,
Завечерѣла тишина.
Зацвѣлъ зарей твой темный локонъ,
Воздушно-легкій, милый локонъ,
Въ лучахъ, упавшихъ изъ окна.
И встала ночь—и разметнула
Надъ нами черное крыло.
Сѣдая скорбь, какъ мать, прильнула,
У изголовья скорбь прильнула,
И горе-посохъ повело.
Не надо словъ. Не надо рушить
Зарей зацвѣтшій сонъ-хрусталь.
Любовь и скорбь мы будемъ слушать,
Въ лучахъ зари мы будемъ слушать
Пѣвуче тающую даль.

* * *

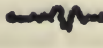
Надъ голыми, неплодными полями
Грустилъ осенній блѣдный тихій день.
Бродила Скорбь голодныхъ деревень
Проселками, кривыми колеями.
Въ прорѣзы тучъ глядѣла неба просинь.
По перелѣскамъ ржаво-золотымъ
Курился, ползалъ легкій ѣдкій дымъ...
Изнемогала сѣверная Осень.

* * *

Поманила вѣточка молодой березки,
Нашептала свѣтлое сонная трава.
А на ели лапчатой стыли скорби слезки,
И лучилась, искрилась неба синева.
Кто-то горько плакался о земной недолѣ.
Жалобилось дальнее, мѣрное „ку-ку".
Заблудилось облачко въ поднебесномъ полѣ.
А душа баюкала свѣтлую тоску.

* * *

Въ густыхъ аллеяхъ крылья черныя
Запутала слѣпая ночь.
Легла, измученно покорная,
И волю окрылить—невмочь.
И ночь слѣпую въ сердце темное,
Какъ жала, жалятъ писки совъ.
Чье горе горькое, бездомное
Вздохнуло глухо у кустовъ?
Чья доля-пагуба скитается
Въ ночи затерянной тропой?
То не мое ли сердце мается
Въ безпутьи темени слѣпой?



* * *

Они стояли молча... И плакала она...
И тихо плакалъ вѣтеръ у темнаго окна,
И улица рыдала огнями фонарей,
И плыли мимо пятна невѣдомыхъ людей.
И грустно-грустно было у темнаго окна...
Они стояли молча... И плакала она...

* * *

Низко-низко къ земи клонится
На обмежкѣ рожь.
Море-золото червонится,
Въ морѣ-ржи плывешь.
И душа, какъ парусъ, кренится,
Вольный пьетъ просторъ.
Небо въ бѣлыхъ тучкахъ пѣнится.
Захмелѣлъ мой взоръ!

ЕВГ. ТАРАСОВЪ.

Р. 1882.

Ночной поѣздъ.

Въ сонный мракъ изъ темной бездны
Кѣмъ-то брошенъ звукъ желѣзный.
Звукъ печаленъ, слабъ и глухъ.
Ночь разбужена упрекомъ,
Кѣмъ-то дальнимъ, одинокимъ,
Кѣмъ-то страннымъ,
Неустаннымъ—
И скрываетъ свой испугъ.

Звукъ растетъ. Ужъ это—грохотъ,
Лязгъ желѣзный, крики, хохотъ.
Лязгу внемлетъ все вокругъ.
Кто-то огненный, трехглазый
Сѣетъ красные алмазы,
Въ клубахъ дыма
Мчится мимо,
Чтобы гдѣ-то скрыться вдругъ.

Вотъ онъ бросилъ крикъ желѣзный,
Крикъ полночный принятъ бездной,
Темной бездной повторенъ.
Дальше, дальше, дальше мчится.
Въ темномъ небѣ дымъ клубится.
Бросилъ гдѣ-то
Брызги свѣта.
Въ рельсахъ замеръ тихій стонъ.

Словно спугнутая птица,
Вслѣдъ за нимъ безшумно мчится
Ускользающая тѣнь.
Дальше, дальше, мимо скучныхъ,
Засыпающихъ, беззвучныхъ,
Мимо сонныхъ,
Утомленныхъ
Городовъ и деревень.

* * *

Больные чуждымъ намъ недугомъ,
Стремясь за чуждой намъ мечтой,
Они пришли—и острымъ плугомъ
Черту вписали за чертой.
Сказали намъ: здѣсь будетъ городъ,
Внизу сложили темный склепъ—
И городъ ихъ, какъ мощный воротъ,
Впиталъ въ себя людей и хлѣбъ.
Онъ власть свою простеръ надъ нами,
Смѣшалъ въ одно и ночь, и день,
И тѣ, кто въ немъ, манятъ огнями
И насъ влекутъ изъ деревень.
А чтобы мы поля забыли,
Чтобъ жили въ дымахъ и пыли—
Они камнями землю скрыли
И камнемъ городъ обнесли.

И чтобъ быстрѣй могли плодиться
Убійство, плѣсень и чума—
Они построили гробницы
И дали имя имъ: дома.
И каждый домъ—съ другими тѣсно
Спаялся тяжестью небесъ,
А съ двухъ сторонъ—слѣпой, отвѣсный,
Поросшій плѣсенью обрѣзъ.
И тамъ, за тяжкими камнями,—
Провалы келій. Люди въ нихъ.
Всѣ—раздѣленные стѣнами,
И каждый—близко отъ другихъ.
Кто за стѣной?—Не скажетъ городъ.
Онъ слишкомъ полонъ: ночь и день
Въ него вливаетъ мощный воротъ
Людей и хлѣбъ изъ деревень.

На ущербѣ.

Тюрьма зажглась. Тюрьма манитъ огнями—
И призракомъ безмолвнымъ и сѣдымъ
Изъ трубъ возникъ влюбленный въ небо дымъ.
Возникъ—плыветъ недвижными струями
Къ созвѣздьямъ, тлѣющимъ надъ нами,
Къ алмазамъ вѣчно-молодымъ.

Молчитъ въ своемъ морозномъ одѣяньѣ
Ущербный ликъ тускнѣющей луны.
И спятъ, ея огнемъ озарены,
Отлитыя изъ дыма изваянья.
Лишь чье-то жуткое рыданье
Звучитъ средь мертвой тишины.

Тюрьма глядитъ, какъ звѣрь тысячеглазый.
Проснулся страхъ. Колеблется. Живетъ.

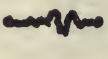
Пугаетъ мысль и въ пропасти ведетъ...
Сейчасъ шепнетъ ужасные разсказы
И въ небѣ свѣтлые алмазы
Влюбленнымъ дымомъ обовьетъ...

* * *

Опушилась узорами инея,
Изъ-за дальней деревни глядишь,—
Какъ спокойно съ тобою мнѣ, синяя,
Предвечерняя, чуткая тишь!
Прохожу по опушкамъ напудреннымъ
Мимо низкихъ озябшихъ кустовъ.—
У дороги, въ снѣгу цѣломудренномъ,
Много брошено чьихъ-то слѣдовъ.
Вплоть до лѣса, гдѣ встрѣчены высями
Позабытые въ пашняхъ луга,—
Осторожными лапами лисьими,
Какъ иголкой, прошиты снѣга.
Черезъ мигъ, у рѣки, угадаю—чьи
Навязали тутъ петель стежки:
Это мелкіе быстрые заячьи
Отъ лисы уходили прыжки.
Я отдамся вамъ, сумерки кроткія,
Я приникну къ тебѣ, тишина,
Чтобы звѣремъ—звѣриныя, четкія—
На снѣгу разбирать письмена,
Чтобы звѣремъ, простымъ и стремительнымъ,
Звѣремъ бѣлыхъ лѣсовъ и полей—
Проходить по снѣгамъ утомительнымъ
Безконечной дорогой своей.

* * *

Листья золотистые падаютъ въ саду.
Я люблю ихъ шелесты. Я туда пойду.
Тамъ ковры червонные между черныхъ пней
Пахнутъ увяданіемъ съ каждымъ днемъ сильнѣй.
Долго-долго по саду я бродить готовъ.
Вонъ поникла дѣвушка въ желтизнѣ кустовъ...
Какъ она задумчива! Цвѣтъ ея волосъ
Ласково сливается съ золотомъ березъ.
Дѣвушка печальная, что ты ищешь тамъ?
Что подносишь медленно къ сердцу и устамъ?
Отчего устала ты? Отчего блѣдна?
Поброди съ мечтателемъ, если ты одна...
Дѣвушка испуганно въ даль уходитъ прочь.
Потемнѣло золото. Скоро будетъ ночь,
Сказочныя сумерки развернулъ закатъ.
Листья осыпаются. Листья шелестятъ.



* * *

Каждый вечеръ иду за ворота.
Этой шумной весной я одинъ.
Зажелтѣла во мглѣ позолота
Освѣщенныхъ оконныхъ витринъ.
Въ магазинѣ сосѣдняго дома,
Въ голубомъ озареньи окна
Промелькнула, свѣтла и знакома,
За цвѣточнымъ прилавкомъ она.

Знаю золото взбитой прически,
Утомленную матовость рукъ,
Ожерелья жемчужныя блестки
И бровей удивленный испугъ.
Наклонилась къ витринамъ, взглянула
Въ затуманенный уличный бѣгъ,
И къ окну изъ вечерняго гула
Подошелъ и прильнулъ человѣкъ.
Мчится улица въ бликахъ и гамѣ,
Небо прячетъ задумчивый сводъ.
И брожу я глухими шагами
Передъ окнами взадъ и впередъ.
И когда потемнѣютъ кіоски,
И когда, утомленный давно,
Я увижу, какъ черныя доски
Заслонятъ голубое окно,—
Я не стану противиться чарамъ,
Затаюсь, прослѣжу изъ воротъ,
Какъ ея силуэтъ тротуаромъ
Замедленно и чутко пройдетъ.
Эти встрѣчи тревожны и кратки...
Полувзглядъ, обращенный назадъ,
И въ неловкости робкой оглядки—
Онѣмѣвшій потупленный взглядъ.
И приблизитъ насъ мартовскій вечеръ,
И, приблизивъ, отниметъ мечту.
И пойму я, пойму я, что нечѣмъ
Освѣтить и согрѣть пустоту...
И когда, обезсиленный, поздно
Позвоню я у тихихъ дверей,—
Будетъ небо пустынно и звѣздно
Отъ потухшихъ внизу фонарей.

АЛ. КОНДРАТЬЕВЪ.

Р. 1876.

Четыре фрагмента.

Волосы твои черны, какъ листья деревьевъ безлунною ночью, и какъ сицилійскій папирусъ шелеститъ бѣлое платье твое.

Напѣвая, проходишь ты мимо сада, гдѣ работаю я, и сандаліи твои стучатъ по камнямъ, подобно копытцамъ газели.

Брови твои властны, какъ слово великаго царя въ Вавилонѣ, и душу мою оковала ты ими.

Въ ожиданіи улыбки твоей...

Ибо, когда улыбаешься ты, о карѳагенянка, я забываю плѣнъ свой, тоску по родинѣ и всѣ клятвы мои, оставленныя дѣвамъ Родоса...

Твердой мотыкой я бью желтую рыхлую землю. Горячій потъ ручьями струится по моей обожженной солнцемъ спинѣ.

Усталый, я не могу разогнуть поясницы; въ глазахъ же моихъ танцуютъ красно-зеленыя пятна... О, богъ Аполлонъ, сжалься надъ эллиномъ! Нѣкогда я, подобно тебѣ, натягивалъ лукъ...

А вы, приморскіе вѣтры, дохните въ лицо мнѣ свѣжестью волнъ и принесите на крыльяхъ своихъ ароматъ черно-синихъ волосъ той, кто прекраснѣе всѣхъ въ странѣ Ашторетъ!

Какъ заря румяны ланиты твои и какъ черныя звѣзды глаза.

Легка походка твоя, и сладко звенятъ золотыя цѣпочки у ногъ.

Благоуханіе струятъ бѣлые цвѣты въ волнѣ твоихъ пышныхъ волосъ.

Отдаваясь солнечной ласкѣ, какъ радостный сонъ, проплываешь ты мимо меня, свѣтлымъ легонькимъ зонтикомъ зашищая отъ загара лицо.

Бойся тягостныхъ стрѣлъ знойнаго Локсія, финикійская дѣва! Вечеромъ проходи вдоль незащищенныхъ тѣнью полей.

Вечеромъ и твоя тѣнь станетъ длиннѣе, и тогда, павъ на колѣни, я могу незамѣтно ее поцѣловать...

Свобода и месть снились мнѣ этою ночью.

Какъ бѣлые призраки встали вдали очертанья тріэръ славной Эллады.

Дружно били по чуждымъ волнамъ тяжелыя весла.

Ярко пестрѣли вдоль по бортамъ боевые щиты, гдѣ на красной доскѣ гордо бѣлѣло родосское Ро.

И одно за другимъ тонули въ жестокомъ бою встрѣчавшія эллинскій флотъ суда карѳагенянъ.

А когда по каменнымъ плитамъ объятаго ужасомъ порта задвигались стройно въ звонкую мѣдь одѣтые лохи, когда запѣли тревожно длинныя трубы и неподвижные трупы легли по площадямъ и на ступеняхъ храма Мелькарта,—я вышелъ навстрѣчу гоплитамъ Эллады.

Вмѣстѣ съ ними жегъ я дворцы и убивалъ карѳагенянъ, пока не приблизился къ черному дому, гдѣ скалили зубы золотыя пасти разгнѣванныхъ львовъ...

Съ обрызганной кровью сѣкирой въ рукахъ перепрыгнулъ я за порогъ.

Ибо зналъ я, что ты стоишь недалеко... Но когда я увидѣлъ тебя, въ одеждѣ бѣлой, какъ мѣлъ моего родимаго острова, нѣжный твой ликъ заслонилъ для меня и разубранный пышно дворецъ и трупы, и тяжкою мѣдью одѣтыхъ гоплитовъ Эллады...

Затѣмъ все исчезло, и сердце мое болѣзненно сжалось...

То наступилъ мнѣ на грудь, будя меня для постыдной работы, суровый надсмотрщикъ съ кожаной плетью въ рукахъ...

Полководецъ.

На любимомъ слонѣ боевомъ
Объѣзжалъ я войска. Свысока
Я считалъ ихъ, и въ сердцѣ моемъ
Что-то тихо шептала тоска.
Неподвижно застыли ряды
Яркопурпурныхъ шлемныхъ гребней.
Пѣна падала наземь съ узды
Головою мотавшихъ коней.
Помню хмурыхъ обвѣтренныхъ лицъ
На меня устремляемый взглядъ,
Блескъ лучей на серпахъ колесницъ,
На равнинѣ построенныхъ въ рядъ.
Помню панцырей сомкнутый строй,
Распростертыя крылья орловъ,
И узоръ живописно цвѣтной
Прислоненныхъ къ колѣну щитовъ...
Помню кто-то ко мнѣ подскакалъ,
Чей-то пятился конь отъ слона;
Кто-то голосомъ хриплымъ сказалъ:
„Вождь... враги... Рать ихъ близко... видна!“
Я взглянулъ. Въ золотистой дали,
Изъ-за сѣропесчаныхъ холмовъ,
Словно темныя змѣи, ползли
Безконечныя рати враговъ.
Ихъ синтагмы одна за другой
На равнину широкую шли.
Надвигался наѣздниковъ рой,
И сверкали мечи ихъ въ пыли.
Все виднѣе ихъ рать и виднѣй.
Вотъ отдѣльные крики слышны.
Изъ-за строя людей и коней
Показались, темнѣя, слоны...
Я далъ знакъ мановеньемъ руки—
И кровавый звенящій сигналъ,
Полный дикой зловѣщей тоски,
Изъ серебряныхъ трубъ задрожалъ.
И сознаньемъ могущества гордъ

Поднялъ къ небу клинокъ я меча,
И ряды всколыхнулись когортъ,
Словно львиное стадо рыча.
И впередъ зашагали они;
Застонала земля отъ шаговъ.
И поплыли, алѣя, гребни,
Окружавшіе свѣтлыхъ орловъ.
Застучали щиты подъ копьемъ,
Столкновенья минута близка...
Я былъ блѣденъ, и въ сердцѣ моемъ
Что-то тихо шептала тоска.

Ей.

Темноликая, тихой улыбкою
Ты мнѣ душу ласкаешь мою.
О, прости меня, если ошибкою
Я не такъ тебѣ пѣсни пою.
Ты разсыпала щедро узорами
Свѣтляковъ золотые огни.
Благосклонными вѣщими взорами
На открывшаго душу взгляни!
Черносиними звѣздными тканями
Ты вселенной окутала сонъ.
Одинокій, съ простертыми дланями,
Я взываю къ Царицѣ Временъ.
Ты смѣешься очами бездонными,
Неисчетныя жизни тая...
Да прольется надъ дѣвами сонными
Безконечная благость Твоя!
Будь щедра къ нимъ, о, Матерь Великая,
Сѣя радостно въ міръ бытіе,
И прими меня вновь, Темноликая,
Въ благодатное лоно Твое!

БОРИСЪ САДОВСКОЙ.

Р. 1881.

Лѣшій.

ОТРЫВОКЪ.

Сосенъ красно-синихъ, сосенъ золотыхъ, изумрудныхъ, елокъ темно-голубыхъ хвойною трущобой длится синій строй.

Снизу—боръ могучій дышитъ тишиной.

Янтаремъ закаплетъ желтая смола.

Прошуршатъ деревья—снова тишь и мгла.

Сверху—вѣщій вѣтеръ шепчетъ сны вѣтвямъ.

Эти сны верхушки шепчутъ облакамъ, шепчутъ, застывая въ синей вышинѣ.

Облака проходятъ, таютъ...

Какъ во снѣ, таютъ и проходятъ...

Словно сотни лѣтъ ничего иного не было и нѣтъ.

На глухой полянѣ подъ шатромъ лѣснымъ свѣтится болото зеркаломъ стальнымъ, непроглядной чащей сплошь окружено.

Въ сумерки ли, въ полдень—здѣсь всегда темно.

Здѣсь владыки бора, Лѣшаго, пріютъ.

По ночамъ онъ дремлетъ въ зыбкой тинѣ тугъ.

Старый, весь мохнатый, мягкій, какъ паукъ.

Вмѣсто ногъ—деревья, сучья—вмѣсто рукъ.

Спать ему привольно. До сырой земли сосны-великаны вѣтви заплели. Вмѣсто изголовья молодая ель разстилаетъ на ночь пышную постель. Бѣлыя кувшинки сны его хранятъ. Синія стрекозы сказки шелестятъ.

Но едва лишь солнца первый робкій взоръ золотомъ обрызнетъ заалѣвшій боръ, чуть зардѣютъ елки, млѣя и горя, и запышетъ томно сонная заря, —вскочитъ старый Лѣшій, двинется въ походъ.

По завѣтнымъ тропкамъ чащу обойдетъ.

Съ встрѣчнымъ звѣремъ, съ птицей водитъ разговоръ.

И владыкѣ дружно отвѣчаетъ боръ. Клики, щебетанья, пѣсни, голоса. Мощно оживаютъ синіе лѣса.

Къ озеру выходитъ онъ въ полдневный зной. Въ озерѣ недвиженъ тѣхъ же елокъ строй, также отражаясь, дремлютъ тростники.

По песку крикливо бродятъ кулики. Шустрыя касатки рѣзвою семьей, взвизгивая, мчатся гладью водяной.

Вотъ прокаркалъ воронъ на сухой соснѣ. Ястребокъ пестряный крикнулъ въ вышинѣ. Бултыхнула рыба...

Тишина, просторъ, запахъ свѣжей тины, облака да боръ.

Только до опушки не доходитъ онъ. Тамъ рѣдѣетъ чаща. Тамъ со всѣхъ сторонъ неоглядной далью залегли луга. Тамъ студеной рѣчки вьются берега.

Въ ней другой владыка—старецъ Водяной.

Въ ней рѣчныя дѣвы тѣшатся игрой. Днемъ шалятъ русалки. Любо имъ одно; водоросли путать,

убѣгать на дно, мелкую плотицу всплесками пугать, пестрыя ракушки въ илѣ собирать.

А какъ ночь настанетъ,—чуть лишь надъ рѣкой задрожитъ, качаясь, мѣсяцъ голубой, лишь забрезжутъ звѣзды, и едва въ ночи заснуютъ, какъ тѣни, легкіе сычи, водяныя дѣвы, вставъ изъ бѣлыхъ водъ, надъ росистымъ лугомъ водятъ хороводъ.

Сладко внемлютъ пѣснѣ сонные луга. Бѣлою росою плачутъ берега. Лунное сіянье въ блескѣ голубомъ отъ рѣки до неба сыплется столбомъ. Шороху растущей млѣющей травы вторитъ, замирая, оханье совы. И поютъ русалки, тянутся къ лунѣ. Слушаетъ ихъ старецъ на глубокомъ днѣ.

По зарямъ съ зеркальныхъ свѣтлыхъ заводей серебромъ играютъ трубы лебедей. Съ сумерекъ до утра у сѣдыхъ ракитъ соловей безсонный стонетъ и звенитъ.

Вотъ садится солнце огненнымъ щитомъ и сіяетъ небо заревымъ огнемъ, и курятся травы...

Изъ закатной мглы съ клекотомъ несутся сизые орлы.

Вотъ шумятъ на отдыхъ журавлей стада.

Все луга да травы. Травы да вода.

На зарѣ.

На зарѣ охотникъ, опьяненъ лугами,
Дышитъ изумленно вечеромъ багрянымъ,
Восхищенный, вскрикнетъ вмѣстѣ съ журавлями
И опять упьется травнымъ океаномъ.
Входитъ, зачарованъ, въ сумракъ перелѣска...
Подъ ногой чуть слышно всхлипнуло болотце.
Медленно спустилась съ неба занавѣска,
Небо черплетъ звѣзды будто изъ колодца.
Поползли обрывки синяго тумана,

Сбоку сычъ пронесся медленно и косо,
Замерли громады облачнаго стана,
Лишь бадьи всемірной вертятся колеса.
Дали просіяли звѣздной паутиной—
Кружево алмазовъ въ почернѣвшемъ небѣ.
Опьяненъ охотникъ вѣчною картиной,
Позабылъ о людяхъ, позабылъ о хлѣбѣ.

Іюньскій закатъ.

Іюньскій закатъ преисполненъ блаженнымъ покоемъ.
Въ немъ чудятся шопотъ свиданья и вздохи разлуки.
Колышется зарево—словно вожди передъ боемъ
Къ послѣдней мечтѣ простираютъ багряныя руки.

Пылаютъ и рдѣютъ, потупясь, стыдливыя зори.
Румянецъ ихъ кротокъ, — ихъ робкіе вздохи безмолвны.
Колышется зарево—словно въ пурпурное море,
Поднявъ паруса, устремляются алые челны.

Мечты заревыя нѣжнѣй, ихъ роптанье печальнѣй.
Съ трещаньемъ стрекозъ снизошли благодатныя росы.
Колышется зарево—словно, склонясь надъ купальней,
Багряная дѣва струитъ золотистыя косы.

Крымъ.

Надъ крутизной нависли глыбы.
Тропинка вьется по горѣ.
Подъ нею прудъ,—застыли рыбы
Въ его прозрачномъ серебрѣ.
Холодный ключъ бѣжитъ изъ дуба.
И нѣжно обвиваетъ плющъ
Скамью, изваянную грубо,
Средь лавровыхъ зеленыхъ кущъ.
Вверху, на солнечномъ просторѣ,
Бесѣдка-башня замерла.
Тамъ безграничный ропотъ моря
Привѣтствуетъ полетъ орла.
Тамъ солнце, пьяное отъ зноя,
Вращаетъ въ небѣ яркій кругъ,
А здѣсь лишь вѣчный шумъ прибоя
Да шелестъ ящерицъ вокругъ.

Звѣздамъ.

Ужъ къ ночлегу птицы
Крыльями прохлопали.
Дремлютъ клумбъ кошницы.
Спятъ листы на тополѣ.
Замерли фонтана
Струи серебристыя.
Сладокъ вздохъ тумана...
Звѣзды, звѣзды чистыя!
Думы ли напрасныя,
Горе ли жестокое,—
Къ вамъ стремлю, прекрасныя,
Сердце одинокое.
Въ васъ мое спасеніе,
Призраки лучистые.
Шлете вы забвеніе,
Звѣзды, звѣзды чистыя!

В. ЭЛЬСНЕРЪ.

Р. 1885.

Кавказъ.

Еще курится мгла... но ужъ разсвѣтъ простеръ
Далекіе лучи. Яснѣютъ горъ сѣдины.
Проснулись спутники; подъ казанкомъ костеръ,
Изъ хвороста и мха, разводятъ осетины.
Надъ пепломъ стаялъ дымъ... окончена ѣда.
Затянуты подпругъ отпущенные ремни.
Мы въ сѣдлахъ сызнова. Бряцаютъ повода,
Изъ-подъ копытъ летятъ отколотые кремни.
Дорога вьется въ высь. Кругомъ гранитъ нагой,
Отвѣсы дикихъ скалъ—орлиныя ночевья.
И на хребтахъ камней, согнутыя пургой,
Надъ зѣвомъ пропасти повисшія деревья.
Сурово здѣсь. Нашъ путь все круче, все тѣснѣй;
Колебля глыбы тучъ, плывутъ клубясь туманы.
И вспоминается могучій Прометей—
И вѣрится, что здѣсь еще живутъ титаны.

* * *

За клешней мола бросили причалъ мы.
Отъ горъ шла ночь въ вѣнкѣ благоуханномъ.
На западъ розовый моляся никли чалмы,
Зажглись огни надъ рейдомъ, по духанамъ.
Стихаетъ шумъ... и зоркія рыбалки
Воруютъ кормъ изъ деревянныхъ ведеръ.
Прибой качаетъ цѣпь, скрипятъ о звенья балки,
Соленой влагой вѣетъ сонный вѣтеръ.
Взошла луна, созвѣздій сѣя бусы.
Змѣей крылатой сталъ казаться вымпелъ.
Со скрипкой грусть дѣлилъ нашъ боцманъ сѣдоусый
И вѣтеръ, старый другъ, тихонько съ нимъ пѣлъ.

For ever.

Блестящій, словно щитъ, поднятый паладиномъ,
Намъ мѣсяцъ озарялъ дорогу вдаль по дюнамъ.
Внизу шумѣлъ прибой, шептался можжевельникъ,
Готической рѣзьбой чернѣлъ стрѣльчатый ельникъ.
Мы шли у рубежа стихіи необъятной,
Какъ знаки на парчѣ слѣдовъ ложились пятна,
И волны съ тихимъ плескомъ скользили, набѣгали,
Мои слѣды тонули въ мерцающей эмали.
Мы глазъ не подымали, былъ разговоръ печаленъ,
Какъ безнадежно эхо среди глухихъ развалинъ.
Разстались мы... растаялъ во мглѣ твой жестъ про-
прощальный—
„For ever!" Долгимъ стономъ звучалъ привѣтъ пе-
чальный.

* * *

На шумной площади струился полдень яркій,
Людскую суету купали волны зноя.
Въ соборъ отворенный, подъ сумрачныя арки,
Вошелъ я, миновавъ распятіе рѣзное.
Въ изгибѣ ниши сталъ отъ входа далеко я,
Съ окна вилась во мглу серебряная лента,
Сливалось съ ладаномъ дыханіе левкоя,
Къ ногамъ Заступницы положеннаго кѣмъ-то.
Роняя лепестки на скорбное Успенье—
Алѣли розами у алтаря свѣтильни.
Мечтамъ Бетховена вторило хора пѣнье.
Больныя думы сномъ баюкалъ дымъ кадильный.
Въ уборѣ траурномъ, обвившемъ локонъ русый,
Прошла монахиня, склонилась у Мадонны,
Негромко стукнули о плиты четокъ бусы
И силуэтъ дрожа исчезъ въ тѣни колонны...
Скользнувъ надъ выступомъ, гдѣ клали приношенья,
Упали отсвѣты на сердце восковое.
Прошла ли дѣвушка, обманъ ли былъ забвенья?..
Изъ храма уходя, не встрѣтилъ никого я.

Портретъ.

Я видѣлъ даму въ бархатномъ беретѣ,
Съ перомъ опущеннымъ, изогнутымъ въ кольцо.
Осенній вечеръ гасъ... въ холодномъ полусвѣтѣ,
Какъ въ синеватой дымкѣ, прошло ея лицо:
Глаза—большіе, темные агаты,
Въ нихъ отраженный міръ, обмана міръ и зла,
Закрытый блѣдный лобъ, упрямый и покатый,
Гдѣ брови загибались, какъ когти у орла,
И влажный ротъ, какъ раковины рѣдкой
Едва открытые багряные края.
Она неспѣшно шла, колебля чуть эгреткой;
За нею пряной амбры растаяла струя.
Она прошла... и замеръ шорохъ тканей.
Я зналъ ушедшую. Мы близки были съ ней...
Я разгадалъ и зналъ весь міръ ея исканій,
Невѣрный міръ манящихъ, блуждающихъ огней.
Но странно, все-таки искалъ съ ней встрѣчъ я,—
Такъ Одиссей хотѣлъ сиренъ услышать зовъ.
Пугали и влекли ея противорѣчья
И это—пляской было среди нагихъ клинковъ.

* * *

Здѣсь тишина глубокая святилищъ
И созерцанье мною овладѣли...
У стѣнъ высокихъ—рядъ книгохранилищъ,
Таблицы чиселъ, карты и модели.
До потолка идутъ ступени полокъ,
Сѣдая пыль легла на переплеты,
И тамъ паукъ, прилежный археологъ,
Къ нимъ протянулъ прозрачныя тенета.
Сафьяна запахъ рѣетъ съ фоліантовъ,
Сухую кожу тайно точитъ шашель;
Въ глухомъ покоѣ тиканье курантовъ,
Звучитъ какъ чей-то тихій, тихій кашель.

И словно жрецъ, исполненъ умиленья,
Слѣжу писаній, свитковъ вереницы:
Быль воскресаетъ... мудрыхъ откровенья
Вѣщаютъ пожелтѣлыя страницы.
Да. Я вашъ рабъ—о вѣчные магниты!
Невольный хмѣль мои туманитъ взоры,
Какъ будто кѣмъ-то около раскрыты
Густымъ виномъ налитыя амфоры.

---

* * *

Вселенная и Смерть—безглазые титаны
Въ стремленьи яростномъ къ невѣдомымъ вѣнцамъ...
Ихъ безконеченъ бой,—какъ будто кровь изъ раны
Врага, влагаетъ мощь слабѣющимъ бойцамъ.
Беззвучны взмахи смерти, подобно волнамъ Леты,
Чье лоно—сонмы черныхъ, скользящихъ нетопырей.
Загадочна та битва, какъ вольный бѣгъ кометы,
Намъ не постичь вовѣкъ, чьихъ силъ орбита шире.
Развертываетъ время свой безконечный свитокъ...
Событья чередою встаютъ, какъ пирамиды.
Смерть равнодушно множитъ орудья новыхъ пытокъ.
И надъ наивнымъ міромъ безсмѣнны марта Иды.
О жизнь! Инерція силъ хаоса случайныхъ,
Безъ цѣли сущая, безъ смысла и причины.
Эдипа жалкаго, не знающаго тайны,
Пусть свергнетъ смерти сфинксъ въ объятія пучины.

Мемнонъ.

Надъ моремъ золотымъ песковъ и красной глины
Надменно высится пустыни царь—Мемнонъ.
Кругомъ, у ногъ его, засыпалъ прахъ руины
Поверженныхъ гробницъ и надписи колоннъ.
Пустыни вихрь кружась чертитъ іероглифы,
Спиралью зыбкою охваченъ обелискъ.
На выступахъ камней понуро дремлютъ грифы
И слиткомъ огненнымъ пылаетъ солнца дискъ.

Мелькаютъ, въ пыльной мглѣ, тюрбаны и фестоны:
У ногъ Мемнона легъ проѣзжій, шумный путь.
Но гордаго чела не достигаютъ стоны
Рабовъ, ни крики тѣхъ, кто имъ изранилъ грудь.
Безсмертныя мечты, послушны тайнымъ зовамъ,
Проходятъ передъ нимъ, влекутся стройно вдаль,
Миражъ рисуетъ ихъ въ эѳирѣ бирюзовомъ,
Какъ въ граняхъ огненныхъ—колеблемый хрусталь.
Когда жъ гаситъ закатъ свой факелъ дымно-красный
И на крылахъ тѣней скользитъ за жизнью сонъ,
Въ безбрежной тишинѣ загадочно прекрасный
Поетъ искусству гимнъ пустыни царь Мемнонъ.

П. ПОТЕМКИНЪ.

Р. 1886.

* * *

Я каждый вечеръ въ часъ обычный
Иду туда, гдѣ на углу
У вывѣски „Ломбардъ Столичный"
Могу припасть лицомъ къ стеклу.
Тамъ у дверей съ окномъ зеркальнымъ,
Гдѣ парикмахеръ изъ Москвы,
Брожу влюбленнымъ и печальнымъ
Въ лучахъ вечерней синевы.
И тамъ въ окнѣ, обвита шелкомъ,
На тонкой ножкѣ, холодна,
Спиною къ выставочнымъ полкамъ,
Меня манитъ къ себѣ она.
Такъ каждый вечеръ, съ тѣмъ же взглядомъ,
Сулящимъ мнѣ одну любовь,
Она стоитъ съ помадой рядомъ,
Слегка поднявъ тугую бровь.
Но, на парикъ парикъ мѣняя,
Она, что день, уже не та,
И я ревную, твердо зная,
Измѣны нѣтъ—она мечта.

И каждый разъ я съ новой мукой
Стою у милаго окна,
Гдѣ и безногой, и безрукой
На тонкой ножкѣ ждетъ она.

---

* * *

Жили были два горбуна,
Онъ любилъ и любила она.
Были длинны ихъ цѣпкія руки,
Но смѣшны ихъ любовныя муки,
Потому что никто никому,
Ни онъ ей, ни она ему,
Поцѣлуя не могъ подарить—
Имъ горбы мѣшали любить.

* * *

Я бродилъ по улицамъ крикливымъ,
Я искалъ въ вечерней желтизнѣ
Чьихъ-то глазъ, молящихъ о веснѣ,
Чьихъ-то глазъ съ серебрянымъ отливомъ.
И, когда прозрачная вуаль
Мнѣ сулила вздохи наслажденій,
Я считалъ истертыя ступени
И ласкалъ, и снова видѣлъ даль.
И опять по улицамъ крикливымъ,
Въ темныхъ ртахъ визгливыхъ кабаковъ,
Я искалъ неуловимыхъ сновъ,
Чьихъ-то глазъ съ серебрянымъ отливомъ.

---

* * *

Я шелъ одинъ по тротуару,
Суровый вѣтеръ и вылъ. и звалъ,
Бросалъ на встрѣчу за парой пару,
Нарядныхъ женщинъ ко мнѣ бросалъ.
И былъ ихъ взглядъ зовущъ и зорокъ,
Стучали липко ихъ каблуки,

Ихъ-подъ подобранныхъ оборокъ
Виднѣлись пестрые чулки.
И дождь былъ сѣръ, и мракъ былъ жутокъ...
Суровый вѣтеръ и вылъ, и звалъ...
А я подъ выкрикъ циничныхъ шутокъ
Одну изъ нихъ поцѣловалъ.

БЕНЕДИКТЪ ЛИВШИЦЪ.

Р. 1886.

Morituri.

Для всѣхъ раскрылась зеленая библія,
Зеленая книга весны,—
А я не знаю... не знаю, погибъ ли я,
Иль это лишь призракъ, лишь сны...
Синѣетъ небо сквозь зыбкіе листики...
Просторъ... суета... голоса...
А я опутанъ ліанами мистики,
Чужда мнѣ дневная краса...
Въ сверкающемъ солнцѣ страшное чудится,
Мнѣ выжжетъ глаза синева,
И въ зломъ просторѣ утонетъ, заблудится
Полночная греза—сова.
Фальшивый звукъ средь согласной пѣвучести,
Тѣнь смерти на праздникѣ всѣхъ,
Порочный, далекій отъ общей участи—
Я проклялъ веселье и смѣхъ...
Погибшій, я жажду всеобщей гибели,
И къ смерти—молитва моя:
„Румяныя лица той краской выбѣли,
Которой отмѣченъ лишь я!“
И только на мигъ, когда укоризненно
Изъ прошлаго кто-то глядитъ,
Поблекшія губы шепчутъ безжизненно
(А сердце не вѣритъ и спитъ):

„О, если бы милостью чуда, капризнаго
Весна пощадила меня!
О, если бъ начать было можно сызнова
Великую оргію дня!“

Гдѣ-то радостно захлопали
Крылья сильныхъ журавлей,
Затянулись дымкой тополи
Въ глубинѣ сырыхъ аллей.
Полны водами поемными
Черноземныя поля—
Сиротливыми и темными
Разбудила насъ земля.
Расцвѣла улыбкой случая,
Тайной жизни и весны,
Но не намъ она, пѣвучая:
Мы порочны и больны.
Насъ, накрашенныхъ, напудренныхъ,
Безобразитъ свѣточъ дня—
Убѣжимъ отъ цѣломудренныхъ,
Отъ возлюбленныхъ огня.
Шумный праздникъ чадородія,
Торопясь, покинемъ мы.
Наши пѣсни—крикъ безплодія,
Потонувшій въ дебряхъ тьмы!
. . . . . .
Сумракъ. Сырость. Кучи завяли.
Волхвованье тишины.
Мы бѣжали, мы оставили
Вакханалію весны.
Злымъ проклятьемъ заклейменные,
Мы ушли стыдливо въ глушь.
Всякій скажетъ: „вотъ влюбленные—
Ихъ блаженства не нарушь!“

Каждый полдень, когда въ зачарованной тверди
Мой Мучитель смѣется, прекрасный и злой,
И почти незамѣтно качаются жерди
Чуткихъ сосенъ, истекшихъ пахучей смолой,
Въ этотъ паркъ одинокихъ, безжизненныхъ мумій,
Кѣмъ влекомый, не знаю,—одинъ прихожу

Принимать возникающій трауръ раздумій,
По часамъ созерцать роковую межу.
...Я люблю этихъ хилыхъ, измученныхъ пьяницъ,
Допивающихъ нектаръ послѣднихъ минутъ,
Ихъ надорванный кашель, ихъ блеклый румянецъ,
Кругъ ихъ мыслей и чувствъ—кругъ, въ которомъ замкнутъ
Бѣдный мозгъ, изнемогшій подъ тяжестью скорби...
Бѣдный мозгъ, отраженный въ широкихъ зрачкахъ,
Ты кричишь—обезсиленный—urbi et orbi
Про побѣдную смерть, про мучительный страхъ!..
...Словно призракъ, скользить средь печальнаго царства,
Подходить къ обреченнымъ, притворно скорбя,
Видѣть близкую смерть—я не знаю лекарства,
Я не знаю бальзама нужнѣй для себя.
Отдѣленный отъ мертвыхъ одной лишь ступенью,
Упиваюсь болѣзненнымъ сномъ наяву,
Убѣжавъ отъ живыхъ, предаюсь утѣшенью!
Пусть гдѣ жизнь, я—мертвецъ, но гдѣ смерть—я живу!

ВЛ. ЛЕНСКІЙ.

1-я кн. стих. 1907.

* * *

Утренніе звоны, длинны, монотонны,
Въ сумракѣ ненастья льются съ вышины,
Словно кто-то темной скорбью похоронной
Мѣрно ударяетъ въ сердце тишины.
Выйдешь за ворота—въ улицѣ дремота,
Сѣренькое утро думаетъ-груститъ,
Спятъ еще деревья, въ листьяхъ—позолота,
Запахъ увяданья въ воздухѣ стоитъ.
Въ улицѣ пустынно; вереницей длинной,
Зданья и заборы тонутъ въ сизой мглѣ,
Воздухъ словно затканъ сѣрой паутиной,
Тихо тлѣютъ листья на сырой землѣ.
Никого не видно. Грустно и обидно.

Никого не слышно. Только съ вышины
Льется звонъ печальный, словно панихидный,
Ударяя скорбью въ сердце тишины.
Льется безконечно, о печали вѣчной
Навѣвая грустный и туманный сонъ,
Вѣстникъ безнадежный тишины предвѣчной—
Утренній, осенній, монотонный звонъ...

Бабье лѣто.

Дни минули непогожіе,
Бабье лѣто расцвѣло,
Въ тихой рощѣ Матерь Божія
Сходитъ съ шаткаго подножія:
Всюду пусто и свѣтло—
Много листьевъ полегло.

Подъ ногами золотистые
Листья жалобно шуршатъ...
Бродитъ медленно Пречистая,
Въ солнцѣ осени—лучистая,
И березки, тихо въ рядъ,
Шепчутъ слѣдомъ: святъ, святъ, святъ...

Обойдетъ всю рощу сонную,
До опушки: благодать!..
И покоемъ утоленную
Склонитъ голову съ короною,—
И на камень свой опять
Тихо станетъ Божья Мать...

Свѣтлый взоръ склонивъ къ подножію,
Сложитъ ручки на груди...

Остановятся прохожіе:
—Сохрани насъ, Матерь Божія,
Звѣря въ чащѣ укроти,
Будь заступницей въ пути...—

Грѣетъ солнце въ глушь древесную,
Пахнетъ блеклою листвой.
Тайной древней и чудесною
Осѣняя Мать Небесную,
На коронѣ золотой
Воронъ хохлится сѣдой...

Закатъ.

Вечеръ... Я слушаю:—скрипка поетъ,
Зарею тоскуя вдали сиротливо...
На западѣ тихо и грустно-красиво
Вѣчно-прекрасное смотритъ... зоветъ...
Голову клонитъ усталость на грудь...
А скрипка по-дѣтски поетъ безыскусно,
Такъ просто и нѣжно, такъ жалобно-грустно,
Проситъ и плачетъ: прости... не забудь...

Ave Maria.

Angelus къ намъ на рѣкѣ долетѣлъ
Вечеръ надъ городомъ дальнимъ горѣлъ.
Струи плескали въ борты золотые,
Розовый воздухъ дрожалъ и гудѣлъ—
Ave Maria—
Колоколъ пѣлъ.

Свѣсилась блѣдная ручка съ борта,—
Влага рѣчная свѣжа и чиста.
Слезы въ глазахъ у тебя огневыя,
Вскинула къ небу глаза: высота!
Ave Maria—
Шепчутъ уста.

Angelus къ сердцу ласкается, льнетъ,
Дѣва Марія надъ нами плыветъ—
Вѣютъ одежды ея голубыя,
Ангеловъ рѣетъ надъ ней хороводъ...
Ave Maria—
Небо поетъ.

Пыль золотая клубится за ней,
Слезы бѣгутъ у тебя изъ очей,
Свѣтлыя слезы, какъ струи рѣчныя...
—Лилія Божьихъ, лазурныхъ полей—
Ave Maria—
Насъ пожалѣй...

Райскими розами небо цвѣтетъ.
Angelus таетъ надъ ясностью водъ...
Въ струяхъ ужъ зыблются тѣни ночныя
Берегомъ сизая дымка ползетъ...
Ave Maria—
Сердце поетъ...

АЛЕКСѢЙ Н. ГР. ТОЛСТОЙ.

Р. 1882.

Приворотъ.

Покатилось солнце съ горки,
Пало въ кованный ларецъ.
Вышелъ ночью на задворки
Чернобровый молодецъ.
Въ красномъ золотѣ рубаха,
Станъ—яровая сосна;
Расчесала кудри пряха—
Двадцать-первая весна.
—Что-жъ, не любишь, такъ не надо,
Приворотомъ привяжу,
Въ расписной полюбу ладу
Красный теремъ посажу.
За болотомъ въ мочежинѣ,
Подъ купальскій хороводъ,
Вырастаетъ на трясинѣ
Алымъ цвѣтомъ Приворотъ.
Парень въ лѣсъ. А лѣсъ дремучій.
Мѣсяцъ вытянулъ рога;
То ли вѣдьмы, то ли тучи
Растянули полога.
Волчій страхъ сосетъ дѣтину.—
—Вотъ такъ пень, а можъ, старикъ...
О дубовую стволину
Чешетъ спину лѣсовикъ.
На лету сова мигнула—
—Будетъ лихо, не ходи!
За корнями подсопнуло,
Кто-то чмокнулъ позади.
Кочки, пни, и вотъ болото.
Парень легъ за буреломъ—
—Зачинается работа,
Завозился чортовъ домъ.

Вѣдьмы ловятъ мѣсяцъ бѣлый,
Въ черныхъ космахъ, нагишомъ,
Легкій, скользкій, распотѣлый
Мѣсяцъ тычется ребромъ.
Навалились, схоронили,
Напустили темноты.
И въ осокѣ загнусили
Длинношеіе коты.
Потянулись черезъ кочки
Губы въ рыжей бородѣ;
Завертѣлся въ низкой бочкѣ
Куреногій по водѣ.
И почло пыхтѣть да гнуться,
Шишкой скверной обрастать,
Раскорякою тянуться,
Рожи мерзкія казать.
Перегнется, раскосится,
Уши на носъ, весь въ губу...
Ну и рожа! самъ дивится...
Гладитъ лапой по зобу.
Вѣдьмы тиной обливаютъ
Разгорѣвшійся животъ...
А по кочкамъ вырастаетъ
Ясно-алый Приворотъ.
Парень хвать, что ближе было,
И бѣжать.—Лови... Держи...
По болоту завопило...
Въ ноги бросились ежи.
Машутъ сосны, тянутъ лапы,
Крылья бьютъ по головѣ...
Одноногіе арапы
Кувыркаются въ травѣ...
Рано утромъ закричали
На повѣтяхъ кочета;
Рано утромъ отворяли
Красны дѣвки ворота.
По селу паленый запахъ.
Парень—камень у воротъ,
А на немъ въ паучьихъ лапахъ
Алой каплей Приворотъ.

Часы.

Въ старинномъ замкѣ скребутся мыши;
Въ старинномъ замкѣ, гдѣ много книгъ,
Гдѣ легкій шорохъ такъ чутко слышенъ;
Въ ливреѣ спитъ лакей старикъ.
Въ старинномъ замкѣ больна царевна.
Въ подушкахъ бѣлыхъ, прозрачнѣй льда...
И только слышно на башнѣ древней
Стучатъ часы: всегда... всегда...
А у камина сидятъ старушки
И что-то шепчутъ, чего-то ждутъ.
Царевнѣ плечи томятъ подушки...
Часы стучатъ: мы тутъ... мы тутъ...
И смерть на башнѣ рукой костлявой,
Какъ минетъ время, о доску бьетъ,
И гулко въ сводахъ, и смѣхъ гнусавый
Изъ тьмы сырой дрожитъ, зоветъ...
Во время звона царевнѣ страшно:
Придетъ за нею нѣмой звонарь.
И снова тихо на древней башнѣ
Шагаетъ смерть, прикрывъ фонарь.

Бѣда.

Помоги намъ, Пресвѣтлая Троица!
Вся рѣка-Москва трупами кроется!
За стѣнами у мѣста у лобнаго
Залегло Годуновское логово.
Бирюки отъ безлюдья и голода
Завываютъ у Бѣлаго города;
Опускаются тучи къ Московію,
Проливаются сѣрой да кровію;
Засѣваются нивы подъ хлябями
Черепами, суставами рабьими...
Загудѣло по селамъ и по степи
Отъ желѣзной, невидимой поступи;
Разступилось нагорье Печерское;
Породились зародыши мерзкіе...
И бѣжала въ лѣса буераками
Отъ сохи черносошная земщина...
И поднялась на небѣ отъ Кракова
Огнехвостая, мертвая женщина...
Кто отъ смертнаго смрада сокроется?
Помоги намъ, Пресвѣтлая Троица!

Судъ.

Какъ лежу я молодецъ подъ Сарынь-горою,
А ногами рѣзвыми у Усы-рѣки...
Придавили груди мнѣ крышкой гробовою,
Заковали рученьки въ мѣдные замки.
И о самой полночи приползаютъ змѣи,
Припадаютъ къ вѣкамъ мнѣ и сосутъ до дня...
А и землю-матушку я просить не смѣю—
Отогнать змѣенышей и принять меня.
Лишь тогда, какъ изстари, отъ Москвы Престольной

До Дуная синяго грянетъ мой ясакъ—
Поднимусь я, старчище, вольный иль невольный
И пойду по водамъ я, матерой казакъ...
И два змѣя длинные къ вѣкамъ присосутся
И за мной потянутся черной полосой;
Высоко надъ рѣками города займутся...
И година черная будетъ мнѣ сестрой.
Пронесутся знаменья красными столпами;
По землѣ протянется огневая вервь;
И придутъ Алаписы съ песьими главами;
И въ поляхъ младенчинки поползутъ, какъ червь.
Задымятся кровію всѣ лѣса и рѣки;
На проклятыхъ торжищахъ сотворится блудъ...
Мнѣ тогда змѣеныши приподнимутъ вѣки,
И узнаютъ Разина... И настанетъ судъ.

НИКОЛАЙ ЕФИМОВЪ.

Выст. печ. 1908.

Эпизодъ.

Онѣ меня къ себѣ позвали,—
Я къ нимъ пришелъ, но былъ чужимъ.
Тамъ скрипки томныя рыдали
И въ залѣ былъ сигарный дымъ.
Свѣтили тускло канделябры,
Бросала люстра свѣтъ живой.
Я помню рыбъ снующихъ жабры
Въ бассейнѣ съ тинистой водой.
Мужчинъ движенья были грубы,—
Но кто-то въ черномъ плакалъ?.. пѣлъ?...
Я помню блѣдныхъ женщинъ губы,
Призывность обнаженныхъ тѣлъ.
Въ углу межъ дремлющихъ растеній

Дышала тихо темнота.
Въ кошмарной странности сплетеній
Тѣней кривлялась чернота.
Насъ шторы темныя сокрыли—
А тамъ, за зеленью стекла,
Былъ грубый хрипъ автомобилей,
Звонки трамвая, дождь и мгла.
Здѣсь въ электрическомъ кошмарѣ
Мелькали юбки, сюртуки—
И въ пьяной духотѣ, въ угарѣ
Былъ страсти крикъ, какъ крикъ тоски.
Я помню, офицеръ смѣялся,
Въ мундирѣ, въ золотомъ пенснэ,
Размѣрно маятникъ качался
И тѣнь качалась на стѣнѣ.
И женщина къ нему склонялась;
Я помню трепетъ полныхъ рукъ—
Но что-то въ зеркалѣ кривлялось,
Сливаясь въ мутно-сѣрый кругъ.
Вдругъ, тихо падая, склонилась
Его на скатерть голова.
И женщина въ испугѣ билась,
Роняя стертыя слова.
И въ тишинѣ внезапной зала
Лишь маятникъ звучалъ равно,
Да изъ разбитаго бокала
Стекая капало вино.
И тишины не могъ понять я,
И время падало, текло,—
И кто-то стройный въ черномъ платьѣ
Разбилъ звенящее стекло.
И въ залъ испуганный всрвались
Звонки трамвая, стукъ колесъ.
Подъ вѣтромъ уличнымъ качались
Головки утомленныхъ розъ.
Въ туманныхъ даляхъ пропадала,
Въ сѣтяхъ дождя сѣрѣя, твердь,
Въ окнѣ разбитомъ хохотала
Безносая старуха—Смерть.

А. БРОНИНЪ.

Выст. печ. 1894.

* * *

Я ненавижу васъ, великіе,
За то, что въ мукахъ вдохновенія
Лишь вамъ даны восторги дикіе,
Доступны тайны откровенія,
Лишь вамъ дано на крыльяхъ генія
Проникнуть въ царство Безконечности
Познать всѣ радости Мгновенія
И уловить дыханье вѣчности..
Какая власть рукой мятежною
Зажгла мой духъ и въ бездну кинула,
Сковала цѣпью неизбѣжною
И Божій даръ изъ сердца вынула?
Я проклинаю рокъ, похитившій
Мой геній въ мигъ его рожденія
И васъ надъ міромъ возвеличившій
Цѣною моего паденія!
Я проклинаю рокъ таинственный
За то, что мнѣ, чье имя множество,
Дано въ удѣлъ—удѣлъ единственный
Сознанье жалкаго ничтожества!..

ALEXANDER (А. БРЮСОВЪ).

1-я кн. стих. 1907.

По бездорожью.

Я въ храмѣ выискалъ заржавленныя латы,
Да старый щитъ съ поломаннымъ мечомъ,
Да мѣдный шлемъ, изсѣченный, измятый,
Съ большимъ отрепаннымъ, надломленнымъ перомъ.

И вотъ, какъ рыцари, надѣвъ свои доспѣхи,
Я въ городъ выѣхалъ на старомъ скакунѣ.
Дивясь, прохожіе толпились въ дикомъ смѣхѣ,
Прижавшись къ низенькой, бревенчатой стѣнѣ.

Я выѣхалъ окраиной за городъ,
Плетусь впередъ къ измѣнчивой мечтѣ.
И давитъ грудь тяжелый мѣдный воротъ,
И свѣтъ дрожитъ на латахъ и щитѣ.

Встрѣчайте путь мой руганью и смѣхомъ!..
Мнѣ дѣла нѣтъ до вашихъ мертвыхъ словъ.
Мнѣ вторитъ лѣсъ своимъ стогласымъ эхомъ,
Мнѣ вторитъ даль игрой колоколовъ!

Не знаю спутниковъ въ дни темной непогоды...
И въ дождь и снѣгъ всегда одинъ... забытъ...
И день за днемъ проходятъ алчно годы
Подъ мѣрный стукъ подкованныхъ копытъ...

Всю жизнь плетусь впередъ по бездорожью.
Мнѣ каждый день невѣдомъ, дикъ и новъ.
И пусть весь путь былъ только яркой ложью—
Я не хочу иныхъ путей и сновъ!

Оглавленіе.

АМЕРИКА.

Поэ Эдгаръ.
Воронъ. Перев. К. Д. Бальмонтъ 19
Колизей. Перев. В. Ю. Эль-ръ 3
Колокольчики и колокола. Пер. К. Д. Бальмонтъ 8
Молчаніе. Перев. М. А. Э-тъ 5
Сердце-изобличитель. Перев. К. Д. Бальмонтъ. 12
Уитманъ Уотъ.
Изъ пѣсни о самомъ себѣ. Перев. К. Чуковскій . 24
Зачинатели . . . . . „ . . . „ . . . 25
Орлы . . . . . „ . . . „ . . 26

АНГЛІЯ.

Патеръ Уольтеръ.
Дэнисъ Оксеррскій. Перев. П. Муратовъ 42
Россети Данте Г.
Престолъ любви. Перев. Н М. Минскій 41
При паденьи листовъ. Перев. К. Д. Бальмонтъ. 40
Суинбернъ Альжеронъ.
Призраки царицъ. Перев. В. Ю. Эль-ръ 50
Садъ Прозерпины . „ . . . . „ 48
Уайльдъ Оскаръ.
Баллада Рэдингской тюрьмы. Пер. К. Д. Бальмонтъ 77
Ваятель. . . . . „ . . . „ . . 53
Молодой Король . . . . . „ . . . „ . . 55
Утро. Перев. В. Эльснеръ 54
Флорентинская трагедія. Перев. К. Д. Бальмонтъ 70
Шелли Перси Б.
Мимоза. (Отрывокъ) Перев. К. Д. Бальмонтъ . . 35
Минувшіе дни. . . . „ . . . . . „ 34
Озимандія . . . . „ . . . . . „ 29
Срфей . . . . . „ . . . . . „ 30
Слишкомъ часто. . „ . . . . . „ 38
Смерть . . . . . „ . . . . . „ 39

Барресъ Морисъ.
Донъ-Жуанъ. Перев. В. Ю. Эль-ръ 122
Бодлеръ Шарль.
Альбатросъ. Перев. П. Я. 86
Бочка ненависти. Перев. Эллисъ 95
Веселый мертвецъ. Перев. Эллисъ 89
Въ толпѣ. Перев. Д. С. Мережковскій 85
Harmonie du soir. Перев. А. Курсинскій. 87
Красота. Перев. Вячеславъ Ивановъ 98
Маяки. Перев. П. Я. 96
На мягкомъ ложѣ зла. Перев. П. Я. 84
Окна. Перев. А. Александровичъ 94
Падаль. Перев. П. Я. 91
Признаніе. Перев. П. Я. 92
Соотвѣтствія. Перев. К. Д. Бальмонтъ 83
Сплинъ. Перев. Вячеславъ Ивановъ 95
Тебѣ мои стихи. Перев. Эллисъ. 87
Флаконъ. Перев. П. Я. 90
Химеры. Перев. А. Александровичъ. 88
Верленъ Поль.
L' Art poétique. Перев. И. И. Тхоржевскій. . . . 115
Бѣлая луна. Перев. Ѳедоръ Сологубъ. 112
Мечта. Перев. Сергѣй Рафаловичъ. 110
Луна. Перев. Валерій Брюсовъ. 111
Осенняя пѣсня. Перев. Н. М. Минскій 114
Сентиментальн. прогулка. Пер. В. Мазуркевичъ 111
Сентиментальный разговоръ. Пер. В. Эльснеръ 113
Скукою въ долинѣ. Перев. Н. Новичъ. 114
Ясное небо. Перев. И. И. Тхоржевскій. 112
Віеле-Гриффенъ Фр.
Золото. Перев. Валерій Брюсовъ. 139
Вилье де-Лиль Аданъ.
Вѣра. Перев. А. Мирэ 99
Грегъ Фернандъ.
Умолкшій ключъ. Перев. И. И. Тхоржевскій. . . 134
Южная осень . . . „ . . . . . „ 134
Гюисмансъ Шарль-Ж.
Изъ р. „Наоборотъ“ Перев. М. А. Головкина. . . 126
Жиль Ренэ.
Жалоба пастушкѣ. Перев. Валерій Брюсовъ. . . 137
Луисъ Пьеръ.
Прикованный Прометей. Перев. И. Яронъ . . . 142
Пѣсни Билитисъ. Перев. Ал. Кондратьевъ. . . . 152
Маллармэ Стефанъ.
Зимній трепетъ. Перев. Л. К. 121
Сонетъ. Перев. Максимиліанъ Волошинъ 120
Мореасъ Жанъ.
Дѣва Марія на турнирѣ. Перев. Аврелій. 135

Рембо Артуръ.
Пьяный Корабль. Перев. В. Эльснеръ. 117
Ренье Анри де.
Мудрость любви. Перев. И. И. Тхоржевскій . . . 133
У моря. . . . . „ . . . . . „ 132
Саменъ Альбертъ.
Инфанта. Перев. В. Эльснеръ. 140
Швобъ Марсель.
Крестовый походъ дѣтей. Перев. Б. Зайцевъ. . . 154
Паоло Учелло. 156

БЕЛЬГІЯ.

Верхарнъ Эмиль.
Возстаніе. Перев. Валерій Брюсовъ. 197
Голова . . „ . . . . . „ 203
Декабрь . . „ . . . . . „ 204
Лондонъ . . „ . . . . . „ 202
Ноябрь. Перев. Максиміліанъ Волошинъ 201
Поздняя осень. Перев. И. И. Тхоржевскій. . . . 205
Рыбаки. Перев. Борисъ Форшъ. 205
Жиро Альбертъ.
A une Vierge gothique. Перев. Эллисъ. 176
На темной лѣстницѣ. Пер. Сергѣй Рафаловичъ 176
Лербергъ Шарль ванъ.
Смерть. Перев. Эллисъ. 175
Эти руки „ . . „ 175
Метерлинкъ Морисъ.
А если онъ вернется. Перев. О. Чюмина. 182
Изъ кн. „Double jardin. Перев. А. К. и В. О. . . 178
Interieur. 184
Намѣренія. Перев. Валерій Брюсовъ. 177
Пѣсня Мадонны. Перев. Сергѣй Рафаловичъ. . 183
Роденбахъ Жоржъ.
Жизнь комнатъ. Перев. Эллисъ. 168
Лишь грезы. Перев. С. Головачевскій. 167
Мертвый Брюгге. (Отрывокъ). Перев. Мирэ . . . 163
Октябрь. Перев. И. И. Тхоржевскій. 170
Печаленъ говоръ водъ. Перев. Эллисъ. 174
Піанино. Перев. Эллисъ. 169
Твердятъ элегіи. Перев. С. Головачевскій. . . . 173
Цвѣты. Перев. М. Веселовская. 171

ГЕРМАНІЯ.

Альтенбергъ Петеръ.
За что они любятъ его. Перев. А. и Е. Герцыкъ. 232
Звуки и шумы. Перев. Р. Марковичъ. 235
Номеръ гостинницы. Перев. Р. Марковичъ . . . 237
Помраченіе кумировъ 238

Гофмансталь Гуго фонъ.
Изъ „Смерти Тиціана". Перев. С. Орловскій . . 241
Осень. Перев. В. Эльснеръ 248
Страхъ. Перев. Е. А. Д. 243
Демель Рихардъ.
Незабудки. Перев. Л. Андрусонъ 231
Послѣ дождя. „ . . . . „ 231
Дэрманъ Феликсъ.
Люблю я... Перев. П. Красновъ 216
Манъ Германъ.
Мнаисъ. (Стрывокъ). Пер. Викторъ Гофманъ. . 217
Мелль Максъ.
Разсказъ монастырскаго пастуха. Перев.
А. Эліасбергъ 222
Ницше Фридрихъ.
Изъ заключительной пѣсни. Перев. А. В. П. . . 214
О чтеніи и письмѣ. . . . . „ . . „ . . . 212
Пинія и молнія. . . . . „ . . „ . . . 215
Пѣснь ночи. Перев. Южинъ. 209
Шарфъ Людвигъ.
Гефестъ. Перев. А. Анютинъ 229
Плѣнникъ „ . . . . „ 230

ИТАЛІЯ.

Д'Аннунціо Гарбіэль.
Мертвый городъ. (Отрывокъ). Перев. Ю. Балтрушайтисъ 265
Сонъ осенняго вечера. Перев. А. Воротниковъ. 251

СКАНДИНАВІЯ.

Гамсунъ Кнутъ.
Изъ „Викторіи". Перев. Балтрушайтисъ 308
Изъ „Пана". Перев. С. А. Поляковъ 303
Гансонъ Ола.
Новелла. Перев. Ю. Балтрушайтисъ. 311
Ибсенъ Генрикъ.
Брандтъ. (Отрывокъ). Перев. Ганзенъ. 277
Изъ „Борьбы за престолъ". Перев. Ганзенъ. . . 273
Строитель. (Отрывокъ). Перев. А. З. 283
Лагерлефъ Сельма.
Засуха. Перев. М. П. Благовѣщенская 300
Смерть-избавительница. Пер. М. П. Благовѣщенск. 296
Стринбергъ Августъ.
Уединеніе. Перев Гиберманъ 288

ПОЛЬША.

Каспровичъ Янъ.
Святый Боже... Перев. В. Высоцкій. 341

Пшибышевскій Станиславъ.
Въ долинѣ слезъ. Перев. Е. Троповскій 321
Въ часъ чуда 330
Снѣгъ 325
Тетмайеръ Казиміръ.
Горный Мотылекъ. Перев. А. Т. 337
Журавли 340
Сонетъ. Перев. А. Топольскій 339
Эпитафія. Перев. Ж. З. 338

РОССІЯ.

Alexander (А. Брюсовъ).
По бездорожью 657
Allegro (П. С. Соловьева).
Въ окно 603
Слова 603
Чѣмъ печальнѣй 604
Андреевъ Леонидъ.
Елеазаръ 397
Красный смѣхъ 406
Отрывокъ изъ разск. „Воръ“ 402
Балтрушайтисъ Юргисъ.
Дѣтскіе страхи 547
Маятникъ 548
Мой храмъ 544
Славься, утро 545
Утреннія пѣсни 548
Бальмонтъ К. Д.
Аккорды 410
Безглагольность 409
Втай-Рѣка 418
Въ моряхъ ночей 416
Грусть 416
Дивьи жены 420
Два трупа 421
До послѣдняго дня 415
Лѣсунки 424
Межъ подводныхъ стеблей 422
Мечтательный вечеръ 419
Міровая тюрьма 411
Пройдутъ вѣка вѣковъ 423
Sin miedo 411
Сонетъ 414
Утро 419
Химеры 412
Черемуха 414
Я вольный вѣтеръ 423
Я въ этотъ міръ пришелъ 417
Я изысканность русской медлительной рѣчи . . 415
Я какъ облако 422

Я не знаю мудрости 418
Башкинъ В.
Грозный день 614
За деревней 615
Златокудрая осень 611
Лебедь 613
Отъѣздъ 612
Рѣчка Удоха 615
Солдаты 614
Старикъ 611
Ходятъ волны 613
Блокъ Александръ.
Бѣгутъ невѣрныя тѣни 483
Вхожу я въ темные храмы 482
Въ голубой далекой спаленкѣ 486
Друзьямъ 489
Дѣвушка пѣла 485
Легенда 480
На весеннемъ пути 478
Незнакомка 483
Обманъ 479
Осенняя воля 481
Побывала старушка 485
Повѣсть 787
Фабрика 488
Бронинъ А.
Я ненавижу васъ, великіе 657
Брюсовъ Валерій.
Александръ Великій 429
Ассаргадонъ 430
Башня любви 433
Вечерній приливъ 440
Встрѣчи 434
Въ недоконченномъ зданіи 428
Въ томъ же паркѣ 439
Конь блѣдъ 426
Къ счастливымъ 435
L'ennui de vivre 431
Одиночество 425
Охотникъ 435
Послѣдній день 432
Служителю музъ 438
Угрюмый часъ 437
Уличная 438
Эпизодъ 436
Я посѣщалъ сады 434
Бунинъ Иванъ.
Балагула 449
Безсмертный 445
Въ плавняхъ 455
Въ порту 441

Гробница Сафіи 446
Дюны 454
Мертвый часъ 455
Могила поэта 447
На дачѣ 453
Новый годъ 448
Ночью въ Іюлѣ 444
Огни небесъ 444
Одиночество 447
Портретъ 452
Послѣ битвы 448
Проводы 442
Пугачъ 451
Русская весна 454
Рыбалка 453
Сентябрь 452
Слѣпой 445
Съ обезьяной 450
Съ обрыва 451
Тронъ Соломона 443

Бѣлый Андрей.

Бѣгство 493
Выносъ 497
Изъ окна вагона 492
Забота 490
Матери 491
Одинъ 501
Опала 500
Поповна 497
Родина 493
Старинный домъ 495

Вилькина Л.

Женскій сонетъ 591
Мой садъ 590
Толпа 591

Волошинъ Максиміанъ

Въ Булонскомъ лѣсу 525
Голова madame de-Lamballe 527
Зеркало 520
Киммерійскія сумерки 519
Осень 525
Письмо 521
Полынь 526

Галина Г. А.

Весенняя пѣсня 605
Лѣсъ рубятъ 605
На дюнахъ 606
Nature morte 606

Гиппіусъ З. Н.

Вечеръ 542
Въ черту 541

Она. 540
Пѣсня. 537
Сентиментальное стихотворенье 539
Сонетъ 543
Сосны 542
Цвѣты ночи 540
Черный серпъ 538

Городецкій Сергѣй.
Весна. 559
Колдунокъ 557
Неустанная дорога 559
Странникъ 560
Юхано 558
Ярила 556

Гофманъ Викторъ.
Былъ тихій вальсъ 508
Въ городскомъ саду 509
Въ церкви 507
Жду 505
Миражъ въ гостиной 502
Мнѣ грустно 505
Море 509
Ночь въ морѣ 511
Послѣ первой встрѣчи 504
У меня для тебя 505
Ушедшій 512

Дымовъ Осипъ.
Годовщина 599
Поэтъ и она 597

Ефимовъ Николай.
Эпизодъ. 655

Зайцевъ Борисъ.
Священникъ Кронидъ 570

Ивановъ Вячеславъ.
Кочевники красоты 472
Мой лугъ замыкали своды 473
Обнищало листье златое 477
Осень 477
Печаль полдня 474
Повечеріе 476
Похороны 476
Фаэтонъ 474

Кондратьевъ Ал.
Ей 633
Полководецъ 632
Четыре фрагмента 630

Кречетовъ Сергѣй.
Баллада 581
Одинокій 578
Послѣдній человѣкъ 579

Кузминъ М.
Александрійскія пѣсни 586
Въ театрѣ 584
Мои предки 582
Свѣтлая горница 583
Утро 584
Сижу, читаю я 585
Ленскій Вл.
Ave Maria. 650
Бабье лѣто 648
Закатъ 648
Утренніе звоны 647
Лившицъ Бенедиктъ.
Morituri 645
Лохвицкая (Жиберъ) М. А.
Вакхическая пѣсня 395
Вампиръ 390
Восточныя облака 396
Въ моемъ незнаньи 389
Далекія звѣзды 393
Красная лилія 391
Лилитъ 396
Между лилій 392
Поля 390
Саламандры 388
Спящій лебедь 387
Я жажду наслажденій 394
Я люблю тебя 395
Я обниму тебя 392
Маковскій Сергѣй.
Бѣлая ночь 532
Изъ пѣсенъ Астартѣ 534
Корабли 533
Любить 535
На озерѣ 531
Obersee 533
Осенью 536
Отвѣтъ 530
Снѣга 529
Современнику 528
Сомнѣніе 529
Старый храмъ 530
Счастье 536
Я знаю кладбище 531
Мережковскій Д. С.
Если розы осыпаются 371
Изъ „Воскресшихъ боговъ“ 373
Изгнанники 380
Леда 377
Кроткій вечеръ 379
Нирвана 380

Пантеонъ. 372
Передъ зарей. 370
Минскій Н. М.
Волнуется море. 386
Два голоса 384
Есть храмъ. 386
Изъ бездны. 383
Маленькой, цвѣтущей розой 384
Мой демонъ 381
Мой храмъ 385
Огни Прометея 385
Тѣнь 382
Новиковъ Иванъ.
Дитя ночи 617
Избіеніе младенцевъ 616
Раннею весной 618
Парнокъ С.
На перилахъ 607
Я создала 607
Потемкинъ П.
Жили были два горбуна 644
Я бродилъ 644
Я каждый вечеръ 643
Я шелъ 644
Пожарова М.
Безжизненно-бѣлыя 596
Беззвученъ воздухъ 594
Въ хрустальномъ блескѣ 595
Женскіе образы итальянскихъ примитивовъ . . . 595
Поярковъ Николай.
Опять этотъ вѣтеръ 610
Пѣсня жрицы 610
Снова осень 609
Рафаловичъ Сергѣй.
Всю ночь 608
Мы встрѣтились 608
Ремизовъ Алексѣй.
Купальскіе огни 549
Нежитъ 554
О безуміи Иродіадиномъ 552
Рославлевъ Александръ.
Въ пещерѣ 565
Въ кинематографѣ 567
Земля 556
Маскарадъ 568
При лунѣ 566
Пѣсня 568
Я въ глубинѣ 567
Садовской Борисъ.
Звѣздамъ 638
Іюньскій закатъ 637
Крымъ 638

Лѣшій 634
На зарѣ 636
Сергѣевъ-Ценскій С.
Лѣсная Топь. (Отрывокъ) 513
Соловьевъ Владиміръ.
Въ туманѣ 351
Зачѣмъ слова 354
Кумиръ Небукаднецара 352
Опять надвинулись 353
Отшедшимъ 354
Соловьевъ Сергѣй.
Видѣніе Св. Бернарда 561
Геркулесъ на распутьѣ 563
Успокоенность 562
Сологубъ Ѳедоръ.
Амфора 456
Все было безпокойно 470
Въ тихій вечеръ 471
Если трудно мнѣ жить 459
Люблю мое молчанье 457
Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ 469
Не конченъ путь 457
Тихая колыбельная 458
Чудо отрока Лина 460
Я былъ одинъ въ раю 469
Я лѣсомъ шелъ 471
Столица Любовь.
Въ лазури 593
Земля 594
Приснодѣва 592
Успеніе 592
Стражевъ Викторъ.
Въ густыхъ аллеяхъ 623
Въ уютѣ комнаты 622
Надъ голыми неплодными полями 622
На ясныхъ полянахъ 619
Низко къ земи клонится 624
Огня не надо 620
Они стояли молча 623
Поманила вѣточка 623
Пѣсенки печали 621
У дороги, за околицей 620
Тарасовъ Евг.
Больные чуждымъ намъ недугомъ 625
На ущербѣ 626
Ночной поѣздъ 624
Опушилась узорами 627
Толстой А. Н. гр.
Бѣда 654
Приворотъ 651

3X-5926

Судъ 654
Часы 653
Фофановъ Константинъ.
Весенняя запѣвка 357
Весна и ночь 358
Вечеръ 357
Вечерняя дума 363
Все спокойно 360
Въ хаосѣ 362
Грусть сосенъ 359
Заря вечерняя 362
Когда пытливый міръ 361
На Невѣ 355
Ссень 356
Осень 360
Стъ луны небесной 363
Цензоръ Дмитрій.
Каждый вечеръ 628
Листья золотистые 628
Эльснеръ В.
Вселенная и смерть 642
Здѣсь тишина 641
Кавказъ 639
Мемнонъ 642
На шумной площади 640
Портретъ 641
For ever 640
Ѳедоровъ А. М.
Весенній вѣтеръ 364
Изъ книги Іезекіиля 366
Женщина въ траурѣ 367
Ковыль 365
Мнѣ грустно 365
Сиріусъ 367
Скрежещетъ ключъ въ замкѣ 369
Степная ночь 369
Эмигранты 368